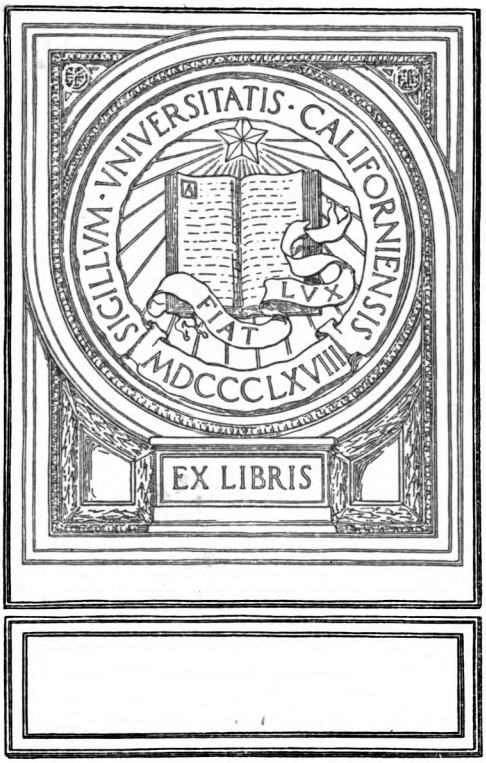
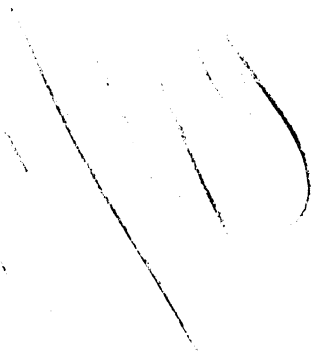
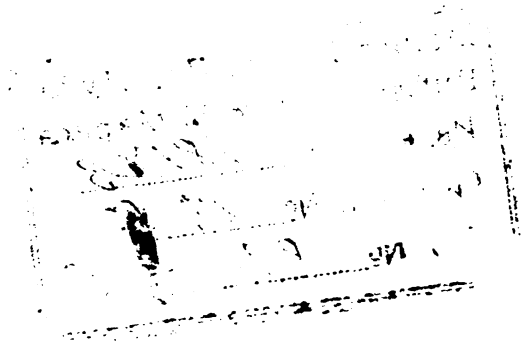
1817-3
all-8.
1896-IX







Годъ V-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

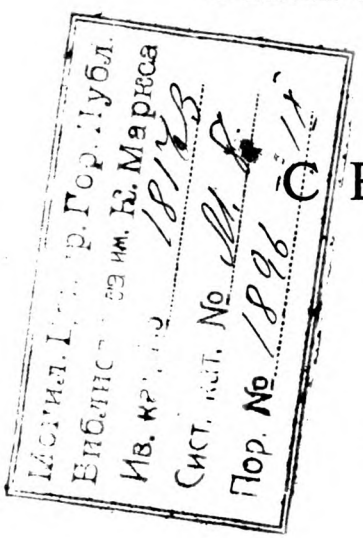
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.



СЕНТЯБРЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

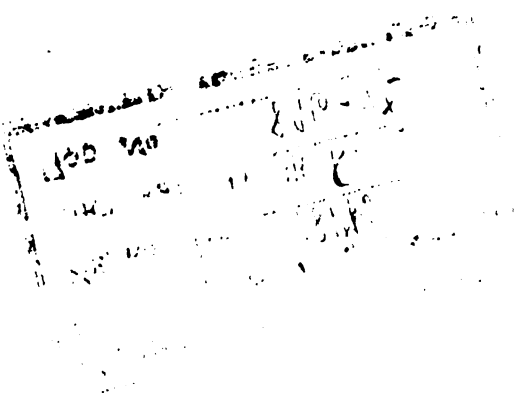
Дозволено цензурою 26-го августа 1896 года. С.-Петербургъ.

AP50
M47
1896:9
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
1.	ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ (Опытъ исторической характеристики). **В. Ульриха.**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ РОБЕРТА БЕРНСА. ЛОРДЪ ГРЕГОРИ. Переводъ **О. Н. Чюминой.**	22
3.	МОИ ВОСПОМИНАНІЯ. (1856—1862 г.). **И. М. Красноперова.**	23
4.	ИЗЪ ЖИЗНИ. Разсказы Стефана Жеромскаго. Пер. съ польскаго **М. З.**	43
5.	ПИСЕМСКІЙ. **Ив. Иванова.** (Продолженіе).	54
6.	ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ. **Л. Василевскаго.**	88
7.	ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ. Космологическія письма **Герм. Клейна.** Перев. съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго. (Продолженіе).	96
8.	ПО НОВОМУ ПУТИ. Романъ. Часть третья. (Окончаніе). **Д. Мамина-Сибиряка**	129
9.	СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ. Романъ **Гемпфри Уордъ.** Переводъ съ англійскаго **А. Анненской.** (Продолженіе)	144
10.	ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. **П. Н. Милюкова.** (Продолженіе)	183
11.	ДВѢ МИНУТЫ СОРОКЪ ДВѢ СЕКУНДЫ. (Изъ воспоминаній о затмѣніи). **С. Щербакова**	221
12.	СТИХОТВОРЕНІЕ ИЗЪ ВАЛЬТЕРА-СКОТТА. ФІАЛКА. Пер. **О. Н. Чюминой.**	233
13.	УЧЕНІЕ ОБЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ (Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вилльяма Томсона). **М. Ю. Гольдштейна.** (Окончаніе)	234
14.	СЕРВАНТЕСЪ. СЛАВНЫЙ РЫЦАРЬ ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. (По поводу новаго полнаго перевода). **Ив. Ив.**	258
15.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Стачка рабочихъ на с.-петербургскихъ фабрикахъ.—Вопросъ о страхованіи рабочихъ на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ.—Земскія воскресныя школы въ деревнѣ.—Оперныя представленія въ деревнѣ.—Самозванный князь	267
16.	**За границей.** Австралія и Новая Зеландія.—Раса пигмеевъ.—Армянская печать.—Черты изъ жизни «новыхъ женщинъ» (New women) въ Англіи.—Возвращеніе полярной экспедиціи Нансена	282
17.	**Изъ иностранныхъ журналовъ.** «Revue de Paris»	288
18.	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ОСНОВНЫЯ ИДЕИ ЗООЛОГІИ ВЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ДАРВИНА. (La philosophie zoologique). **Эдмона Перье.** Переводъ съ франц. доктора зоологіи **А. М. Никольскаго и К. П. Пятницкаго.**	183
19.	2) ПОДЪ ИГОМЪ. Романъ изъ жизни болгаръ наканунѣ освобожденія. **Ивана Вазова.** Переводъ съ болгарскаго	195
20.	3) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дюкудрэ. Средніе вѣка. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ,** подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго**	267
21.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Беллетристика.—Публицистика.—Философія и психологія.—Естествознаніе.—Гигіена.—Учебная литература.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію	1
22.	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

284279



Могил. Центр. Гос. Публ. Библиотека им. К. Маркса
Ив. кат. № 18173
Сист. кат. № М. 8.
Пор. № 1896-17

ФРИДРИХЪ ВЕЛИКІЙ.

(Опытъ исторической характеристики).

Года два назадъ, въ Штутгардтѣ появилась книжка подъ заглавіемъ: «*Die Lessing Legende* — eine Rettung von D-r *Franz Mehring*». Книга эта почему-то не обратила на себя вниманія нашей журналистики, хотя въ послѣднее время и у насъ стали интересоваться тою системой философско-историческаго міровоззрѣнія, виднымъ представителемъ которой является упомянутый нѣмецкій авторъ. Мы говоримъ о системѣ историческаго или экономическаго матеріализма.

Правда, въ книжкѣ д-ра Фр. Меринга рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о Лессингѣ, извѣстномъ писателѣ классическаго періода нѣмецкой литературы. Характеристикѣ Лессинга, какъ идеолога, передового бойца нѣмецкой буржуазіи XVIII вѣка и какъ противника просвѣщеннаго деспотизма Фридриха II, въ книгѣ Меринга отведено болѣе половины. Но къ этой чисто литературной части интереснаго труда автора мы предполагаемъ вернуться когда-нибудь въ другой разъ, а теперь позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на тѣхъ главахъ книжки, въ которыхъ авторъ попутно рисуетъ личность и политику знаменитаго короля-философа, Фридриха II прусскаго, современника Лессинга и другихъ нѣмецкихъ классиковъ.

О Фридрихѣ, этомъ крупнѣйшемъ представителѣ знаменитой системы просвѣщеннаго деспотизма, господствовавшей во вторую половину прошлаго вѣка почти во всей Европѣ (за исключеніемъ Англіи и Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странъ), нашъ авторъ сообщаетъ, правда, лишь немного новыхъ *фактовъ* *). Но, помимо

*) Въ русской исторической литературѣ о времени Фридриха II и просвѣщенномъ деспотизмѣ читатель найдетъ наиболѣе подробныя данныя въ новомъ трудѣ проф. Н. *Карѣева* «Исторія Зап. Европы въ новое время» (томъ III, стр. 276—398) и отчасти въ извѣстномъ трудѣ Г. *Вебера* «Всеобщая исторія» (томы XII и XIII).

уже того обстоятельства, что всякая, мало-мальски солидная новинка въ относительно бѣдной литературѣ историко-экономическаго матеріализма не можетъ не обратить на себя вниманія всѣхъ, интересующихся послѣднею, крупный интересъ и значеніе книжки нашего автора мы усматриваемъ въ томъ своеобразномъ *объясненіи* и *освѣщеніи* общеизвѣстныхъ фактовъ, которое даетъ авторъ, заявляющій о себѣ, что онъ всецѣло (rückhaltlos) слѣдуетъ историко-экономическому методу изслѣдованія.

Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробную оцѣнку научнаго значенія ни того метода, которому слѣдуетъ нашъ авторъ, ни тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ его. Замѣтимъ, однако, что хотя мы лично и не безусловно соглашаемся съ авторомъ во всемъ (см. ниже, послѣднюю главу), тѣмъ не менѣе, многія соображенія и выводы его намъ кажутся заслуживающими серьезнаго вниманія. Сплошь и рядомъ авторъ ставитъ вопросъ не только опредѣленнѣе, но и правильнѣе многихъ историковъ-идеологовъ, вслѣдствіе чего и отвѣты, предлагаемые авторомъ, нерѣдко подкупаютъ своею ясностью и правдоподобностью.

I.

О Фридрихѣ, говоритъ Мерингъ, сохранилось въ публикѣ нѣсколько изреченій его, которыя, обыкновенно, и приводятся патріотами-буржуа въ подтвержденіе ихъ взгляда на Фридриха, какъ просвѣтителя Германіи. Изреченія эти гласятъ: «государь—первѣйшій слуга государства» *); «хочу быть королемъ бѣдняковъ»; «газетъ не слѣдуетъ стѣснять»; «въ моемъ государствѣ каждый можетъ спасаться на собственный манеръ» **). Но такъ какъ изреченія эти, съ одной стороны, стоятъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ практикой правительственной дѣятельности короля, а съ другой стороны—относятся ко времени, предшествующему вступленію Фридриха на престолъ, то многіе (въ томъ числѣ и *Карлейль*) видѣли въ нихъ проявленіе такъ-называемаго либерализма кронпринцевъ. Однако, такое мнѣніе несостоятельно: видѣть въ Фридрихѣ первоисточникъ всякой скверны столь же не-

*) «Фридрихъ считалъ себя первымъ слугой государства, и всѣмъ своимъ царствованіемъ доказалъ, что эта преданность благу цѣлаго была не фразой» (*Веберъ*, XIII, 456 и сл.).

**) Ср. *Вебера* «Вс. ист.», XII, 693. По словамъ *Карѣева* (III, 328), «король-философъ въ дѣлѣ религіознаго вольнодумства даже самъ подавалъ примѣръ: въ религіяхъ онъ видѣлъ дѣло жрецовъ, придумавшихъ ихъ для управленія людьми».

правильно, какъ видѣть въ немъ и первоисточникъ всяческаго блага. Главную причину «успѣховъ» короля-философа Мерингъ усматриваетъ въ ясномъ пониманіи имъ той истины, что всякій шагъ короля обусловленъ и опредѣленъ экономическими отношеніями жизни и правительственной дѣятельности. Не даромъ Фридрихъ, въ семилѣтнюю войну, писалъ брату своему, что побѣдитъ тотъ, въ чьемъ карманѣ сохранится послѣдній талеръ; не даромъ онъ называлъ финансы «нервомъ государства» и ставилъ ихъ даже выше войска. Сообразно тому и въ изреченіи: «*государь — первѣйшій слуга государства*», Фридрихъ, по мнѣнію автора, высказывалъ не страсть къ дешевой популярности (какъ полагаетъ, напр., *Кольбъ*) и не преклоненіе свое передъ идеаломъ *), а лишь тотъ фактъ, что онъ, главнымъ образомъ, добивался свободнаго, деспотическаго распоряженія экономическими средствами владычества надъ страною. Это изреченіе (заимствованное, впрочемъ, у Тиверія) содержитъ въ себѣ не ограниченіе, а, напротивъ, расширеніе его власти, какъ короля. Фридрихъ противопоставлялъ макіавеллизму идею монархическаго долга, исходя изъ того представленія, что люди избрали короля, возложивъ на него извѣстныя обязанности. Но король-философъ особенно настаивалъ на необходимости предоставленія королю неограниченной власти, какъ единственнаго условія, при которомъ онъ можетъ надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Онъ въ извѣстной, хотя и весьма ограниченной, мѣрѣ уважалъ свободу своихъ подданныхъ въ области вопросовъ совѣсти и отвлеченной мысли, но самое опредѣленіе мѣры этой свободы принадлежало ему самому **). Такъ смотрѣли на это изреченіе и нѣкоторые умные современники Фридриха, напр., *Гейнзе*, который (въ своемъ Ardinghello) замѣчалъ: «какъ можетъ быть слугою тотъ, кому никто не смѣетъ приказывать, кто не знаетъ надъ собою повелителя, кто создаетъ законы по собственному усмотрѣнію и караетъ по собственному произволу?» Дѣйствительно, если князь объявляетъ себя слугою, притомъ первѣйшимъ слугою государства, то въ рамкахъ абсолютистскаго государства это значитъ, что личную отвѣтственность онъ не ставитъ ни во что. Ибо нельзя же объявить себя рабомъ своей собственности, говоритъ Мерингъ. А насколько Фридрихъ считалъ государство своей собственностью, видно изъ его завѣщанія, въ которомъ онъ, наряду съ золотой и серебряной посу-

*) «Фридрихъ имѣлъ самое высокое понятіе о сущности и задачахъ государства; всеобщее благо — вотъ цѣль государства и задача монарха» (*Веберъ*, XIII, 456).

**) *Карѣевъ*, III, 328 и сл.

дою, библіотекой, картинной галлереей и пр. вещами, завѣщалъ племяннику своему и королевство Пруссію. Именуя себя первѣйшимъ слугою государства, Фридрихъ, по мнѣнію автора, преслѣдовалъ вполнѣ практическую цѣль. Онъ стремился превратить всѣхъ чиновниковъ въ нѣмыхъ исполнителей его абсолютной воли *), а изреченіе о государѣ, какъ первѣйшемъ слугѣ государства, и было выраженіемъ именно этого стремленія. Въ этомъ отношеніи онъ всегда оставался вѣренъ себѣ. Онъ правилъ государствомъ безъ помощи высшаго чиновничества; онъ принималъ министровъ оффиціально лишь разъ въ годъ (въ іюнѣ); онъ издавалъ всѣ административныя распоряженія самостоятельно, въ формѣ кабинетскихъ указовъ, при участіи трехъ секретарей, которыхъ набиралъ изъ разряда второстепенныхъ писцовъ и осуждалъ затѣмъ на жизнь чисто затворническую, строго надзирая за ними, словно за государственными преступниками. «Изъ чувства долга, посвящающаго всѣ силы, всю жизнь службѣ націи, вытекала та изумительно неустанная дѣятельность Фридриха, которая во все сама вникала» и т. д. **). Съ другой стороны, Веберъ (тамъ же, 467—8) признаетъ, что король «рѣшалъ все самъ», что «вліятельнаго министра» при немъ не было, такъ что даже «правая рука» короля (Эйхель) былъ не что иное, какъ «простой чиновникъ, исполнявшій приказы своего начальника». Странно, при такихъ условіяхъ, слышать заявленіе *Ранке* о томъ, что Фридрихъ создалъ «первую въ мірѣ» сильную, энергическую администрацію» («Uber die Epochen der neueren Geschichte», 1888 г., стр. 203).

Относительно изреченія Фридриха о томъ, что онъ хотѣлъ быть «*королемъ бѣдняковъ*», Мерингъ замѣчаетъ, что, во-1-хъ, достовѣрность этого изреченія не установлена никакими документами ***); во-2-хъ, Фридрихъ (конечно, изъ средствъ государственнаго казначейства) всегда помогалъ не бѣднымъ и угнетеннымъ, а классу дворянъ-помѣщиковъ, осыпая ихъ весьма щедрыми привиллегіями и субсидіями; въ-3-хъ, Фридрихъ вообще крѣпко держался финансовой системы отца своего, Фидриха-Вильгельма I, съ тою лишь разницей, что послѣ 7-лѣтней войны онъ усугубилъ финансовый гнетъ, безъ того уже обременявшій

*) «Фридрихъ не только не передавалъ правленія министрамъ, но самъ сдѣлался первымъ и единственнымъ своимъ министромъ, превративъ совѣтниковъ въ простыхъ секретарей» (*Карѣевъ*, Ш, 321).

**) *Веберъ*, XIII, 456.

***) Это изреченіе перешло въ книгу *Вебера* «Aus vier Jahrhunderten» (N. F., I, 142), а оттуда и во многія другія историческія сочиненія, изъ докладовъ бывшаго саксонскаго министра Мантейфеля, источника, по замѣчанію Меринга, весьма недостовѣрнаго.

низшіе классы населенія. «По отношенію къ прежнему соціальному строю Фридрихъ оказался консерваторомъ. Въ прусскомъ государствѣ, за дворянами сохранялись соціальныя привиллегіи, въ видѣ вознагражденія за лишеніе политическаго значенія (!), а потомъ и за службу въ арміи: дворянство поставляло офицеровъ, плохо оплачиваемыхъ государствомъ и потому нуждавшихся въ доходахъ съ крестьянъ. Фридрихъ нетолько сохранилъ этотъ порядокъ, но и самъ смотрѣлъ на дворянство, какъ на людей высшей расы» *).

Далѣе, говоря, что «*не слѣдуетъ стѣснять газетъ*», Фридрихъ, по словамъ Меринга, разсчитывалъ заручиться въ лицѣ печати лишнимъ орудіемъ противъ остальныхъ европейскихъ державъ. Это явствуетъ, между прочимъ, изъ одного письма кабинетъ-министра *Подевильля* (отъ 5 іюня 1740 г.) **), въ которомъ сказано, что Фридрихъ предполагалъ въ печати говорить иностраннымъ державамъ всякія непріятности, оставаясь самъ въ тѣни и не принимая на себя отвѣтственности за выходки печати. Съ другой стороны, Фридрихъ оставлялъ въ силѣ и даже неоднократно подтверждалъ запрещеніе печатать что-либо по общественнымъ дѣламъ безъ высшаго дозволенія; вслѣдствіе этого, всякая критика дѣйствій правительства и администраціи, даже простое обсужденіе публичныхъ дѣлъ считалось чѣмъ-то преступнымъ. Оттого въ политическомъ отдѣлѣ берлинскихъ газетъ того времени мы встрѣчаемъ лишь невинныя извѣстія о пожарахъ, землетрясеніяхъ, уродствахъ, о томъ, какъ какой-нибудь алжирскій каперъ разграбилъ мальтійскій корабль, и т. п. Принципіально Фридрихъ всегда высказывался противъ свободы печати и за сохраненіе цензуры, якобы въ интересахъ общественной безопасности и общественнаго блага. По словамъ *Вебера* (XII, 693), газеты при Фридрихѣ получили «болѣе свободное развитіе», но въ чемъ именно послѣднее выражалось—неизвѣстно: съ другой стороны Веберъ говоритъ, что «по почину самого Фридриха» стали выходить въ Берлинѣ двѣ новыя газеты, въ томъ числѣ одна, сообщавшая свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ и ученыхъ вопросахъ, и «печатавшая статьи самого короля». Быть можетъ, «болѣе свободное развитіе» получили именно такія «креатуры» и лейбъ-органы короля? По мнѣнію *Карѣева* (III, 367), «относительная свобода печати» при Фридрихѣ была «результатомъ того презрительнаго отношенія къ прессѣ, какое являлось

*) *Карѣевъ*, III, 330.

**) См. *Preuss*, «Friedrich der Grosse» 3 251.

дою, библіотекой, картинной галлереей и пр. вещами, завѣщалъ племяннику своему и королевство Пруссію. Именуя себя первѣйшимъ слугою государства, Фридрихъ, по мнѣнію автора, преслѣдовалъ вполнѣ практическую цѣль. Онъ стремился превратить всѣхъ чиновниковъ въ нѣмыхъ исполнителей его абсолютной воли *), а изреченіе о государѣ, какъ первѣйшемъ слугѣ государства, и было выраженіемъ именно этого стремленія. Въ этомъ отношеніи онъ всегда оставался вѣренъ себѣ. Онъ правилъ государствомъ безъ помощи высшаго чиновничества; онъ принималъ министровъ оффиціально лишь разъ въ годъ (въ іюнѣ); онъ издавалъ всѣ административныя распоряженія самостоятельно, въ формѣ кабинетскихъ указовъ, при участіи трехъ секретарей, которыхъ набиралъ изъ разряда второстепенныхъ писцовъ и осуждалъ затѣмъ на жизнь чисто затворническую, строго надзирая за ними, словно за государственными преступниками. «Изъ чувства долга, посвящающаго всѣ силы, всю жизнь службѣ націи, вытекала та изумительно неустанная дѣятельность Фридриха, которая во все сама вникала» и т. д. **). Съ другой стороны, Веберъ (тамъ же, 467—8) признаетъ, что король «рѣшалъ все самъ», что «вліятельнаго министра» при немъ не было, такъ что даже «правая рука» короля (Эйхель) былъ не что иное, какъ «простой чиновникъ, исполнявшій приказы своего начальника». Странно, при такихъ условіяхъ, слышать заявленіе *Ранке* о томъ, что Фридрихъ создалъ «первую въ мірѣ» сильную, энергическую администрацію» («Über die Epochen der neueren Geschichte», 1888 г., стр. 203).

Относительно изреченія Фридриха о томъ, что онъ хотѣлъ быть «*королемъ бѣдняковъ*», Мерингъ замѣчаетъ, что, во-1-хъ, достовѣрность этого изреченія не установлена никакими документами ***); во-2-хъ, Фридрихъ (конечно, изъ средствъ государственнаго казначейства) всегда помогалъ не бѣднымъ и угнетеннымъ, а классу дворянъ-помѣщиковъ, осыпая ихъ весьма щедрыми привиллегіями и субсидіями; въ-3-хъ, Фридрихъ вообще крѣпко держался финансовой системы отца своего, Фидриха-Вильгельма I, съ тою лишь разницей, что послѣ 7-лѣтней войны онъ усугубилъ финансовый гнетъ, безъ того уже обременявшій

*) «Фридрихъ не только не передавалъ правленія министрамъ, но самъ сдѣлался первымъ и единственнымъ своимъ министромъ, превративъ совѣтниковъ въ простыхъ секретарей» (*Карѣевъ*, III, 321).

**) *Веберъ*, XIII, 456.

***) Это изреченіе перешло въ книгу *Вебера* «Aus vier Jahrhunderten» (N. F., I, 142), а оттуда и во многія другія историческія сочиненія, изъ докладовъ бывшаго саксонскаго министра Мантейфеля, источника, по замѣчанію Меринга, весьма недостовѣрнаго.

низшіе классы населенія. «По отношенію къ прежнему соціальному строю Фридрихъ оказался консерваторомъ. Въ прусскомъ государствѣ, за дворянами сохранялись соціальныя привиллегіи, въ видѣ вознагражденія за лишеніе политическаго значенія (!), а потомъ и за службу въ арміи: дворянство поставляло офицеровъ, плохо оплачиваемыхъ государствомъ и потому нуждавшихся въ доходахъ съ крестьянъ. Фридрихъ нетолько сохранилъ этотъ порядокъ, но и самъ смотрѣлъ на дворянство, какъ на людей высшей расы» *).

Далѣе, говоря, что «*не слѣдуетъ стѣснять газетъ*», Фридрихъ, по словамъ Меринга, разсчитывалъ заручиться въ лицѣ печати лишнимъ орудіемъ противъ остальныхъ европейскихъ державъ. Это явствуетъ, между прочимъ, изъ одного письма кабинетъ-министра *Подевилля* (отъ 5 іюня 1740 г.) **), въ которомъ сказано, что Фридрихъ предполагалъ въ печати говорить иностраннымъ державамъ всякія непріятности, оставаясь самъ въ тѣни и не принимая на себя отвѣтственности за выходки печати. Съ другой стороны, Фридрихъ оставлялъ въ силѣ и даже неоднократно подтверждалъ запрещеніе печатать что-либо по общественнымъ дѣламъ безъ высшаго дозволенія; вслѣдствіе этого, всякая критика дѣйствій правительства и администраціи, даже простое обсужденіе публичныхъ дѣлъ считалось чѣмъ-то преступнымъ. Оттого въ политическомъ отдѣлѣ берлинскихъ газетъ того времени мы встрѣчаемъ лишь невинныя извѣстія о пожарахъ, землетрясеніяхъ, уродствахъ, о томъ, какъ какой-нибудь алжирскій каперъ разграбилъ мальтійскій корабль, и т. п. Принципіально Фридрихъ всегда высказывался противъ свободы печати и за сохраненіе цензуры, якобы въ интересахъ общественной безопасности и общественнаго блага. По словамъ *Вебера* (XII, 693), газеты при Фридрихѣ получили «болѣе свободное развитіе», но въ чемъ именно послѣднее выражалось—неизвѣстно: съ другой стороны Веберъ говоритъ, что «по почину самого Фридриха» стали выходить въ Берлинѣ двѣ новыя газеты, въ томъ числѣ одна, сообщавшая свѣдѣнія о государственныхъ дѣлахъ и ученыхъ вопросахъ, и «печатавшая статьи самого короля». Быть можетъ, «болѣе свободное развитіе» получили именно такія «креатуры» и лейбъ-органы короля? По мнѣнію *Карѣева* (III, 367), «относительная свобода печати» при Фридрихѣ была «результатомъ того презрительнаго отношенія къ прессѣ, какое являлось

*) *Карѣевъ*, III, 330.

**) См. *Preuss*, «Friedrich der Grosse» 3 251.

у государей, чувствовавшихъ свою силу и видѣвшихъ все безсиліе прессы въ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе не играло еще такой роли, какъ въ Англіи или Франціи». Впрочемъ, Карѣевъ допускаетъ, что Фридрихъ признавалъ свободу мысли и печати лишь постольку, «поскольку свободная мысль держала себя далеко отъ политики» (III, 328). Наконецъ, въ кабинетскомъ декретѣ отъ 14 октября 1780 г. король прямо приказывалъ сдавать въ солдаты лицъ, уличенныхъ въ «недозволенномъ писательствѣ, возмущеніи подданныхъ и иныхъ грубыхъ нарушеніяхъ закона».

Отъ *вѣротерпимости* Фридриха большинство новѣйшихъ историковъ приходитъ въ восторгъ, ссылаясь, напр., подобно *Э. Шмидту*, на тотъ фактъ, что Фридрихъ не трогалъ «пресловутаго» вольнодумца *Эдельмана*. Этотъ вольнодумецъ былъ, по свидѣтельству, напр., *Гейгера*, «просвѣтителемъ», предупредившимъ эру просвѣщенія, предтечей Реймаруса и др. Онъ мужественно отстаивалъ учителя своего, Спинозу, хотя прекрасно сознавалъ, что отъ этого ему не поздоровится. Фридрихъ, по мнѣнію Мерінга, не трогалъ Эдельмана просто потому, что считалъ его безвреднымъ фантазеромъ; но ни покровительства, ни защиты противъ враговъ онъ ему не оказывалъ. Напротивъ, когда одинъ изъ членовъ академіи, химикъ *Поттъ*, анонимно вступился было за Эдельмана, возражая на доносы пастора *Зюсмильха*, король засадилъ типографа Рюдигера, напечатавшаго книжку Потта, на 6 мѣсяцевъ въ Шпандаускую крѣпость, «за вылазки противъ христіанской религіи и ея провозвѣстниковъ», и, сверхъ того, эдиктомъ 1748 г. объявилъ, что будетъ безпощадно наказывать за подобныя «вольности». Тотъ же король-философъ уже въ 1743 г. (на 3-й годъ своего царствованія) велѣлъ запретить раціоналистическіе трактаты готшедіанца *Гебгарда*; затѣмъ, по поводу оскорбленій, будто бы нанесенныхъ берлинскимъ педагогамъ другимъ готшедіанцемъ, *Миліусомъ*, былъ изданъ общій цензурный уставъ 1749 г., дѣйствовавшій до самой смерти Фридриха. Итакъ, всякіе, мало-мальски серьезныя изслѣдованія въ сферѣ религіозныхъ началъ, хотя бы въ рамкахъ безобиднаго готшедіанства, при королѣ-вольтерьянцѣ весьма-таки энергически стѣснялись. Мало того, если Фридрихъ и говорилъ, что въ его государствѣ «всякій можетъ спасаться на собственный манеръ», то тотъ же Фридрихъ, въ одномъ кабинетскомъ указѣ *), заявлялъ: «всякая вѣра хороша, если только люди, ее исповѣдующіе, честные люди; поэтому, если захотятъ поселиться у насъ въ странѣ хотя бы турки

*) Ср. *Koser*, «König Friedrich der Gr.» I, 13.

и язычники, то мы имъ построимъ ихъ мечети и капища». Дѣло въ томъ, говоритъ Мерингъ, что Фридрихъ желалъ заселить свою бѣдную и малолюдную страну (дабы имѣть достаточный контингентъ рекрутовъ для своей арміи и объектъ обложенія поборами для своей казны). Съ этой милитарно-финансовой точки зрѣнія онъ былъ радъ всякимъ переселенцамъ, а потому и соглашался даровать имъ всѣмъ свободу исповѣданія. Но нелѣпо было бы приписывать Фридриху мысль объ уравненіи въ правахъ всѣхъ исповѣданій въ духѣ Локка и буржуазнаго просвѣщенія. *Веберъ* (XII, 693) утверждаетъ, что «Фридрихъ сознательно и послѣдовательно проводилъ основное правило, что пользованіе гражданскими правами не должно зависѣть отъ принадлежности къ католическому вѣроисповѣданію, что никакая религія не можетъ предъявлять притязаній на исключительное покровительство государства». Веберъ объясняетъ эту политику короля вліяніемъ просвѣтительныхъ идей и «великодушными воззрѣніями» короля (464). Впрочемъ, тотъ же Веберъ упоминаетъ и о томъ, что, «благодаря значительному приросту населенія, вслѣдствіе силезскихъ и польскихъ пріобрѣтеній, стали (кто?) добиваться, чтобы съ мыслью о совмѣстномъ подданствѣ (разновѣрнаго населенія?) сгладились религіозныя противоположности». *Карѣевъ* (III, 328) тоже полагаетъ, что «новыя условія, въ коихъ очутилось прусское государство послѣ присоединенія земель съ католическимъ населеніемъ, заставляли его держаться нейтралитета между Римомъ и Женевой» (т. е. вѣротерпимости). Но Карѣевъ указываетъ и на нѣкоторые иные факторы въ этомъ отношеніи (старую гогенцоллернскую политику, «современную» идею вѣротерпимости, собственное міровоззрѣніе Фридриха).

Такою же вѣротерпимостью заявилъ себя и строго-ортодоксальный отецъ Фридриха: тотъ для разновѣрныхъ солдатъ своихъ тоже устраивалъ разновѣрныя церкви, подчиняясь въ этомъ отношеніи простому требованію милитарнаго государства. Вербовка рекрутъ на католическомъ югѣ и западѣ Германіи, главныхъ районахъ тогдашняго набора, была и безъ того весьма затруднительна, и она стала бы почти немыслимой въ томъ случаѣ, если бы вербовщикамъ, кромѣ противодѣйствія со стороны мѣстныхъ властей и обывателей, приходилось еще преодолѣвать и сопротивленіе со стороны церкви. Неудивительно также, что прусскіе Гогенцоллерны, «носители протестантской идеи», по заявленію историковъ патріотовъ, — похитившіе у католической церкви орденскую землю—Пруссію, находили потомъ нужнымъ кокетничать съ ограбленною ими церковью: на картѣ стояло вѣдь

ихъ собственное существованіе. Поэтому-то и Фридрихъ не только строилъ церкви для своихъ солдатъ-католиковъ, но и запрещалъ нападать на католицизмъ *).

Наконецъ, Фридрихъ понималъ, что религіозность и проповѣдь религіи могли сослужить ему хорошую службу въ дѣлѣ укрѣпленія воинской дисциплины и предупрежденія дезертирства. Поэтому, въ приказахъ по войскамъ правительство короля-вольтерьянца предписывало научать солдатъ страху божьему, въ воскресные дни дважды водить ихъ въ церковь, внушать имъ мысль о святости присяги, и т. д. Въ этомъ отношеніи очень характеристиченъ и тотъ фактъ, что Фридрихъ дорожилъ іезуитами, и именно за ихъ строгую дисциплину (какъ онъ и заявлялъ о томъ папѣ Клименту XIV по поводу предположенія упразднить іезуитскій орденъ); онъ даже оставилъ у «себя», въ странѣ, переодѣтыхъ іезуитовъ, послѣ ихъ оффиціальнаго упраздненія папою **). Но когда, по одному военно-судному дѣлу о дезертирствѣ, оказалось, что іезуиты не считаютъ дезертирства грѣхомъ слишкомъ тяжкимъ и неискупнымъ, Фридрихъ велѣлъ немедленно повѣсить того іезуита-священника, который эту «еретическую» мысль высказывалъ вслухъ. Еще безцеремоннѣе обращался Фридрихъ съ евангелическимъ духовенствомъ.

Правда, онъ пользовался и *его* услугами въ своихъ военныхъ и школьныхъ цѣляхъ, дабы содержать народъ и войско въ смиреніи и покорности; но услуги евангелическаго духовенства, въ этомъ отношеніи, онъ ставилъ ниже, и потому позволялъ себѣ по его адресу всевозможныя кощунственныя «шуточки», на которыя, вѣроятно, и намекалъ, напр., *Лессингъ*, говоря, что въ Берлинѣ позволено говорить всякій вздоръ о религіозныхъ дѣлахъ ***).

II.

Уже изъ приведенныхъ выше немногихъ замѣчаній о Фридрихѣ II можно видѣть, что «ни задатковъ новаго строя жизни, новаго права, ни тѣмъ паче революціоннаго элемента» въ дѣятельности Фридриха отнюдь нельзя усматривать. Напротивъ, король-философъ былъ de facto довольно-таки не просвѣщеннымъ

*) То же подтверждаетъ, напр., *Ранке*, говоря, что Фридрихъ «не могъ дѣйствовать въ духѣ строгаго протестантизма, такъ какъ у него было много католиковъ среди подданныхъ» («Über die Epochen der neueren Geschichte», 202).

**) Ср. *Вебера*, XIII, 464.

***) *F. Mehring*, «Lessing-Legende», 49—63.

деспотомъ, а страна, которой онъ призванъ былъ править, при немъ отнюдь не представляла какого-то «царства разума и свободы».

По мнѣнію Меринга, это такъ и должно было быть, въ силу традицій и экономическихъ отношеній жизни страны. Для доказательства этой мысли, авторъ входитъ въ подробный обзоръ исторіи Бранденбургско-прусскаго государства до Фридриха и въ его время. Различіе и антагонизмъ между верхней и нижней Германіей въ сферѣ товарнаго обмѣна и производства помѣшали Германіи объединиться, послѣ паденія феодальной имперіи, въ такое единое національное государство, какое мы видимъ во Франціи, Англіи, Испаніи. Лишь только изъ средневѣкового натуральнаго хозяйства стали вырабатываться ремесла, торговля и обмѣнъ—словомъ, первые зачатки современнаго намъ склада производства, антагонизмъ экономическихъ интересовъ помѣшалъ въ Германіи совершиться тому, къ чему въ другихъ странахъ приводила солидарность этихъ интересовъ. Уже въ XIII вѣкѣ, когда ничтожный графъ Рудольфъ Габсбургскій былъ избранъ въ германскіе императоры, было очевидно, что германская монархія есть фикція, миражъ. Онъ былъ манекеномъ въ рукахъ большихъ удѣльныхъ князей, уступившихъ ему корону подъ условіемъ признанія ихъ опеки и позволившихъ ему основать свою собственную династическую власть лишь на счетъ другого, опаснаго соперника своего, богемскаго короля Оттокара. Правда, Рудольфъ сталъ впослѣдствіи родоначальникомъ могущественной династіи, а его удѣльное княжество выросло въ цѣлую міровую державу огромныхъ размѣровъ; но объясняется этотъ фактъ прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что Рудольфъ и его ближайшіе преемники отдали себя въ полное распоряженіе универсальной монархіи папъ. Благодаря покорности своей передъ церковью и папой, Габсбурги пріобрѣтали не только моральный авторитетъ, но и экономическую власть. Помогая римской куріи эксплоатировать германскую націю, они получали за это тоже извѣстную долю «добычи». Но эта эксплоатація, наконецъ, подточила міровую монархію папы, послѣдняя становилась все болѣе и болѣе ненужной, по мѣрѣ того, какъ развивались товарное производство и міровая торговля, а съ ними вмѣстѣ и свѣтская наука. И когда монархія папы, несмотря на это, продолжала и даже усугубляла свою политику эксплоатаціи народовъ, наступилъ, наконецъ, критическій моментъ разсчета всѣхъ европейскихъ народовъ съ Римомъ. Въ Германіи этотъ «разсчетъ», въ виду царившаго въ ней и раздѣлявшаго страну антагонизма экономическихъ интересовъ, былъ мыслимъ лишь въ той формѣ, что одна часть страны продолжала держаться союза съ Римомъ, а другая—обязательно отпала отъ него.

Нѣкоторое время казалось, правда, что на почвѣ борьбы съ Римомъ Германія, въ лицѣ различныхъ княжествъ и классовъ населенія, могла и должна была объединиться въ національное цѣлое. Эксплоатація со стороны папы стала такъ невыносима, что крестьянство, бюргерство, рыцарство и князья, какъ одинъ человѣкъ, возстали противъ папы. Однако, цѣль, къ которой стремилась эта оппозиція, была отрицательною, и лишь только цѣль эта была достигнута, всѣ положительныя противоположности въ области экономическихъ и соціальныхъ отношеній должны были тотчасъ же сказаться съ тѣмъ большей опредѣленностью. Такъ и случилось. Пораженіе, которое въ эпоху реформаціонныхъ крестьянскихъ войнъ понесли крестьяне, покинутые, между прочимъ, и популярнѣйшимъ лицомъ того времени Лютеромъ, свело на нѣтъ все реформаціонное движеніе. Побѣдителями на соціальномъ полѣ брани оказались князья, представители государственной централизаціи. Но отъ этой перемѣны Германія нисколько не выиграла въ смыслѣ культурнаго прогресса, свободы мысли, совѣсти и т. д. Римская церковь, въ исходѣ среднихъ вѣковъ, правда, уже мало дѣлала въ области призрѣнія бѣдныхъ и увѣчныхъ, школьнаго обученія и науки; но и то, что сдѣлала она въ этой области, значительно превышало то, что дѣлали державные свѣтскіе князья, временъ реформаціи, получившіе въ свое распоряженіе секуляризованныя имѣнія католической церкви. Самое же протестантское ученіе, въ качествѣ рефлекса этого мелкоудѣльнаго княжескаго деспотизма, окаменѣло въ догматѣ о божественномъ правѣ князей, о ихъ всемогуществѣ и премудрости, о необходимости безусловнаго повиновенія со стороны подданныхъ, словомъ—окаменѣло въ такой догматъ, какого не знавала даже католическая церковь.

Останавливаясь на вопросѣ о томъ, почему реформація въ Германіи привела къ реакціи, и разрабатывая этотъ вопросъ съ той точки зрѣнія, что въ данной борьбѣ религіозныхъ міровоззрѣній отражается экономическая борьба классовъ даннаго времени, Мерингъ находитъ, что католицизмъ и феодализмъ были въ средніе вѣка понятіями тожественными; слѣдовательно, нарождавшійся капитализмъ не могъ побѣдить феодализмъ, не побѣдивъ католицизма; городамъ приходилось покончить съ клерикализмомъ, чтобы смять подъ себя «юнкерство». Въ Южной Франціи города, высоко развитые въ экономическомъ отношеніи, уже въ XIII вѣкѣ были первыми очагами протестантской ереси, и совершенно правъ *Н. Ленау*, говоря, что альбигойцы—настоящіе предки дѣятелей первой французской революціи. Подобно альбигойцамъ, впослѣд-

ствіи наиболѣе развитымъ въ экономическомъ отношеніи элементомъ французскаго населенія были гугеноты, а французъ Кальвинъ сообщилъ протестантской ереси ту догматическую форму, которая могла служить и служила революціонной буржуазіи знаменемъ въ ея борьбѣ съ габсбургско-папской міровой монархіей. Особенно рельефно это обнаружилось въ Голландіи и Англіи, тогда какъ въ Германіи нѣмецъ Лютеръ протестантскую ересь облекъ въ такую догматическую форму, которая нѣсколько вѣковъ, подобно тяжелому кошмару, угнетала умственное развитіе націи. Историки-идеологи, говоритъ авторъ, это различіе объясняютъ различіемъ въ свойствахъ личнаго характера Лютера и Кальвина. Но, въ дѣйствительности, историческій Лютеръ былъ въ Женевѣ столь же немыслимъ, какъ историческій Кальвинъ въ Виттенбергѣ. Въ богатомъ торговомъ городѣ Женевѣ епископская власть свѣтскаго князя была бы столь же немыслима, какъ немыслима была въ мало-культурномъ мѣстечкѣ Виттенбергѣ (по свидѣтельству самого Лютера) демократическая конституція церкви. Лютеровская теорія обращала князя въ какого-то папу даже въ духовныхъ дѣлахъ, тогда какъ свободомыслящая буржуазія, выразителемъ которой является Кальвинъ, доказывала, что имѣть многихъ «папъ» (хотя бы и свѣтскихъ) гораздо обременительнѣе, чѣмъ одного настоящаго папу. Итакъ, кальвинизмъ и лютеранство были религіозными отраженіями различія въ экономическихъ условіяхъ жизни буржуазіи. Въ кальвинизмѣ отразились развитые экономическіе элементы, а въ лютеранствѣ—не развитые.

Но мало того, что въ Германіи антагонизмъ экономическихъ интересовъ отдѣльныхъ частей страны затормазилъ развитіе буржуазныхъ классовъ; огромный экономическій переворотъ, совершавшійся въ XVI вѣкѣ, низвергъ германскіе города и съ той высоты, которой они успѣли достигнуть. Морское владычество Ганзы, освободившей Сѣверную Германію отъ средневѣкового варварства, было неудержимо сокрушено. Гибель этого могущественнаго союза городовъ совершилась подъ вліяніемъ соперничества голландцевъ, которые усилились благодаря развитому судоходству и значительному рыбному промыслу; далѣе, подъ вліяніемъ экономическаго развитія скандинавскихъ странъ, торговлю которыхъ Ганза въ свое время совершенно монополизировала; затѣмъ, подъ вліяніемъ упраздненія ганзейскихъ торговыхъ привиллегій, совершеннаго при королевѣ Елизаветѣ въ Англіи, и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Торговый обмѣнъ съ сѣверо-востокомъ Европы почти совершенно перешелъ изъ рукъ нижне-германскихъ городовъ въ руки англичанъ и голландцевъ; торговля съ Англіей

сохранилась за нѣмецкими городами лишь въ незначительной степени; завязать торговыя сношенія съ Испаніей и Португаліей помѣшали тѣ же голландцы, а сношеній съ обѣими Индіями и Востокомъ у нѣмцевъ никогда не было. Точно также, уже къ срединѣ XVI вѣка, утратила въ высокой мѣрѣ свое значеніе и торговля верхне-германскихъ городовъ, вслѣдствіе завоеванія Константинополя турками, открытія португальцами морского пути въ Остъ-Индію въ объѣздъ мыса Доброй Надежды, и вслѣдствіе упадка торговли итальянскихъ городовъ, произведеннаго этими двумя событіями. И чѣмъ болѣе развитіе капитализма приводило къ расширенію его рынковъ, т. е. къ тѣмъ важнымъ географическимъ открытіямъ, которыя совершились въ эпоху реформаціи, чѣмъ быстрѣе міровая торговля перемѣщалась отъ Средиземнаго и Сѣвернаго морей къ берегамъ Атлантическаго океана, тѣмъ скорѣе изсякали источники благосостоянія на сѣверѣ и югѣ Германіи, и тѣмъ ниже опускались буржуазные классы нѣмецкаго народа.

Но упадокъ нѣмецкихъ городовъ знаменовалъ собою и упадокъ нѣмецкой реформаціи. Въ критическій моментъ крестьянской войны города въ лучшемъ случаѣ вели себя двусмысленно и нейтрально, и тѣмъ давали князьямъ возможность подавить оппозицію. Какъ въ 1525 г., такъ и въ 1848 г., нѣмецкая буржуазія была побѣждена феодализмомъ, частью вслѣдствіе недостатка энергіи, частью же вслѣдствіе чрезмѣрнаго реакціоннаго страха предъ пролетаріатомъ. Лютеранскій же феодализмъ, одержавъ верхъ надъ крестьянскимъ движеніемъ и надъ оппозиціей городовъ, далъ полную волю своимъ хищническимъ инстинктамъ, заставляя этимъ многихъ избрать изъ двухъ золъ сравнительно меньшее: католичество. Такимъ образомъ, не вслѣдствіе насилія и хитрости іезуитовъ, и не вслѣдствіе реакціоннаго духа (какъ говорятъ протестантскіе историки), многіе города, расположенные на культурномъ и богатомъ западѣ и югѣ Германіи (напр., Зальцбургъ, Бамбергъ, Вюрцбургъ, Триръ, Кёльнъ, Падерборнъ, наконецъ Фульда и Эйксфельдъ) въ мирное время стали обращаться снова въ католичество. Обновлявшійся католицизмъ оказался выше застывшаго въ своихъ реакціонныхъ догматахъ лютеранства; съ другой стороны, разрывъ съ Римомъ въ то время былъ равносиленъ разрыву съ наиболѣе развитыми странами тогдашней Европы, Италіей, Франціей, Испаніей. Отъ этихъ странъ зависѣли экономическіе интересы верхне-германскихъ городовъ, хотя итальянская торговля въ то время уже клонилась къ упадку, и увлекла съ собою въ пропасть и торговлю нѣмецкую.

Напротивъ, на сѣверѣ и востокѣ Германіи протестантизмъ оставался въ силѣ. Здѣсь народъ сравнительно поздно вошелъ въ кругъ вліянія римско-христіанской культуры; со стороны Рима онъ видѣлъ здѣсь лишь худое, подвергаясь лишь раффинированной и весьма откровенной эксплоатаціи; наконецъ, въ хозяйственномъ отношеніи, эта часть Германіи тяготѣла къ сѣверу и востоку Европы, а не къ югу и западу. Рознь экономическихъ интересовъ, разъединявшая сѣверъ и югъ Германіи, необходимо сказывалась въ религіозномъ отраженіи этихъ интересовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣмецкій протестантизмъ не могъ не отличаться отъ протестантизма французскаго, голландскаго, швейцарскаго, съ того момента, какъ экономическій центръ тяжести перемѣстился съ городскихъ рынковъ въ сторону княжескихъ дворовъ. Правда, въ отношеніи народа интересы у буржуазіи и князей были сами по себѣ общи; если капиталистическій способъ производства создавалъ національное государство, то такое національное государство было мыслимо на первыхъ порахъ лишь въ формѣ абсолютной монархіи. Всюду, гдѣ возникалъ однородный, солидарный національный типъ хозяйства, монархи въ сознаніи своего генезиса способствовали хозяйственнымъ интересамъ страны въ области земледѣлія, ремесла, торговли и индустріи. Именно потому Ганза и погибла, что крѣпнущая княжеская власть на сѣверѣ и востокѣ Европы вступалась, съ огромной чисто эгоистической энергіей, за экономическіе интересы своихъ «отечественныхъ» торгово-промышленныхъ классовъ. Однако, въ Германіи не возникало единаго національнаго государства: возникало множество удѣльныхъ владѣній, въ которыхъ дѣло исторіи затруднялось. Нѣмецкіе удѣльные князья были скорѣе крупными землевладѣльцами феодальной эпохи, чѣмъ абсолютными монархами капиталистической эпохи, въ городахъ они видѣли не источникъ своего могущества, а честолюбивыхъ и опасныхъ соперниковъ юнкерства; они, слѣдовательно, походили въ этомъ отношеніи на ту смѣтливую хозяйку, которая зарѣзала свою чудесную курицу, приносившую золотыя яйца. И лишь только паденіе городовъ, въ этой борьбѣ, помогло возвыситься князьямъ, нѣмецкій протестантизмъ изъ идеологическаго исповѣданія свободомыслящей буржуазіи необходимо долженъ былъ превратиться въ идеологическое исповѣданіе мелко-удѣльнаго деспотизма, и, благодаря быстрому обнищанію народа, Германія стала пресловутой страной рабьихъ инстинктовъ.

Буржуазная исторіографія, продолжаетъ авторъ, жалуется на безпримѣрную въ исторіи нищету духа, умственное безсиліе и деморализацію владѣтельныхъ князей XV—XVIII в. Но виноваты

ли въ этомъ сами князья? И если бы на тронахъ нѣмецкихъ удѣльныхъ князей возсѣдали родоначальники современныхъ Шульцевъ и Мюллеровъ, то развѣ они не обратились бы въ такихъ же нищихъ духомъ и безнравственныхъ деспотовъ, какими дѣлались отдѣльные представители класса нѣмецкихъ князей, въ силу необходимыхъ экономическихъ условій существованія этого класса? Въ самомъ дѣлѣ, если въ распоряженіи князей не было того рессурса власти, которымъ пользовались князья въ странахъ, экономически болѣе развитыхъ, то такимъ князьямъ естественно приходилось существовать лишь измѣной по отношенію къ собственной странѣ, собственному народу, собственной религіи. Когда князьямъ нельзя было кормиться отъ промышленной дѣятельности своихъ подданныхъ, они стали кормиться торговлей людьми. Такимъ образомъ, вывозная торговля въ такихъ владѣніяхъ стала сводиться почти исключительно къ вывозу людей за границу и къ продажѣ ихъ на иноземную солдатскую службу. По вычисленію Гюлиха *) въ періодъ 1750—1815 г. одна Франція переплатила нѣмецкимъ князьямъ за продажу ей солдатъ 33 милл. талер., а Англія 311 милл. талер. Отсюда понятно, почему многіе удѣльные князья столь бѣдной страны, какъ Германія, могли съ успѣхомъ соперничать съ французскими королями на поприщѣ роскоши и расточительности. Понятно также, что такой классъ князей, экономической основой существованія котораго служила измѣна по отношенію къ собственнымъ идеальнымъ княжескимъ обязанностямъ, не могъ отличаться нравственнымъ ригоризмомъ (въ смыслѣ буржуазныхъ моралистовъ-историковъ, въ родѣ *Трейчке*).

Такъ, во время выборовъ императора 1519 г., голосъ свой открыто продавали всѣ курфюрсты, за исключеніемъ Фридриха Саксонскаго, который, благодаря богатству своихъ рудниковъ, пользовался экономической независимостью. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что большинство свѣтскихъ князей склонялись въ пользу протестантизма, главнымъ образомъ, потому, что онъ дозволялъ имъ захватить богатыя церковныя имѣнія, а затѣмъ и потому, что лютеранское ученіе все болѣе и болѣе обращалось въ сплошной диѳирамбъ мелко удѣльному деспотизму.

Понятно, что держава Габсбурговъ-папистовъ неоднократно пыталась упразднить это гнѣздо новѣйшихъ феодаловъ и возстановить священную римскую имперію единой нѣмецкой націи. Но понятно также, что всѣ эти попытки не только не удавались, но и достигали противоположнаго результата. Нѣмецкія княжества

*) *Gülich*, «Gesch. Darstelung d. Handels» etc., 4, 353.

коренились въ экономическихъ порядкахъ страны, а враги Германіи поощряли нѣмецкихъ князей въ ихъ своеобразномъ способѣ товарнаго производства. Одна изъ крупнѣйшихъ попытокъ Габсбурговъ этого рода, 30-ти-лѣтняя война, окончилась документальнымъ признаніемъ суверенитета нѣмецкихъ князей подъ международнымъ ручательствомъ Франціи и Швеціи: въ этомъ актѣ нашла себѣ политическое рельефное выраженіе экономическая рознь Германіи, обратившая послѣднюю въ игрушку заинтересованныхъ иностранныхъ державъ. Наконецъ, изъ одного медвѣжьяго угла протестантской Германіи явился противникъ, которому суждено было стать болѣе опаснымъ, чѣмъ Франція и Швеція, эти иноземные опекуны нѣмецкихъ удѣльныхъ княжествъ.

Этимъ противникомъ было бранденбургско-прусское государство. Послѣ 30-ти-лѣтней войны оно начало возвышаться въ такой же степени надъ сѣвероmъ Германіи, въ какой Австрія возвышалась надъ югомъ. Спрашивается: какъ это случилось? На этотъ вопросъ, говоритъ Мерингъ, историки-идеологи (въ родѣ *Трейчке*) обыкновенно отвѣчаютъ ссылкой на политику Гогенцоллерновъ, ибо, говорятъ они, люди творятъ исторію. Не будь Гогенцоллерновъ, было бы немыслимо и прусское государство. Такой отвѣтъ поражаетъ, конечно, своей простотой, но онъ неудовлетворителенъ по стольку же, по скольку неудовлетворительно и заявленіе о томъ, что Пруссія добилась гегемоніи въ въ Германіи качествѣ борца протестантской идеи. Нѣсколько правдоподобнѣе отвѣтъ, что Пруссія въ качествѣ милитарнаго солдатскаго государства подчинила себѣ мало-по-малу всю Германію. Но неудовлетворительно и это объясненіе; ибо вѣдь и Австрія была военнымъ государствомъ; военными государствами, наконецъ, были въ XVII в. всѣ вообще державы Европы. Безъ войска немыслимъ былъ вообще абсолютизмъ. Первой формой новѣйшаго милитаризма было учрежденіе ландскнехтовъ, но эта форма вымерла уже въ началѣ XVII вѣка. Причина того, что тридцатилѣтняя война продолжалась такъ долго и причиняла столь огромныя опустошенія (она и окончилась не рѣшительной побѣдой одной стороны надъ другой, но благодаря всеобщему истощенію), заключается, между прочимъ, въ томъ, что, благодаря недостатку въ «пушечномъ мясѣ», ни одна изъ враждующихъ сторонъ не могла дѣйствовать съ достаточной рѣшительностью. Войска были слишкомъ мелки и недолговѣчны; при каждой заминкѣ въ уплатѣ жалованья (а небольшая казна всѣхъ воюющихъ державъ была скороистощима), войска эти грозили разбѣжаться, и дѣйствительно разбѣгались.

Благодаря такимъ урокамъ, возникло *постоянное* войско наем-

никовъ, которое стало набираться съ большимъ удобствомъ изъ рядовъ пролетаріевъ-оборванцевъ, созданныхъ самой же войной. Итакъ, бранденбургско-прусское государство отличалось отъ прочихъ государствъ лишь тѣмъ, что оно стало, такъ сказать, архивоеннымъ государствомъ, а стало оно таковымъ благодаря *экономическимъ* условіямъ жизни своихъ составныхъ частей. Маркграфство Бранденбургское, расположенное въ землѣ враждебныхъ славянъ, ядро прусскаго государства, искони было военной колоніей. Основой всякихъ отношеній собственности служили соображенія военныя; всѣ поземельные участки уже съ самаго начала были обложены военной повинностью, денежной или служилой. На службу сюда привлекались ратные люди, ленныя имѣнія предназначались для содержанія воиновъ и т. д. Но мало-по-малу военное сословіе обратилось въ экономическій классъ, который своей публичной должностью воспользовался, какъ источникомъ обогащенія; каста воиновъ подчинила себѣ, съ одной стороны, маркграфа, съ другой—крестьянъ, которые переселялись сюда изъ-за Эльбы, убѣгая отъ гнета имперскихъ землевладѣльцевъ, и которые въ началѣ были свободны. Уже въ 1375 г., согласно марковой поземельной книгѣ, въ рыцарскихъ имѣніяхъ были свободны отъ налоговъ по 10, 20, 25 гуфовъ земли; вмѣстѣ съ тѣмъ быстро уменьшалось не только число самихъ рыцарей ленниковъ маркграфства, но и число дружинниковъ, съ которыми они должны были являться на войну. Дѣло въ томъ, что колонизація нѣмцевъ, сопровождавшаяся истребленіемъ туземцевъ-старожиловъ, приходила къ концу. И если въ такомъ упадкѣ ратной силы страны виноваты были сами князья, дозволявшіе отдѣльнымъ лицамъ откупаться отъ военной службы, то тѣ же князья виноваты сугубо въ гибели свободнаго крестьянства. Они отдавали рыцарямъ въ ленъ пользованіе тѣми службами и повинностями, которыя крестьянство обязано было исправлять на князя; они продавали имъ свое право суда и расправы надъ сельскимъ населеніемъ; они допускали, чтобы рыцари-вассалы увеличивали особыми собственными поборами ту сумму поборовъ и повинностей, которую уже несли крестьяне въ интересахъ князей; они прикрѣпили, наконецъ, крестьянъ къ землѣ, дабы надолго обезпечить за рыцарями ихъ доходы. Затѣмъ, когда въ вѣкъ реформаціи, подъ вліяніемъ экономическаго переворота, разрушился феодальный строй вещей и «просто-дворяне» (der gemeine Mann vom Adel) начали селиться въ своихъ имѣніяхъ, чтобы профессіонально заняться сельскимъ хозяйствомъ, курфирстъ Іоахимъ II за особое вознагражденіе дозволилъ присоединить къ дворянскимъ имѣніямъ нѣкоторые

крестьянскіе участки (Bauernhöfe zu legen), обращая ихъ въ земли рыцарскія, свободныя отъ налоговъ. Такимъ образомъ, къ началу тридцатилѣтней войны въ маркѣ успѣлъ развиться уже настоящій шляхетскій режимъ *). Благодаря такому владычеству юнкеровъ и слабости княжеской власти, военное дѣло въ странѣ, особенно въ періодъ XVI—XVII вѣковъ находился въ большомъ упадкѣ **), вслѣдствіе чего Бранденбургъ особенно сильно страдалъ въ тридцатилѣтнюю войну, а на почвѣ раззоренія страны могла удобнѣе окрѣпнуть и деспотія. Но деспотія была немыслима безъ поддержки постоянной военной силы, и эту военную силу пытался создать послѣ тридцатилѣтней войны курфирстъ Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—1688). Помогли ему создать постоянное войско тѣ же юнкеры, которые были сами заинтересованы въ качествѣ командующаго класса въ сохраненіи государства, въ томъ, чтобы послѣднее въ одинъ прекрасный день не попало въ руки поляковъ или шведовъ, или даже «подлой черни». Благодаря тридцатилѣтней войнѣ, среди крестьянскаго населенія было замѣтно нѣкоторое броженіе умовъ; на раззоренныхъ крестьянскихъ дворахъ селились отпускные солдаты, а люди, хотя бы разъ побывавшіе на военной службѣ, уже переставали мириться съ тяжелой долей крѣпостного ***). Какъ прекрасно это видѣли и сознавали за-эльбскіе юнкеры, видно изъ того, что они неоднократно запрещали своимъ подвластнымъ людямъ носить оружіе. Въ Силезіи, напр., было даже закономъ объявлено, что лица, служившія въ войскахъ—свободны отъ обязанностей подданства. Съ другой стороны, во время войны, сельское населеніе сплошь и рядомъ самовольно оставляло свои насиженныя мѣста и селилось на чужихъ земляхъ. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ заставлялъ помѣщиковъ требовать насильственнаго обратнаго водворенія своихъ подданныхъ, обращенія въ подданство постороннихъ лицъ, приселившихся самовольно къ имѣніямъ, и, наконецъ, скрѣпя сердце, улучшить свое обращеніе съ наличными подданными, заразившимися вольнымъ и строптивымъ духомъ солдатъ-наемниковъ. Наконецъ, война страшно увеличила число «благородныхъ» (обнищалыхъ) и неблагородныхъ оборванцевъ, которые сильно обременяли всѣ слои населенія Бранденбургской марки: первые

*) *Droysen*, Geschichte d. preuss. Politik. 1. 39.

**) Крѣпостныхъ мужиковъ перестали привлекать къ военной службѣ изъ опасенія, что вооруженные крестьяне вздумаютъ возстать противъ своихъ угнетателей (*Jähns*, II 173), а горожане оказывались очень плохими и притомъ строптивыми солдатами.

*) *Freytag*, Bilder, 4. 421.

паразитствовали въ благородномъ кругу, а иногда не гнушались и заниматься разбоемъ, вторые же бродяжили по странѣ цѣлыми шайками и занимались профессіональнымъ нищенствомъ, переходя нерѣдко къ открытому разбою, воровству и т. д. Всѣ эти обстоятельства заставляли юнкеровъ подумать объ огражденіи собственныхъ классовыхъ интересовъ путемъ созданія *постояннаго* войска. И они позволили курфирсту составить его, но, разумѣется, на такихъ условіяхъ, которыя соотвѣтствовали ихъ интересамъ. Во-первыхъ, они выговорили себѣ подтвержденіе своей вотчинной неограниченной власти («по обычаю») надъ крестьянами. Во-вторыхъ, дворянство (преимущественно мелкое) оставило за собой исключительное или почти исключительное право занятія офицерскихъ мѣстъ въ войскѣ, каковая привиллегія юнкеровъ сохранилась въ общемъ и до настоящаго времени, а въ то время составляла не только политическую мѣру безопасности, но и экономическую мѣру обезпеченія многочисленныхъ генерацій обнищалыхъ юнкеровъ на государственный счетъ. Наконецъ, знатное дворянство потребовало себѣ закона, подтверждающаго за нимъ, лично и по имуществу, свободу отъ податей. На такихъ-то условіяхъ, сводившихся къ вящему утвержденію владычества юнкеровъ въ военномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ, «чины» и дозволили своему князю установить контрибуцію, т. е. обложить населеніе, сельское и городское, денежными налогами и натуральными повинностями въ пользу постояннаго войска. И какъ ни трудно было населенію, обнищавшему отъ прежнихъ войнъ и отъ безпрерывныхъ войнъ самого курфирста, отбывать всѣ эти повинности и налоги, хотя и не великіе на нашъ современный взглядъ, курфирстъ взыскивалъ ихъ съ крайней безсердечностью. Наконецъ, когда чины въ 1667 г. заявили, что отъ этой контрибуціи страна неминуемо погибнетъ, курфирстъ, въ свою очередь, заявлявшій, что ему *безусловно* нужно 300 тысячъ талеровъ ежегодно на «свое» войско, придумалъ обложить акцизомъ всѣ жизненные припасы, потребляемые жителями городовъ, оставивъ контрибуцію, по-прежнему, на крестьянахъ. Конечно, горожане съ удовольствіемъ ухватились за акцизъ, какъ особый видъ воинскаго налога, ибо они разсчитывали свалить все бремя налога съ классовъ имущихъ на классъ неимущій.

Таково начало бранденбургско-прусскаго военнаго государства, которое и было затѣмъ достроено до конца и упрочено при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I (1713—1740). Этотъ грубо-деспотическій князь мечталъ о сверженіи ига юнкеровъ; онъ постоянно повторялъ, что, какъ король и господинъ, онъ дѣлаетъ, что хо-

четъ, и, проникнутый классовымъ сознаніемъ владѣтельныхъ князей, смотрѣлъ на *всѣхъ*, безъ исключенія, подданныхъ своихъ, какъ на рабовъ монархіи: всѣ были равны передъ его знаменитой дубинкой, которую онъ любилъ частенько пускать въ дѣло. Правда, онъ началъ борьбу противъ юнкерства съ такой энергіей, какъ никто изъ Гогенцолерновъ, но за то онъ былъ и самымъ типичнымъ солдатскимъ королемъ своего военнаго государства: лишь послѣ того, какъ власть надъ войскомъ онъ отнялъ у юнкерства, ему можно было думать и о низверженіи политическаго господства этого юнкерства.

Этому королю патріотическая легенда (въ лицѣ *Трейчке*) приписываетъ идею всеобщей воинской повинности, видя зачатки этой идеи въ кантональномъ регламентѣ 1733 г. Но такого регламента никогда не существовало. Впослѣдствіи Шарнгорстъ, въ 1810 г., изобрѣлъ эту легенду, чтобы увлечь ограниченнаго короля Фридриха-Вильгельма III-го «славнымъ» примѣромъ его «славнаго» предка и вынудить у него согласіе на учрежденіе всеобщей воинской повинности. Въ началѣ XVIII вѣка система добровольной рекрутчины уже не удовлетворяла требованіямъ «милитаризма, самопроизвольно развивавшагося», и приходилось переходить къ болѣе правильной системѣ вербованія солдатъ среди собственныхъ обитателей страны. Это новшество наблюдалось уже всюду на материкѣ, но въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ I хотѣлъ создать себѣ наемное войско чистѣйшаго типа,—войско, которое бы подчинялось только лично королю, ибо съ помощью такого войска ему хотѣлось сломить могущество юнкеровъ, и пока юнкеры заслоняли собой отъ него крестьянство, т. е. большинство населенія, до тѣхъ поръ ему нечего было и думать о правильной системѣ набора среди собственныхъ подданныхъ. При самомъ вступленіи на престолъ, король сразу приступилъ къ увеличенію войска почти вдвое, путемъ покупки или даже путемъ похищенія людей въ другихъ, болѣе слабыхъ, нѣмецкихъ княжествахъ *). Въ собственной странѣ королю нельзя было производить сколько-нибудь продолжительное время такой «наборъ». Рекруты убѣгали за границу, вездѣ ощущался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, власти доносили, что доходы отъ контрибуціи и акциза уменьшились, города жаловались на упадокъ коммерціи, а юнкеры, буквально, силой отбивались отъ нашествія вербовщиковъ. Поэтому, уже съ 1714

*) Классическій случай съ нашимъ Ломоносовымъ, который былъ насильно завербованъ и только бѣгствомъ спасся отъ прусскаго мундира и прусской палки.

года королю пришлось запретить насильственную вербовку, а потомъ, черезъ три года, установить «изъятія», запрещающія набирать, вообще, обывателей городовъ, особенно крупныхъ. Но дѣло созданія постояннаго войска отъ этихъ изъятій ничуть не пострадало. Дѣло въ томъ, что юнкеры отнюдь ничего не имѣли противъ увеличенія войска, если отъ этого не страдалъ ихъ классовый интересъ. Между тѣмъ, завѣдываніе вербовкой солдатъ и командованіе полками было дѣломъ не безвыгоднымъ; при нѣкоторомъ умѣньи можно было за этими дѣлами нажить себѣ деньгу. Юнкеры въ роли вербовщиковъ стали реализировать свою вотчинную власть надъ своими подданными; они стали продавать въ казну своихъ мужиковъ, получая на правахъ собственниковъ ихъ наемную плату, а чтобы не терять, вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочихъ рукъ въ лицѣ мужиковъ, сданныхъ въ рекруты, юнкеры удлинили сроки отпуска и увеличивали число отпускаемыхъ солдатъ, привлекая послѣднихъ обратно на свои экономіи. Къ тому же, такой крѣпостной составъ арміи былъ безобиднѣе и покладистѣе въ дѣлѣ снабженія его провіантомъ и пр., такъ что и отъ хозяйственной стороны завѣдыванія этой арміей, въ карманъ командировъ-юнкеровъ перепадала лишняя копѣйка экономіи.

Тотъ фактъ, что король санкціонировалъ эту систему вербовки солдатъ юнкерами и въ этомъ отношеніи разбилъ государство на нѣсколько кантоновъ, по числу отдѣльныхъ полковъ, вѣроятно, и подалъ поводъ г. Трейчке трубить о королѣ, какъ объ изобрѣтателѣ всеобщей воинской повинности. Съ другой стороны, хищническая тенденція офицеровъ-юнкеровъ, сплошь и рядомъ шедшая въ разрѣзъ съ интересами военнаго дѣла, заставляла короля усиливать дисциплину и выправку въ войскахъ и надзоръ за офицерами, запрещая имъ безмѣрно удлинять сроки отпуска, устанавливая періодическіе лагерные сборы, съ цѣлью маневровъ и ученій и т. д. Неудивительно также, что король Фридрихъ-Вильгельмъ вообще предпочиталъ чисто наемническое войско: не будь рекрутовъ иностранцевъ, которымъ, разумѣется, не давали никакихъ отпусковъ и которые составляли въ этой малолюдной странѣ, по крайней мѣрѣ, половину войска, ему не удалось бы поставить прусскую армію на эту высоту, которой она достигла при немъ.

Но, вообще говоря, борьба короля съ юнкерствомъ, на почвѣ военной службы, этими не существенными мѣрами и ограничивалась, такъ что все бремя налоговъ, обусловленное усиленіемъ войска, почти исключительно обрушивалось на крестьянъ и горожанъ. Для взиманія этихъ налоговъ нуженъ былъ особый органъ, и король создалъ ту бюрократію, которая въ основныхъ чертахъ

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1856—1862 г.).

I.

...1856 годъ былъ послѣднимъ въ моей училищной жизни. Я просидѣлъ 4 года въ послѣднемъ IV классѣ и при всемъ томъ не могъ питать надежды перейти въ семинарію. Къ тому же, какъ разъ въ этомъ именно году получено было предписаніе отъ высшаго начальства разсказывать уроки *своими* словами и писать сочиненія по русскому языку, о чемъ мы прежде не имѣли и понятія. Чтеніе книгъ у насъ совсѣмъ не было распространено не только между учениками, но даже и между учителями; никто не былъ повиненъ въ этомъ и въ городѣ. Училищная библіотека состояла исключительно изъ однихъ учебныхъ руководствъ. Все ученье наше ограничивалось долбней; даже изъ ариѳметики сначала заучивали наизустъ правила, а потомъ дѣлали по нимъ задачи механически. Бывало, вызовутъ на средину класса ученика и велятъ читать урокъ наизустъ отъ слова до слова, хотя бы даже изъ ариѳметики, а учитель смотритъ въ книгу и слѣдитъ за тѣмъ, не пропустилъ ли ученикъ какое слово.

— Врешь!—остановитъ учитель:—«ибо» пропустилъ.

А тутъ вдругъ въ 1856 г. пришелъ изъ духовной консисторіи указъ—велятъ ученикамъ разсказывать урокъ своими словами, и въ этомъ отношеніи долбня намъ ужасно навредила. До сихъ поръ у меня живо сохранилось въ памяти одно мѣсто изъ руководства Устрялова о самозванцѣ, которое я въ одинъ духъ прокаталъ учителю, но за которое, тѣмъ не менѣе, учитель поставилъ мнѣ дурной баллъ, потому что внезапно остановилъ меня на срединѣ вызубреннаго урока и заставилъ разсказать заученное своими словами. Остановка сбила меня съ толку, такъ что я не только своими словами разсказать, но даже и продолжать дальше не могъ. Я просилъ учителя подсказать мнѣ дальше «хоть

одно слово», чтобы я могъ продолжать *чтеніе* зазубреннаго до конца, но онъ ни за что не соглашался, съ сожалѣніемъ повторяя:

— Не могу, голубчикъ, ей-Богу, не могу: я не виноватъ—велѣно своими словами, и разсказывай. Что-жъ дѣлать: надо подчиниться.

Вотъ эта засѣвшая въ моей памяти несчастная тирада изъ исторіи Устрялова: «Въ шестой годъ Борисова царствованія, въ Литвѣ явился человѣкъ ума быстраго, мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предпріятіе, именуя себя сыномъ Іоанна Грознаго, спасшимся въ Угличѣ отъ убійцъ,—то былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ, и едва-ли не жидъ».

Требованіе разсказывать уроки своими словами предъявили къ намъ и на экзаменахъ; но это ни къ чему не повело: большинство учениковъ продолжали читать наизустъ заученное, и экзаменаторы махнули на все рукой. Учителя прямо объявили мнѣ, что меня не переведутъ по малоуспѣшности, а оставятъ еще на два года, слѣдовательно, въ одномъ 4 классѣ мнѣ пришлось бы просидѣть 6 лѣтъ. Дня за три до экзаменовъ я написалъ объ этомъ отцу, и тотъ пріѣхалъ.

— Сынъ вашъ плохъ. Мы принуждены его исключить или оставить въ томъ же классѣ,—заявилъ смотритель отцу, когда тотъ пришелъ къ нему.

— Тяжело мнѣ воспитывать двухъ сыновей... Нынче еще одного сына долженъ учить... Семья у меня большая. Ужъ окажите божескую милость... переведите его.

— Нельзя, нельзя. Онъ лѣнтяй и не способенъ.

Отецъ заплакалъ и упалъ въ ноги смотрителю, потомъ всталъ и, не сказавъ ни слова, положилъ на столъ пятирублевую бумажку, затѣмъ опять бросился въ ноги. Смотритель старался поднять отца съ полу и успокоить.

— Мы увидимъ, отецъ: если сынъ вашъ хоть что-нибудь будетъ на экзаменѣ отвѣчать, то переведемъ.

Экзаменъ производилъ одинъ смотритель, онъ же ставилъ и баллы за отвѣты, а учителя сидѣли только въ качествѣ зрителей, иногда спорщиковъ по возбуждаемымъ смотрителемъ богословскимъ вопросамъ. 12 іюля насъ, четырехклассниковъ, собрали въ общій залъ, куда пришли также смотритель и учителя для объявленія намъ результатовъ экзамена. Я оказался въ числѣ переведенныхъ въ семинарію. Смотритель сталъ около стола по срединѣ залы, а учителя у стѣны по обѣимъ сторонамъ въ рядъ. Каждый изъ насъ, переведенныхъ, подходилъ къ о. смотрителю, кланялся ему въ ноги

и подходилъ подъ благословеніе; потомъ подходили мы къ учителямъ, также кланялись въ ноги, а тѣ протягивали намъ руку и трясли наши въ знакъ того, что мы теперь уже нѣкоторымъ образомъ становимся съ учителями на равную ногу.

Однако, въ этомъ переводѣ моемъ въ семинарію утѣшительнаго было мало: въ семинаріи должны были произойти новые повѣрочные экзамены. До семинаріи въ г. Вяткѣ надо было ѣхать 416 верстъ. Мы выѣхали изъ села послѣ молебна 24 августа. По дорогѣ отецъ велѣлъ заѣхать намъ къ его родному брату, благочинному въ с. Рождественскомъ, Нолинскаго уѣзда, съ которымъ отецъ не видался болѣе 25 лѣтъ. Чтобы не затягивать и безъ того слишкомъ долгой ѣзды до г. Вятки, дьяконъ предпочелъ ѣхать прямо до города, не останавливаясь у дяди, къ которому онъ думалъ заѣхать на обратномъ пути. Въ Вятку мы пріѣхали 30 августа, вечеромъ, и остановились у столоначальника духовной консисторіи, Виноградова, родственника дьякона. Столоначальникъ хотя и получалъ жалованья, по его словамъ, 10 руб. въ мѣсяцъ, но какимъ-то образомъ ухитрялся жить довольно роскошно, даже ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ пилъ водку, а его жена—вино.

Къ инспектору семинаріи я явился 31 августа, утромъ. Меня помѣстили въ нижнемъ этажѣ средняго «архирейскаго» корпуса вмѣстѣ съ другими вновь прибывшими учениками. Кровать и бѣлье были казенныя, за пищу вычитали съ нашихъ отцовъ по 6 р. съ человѣка. Экзамены начались 2 сентября. Ровно черезъ недѣлю намъ объявили о результатѣ экзаменовъ.

Непринятыхъ въ семинарію оказалось 52 человѣка, въ число которыхъ попалъ и я. 10 или 11 сентября намъ, непринятымъ въ семинарію, инспекторъ выдалъ обратно билеты, съ которыми мы пріѣхали въ семинарію, съ надписью: «ученикъ Иванъ Красноперовъ возвращается въ упомянутое въ семъ билетѣ училище».

Странно сказать: дѣти богатыхъ батюшекъ почти всѣ были приняты въ семинарію, изъ бѣдноты же попали развѣ только особенно «даровитые». Непринятые должны были снова тащиться назадъ за 300—400 верстъ, нѣкоторые пошли пѣшкомъ... Многіе изъ нихъ, по неимѣнію средствъ, не пошли уже назадъ въ училище, а остались неучами на всю жизнь: одни заняли мѣста дьячковъ и пономарей, другіе спились съ кругу...

Еще живя въ семинаріи во время экзаменовъ, я получилъ отъ отца письмо, въ которомъ онъ убѣждалъ меня въ случаѣ несдачи экзаменовъ ѣхать назадъ домой, обѣщая опредѣлить меня на свое пономарское мѣсто, такъ какъ и средствъ не имѣетъ учить такъ

«долго насъ двоихъ и самъ становится уже старъ». Но гдѣ же старъ, когда ему всего былъ 51 годъ? Скорѣе надо было допустить первое. Мои мечты никогда, впрочемъ, не шли дальше пономарскаго мѣста, тѣмъ болѣе, что меня обольстительно манила къ себѣ перспектива быть пономаремъ въ своемъ родномъ селѣ. Я обрадовался этому письму и собрался съ дьякономъ домой.

Изъ Вятки мы выѣхали 12 сентября, а 14 были уже въ селѣ Рождественскомъ у дяди. На широкой равнинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ хвойнымъ лѣсамъ, а съ четвертой полукругомъ огибаемой ручейкомъ, запруженнымъ въ концѣ села навозомъ, отъ чего ручеекъ превращался на протяженіи всего села какъ бы въ широкую рѣку,—раскинулось громадное село. Какъ разъ по срединѣ лѣса, не подалеку отъ церкви, почти подлѣ самаго пруда стояли два довольно большихъ дома, изъ коихъ одинъ былъ деревянный, одноэтажный со множествомъ оконъ, другой, противъ деревяннаго, каменный. Мимо обоихъ домовъ проходила проселочная дорога, за которой сейчасъ же шли огороды причта, примыкавшіе концами къ самому пруду. Мы подъѣхали къ старинному каменному дому, мѣстами обросшему по стѣнамъ мохомъ, мѣстами по угламъ обвалившемуся. Дворъ былъ большой, весь покрытый травой, что доказывало отсутствіе по нему всякой ѣзды. Съ лицевой стороны, передъ окнами, въ палисадникѣ, росли четыре громадныя березы съ гнѣздами грачей. Направо, въ углу двора, къ самому дому была пристроена деревянная двухоконная кухня, за нею изъ сѣней вели низенькія двери въ особо пристроенную деревянную свѣтелку, четыре окна которой съ двухъ сторонъ выходили не то въ садъ, не то въ огородъ. На парадномъ низенькомъ деревянномъ крыльцѣ насъ встрѣтила довольно пожилая и полная дама и молодая, стройная, блѣднолицая дѣвушка, одѣтая въ сѣрое шерстяное платье. Это были моя тетка и ея дочь, Евгенія Ивановна. Мы всѣ поднялись по крутой лѣстницѣ въ верхній этажъ дома. Изъ передней мы вошли въ залу, гдѣ я помолился и сѣлъ на плетеный стулъ въ уголъ. Ко мнѣ подошли дядя, ужасно похожій на моего отца, только нѣсколько пониже и худощавѣе его, съ такой же жиденькой, бѣлокурой бородкой, большимъ носомъ и большими, добрыми карими глазами, потомъ мальчикъ лѣтъ 10-ти и старшій братъ его, 17—18-лѣтній юноша. Я всталъ со стула, разцѣловался и опять сѣлъ, не говоря ни слова. Я въ первый разъ видѣлъ окружающую меня обстановку: вдоль стѣнъ стоялъ рядъ стульевъ, обитыхъ ситцевой матеріей, въ гостиной—фортепіано, на стѣнахъ картины и портреты въ золоченыхъ и черныхъ деревянныхъ рамахъ. Затѣмъ меня особенно тро-

нула ласковость и привѣтливость окружающихъ лицъ. Всѣ меня называли «Ванюшкой», ухаживали за мной, гладили меня по головѣ; а Евгенія Ивановна, подойдя ко мнѣ, выразила даже сожалѣніе, что я «такой худенькій». Во-первыхъ, я ужасно неловко чувствовалъ себя отъ того, что всѣ окружающіе меня лица говорили между собою какъ-то не такъ, какъ говорилъ я: слова и выраженія ихъ были для меня непонятны... «идея»... «ощущеніе» и т. п.; про меня говорили, что я «забитый», «натура примитивная» и т. п. И меня, и дьякона съ участіемъ начали разспрашивать: куда мы ѣдемъ, зачѣмъ? Всѣ ужасно пожалѣли меня, когда узнали, что я не выдержалъ экзамена, и еще болѣе ужаснулись, узнавъ о моемъ намѣреніи поступить на пономаревское отцово мѣсто. Евгенія Ивановна подсѣла ко мнѣ и стала со мной бесѣдовать.

— Развѣ ты, Ванюшка, хочешь быть пономаремъ?

— Что жъ, и пойду,—говорю я.—Отецъ у меня пономарь.

— Тебѣ развѣ не хочется учиться?

— Какъ учиться, коли не приняли.

— Ну, можетъ, и поправится дѣло. Вѣдь ты будешь несчастный... плакать, каяться потомъ станешь, что сдѣлался пономаремъ.

Я молчалъ и, склонивъ голову, безсознательно дергалъ рукавъ сюртука.

— Отецъ твой вѣдь тоже несчастный.. Учись лучше... подумай хорошенько.

— Я бы сталъ учиться, да какъ?

Вдругъ я поднялъ голову и взглянулъ на Евгенію Ивановну

— Папа... папа!—весело вскричала Евгенія Ивановна. Она побѣжала къ отцу.—Ванюшка учиться хочетъ. Какъ сдѣлать? Присовѣтуй.

— Вотъ и хорошо,—сказалъ ласково дядя, подходя ко мнѣ.—Мы обдумаемъ, какъ сдѣлать, послѣ праздника.

Евгенія Ивановна опять подошла ко мнѣ.

— Учись, Ванюшка, человѣкомъ будешь,—говорила она, гладя меня по головѣ;—а то шутка сказать—пономаремъ... Вѣдь это ужасно!

— Пиши отцу домой, что ты раздумалъ на его мѣсто, а учиться снова поѣдешь въ училище въ Вятку,—заключилъ дядя...

— Тебѣ, вѣдь, уроки старые будутъ... ты книги станешь читать,—тараторила Евгенія Ивановна.—Вотъ посмотри, какъ ты измѣнишься... умница будешь, когда читать станешь. Въ семинаріи учить уроки не понадобится! Сочиненія нужно будетъ писать. Вотъ чтеніе-то и понадобится.

Теперь, припоминая все это, мнѣ бы хотѣлось подольше удержать въ своей памяти обаятельный образъ этой дѣвушки. Ту неутолимую жажду свѣта, знанія, которую она впервые влила въ мою непросвѣтленную, забитую душу, я сохранилъ свято и сейчасъ. Я знаю, что гибель и паденіе грозили мнѣ; но она спасла мою «душу живу», спасла не столько холоднымъ убѣжденіемъ, сколько теплымъ человѣчнымъ отношеніемъ къ моему несчастному положенію, котораго я, впрочемъ, не сознавалъ тогда.

Рѣшено было, что дьяконъ всѣ данныя ему отцомъ деньги, отдастъ мнѣ; а я долженъ буду въ израсходованіи ихъ дать отчетъ дядѣ и теткѣ. Дьяконъ уѣхалъ домой 18 сентября, а я въ Вятку 19-го. Дядя самъ написалъ мнѣ прошеніе ректору семинаріи, архимандриту Трифонова монастыря, Амвросію, о желаніи моемъ учиться въ вятскомъ духовномъ училищѣ. Ректоръ семинаріи былъ въ то же время и главнымъ начальникомъ духовнаго училища. Въ заключеніе дядя нѣсколько разъ напомнилъ мнѣ, вѣроятно, для вящшаго успѣха, чтобы я передалъ отцу ректору поклонъ отъ своего дяди, Ивана Гавриловича. Евгенія Ивановна намекнула мнѣ, что въ Вяткѣ есть книжный магазинъ, гдѣ я могу купить себѣ книгъ. Весьма живо припоминаю, какъ я одѣлся въ свой овчинный тулупъ, крытый казинетомъ, какъ сѣлъ во дворѣ на телѣгу, на сѣрый холщевый мѣшокъ съ моимъ бѣльемъ. Изъ раскрытаго окна кухни глядѣла Евгенія Ивановна, одѣтая въ сѣрую шерстяную юбку и черную атласную кофточку, ласково улыбалась и кивала мнѣ головой, когда я, уѣзжая, оглядывался назадъ.

Въ Вятку я пріѣхалъ 20 сентября, вечеромъ, и остановился съ ямщикомъ гдѣ-то на постояломъ дворѣ. 21-го утромъ, я отправился къ ректору въ монастырь. Ко мнѣ вышелъ въ переднюю средняго роста, бодрый краснощекій старичекъ, къ которому я подошелъ подъ благословеніе и подалъ прошеніе.

— Гдѣ ты учился?—кротко спросилъ ректоръ.

— Въ Елабужскомъ духовномъ училищѣ.

— Ну, ладно, ладно... примемъ.

— Вамъ дяденька кланяется,—поторопился я сказать.

— Какой дяденька? Мало ли на свѣтѣ дяденекъ.

— Да дяденька, Иванъ Гавриловичъ.

— Не понимаю... Ивановъ Гаврилычей много. Какъ его фамилія, откуда?

— Дяденька, Иванъ Гаврилычъ Красноперовъ, изъ села Рождественскаго.

— А! знаю, знаю. Онъ дядя тебѣ, что ли?

— Дядя.

— Ну, какъ онъ живетъ? здоровъ ли?

— Ничего, здоровъ.

— Ну, ладно, ладно, учись. Ступай сейчасъ въ училище и скажи инспектору, что я велѣлъ принять тебя.

Училище помѣщалось въ громадномъ каменномъ трехъ-этажномъ зданіи, выкрашенномъ желтой краской и стояло на правомъ высокомъ берегу рѣки Вятки, какъ разъ противъ Александро-Невскаго собора, выстроеннаго по проекту извѣстнаго архитектора А. Л. Витберга. На лицевой сторонѣ зданія, наверху подъ крышей я прочелъ слова, написанныя золотыми буквами: «Блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ». Впослѣдствіи я убѣдился, что это евангельское изреченіе ни къ чему не обязывало тѣхъ, которые блюли «малыхъ сихъ», такъ какъ они преисправно пороли розгами малыхъ сихъ и кормили негодной провизіей. Инспекторъ прямо послалъ меня «жить» въ одну изъ комнатъ третьяго этажа училища.

У меня крѣпко засѣла въ головѣ мысль—идти въ магазинъ за книгами. На другой же день послѣ своего водворенія въ училищѣ я отправился въ книжный магазинъ Дубровина. Магазинъ занималъ высокую большую комнату, сверху до низу уставленную полками съ книгами; книгъ масса лежала и на прилавкѣ. Съ перваго раза, окинувъ взглядомъ все книжное пространство, я растерялся.

— Мнѣ надо купить книгъ,—говорю я приказчику или самому хозяину, робко подходя къ прилавку.

— Какихъ вамъ угодно?

— Вотъ... посмотрю,—и я совершенно зря, не разбирая, взялъ съ прилавка нѣсколько книгъ и наклалъ цѣлую гору.

— Сколько вотъ это все стоитъ?

— Позвольте, сосчитаемъ.—Дубровинъ пересмотрѣлъ всѣ книги, щелкнулъ нѣсколько разъ на счетахъ и внятно проговорилъ:

— Четырнадцать рублей двадцать пять копѣекъ.

Я отдалъ деньги. Мнѣ завернули книги въ бумагу и перевязали бичевкой. Съ радостью схватилъ я свою ношу и пошелъ быстро, быстро, точно полетѣлъ на крыльяхъ. Въ памяти моей сохранились названія нѣкоторыхъ книгъ, остальныя исчезли.

Я съ нетерпѣніемъ принялся развязывать книги. Разбираю: «*Дрожащая скала*», романъ Эли Берте; «*Подвѣнечное платье*», романъ Александра Дюма; «Тяжкія времена въ Англіи» Диккенса; «Проступокъ господина Антуана» Жоржъ Зандъ; «Военные разсказы» Льва Толстого. Названія другихъ книгъ не помню, не помню и ихъ содержанія, хотя живо припоминаю форматъ каждой изъ нихъ

и бумагу, на какой онѣ были напечатаны. Изъ романа Диккенса у меня осталось въ памяти только двѣ первыя начальныя строчки: «Факты и факты; намъ нужны факты...» Изъ «Подвѣнечнаго платья», напечатаннаго на толстой сѣрой бумагѣ, осталась въ памяти одна фраза: «стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, былъ похожъ на букву Х». Въ началѣ ноября всѣ эти книги были уже мной прочитаны, можно сказать, проглочены, потому что я читалъ много, просиживая далеко за полночь, читалъ иногда и въ классѣ во время урока. Читать стало опять нечего, денегъ не было, а между тѣмъ чтеніе книгъ стало уже моей потребностью. У нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей оказались однако кое-какія книги, которыми они подѣлились со мной, а я, въ свою очередь, подѣлился съ ними своими. У товарищей можно было найти весьма не мудрящія книжонки: «Битва русскихъ съ кабардинцами»; «Гуакъ или рыцарская любовь»; «Вѣчный жидъ» и «Парижскія тайны» Евгенія Сю; обѣ комедіи Фонъ-Визина и два-три романа Поль де-Кока. Всѣ эти книги поперемѣнно передавались учениками изъ рукъ въ руки и зачитывались, вслѣдствіе чего онѣ были донельзя потрепаны. Въ концѣ концовъ книгъ стало брать больше неоткуда. Я прослышалъ отъ своихъ товарищей, что въ духовной семинаріи есть профессоръ словесности, Александръ Александровичъ Красовскій, сынъ ректора семинаріи, у котораго находится большая библіотека, что профессоръ этотъ даетъ книги для чтенія семинаристамъ за плату по 1 рублю за полгода. Красовскій жилъ въ мужскомъ Трифоновомъ монастырѣ вмѣстѣ съ отцомъ архимандритомъ этого монастыря. Идти за книгами къ профессору семинаріи, да еще сыну ректора было страшно, тѣмъ болѣе, что мнѣ негдѣ было достать рубля для уплаты за чтеніе книгъ. Совершенно наугадъ иду я къ инспектору училища, Павлу Васильевичу Кабардину.

— Позвольте мнѣ, Павелъ Васильевичъ, въ займы одинъ рубль,— робко говорю я ему, безъ всякой однако увѣренности въ успѣхѣ.

— Тебѣ для чего?

— Хочу вотъ книги брать читать у Красовскаго, профессора семинаріи. У меня нѣтъ денегъ, но я вамъ скоро отдамъ: тятенька скоро пришлетъ.

— Ты не врешь? Можетъ, проѣшь на пряникахъ?

— Нѣтъ, ей-Богу нѣтъ, хоть спросите послѣ Александра Александровича.

Павелъ Васильевичъ вышелъ на минуту въ другую комнату, вынесъ оттуда тщательно свернутую рублевую бумажку и, вручая ее мнѣ, добавилъ:

— Смотри же, не трать деньги по пустякамъ. Я спрошу Александра Александрыча.

— Ей-Богу.....

Однажды, въ зимнюю пору, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ 10 часовъ утра я направился въ монастырь. Мнѣ пришлось подняться кверху во второй этажъ по парадной деревянной лѣстницѣ, устланной ковромъ. Я позвонилъ и мнѣ отворилъ дверь послушникъ въ черномъ подрясникѣ.

— Что тебѣ надо?—спросилъ онъ меня.

— Мнѣ нужно Александра Александрыча. Книги хочу читать, такъ за этимъ.

— Они пьютъ чай, погодите, я доложу.

Послушникъ ушелъ и минуты черезъ двѣ вернулся назадъ.

— Пожалуйте къ нимъ въ кабинетъ.

Ни живъ, ни мертвъ пошелъ я за послушникомъ черезъ большую залу, увѣшанную по стѣнамъ портретами архіереевъ въ клобукахъ и митрахъ, и робко вошелъ въ угловую небольшую комнату въ два окна. Я остановился у самыхъ дверей. Изъ-за стола тотчасъ же всталъ и подошелъ ко мнѣ еще молодой, лѣтъ подъ 30, человѣкъ высокаго роста, одѣтый не то въ подрясникъ, не то въ халатъ изъ темно-сѣрой узорчатой фланели съ узкими рукавами, застегнутыми у пясти рукъ двумя пуговицами. На головѣ были черные остриженные волосы, зачесанные косымъ проборомъ; подбородокъ гладко выбритъ. Большіе каріе, добрые глаза смотрѣли на васъ смѣло, прямо. Лицо въ общемъ было довольно красиво и привлекательно; но станъ его нельзя было назвать стройнымъ: сзади онъ замѣтно былъ сгорбленъ, «отъ сидячей жизни», какъ мнѣ потомъ говорили.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ онъ меня мягкимъ, ласковымъ голосомъ.

— Такой-то.

— Вы хотите книги читать?

— Да.

— Присядьте, пожалуйста.

Я сѣлъ не смѣло, растерянно на кончикъ плетенаго стула. Меня пріятно обрадовало его обращеніе ко мнѣ на *вы*. Ни одинъ учитель въ училищѣ никогда не называлъ насъ *вы*, а обыкновенно кличками: ты, болванъ, дуракъ и т. п.

— Чаю не хотите ли?—спросилъ меня опять Александръ Александровичъ, усаживаясь въ жесткое кресло подлѣ стола и взялъ съ подноса стаканъ чаю.

Я крякнулъ и сказалъ:

— Ничего, можно...

Онъ позвонилъ.

— Принесите чаю,—сказалъ онъ пришедшему послушнику.

На принесенномъ подносикѣ стояли чашка чаю, сливочникъ со сливками, сахарница съ сахаромъ и лежало штукъ 10 сухарей. Я взялъ чашку и кусокъ сахару, а сухарей брать не хотѣлъ.

— Берите, берите сухарей!—обратился онъ ко мнѣ, — и сливокъ налейте.

Онъ всталъ, положилъ на столикъ подлѣ меня нѣсколько сухарей и налилъ въ чашку сливокъ. Пока я проклажался съ чаемъ, Александръ Александровичъ разспрашивалъ меня:

— Вы читали что-нибудь прежде?

— Читалъ.

— Что именно?

— Я читалъ рóманы.

Александръ Александровичъ слегка улыбнулся и поправилъ меня:

— Не надо говорить рóманы, а романы. Какіе же вы романы читали?

— А всякіе... «Вѣчный жидъ» Евгенія Сю, «Дрожащая скала» Эли Берте, «Подвѣнечное платье» Дюма, «Гуакъ или рыцарская любовь», Фонъ-Визина комедію, «Битва русскихъ съ кабардинцами»...

— Однако, много же вы прочли всякой дряни; ну, да это ничего: вреда не будетъ. Дѣло поправимое.

Въ это время я выпилъ чашку чаю, опрокинулъ ее вверхъ донышкомъ и положилъ на него оставшійся кусокъ сахару. Александръ Александровичъ взглянулъ и улыбнулся.

— Благодарю покорно,—сказалъ я, ставя чашку на подносъ и немножко привставъ со стула.

— Кушайте, кушайте еще.

— Пожалуй...

Мнѣ опять принесли чашку чаю, причемъ я взялъ уже новый кусокъ сахару, такъ какъ прежняго нигдѣ не оказалось. Выпивъ вторую чашку, я опять опрокинулъ ее вверхъ донышкомъ и опять положилъ на него огрызокъ сахару.

— Что вы хотите читать?

Въ училищѣ и въ городѣ было тогда много разговору о томъ, что здѣсь (въ Вяткѣ) недавно жилъ Салтыковъ (Щедринъ), который написалъ очень интересную книгу «Губернскіе очерки»; тамъ онъ представилъ въ смѣшномъ видѣ всѣ мѣстныя власти, даже и самого губернатора. Поэтому, прочитать эту книгу было очень интересно.

— Хотѣлось бы прочесть «Губернскіе очерки» Щедрина, — говорю я несмѣло Александру Александрычу.

— Да, книга хорошая, но только, знаете, я бы вамъ не совѣтовалъ сейчасъ читать ее: не поймете всей соли, къ тому же тамъ не мало французскихъ выраженій, вамъ непонятныхъ. Время не ушло, успѣете еще прочитать, а теперь возьмите что-нибудь попроще.

— Такъ вотъ бы Гоголя... «Мертвыя души».

— Тоже погодите, потому что сейчасъ впечатлѣніе утратится. Впослѣдствіи прочтете Гоголя съ большимъ увлеченіемъ, а теперь будетъ для васъ только смѣшно... Я вамъ лучше дамъ другую книгу.

Александръ Александровичъ ушелъ въ другую комнату и минутъ черезъ пять вернулся съ тоненькой переплетенной книгой.

— Вотъ эту прочтите. Только когда прочтете всю, то придите и разскажите мнѣ... ну, хоть о томъ, что вамъ особенно понравилось.

Я раскрылъ книгу и прочелъ: «Семейная хроника. С. Аксакова». Я всталъ и направился, было, къ двери, чтобы уйти, но вспомнилъ, что мнѣ надо было еще отдать рубль.

— Вотъ я рубль принесъ вамъ за чтеніе,—сказалъ я, протягивая Александру Александровичу развернутую засаленную ассигнацію.

— Нѣтъ, вы лучше оставьте ее у себя. Вонъ какой вы худой и тѣло дряблое у васъ.

Онъ взялъ мою руку повыше кисти двумя пальцами и помялъ немножко тѣло.

— Тѣло такое дряблое, вѣрно отъ плохого питанія... Вы лучше на этотъ рубль булокъ покупайте, получше ѣшьте. Васъ, чай, тамъ плохо кормятъ? Даютъ ли вамъ булокъ, мяса?

— Булокъ по праздникамъ, а мяса каждый день... понемножку.

Я былъ ужасно тронутъ и готовъ былъ разрыдаться, но удержался; на глазахъ только на мгновеніе навернулись слезы, которыя я, однако, сейчасъ же скрылъ.

Я бѣжалъ въ училище точно на крыльяхъ. На душѣ у меня было такъ хорошо отъ этой доброты и ласки. Конечно, черезъ нѣсколько дней я уже бѣжалъ съ книгой въ монастырь къ А. А. Отдавая ее, я замѣтилъ, что книга написана «легко, хорошимъ слогомъ» и передалъ ея содержаніе. Послѣ этого я прочелъ и «Дѣтскіе годы Багрова внука», а потомъ А. А. давалъ мнѣ небольшіе томики «Для легкаго чтенія», въ которыхъ помѣщались мелкіе повѣсти и разсказы нашихъ лучшихъ писателей: Григоровича («Антонъ Горемыка»), Тургенева, Потѣхина, Дружинина («Полинька Сакъ») и др. Этихъ томиковъ я прочелъ, кажется, девять.

Мнѣ казалось, однако, страннымъ одно обстоятельство, которое приводило меня въ нѣкоторое недоумѣніе, и это недоумѣніе

съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждой недѣлей расло все болѣе и болѣе. Евгенія Ивановна говорила какъ-то,—думалъ я про себя,—что «когда я буду читать книги, то почувствую въ себѣ перемѣну, на вещи, будто бы, стану смотрѣть другими глазами, разумнѣе», а вотъ сколько времени ужъ я читаю, да еще какъ читаю! и я все-таки никакой перемѣны въ себѣ не замѣчаю. Какая же это перемѣна? Я все такой же, какой и былъ? Видно, мало еще читалъ...

Помнится, учитель русскаго языка, онъ же и регентъ архіерейскихъ пѣвчихъ, горькій пьяница, назначенный къ намъ учителемъ только потому, что тогдашній вятскій архіерей, Елпидифоръ, думалъ этимъ назначеніемъ отвлечь его нѣсколько отъ усиленнаго поклоненія Бахусу,—этотъ учитель далъ намъ на домъ сочиненіе: «Описаніе города Вятки». Я исписалъ цѣлый листъ и подалъ. Черезъ недѣлю учитель принесъ въ классъ наши тетради и, выдавая ихъ, замѣтилъ, что «лучше всѣхъ сочиненіе написано Красноперовымъ». На верху тетради на поляхъ было написано рукой учителя: «Вообще есть мысль». Я такъ и подскочилъ отъ радости, оттого, что сдѣлалъ открытіе. «Такъ вотъ какая значитъ перемѣна-то! Вѣдь вонъ хитрая какая Евгенія Ивановна! Это она знала, потому что сама, вѣрно, на себѣ когда-нибудь испытала эту перемѣну»...

На всѣ зимнія каникулы я, разумѣется, ѣздилъ къ дядѣ въ село Рождественское. Святками было особенно весело. Евгенія Ивановна даже плясала съ нами, пѣла и играла на фортепіано, по вечерамъ иногда читали вслухъ взятыя мной у Красовскаго книги. Но на масляной Евгенія Ивановна какъ будто все недомогала и на улицу совсѣмъ не выходила. Пріѣздъ мой въ Рождественское на Пасху былъ уже непріятенъ и дядѣ, и теткѣ.

— Зачѣмъ опять пріѣхалъ?—съ упрекомъ обратилась ко мнѣ тетка, когда увидала меня утромъ въ кухнѣ. Я не смѣлъ идти прямо кверху, а сѣлъ въ кухнѣ и ждалъ, пока всѣ встанутъ.

— Мнѣ больно хотѣлось повидаться съ вами со всѣми,—оправдываюсь я передъ теткой.

— Со своими-то намъ горя много, а тутъ еще ты...

Она держала въ рукахъ бѣлую ночную рубашку старшаго сына Николая и, показывая мнѣ, говорила: «вѣдь, вонъ вся въ поту—мокрая, хоть выжми. Ночью почти не спалъ. Ну, иди кверху, коли пріѣхалъ. Всѣ встали. Еня, небось, рада будетъ».

Я поднялся кверху и прошелъ изъ передней прямо въ залу. Тетка вошла въ гостиную, гдѣ за ширмами лежала на матрацѣ, положенномъ на двѣ скамьи, Евгенія Ивановна.

— Вѣдь Ванька-то опять пріѣхалъ,—громко сказала тетка, обращаясь къ Евгеніи Ивановнѣ.

— Вотъ это прекрасно, вотъ прекрасно, Ванюшка!—послышался изъ-за ширмъ слабый голосъ Евгеніи Ивановны.

Я смолчалъ и только боялся, чтобы меня не прогнали назадъ въ Вятку.

У Николая Иваныча развивалась чахотка. Онъ ходилъ всегда въ шубѣ и валеныхъ сапогахъ. Лицо его осунулось, побѣднѣло, голосъ сдѣлался слабымъ, часто кашлялъ. Евгенія Ивановна, повидимому, начинала страдать тѣмъ же недугомъ. Она цѣлый день ходила въ тепломъ ваточномъ пальто, крытомъ свѣтло-лиловымъ люстриномъ. Изрѣдка покашливала, но выглядѣла бодрѣе своего брата.

Ночь на Пасху мы всѣ не спали и размѣстились въ кабинетѣ у дяди; но передъ утреней задремали, а Николай Иванычъ даже заснулъ. Послѣ утрени, когда уже немного разсвѣло, пришелъ дядя съ иконами, свѣчами служить молебенъ. Я пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ. Чрезвычайно живо припоминаю Евгенію Ивановну. Въ своемъ обычномъ ваточномъ пальто она стояла впереди по лѣвую сторону залы, у стульевъ, и, рыдая, усердно молилась на колѣняхъ въ тотъ самый моментъ, какъ мы запѣли «Христосъ воскресе». Къ полудню она даже сняла съ себя пальто и до самаго вечера ходила въ одномъ шерстяномъ голубомъ платьѣ. Должно быть, она предчувствовала, что дни ея жизни сочтены. У ней были длинные-предлинные темнорусые волосы. Какъ-то разъ Пасхой она отрѣзала ножницами толстую прядь своихъ волосъ и повѣсила за ширмами, гдѣ стояла ея кровать. Я попросилъ ее отдѣлить маленькую прядь волосъ на память, и она дала... Однажды, когда я строилъ планы о томъ, какъ я пріѣду на лѣтніе каникулы и мы всѣ будемъ гулять по полямъ и лѣсамъ, собирать цвѣты, ягоды, она грустно покачала головой. Въ шутку разложила на столѣ карты.

— Хочешь, Ванюшка, погадаю?

— Погадайте.

— Вотъ ты пріѣдешь въ Вятку... получишь отъ насъ письмо и станешь плакать.

— Зачѣмъ?—тревожно спросилъ я.

— Потому что я умру,—спокойно и улыбаясь сказала она...— Не пожалѣй цвѣтовъ положить мнѣ въ гробъ.

И у ней самой навернулись слезы, и я возьми да тутъ же и заплачь.

— Вѣдь я нарочно, нарочно, что ты?—успокоивала она меня и сейчасъ же перемѣнила разговоръ.

— Если ты будешь хорошимъ человѣкомъ, то, конечно, не забудешь меня.

*

Я не понялъ, что значитъ быть хорошимъ человѣкомъ и потому спросилъ:

— А какіе же нехорошіе люди бываютъ?

— Мало ли какіе! Ну, неучи, безполезные... никому добра не дѣлаютъ...

— Я не буду такимъ...

— Хорошо, если такъ...

Она имѣла право такъ говорить, потому что сама была добра ко всѣмъ, со всѣми ласкова.

Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ въ училище я легъ спать на полу у стѣны въ залѣ передъ печкой. Съ вечера меня долго душили слезы: мнѣ не хотѣлось ѣхать, я что-то предчувствовалъ недоброе... Вѣяніе смерти уже носилось въ домѣ дяди.

Дороги были не проѣздны, но рѣки и рѣчки еще не прошли, снѣгъ еще не весь сошелъ съ полей: на возвышенныхъ мѣстахъ виднѣлись большія проталины, а на низменныхъ онъ лежалъ еще большими массами, и по утрамъ «по насту» можно было смѣло идти, не проваливаясь. Грачи стаями и съ крикомъ носились около старыхъ четырехъ березъ, росшихъ передъ самыми окнами дядинаго дома. Въ двухъ скворешницахъ, изъ коихъ одна торчала на высокомъ шестѣ тутъ же возлѣ березъ, а другая въ огородѣ противъ дома, за дорогой, поселились уже скворцы и дѣятельно работали надъ приведеніемъ своихъ гнѣздъ въ надлежащій порядокъ. Зелень нигдѣ еще не проглядывала, но въ воздухѣ чуялось уже близкое наступленіе настоящей весны. Мы (я и двое семинаристовъ) рѣшили идти до Вятки пѣшкомъ и, если возможно, нанять лошадей гдѣ-нибудь по дорогѣ. Идти надо было далеко— 90 верстъ. Тетка съ утра велѣла напечь мнѣ сдобныхъ булокъ, наварить яицъ и изжарить кусокъ мяса, и все это уложила въ небольшой бѣлый мѣшочекъ, который Евгенія Ивановна сама перевязала бичевкой такъ, что сдѣлала большую петлю, черезъ которую легко могла пролѣзать рука. Она даже показала мнѣ, какъ лучше нести этотъ мѣшокъ...

Изъ Рождественскаго долго не получалъ я никакого извѣстія, что меня сильно тревожило. Однажды, въ воскресенье, утромъ, въ половинѣ мая мѣсяца 1857 г. ко мнѣ въ номеръ пришелъ крестьянинъ и сообщилъ, что сюда пріѣхали «матушка съ Евгеніей Ивановной и просятъ меня придти къ нимъ». Крестьянинъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что Николай Иванычъ умеръ недавно. У меня ёкнуло сердце. Я мигомъ одѣлся и побѣжалъ. Домъ, гдѣ остановилась тетка, былъ маленькій двухъэтажный, полукаменный. Они помѣстились въ верхнемъ этажѣ, состоящемъ изъ маленькой пе-

редней, кухни и двухъ комнатокъ. Изъ передней я вошелъ прямо въ залу, гдѣ увидѣлъ слѣдующую картину: у стѣны направо отъ входа стояла деревянная кровать, на которой сидѣла, обложенная подушками и одѣтая въ голубое шерстяное платье, Евгенія Ивановна—блѣдная, худая. Лицо ея можно бы было счесть совершенно безжизеннымъ, мертвымъ, если бы не большіе прекрасные глаза, которые свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ. Я поцѣловался съ ней и сѣлъ на стулѣ подлѣ ея кровати. Она быстро таяла. Ежедневно пріѣзжавшій докторъ Розовъ сообщилъ ея матери, что дочь едва ли протянетъ до іюня мѣсяца. Всякій разъ, подходя къ ея квартирѣ, я съ мучительнымъ чувствомъ страха издали всматривался въ окна дома, боясь увидѣть въ нихъ горящія свѣчи въ подсвѣчникахъ. Это мучительное состояніе длилось цѣлыхъ двѣ недѣли. Мнѣ не шли на умъ ни уроки, ни чтеніе.

29 мая, рано утромъ, еще почти до свѣту, я вскочилъ съ постели, кое-какъ одѣлся и побѣжалъ къ роковому дому.

Въ послѣднее время я всегда вставалъ рано, бѣгалъ туда и къ урокамъ возвращался въ училище. Въ этотъ день я пришелъ туда еще ранѣе, часа въ три. Евгенія Ивановна не спала. Въ комнатѣ чуялся тотъ особенный специфическій запахъ, какой обыкновенно чувствуется вблизи чахоточныхъ. Солнышко еще не всходило, но на безоблачномъ небѣ алѣла уже заря. Я сѣлъ на стулъ около маленькаго столика, стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ кровати Евгеніи Ивановны и безсознательно или водилъ что-то карандашемъ по бумагѣ, или глядѣлъ въ раскрытую передо мной книгу. Евгенія Ивановна вдругъ раскрыла свои большіе глаза и, подозвавъ меня къ себѣ, слабымъ голосомъ спросила:

— Скоро, Ванюшка, будетъ солнышко?

— Скоро, скоро, вотъ черезъ четверть часа.

— Ахъ, если бы скорѣе... Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на него.

Самъ не знаю зачѣмъ, я велѣлъ прислугѣ-дѣвушкѣ поставить скорѣе самоваръ. Его принесли на тотъ маленькій столикъ, около котораго я сидѣлъ. Самоваръ былъ чистый, блестящій.

— Вотъ и солнышко,—говорю я Евгеніи Ивановнѣ.

Она вскинула своими исхудалыми до нельзя руками и, улыбаясь, вскричала:

— Ахъ, какъ оно хорошо, какъ прекрасно!

Я заварилъ чай и сталъ пить безсознательно, нехотя; предложилъ Евгеніи Ивановнѣ, она выпила полъ чашки и отказалась. Она была не спокойна. Все спрашивала, скоро ли будетъ солнышко, гдѣ маменька, постоянно бредила... Пришла ея мать и стала у ея изголовья... Вдругъ Евгенія Ивановна подняла обѣ руки кверху, за-

крыла ими свое лицо и слабымъ, точно плачущимъ голосомъ проговорила:

— Маменька... Маменька, я умираю... умираю...

— Успокойся, Еня; ты бредишь,—и отвела ея руки отъ лица изъ боязни, какъ бы она не исцарапала лица; но та, глубоко вздохнувъ два-три раза, испустила духъ. Улыбка такъ и застыла на ея лицѣ...

Я положилъ ей въ гробъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ; цвѣтовъ много наклали въ гробъ какія-то неизвѣстныя барышни... Однѣ барышни вынесли ея гробъ изъ церкви—изъ женскаго монастыря. На могилу ей поставили каменный памятникъ, изображающей срубленное березовое дерево, корни котораго вошли въ землю...

1857 годъ былъ вообще для меня несчастнымъ годомъ. 30 октября я получилъ изъ дома письмо съ черной сюргучной печатью. Мать извѣщала меня о смерти отца и умоляла для поддержанія ея и моихъ трехъ сестеръ проситься у архіерея на отцовское мѣсто или же искать жениха для одной изъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы онъ опредѣлился въ Икское Устье на вакантное пономарское мѣсто. Для этой послѣдней цѣли зимой 1858 года въ Вятку пріѣхала моя мать-старуха съ моей сестрой Анной. Прежде всего мать попыталась убѣдить меня поступить на отцовское мѣсто и потому повела меня къ архіерею Елпидифору.

— Ты зачѣмъ пришла?—обратился владыка къ матери.

— Сынка вотъ своего хочу на отцово мѣсто просить.—И мать поклонилась владыкѣ въ ноги.

— А ты хочешь идти въ пономари?—обратился ко мнѣ владыка.

Я стоялъ, опустивъ голову, и въ волненіи поправлялъ полу своего сюртука, потомъ поднялъ голову и робко сказалъ:

— Я учиться хочу, ваше преосвященство.

— Да какъ же ты не хочешь? Мало ли что не хочешь?! Вѣдь, я твоя мать, ты мой сынъ и должóнъ слушаться меня,—доказывала мнѣ горько плачущая мать.—Какъ же, ваше преосвященство, развѣ сынъ не должòнъ слушаться матери?

— Силой я не могу заставить его сдѣлаться пономаремъ,—кротко замѣтилъ владыка.

— Вѣдь онъ мой сынъ... Хоть бы онъ былъ подлѣ меня... Я бы глядѣла на него... Вѣдь и въ законѣ-то нѣтъ, чтобы сынъ не слушался своей матери.

— Родители должны научить, воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они, пришедши въ возрастъ, могли не клянуть ихъ, а благословлять... И я былъ сынъ дьячка, и у меня мать тоже плакалась, когда я учился: «хоть бы я, говоритъ, на печкѣ сидѣла

съ нимъ да глядѣла бы на него». А вотъ я съ Божьей помощью выучился и удостоился такого высокаго сана. Зачѣмъ же ты мѣшаешь своему сыну учиться? Онъ у тебя, можетъ, человѣкомъ будетъ... Священникомъ, а то и выше. Вѣдь, судьбы Божіи не исповѣдимы. Такъ ты, говоритъ, не хочешь идти въ пономари?— обратился опять ко мнѣ владыка.

— Учиться бы я хотѣлъ.

— Ну и хорошо, учись,—заключилъ владыка, всталъ и благословилъ насъ обоихъ.

Такимъ образомъ, благодаря умному архіерею, я еще разъ былъ спасенъ отъ ожидавшей меня участи пономаря. Не лучшую участь постигла попытка матери найти жениха для моей сестры, но это уже не по моей винѣ. Правда, женихъ этотъ скоро нашелся въ лицѣ толстаго, высокаго, краснощекаго съ кудрявыми волосами архіерейскаго послушника, который нѣсколько разъ приходилъ на квартиру матери смотрѣть невѣсту и въ концѣ концовъ изъявилъ желаніе поступить на отцово мѣсто. Я пошелъ однажды къ архіерею вмѣстѣ съ женихомъ (по фамиліи Мухачевымъ). Женихъ, подавъ архіерею прошеніе, громкимъ басомъ и скороговоркой проговорилъ: «благословите, ваше преосвященство, на мѣсто умершаго пономаря села Икскаго Устья, Марка Краснoперова, Намѣренъ вступить съ его дочерью Анной въ законный бракъ». Очевидно, все это было заучено. Владыка быстро пробѣжалъ прошеніе, и затѣмъ, бросивъ суровый взглядъ на жениха, свернулъ бумагу и съ такой силой бросилъ на полъ, что она полетѣла по полу вдоль всей залы вплоть до самой стѣны.

— Сидѣлъ бы ты, пьяница, на своемъ мѣстѣ! Ты и мѣста-то послушника не стоишь, а тутъ еще лѣзешь въ церковно-служители. Убирайся!..

Очевидно, владыка отлично зналъ своего послушника, который страшно надоѣлъ ему. Мы ушли, и мать больше уже не искала моей сестрѣ женіховъ. Года два спустя, она вышла замужъ за рабочаго на химическомъ заводѣ елабужскаго купца Ушкова.

По обыкновенію, я пробылъ въ вятскомъ училищѣ два года, такъ что въ одномъ четвертомъ классѣ мнѣ пришлось просидѣть шесть лѣтъ. Конечно, первые четыре года прошли для моего умственнаго развитія совершенно непроизводительно, какъ непроизводительно промелькнули годы моего пребыванія и въ первыхъ трехъ классахъ. Все задолбленное и выстраданное мною въ первыя 8 лѣтъ училищной жизни не коснулось моего ума, оно только загромоздило мою память разной безсмысленной дребеденью, освободиться отъ которой меня научила Евгенія Ивановна и оконча-

тельно освободилъ Александръ Александровичъ Красовскій. И все-таки я благодаренъ моимъ учителямъ за то, что они не вытолкнули меня изъ училища, и тѣмъ не сдѣлали меня несчастнымъ на всю жизнь. Въ то достопамятное время педагоги дѣлили учениковъ на двѣ категоріи: на прилежныхъ и лѣнивыхъ,—они, не знали эпитета «неспособный», придуманнаго нынѣшними педагогами, благодаря чему массу учениковъ выталкиваютъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Бывало, ученикъ сидитъ въ одномъ и томъ же классѣ 5—6 лѣтъ, въ той надеждѣ, что онъ хоть чему-нибудь да научится, сидя на одномъ мѣстѣ безконечное число лѣтъ. Если уже и доживая до произрастанія обильной растительности на своей физіономіи, ученикъ не успѣвалъ передвинуться изъ училища въ семинарію, то его исключали не за неспособность, или лѣность, а за «великовозрастіе»,—терминъ, указывающій на предѣлъ, за которымъ слѣдовало уже думать не объ ученіи, а о женитьбѣ. Встрѣтить въ четвертомъ классѣ училища 20—22-хъ-лѣтнихъ учениковъ было не рѣдкость. Мнѣ было 18 лѣтъ, когда я изъ елабужскаго училища перешелъ въ вятское, слѣдовательно, въ семинарію я могъ перейти 20 лѣтъ. Но мой умъ былъ еще въ дѣтскомъ состояніи, и я только теперь началъ выходить изъ состоянія непосредственнаго бытія.

Съ 1858 года Александръ Александровичъ Красовскій сталъ давать мнѣ для чтенія журналы: «Русскій Вѣстникъ», «Современникъ» и «Библіотеку для Чтенія», и болѣе серьезныя книги: Грановскаго, Прескотта, Маколея и др. Объ учености и либерализмѣ Ал. Ал. ходили между нашими учителями различные толки. Говорили, что А. А. обратился въ католичество, что онъ и въ Бога, будто бы, вѣруетъ не по православному, что по этому поводу у него былъ даже крупный разговоръ съ отцомъ его, архимандритомъ, который-де убѣждалъ его бросить чтеніе свѣтскихъ книгъ и тѣмъ предохранить себя отъ заразы невѣрія.

— Вотъ и ты такой же будешь, если станешь книги читать,— пугали меня товарищи.

— Нѣтъ, я ни за что не буду такимъ,—увѣрялъ я.

— Будешь! Красовскій самъ еретикъ и тебя обратитъ къ себѣ... католикомъ будешь.

— Развѣ въ Вяткѣ видѣли вы католиковъ, какіе они?

— Видѣли... Въ папу римскаго вѣрятъ... и ты повѣришь.

Я сталъ не на шутку задумываться надъ тѣмъ, что мнѣ говорили. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ мучительныхъ думъ мнѣ стали видѣться по ночамъ страшные сны: я нахожусь будто въ какомъ-то громадномъ зданіи съ перекрещенными у потолка во

всѣ стороны толстыми бревнами, по которымъ я съ трудомъ перебираюсь, причемъ сзади стараются стащить и сбросить меня дьяволы,—черныя, мохнатыя, длиннохвостыя, но человѣкообразныя существа; меня уже стаскиваютъ за ноги съ одного бревна, но въ безсиліи, какъ утопающій, я успѣваю уцѣпиться за другое бревно и удерживаюсь. Отъ этого мучительнаго кошмара я просыпаюсь весь въ поту и тяжело дыша. Въ другой разъ мнѣ видѣлся самъ Христосъ, гнѣвный и грозный, укоряющій меня за вѣроотступничество. По ночамъ я нерѣдко вставалъ съ постели и горячо молился, плакалъ и молился о томъ, чтобы Богъ просвѣтилъ меня, указалъ правый путь. Я не понималъ, въ чемъ собственно заключается вѣроотступничество, въ которомъ обвиняли А. А. и отчасти меня; въ душѣ мнѣ хотѣлось только стать на сторону А. А. и оправдать его отъ взводимыхъ обвиненій. Въ чтеніи книгъ, въ знаніи я сталъ уже видѣть источникъ внутренняго счастія; свѣтъ знанія, озарившій мою темную голову, влилъ во все мое существо какую-то живительную струю, которая толкала меня впередъ все къ болѣе яркому, животворящему свѣту знанія... Сомнѣнія мучили меня. Измученный, я пошелъ къ Ал. Ал. Онъ, повидимому, замѣтилъ по моему разстроенному виду, что со мной что-то неладное, усадилъ меня на стулъ и сталъ разспрашивать.

— Что съ вами? Ужъ не вышла ли какая непріятность съ учителемъ или инспекторомъ?

— Говорятъ, что книги свѣтскія грѣхъ читать, а надо читать однѣ духовныя... Будто вы изъ за этого въ католическую вѣру обратились... Эдакъ, пожалуй, и я обращусь въ нее.

А. А. расхохотался.

— Глупенькій вы еще,—ласково сказалъ онъ мнѣ, гладя по головѣ.—Зачѣмъ вѣрите всякому вздору? Это говорятъ изувѣры и ханжи невѣжественные. Отъ чтенія книгъ люди не портятся, а напротивъ, дѣлаются лучше, честными. Знаніе дѣлаетъ людей полезными... Не вѣрьте, что вамъ говорятъ на счетъ свѣтскихъ книгъ... Читайте, пріобрѣтайте знанія... Сами будете хорошимъ человѣкомъ,..

Съ этого времени меня уже не мучили больше страшныя, ночныя видѣнія...

Пришло опять время экзаменовъ и перехода въ семинарію. Въ училищѣ экзамены мои прошли благополучно, и я оказался переведеннымъ въ числѣ первыхъ учениковъ; но надо было еще сдать экзаменъ по всѣмъ предметамъ въ семинаріи.

— Завтра, смотрите, у васъ экзаменъ по русскому языку,—

обратился ко мнѣ А. А., когда я пришелъ къ нему съ книгой.— Я вамъ дамъ сочиненіе, которое вы непремѣнно напишете въ классѣ во время экзамена, пока я буду тамъ. Если напишете хорошо, то постараюсь принять васъ въ свое отдѣленіе, если плохо— то, все равно, поступайте въ то, въ какое назначатъ... Мнѣ пріятнѣе заниматься съ хорошими учениками, развитыми.

Онъ удалился въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ вернулся съ маленькимъ лоскуткомъ бумаги.

— Вотъ вамъ тема для сочиненія. Пишите завтра въ классѣ, не стѣсняйтесь... Вы вѣдь много пережили...

Тема была слѣдующая: «Какое впечатлѣніе производитъ на ученика суровый и неприступно-важный видъ начальника школы».

Тема показалась мнѣ ужасно трудной. Я показалъ ее товарищамъ. Тѣ покачали головой и сказали:

— Что? вотъ теперь и выпутывайся, какъ знаешь, коли познакомился съ Красовскимъ.

«Напишу все, что было со мной,—думалъ я про себя:—какъ сѣкли, какъ учился... всѣ были грубы, какъ я изъ училища убѣгалъ... Красовскій правду велѣлъ писать».

Въ классѣ сидѣли и ходили и другіе учителя, кромѣ Красовскаго. Не помню, та-ли тема была дана и всему классу, или только мнѣ одному. Черезъ три часа я кончилъ сочиненіе, написанное на $2^1/_2$ листахъ, и положилъ его въ парту. Красовскій, должно быть, видѣлъ это и подошелъ ко мнѣ.

— Что, кончили?

— Кончилъ,—говорю я.

— Позвольте посмотрѣть.

Не помню, что именно я написалъ, но я зорко слѣдилъ за участью своей тетради. Красовскій сначала прочиталъ самъ тетрадь, стоя у окна, потомъ подошелъ къ другимъ двумъ товарищамъ учителямъ и шепотомъ сталъ имъ читать нѣкоторыя мѣста сочиненія. Я отлично видѣлъ какъ всѣ они хохотали, когда имъ читалъ сочиненіе Красовскій, но меня это не радовало. «Вѣрно, ужъ больно плохо написано, коли хохочутъ», съ тревогой думалъ я. Красовскій подошелъ ко мнѣ и, улыбаясь, сказалъ:

— Хорошо написано, я васъ приму въ свое отдѣленіе.

Послѣ переклички учениковъ я оказался принятымъ въ семинарію 14 ученикомъ.

И. М. Красноперовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЖИЗНИ.

Разсказы Стефана Жеромскаго.

I.

«Да свершится надо мной судьба...»

Софоклъ, «Эдипъ-царь».

Въ самомъ темномъ углу палаты на кровати, обозначенной 24-мъ нумеромъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ рабочій лѣтъ 35.

При каждомъ движеніи больного надъ изголовьемъ кровати покачивалась черная деревянная таблица съ надписью: «caries tuberculosa». Бѣднягѣ ампутировали ногу выше колѣна, что было вызвано туберкулезнымъ гніеніемъ кости. Это былъ безземельный мужикъ, работавшій въ помѣщичьей усадьбѣ; три года тому назадъ онъ женился, дождался русоволосаго хлопца, вдругъ ни съ того, ни съ сего заболѣла у него нога въ колѣнѣ и открылись ранки. Какой-то добрый человѣкъ далъ повозку и на счетъ гмины бѣднягу доставилъ въ больницу.

Однообразные, монотонные дни въ больницѣ не оставляли слѣда въ его памяти, образуя какъ бы неизмѣримую пустоту въ его жизни,—только неизмѣнная тоска въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ давила его душу съ такою неумолимою и грубою силою, съ какою каменная плита давитъ могилу. Какъ въ туманѣ, смутно помнитъ онъ удивительныя вещи, которыя съ нимъ продѣлывали: его купали, морили голодомъ, запускали ему въ рану до самой кости какіе-то прутики, потомъ дѣлали операцію: его принесли въ залу, положили посреди господъ, одѣтыхъ въ фартуки, забрызганныхъ кровью, и онъ помнитъ это—непоколебимое мужество, точно какая-то милосердная рука, осѣнило его.

Передъ операціей, глядя на рядъ явленій, возбуждающихъ отвращеніе, онъ вызвалъ изъ глубины своей простой души нить размышленій, которымъ учитъ самая великая на землѣ учительница — общая больничная палата. Послѣ операціи онъ чувство-

валъ только смертельную усталость и отвращеніе. Ему было постоянно холодно, а около полудня и передъ вечеромъ онъ чувствовалъ такую тяжесть въ головѣ, точно ее давила каменная глыба, и отъ этой глыбы къ ногамъ шли струйки мороза, а отъ пальцевъ здоровой ноги къ головѣ опять бѣжали волны согрѣвающаго тепла. Мысли, какъ капельки живого серебра, быстро сбѣгались въ какой-нибудь уголокъ мозга, а временами, когда онъ, скорчившись, лежалъ въ поту, когда вѣки его сами собою смыкались, и онъ не засыпалъ, а впадалъ въ какое-то оцѣпенѣніе,— его посѣщали какія-то странныя полусонныя видѣнія.

Вотъ исчезаетъ все и остается только сѣрое, неизмѣримое, насыщенное запахомъ хлороформа пространство, на половину освѣщенное какимъ-то разсѣяннымъ и исчезающимъ свѣтомъ, похожее на внутренность неизмѣримаго конуса, который начинается отъ больного и лежитъ передъ нимъ, какъ огромная воронка. Тамъ, очень далеко, гдѣ съуживается верхушка, виднѣется бѣлое пятнышко свѣта: туда онъ хочетъ дойти... Днемъ и ночью идетъ онъ къ этой щелочкѣ по безконечной спиральной линіи, огибающей внутреннюю поверхность конуса, идетъ помимо своей воли, изнемогая, какъ улитка, хотя въ немъ точно обрывается что-то, точно трепещутъ въ немъ птичьи крылья, и онъ, какъ дроздъ, запутавшійся ножкою въ сѣти, не можетъ подняться выше, чѣмъ на длину сѣти, и падаетъ назадъ... Онъ знаетъ, что видно изъ этой щелочки. Только бы ногою ступить, а тамъ—идетъ межа по полю подъ лѣсомъ, гдѣ были его собственные четыре загона картофеля. И представляется ему иногда, когда ему удается освободиться отъ окружающей его пустоты, время копанья. Тихо подъ лѣсомъ, прозрачный осенній воздухъ приближаетъ отдаленные предметы и позволяетъ явственно ихъ видѣть. Вдвоемъ съ бабою копаютъ они славныя картошки. На пригоркѣ, на жнивьѣ, собрались въ кучу пастухи съ мѣшечками у пояса, принесли сухого можжевельника, развели костеръ, поджали босыя ноги и прутиками выгребаютъ изъ-подъ пепла печеныя картошки; въ воздухѣ носится ароматный дымъ отъ можжевельника.

Когда онъ чувствовалъ себя здоровѣе, бодрѣе, когда его не такъ мучила лихорадка, онъ испытывалъ страхъ, удивительную тревогу всѣхъ измученныхъ и разбитыхъ, которая существуетъ въ ихъ душѣ, какъ рана. Существо мужика превращалось тогда въ маленькую, какъ зернышко бѣлены, величину, и, точно гонимое вдругъ возникавшими видѣніями, какими-то страшными звуками, падало, разбиваясь о стѣны бездонной пропасти.

Наконецъ, рана на ногѣ стала затягиваться и лихорадка начала проходить. Душа бѣдняги точно вернулась съ того свѣта

къ прежнему состоянію, къ размышленіямъ о томъ, что проходило предъ его глазами. Но какъ же измѣнился характеръ этихъ размышленій! Прежде окружающее вызывало въ немъ жалость, выроставшую изъ отвращенія, теперь онъ испытывалъ ненависть искалѣченнаго животнаго, страстную жажду возмездія, ярость, въ одномъ хищническомъ порывѣ охватившую какъ тѣхъ несчастныхъ, которые лежали съ нимъ рядомъ, такъ и тѣхъ, которые его искалѣчили.

Это состояніе самоистощенія продолжалось долго и вередило его душевную рану.

Вдругъ разъ онъ замѣтилъ, что здоровая нога у него нѣмѣетъ и пухнетъ въ лодыжкѣ. Когда главный хирургъ дѣлалъ свой ежедневный утренній обходъ, мужикъ сообщилъ ему свое спасеніе.

Лѣкарь осмотрѣлъ его изсохшее тѣло, надрѣзалъ немного опухоль, увидѣлъ, что зондъ доходитъ до кости, тряхнулъ пальцами и посмотрѣлъ съ загадочною грустью въ глаза парню.

— Плохо, братъ, твое дѣло! нужно бы и другую ногу... видишь, также... того. А ты плохъ. Лежи себѣ тутъ, тутъ тебѣ будетъ лучше, чѣмъ въ хатѣ, ѣсть будутъ давать...

И онъ отошелъ съ ассистентами. Отъ дверей онъ вернулся еще на минуту, наклонился надъ больнымъ и потихоньку, чтобъ никто не видѣлъ, заботливо погладилъ его по головѣ.

У мужика потемнѣло въ глазахъ, какъ будто его вдругъ хватили цѣпомъ по затылку. Онъ закрылъ глаза и лежалъ долго — и вотъ понемногу въ немъ все затихло.

Есть въ человѣческой душѣ заколдованный тайникъ, замкнутый сѣмью замками, и не открываетъ его никто и ничто, кромѣ воровской отмычки мстительнаго несчастія.

Софоклъ назвалъ этотъ тайникъ по имени устами Эдипа, когда тотъ ослѣплялъ себя... И кроется въ немъ удивительная отрада, сладкая неизбѣжность, величайшая мудрость.

Тихо лежалъ убогій мужикъ на своихъ нарахъ и казалось ему, что по душѣ его, какъ по волнамъ бушующаго моря, проходитъ Христосъ, усмиряя бурю...

Съ тѣхъ поръ въ продолженіе длинныхъ ночей, въ продолженіе томительныхъ дней онъ смотрѣлъ на все точно изъ какого-то неизмѣримаго далека, изъ какого-то чуднаго мѣста, гдѣ такъ тихо и невыразимо хорошо, откуда все кажется мелкимъ, нѣсколько забавнымъ и глупымъ, но достойнымъ любви.

— Ну что-жъ, ну что-жъ! — шепталъ онъ про себя, — пусть Христосъ пошлетъ людямъ, Богъ съ ними! и мнѣ все-таки не такъ уже скверно...

II.

Сумерки.

Между толстыми стволами елей, одиноко торчавшихъ на мѣстѣ срубленнаго лѣса, гдѣ множествомъ черныхъ пней пестрило зеленое болотистое подножье холмовъ,—склонялось солнце, купаясь въ мѣдномъ блескѣ, точно въ прозрачной пыли, неподвижнымъ слоемъ нависшей надъ далекимъ горизонтомъ. Отблески солнечнаго свѣта сверкали еще на краяхъ тучъ, золотя ихъ и обливая пурпуровымъ сіяніемъ, прорѣзывали ихъ сѣрыя массы и блестѣли на водѣ.

Въ бороздахъ осеннихъ, вспаханныхъ и покрытыхъ жнивьемъ, полей, на болотистыхъ нивахъ и недавно выкорчеванной землѣ стояли непросохшія послѣ недавняго ливня лужи воды, въ которыхъ переливались красныя пятна свѣта, какъ куски обожженныхъ стеколъ. На сѣрыя глыбы земли падалъ тяжелый для глазъ, обманчивый фіолетовый свѣтъ; кое-гдѣ желтѣлъ наносный песокъ; трава на рытвинахъ, кусты на межахъ — все было окрашено не свойственными имъ въ обыкновенное время красками.

Въ глубокой котловинѣ, окаймленной съ востока, сѣвера и юга амфитеатромъ безлѣсныхъ холмовъ, изъ подземныхъ источниковъ бралъ начало ручей, разливавшійся въ болота, излучины и заливы. Около воды, на торфянистой почвѣ росли камышъ, стройный тростникъ, аиръ и купы низкаго ракитника. Неподвижная красноватая вода свѣтилась теперь подъ широкими листьями кувшинокъ и жесткими водорослями—безформенными блѣднозелеными пятнами.

Стаей прилетѣли чирки, покружились нѣсколько разъ съ вытянутыми шеями въ воздухѣ, описывая все меньшіе и меньшіе эллипсисы и нарушая тишину мелодичнымъ, звенящимъ свистомъ своихъ крыльевъ, наконецъ, упали въ камышъ, съ шумомъ разсѣкая воду грудью. Не слышно больше полета бекасовъ, глухого крика водяной курочки, затихло игривое погвиздываніе куликовъ, пропали даже голубые зимородки, вѣчно трепещущіе легкими сѣтчатыми крыльями около стеблей тростника. Только неутомимыя водяныя мухи бродятъ еще по прозрачной поверхности воды на своихъ длинныхъ ногахъ, тонкихъ какъ волосы, но съ колоссальными, насыщенными жиромъ ступнями — да работаютъ два человѣка.

Болота эти составляли часть помѣщичьей земли. Прежній молодой хозяинъ таскался по нимъ съ лягавою собакою за утками и бекасами до тѣхъ поръ, пока не вырубилъ всѣхъ лѣсовъ и не

забросилъ полей, тогда, выѣхавши неожиданно изъ имѣнія, онъ явился въ Варшаву, гдѣ теперь въ будкѣ продаетъ содовую воду.

Когда пріѣхалъ новый, благоразумный помѣщикъ, онъ съ палкою въ рукахъ сталъ бѣгать по полямъ и часто останавливался надъ болотами, ковыряя въ носу.

Онъ копался въ болотѣ руками, рылъ ямы, мѣрилъ, нюхалъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не выдумалъ удивительной вещи: велѣлъ управляющему нанимать мужиковъ поденно копать торфъ, илъ вывозить на поля и складывать въ кучи, а болото раскапывать до тѣхъ поръ, пока не образуется мѣсто, годное для пруда, тогда сдѣлать плотину и искать мѣсто ниже для новаго пруда, и такъ далѣе, пока не наберется нѣсколько прудовъ, потомъ копать рвы, ставить шлюзы и напускать рыбу.

Вывозить торфъ нанялся сейчасъ же Валекъ Гибала, безземельный работникъ, жившій въ сосѣдней деревушкѣ на квартирѣ. Гибала служилъ у прежняго помѣщика конюхомъ, но у новаго не ужился. Новый помѣщикъ и новый управляющій, во-первыхъ, сейчасъ же уменьшили плату рабочихъ и кормъ скотинѣ, а во-вторыхъ, во всемъ видѣли воровство. У прежняго помѣщика каждый конюхъ ежедневно могъ отъ пары лошадей отсыпать себѣ полгарнца овса и вечеромъ отнести къ шинкарю Беркѣ въ обмѣнъ на табакъ, бумагу, чарку водки. Какъ только пріѣхалъ новый управляющій, онъ понялъ въ чемъ дѣло, а такъ какъ первый случай какъ разъ былъ съ Валькомъ, то онъ далъ ему въ морду и прогналъ со службы.

Съ тѣхъ поръ Валекъ съ бабою жилъ на квартирѣ въ деревнѣ, такъ какъ мѣста найти не могъ: управляющій выдалъ ему такой аттестатъ, что нечего было и думать наниматься. Въ рабочую пору они оба съ бабою зарабатывали кое-что у мужиковъ, но зимою и весною терпѣли ужасный голодъ. Огромный, широкоплечій, съ желѣзными мускулами мужикъ высохъ, какъ щепка, почернѣлъ, сгорбился, ослабѣлъ. Баба—другое дѣло, поживится у кумы, насобираетъ грибовъ, малины, земляники, отнесетъ въ усадьбу или къ жиду и хоть на кусокъ хлѣба заработаетъ, а мужикъ безъ пищи не выдержитъ молотьбы. Когда приказчикъ предложилъ копать торфъ на лугу, у обоихъ заблестѣли глаза. Самъ управляющій обѣщалъ тридцать копѣекъ за каждую вырытую кубическую сажень.

Валекъ каждый день бралъ съ собою бабу копать. Она нагружала тачки, а онъ по доскамъ, проложеннымъ черезъ болото, вывозилъ илъ въ поле. Работа кипитъ у нихъ въ рукахъ. У нихъ двѣ большихъ глубокихъ тачки: едва привезетъ Валекъ пустую тачку, ужъ другая нагружена, онъ набрасываетъ шлею на

плечи и толкаетъ тачку подъ гору. Желѣзное колесо пронзительно скрипитъ; брызги жидкой, проросшей корешками грязи падаютъ на обнаженныя до колѣнъ ноги мужика; когда тачка перескакиваетъ съ доски на доску, шлея врѣзывается ему въ шею и плечи, а на рубашкѣ отпечатывается черная полоса зловоннаго пота, руки млѣютъ въ локтяхъ, погружающіяся въ илъ ноги терпнутъ и нѣмѣютъ, но за то въ продолженіе длиннаго дня у нихъ вырыто двѣ кубическія сажени—значитъ въ карманѣ есть деньги.

Они надѣялись, что къ концу осени отложатъ рублей 30, заплатятъ за квартиру, купятъ бочку капусты, мѣръ пять картофеля, сермягу, сапоги, фартукъ для бабы, холста на рубахи и перебѣдуютъ кое-какъ до весны, зарабатывая еще у людей то молотьбой, то пряжей.

Но скоро управляющему показалось слишкомъ дорого платить по 30 копѣекъ за кубическую сажень. Смекнулъ онъ, что не всякій разлакомится рыться въ грязи съ утра до ночи, что Вальку съ женою, должно быть, очень плохо пришлось, когда они безъ раздумья бросились на такую работу. Хотите, говоритъ, по 20 копѣекъ работать, такъ хорошо, а нѣтъ, такъ не надо.

У мужиковъ въ эту пору не заработаешь; въ усадьбѣ при молотилкахъ и машинахъ достаточно своихъ рабочихъ—выбирать не изъ чего. Валекъ послѣ разговора съ управляющимъ пошелъ въ кабакъ и съ горя напился. На другой день утромъ побилъ бабу и взялъ ее съ собою на работу.

Съ тѣхъ поръ, хотя дни стали меньше, они вырываютъ тѣ же самыя двѣ сажени, безъ устали работая съ разсвѣта до поздней ночи.

И теперь вотъ ужъ приближается ночь. Синѣвшіе вдали лѣса потемнѣли и расплываются въ сѣрыхъ сумеркахъ, блескъ воды гаснетъ, освѣщенныя зарею ели бросаютъ огромныя тѣни, на вершинахъ холмовъ, на лѣсныхъ прогалинахъ краснѣютъ еще кое-гдѣ то пни, то камни. Отъ этихъ свѣтящихся точекъ отражаются мелкіе лучи, попадаютъ въ глубокую пустоту, которую образуетъ вокругъ предметовъ неполная темнота, вибрируютъ въ ней, преломляются, дрожатъ одно мгновеніе и затѣмъ все гаснутъ и гаснутъ.

Деревья и кусты теряютъ выпуклость и рѣзкость очертаній, естественный цвѣтъ и кажутся въ сѣромъ пространствѣ плоскими, совершенно черными фигурами съ странными контурами.

Въ ложбинѣ сгущается мракъ и скопляется прохлада, насквозь пронизывающая. Тьма идетъ невидимыми волнами, ползетъ по скатамъ холмовъ, точно поглощая скудныя краски жнивья, обвалившихся деревьевъ, осыпавшейся земли, песчаника.

На встрѣчу волнамъ мрака съ болота поднимаются другія,

бѣловатыя, прозрачныя, едва видныя волны, стелются полосами, клубятся вокругъ зарослей, дрожатъ и переливаются надъ поверхностью воды. Холодный сырой воздухъ давитъ ихъ, пригнетаетъ къ дну долины, гдѣ онѣ лежатъ плашмя, подобно куску дерюжнаго полотна.

— Идетъ туманъ...—шепчетъ жена Валька.

Наступаетъ та пора сумерекъ, когда всѣ видимые предметы, кажется, разсыпаются въ прахъ, когда надъ поверхностью земли разливается сѣрая пустота, засматриваетъ въ глаза и сжимаетъ сердце какою-то невѣдомою скорбью. Женѣ Валька страшно. Волосы становятся дыбомъ у нея на головѣ и морозъ подираетъ по кожѣ. Туманъ приближается, какъ живое тѣло, украдкою подползаетъ къ ней, забѣгаетъ сзади, отступаетъ, подкрадывается и опять надвигается все стремительнѣе и стремительнѣе; наконецъ, онъ кладетъ на нее свои мокрыя руки, пронизываетъ ее до мозга костей, деретъ въ горлѣ и щекочетъ въ груди. Тутъ вспоминается ей ея ребенокъ. Она не видала его съ самаго полдня; спитъ онъ одинъ въ замкнутой избѣ, въ липовой колыбелькѣ, привѣшенной къ стропилу березовыми прутьями. Онъ плачетъ тамъ, вѣрно, захлебывается, рыдаетъ... Мать слышитъ этотъ странный, жалобный, какъ писк птицы въ пустырѣ, плачъ, онъ звенитъ у нея въ ушахъ, стучитъ въ одно какое-то мѣсто мозга и терзаетъ ея сердце. Въ продолженіе длиннаго дня она не думала о немъ, потому что тяжелая работа отгоняетъ всякія мысли, разсѣеваетъ ихъ и почти уничтожаетъ, но теперь вечерній страхъ заставляетъ ее сосредоточиться и остановить всѣ мысли на одномъ...

— Валекъ, — говоритъ она тревожно, когда онъ привезъ тачку,—я побѣгу въ хату, наскребу картошекъ...

Гибала ничего не отвѣчаетъ, точно не слышитъ, забираетъ тачку и трогается въ путь, присѣдая, какъ мѣшокъ ржи на десятичныхъ вѣсахъ. Когда онъ вернулся, баба стала снова просить:

— Валекъ, побѣжать?

— Эй...—нехотя буркнулъ онъ.

Она знаетъ его гнѣвъ, знаетъ, какъ онъ умѣетъ дать въ бокъ, собрать кожу въ горсть, ударить разъ, другой, а потомъ бросить человѣка, какъ камень, въ траву; знаетъ, какъ онъ умѣетъ содрать косынку съ головы, обмотать себѣ руку ея волосами и протащить испуганную женщину по дорогѣ, или, не помня себя отъ гнѣва, выхватить изъ грязи лопату и хватить ею по головѣ, не думая о томъ, убьетъ онъ или не убьетъ.

Но нетерпѣливое безпокойство, доходящее до боли, беретъ въ ней верхъ надъ боязнью наказанія. Временами баба замышляетъ

убѣжать: только бы сползти на корточкахъ въ оврагъ, перескочить черезъ ручей, а потомъ стремглавъ—по полямъ, по загонамъ. Нагибаясь и наполняя тачки, она мысленно летитъ, скачетъ, какъ куница, почти чувствуетъ боль, какъ будто въ самомъ дѣлѣ босыми ногами бѣжитъ по жнивью, заросшему колючками и шипами; эти ости не только вонзаются ей въ ноги, но пронизываютъ сердце. Добѣгаетъ она до хаты, отпираетъ засовъ деревянной отмычкой, тепло и спертый воздухъ обливаютъ ей лицо, она припадаетъ къ люлькѣ... Исколотитъ ее Валекъ, когда вернется въ хату, изобьетъ до полусмерти,—ну что-жъ? это ужъ послѣ...

Однако, какъ только Валекъ показывается изъ тумана, ее охватываетъ страхъ его кулака. Она опять покорно умоляетъ его, хотя знаетъ, что этотъ разбойникъ не пуститъ ея.

— А, вѣдь, дѣвченка тамъ, можетъ быть, упала...

Онъ ничего не отвѣчаетъ, сбрасываетъ съ плечъ шлею отъ тачки, подходитъ къ женѣ и движеніемъ головы показываетъ колышекъ, до котораго сегодня они должны докопать. Потомъ берется за лопату и начинаетъ нагружать свою тачку. Онъ работаетъ истово, быстро, что есть силъ. Нагрузивши полную тачку, онъ бѣгомъ гонитъ ее и, уходя, говоритъ:

— Вези и ты свою, лѣнтяйка.

Она понимаетъ эту снисходительную уступку ея мольбамъ, эту грубую доброту, жесткую и суровую заботливость, такъ какъ, нагружая тачки вдвоемъ, работу можно кончить гораздо скорѣе. Теперь она подражаетъ его проворнымъ и торопливымъ движеніямъ, какъ обезьяна, набрасываетъ илъ въ тачку вчетверо скорѣе, чѣмъ прежде, работая не съ обыкновенною мужицкою предусмотрительною экономіей силъ, не мускулами, а напряженіемъ нервовъ. У нея рѣжетъ въ груди, подъ вѣками мелькаютъ красные круги, изъ глазъ падаютъ крупныя, горькія слезы, слезы безсознательнаго страданія—въ этотъ холодный и зловонный илъ. Каждый разъ, погружая въ землю лопату, она смотритъ, далеко-ли до колышка, наполнивши тачку, схватываетъ ее и бѣжитъ съ ней, подражая мужику.

Туманъ поднялся высоко, заволокъ бурьянъ и стоитъ надъ вершиною олешника неподвижною стѣною; окутанныя имъ деревья кажутся пятнами неопредѣленнаго цвѣта и удивительно большихъ размѣровъ, а бѣдняки, бѣгающіе по оврагу, чудовищно огромными призраками.

Головы падаютъ имъ на грудь, руки дѣлаютъ однообразныя движенія, туловища сгибаются къ землѣ.

Колеса тачекъ гремятъ и стучатъ, волны, похожія на разведенное водою молоко, колышатся между черными холмами.

Въ глубинѣ небесъ зажглась вечерняя звѣзда и дрожа послала свое жалкое мерцаніе навстрѣчу чарамъ тумана.

III.

Искушеніе.

Младшій изъ сыновей ясновельможной пани Анны Кшивосондъ-Наславской посвятилъ себя духовному званію. Съ юношескихъ лѣтъ онъ выказывалъ необыкновенное усердіе къ молитвѣ, былъ тихъ, послушенъ, необыкновенно степененъ и богобоязненъ. Образованіе онъ получилъ въ Римѣ подъ руководствомъ дальняго родственника-кардинала; едва девятнадцати лѣтъ отъ роду блистательно кончилъ курсъ семинаріи, но не получилъ сана священника, такъ какъ не достигъ еще соотвѣтственнаго возраста; поэтому онъ вернулся на родину, гдѣ не былъ уже много лѣтъ, и поселился въ домѣ матери.

Онъ занялъ угольную комнату дома, пустую и холодную, какъ тюремная камера, спалъ на землѣ, не ѣлъ скоромной пищи, читалъ латинскія книжки, кажется, даже бичевалъ себя по ночамъ и носилъ власяницу подъ изношенной священнической рясой. Онъ охотно прощалъ обиды, былъ невыразимо добръ, кротокъ и до смѣшного скроменъ.

Садился онъ не иначе, какъ на кончикъ стула, точно боясь зацѣпиться за столъ въ тотъ моментъ, когда онъ неожиданно будетъ взятъ на небо, ходилъ на пальцахъ, точно подъ подошвами сандалій у него были какіе-то мистическіе прутики, предохранявшіе его отъ земного праха, говорилъ языкомъ священнаго писанія, избѣгалъ людей, а при видѣ деревенскхъ дѣвокъ шепталъ молитвы. Ежедневно на разсвѣтѣ онъ выходилъ изъ дому и шелъ въ поле. Тамъ ему легче было обращатся къ Творцу, тамъ мечта его свободнѣе окрылялась. Тропинкою, проложенною среди необозримаго ржаного поля, онъ подымался на отдаленный холмъ, гдѣ въ тѣни сосенъ крылась лѣсная часовенка.

Въ то утро онъ шелъ, какъ обыкновенно. Окрестности еще были погружены въ сумракъ ночи, хотя на востокѣ зажглась уже полоса разсвѣта. На стебляхъ ржи висѣли крупныя капли росы, ими была смочена тропинка, подъ ихъ тяжестью склонялись усики колосьевъ. Рожь, слабо освѣщенная разсвѣтомъ, колыхалась, какъ огромная волна, и извилинами вторгалась въ лѣсъ. Въ воздухѣ висѣлъ запахъ земли и созрѣвающаго хлѣба, запахъ, который

*

возбуждаетъ въ человѣкѣ сознаніе своей молодости, силы, здоровья. Острымъ сырымъ ароматомъ лѣса потянуло изъ черной глубины огромныхъ деревьевъ, по вершинамъ которыхъ сталъ разливаться свѣтъ зари. Клерикъ шелъ не торопясь; ноги его двигались медленно, рукою онъ проводилъ по колосьямъ ржи. Изъ-подъ его ногъ вылетали жаворонки и камнемъ падали въ чащу хлѣбовъ.

Заря разгоралась, разливалась яркимъ пламенемъ и освѣщала ущелья, овраги и провалы въ черныхъ тучахъ, лѣниво висѣвшихъ надъ лѣсомъ. Столѣтнія ели, вѣнчавшія вершину горы, неожиданно вышли изъ тьмы, огромныя и величественныя, какъ славянскія жрицы. Вѣтви ихъ вырѣзывались на прозрачномъ фонѣ лазури, какъ руки, простертыя къ восходящему солнцу.

Вдругъ надъ землею пронеслась стремительная волна: это вѣтеръ, предвѣстникъ разсвѣта, слетѣлъ съ еловыхъ вѣтвей и возвѣщаетъ злакамъ, травамъ, хлѣбамъ: солнце!

Казалось, — земля затрепетала, и въ ней забилось сердце. Потомъ вѣтеръ сложилъ крылья и повисъ надъ землей въ воздушномъ пространствѣ, напоенномъ ароматомъ смолы, хвороста и хлѣбовъ. Наступила минута мертвой тишины, прекрасная и таинственная минута предъ разсвѣтомъ, когда растенія сжигаютъ весь уголь, который они могутъ поглотить.

Взоръ клерика былъ обращенъ къ зарѣ. Слова молитвы изливались изъ его сердца на уста подобно тому, какъ смола просачивается на кору сосны съ наступленіемъ весны. Онъ дошелъ до часовенки, отворилъ двери, сколоченныя изъ сѣрыхъ досокъ, и палъ ницъ съ распростертыми руками предъ образомъ Христа, плохо нарисованнымъ рукою нехитраго художника.

Казалось, душа его поднялась съ земли и унеслась къ стопамъ Божьимъ. Вотъ-вотъ съ зрачковъ его спадетъ пелена слѣпоты, и онъ увидитъ ликъ Предвѣчнаго...

Вдругъ раздалось грубое пѣніе мужицкаго голоса:

«Ты мнѣ, Ганя, тогда и полюбилась,
Какъ на полѣ, словно лебедь, забѣлѣлась»...

Этому голосу издалека отвѣчалъ другой женскій:

«Не я то бѣлѣлась—рубашка моя,
А ты, Ваня, думалъ, что я разукрашена»...

Молившійся поднялся съ земли и всталъ на порогѣ часовни. Онъ увидѣлъ высокаго, босого парня въ рубахѣ, въ соломенной шляпѣ, который выкорчевывалъ можжевельникъ на лѣсной прогалинѣ. Верзило выворачивалъ изъ земли корни, обматывалъ себѣ руки вѣтвями и выдергивалъ кусты вмѣстѣ съ комьями земли. По тропинкѣ шла дѣвушка, неся на плечахъ охапку травы. Край

юбки она заткнула за поясъ, ея широкія плечи согнулись подъ тяжестью ноши, и только голову, покрытую краснымъ платкомъ, она подымала кверху, смотря туда, гдѣ работалъ парень. Когда она остановилась на поворотѣ тропинки, парень загородилъ ей дорогу, развязалъ у нея на груди концы веревки, траву сложилъ на землю... Она отталкивала его руками, смѣясь.

Ксендзъ закрылъ себѣ глаза ладонями, но черезъ минуту руки его упали сами собою при звукахъ новой пѣсни двухъ голосовъ, которые отдавались въ лѣсу. Это была дивная музыка... Весь лѣсъ, какъ натянутая струна, дрожалъ и заливался звуками этихъ двухъ голосовъ.

«Въ садикѣ вишня,
Въ огородѣ двѣ»...

Они шли внизъ, между хлѣбами, колосья которыхъ доходили до ихъ склонившихся другъ къ другу головъ. Освѣщенныя лучами огромнаго краснаго солнечнаго диска, онѣ рѣзко выдѣлялись на фонѣ тусклой ржи. Они шли долго межами, пока хлѣба не скрыли ихъ совершенно.

Изъ закрытыхъ глазъ клерика текутъ слезы, онъ неистово заламываетъ руки... Незнакомыя слова, слова тоски и мольбы о любви тѣснятся ему на уста.

Онъ обращаетъ ихъ къ видѣнію съ заплаканными глазами, съ длинными дѣвственными волосами, которое выплываетъ изъ какой-то пещеры и застилаетъ ему глаза. Въ немъ пробуждается какая-то незнакомая сила, неумолимая, могучая, чудовищно сладкая, которая увлекаетъ его въ широкую даль. Свободный духъ разорвалъ оковы и, подобно молодому неукротимому коню, рвется на просторъ...

Прошло много времени, а онъ точно слился съ тишиною полей и луговъ, потомъ наступило какъ бы пробужденіе отъ сна. Какой-то шумъ заставилъ его встряхнуться. Онъ осмотрѣлся вокругъ и поднялъ глаза кверху, къ небу. Подъ серебристымъ облакомъ поднимался жаворонокъ, заливаясь звонкою пѣсенкою. Мысли бѣднаго аскета неслись за ея звуками, взоръ мало-по-малу разъяснялся, сила привычки, сила вѣры, забирала чуть было не утраченную надъ нимъ власть.

— Боже, прости мнѣ, прости!—шептали блѣдныя уста...

Пер. съ польскаго **М. З.**

ПИСЕМСКІЙ.

*(Продолженіе *).*

XIV.

Важнѣйшимъ вопросомъ для *историческихъ* людей сороковыхъ годовъ была судьба крѣпостного строя. Оба юныхъ героя романа—Вихровъ и Плавинъ, испытывающіе смущеніе среди народнаго рабства, лично будто рѣшаются на нѣкоторыя практическія средства. По примѣру своихъ предшественниковъ и образцовъ «старенькихъ романтиковъ» они ужасаются, умиляются, усиливаются благодѣтельствовать «меньшому брату», но въ результатѣ болѣе всего продолжаютъ заниматься дѣлами, вообще свойственными героямъ романовъ. Самый пылкій—Вихровъ—совершаетъ, правда, гражданскій подвигъ и является «лицомъ, пострадавшимъ» за народную свободу и за «жоржъзандизмъ». Вихровъ написалъ повѣсть въ защиту несчастныхъ женъ и мужиковъ и подвергся ссылкѣ въ провинцію. Этотъ эпизодъ носитъ отчасти автобіографическій характеръ. Первое произведеніе Писемскаго—*Боярщина*—сочинено на тему объ эмансипаціи и было запрещено цензурой въ печати. Запретъ тяготѣлъ надъ повѣстью цѣлыхъ десять лѣтъ, оставляя, конечно, въ памяти автора глубокое впечатлѣніе, и авторъ сильно прикрасилъ въ романѣ подлинное событіе, даже прибавилъ небывалый въ дѣйствительности фактъ—произведеніе, направленное, будто бы, противъ крѣпостничества. Писемскій могъ быть свидѣтелемъ многочисленныхъ гоненій на литературу не за женскій, а за народный вопросъ, но самъ до конца крѣпостнической эпохи не совершилъ ни одного прегрѣшенія въ духѣ народничества. Мы ниже познакомимся съ повѣстью Писемскаго и оцѣнимъ ея значеніе для эпохи сороковыхъ годовъ. Какъ бы велико ни было это значеніе, оно, разумѣется, блѣднѣетъ предъ всеобъемлющимъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

вопросомъ о судьбѣ десятковъ милліоновъ народа. И это, повидимому, послѣ уничтоженія крѣпостного права чувствовалъ самъ авторъ, наградивъ своего автобіографическаго героя вымышленнымъ гражданскимъ вѣнкомъ. Но это увѣнчаніе такъ и остается вынужденной вставкой, будто позднѣйшимъ случайнымъ варіантомъ.

На самомъ дѣлѣ вопросъ, поглощавшій вниманіе настоящихъ людей сороковыхъ годовъ и не встрѣчавшій въ этой средѣ двухъ рѣшеній, въ романѣ нашего автора принимаетъ самый неожиданный оборотъ.

Одинъ изъ положительныхъ героевъ, юристъ Марьеновскій, касается вообще вопроса о реформахъ и заявляетъ, что онѣ невозможны при существованіи крѣпостного права. Дѣло, слѣдовательно, сводится къ реформамъ,—необходимы ли онѣ, или нѣтъ?

Отвѣта рѣшительнаго не дается въ разбираемомъ романѣ, но шестью годами раньше въ другомъ романѣ—*Взбаламученное море* Писемскій изобразилъ слѣдующую сцену.

Бесѣда идетъ о крайнихъ политическихъ увлеченіяхъ молодежи. Главный герой романа—Баклановъ—спрашиваетъ у своихъ собесѣдниковъ, сенатскаго оберъ-прокурора Юрасова и бывшаго мирового посредника Варегина,—личности, въ высшей степени просвѣщенной, когда-то университетскаго преподавателя, для автора крайне симпатичной и высоко-почтенной:

— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла?

Варегинъ только усмѣхается, а Юрасовъ отвѣчаетъ:

— Если подъ движеніемъ разумѣть собственно революціонное движеніе, то оно, конечно, безсмыслица; но движеніе въ смыслѣ реформъ...

Юрасовъ не доканчиваетъ, будто не находя приличествующаго выраженія или не осмѣливаясь его высказать, по недостатку личнаго твердаго убѣжденія. Что же касается Варегина, то онъ «придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу...»

Мы еще встрѣтимся съ подобными сценами и вопросами въ романахъ нашего автора. Теперь обратите вниманіе на *тонъ* и *внутренній смыслъ* только-что приведенной бесѣды, не упустите изъ виду и мимику собесѣдниковъ. Что изъ всего этого вытекаетъ?

Все, что угодно, только не вполнѣ ясный, точный и твердый отвѣтъ на поставленные вопросы. Многоточіе и «какое-то странное» выраженіе лица... Вотъ по истинѣ «странное» заключеніе спора о предметахъ первостепенной важности и, притомъ, еще о предметахъ *практически* рѣшенныхъ. Потому что мы должны помнить, — у автора было слишкомъ достаточно времени и для

наблюденій, и для критики, чтобы избавиться отъ неопредѣленныхъ настроеній.

Естественно, одновременно съ заявленіемъ Марьеновскаго, подрывающимъ, надо полагать, устойчивость крѣпостного права, мы слышимъ вѣскую рѣчь отъ «житейской мудрости» Макара Григорьева.

Онъ разсказываетъ о нѣкоторыхъ своихъ односельчанахъ, возжаждавшихъ свободной жизни. Онъ обратился къ этимъ неосновательнымъ фантазерамъ съ такимъ поученіямъ:

«Да есть ли у васъ разумъ, что на волѣ жить: ежели лошадь-то съ рожденія своего взнуздана была, такъ, по моему, ей взнузданной околѣвать приходится».

И въ дѣйствительности, семья дворовыхъ, зажившая было самостоятельно, окончательно пришла въ разстройство и снова вернулась въ подданническое состояніе. «Мудрость», слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, и притомъ Макаръ Григорьевъ такъ резонно и авторитетно доказываетъ её словесно, что ему могъ бы позавидовать любой крѣпостникъ съ самыми «тонкими вкусами». Даже больше. Съ исключительно «житейской» точки зрѣнія, безъ всякаго вмѣшательства «гуманныхъ идей и мыслей», Макаръ Григорьевъ имѣетъ видъ истиннаго «мудреца», стоящаго на самой трезвой и здоровой почвѣ.

Теперь, попробуйте объединить всѣ эти данныя, не явится ли у васъ мысль, что авторъ самъ подчасъ дѣлаетъ «странное выраженіе лица» и злоупотребляетъ многоточіями?

То же самое и насчетъ вліянія литературы.

Какъ у писателя, у нашего автора, конечно, не мало нѣжныхъ чувствъ къ литературѣ. Онъ, несомнѣнно, много обязанъ произведеніямъ русскихъ писателей, въ родѣ Пушкина и Гоголя, обязанъ многими пріятными минутами, настоящимъ художественнымъ и даже нравственнымъ удовлетвореніемъ. Естественно, Писемскій могъ написать такой сердечный отзывъ о двухъ своихъ герояхъ, провинціалахъ, любителяхъ литературы:

«Въ необразованномъ, пошловатомъ, провинціальномъ міркѣ они были единственными представителями и отголосками маленькаго ручейка мысли повозвышеннѣе, чувствъ поблагороднѣе, стремленій попоэтичнѣе, который въ то время такъ скромно и почти таинственно бѣжалъ посреди грубой и, какъ справедливо выражался Вихровъ, солдатскимъ сукномъ исполненной жизни...»

Дальше, оказывается одинъ изъ этихъ рѣдкихъ людей зналъ почти наизусть статьи Бѣлинскаго, другой читалъ разные журналы, въ томъ числѣ и *Отечественныя Записки*. Наконецъ, са-

мое сильное заявленіе: «Ихъ любовь къ литературѣ и поэзіи все-таки развила въ нихъ чувства чести и благородства».

Слѣдовательно, скажете вы, и статьи Бѣлинскаго внесли свою лепту въ эту сокровищницу добродѣтелей? Но тогда, какой же смыслъ имѣетъ отзывъ Невѣдомова о статьяхъ Бѣлинскаго и Вихрова о письмѣ критика къ автору *Мертвыхъ душъ*?

Въ концѣ романа Вихровъ даетъ, наконецъ, повидимому, вполнѣ ясный отвѣтъ на вопросъ о дореформенной литературѣ и ея роли въ преобразовательномъ движеніи.

«Эти реформы,—говоритъ онъ,—обдумывались и облюбились не въ палатахъ тогдашнихъ государственныхъ мужей, а на вышкахъ и въ подвалахъ, въ бѣдныхъ студенческихъ квартирахъ и по скромнымъ гостинымъ литераторовъ и ученыхъ».

Совершенно ясно, но, во-первыхъ, въ примѣръ студентовъ-реформаторовъ приводится Заминъ, знакомый намъ лицедѣй, не сообщившій намъ почему-то ни одной своей преобразовательной идеи. А потомъ, одновременно съ вихровскимъ панегирикомъ литературѣ, благородный провинціалъ, знающій наизусть статьи Бѣлинскаго, произноситъ уничтожающее обвинительное слово противъ той же литературы, не допуская никакихъ оговорокъ и ограниченій.

Оказывается, петербургскіе поэты крайняго направленія по пути женской эпансипаціи и критики, «ругающіе всю Россію на повалъ», развратили въ конецъ очень милую и нравственную даму. Пока «держали ее въ пушкинскомъ идеалѣ, она была женщина совсѣмъ хорошая», а теперь, подъ вліяніемъ новой литературы, очевидно, усомнившейся въ идеальныхъ совершенствахъ Татьяны, дама «сбивалась съ панталыку» и открыто, съ гордостью, завела себѣ любовника. «Нынѣшняя скверная литература тому причиной», заканчиваетъ ораторъ.

Какая же литература? Если развѣнчивающая пушкинскую Татьяну, — предъ нами опять Бѣлинскій съ своей знаменитой страстной характеристикой русскихъ дѣвушекъ и женщинъ пушкинской эпохи. Никто безпощаднѣе Бѣлинскаго не нападалъ на подвигъ Татьяны въ концѣ романа и никто, слѣдовательно, не совершилъ въ глазахъ своего почитателя изъ романа Писемскаго болѣе вопіющаго преступленія предъ нравственностью. А потомъ, и относительно Россіи письмо нашего критика къ Гоголю могло бы вполнѣ подтвердить патріотическое негодованіе на писателей, безусловно свободныхъ отъ національныхъ восторговъ предъ русской дѣйствительностью. Наконецъ, что же противоставляетъ герой Писемскаго направленію петербургскихъ поэтовъ и критиковъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, пушкинскую Татьяну—эту прирожден-

ную безпомощную жертву перваго встрѣчнаго комедіанта и пошляка, наряженнаго въ модный костюмъ? Авторъ самъ изобразитъ множество такихъ же жертвъ рядомъ съ еще болѣе сомнительными героями, чѣмъ пушкинскій Чайльдъ-Гарольдъ, и съ свойственнымъ ему реализмомъ представитъ въ самыхъ яркихъ краскахъ нравственный и общественный недугъ лицедѣйскаго разочарованія... И неужели послѣ этого онъ желалъ бы видѣть безъ конца все ту же благодарную публику для спектаклей господъ Батмановыхъ, Бахтіаровыхъ и многихъ имъ подобныхъ? Еще больше недоразумѣній вызываетъ замѣчаніе по адресу критиковъ, будто бы «наповалъ» уничтожающихъ Россію.

Какіе это критики? Если взять того же Бѣлинскаго, несомнѣнно виноватаго въ подрывѣ «пушкинскаго идеала», въ національномъ отщепенствѣ онъ окажется болѣе чѣмъ неповиннымъ. Въ послѣднихъ статьяхъ онъ даже рискнулъ вызвать недоумѣніе у своихъ сторонниковъ похвальной рѣчью нѣкоторымъ идеямъ славянофиловъ, и именно тѣмъ, которыя должны бы казаться особенно разумными Писемскому и его героямъ. Въ славянофильской литературѣ, по мнѣнію Бѣлинскаго, была несомнѣнно одна живительная струя—критика фальшиваго поверхностнаго европеизма, преслѣдованіе межеумковъ, нахватавшихся французскихъ и англійскихъ отголосковъ и разучившихся думать по русски. Но, съ другой стороны, проповѣдь культурныхъ побѣдъ Востока надъ Западомъ, вообще національное идолопоклонство, казалось Бѣлинскому величайшимъ заблужденіемъ. И здѣсь, надо полагать, самъ Писемскій не могъ бы отказать критику въ извѣстномъ сочувствіи: по крайней мѣрѣ, такъ-называемое, «русачество» у него воплощено въ лицѣ послѣдняго негодяя—графа Хвостикова, въ романѣ *Мѣщане*.

Какъ же теперь намъ разобраться во всемъ этомъ? Какъ рѣшить вопросъ, что усвоилъ нашъ писатель изъ необычайно живого, искренняго и содержательнаго теченія сороковыхъ годовъ?

Одинъ отвѣтъ, несомнѣнно, ясенъ. Писемскій инстинктивно сторонился всякой *идеологіи*, теорій, идеаловъ, рѣзко разрывающихъ съ дѣйствительностью; вообще, всякаго *общаго вывода* изъ данныхъ явленій, разъ онъ выходитъ за предѣлы здраваго смысла, непосредственной «житейской мудрости». Въ большинствѣ случаевъ, при извѣстномъ общественномъ строѣ, можно весьма спокойно прожить съ такимъ умственнымъ орудіемъ. Но бываютъ времена и обстоятельства, предъявляющія болѣе высокія и затруднительныя требованія. Въ самую жизнь, независимо отъ книгъ и теорій, врываются волны идей и фактовъ, совершенно не объяснимыхъ съ точки зрѣнія почвеннаго и стихійнаго развитія внѣшней дѣйстви-

тельности. Эти факты и идеи явно враждебны кругомъ процвѣтающей жизни. Хотя они весьма часто, напримѣръ, въ тѣ же сороковые годы, могутъ быть внушены просто гуманнымъ чувствомъ и логикой непосредственныхъ впечатлѣній, все-таки для полнаго признанія требуютъ особой силы идейнаго анализа и широкаго общекультурнаго горизонта. И требуютъ не только въ общественной практикѣ, но и въ искусствѣ, въ поэзіи.

Въ одной изъ статей о Пушкинѣ Бѣлинскій писалъ:

«Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, *страстное полное вражды и любви* мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи».

Это говорилось на основаніи фактовъ. Критикъ, конечно, видѣлъ и не скрывалъ, что указанный имъ духъ далеко не выгоденъ для *художественности*, и Бѣлинскій называлъ даже примѣры, нисколько не щадя своихъ личныхъ сочувствій къ извѣстнымъ писателямъ.

Въ другой его статьѣ читаемъ:

«Въ наше время искусство и литература больше чѣмъ когда-либо прежде сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общѣе, доступнѣе всѣмъ, яснѣе, сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ. Это, разумѣется, не могло не измѣнить общаго направленія искусства во вредъ ему, такъ какъ самые геніальные поэты, увлекаясь рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ, удивляютъ иногда теперь публику сочиненіями, которыхъ художественное достоинство нисколько не соотвѣтствуетъ ихъ таланту или, по крайней мѣрѣ, обнаруживается только въ частностяхъ, а цѣлое произведеніе слабо, растянуто, вяло, скучно».

И въ примѣръ приводятся нѣкоторые романы Жоржъ Зандъ.

Болѣе рѣшительной отповѣди не могъ бы изречь даже Невѣдомовъ. Но разница въ томъ, что герой Писемскаго такъ и успокоился бы на отдѣльныхъ фактахъ, изъ нѣсколькихъ частныхъ посылокъ сдѣлалъ бы общій и неограниченный выводъ, т. е. поступилъ бы какъ и подобаетъ чисто художественной созерцательной натурѣ. Совершенно другая картина рисуется анализирующему разуму.

Бѣлинскій продолжаетъ:

«Но и здѣсь бѣда произошла собственно не отъ вліянія современныхъ общественныхъ вопросовъ, а оттого, что авторъ существующую дѣйствительность хотѣлъ замѣнить утопіею, и вслѣдствіе этого заставилъ искусство изображать міръ, существующій только въ его воображеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ харак-

терами возможными, съ лицами, всѣмъ знакомыми, онъ ввелъ характеры фантастическіе, лица небывалыя—и романъ у него смѣшался со сказкою, натуральное замѣнилось искусственнымъ, поэзія смѣшалась съ реторикой».

Слѣдовательно, бѣда не въ общественныхъ интересахъ художника, а въ его пониманіи этихъ интересовъ. И далѣе Бѣлинскій совершенно логически доказываетъ, что искусство отнюдь не подвергается опасности изъ-за общественныхъ идей. Та же Жоржъ Зандъ подтвердила это другими романами, вполнѣ художественными, хотя и преисполненными общественнаго содержанія. Даже у второстепенныхъ талантовъ идейныя тенденціи приводятъ къ уродливымъ результатамъ исключительно потому, что авторы вмѣсто жизненнаго реализма, пускаютъ въ ходъ эффектные вымыслы.

Весь вопросъ, очевидно, въ силѣ художественнаго творчества и въ вѣрномъ представленіи о явленіяхъ подлинной дѣйствительности и ея настоятельныхъ прогрессивныхъ потребностяхъ. Это представленіе, несомнѣнно, можетъ возникнуть только путемъ анализа. Отрѣшиться отъ общественныхъ вопросовъ дѣятелю новой литературы нѣтъ возможности, Это значило бы совершенно выйти изъ среды самой *дѣятельности* и рисковать остаться безъ публики и читателей. Кромѣ того, для истиннаго литературнаго таланта это недостижимо и психологически. Въ предѣлахъ общества и волнующихъ его стремленій и идеаловъ лежатъ всѣ значительныя, увлекательныя, художественно-разнообразныя и психологически-глубокія темы. Слѣдовательно, уже размѣры даровитости обусловливаютъ идейность произведеній. Мы это видѣли на примѣрѣ нашего же писателя и увидимъ дальше. При основныхъ художественныхъ задаткахъ натуры Писемскій не могъ удержаться отъ «идей и мыслей» и отъ критики современныхъ теченій. И чѣмъ шире будетъ развиваться его дѣятельность, тѣмъ настойчивѣе станетъ критика и яснѣе идеи и мысли. Въ результатѣ Писемскій напишетъ романъ на одну тему съ Тургеневымъ, но только несравненно болѣе тенденціозный и менѣе художественный, если художественность понимать въ смыслѣ объективнаго творчества. Вся разница между писателями сведется къ *критеріуму*, какой они будутъ прилагать къ явленіямъ жизни.

У Тургенева это все богатство европейской мысли XIX-го вѣка, не менѣе обширное знакомство съ европейской дѣйствительностью, добросовѣстнѣйшая и терпимѣйшая вдумчивость и чисто философскій анализъ. У Писемскаго—исконныя добродѣтели русскаго самобытнаго человѣка—здравый смыслъ, почвенное національное чувство и, какъ результатъ всего этого, «житейская мудрость».

При помощи этого оружія можно весьма удобно справляться съ простѣйшими фактами личной и общественной психологіи, можно составить вполнѣ опредѣленное міросозерцаніе—для извѣстнаго, установившагося порядка вещей. Но малѣйшее усложненіе дѣйствительности и замѣшательство въ исконномъ теченіи жизни создаетъ для практическаго мудреца непобѣдимыя затрудненія. Такъ именно и случилось съ Писемскимъ.

Онъ могъ вполнѣ увѣренно возстать противъ идеологовъ и краснобаевъ, гегельянцевъ, контистовъ, *вообще*—противъ отвлеченныхъ идей, занесенныхъ изчужа. Но у него не достало аналитической способности разрѣшить множество отдѣльныхъ вопросовъ, возникшихъ въ связи съ идеями сороковыхъ годовъ. Эти вопросы оказались для него совершенно чуждымъ міромъ, и въ то время, когда они наступали непрерывной вереницей со всѣхъ сторонъ и во всѣ области современной дѣйствительности, Писемскій производилъ впечатлѣніе человѣка, который растерялся предъ лицомъ невѣдомыхъ и неожиданныхъ явленій и безпомощно и безпорядочно отбивается отъ нихъ, будто отъ призраковъ.

Совсѣмъ не отбиваться, а просто уйти къ сторонкѣ отъ неудержимаго движенія Писемскій не могъ и по своему великому литературному таланту, и по невольному долгу, возложенному на него предъ читателями именно силой этого таланта. Но справиться съ привидѣніями не было возможности средствами, пригодными для обороны въ другія, менѣе отвѣтственныя и не столь *сложныя* времена. «Житейская мудрость» столь же мало соотвѣтствовала сороковымъ и позже шестидесятымъ годамъ, какъ мортиры и пищали XVI го вѣка—войнамъ XIX-го столѣтія. Писателю оставалось усвоить современное оружіе и новѣйшую тактику, т. е. пойти сначала въ ученики къ «гегелистамъ» и прочимъ идеалистамъ эпохи, чтобы потомъ разсчитаться съ ними въ равномъ бою. Но возможно ли это было для Писемскаго?

Автобіографія и автобіографическій романъ даютъ рѣшительный отрицательный отвѣтъ. И романъ здѣсь даже важнѣе автобіографіи. Онъ, снова повторяемъ, былъ написанъ не въ самый разгаръ впечатлѣній автора, долго спустя послѣ «сороковыхъ годовъ». Впечатлѣнія могли улечься и выясниться. Писалась уже исторія, мемуары, а не дневникъ. И при такихъ условіяхъ романъ сохранилъ слѣды изумительной смуты въ авторскихъ представленіяхъ всюду, гдѣ дѣло идетъ о насущнѣйшихъ культурныхъ и общественныхъ вопросахъ минувшей эпохи... Что же могло быть среди самыхъ событій и фактовъ въ минуты *воспріятія* разнообразныхъ впечатлѣній? Ничего другого,—кромѣ въ лучшемъ

случаѣ—крайней неустойчивости въ сочувствіяхъ и туманности въ сужденіяхъ. Писемскій оставлялъ университетъ *трезвымъ* человѣкомъ: этимъ онъ особенно гордится въ автобіографіи. И несомнѣнно, трезвость имѣетъ свои достоинства. Мы сейчасъ увидимъ, чѣмъ авторъ былъ обязанъ ей въ своей литературной дѣятельности. Но трезвости было мало въ то время, когда кругомъ кипѣла мысль и лучшія молодыя силы горѣли воодушевленіемъ отнюдь не ради фантастическихъ мечтаній, а самыхъ разумныхъ, не отвратимыхъ нуждъ русскаго народа и общества. Вскорѣ основательность этого воодушевленія будетъ блистательно подтверждена государственными преобразованіями, тогда и нашъ авторъ окажется выбитымъ изъ круга «житейской мудрости». Но будетъ поздно: онъ не съумѣетъ освоиться даже съ тѣми идеями сороковыхъ годовъ, которыя найдутъ свое осуществленіе на практикѣ, и прежняя смута представленій не исчезнетъ окончательно. Мы это видѣли въ одномъ произведеніи Писемскаго, увидимъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ. И это явится вполнѣ естественнымъ искупленіемъ за безусловную «трезвость». При всѣхъ ея выгодахъ, она далеко не всегда и не все можетъ понять, оцѣнить, и часто ея судъ оказывается крайне близорукимъ и несправедливымъ. Почему,—объяснено очень хорошо однимъ изъ шекспировскихъ героевъ, очень юнымъ, но много страдавшимъ.

Когда монахъ Лоренцо, непогрѣшимый проповѣдникъ здраваго смысла и практической мудрости, принимается осыпать укорами несчастнаго юношу, переживающаго величайшую драму своей жизни, Ромео пылко бросаетъ ему въ лицо такую отповѣдь:

Ты говоришь о томъ не въ состояньи,
Чего не можешь чувствовать! Когда бъ
Ты молодъ былъ, какъ я! любилъ Джульетту,
Какъ я люблю! обвѣнчанъ былъ бы съ нею,
Затѣмъ убилъ Тибальда и узналъ,
Что изгнанъ ты—тогда заговорилъ бы
Иначе ты!—ты вырвалъ бы себѣ
Всѣ волосы и бросился бъ на землю,
Какъ я теперь, искать себѣ могилы...

Ромео—слишкомъ молодъ и преисполненъ пылкой страсти, но въ его крикѣ: «мудрецъ съ разсудкомъ здравымъ слѣпъ!» и въ совѣтѣ монаху—сначала попасть въ бѣду, а потомъ попытаться одолѣть ее сентенціями «здраваго разсудка»—заключается дѣйствительно настоящая мудрость. И здравомыслящій резонеръ рядомъ съ безумно-несчастнымъ юношей производитъ на насъ впечатлѣніе—менѣе всего внушительное и для себя выгодное.

Такъ и въ нашемъ случаѣ. Люди сороковыхъ годовъ—своего

рода Ромео, столь же страстные, хотя и неизмѣримо болѣе сознательные рыцари своихъ—*идей*, преимущественно двухъ идеаловъ--народной свободы и просвѣтительнаго, даже преобразовательнаго назначенія литературы. Надо было страдать этими идеалами, надо, подобно Бѣлинскому, «цѣною слезъ, воплей души» усвоивать идеи, воспринимать ихъ всѣмъ своимъ существомъ и долгими сомнѣніями и думами вынашивать всякое убѣжденіе, или, подобно Станкевичу, горевать на свои физическія немощи, какъ на препятствіе выполнить свое «призваніе»—надо было, однимъ словомъ, пережить молодость со всѣмъ трепетомъ чуткаго сердца и самоотверженной работой аналитической мысли, тогда только писатель стяжалъ бы право и способность говорить и судить. Иначе всюду, гдѣ только его рѣчь коснется лично непродуманныхъ идей и не переиспытанныхъ волненій, она, при всей своей трезвости, будетъ звучать въ лучшемъ случаѣ сухимъ банальнымъ резонерствомъ или обличать крайнюю неопредѣленность руководящихъ воззрѣній, вѣчно боязливыя колебанія между самыми разнообразными выводами и сужденіями.

У Писемскаго такое положеніе обнаружилось, лишь только онъ попалъ въ идейныя теченія своего времени. Мы могли до сихъ поръ видѣть, что—отнюдь не было преднамѣренной, излюбленной ролью автора. Напротивъ, вытекая изъ самой сущности натуры нашего писателя, эта роль установилась съ самаго начала естественно, стихійно, потомъ укрѣпилась подъ вліяніемъ совершенно логическаго развитія внѣшнихъ обстоятельствъ и настроеній Писемскаго, и въ результатѣ создала жестокую драму для человѣка и для писателя.

XV.

Во время пребыванія въ университетѣ Писемскій, разумѣется, не пренебрегалъ своими литературными наклонностями. Въ романѣ разсказывается о нѣкоторыхъ работахъ Павла Вихрова и подробности разсказовъ не лишены интереса. Такъ, напримѣръ, Вихровъ—студентъ математическаго факультета—представилъ профессору словесности сочиненіе *Поссевинъ въ Россіи* и удостоился публичнаго одобренія. Иначе вышло съ повѣстью *Чугунное кольцо*: профессоръ указалъ на полное незнакомство автора съ изображенной въ повѣсти дѣйствительностью. Вихровъ рѣшилъ—«учиться и учиться», а потомъ уже писать...

Мы видѣли, какъ самъ Писемскій не высоко цѣнилъ умственный капиталъ, пріобрѣтенный въ университетѣ, и даже вполнѣ

положительное, по его мнѣнію, пріобрѣтеніе—«трезвость» отнюдь не обѣщала безусловныхъ благъ по условіямъ эпохи. Писемскій вышелъ изъ университета, столь же мало связанный нравственно съ «людьми сороковыхъ годовъ», какъ и въ день поступленія въ университетъ. Онъ могъ вынести развѣ только болѣе прочную увѣренность въ своихъ литературныхъ талантахъ и особенно въ артистическихъ способностяхъ. А намѣренію «учиться и учиться» предстояло осуществляться совершенно другимъ путемъ, чѣмъ это происходило у большинства молодежи сороковыхъ годовъ. Въ программѣ Писемскаго мы заранѣе можемъ не искать популярнѣйшихъ задачъ времени, излюбленныхъ авторовъ-философовъ и публицистовъ. Все это не соотвѣтствовало бы трезвому взгляду и потомъ представляло бы изъ себя только «чужой голосъ». Единственная достойная изученія книга — жизнь и вытекающая изъ нея «житейская мудрость».

И Писемскій непосредственно за порогомъ университетскихъ аудиторій приступаетъ къ этому источнику истины.

Для насъ особенно любопытенъ одинъ фактъ. Обыкновенно, всѣ, кто чувствуетъ въ себѣ «бога», т. е. литературный талантъ и успѣли уже вкусить сладости успѣха, томятся неутолимой жаждой дальнѣйшихъ подвиговъ и успѣховъ. И эта жажда такъ естественна именно въ молодости! Примѣровъ на этотъ счетъ можно бы привести сколько угодно, но примѣръ, похожій на исторію Писемскаго, найти врядъ ли возможно.

Въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ будущій писатель не даетъ о себѣ никакихъ вѣстей въ литературѣ, но за то начинаетъ входить во вкусъ чиновничьей службы. Сначала Писемскій поступаетъ въ костромскую палату государственныхъ имуществъ, служитъ два года, выходитъ въ отставку, женится, снова поступаетъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій при костромскомъ губернаторѣ, дѣлается потомъ ассесоромъ костромскаго губернскаго управленія и остается имъ, пока литературная слава не обѣщаетъ болѣе привлекательнаго и солиднаго обезпеченія, т. е. до 1853 года. Но на этомъ не кончается канцелярская карьера Писемскаго. Много лѣтъ спустя, когда слава подверглась затменію, онъ снова является чиновникомъ и состоитъ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія съ 1866 года, въ теченіе семи лѣтъ. На этотъ разъ служба не могла быть вынуждена финансовымъ вопросомъ: популярность Писемскаго сильно падала у критики и наиболѣе литературной публики, но это не мѣшало спросу на его романы у читателей *Всемірнаго труда*, *Зари*, *Гражданина*, *Огонька*, и въ денежномъ отношеніи писатель былъ вполнѣ взысканъ

судьбой. Очевидно, у Писемскаго жила личная склонность къ чиновничьей дѣятельности.

И дѣйствительно, не только склонность, но даже извѣстное міросозерцаніе, система. Въ теченіе всего университетскаго курса и много позже Писемскій не могъ выработать опредѣленнаго взгляда на современныя *общественныя* идеи, но за то составилъ вполнѣ точное представленіе о назначеніи русскаго чиновника. Это, конечно, ближе стояло къ житейской мудрости и само представленіе могло быть совершенно «трезвымъ» и практическимъ. Оно, на самомъ дѣлѣ, выражало только взгляды тѣхъ же чиновниковъ, можетъ быть, и лучшихъ въ своей средѣ, но изображавшихъ изъ себя привилегированныхъ воспитателей и руководителей общества.

Именно такъ смотрѣлъ на вопросъ Писемскій. Можно признавать или оспаривать этотъ взглядъ, мы не намѣрены входить въ доскональное разрѣшеніе вопроса, но одной особенности именно относительно Писемскаго нельзя упустить изъ виду.

Онъ—писатель, жилъ въ эпоху, когда литература, можетъ быть, юношески смѣло, но искренне и *по послѣдствіямъ* цѣлесообразно, брала на себя обязанность указывать и разъяснять общественные недуги и намѣчать средства врачеванія. Литература не только констатировала вопіющія уродства крѣпостного строя, но, на сколько ей дозволялось, дѣлала логическіе выводы изъ фактовъ. Даже общественные слои, совершенно непричастные къ литературѣ, волновались, обсуждали и рѣшали вопросы за свой счетъ.

Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ письма Бѣлинскаго. Критикъ, восхищаясь оживленіемъ литературы, сообщаетъ, что и «помѣщики проснулись и затолковали»: «видно по всему, что патріархально-сонный бытъ изжитъ, и надо взять иную дорогу»... И движеніе сначала являлось чисто-общественнымъ, литературно-публицистическимъ, безъ всякихъ оффиціяльныхъ внушеній и поощреній. Напротивъ, цензура нерѣдко карала періодическую печать за обсужденіе крестьянскаго вопроса уже въ то время, когда рѣшеніе его было признано настоятельнымъ у высшаго правительства. И вотъ при такихъ-то условіяхъ Писемскій усиливается идею чиновника слить съ идеей всеобъемлющей дѣятельности въ государствѣ, проникается чисто-патріархальнымъ идеаломъ начальника «родного отца» и «благодѣтеля».

Для насъ, въ сущности, этотъ идеалъ не представляетъ неожиданности. Мы слышали и еще не разъ услышимъ о «справедливомъ» помѣщикѣ, какъ послѣднемъ словѣ «житейской мудрости», «справедливый» чиновникъ—естественная компанія справедливому

барину, и государственный вопросъ рѣшается столь же просто, какъ и общественный, безъ всякихъ «идей и мыслей», главное—отечественными средствами, безъ вмѣшательства «чужого голоса».

Со всѣми подробностями рѣшенія знакомъ всякій читатель произведеній Писемскаго. Калиновичъ, герой романа *Тысяча душъ*, ничто иное, какъ воплощеніе административнаго идеала самого автора. Этотъ фактъ удостовѣренъ на юбилеѣ Писемскаго ораторомъ, вполнѣ освѣдомленнымъ въ вопросѣ—лично отъ самого юбиляра. О Калиновичѣ намъ предстоитъ особая бесѣда, теперь достаточно припомнить его теоретическую и практическую политику. И та, и другая крайне просты: полнѣйшая личная безупречность, но соразмѣрная съ добродѣтелями—и власть, точнѣе самовластіе. Калиновичъ не беретъ взятокъ, безпощадно преслѣдуетъ неправду всюду, гдѣ только ее находитъ, но дѣйствуетъ при этомъ, какъ провиденціальный, непогрѣшимый человѣкъ, какъ Наполеонъ своего царства, какъ Юпитеръ-громовержецъ—единственный по силѣ и пониманію вещей. Это называется «проведеніемъ безстрастной идеи государства съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ», т. е. въ переводѣ на болѣе простой языкъ — предъ нами тотъ самый разгулъ канцелярскаго деспотизма, какой изображенъ Тургеневымъ въ лицѣ рѣшительнаго юнаго генія Паншина. Калиновичъ, конечно, гораздо умнѣе и талантливѣе этого господина, но символъ вѣры у нихъ одинаковъ.

Результаты очевидны съ самаго начала. «Отпоръ всѣхъ домогательствъ» на практикѣ оказывается полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ общимъ свойствамъ среды и обстоятельствъ, гдѣ осуществляются молніеносные рапорты и отношенія, совершеннымъ забвеніемъ общественныхъ и народныхъ основъ жизни, на которую распространяется «безстрастное» воздѣйствіе всевозможныхъ усмотрѣній и личныхъ вдохновеній. Ясно, всѣ самыя благія начинанія остаются, по существу, безплодными, потому что ихъ судьба зависитъ отъ отдѣльной личности и не связана съ самимъ строемъ жизни, съ чувствами и мыслями среды. Калиновича можетъ смѣнить одинъ изъ уничтоженныхъ имъ взяточниковъ, и старые порядки снова водворятся невозбранно. Такъ это и происходитъ въ самомъ романѣ. «Справедливый» губернаторъ сходитъ со сцены, оставляя за собой только лишнюю страницу въ исторіи помпадурства, хотя бы и вполнѣ благонамѣреннаго и благороднаго. Онъ не успѣваетъ вызвать къ жизни ни «сословнаго», ни «частнаго» дѣятельнаго сочувствія своимъ начинаніямъ, ни сословнаго, ни частнаго сознанія—во-первыхъ, ненормальности взят-

ки и плутни, во-вторыхъ, необходимости бороться съ ними общими силами, за одно съ благороднымъ администраторомъ. А пока нѣтъ этого сознанія, всякій Калиновичъ, вооруженный какимъ угодно безстрастіемъ, окажется однимъ изъ самыхъ неудачныхъ донъ-кихотовъ.

Совершенно такое же разсужденіе примѣнимо и къ «доброму» барину-крѣпостнику, вообще всюду, гдѣ общественный вопросъ превращается въ личный, гдѣ политика переходитъ въ мораль. А именно этотъ способъ рѣшенія самыхъ сложныхъ вопросовъ и усвоенъ Писемскимъ, какъ писателемъ и какъ практическимъ дѣятелемъ. И служебная карьера Писемскаго любопытна для насъ именно потому, что она бросаетъ вполнѣ опредѣленный свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ міросозерцаніи писателя.

Нѣтъ сомнѣнія, идея не оставалась у Писемскаго платоническимъ достояніемъ ума. Онъ старался, на сколько зависѣло отъ его силъ и скромныхъ должностныхъ положеній, осуществить ее въ дѣятельности, служилъ съ толкомъ и съ любовью, находилъ положительный вкусъ въ своихъ обязанностяхъ чиновника. Особенно его увлекали слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ. Въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ* съ великими подробностями изображена слѣдовательская дѣятельность Вихрова, такого же чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, какимъ былъ самъ авторъ. Въ той же юбилейной рѣчи, несомнѣнно, со словъ Писемскаго сообщалось, что онъ необычайно внимательно и любовно допрашивалъ преступниковъ и даже разстрогивалъ ихъ. Они разсказывали свои дѣла откровенно, потому что слѣдователь «ужъ больно хорошій и умный баринъ». Это извѣстіе отдаетъ чѣмъ-то идиллическимъ, мало свойственнымъ русскому преступнику и вообще русскому человѣку, но и подобное заявленіе, конечно, возможно въ единичномъ случаѣ. Для насъ важно собственно отношеніе будущаго писателя къ своей оффиціальной службѣ. Оно, мы видимъ, вполнѣ твердое, искреннее и не лишенное даже сознанія личнаго достоинства, и недюжинныхъ способностей и успѣховъ на административномъ поприщѣ.

Выводъ поучительный для міросозерцанія Писемскаго, и мы убѣдимся, какую громадную роль играли эти чувства при созданіи романа *Тысяча душъ*, лучшаго произведенія нашего автора. Но служба и безвыходное пребываніе въ провинціи немедленно послѣ окончанія университетскаго курса, важны еще и въ другомъ смыслѣ.

Трезвость, вынесенная Писемскимъ изъ университета, могла разцвѣсти на полномъ просторѣ вдали отъ столичныхъ кружковъ

и напряженныхъ культурныхъ интересовъ. Непосредственные вопросы житейскаго благополучія и благоустройства неминуемо должны были затягивать человѣка, уже по натурѣ мало склоннаго къ «идеямъ и мыслямъ» въ духѣ своей многодумной и безпокойной эпохи. Четыре года спустя послѣ окончанія университета Писемскій женился на дочери издателя «Отечественныхъ Записокъ», Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной. Это событіе положило рѣшительный конецъ «жоржъ-зандизму» Алексѣя Ѳеофилактовича, т. е. единственнымъ мечтательнымъ увлеченіямъ, унаслѣдованнымъ отъ легкомысленной юности.

Супруга Писемскаго оказалась какъ нельзя болѣе способной упрочить трезвыя настроенія мужа. Бракъ, повидимому, былъ заключенъ безъ малѣйшаго вмѣшательства романическаго элемента, Екатерина Павловна, по отзыву мужа, «совершенно не кокетка», очевидно, менѣе всего могла заставить своего поклонника пройти тернистый путь юношескихъ сердечныхъ страстей.

Въ романѣ *Взбаламученное море* она выведена подъ именемъ Евпраксіи, необычайно выдержанной, невозмутимо разсудительной дочери, жены, матери. Въ силу этихъ совершенствъ, ей даже присвоено наименованіе *ледёшки*. Все это намъ извѣстно со словъ самого Писемскаго, и мы впослѣдствіи увидимъ, какое вліяніе семейная жизнь оказала на идеальное представленіе нашего автора вообще о женщинѣ, ея судьбѣ и назначеніи.

Во всякомъ случаѣ, женитьбой Писемскій «выигралъ главный кушъ въ жизненной лотереѣ». Такъ выражался Тургеневъ, невольно завидовавшій благоустройству семейнаго очага своего товарища. У этого очага Екатерина Павловна представляла во всѣхъ отношеніяхъ прочную основу и положительную устойчивую силу. И эта сила должна была принести неоцѣненную пользу въ будущемъ.

Писемскій, при всей своей умственной трезвости, унаслѣдовалъ отъ родителей необычайно нервную физическую организацію. Мы видѣли, что составляло наиболѣе чуткую, болѣзненную сторону нервозности у отца писателя. Десятки лѣтъ нужды, лишеній, невольныхъ обязательствъ предъ милостями благодѣтелей и покровителей развили нестерпимо раздражительное чувство самолюбія и органическое недовѣріе къ людямъ, къ ихъ словамъ и поступкамъ. Такія настроенія заставляютъ человѣка быть вѣчно на сторожѣ, ежеминутно ждать отъ внѣшняго міра непрошеныхъ, оскорбительныхъ и эгоистическихъ врываніствъ въ личную жизнь слабѣйшаго. Это не разочарованіе и не пессимизмъ, но ощущенія, весьма похожія на то и другое: инстинктивное недовѣріе ко

всему, что кажется чуждой, враждебной или даже просто равнодушной силой. Это — скептицизмъ людей, много перенесшихъ и много разъ обманутыхъ. Его можно встрѣтить на каждомъ шагу среди разныхъ неудачниковъ какого угодно умственнаго уровня и общественнаго положенія.

Нашъ писатель получилъ въ полной мѣрѣ это печальное наслѣдіе, и требовались только соотвѣтствующія обстоятельства, чтобы стихійная болѣзненная оторопь предъ внѣшнимъ міромъ проснулась и властно завладѣла душой и умомъ «предрасположеннаго субъекта». У отца Писемскаго эта оторопь находила противовѣсъ въ закаленной, чисто-солдатской натурѣ, въ укоренившейся привычкѣ къ дисциплинѣ надъ другими и надъ самимъ собой, въ большой практической энергіи. У сына—натуры, утратившей расовую цѣльность Писемскихъ подъ вліяніемъ художественныхъ и даже отчасти романтическихъ задатковъ материнской семьи—не было отцовской стойкости и выдержки. И дальше мы увидимъ, до какихъ предѣловъ настоящаго пессимизма и безотрадной меланхоліи выростало у Писемскаго простое чувство недовѣрія къ людямъ и къ жизни, завѣщанное «житейской мудростью» предковъ. Это произошло, когда писателя со всѣхъ сторонъ окружили темныя тучи общественнаго гнѣва, по временамъ даже ожесточеннаго преслѣдованія и безславія... Но трагическія времена еще далеко. Теперь пока долженъ открыться путь блестящей славы и быстрыхъ увлекательныхъ успѣховъ.

Къ нимъ писатель готовился, нисколько, повидимому, не волнуясь, не страдая обычной юношеской лихорадкой еще неиспытанныхъ, неудостовѣренныхъ вполнѣ творческихъ силъ. Онъ спокойно изучалъ окружающую жизнь и въ этомъ изученіи съ первыхъ же шаговъ долженъ былъ занять самое выгодное положеніе, какое только могло достаться русскому писателю сороковыхъ годовъ.

Всякаго другого, подъ вліяніемъ разныхъ современныхъ идей и обычныхъ молодыхъ иллюзій, наблюдаемая дѣйствительность на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ,—могла лишить душевнаго міра и спокойной вдумчивости. Гнѣвъ и страсть невольно могли подняться въ сердцѣ идеально-настроеннаго юноши и онъ въ той или другой формѣ прошелъ бы сначала путь Бѣлинскаго, излившаго первыя муки идеальной мысли въ стремительной драмѣ шиллеровскаго жанра, или Лермонтова, трепетавшаго всѣми нервами своего существа при одной мысли о свѣтскихъ пошлякахъ и фарсёрахъ, или Тургенева, съ трудомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, справившагося съ своей первой общественной исторіей—*Рудинымъ*. И послѣднее обстоятельство особенно понятно. Писателю, развѣнчи-

вающему одно изъ блестящихъ, но по существу отрицательныхъ явленій русскаго общества, приходилось художественные образы отрывать отъ сердца, «чтобы муки съ ними оторвать», по выраженію Лермонтова.

Ничего подобнаго не могло совершиться съ самыми сильными впечатлѣніями Писемскаго. Онъ невозмутимо и прилежно изучалъ науку жизни—чиновничьей и провинціальной. Вооруженный здравымъ смысломъ, чувствомъ справедливости и непосредственнымъ общечеловѣческимъ чутьёмъ правды, онъ былъ достаточно проницателенъ оцѣнить прелести дореформенной бюрократіи, безъ помощи какихъ бы то ни было идейныхъ внушеній. Другое дѣло — додуматься до общаго смысла и вывода изъ этой оцѣнки... Потомъ, свободный отъ модныхъ увлеченій своего поколѣнія, на короткое время, да и то болѣе по личнымъ практическимъ соображеніямъ поддавшійся только жоржъ-зандизму, онъ могъ съ безстрастіемъ естествоиспытателя изслѣдовать пышныя фигуры во всевозможныхъ европейскихъ уборахъ, и Чайльдъ-Гарольдовъ, и Рудиныхъ, и просто донъ-жуановъ и шарлатановъ безъ всякихъ плащей. Со временъ Фонвизина русскіе Иванушки не видѣли болѣе неумолимаго и неутомимаго врага и съ эпохи *Мертвыхъ душъ* не раздавался болѣе прямой, національный голосъ почвенной самобытной русской натуры.

И, наконецъ, гдѣ пришлось зазвучать этому голосу? Тамъ, гдѣ всѣ Иванушки являются обыкновенно въ самомъ забавномъ, каррикатурномъ видѣ, гдѣ всякій европеизмъ превращается въ яркую заплату на неопрятномъ самодѣльномъ платьѣ и гдѣ, съ другой стороны, «крапивное сѣмя», отравлявшее еще Сумарокова, разростается въ непроходимую чащу всевозможныхъ неправдъ и произвола.

Да, трудно представить болѣе счастливое совпаденіе могучаго сатирическаго таланта, личной искренности и правдивости, полнѣйшей неприкосновенности къ соблазнамъ современной мысли и даже моды и благодарнѣйшей среды для изученія отрицательнѣйшихъ явленій оффиціальнаго міра и общественной жизни...

XVI.

Раньше подробнаго разбора произведеній Писемскаго мы, на основаніи общаго представленія объ его личности и талантѣ, можемъ безошибочно заключить о развитіи, объ основныхъ моментахъ и періодахъ его творчества. Писемскій на сцену общественной литературы вступилъ въ 1847 году, романомъ *Боярщина*.

Романъ былъ запрещенъ и, конечно, быстро распространился въ рукописи. Первое произведеніе Писемскаго явилось въ печати въ іюльской книгѣ *Отечественныхъ Записокъ* 1848 года,—повѣсть *Нина*. Затѣмъ слѣдовалъ непрерывный рядъ разсказовъ, большихъ повѣстей, драмъ и комедій. Не проходило года безъ какого-либо произведенія Писемскаго. Не всѣ они одинаковаго достоинства, не всѣмъ имъ авторъ посвящалъ достаточно труда и вниманія, но это не мѣшало славѣ Писемскаго расти непрерывно и достигнуть полнаго блеска въ эпоху появленія романа *Тысяча душъ* и драмы *Горькая судьбина*. Эти, дѣйствительно, въ высшей степени зрѣлые плоды великаго таланта заключили первый періодъ литературной работы нашего автора, явились, такъ сказать, послѣдними словами необычайно обильной многолѣтней художественной рѣчи.

Этотъ періодъ можно назвать *дореформеннымъ*. Онъ закончился какъ разъ наканунѣ преобразовательнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, успѣлъ охватить и ранніе его проблески, едва замѣтныя, часто подземныя струи новыхъ теченій и совершенно открытыя, бьющія ключемъ, стремленія подготовителей и осуществителей освободительныхъ реформъ.

Дальше слѣдовали годы именно этихъ реформъ, коснувшихся рѣшительно всѣхъ сторонъ нравственной, общественной и государственной жизни Россіи. Литература, естественно, оказалась одною изъ самыхъ заинтересованныхъ и фактически затронутыхъ областей. Именно она въ теченіе десятилѣтій волновалась, работала и страдала ради совершившихся теперь перемѣнъ, и, разумѣется, шестидесятые годы должны были отличаться безпримѣрнымъ оживленіемъ печати, ознаменоваться небывало-страстной работой мысли и слова. Эта работа—въ силу самой страстности—не всегда могла стоять на высотѣ умственной зрѣлости, разумной осмотрительности и культурной невозмутимой терпимости. Партійная полемика и подчасъ личные счеты врывались бурнымъ потокомъ въ вопросы общаго значенія и содержанія. Но именно эта стремительность и запальчивость свидѣтельствовали о богатомъ запасѣ силъ и убѣжденій у борцовъ. Очевидно, людямъ было изъ за чего любить и ненавидѣть, было что-то, далеко не всѣмъ поколѣніямъ и временамъ понятное и доступное, что до сихъ поръ живетъ и горитъ на страницахъ старыхъ журналовъ и способно при случаѣ захватить даже современнаго читателя—все равно, какимъ, но глубокимъ чувствомъ...

Писемскій не могъ, конечно, миновать общей участи, и на первыхъ порахъ превратился прямо въ публициста: въ декабрѣ

1861 года, въ *Библіотекѣ для Чтенія* появился фельетонъ Никиты Безрылаго, а два года спустя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* было напечатано *Взбаламученное море*. Фельетонъ и романъ—отвѣты прославленнаго писателя на злобу дня. А этими злобами были ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе крѣпостного права, мечта русской интеллигенціи о распространеніи просвѣщенія среди освобожденнаго народа, городское и земское самоуправленіе, безцензурная печать и все объединяющая и увѣнчивающая идея общественной самодѣятельности на всѣхъ поприщахъ обновленной жизни.

Это—второй, очень краткій, но необычайно рѣшительный періодъ и въ личной, и въ литературной судьбѣ Писемскаго.

Послѣ *Взбаламученнаго моря* дѣятельность нашего автора продолжалась еще около семнадцати лѣтъ. Послѣднее произведеніе *Масоны* начато въ 1878 году и напечатано въ журналѣ *Огонекъ* за 1880 годъ. Эти годы не менѣе урожайны, чѣмъ ранняя, молодая эпоха таланта Писемскаго. Предъ нами семь пьесъ и четыре романа: изъ нихъ *Люди сороковыхъ годовъ* и *Масоны* по объему обширнѣйшія работы автора. Но урожай этотъ, очевидно, выросталъ на не совсѣмъ доброкачественной нивѣ. Романомъ *Взбаламученное море* Писемскій порвалъ связи съ передовой петербургской журналистикой и поступилъ въ сотрудники и даже въ завѣдующіе беллетристическимъ отдѣломъ *Русскаго Вѣстника*. Но и этотъ журналъ не особенно благосклонно удѣлялъ свои страницы произведеніямъ Писемскаго, напечаталъ всего двѣ пьесы—*Ваалъ* и *Просвѣщенное время*, и ни одного романа, въ 1876 году отказался и отъ пьесы *Финансовый геній*. Бывшему необычайно уважаемому сотруднику *Современника* и *Отечественныхъ Записокъ*, редактору *Библіотеки для Чтенія* въ теченіе пяти отвѣтственныхъ лѣтъ, съ 1858-го по 1863-й годъ,—теперь приходилось довольствоваться иллюстрированными журналами и новыми изданіями, терпѣвшими нужду въ именахъ.

Ясно, автору приходилось писать не для славы, и даже не для идей, требовавшихъ настоятельно публичнаго провозглашенія и выясненія, а просто изъ-за гонорара и отчасти по старой писательской привычкѣ. Талантъ, разумѣется, окончательно не исчезъ и въ темный періодъ непопулярности, и по временамъ ярко освѣщалъ не одну страницу въ томъ или другомъ произведеніи Писемскаго. Но животворящій духъ будто отлетѣлъ отъ писателя. Душевная горечь и творческая усталость заволакивали какимъ-то смутнымъ сѣрымъ цвѣтомъ рѣдкіе проблески былой нравственной самоувѣренности и вдохновенной силы. И въ послѣднемъ романѣ *Масоны* механическій, промышленный характеръ писанія сказался

вполнѣ. Авторъ, за отсутствіемъ жизненныхъ красокъ и психологическаго анализа, принужденъ наполнять десятки страницъ утомительнѣйшимъ и совершенно безцѣльнымъ изложеніемъ масонскихъ философическихъ и обрядовыхъ вымысловъ...

Таковъ конецъ такого блестящаго начала!

Но для насъ любопытенъ не эффектъ контрастовъ, а смыслъ исторіи. И мы надѣемся его прослѣдить по несомнѣннымъ даннымъ, привести въ стройную связь всѣ звенья обширной цѣпи.

Наша задача облегчается извѣстной намъ психологіей Писемскаго, а планъ разбора изслѣдованія намѣчается самыми условіями его дѣятельности.

Писемскій началъ писать въ провинціи и описывать провинціальную Россію. *Нина* появилась въ печати, когда революціонныя движенія Европы отразились страхомъ и ужасомъ въ Россіи и для литературы насталъ «страшный годъ», по выраженію самого Писемскаго. Старые исконные порядки получили теперь особое, въ полномъ смыслѣ неприкосновенное значеніе. Крѣпостное право и невозбранная всеобъемлющая чиновничья опека казались болѣе обезпеченными, чѣмъ когда-либо. Въ печати водворилось молчаніе, тѣмъ болѣе удручающее, что оно наступило непосредственно послѣ шумной литературы сороковыхъ годовъ и страстныхъ статей Бѣлинскаго. Томительный промежутокъ до новаго оживленія мысли долженъ продолжаться до половины пятидесятыхъ годовъ. На это именно время и падаютъ первыя произведенія Писемскаго.

Холодъ, сковавшій интеллигентныя силы столицы, конечно, еще суровѣе отразился на провинціи. И раньше здѣсь лишь изрѣдка мелькали проблески сознательной жизни и общихъ культурныхъ интересовъ. Въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ* являются только два человѣка въ «пошловатомъ провинціальномъ міркѣ» «представителями маленькаго ручейка мысли». И это было, когда еще писалъ Бѣлинскій и существовало кое-какое публичное слово съ общественнымъ содержаніемъ. Во что же превратился «провинціальный мірокъ», когда самые источники ручейковъ изсякали и замирали безгласно? Царила «тишь да гладь» болота, подернутаго плотной плѣсенью и задавленнаго мертвенной атмосферой...

Но здѣсь не было «Божьей благодати», и чуткому взору художника на видимой тиши и глади являлась необычайно пестрая, хотя и пригнетенная худосочная жизнь, а среди, повидимому, одноцвѣтнаго болотнаго населенія наблюдатель ясно различалъ великое разнообразіе организмовъ, бытовыхъ особенностей, даже психологическихъ оригинальныхъ чертъ, распознавалъ и въ этомъ мертвомъ царствѣ вездѣсущую борьбу сильныхъ и слабыхъ и могъ

слѣдить за любопытнѣйшими положеніями побѣдителей и побѣждаемыхъ, героевъ и жертвъ.

Онъ видѣлъ, прежде всего, «царей» дореформеннаго провинціальнаго болота, множество начальства, чиновъ, ранговъ, вооруженныхъ часто безконтрольной и безсудной властью. Она свободно «разыгрывалась до послѣдней прелести», какъ выражается нашъ романистъ, не встрѣчая отпора у общества, апатичнаго, поглощеннаго мелкими, частными интересами, и не придавая ни малѣйшаго значенія еще болѣе глубокимъ опорамъ своего величія, порабощенному народу. Бюрократія — первое, что привлекло все вниманіе Писемскаго, лично чиновника, усерднаго исполнителя своихъ обязанностей и одушевленнаго извѣстнымъ бюрократическимъ идеаломъ. И онъ представилъ одну изъ самыхъ полныхъ и яркихъ характеристикъ стараго оффиціальнаго міра, какая только могла быть доступна художественному творчеству.

Затѣмъ слѣдовало—общество. При всей мелочности внѣшняго существованія и ничтожествѣ нравственныхъ и умственныхъ запросовъ, художникъ могъ и здѣсь усмотрѣть не мало яркихъ пятенъ, своего рода центровъ болотной суеты. Это — мѣстные аристократическіе мірки, сіявшіе тусклымъ, часто фальшивымъ свѣтомъ, но привлекавшимъ къ себѣ неотразимо рои мѣстныхъ мошекъ. Въ самыхъ центрахъ выдавались надъ общимъ уровнемъ рѣдкостные экземпляры разныхъ породъ, невѣдомыхъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ и тѣмъ болѣе любопытныхъ, гипнотизирующихъ первобытную публику.

Это—«столичные слетки», сливки крѣпостного барства, нахватавшіеся цѣною шальныхъ денегъ «европейскаго просвѣщенія», продѣлавшіе всѣ фигуры моднаго благороднаго маскарада: безумный разгулъ и мотовство, картежная игра и забіячество, наконецъ, финансовое, нравственное и часто физическое банкротство, именуемое «познаніемъ жизни», «разочарованіемъ», «неудовлетворенностью высшей натуры». Это—одинъ типъ, на грязи уѣздныхъ и губернскихъ переулковъ производящій эффектъ золота,—типъ фатальный и непреодолимо-губительный для читательницъ романовъ Ричардсона, Руссо, Марлинскаго, «пища роковая» для томныхъ дѣвичьихъ и дамскихъ сердецъ. Это — птенцы байроновскаго гнѣзда, часто копіи съ копій, въ полномъ смыслѣ «ничтожные призраки» и не болѣе, какъ «чужихъ причудъ истолкованье»... Но среди лиллипутовъ даже человѣкъ ниже средняго роста играетъ роль гиганта.

Другой типъ — не столь блестящій, менѣе распространенный, потому что менѣе пошлый и назойливый,—тоже порожденіе «чужихъ словъ», тоже москвичъ въ иноземномъ плащѣ, но только

другого фасона. Тамъ на сценѣ—наука страсти нѣжной подъ покровомъ жестокаго равнодушія и презрѣнія ко всему существующему, здѣсь—тѣ же доблестные умыслы на женское «воображеніе, сгорающее нѣгой и тоской» и на «младую грудь, тѣснимую сердечнымъ томленіемъ», но въ уборѣ уже не изъ демоническихъ чувствъ, а изъ необозримо выспренныхъ идеаловъ, вмѣсто «огромнаго сердца»—«орлиный умъ». Сущность комедіи не мѣняется, но развитіе дѣйствія, обстановка, особенно чувства и характеры героинь—иныя. Это—дѣтища болѣе возвышеннаго европеизма, «подражанія» болѣе отвѣтственныя и часто трагическія въ то время, когда исторія перваго типа—сплошной фарсъ и умственно-ограниченное шутовство. Однимъ словомъ, это Рудины, въ провинціальной перспективѣ окончательно измельчавшіе, но тѣмъ ярче обнаруживающіе жалкія особенности своей натуры.

Наконецъ, на самомъ отдаленномъ планѣ кажущаяся почти неподвижной смутная народная масса. Для властей, общества и самыхъ его избранныхъ героевъ она представляетъ нѣчто одноцвѣтное, однородное, туго или совсѣмъ немыслящее и «безчувственное», олицетворяетъ матерію рядомъ съ парящими надъ нею высшими существами. Врядъ ли кому приходитъ на умъ вглядѣться въ многомилліонный муравейникъ и извлечь отсюда поучительный фактъ или не совсѣмъ заурядную личность. Только все того же художника, наблюдателя по инстинкту и психолога по данному природой таланту, влечетъ даже и этотъ будто застывшій безличный фонъ разныхъ оффиціальныхъ и общественныхъ сценъ и картинъ. Даже здѣсь художникъ найдетъ необычайно яркія явленія и откроетъ невѣдомую на «просвѣщенномъ верху» оригинальность и силу русской стихіи. Онъ достигнетъ еще болѣе изумительныхъ результатовъ: въ сѣрой, смутной массѣ выслѣдитъ опредѣленный духовный складъ и вѣками выросшее и выстраданное міросозерцаніе...

Тогда творческое изображеніе дореформенной Россіи представитъ настоящую подлинную исторію. Писемскій выполнитъ эту задачу съ безпримѣрной въ нашей литературѣ полнотой матеріала и личныхъ наблюденій, и съ талантомъ, часто достигающимъ силы и правды первостепенныхъ художниковъ русскаго слова. Именно силы и правды... Потому что рѣдко въ художникѣ можно встрѣтить такую проницательность взгляда, такую ясность положительнаго здраваго смысла и такую безпощадность нравственнаго чувства. Встрѣтить, снова повторяемъ, тамъ, гдѣ передъ художникомъ отрицательныя явленія *будничной*, не *идейной* жизни, гдѣ предъ нимъ нарушенія общихъ законовъ справедливости, практи-

ческой мудрости, общечеловѣческой гуманности, а не заблужденія или злоупотребленія въ области идей, теорій, логическихъ выводовъ изъ фактовъ жизни. Здѣсь мы встрѣтимъ подъ перомъ нашего автора все, что угодно, только не исторію, еще менѣе художественное воспроизведеніе дѣйствительности. Настанетъ время и для такой литературы. Но пока передъ писателемъ дореформенное, повидимому, мирно и невозмутимо процвѣтающее царство.

Здѣсь жизнь не мечется и не мѣняется въ неустанномъ волненіи, а представляетъ будто неподвижный пейзажъ, и наблюдатель можетъ, спокойно «вперивъ очи», отыскивать свои перлы. Онъ будетъ заниматься этимъ дѣломъ съ тѣмъ большей охотой, что здѣсь же въ этомъ самомъ заштилѣвшемъ морѣ отыщетъ много перловъ,—одинаково и для своего сатирическаго генія, и для своего сердца, найдетъ неистощимый запасъ пошлости и всяческаго уродства, но соберетъ въ то же время не мало и красоты. Такими, по крайней мѣрѣ, ему будутъ казаться нѣкоторые порядки. И мы, пересматривая великую лѣтопись старыхъ русскихъ золъ, должны будемъ остановиться и на тѣхъ людяхъ и явленіяхъ, какія нашимъ лѣтописцемъ были сочтены за благо. Это тѣмъ настоятельнѣе для насъ, что смыслъ всего, что Писемскій отмѣтитъ своимъ сочувствіемъ, непосредственно рѣшитъ вопросъ о смыслѣ и судьбѣ позднѣйшей, столь роковой для автора, дѣятельности.

XVII.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ русской литературы, начиная съ XVII вѣка и кончая сатирой Щедрина—преслѣдованіе всевозможныхъ спеціально-чиновничьихъ доблестей. При самыхъ тяжелыхъ условіяхъ литературной дѣятельности и при скромнѣйшихъ общественныхъ взглядахъ писателей этотъ мотивъ не сходитъ со сцены. Сумароковъ, отрицавшій у мужика «благородныя чувствія» и не допускавшій даже мысли о какой-либо перемѣнѣ въ крѣпостныхъ порядкахъ, становится безпощаднымъ либераломъ въ вопросѣ о «крапивномъ сѣмени». Его современникъ Капнистъ посвящаетъ большую комедію *Ябеда*, т. е. взяточничеству, судебной волокитѣ, канцелярскому криводушію, и недостатокъ художественнаго таланта возмѣщаетъ необычайной искренностью и жизненной правдой своихъ нападокъ. Писателямъ слѣдующаго столѣтія приходится только продолжать дѣло своихъ предшественниковъ, и гоголевскій *Ревизоръ*—та же *Ябеда*, только во всемъ блескѣ геніальнаго творческаго дарованія.

Очевидно, предъ Писемскимъ, въ наблюденіяхъ за провинціальнымъ бюрократическимъ міромъ, лежалъ давно проторенный путь, и любопытно, что онъ самъ знаетъ и помнитъ своихъ отдаленнѣйшихъ образцовъ. Въ романѣ *Взбаламученное море* изображается пиршество губернскихъ властей у откупщика. Герой романа—самъ чиновникъ—смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ на позорное зрѣлище. «У Бакланова морозъ пробѣжалъ по кожѣ: ему представилось, что онъ и всѣ прочіе господа тѣ же лица, какъ и въ *Ябедѣ* Капниста, которыя, ограбивъ неправеднымъ судомъ бѣдняка, у богатаго его противника пьютъ, ѣдятъ, поютъ и торжествуютъ свое поганое дѣло»...

И дѣйствительно, по всѣмъ произведеніямъ Писемскаго проходятъ рѣзкіе отголоски уничтожающей характеристики старыхъ судей и законниковъ, какую сатирикъ прошлаго вѣка представилъ въ первомъ же актѣ своей комедіи. Но не велика была бы заслуга новаго писателя, если бы онъ не вышелъ изъ круга давно затронутыхъ темъ и обрисованныхъ лицъ. Писемскій далеко опередилъ *всѣхъ* своихъ предшественниковъ, не исключая и Гоголя. Если соперничать по таланту съ творцомъ *Ревизора* даже для Писемскаго задача могла бы оказаться довольно рискованной, — по широтѣ общественнаго захвата и глубинѣ художественнаго проникновенія въ явленія извѣстнаго порядка Писемскій стоитъ, несомнѣнно, выше своего любимаго учителя. Предъ нами не только самая полная *исторія* жестокаго недуга русской жизни, но и основательнѣйшая *психологія* его, воспроизведенная въ живыхъ образахъ, шагъ за шагомъ. Мы видимъ не только *что такое* чиновникъ и власть при дореформенномъ строѣ, но и *какъ развивалась* нравственно, изъ какого *первоисточника* возникла подобная власть. И что особенно важно и убѣдительно, этотъ процессъ раскрывается предъ читателемъ не путемъ однихъ внѣшнихъ фактовъ, писатель вводитъ насъ, такъ сказать, въ самую лабораторію, постепенно и неотразимо вырабатывавшую именно такіе, а не иные типы. И процессъ производитъ на насъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что за каждымъ моментомъ мы чувствуемъ *личную* освѣдомленность автора. Здѣсь нѣтъ ни одной теоретически соображенной черты, ни одного на угадъ сдѣланнаго штриха, пишутся, въ сущности, *мемуары*, воспроизводится *правда* въ самомъ строгомъ смыслѣ, и *поэзія* ограничивается лишь необычайной живостью и цѣльностью красокъ. У читателя ни на минуту не можетъ явиться мысль о преднамѣренности авторскихъ настроеній и живописаній. Самый тонъ слишкомъ спокоенъ, какъ бы безучастенъ и только изрѣдка прерывается невольнымъ и совершенно

естественнымъ движеніемъ личнаго чувства—негодованія на торжествующую «кривду» и состраданія къ ея жертвамъ. И даже эти движенія никогда не переходятъ въ крикъ страсти и гнѣва, остаются чаще всего на мудромъ уровнѣ крыловскихъ нравоученій.

Когда въ первый разъ на сценѣ появился гоголевскій *Ревизоръ*, большинство публики оказалось озадаченнымъ не столько смѣлостью произведенія, сколько по истинѣ страшнымъ содержаніемъ... Возможна-ли такая бездна неправды, такая безнадежная утрата совѣсти и человѣческаго достоинства? Гдѣ мыслимъ цѣлый городъ, сплошь населенный грабителями и насильниками и въ то же время блюстителями закона и порядка? Авторъ наклеветалъ на свою родину или поддался личному желчному чувству!

Такія вопросы и заключенія сыпались со всѣхъ сторонъ, быстро довели автора до полнаго отчаянія и заставили его буквально бѣжать изъ отечества. Но публика, съ своей стороны, была не безусловно виновата. Ей показали необычайно мрачную картину, настоящую шайку оффиціальныхъ преступниковъ, но это, въ сущности, только *плоды* извѣстной почвы, послѣднія звенья длинной и сложной цѣпи. Вотъ этой-то почвы и этой цѣпи великій сатирикъ не открылъ зрителямъ и не убѣдилъ въ *неотразимой естественности* изображенныхъ явленій—тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ примириться съ его созданіемъ.

Писемскому предстояло восполнить въ высшей степени важный пробѣлъ и задача ему подсказана не отвлеченными соображеніями, а личной судьбой, его собственной чиновничьей карьерой.

Чтобы цѣлую жизнь, съ юныхъ лѣтъ, превратить въ погоню за грубѣйшими удовольствіями тщеславія и комфорта, чтобы нравственное существованіе свести къ тоскѣ о награжденіяхъ и чинахъ, а службу къ «безгрѣшнымъ доходамъ» и умышленному беззаконію, требуется особый складъ ума и сердца, нарочитая выработка всего нравственнаго міра. И это тѣмъ необходимѣе, что явленіе отнюдь не носитъ характера случайности, исключительности. Оно до такой степени всеобъемлюще, что въ исторіи русскаго сатирика о чиновничьемъ мірѣ возможенъ одинъ лишь честный герой—авторскій смѣхъ и авторское возмущенное чувство.

Откуда же такое эпидемическое и притомъ необычайно устойчивое бѣдствіе? Отвѣтъ Писемскаго самый обстоятельный, подробный. Писатель объяснитъ намъ, какую школу проходитъ будущій чиновникъ, въ дѣтствѣ и ранней молодости, какимъ взглядамъ подвергается въ началѣ службы, какъ составляется его карьера и чѣмъ, наконецъ, завершается его нравственный и служебный путь.

Мы застаемъ нашего героя—въ разсказѣ *Старческій грѣхъ*—

на шестнадцатомъ году жизни. Онъ, конечно, сынъ такого же чиновника, какимъ будетъ самъ. Отецъ не дослужился до большихъ чиновъ, съ «просителями» привыкъ къ безпробудному пьянству, съ начальствомъ къ подлѣйшимъ униженіямъ. Сынъ едва убѣдилъ отца отдать его въ школу уже въ шестнадцать лѣтъ. У столь возрастнаго ученика нѣтъ приличнаго платья, и первыя его впечатлѣнія—жестокая сцена съ директоромъ изъ-за слишкомъ пестраго костюма, первые плоды педагогіи — слезы, «противъ воли» обливающія его лицо, первыя привѣтствія учителей и товарищей — *разношерстный* и *луковникъ*, такъ какъ у бѣдняка нѣтъ другого завтрака, кромѣ хлѣба съ лукомъ. А дальше— дикія фантазіи воспитателей, — за нихъ воспитанники расплачиваются розгами и самыми настоящими физическими и нравственными истязаніями, безконечная пытка заушеній человѣческаго достоинства въ лицѣ слабѣйшаго, т. е. бѣднѣйшаго, полное отсутствіе умственныхъ вліяній и гуманныхъ воздѣйствій на мысль и сердце учащихся, совершенная случайность и, съ точки зрѣнія казенной педагогіи, преступность знакомства съ лучшими писателями своей родины. Нашъ герой только отъ товарища узнаетъ о существованіи Пушкина и безсознательно, по дѣтски съ перваго мгновенія отдается чарующей власти его поэзіи. И это въ годы цвѣтущей мужественной юности!

И съ другими товарищами не лучше. Благородныя органическія стремленія здоровой молодости ко всему возвышенному и нравственно-сильному, страстное преклоненіе предъ тѣмъ же Пушкинымъ, принимаетъ хотя и трогательныя, но странныя и подчасъ прискорбныя формы. И вполнѣ естественно. Эту молодежь никто не считаетъ нужнымъ узнать близко, по человѣчески, войти въ ея чуткій, подвижный міръ, отыскать здѣсь положительные задатки лучшаго будущаго, любовно дать имъ развиться и созрѣть и тѣмъ самымъ предотвратить болѣзненные побѣги, неизбѣжные на самой плодородной почвѣ рядомъ съ драгоцѣннѣйшими злаками. И вотъ въ изображенной предъ нами школѣ, десятки, сотни юношей годъ за годомъ впитываютъ въ себя сначала страхъ предъ своими наставниками, потомъ недовѣріе и, наконецъ, непреодолимое презрѣніе. Лучшими, умственно и нравственно, оказываются тѣ, кто сильнѣе другихъ проникнутъ этими чувствами, кто менѣе поддался гнету казенной формальной дисциплины, и какой-нибудь Охоботовъ, отчаяннѣйшій лѣнтяй въ наукахъ, является восторженнѣйшимъ читателемъ Пушкина, знатокомъ литературы и честнѣйшимъ товарищемъ. Что же получается въ результатѣ, когда подобная школа пройдена и предъ юношей непо-

средственно за ея стѣнами открывается путь самостоятельной дѣятельности?

Отвѣтъ одинъ—непроницаемая смута мыслей, влеченій и, слѣдовательно, совершенная неустойчивость самыхъ искреннихъ взглядовъ и самыхъ благородныхъ намѣреній.

О нашемъ героѣ читаемъ:

«Кончивши курсъ, такимъ образомъ, онъ очутился какъ бы на какомъ-то нравственномъ распутьи: въ немъ было множество возбуждено прекрасныхъ инстинктовъ, но и только! Протестантъ почти противъ всего, но во имя какого знамени и самъ того хорошенько не зналъ. Вольнодумецъ, въ отношеніи религіи на словахъ, онъ въ то же время предъ каждымъ экзаменомъ бѣгалъ къ мѣстной чудотворной иконѣ въ соборъ и молился тамъ усерднѣйшимъ образомъ. Ненавидя до глубины души всякій начальствующій авторитетъ, я не знаю, врядъ ли бы и самъ удержался, если бы только случай выпалъ, обнаружить грубѣйшій произволъ. Зналъ онъ, пожалуй, и многое, но все какъ-то отрывочно случайно, и непригодно ни для какого практическаго дѣла, а между тѣмъ угрожающее ему житейское положеніе было почти отчаянное»...

И это не мелодрама, а самое заурядное, повседневное явленіе. Школа выбросила изъ себя новаго члена общества столь же равнодушно, какъ и приняла его въ свои нѣдра мальчикомъ, вела его по своимъ мытарствамъ—юношей. Она какъ наймитъ и подневольный стражъ выполняла свои на самомъ дѣлѣ важнѣйшія въ мірѣ обязанности съ тоскливымъ формализмомъ и съ капризными взрывами злобнаго чувства, накипающаго у всякаго непризваннаго дѣлателя. Но этого мало. Формализмъ и злоба могли съ годами проникнуть и въ душу юноши, заразить его раннимъ скептицизмомъ и «холодомъ сердечнымъ», наполнить его сердце единственнымъ, вполнѣ естественнымъ стремленіемъ—спастись во что бы то ни стало отъ рабскихъ униженій, самому стать въ положеніе господина и сильнаго. А какъ достигнуть этой цѣли? Развѣ можно разсуждать и выбирать, когда ежеминутно виситъ надъ человѣкомъ угроза быть оскорбленнымъ, опозореннымъ и уничтоженнымъ за отцовскую бѣдность, за плохой костюмъ, за мѣщанскія манеры, за плебейское происхожденіе, а нашему герою даже за «студенческій мундиръ», т. е. за «ученость» и предполагаемый «безпокойный характеръ» и «острый умъ»? Здѣсь принципъ: «спасайся кто можетъ», и его примѣнить на практикѣ тѣмъ легче, что въ самые отвѣтственные молодые годы не было заложено въ будущаго «борца» ни одной опредѣленной идеи объ его обязанностяхъ предъ самимъ собою и обществомъ. И съ пер-

выхъ же шаговъ между школой и жизнью, между «ученостью» и «кускомъ хлѣба» оказалась едва проходимая пропасть.

XVIII.

«Учиться для жизни»—какая простая и вотъ уже почти двадцать вѣковъ, по крайней мѣрѣ, со временъ римскихъ стоиковъ, извѣстная истина, а между тѣмъ, она—величайшая ересь и отнюдь недопустимое новшество въ томъ мірѣ, гдѣ приходится учиться и дѣйствовать нашему будущему дѣятелю и, при счастливыхъ стеченіяхъ, «государственному мужу».

Только что кончившій студентъ, даже съ медалью, несомнѣнно умный, талантливый и готовый трудиться до пота лица уже потому, что у него нѣтъ «почти куска хлѣба», совершенно нигдѣ и ни на что не нуженъ. Губернаторъ рѣшительно не знаетъ, какое мѣсто онъ можетъ дать молодому человѣку «въ студенческомъ мундирѣ», только медаль его вдохновляетъ—опредѣлить «ученаго» въ приказъ—писцомъ. Это значитъ осудить юношу на новый крестный путь, не менѣе тернистый, чѣмъ только-что пройденная школа. Здѣсь столько же начальства, еще болѣе заинтересованнаго въ своей «власти» и въ безпросвѣтно-мертвенныхъ «формахъ», еще чаще личныя униженія: къ «власти» и формализму присоединяется еще проклятый вопросъ о кускѣ хлѣба. Слѣдовательно, конкурренція среди слабѣйшихъ, подчиненныхъ, и конкурренція оружіемъ слабѣйшихъ, т. е. на поприщѣ тѣхъ же самоуниженій, «исполнительности» и «преданности».

А потомъ, и самыя обязанности писца, по существу, менѣе всего просты и исполнимы. Канцелярія — неистощимое царство «формъ», «обычаевъ», часто свойственныхъ исключительно только этой, а не другой канцеляріи. Усвоить ихъ—цѣлая наука, стоющая университетскаго курса и ничего общаго съ нимъ не имѣющая. А ближайшими учителями являются, большею частью, люди, едва сами выбившіеся изъ низшихъ слоевъ канцелярскаго міра, всѣмъ существомъ впитавшіе инстинкты раболѣпія и требующіе ихъ отъ другихъ тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ больше униженій приходилось и приходится имъ самимъ терпѣть. Въ результатѣ,—завязывается глухая, но безпощадная борьба исконнаго чиновничьяго духа со всякимъ свѣжимъ элементомъ, борьба *принципіальная*, въ силу преданій и самыхъ основъ канцелярской дѣятельности, обостряющая вражду между двумя дѣйствительно совершенно различными мірами—образованіемъ, высшимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и оффиціальной службой.

И перечитайте сердечныя признанія статскаго совѣтника Салатушки, познакомьтесь съ карьерой Вихрова, Бакланова, Калиновича, вы поймете, что значитъ «служить» и, въ особенности, что́ значитъ преуспѣвать на службѣ?

Никто изъ русскихъ писателей, съ такой по истинѣ жестокой правдой, не вскрылъ глубочайшихъ тайниковъ канцелярскаго міра, никто съ такой ослѣпительной яркостью не освѣтилъ душевныхъ опустошеній, совершающихся день за днемъ въ каждой новой жертвѣ. Это картина рыбы, выброшенной на берегъ. Она въ первыя минуты рвется и трепещетъ, потомъ движенія становятся медленнѣе и порывистѣе, наконецъ, всякіе порывы исчезаютъ, самый трепетъ прекращается—и предъ вами трупъ, готовый предаться гніенію и разложенію. Вотъ такой же процессъ совершается съ душой самаго энергичнаго и благороднаго человѣка, если его въ теченіе многихъ лѣтъ подвергнуть воздѣйствію извѣстной среды.

Предъ нами одна изъ трогательнѣйшихъ страницъ, вообще когда-либо написанныхъ нашимъ, далеко не чувствительнымъ художникомъ: очевидно, наболѣвшее личное чувство невольно сообщило рѣчи автора оттѣнокъ необычной мягкости.

«Не знаю, извѣстно ли читателю, что по разнаго рода канцеляріямъ, начиная отъ неблагообразныхъ камеръ земскихъ судовъ до паркетныхъ апартаментовъ министерствъ, въ этихъ плѣшивыхъ, завитыхъ и гладко стриженыхъ головахъ, такъ прилежно наклоненныхъ надъ черными и красными столами, засохло и погребено романтизму и всякаго рода иныхъ возвышенныхъ стремленій никакъ не менѣе, чѣмъ и въ воинственныхъ строяхъ, такъ ярко блистающихъ на Марсовомъ полѣ. Какъ и что происходитъ тамъ съ этими нѣжными растеніями нашей души, я не знаю, но канцелярскій воздухъ, положительно можно сказать, неблагопріятенъ для нихъ. Изъ сотни товарищей Іосафа, нѣкогда благородныхъ и умныхъ малыхъ, садившихся до и послѣ него на подобный ему стулъ, очень немногіе прошли благополучно этотъ житейскій искусъ»...

Писемскій высказываетъ истину, извѣстную еще автору *Ябеды*. Тамъ, одинъ изъ героевъ говорилъ другому:

Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ чернъ останется, хоть мой во Іорданѣ...

Но у новаго автора фактъ поясняется многочисленными и многообразными типами, разъ навсегда «окрещенными въ чернилахъ». Однѣ изъ жертвъ, медленно задушенныхъ «пустою безполезной работой», умираютъ въ нищенскихъ углахъ; это, сравнительно, счастливцы; другіе, въ родѣ отца нашего героя, спиваются

и погибаютъ на улицѣ или пропадаютъ безъ вѣсти. Наконецъ, третьи, по словамъ автора, большинство—выплываютъ на поверхность, но путемъ какихъ нравственныхъ утратъ и лишеній?..

«Третьи—благоразумно подлѣли: въ какой-нибудь годъ отростили себѣ брюшко, женились на дочеряхъ какихъ-нибудь совсѣмъ уже отпѣтыхъ экзекуторовъ и надсмотрщиковъ гражданскихъ палатъ, и сами потомъ дѣлались такими же скрозьземельными, какъ говоритъ народъ, плутами. Иные изъ нихъ уѣзжали даже въ Петербургъ, дослуживать тамъ до довольно видныхъ мѣстъ; но печать позорнаго опошлѣнія все-таки горѣла на ихъ челѣ».

Та же мысль повторяется по поводу другого героя, въ романѣ «*Люди сороковыхъ годовъ*».

«Двадцать лѣтъ канцелярской службы не могутъ пройти для человѣка безнаказанно: они непремѣнно пріучатъ его мелко думать и не совсѣмъ благородно чувствовать».

Могутъ показаться преувеличеніемъ и злонамѣренной выходкой подобныя *общія* заявленія. Но авторъ дѣлаетъ ихъ на основаніи громаднаго количества примѣровъ, подробно и необычайно внимательно излагая дѣятельность и карьеру своихъ героевъ-школьниковъ. Онъ сначала показалъ, какъ дореформенная школа выпускала юношей, въ сущности одинаково способныхъ и готовыхъ на благородные подвиги и на подлыя продѣлки: все зависѣло отъ внѣшнихъ случайностей, да развѣ еще отъ исключительной природной нравственной организаціи. Теперь авторъ столь же основательно разбираетъ пути, какими нашъ юноша могъ преуспѣть на службѣ? Еще грибоѣдовскій Скалозубъ намекалъ, что этихъ путей и каналовъ «много», и мы отчасти могли судить о нихъ по скалозубовской «философіи». Писемскій съ необычайнымъ усердіемъ прослѣдилъ отъ истока до устья, чуть ли не всѣ «каналы» Скалозубовъ, Молчалиныхъ и Фамусовыхъ. И что особенно поучительно, изслѣдованіе на этотъ разъ захватило рѣшительно всѣ области и сферы чиновничьей карьеры, отъ захолустнаго уѣзда до «паркетныхъ апартаментовъ». Такая смѣлая экскурсія была сдѣлана авторомъ вполнѣ сознательно. Онъ именно желалъ заглянуть въ корень вещей.

Статскій совѣтникъ Салатушка, образцовый канцелярскій продуктъ, до крайности доволенъ нападками русской сатиры на уѣздныхъ и губернскихъ взяточниковъ. Отъ этого только выигрываетъ ореолъ петербургскихъ департаментскихъ и министерскихъ чиновниковъ. Публика убѣждается, что они совсѣмъ другой породы, чѣмъ «маленькіе черви» въ провинціи... Послѣ разсказовъ Писемскаго у статскаго совѣтника, несомнѣнно, измѣнилось бы настроеніе и взглядъ на *разныя* породы дореформенныхъ чиновниковъ.

Предъ нами длинная галлерея всевозможныхъ должностей и ранговъ. Выборъ богатѣйшій...

Крупнѣйшій и даровитѣйшій изъ карьеристовъ Калиновичъ такъ объясняетъ дореформенный порядокъ службы и свою собственную судьбу:

«Болѣе сорока лѣтъ живу я теперь на свѣтѣ и что же вижу, что выдвигается впередъ: трудъ ли почтенный, дарованье ли блестящее, умъ ли большой! Ничуть не бывало! Какая-нибудь выгодная наружность, случайность породы, или, наконецъ, деньги. Я избралъ послѣднее: отвратительнѣйшимъ образомъ продалъ себя въ женитьбѣ и сдѣлался милліонеромъ. Тогда сразу горизонтъ прояснился и дорога всюду открылась. Господа, которые очей своихъ не хотѣли низвести до меня, очутились у ногъ моихъ!»...

Такъ вершатся дѣла въ высокихъ сферахъ. И это отлично извѣстно не только чиновникамъ, а вообще всѣмъ «мудрымъ людямъ» самыхъ отдаленныхъ провинцій.

Захолустный чиновникъ, попавшій въ пріемную петербургскаго свѣтила, сейчасъ же опытнымъ окомъ подмѣчаетъ подозрительную любезность свѣтила съ поставщикомъ отопленія, освѣщенія и канцелярскихъ принадлежностей. И чиновника смущаетъ не самый фактъ, а претензіи петербургскихъ свѣтилъ на непогрѣшимость и превосходство.

«Гдѣ есть люди, тамъ есть и взятки», «взятокъ на многіе фасоны много и безъ нихъ быть не можетъ въ мірѣ», — таковы безповоротныя убѣжденія чиновника. Онъ только желаетъ, чтобы «петербургскіе» не заносились особенно. «Не отсюда бы къ намъ посылать ревизовать, а насъ бы сюда, такъ кое-что раскопали бы»,—говоритъ оскорбленный провинціалъ, и находитъ полное сочувствіе у безусловно компетентной личности на счетъ «грѣшковъ», у кулака-милліонера, Мишки Папушкина.

Мишка превосходно знаетъ всѣ петербургскіе ходы и выходы, запросто бесѣдуетъ съ важнѣйшими лицами, узнаетъ отъ нихъ административныя тайны и планы и такъ обобщаетъ свои наблюденія и свѣдѣнія на счетъ «питерскихъ»:

«Дерутъ съ нашей братьи еще почище здѣшнихъ».

Провинціальнымъ чиновникамъ, пріятелямъ, на вопросъ о странныхъ успѣхахъ Калиновича онъ прямо заявляетъ:

«Богъ вѣдь знаетъ, господа, какъ и прочто у васъ человѣка возвышаютъ. Больше всего, чай, надо полагать, что письмами отъ Хованскаго онъ очень хорошую себѣ рекомендацію дѣлаетъ».

Съ Мишкой согласенъ и еще одинъ, не менѣе ядовитый плутъ, но изъ другого «высшаго свѣта», князь Иванъ. Попавъ

въ тюрьму, онъ убѣждаетъ свою бывшую возлюбленную—написать въ Петербургъ, что она «готова половиной состоянія пожертвовать для спасенія» его князя: «вѣдь Петербургъ не любитъ ни о чемъ даромъ безпокоиться!»...

Но неужели, спросите вы, всюду и всѣ непремѣнно берутъ деньги, хотя бы даже и съ такой граціей, какъ это дѣлаетъ баронесса? Несомнѣнно, есть чиновники, особенно высшіе, слишкомъ брезгливые просто по натурѣ и достаточно обезпеченные по состоянію:—по крайней мѣрѣ, они безупречны?

Отнюдь нѣтъ,—отвѣчаетъ нашъ лѣтописецъ дореформенной Россіи. Мы уже слышали отъ захолустнаго «скрозьземельнаго» философа: «взятокъ на многіе фасоны много», и философъ примѣрно обозначилъ нѣкоторые фасоны: «балы да обѣды съ шампанскимъ», «жена—женщина молодая да умная»—всѣ эти вещи неотразимы для молодыхъ чиновниковъ, враговъ денежныхъ взятокъ, и авторъ въ другой разъ уже отъ себя прибавляетъ: «По многимъ опытамъ было дознано, что отъ денегъ нѣкоторые помоложе чиновники еще спасались, но отъ тонкихъ обѣдовъ—никто!..»

Но «жены» едва ли не гибельнѣе даже обѣдовъ для чиновничьей служебной нравственности. Вы помните, гоголевскія нападки на женъ, весьма часто, по мнѣнію автора *Мертвыхъ душъ*, виноватыхъ во взяточничествѣ мужей? У Писемскаго найдется не мало фактовъ для подтвержденія и этой истины изъ области недавняго прошлаго. Но гораздо сильнѣе захватывалъ нашего автора вопросъ о вліяніи женщины на высшую политику дореформенной администраціи. Здѣсь Писемскій неистощимъ въ примѣрахъ и личныхъ указаніяхъ.

Мы уже знаемъ необычайно изящную баронессу, съумѣвшую устроить изъ своей квартиры «совершенный рай» безъ всякихъ затратъ со стороны мужа. Потомъ намъ разскажутъ исторію цѣлыхъ двухъ «вѣдомствъ», ведущихъ междоусобную брань изъза того, что глава одного вѣдомства не далъ у себя мѣста отцу возлюбленной другого сановника. А отецъ однажды уже былъ отставленъ за растрату... Послѣ этого понятна жестокая тоска статскаго совѣтника Салатушки.

Онъ обязанъ бывать въ итальянской оперѣ исключительно ради женъ начальниковъ: тѣ восхищаются музыкой и пѣніемъ,—нельзя же имъ не сочувствовать! Такъ пролагается путь къ «дѣйствительному статскому», когда только по мнѣнію Салатушки, и можно ощущать «полное самоуваженіе».

Таковы герои и сцены въ *столицѣ*. Легко представить, какъ рисуется у Писемскаго *провинція*, гдѣ онъ самъ усиливался

преуспѣвать по службѣ и, по собственному его признанію, принужденъ былъ стараться производить на начальника впечатлѣніе умницы—въ чиновничьемъ смыслѣ.

Дореформенный чиновничій міръ въ провинціи для Писемскаго—сплошное «темное царство». Если здѣсь и случаются проблески,—лишь затѣмъ чтобы еще сильнѣе оттѣнить общій непроницаемо-мрачный фонъ. Всѣ герои автора, и отрицательные и положительные, и самъ онъ совершенно единодушны, что служить честно и достойно безусловно немыслимо, на всемъ пространствѣ старой Россіи. «Въ нашихъ мѣстахъ служить, такъ мотать себя надо молодому человѣку», говоритъ провинціальный чиновникъ. Еще энергичнѣе выражается Вихровъ, такъ какъ у него совѣсть болѣе чуткая и смыслъ болѣе развитой, чѣмъ у закоренѣлаго повытчика. Его письмо къ кузинѣ послѣ первыхъ опытовъ на поприщѣ губернской службы дышетъ отчаяніемъ.

«Знаете ли вы, что, можетъ быть, нѣтъ болѣе трагическаго положенія, какъ положеніе человѣка, который бы у насъ въ Россіи вздумалъ честно служить. Трудно вообразить себѣ, до какой деморализаціи дошло у насъ такъ-называемое чиновничество. На цѣлый губернскій городъ выищется не болѣе двухъ, трехъ сносно-честныхъ людей, за которыхъ, вѣроятно, Богъ и терпитъ сей градъ на землѣ, но которыхъ, тѣмъ не менѣе, все-таки съѣдятъ и выживутъ. Я только еще успѣлъ немножко почестнѣй пошевелиться въ этомъ омутѣ всевозможныхъ гадостей и мерзостей, какъ на меня сейчасъ же пошли доносы и извѣты».

Даже больше. Въ первый же день Вихрова довели до истерическаго припадка и до слезъ. А крѣпкій, кажется, и самолюбивый человѣкъ!

И для иллюстраціи этихъ мыслей и построеній авторъ выводитъ великое множество властителей провинціальныхъ захолустій, всегда въ одномъ и томъ же опредѣленномъ свѣтѣ.

Во главѣ идутъ губернаторы. Мы знаемъ ихъ карьеры,—можно представить, какъ воспользуется оффиціальной силой человѣкъ, попавшій въ люди за свой ростъ и канцелярскій навыкъ!

Неизмѣнно при каждомъ изъ подобныхъ героевъ состоитъ дама; она такъ и слыветъ въ губерніи «дама сердца губернаторскаго» и все населеніе повседневно произноситъ ея имя съ разными приставками, знаменующими ея неограниченное вліяніе вездѣ и на все: «для госпожи Пиколовой», «за г-жу Пиколову», или «для m-me Базелейнъ», «отъ m-me Базелейнъ», или «съ г-жей Марковой», «ради г-жи Марковой». И такъ безъ конца. Перемѣщаются чиновники, совсѣмъ выгоняются изъ службы, покрываются

вопіющія злоупотребленія, почти разбои, воздвигаются гоненія на обывателей, въ угоду г-жамъ Пиколовымъ и ихъ родственникамъ. Авторъ будто устаетъ писать невѣроятную эпопею и заставляетъ своего героя пуститься даже въ область исторіи съ цѣлью отыскать подобные примѣры управленія.

И Вихровъ находитъ единственный: поступки татаръ въ золотой ордѣ съ русскими: потому что, объясняетъ онъ, «съ такимъ безстыдствомъ поступать въ общественной дѣятельности можно только въ азіятскихъ государствахъ».

И снова предъ нимъ возстаетъ безнадежная судьба юноши «съ волей, съ характеромъ, съ страшнымъ честолюбіемъ», который рѣшился бы честно служить...

Но вѣдь не чиновники же наполняютъ все громадное государство, они лишь ничтожная горсть; существуетъ повсюду общество, Россія живетъ въ половинѣ XIX-го вѣка, причисляется къ странамъ культурнымъ, въ губерніяхъ и даже уѣздахъ процвѣтаютъ художественныя увеселенія, — тотъ же рыцарь г-жи Пиколовой устраиваетъ спектакли, находитъ исполнителей для *Гамлета*, и компетентный судья Вихровъ доволенъ многими изъ нихъ, не только какъ актерами на сценѣ, но и какъ людьми... Что же чувствуетъ все это общество, когда предъ нимъ разыгрываются событія изъ эпохи монгольскаго ига? Вѣдь губернаторъ изъ его же среды бросаетъ жертвы подъ ноги г-жѣ Пиколовой, наноситъ оскорбленія его же достоинству и самолюбію въ лицѣ отдѣльныхъ единицъ?

Вопросы, въ высшей степени важные. Если бы авторъ не усмотрѣлъ ихъ, его картина казалась бы отрывкомъ, необоснованнымъ навѣтомъ. Но Писемскій чутьемъ художника понялъ самыя основы извѣстныхъ явленій и не пожалѣлъ красокъ для изображенія *почвы* и *среды*. И здѣсь онъ опять полнотой и основательностью изображенія выше своего предшественника. Гоголь бралъ *отдѣльные типы*, не задаваясь мыслью объ *общей перспективѣ*, рисовалъ портреты и жанры, и предоставилъ другимъ отыскивать объединяющій мотивъ своей живописи: Писемскій, уступая Гоголю талантливостью характеристикъ, превзошелъ его содержательностью и размахомъ общественной картины.

Ив. Ивановъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

VI.

Венгерская національная выставка.

(Письмо изъ Пешта).

Какъ уже извѣстно читателямъ «Міра Божьяго», венгры празднуютъ тысячелѣтнюю годовщину основанія мадьярскаго государства. Чтобы придать этому національному торжеству какъ можно больше блеска, чтобы привлечь къ участію въ немъ какъ можно больше людей, венгры рѣшили ознаменовать годовщину тысячелѣтія выставкой, называемой поэтому «милленніарной». Задача выставки состоитъ въ томъ, чтобы представить наглядно культурное развитіе венгерскаго народа съ того времени, когда онъ впервые появился въ Европѣ въ качествѣ варварской орды, до нашихъ дней, когда венгры стараются соперничать на поприщѣ культуры съ самыми цивилизованными народами. Изъ замѣтки, которая уже была напечатана въ нашемъ журналѣ, читатели познакомились въ общихъ чертахъ и со свѣтлыми и съ темными сторонами политическо-общественной жизни Венгріи, поэтому мы ограничимся лишь передачей впечатлѣній, которыя производитъ милленніарная выставка на непредубѣжденнаго иностранца.

Венгры очень умѣло рекламируютъ свою выставку. На всѣхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ станціяхъ, въ трамваяхъ и омнибусахъ, во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ магазинахъ, кофейняхъ и театрахъ Австро-Венгріи вы встрѣтите непремѣнно большую изящно исполненную афишу, возвѣщающую объ открытіи выставки. Венгерскія газеты всѣхъ партій и направленій считаютъ своимъ долгомъ превозносить все, что только относится къ выставкѣ, а спеціальное бюро прессы снаб-

жаетъ иностранные органы всѣми необходимыми свѣдѣніями, касающимися венгерской національной выставки.

Подъѣзжая къ венгерской столицѣ, въ толпѣ вы только и слышите разговоры о выставкѣ. Встрѣтясь съ иностранцемъ, венгерецъ старается всѣми силами убѣдить его въ томъ, что выставка представляетъ нѣчто до сихъ поръ невиданное и неслыханное. Не вѣря такимъ, очевидно, преувеличеннымъ отзывамъ, вы спрашиваете о выставкѣ не мадьяръ: нѣмцевъ, словаковъ, хорватовъ, и отъ каждаго получается отвѣтъ, что если на выставкѣ и нѣтъ ничего изъ ряду вонъ выходящаго, то все-таки на нее стоитъ посмотрѣть, такъ какъ венгры дѣйствительно постарались не ударить въ грязь лицомъ.

Самый Пештъ представляетъ довольно много любопытнаго. Это громадный городъ почти съ милліоннымъ населеніемъ, полный жизни, движенія. По обѣимъ сторонамъ широкихъ улицъ возвышаются громадные каменные дома, между которыми масса великолѣпныхъ зданій: дворцовъ, церквей и т. д. Повсюду множество ресторановъ и кафе, изъ которыхъ нѣкоторые затмеваютъ роскошью отдѣлки самыя лучшія подобныя же заведенія Вѣны. Такой, напр., кофейни, какъ «Нью-Іоркъ», вы напрасно бы искали въ Вѣнѣ или въ Берлинѣ. Множество скверовъ, парковъ и бульваровъ, значительное количество различныхъ памятниковъ, легкіе мосты, перекинутые черезъ Дунай—все это придаетъ Пешту характеръ настоящей западно-европейской столицы.

Пештъ имѣетъ физіономію чисто мадьярскаго города. Ни одной вывѣски, ни одной надписи на какомъ-нибудь другомъ языкѣ, кромѣ венгерскаго, вы не увидите. Только изрѣдка гдѣ-нибудь надъ второстепеннымъ магазиномъ ютится нѣмецкая надпись подъ венгерской, причемъ первая гораздо мельче второй и едва замѣтна. На улицахъ, по крайней мѣрѣ, на главныхъ, вамъ рѣдко удается услышать звуки нѣмецкаго или славянскаго языка. Даже теперь, когда въ Пештъ съѣзжается множество иностранцевъ, не венгерскій элементъ какъ-то совершенно исчезаетъ въ массѣ мѣстныхъ жителей. Только на окраинахъ Пешта, особенно въ рабочихъ кварталахъ, можно услышать звуки словацкаго или польскаго языка, такъ какъ однихъ польскихъ рабочихъ въ столицѣ Венгріи болѣе пятнадцати тысячъ, словаковъ же до сорока.

На иностранца очень непріятно дѣйствуетъ то, что на вопросъ, обращенный къ прохожему или даже къ полицейскому на нѣмецкомъ языкѣ, вы, въ большинствѣ случаевъ, получаете отвѣтъ: «nem tudom» (не понимаю). Въ дѣйствительности венгерецъ иногда даже хорошо знаетъ по нѣмецки, но считаетъ недостойнымъ упо-

треблять этотъ языкъ въ Пештѣ. Впрочемъ, молодое поколѣніе венгровъ дѣйствительно очень мало знакомо съ нѣмецкимъ языкомъ.

На выставку ведетъ одна изъ самыхъ красивыхъ улицъ—улица Андраши—широкая, застроенная великолѣпными зданіями-дворцами, съ бульваромъ, вымощенная замѣчательно удобно. Подъ этой улицей проложена подземная электрическая желѣзная дорога. Вы спускаетесь по отлогой лѣстницѣ въ конфортабельный вагонъ, который мчитъ васъ съ необыкновенной скоростью по ярко освѣщенному корридору. Станціи расположены на очень близкомъ разстояніи одна отъ другой, такъ что вы можете войти и выйти когда вамъ угодно. Впрочемъ, на выставку можно попасть и на обыкновенной конкѣ.

Войдя на площадь выставки сквозь изящные ворота и миновавъ красивый фонтанъ, вы быстро отыскиваете главный промышленный павильонъ, чтобы воочію убѣдиться, какіе успѣхи сдѣлала венгерская промышленность за послѣднее время. Дѣйствительно, произведеніями своей еще очень юной промышленности венгры могутъ похвалиться. По отзывамъ спеціалистовъ, напр., венгерское машинное производство достигло замѣчательнаго развитія, такъ что можетъ конкуррировать въ этомъ отношеніи съ Бельгіей и Англіей. Венгерскія издѣлія отличаются крѣпостью, при замѣчательномъ изяществѣ. Осмотрѣвъ павильонъ фабричной промышленности, вы можете идти восторгаться прекрасными кустарными издѣліями венгерскихъ, словацкихъ и румынскихъ крестьянъ. Земледѣліе, сахарозаводство, скотоводство и винодѣліе стоятъ въ Венгріи на очень высокой степени развитія, въ чемъ можно убѣдиться осматривая павильоны, посвященные этимъ отраслямъ національнаго хозяйства. Когда подумаешь, что всѣми успѣхами, которыхъ достигла промышленность въ Венгріи, мадьяры обязаны какимъ-нибудь двумъ десятилѣтіямъ энергической, настойчивой дѣятельности, когда узнаешь, съ какими жертвами государству и обществу удалось превратить Венгрію изъ бѣдной чисто земледѣльческой страны въ богатый промышленный край, невольно поражаешься энергіей этого маленькаго народца и прощаешь ему тотъ преувеличенный тонъ похвалъ и восторговъ, съ которымъ венгры говорятъ о прогрессѣ своей родной страны.

Промышленное, земледѣльческое и др. подобныя отдѣленія выставки очень интересны и поучительны, но для обыкновеннаго туриста гораздо любопытнѣе то, чего онъ не встрѣтитъ на другихъ выставкахъ, что сообщаетъ пештской выставкѣ своеобразный характеръ.

Такимъ отдѣленіемъ является историческое, помѣщающееся на довольно большомъ островкѣ, соединенномъ съ площадью выставки деревяннымъ мостомъ. Историческое отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ громадныхъ зданій, изъ которыхъ каждое построено въ другомъ стилѣ: романскомъ, готическомъ, ренессансѣ, рококо и т. д. Уже внѣшній видъ этихъ зданій привлекаетъ ваше вниманіе, такъ какъ вамъ кажется, что вы дѣйствительно перенеслись въ другое столѣтіе. Внутренность каждаго изъ этихъ зданій-музеевъ наполнена безчисленнымъ количествомъ различныхъ предметовъ, относящихся къ прошлому Венгріи. Вы видите здѣсь расположенные въ хронологическомъ порядкѣ по эпохамъ памятники венгерской исторіи: оружіе, домашнюю утварь, мебель, различныя драгоцѣнности, произведеніе искусствъ, рукописи, книги, автографы замѣчательныхъ венгерскихъ дѣятелей и т. д. Нѣсколькихъ часовъ мало, чтобы осмотрѣть, всѣ эти сокровища, перенесенныя сюда изъ различныхъ венгерскихъ, австрійскихъ, итальянскихъ и русскихъ музеевъ, изъ дворцовъ австрійскаго императора и хранилищъ турецкаго султана. Стоимость предметовъ, выложенныхъ въ историческомъ отдѣленіи, доходитъ до 20.000.000 гульденовъ. Выходя изъ историческаго отдѣленія, вы чувствуете большую усталость и отправляетесь отдыхать въ одну изъ многочисленныхъ кофеенъ, привлекаемые звуками венгерскаго или, вѣрнѣе, цыганскаго окрестра. Такихъ оркестровъ на выставкѣ десятки. Музыка, предлагаемая подъ видомъ венгерской, имѣетъ довольно разнообразный характеръ. Вы легко различаете чисто малорусскіе или словацкіе мотивы пѣсенъ, которыя исполняетъ венгерскій оркестръ. Что оригинально, такъ это манера играть. Венгерскіе цыгане играютъ съ такимъ жаромъ и чувствомъ, что мало слушать ихъ музыку. Нужно видѣть, какъ они играютъ, слѣдить за ихъ порывистыми тѣлодвиженіями, за игрой ихъ физіономіи, чтобы понять характеръ ихъ музыки. Къ самымъ любопытнымъ отдѣленіямъ выставки принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, этнографическое. Современная Венгрія представляетъ пеструю смѣсь различныхъ національностей, живущихъ рядомъ и вліяющихъ одна на другую. Только въ центрѣ Венгріи живутъ настоящіе мадьяры, но и на этой чистомадьярской территоріи разсѣяны многочисленныя колоніи: словацкія, сербскія и румынскія. Сѣверозападная, прилегающая къ Моравіи и Галиціи, часть Венгріи, населена словаками, которые на востокѣ незамѣтно сливаются съ русинами. На востокѣ и юговостокѣ живутъ румыны, на югѣ хорваты и сербы, на юго-западѣ по городамъ итальянцы, въ Семиградіи—нѣмецкіе выходцы

изъ Саксоніи. Кромѣ того, въ Венгріи можно встрѣтить и словинскія и болгарскія колоніи, а въ городахъ множество евреевъ.

Собственно мадьяры давно уже утратили первобытный угрофинскій характеръ, благодаря мадьяризаціи венгерскихъ славянъ, румынъ, нѣмцевъ и евреевъ. Иностранецъ, попадающій въ Венгрію, поражается тѣмъ разнообразіемъ типовъ, которые ему приходится встрѣчать на каждомъ шагу. Между лицами, считающими себя чистокровными мадьярами, вы замѣтите и смуглыхъ брюнетовъ съ орлиными носами, и голубоглазыхъ блондиновъ, и лица съ чисто-семитскими или германскими чертами. Такая этнографическая смѣсь элементовъ, взаимно вліявшихъ въ теченіе многихъ столѣтій, представляетъ массу матеріаловъ для этнологическаго отдѣленія выставки.

Это отдѣленіе занимаетъ громадное пространство, сплошь застроенное крестьянскими избами. Каждая такая изба является типичнымъ образцомъ построекъ какой-нибудь мѣстности Венгріи, а всѣ вмѣстѣ образуютъ цѣлую деревню, въ которой есть и небольшая церковь, и зданіе волостного правленія, и корчма. Большинство избъ этого отдѣла—мадьярскія, ихъ около двухъ десятковъ. Каждая изба представляетъ маленькій музей, иллюстрирующій повседневную жизнь крестьянина данной мѣстности. При каждой избѣ находятся всѣ хозяйственныя постройки, гдѣ вы можете видѣть образцы тѣхъ земледѣльческихъ орудій повозокъ, упряжи и т. д., которыя употребляются въ одной изъ частей Венгріи. Въ избѣ расположены: мебель, всякая утварь, посуда, одежда, образцы произведеній кустарной промышленности даннаго края. Кромѣ того, въ каждой избѣ можно видѣть нѣсколько манекеновъ, представляющихъ мужскіе и женскіе типы населенія данной мѣстности. Любопытно, что всѣ предметы, выставленные въ этихъ избахъ, имѣютъ очень мало оригинальнаго, своеобразно-венгерскаго. Но, взглянувъ на подпись на такой избѣ, вы можете рѣшить, приблизительно, изъ какой мѣстности всѣ эти экспонаты, т. е. опредѣлить, съ кѣмъ сосѣдятъ венгры даннаго края. Поверхностнаго знакомства съ хорватами, сербами, малороссами или словаками достаточно, чтобы опредѣлить, откуда заимствованъ данный мотивъ «венгерской» орнаментаціи, откуда взята форма любого «венгерскаго» орудія, что повліяло на покрой венгерскаго костюма. Этимъ какъ нельзя лучше доказывается, что пришедшіе въ Европу изъ Азіи мадьяры находились на очень низкой ступени культурнаго развитія. То же самое видно и изъ языка современныхъ венгровъ, въ которомъ всѣ слова, обозначающія понятія изъ области внѣшней культуры, заимствованы у славянъ и румынъ.

Въ каждой избѣ, кромѣ манекеновъ, находится и живой типъ венгерца въ лицѣ надсмотрщика, одѣтаго въ костюмъ той мѣстности, которую репрезентируетъ ввѣренная его попеченію изба.

Меньшая часть выставки посвящена другимъ національностямъ Венгріи: словакамъ, румынамъ, нѣмцамъ и сербамъ. Любопытно, что русскіе, которыхъ въ Сѣверной Венгріи около полумилліона, совершенно отсутствуютъ въ этнографическомъ отдѣленіи; за то въ немъ есть болгарскія и словинскія избы, несмотря на то, что и болгаръ, и словинцевъ въ Венгріи всего какихъ-нибудь нѣсколько тысячъ. Цыганскій таборъ и шатры (табунщиковъ) «чикошей» дополняютъ этнографическую деревню.

Въ этнографическомъ отдѣлѣ находится довольно богатая коллекція предметовъ, иллюстрирующихъ первобытную культуру венгровъ, вывезенная гр. Зичи изъ Средней Азіи, Закавказья и Закаспійскаго края.

Этнографическое село наглядно представляетъ современныя этическія отношенія Венгріи; нѣсколько же павильоновъ, находящихся по сосѣдству, даютъ картину венгерскаго пастушества, рыболовства и охотничьяго промысла въ ихъ историческомъ развитіи. Въ каждомъ изъ этихъ павильоновъ собраны богатыя коллекціи рыболовныхъ снарядовъ, охотничьихъ сѣтей и оружія, начиная съ самыхъ первобытныхъ и кончая новѣйшими.

Павильонъ, посвященный рыболовству, расположенъ на маленькомъ островкѣ посреди пруда. Въ охотничьемъ павильонѣ обращаетъ всеобщее вниманіе сцена соколиной охоты, составленная изъ красивыхъ манекеновъ въ натуральную величину.

Въ общемъ этнографическое отдѣленіе даетъ довольно полную картину жизни венгерскаго народа и другихъ народностей Венгріи. Управленіе выставки позаботилось о томъ, чтобы внести жизнь и движеніе въ этотъ отдѣлъ. Поэтому оно устраиваетъ отъ времени до времени гулянья, ярмарки и даже цѣлыя свадьбы, въ которыхъ принимаетъ участіе народъ. Свадьбы происходятъ ежемѣсячно и совершаются со всѣми обрядами, какіе сохранились среди народа. Первую свадьбу съиграла пара саксонскихъ поселенцевъ изъ Семиградіи. Въ этомъ торжествѣ приняло участіе нѣсколько тысячъ человѣкъ и молодые получили массу подарковъ.

Изъ массы павильоновъ выдѣляются своей оригинальностью два: хорватско-словинскій и босняцко-герцеговинскій. Хотя патріотическая часть хорватскаго общества и протестовала противъ празднованія тысячелѣтія годовщины венгерскаго государства, хотя хорваты отказались отъ участія въ выставкѣ, однако венгерское правительство все-таки добилось того, что на выставкѣ

появился спеціальный хорватско-словинскій павильонъ, свидѣтельствующій о томъ, что Хорватіи далеко до Венгріи въ промышленномъ отношеніи.

Хотя Боснія и Герцеговина не принадлежатъ къ Венгріи, однако венгерцы считаютъ эти оккупированныя провинціи de facto своими. Войдя въ босняцко-герцеговинское отдѣленіе, мы переносимся на Востокъ, такъ какъ повсюду видимъ различныя издѣлія въ восточномъ вкусѣ, восточные типы и т. д. Все, что выставлено въ этомъ павильонѣ, свидѣтельствуетъ о большемъ прогрессѣ отнятыхъ у Турціи провинцій.

Проведя весь день на выставкѣ, вы отправляетесь вечеромъ въ «старую Буду» (Ös Budavara), соединенную прямымъ сообщеніемъ съ выставкой. Вы проходите сквозь тройныя каменныя ворота и попадаете въ какой-то волшебный уголокъ. Вы видите передъ собой цѣлый городъ, залитый потоками электрическаго свѣта. Ös Budavara долженъ изображать задунайскую часть венгерской столицы—Буду—въ такомъ видѣ, какой она имѣла въ то время, когда принадлежала туркамъ. Старая Буда на выставкѣ построена по плану извѣстнаго вѣнскаго архитектора Марморека. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ зданій, расположенныхъ на площадяхъ и улицахъ такимъ образомъ, что вы дѣйствительно можете подумать, будто находитесь въ настоящемъ городѣ, а не среди искусно раскрашенныхъ деревянныхъ бараковъ. Въ старой Будѣ находится цѣлый рядъ красивыхъ средневѣковыхъ построекъ, много дворцовъ прежней венгерской знати, башенъ и т. д. Особенно любопытенъ турецкій кварталъ съ большой мечетью въ центрѣ. Въ этой мечети отправляется магометанское богослуженіе ежедневно, а муэззины съ минаретовъ оглашаютъ площадь криками. Тутъ же, недалеко отъ мечети, находится настоящій гаремъ, который, впрочемъ, доступенъ только для посѣтительницъ женскаго пола.

По вечерамъ въ старую Буду стекаются тысячи народа. Ея улицы и площади оглашаются звуками музыки, кофейни и рестораны наполняются посѣтителями, и въ этомъ уголкѣ начинается жизнь, продолжающаяся далеко за полночь. Тутъ вы можете идти и въ театръ маріонетокъ, и въ оперетку, и смотрѣть на восточную пляску дервишей, и прислушиваться къ оригинальнымъ звукамъ турецкой музыки. По улицамъ старой Буды снуютъ «турки» и «турчанки», съ которыми вамъ, впрочемъ, гораздо легче разговориться, нежели со смотрителями павильоновъ на выставкѣ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти турки выписаны изъ Босніи и Герцеговины. Они ходятъ въ турецкихъ костюмахъ, исповѣдуютъ ма-

гометанскую вѣру, но другого языка, кромѣ сербо-хорватскаго, не знаютъ. А такъ какъ этотъ языкъ ближе другихъ славянскихъ нарѣчій къ русскому, то такой «турокъ» изъ старой Буды гораздо легче васъ пойметъ нежели венгерецъ, къ которому вы обращаетесь по нѣмецки.

Совершенно внѣ выставки находится нѣсколько павильоновъ, посвященныхъ изящнымъ искусствамъ. Спеціальный павильонъ вмѣщаетъ знаменитую картину величайшаго венгерскаго живописца Мункачи «Христосъ передъ Пилатомъ». Венгерскіе художники выставили произведенія своей кисти въ громадномъ зданіи, но эта выставка гораздо болѣе замѣчательна въ количественномъ, нежели въ качественномъ отношеніи. Три павильона заключаютъ панорамы: 1) Пришествіе Арпада въ Венгрію; 2) Данте «Адъ» и 3) Костюшко подъ Рацлавицами. Если исключить послѣднюю, какъ не венгерскую, то обѣ первыя не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Дополненіемъ выставки служитъ «Константинополь», построенный по другую сторону Дуная и напоминающій Ös Budavara. Отправляясь туда, вы невольно останавливаетесь передъ чудеснымъ колоссальнымъ зданіемъ новаго только-что достроеннаго парламента. Ни одинъ парламентъ въ Европѣ не можетъ идти въ сравненіе съ новымъ венгерскимъ ни по величинѣ, ни по красотѣ, ни по роскоши внутренней отдѣлки. Для обозрѣнія одного парламента стоитъ поѣхать въ Пештъ.

Л. Василевскій.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

*(Продолженіе *).*

ПИСЬМО V.

Природа кометъ и положеніе ихъ во вселенной.

Число кометъ и распредѣленіе ихъ перигеліевъ по разстоянію отъ солнца.—Распредѣленіе кометныхъ орбитъ относительно эклиптики.—Какъ опредѣлить число кометъ въ солнечной системѣ: принципъ Ламберта.—Мысли Ламберта относительно жизни на кометахъ.—Физическія свойства кометъ.—Результаты спектрально-аналитическаго изслѣдованія. — Цёльнерова теорія кометъ. — Связь между кометами и падающими звѣздами. — Изслѣдованія Бредихина относительно кометныхъ хвостовъ.—Кометы нельзя считать компактными, неизмѣнными міровыми тѣлами: это — системы тѣлъ, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, съ теченіемъ времени распадаются. — Положеніе кометъ во вселенной. — Распаденіе кометъ и образованіе новыхъ кометъ. — Зодіакальный свѣтъ.

Разсуждая о происхожденіи міровой системы, до сихъ поръ мы не упоминали о кометахъ. Занимая замѣчательное положеніе въ солнечной системѣ, эти свѣтила представляютъ интересъ и въ томъ случаѣ, если мы обращаемся къ царству неподвижныхъ звѣздъ и туманностей и разсматриваемъ вселенную съ высшей точки зрѣнія. Съ древнѣйшихъ временъ кометы привлекали человѣческую мысль. Прошли вѣка, даже тысячелѣтія, а усилія, потраченныя на рѣшеніе этой задачи, оставались напрасными. Въ концѣ концовъ, все-таки удалось преодолѣть встрѣтившіяся трудности и освѣтить значеніе кометъ въ міровой системѣ.

Число ихъ въ солнечной системѣ необычайно велико. Только ничтожнѣйшая часть ихъ доступна нашему взору, хотя бы мы пользовались сильнѣйшими телескопами. До сихъ поръ не наблю-

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

дали ни одной кометы, перигелій *) которой лежалъ бы за орбитою Юпитера. Изъ всѣхъ извѣстныхъ кометъ наибольшее разстояніе отъ солнца представляла комета 1729 г.; но и у ней перигелій на 24 милліона миль ближе къ солнцу, чѣмъ орбита Юпитера. Перигеліи большинства кометъ расположены между 8 и 20 милліонами миль, если считать отъ солнца; слѣдовательно, между орбитами Меркурія и земли. Приводимъ таблицу, гдѣ обозначены разстоянія перигеліевъ для 258 кометъ, наблюдавшихся до 1874 года.

Разстояніе перигеліевъ въ доляхъ радіуса земной орбиты.	Число кометъ.
Отъ 0,0 до 0,5	64
» 0,5 » 1	128
» 1,0 » 1,5	51
» 1,5 » 2	7
» 2 » 2,5	7
» 4	1

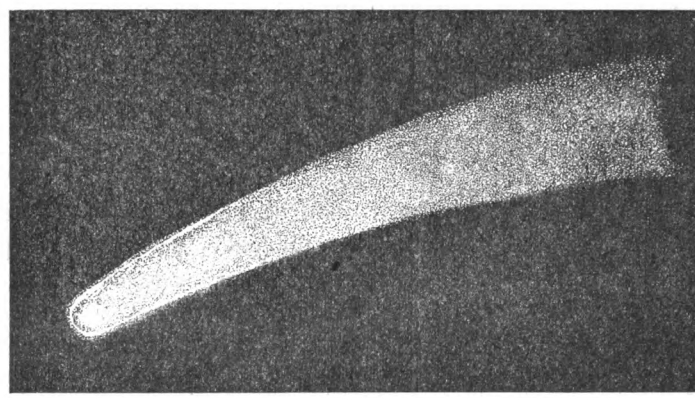
Данныя числа показываютъ, что на различныхъ разстояніяхъ отъ солнца число перигеліевъ неодинаково. Эта неравномѣрность въ распредѣленіи—только кажущаяся: чѣмъ дальше комета, тѣмъ труднѣе различить ее; чтобы получить истинное число перигеліевъ, заключенныхъ внутри извѣстной орбиты, необходимо было бы принимать во вниманіе, насколько доступны кометы при данномъ разстояніи. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предположить, что за орбитою Юпитера нѣтъ ни одной кометы. Періодическія кометы въ теченіе большей части оборота движутся на такихъ разстояніяхъ, которыя лежатъ за предѣлами видимости кометъ; мы знаемъ, что онѣ движутся тамъ, но слабость свѣта мѣшаетъ видѣть ихъ во всякое время.

Какъ расположены пути кометъ относительно плоскости земной орбиты? Раньше думали, что при совершенно случайномъ распредѣленіи всѣ углы наклоненія одинаково вѣроятны, слѣдовательно, должны встрѣчаться одинаково часто. *Гурно* первый замѣтилъ, что это невѣрно: если распредѣленіе случайно, отсюда слѣдуетъ другой выводъ: полюсы плоскостей кометныхъ орбитъ распредѣлены на небесномъ сводѣ равномѣрно. Согласно съ этимъ принципомъ, *Скіапарелли* изслѣдовалъ распредѣленіе кометныхъ орбитъ и нашелъ, что онѣ нѣсколько тѣснѣе сгруппированы около эклиптики; но есть вѣскіе доводы въ пользу мнѣнія, что эта неравномѣрность совершенно случайна.

Въ прошломъ столѣтіи *Ламбертъ* сдѣлалъ попытку опредѣлить число кометъ, движущихся въ предѣлахъ нашей солнечной системы.

*) Точка орбиты, ближайшая къ солнцу. *Примѣч. переводчика.*

Онъ исходилъ изъ представленія, что число это велико, насколько возможно, и что на тверди нѣтъ пути, на которомъ не двигалось бы міровое тѣло. Представимъ, что перигеліи кометныхъ орбитъ распредѣлены въ пространствѣ равномѣрно. Количества ихъ, заключенныя внутри извѣстныхъ планетныхъ орбитъ, относятся какъ кубы радіусовъ этихъ орбитъ. Такъ можно опредѣлить истинное число перигеліевъ. Но, вѣдь, всякому перигелію должна соотвѣтствовать орбита, по которой комета могла бы нестись свободно и безпрепятственно. Поэтому, многіе перигеліи и соотвѣт-

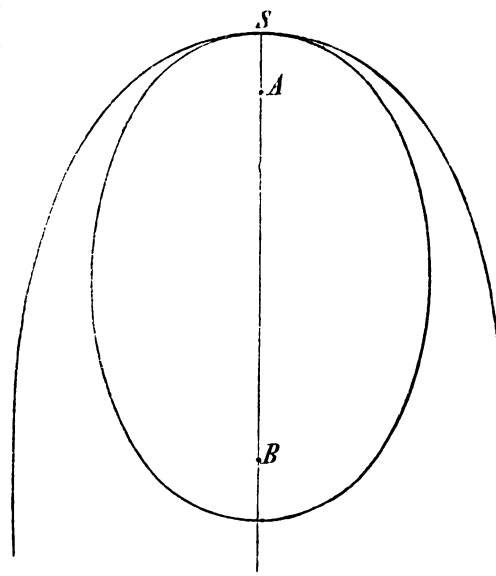


Комета 1811 года.

ствующія имъ орбиты придется отбросить, и число орбитъ будетъ возростать пропорціонально квадратамъ разстояній, какими отдѣлены отъ солнца ихъ перигеліи. Отдѣльные перигеліи можно представить, какъ концы 12 шестовъ, у которыхъ другіе концы направлены во всѣ стороны по радіусамъ. Между свободными концами этихъ шестовъ остаются пространства, гдѣ можно помѣстить 12 другихъ шестовъ; эти послѣдніе оставляютъ промежутки для слѣдующихъ; при этомъ разстояніе отъ центра каждый разъ увеличивается. Число шестовъ будетъ возрастать пропорціонально квадратамъ разстояній отъ центра. Вычислимъ на этомъ основаніи, сколько кометъ помѣщается въ солнечной системѣ внутри орбиты Нептуна. Радіусъ орбиты Меркурія относится къ радіусу орбиты Нептуна, какъ 1 : 78; внутри орбиты Меркурія расположены перигеліи 43 кометъ; получается пропорція: $1 : 78^2 = 43 : X$. X—это искомое число кометъ. Выходитъ, что въ данныхъ предѣлахъ заключено 261.612 кометъ. Вѣрно ли это? Или же истинное число кометъ больше? Или меньше? Это такіе вопросы, на которые нельзя отвѣтить съ увѣренностью. Повидимому, дѣйстви-

тельное число кометъ гораздо меньше, чѣмъ думали ранѣе, и все-таки ихъ не такъ мало, какъ предполагаетъ обыкновенный зритель, замѣчая, что эти странныя свѣтила появляются изрѣдка и исчезаютъ быстро, черезъ нѣсколько недѣль.

Данныя остроумнаго *Ламберта* основаны на смѣломъ положеніи: или одна только земля обитаема, или во всякой точкѣ вселенной есть обитатели и созданія. «Неужели, — говорилъ этотъ знаменитый математикъ,—неужели я долженъ считать совершенствомъ постоянную и неистощимую смѣну сходствъ и, въ то же время, допускать пустыя мѣста, гдѣ нѣтъ ничего подобнаго, гдѣ нѣтъ никакой части цѣлаго, которое должно быть безконечно полнымъ? Я не могъ примириться съ существованіемъ такихъ пробѣловъ; я безъ колебаній приписываю всякой солнечной системѣ такое количество обитаемыхъ міровыхъ тѣлъ, какое только мыслимо при превосходномъ порядкѣ, господствующемъ въ ней. Послѣ того, какъ изобрѣтено увеличительное стекло, мы можемъ разсматривать на землѣ мельчайшія ея части, и что же? Оказывается, все настолько наполнено обитателями, что мы не можемъ долѣе сомнѣваться въ истинѣ: цѣль творенія, не допускающая никакихъ исключеній, это — наполнить жизнью и обитателями всякую часть вселенной. Наблюденіе учитъ насъ этому въ маломъ, и тѣ ступени, которыя проходимъ мы съ улучшеніемъ зрительныхъ стеколъ, приводятъ къ точному выводу, что мельчайшія созданія еще далеко не открыты нами. Почему же мы должны ограничить этотъ выводъ такими тѣсными предѣлами, когда хотимъ распространить его на число міровыхъ тѣлъ?» *Ламбертъ* не колеблется признать обитаемость кометъ. «Всякое живое существо, — замѣчаетъ онъ,— приспособлено къ мѣсту, которое занимаетъ». Великій геометръ считалъ кометы особенно удобнымъ мѣстопребываніемъ для астро-



Орбиты кометъ: снаружи парабола, внутри эллипсисъ. Въ *A* находится солнце; *S*—перигелій.

*

номовъ, «которые созданы, чтобы созерцать строеніе неба, положеніе всякаго солнца, положеніе и орбиты планетъ, спутниковъ и кометъ въ ихъ общей связи. Нужны громадные промежутки времени, чтобы ихъ жилище могло перейти отъ одного солнца къ другому или найти новый путь вокругъ солнца. Вѣка должны мелькать предъ ними, какъ отдѣльные часы, и безсмертіе должно быть ихъ удѣломъ, потому что время дается, сообразно съ потребностями. Такъ, у насѣкомыхъ на землѣ жизнь ограничена всего нѣсколькими часами, потому что для ихъ дѣлъ этого времени достаточно».

Пока мы остаемся въ области подобныхъ мнѣній, можно соглашаться или не соглашаться съ ними, смотря по личному настроенію. Но если обратиться къ научнымъ наблюденіямъ и ознакомиться съ точными выводами относительно свойствъ кометъ, не останется никакого сомнѣнія, что эти міровыя тѣла необитаемы.

Физическія свойства кометъ долго оставались полною загадкою. Первые выводы далъ полярископъ *Араго*, когда было доказано присутствіе отраженнаго солнечнаго свѣта, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ кометъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ признали, что, если кометы обладаютъ *собственнымъ* свѣтомъ, онъ не можетъ казаться намъ значительно сильнѣе, чѣмъ отраженный свѣтъ солнца, который доходитъ до насъ отъ кометъ. Фотометрическія изслѣдованія, поставленныя мною, показали, что для отдѣльныхъ кометъ собственный свѣтъ можетъ быть все-таки настолько значительнымъ, что отъ этого существенно измѣняются отношенія яркости *). Затѣмъ былъ примѣненъ спектральный анализъ.

Донати во Флоренціи первый спектроскопически изслѣдовалъ комету, именно, первую комету 1864 года. Онъ открылъ, что спектръ ея состоитъ изъ трехъ свѣтлыхъ линій, и это было найдено впослѣдствіи у всѣхъ кометъ. Итакъ, типичный кометный спектръ представляетъ три свѣтлыхъ линіи или полосы, которыя лежатъ въ зеленой, голубой и фіолетовой частяхъ; со стороны краснаго конца спектра они ограничены рѣзко, со стороны фіолетоваго—расплываются. Уже *Геггинсъ* обратилъ вниманіе, что этотъ спектръ представляетъ большое сходство со спектромъ углеводородныхъ соединеній. По его мнѣнію, такія соединенія, дѣйствительно, находятся на кометахъ въ раскаленномъ состояніи. Такимъ образомъ, онъ видѣлъ въ кометахъ настоящіе міровые факелы, раскаленныя тѣла, которыя несутъ пожаръ и свѣтъ

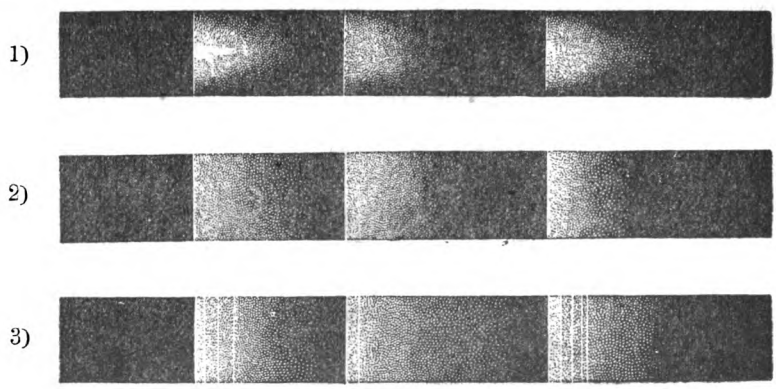
*) Сравнить: Klein. Handbuch der allgemeinen Himmelsbeschreibung. I Bd. 2 Auflage. 1871, p. 236.

чрезъ пространства планетной системы. Это представленіе не было признано астрофизиками и, наконецъ, было подорвано наблюденіями надъ первою и второю кометою 1882 г. Первая изъ нихъ сначала обнаружила типичный спектръ изъ трехъ полосъ. Но когда комета приблизилась къ концу, онъ исчезъ почти совершенно, а вмѣсто него выступила желтая линія натрія. Эту комету не удалось наблюдать послѣ ея прохожденія чрезъ перигелій. Съ дальнѣйшими измѣненіями спектра познакомились, благодаря второй кометѣ того же года, которая была подвергнута спектроскопическому изслѣдованію 18 сентября, день спустя послѣ прохожде-

Донати.

нія чрезъ перигелій. Она обнаружила линію натрія безъ всякаго слѣда спектра съ тремя полосами. Но по мѣрѣ того, какъ она удалялась отъ солнца, линія натрія становилась слабѣе, а вмѣсто нея усиливался спектръ съ тремя полосами, пока, наконецъ, не остался одинъ этотъ спектръ. Такъ была установлена истина: когда комета, приближаясь къ намъ изъ мірового пространства, становится видимой, она обнаруживаетъ спектръ изъ трехъ полосъ, соотвѣтствующій углеводороднымъ соединеніямъ; но какъ только она приблизится на извѣстное разстояніе къ солнцу, вещество ея нагрѣвается и начинаетъ выступать спектръ натрія, въ то время какъ первый исчезаетъ. Затѣмъ, пройдя чрезъ перигелій, комета снова удаляется отъ солнца; вещество ея охлаждается, спектръ натрія пропадаетъ и снова становится видимымъ

спектръ съ тремя полосами. Таковы факты. Объясненіе ихъ вытекаетъ изъ опыта, который былъ поставленъ *Гассельбергомъ* въ Пулковѣ. Оказывается, свѣтовыя явленія на кометахъ вызываются не раскаленнымъ состояніемъ углеводородныхъ соединеній, а электрическимъ разрядомъ. Это объясненіе стоитъ въ полномъ согласіи съ теоріей относительно физическихъ особенностей кометъ, которая развита *Цёлльнеромъ*.



1) Кометный спектръ.
2) Углеводородный спектръ.
3) Углеводородный спектръ (при узкой щели).

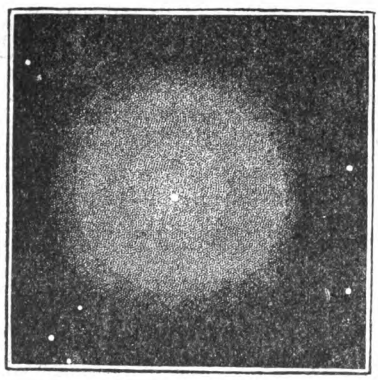
Онъ напоминаетъ, что состоянія тѣлъ зависятъ отъ температуры и давленія. Извѣстно, что при надлежащемъ притокѣ теплоты и соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ давленія можно послѣдовательно перевести тѣло въ каждое изъ трехъ состояній. Ледъ, благодаря теплотѣ, обращается въ воду и, наконецъ, при дальнѣйшемъ нагрѣваніи въ водяные пары. Нѣкоторые газы подъ сильнымъ давленіемъ становятся жидкостями и даже твердыми тѣлами. Гдѣ до сихъ поръ не удалось перевести тѣло въ его различныя состоянія, причина заключалась въ ограниченности нашихъ вспомогательныхъ средствъ, а никакъ не въ самой природѣ тѣла. Ясно, что эта физическая истина примѣнима не только къ землѣ, но и ко всей массѣ вещества, образующаго міровыя тѣла. Слѣдовательно, состоянія вещества въ міровомъ пространствѣ зависятъ только отъ давленія и температуры. Представимъ тѣло среди свободнаго пространства; давленіе его матеріальныхъ частицъ обусловлено ихъ числомъ, т. е. массою. Состояніе такого тѣла при опредѣленной массѣ зависитъ только отъ его температуры; и, обратно, при опредѣленной температурѣ—зависитъ отъ

массы. Если масса очень мала, а температура очень высока, вещество должно обратиться въ паръ,—мало того: все тѣло можетъ распасться на парообразныя массы. Такое распаденіе наступаетъ, когда тѣло недостаточно велико, чтобы своимъ притяженіемъ оказать на окружающую парообразную атмосферу такое дѣйствіе, которое равнялось бы максимуму упругости паровъ при господствующей температурѣ. Это часто бываетъ въ міровомъ пространствѣ; отсюда слѣдуетъ, что пространство не представляетъ пустоты, а наполнено веществомъ, конечно, въ состояніи крайняго разрѣженія.

Измѣненія въ состояніи космическихъ массъ должны идти тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ меньше массы и чѣмъ больше измѣненіе температуры. *Целльнеръ* подробнѣе разсматриваетъ небольшую космическую массу и воздѣйствіе, которое оказываютъ на нее измѣненія температуры. Представимъ, что эта масса находится среди свободнаго мірового пространства; ни одна неподвижная звѣзда не дѣйствуетъ на нее своими лучами; на ней господствуетъ температура, близкая къ абсолютному нулю. Затѣмъ эта масса, благодаря своему движенію, оказывается вблизи солнца, испускающаго тепловые лучи. Ясно, что будетъ нагрѣваться та сторона, которая подвергается непосредственному воздѣйствію солнечныхъ лучей. Частицы, лежащія на другой сторонѣ, заслонены массою жидкости и могутъ нагрѣваться только вслѣдствіе косвеннаго воздѣйствія. Процессы кипѣнія и испаренія совершаются, главнымъ образомъ, на той сторонѣ, которая обращена къ солнцу. Обратится въ паръ вся масса жидкости или только часть ея,—это, при прочихъ равныхъ условіяхъ, зависитъ отъ массы тѣла: чѣмъ меньше была первоначальная масса, тѣмъ ниже температура, при которой можетъ совершиться полный переходъ. Представимъ, что вся жидкая масса обратилась въ паръ: при удаленіи отъ солнца понизится температура; вслѣдствіе этого, или снова явится жидкое ядро, или, при недостаточномъ пониженіи температуры, произойдетъ медленное разсѣяніе въ пространствѣ.

Вблизи солнца такія жидкія массы должны казаться намъ тѣлами съ центральнымъ ядромъ и газообразною оболочкою, которая всегда развита сильнѣе на сторонѣ, обращенной къ солнцу. Если массы очень малы, онѣ уже на большомъ разстояніи отъ солнца сполна обратятся въ паръ; тогда, вслѣдствіе прохожденія лучей на другую сторону тѣла, исчезнетъ разница между нею и стороною, обращенною къ солнцу. Такой видъ, дѣйствительно, представляютъ нѣкоторыя маленькія безхвостыя кометы, и *Целльнеръ* склоненъ считать ихъ за капельно-жидкія метеорныя массы.

Спектральный анализъ доказываетъ, что кометы излучаютъ собственный свѣтъ. По современнымъ знаніямъ, это должно быть слѣдствіемъ или сгоранія, или электрическаго напряженія. Еще раньше, чѣмъ *Гасселъбергъ* произвелъ свои изслѣдованія, *Целльнеръ* утверждалъ, что немыслимо никакое колебаніе въ выборѣ между этими двумя причинами самосвѣченія кометъ. Теорія электрическаго напряженія газообразной оболочки вполнѣ соотвѣтствуетъ спектроскопическимъ наблюденіямъ и въ то же время она легко объясняетъ явленія кометныхъ хвостовъ, остававшіяся до сихъ поръ загадочными. При этой теоріи, говоритъ *Целльнеръ*, мы вынуждены разсматривать развитіе свѣта и появленіе хвоста у кометъ, какъ дѣйствіе электрическаго процесса. Всѣ явленія объясняются ею съ замѣчательною полнотою. Благодаря этому, она пріобрѣтаетъ столь высокую степень вѣроятности, какая только возможна при выводѣ космическихъ процессовъ изъ свойствъ матеріи, наблюдавшихся до сихъ поръ исключительно на земныхъ тѣлахъ.



Комета безъ хвоста.

Какая причина производитъ на кометахъ непрерывное электрическое напряженіе? Отвѣчая на этотъ вопросъ, *Цёлльнеръ* указывалъ на процессы кипѣнія и испаренія, которыя совершаются въ жидкихъ массахъ. Громадная толщина парообразныхъ массъ, обладающихъ электрическимъ напряженіемъ, должна, по *Цёлльнеру*, быть причиною свѣченія.

При спектроскопическомъ изслѣдованіи, этотъ свѣтъ долженъ обнаружить тѣ же особенности, какъ электрическій свѣтъ, который проходитъ чрезъ пары, развивающіеся на кометахъ. Но при слабомъ электрическомъ напряженіи появится только спектръ того вещества, которое раньше другихъ измѣняетъ свое состояніе при низкихъ температурахъ. «Поэтому», продолжаетъ *Цёлльнеръ*: «если среди космическихъ жидкостей, представляющихъ обломки разрушенныхъ міровъ, припишемъ главную роль водѣ и жидкимъ углеводородамъ, спектры кометъ могутъ быть преимущественно только такими, какіе принадлежатъ парамъ этихъ веществъ и ихъ составнымъ частямъ. Такимъ путемъ объяснялась бы аналогія и отчасти совпаденіе наблюдавшихся до сихъ поръ кометныхъ спект-

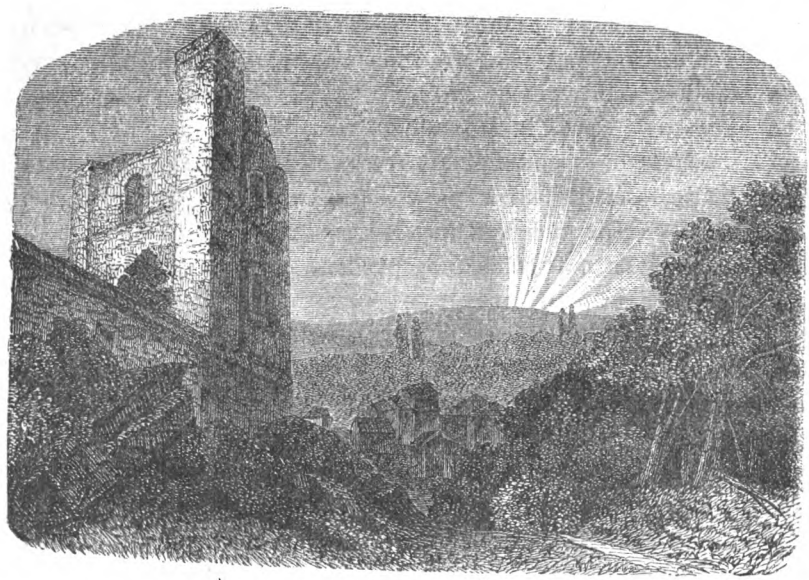
ровъ со спектромъ электрической искры въ атмосферѣ изъ углеводородныхъ паровъ».

Чтобы объяснить явленіе кометныхъ хвостовъ, *Цёлльнеръ* допускаетъ, что *на солнцѣ* существуетъ опредѣленное *электричество*. Эта теорія, конечно, представляетъ свои слабыя стороны, но за нее говоритъ фактъ, доказанный *Вольфомъ* въ Цюрихѣ: величина угла, на который ежедневно передвигается магнитная стрѣлка, возростаетъ, когда число солнечныхъ пятенъ увеличивается, и, напротивъ, убываетъ, когда пятна меньше и рѣже. Эти два явленія обнаруживаютъ такое поразительное совпаденіе, что *Вольфъ* имѣлъ полное основаніе сдѣлать выводъ: между ними существуетъ причинное соотношеніе; объ интенсивности общей причины можно судить по обоимъ явленіямъ, какъ по двумъ различнымъ скàламъ. Но въ настоящее время нельзя сомнѣваться, что причиною магнитныхъ колебаній являются электрическіе потоки. Если признать существованіе электричества на солнцѣ, станетъ ясно, что оно должно подвергаться величайшимъ колебаніямъ въ своей интенсивности, когда на солнечной поверхности образуются многочисленныя и крупныя пятна, которыя вызываютъ тамъ громадные перевороты. Эти колебанія, въ свою очередь, дѣйствуютъ на состояніе земного магнетизма. Вотъ почему, слѣдя за движеніями магнитной иглы, мы можемъ судить о числѣ пятенъ на солнцѣ.

Разъ признается, что на солнцѣ существуетъ электричество, не трудно объяснить явленіе кометныхъ хвостовъ. Стоитъ только примѣнить къ данному случаю элементарныя положеніе ученія объ электричествѣ. Допустимъ, что пары, вытекающіе изъ жидкаго ядра кометы, обладаютъ тѣмъ же электричествомъ, какъ солнце; частицы этихъ паровъ должны отталкиваться отъ солнца, и потому хвосты кометъ принимаютъ направленіе, противоположное солнцу.

Уже въ древней китайской книгѣ, которая написана *Ма-дуанъ-Линомъ* и носитъ названіе «Венсіангъ-тунгъ-као», значится: «Вообще, у кометы, которая стоитъ къ востоку отъ солнца, хвостъ направленъ на востокъ отъ ядра. Если же комета стоитъ къ западу отъ солнца, хвостъ направленъ на западъ». *Сенека* говоритъ: «Хвосты кометъ убѣгаютъ отъ лучей солнца». *Іеронимъ Фракасторъ* и *Апіанъ* незадолго до половины шестнадцатаго столѣтія впервые съ полной опредѣленностью указали, что хвосты кометъ лежатъ на продолженіи прямой линіи, которую можно вообразить между солнцемъ и головою кометы. Однако, хвосты никогда не представляютъ прямой линіи: скорѣе они изогнуты, какъ будто самыя крайнія частицы ихъ отстаютъ при движеніи. Конечно,

здѣсь нѣтъ противорѣчія съ положеніемъ, приведеннымъ выше: изогнутую форму хвостовъ можно объяснить тѣмъ, что крайнія частицы ихъ, у которыхъ плотность наименьшая, а скорость наибольшая, встрѣчаютъ также и сопротивленіе наибольшее. Важнѣе вопросъ: остаются ли оси кометныхъ хвостовъ постоянно въ плоскости орбиты, описываемой этими свѣтилами? *Бессель* доказалъ это для кометы 1818 года, насколько допускаютъ такое доказательство несовершенныя наблюденія того времени. Относительно нѣкоторыхъ новыхъ кометъ были произведены точныя изслѣдо-



Комета 1744 года—съ шестью хвостами.

ванія *Виннеке*. Наблюденія надъ первою кометою 1840 года и надъ большою кометою 1843 года вполнѣ гармонируютъ съ предположеніемъ, что ихъ хвосты лежали въ плоскости орбиты. Для третьей кометы 1853 года найдено въ высшей степени незначительное отклоненіе. Такимъ образомъ, дѣйствительность соотвѣтствуетъ требованіямъ теоріи, пока дѣло идетъ о кометахъ съ *однимъ* хвостомъ.

Но иногда являются кометы *съ нѣсколькими хвостами*, хотя это—случай очень рѣдкій. Какъ объяснить образованіе кратныхъ хвостовъ? Слѣдуя своей теоріи, *Целльнеръ* дѣлаетъ такое предположеніе: иногда, при условіяхъ, которыхъ въ настоящее время мы не знаемъ, электричество кометныхъ хвостовъ переходитъ въ противоположное. Такъ было съ кометой 1824 года: ея хвостъ

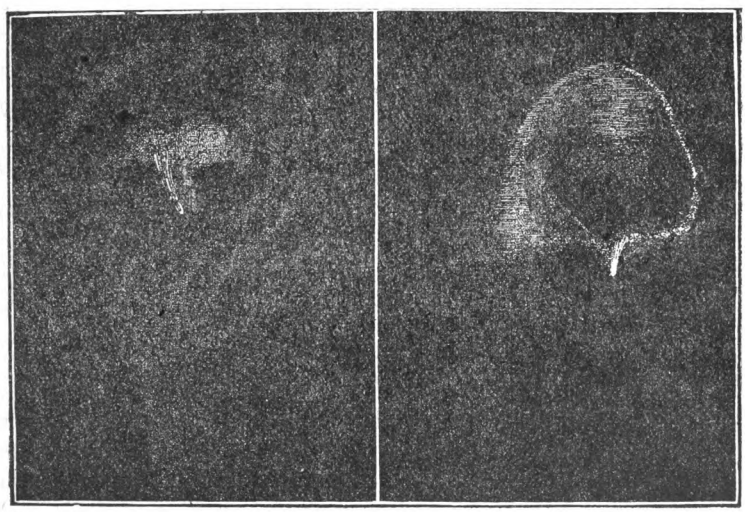
былъ направленъ къ солнцу, потому что противоположныя электричества солнца и нѣкоторой части кометныхъ паровъ стремились соединиться и, вслѣдствіе этого, соотвѣтствующія частицы паровъ двигались въ направленіи къ солнцу; въ то же время на другихъ частицахъ развивалось электричество, одноименное съ солнечнымъ: эти частицы стремились удалиться отъ солнца и образовали главный хвостъ. Комета 1744 года обладала шестью хвостами, которые расходились вѣеромъ на сторонѣ, противоположной солнцу. Такое раздѣленіе хвоста будетъ понятно, если приписать кометѣ электричество, тожественное съ солнечнымъ. Представимъ, что частицы паровъ, образующія хвостъ, вслѣдствіе какой-нибудь причины раздѣлены при основаніи; удаляясь отъ солнца, онѣ дадутъ начало нѣсколькимъ потокамъ, которые будутъ расходиться, какъ расходятся два бузинныхъ шарика, повѣшенные рядомъ на нитяхъ и заряженные одноименнымъ электричествомъ.

Профессоръ *Бредихинъ*, много лѣтъ занимавшійся изслѣдованіемъ кометныхъ хвостовъ, также приходитъ къ убѣжденію, что они происходятъ вслѣдствіе электрическаго отталкиванья, производимаго солнцемъ. Онъ нашолъ далѣе, что всѣ кометные хвосты можно свести къ *тремъ* типамъ. Два первые типа встрѣчаются всего чаще; они-то и придаютъ кометамъ ихъ характерный видъ. Хвосты третьяго типа совсѣмъ не похожи на нихъ и встрѣчаются очень рѣдко: это — такъ-называемые «аномальные» хвосты; они коротки и направлены къ солнцу; солнечное электричество совсѣмъ не вызываетъ здѣсь отталкиванья. Если вычислить, по примѣру *Бредихина*, интенсивность отталкивательной силы, которая проявилась при образованіи хвостовъ, окажется, что для каждаго изъ трехъ типовъ она различна. Примемъ величину солнечнаго притяженія на извѣстномъ разстояніи за единицу; въ такомъ случаѣ напряженность отталкивательной силы можно выразить слѣдующими цифрами:

Типъ	I	11
»	II	1,3
»	III	0,2

Ясно, что сама по себѣ отталкивательная сила остается во всѣхъ случаяхъ одинаковой; если же электричество оказываетъ различное вліяніе, это объясняется, по всей вѣроятности, удѣльнымъ вѣсомъ мельчайшихъ частицъ кометнаго вещества. Обратимъ вниманіе на эти числа: 11; 1,3; 0,2. Они обратно пропорціональны съ атомными вѣсами тѣхъ химическихъ элементовъ, которые, по даннымъ спектральнаго анализа, преобладаютъ на кометахъ и метеорахъ: это водородъ, углеродъ и желѣзо. Разъ эти

элементы находятся на кометахъ въ состояніи диссоціаціи, хвосты трехъ типовъ должны состоять преимущественно изъ нихъ. Въ хвостахъ перваго типа преобладаетъ водородъ. Расширенные хвосты второго типа состоятъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Въ хвостахъ третьяго типа молекулы тяжелѣе, чѣмъ въ другихъ хвостахъ. Ихъ матерія была выброшена изъ кометы въ направленіи къ солнцу; но она тяжела, отталкивательная сила не оказала на нее замѣтнаго воздѣйствія; напротивъ, она осталась подъ вліяніемъ тяготѣнія. Мы можемъ принять, что молекулы этого рода встрѣчаются и отдѣляются на всѣхъ, вообще, кометахъ; но лишь въ немногихъ случаяхъ онѣ на столько многочисленны, что становятся доступными наблюденію въ видѣ аномальныхъ хвостовъ.



Истеченіе изъ ядра кометы 1862 г., наблюдавшееся 24-го августа.

У большихъ кометъ нерѣдко наблюдаютъ истеченіе изъ ядра: потоки вещества направляются къ солнцу, расходятся въ видѣ вѣера и, перемѣнивши направленіе, образуютъ хвостъ. Ясно видно, какъ вещество выбрасывается въ направленіи къ солнцу—и именно до того предѣла, гдѣ отталкивательная сила солнца заставляетъ его двигаться обратно. Ось конуса истеченія лежитъ обыкновенно на линіи, соединяющей комету съ солнцемъ. Иногда она обнаруживаетъ колебанія то въ одну, то въ другую сторону, подобныя колебаніямъ маятника. Эти движенія впервые наблюдалъ и точнѣе изслѣдовалъ *Бессель* у кометы *Галлея*. Продолжительность полнаго колебанія равнялась $4^2/_3$ дня; колебанія совершались въ плоскости орбиты; конусъ истеченія отклонялся вправо и влѣво

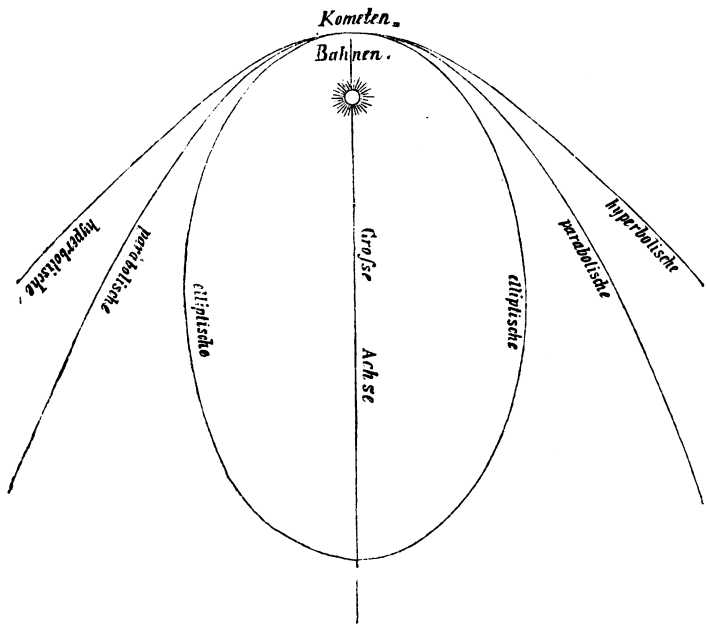
отъ линіи, соединяющей комету съ солнцемъ на 60°. У третьей кометы 1882 года конусъ истеченія обнаруживалъ замѣчательныя движенія, представлявшія періодъ въ три дня. По теоріи *Цёлльнера*, эти истеченія становятся понятными, если приписать кометамъ жидкое ядро и разсматривать самое истеченіе, какъ развитіе паровъ подъ вліяніемъ солнечной теплоты.

Цёлльнерова теорія кометъ объясняетъ всѣ явленія, которыя наблюдаются на этихъ загадочныхъ небесныхъ тѣлахъ. Нельзя, однако, забывать, что основной ея принципъ, допущеніе капельно-жидкаго состоянія кометнаго вещества, является гипотезой недоказанной. Благодаря классическимъ изслѣдованіямъ *Скіапарелли*, мы знаемъ теперь, что существуетъ связь между кометами и падающими звѣздами: нѣкоторые потоки падающихъ звѣздъ движутся по орбитамъ, которыя совпадаютъ съ орбитами отдѣльныхъ кометъ. Съ различныхъ сторонъ отсюда преждевременно вывели заключеніе, что оба класса небесныхъ тѣлъ вообще тожественны, что, если разсматривать рой падающихъ звѣздъ съ большаго разстоянія, онъ представится въ видѣ кометы. Но это заключеніе ошибочно, какъ показалъ *Скіапарелли*; кометы и метеоры—небесныя тѣла, существенно различныя; на совпаденіе же ихъ орбитъ можно смотрѣть, какъ на доказательство одинаковости ихъ *происхожденія*. *Скіапарелли* представляетъ это такъ: ядро кометъ состоитъ изъ твердаго вещества, которое, вслѣдствіе метеорологическихъ процессовъ, совершающихся въ его газообразной оболочкѣ, подвергается вывѣтриванію; постепенно оно распадается на отдѣльные куски; притяженіе и атмосферное сопротивленіе болѣе крупнаго мірового тѣла заставляетъ ихъ раздѣлиться и превращаетъ ихъ въ рой метеоритовъ. *Цёлльнеръ*, напротивъ, думалъ, что кометы это—*жидкіе*, а метеориты или падающія звѣзды—*твердые* остатки болѣе крупнаго небеснаго тѣла. «Представимъ,—говоритъ онъ,—что наша земля распадется когда-нибудь на отдѣльные куски въ силу того же процесса, какому, по мнѣнію *Ольберса*, обязаны своимъ существованіемъ планетоиды. Получится множество твердыхъ обломковъ. Но, рядомъ съ ними, современныя моря и жидкія углеводородныя соединенія, образовавшіяся въ нѣдрахъ земли, должны будутъ собраться въ жидкіе шары. Обитателямъ другихъ міровъ эти шары будутъ казаться кометообразными тѣлами, которыя окружены газообразными оболочками различной формы».

Оставаясь въ полномъ согласіи съ наблюденіями, *Скіапарелли* доказалъ, что кометы никакъ нельзя представлять неизмѣнными, компактными міровыми тѣлами, у которыхъ возмущающее дѣй-

стіе солнца и планетъ отразится только на измѣненіи *орбиты*. Скорѣе это—системы тѣлъ очень малой плотности, которыя съ теченіемъ времени, при извѣстныхъ условіяхъ, подлежатъ распаденію. Если это такъ, конечно, нельзя говорить, что эти тѣла могутъ быть населены живыми существами. Или же придется приписать этимъ существамъ такую организацію, что имъ не причиняетъ никакого вреда пребываніе въ горячей жидкости и что имъ безразлично даже, если ихъ свѣтило время отъ времени будетъ распадаться на части.

Разъ дана система, состоящая изъ мелкихъ отдѣльныхъ тѣлъ или изъ связной матеріи малой плотности, такое распаденіе, при



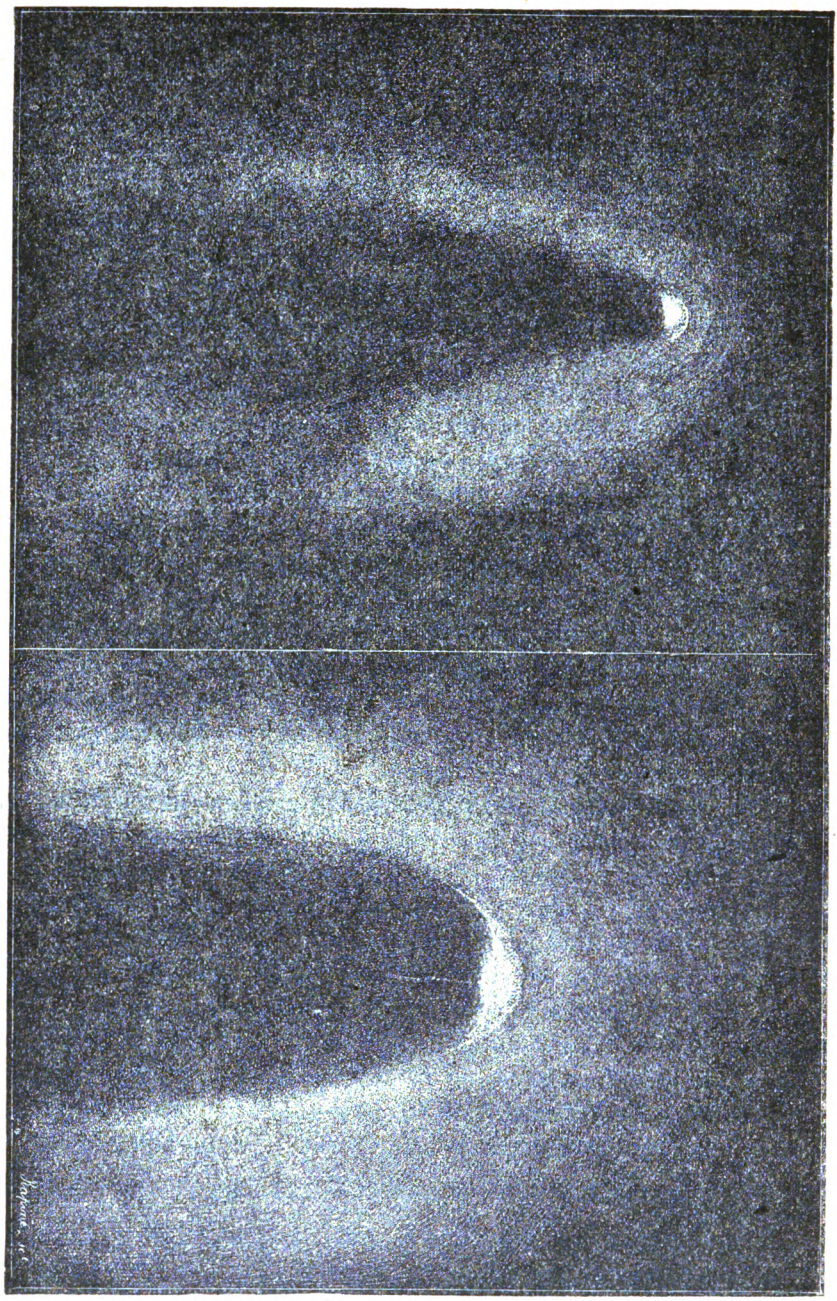
Орбиты кометъ: внутри эллипсисъ; средняя кривая—парабола; наружная кривая—гипербола.

извѣстныхъ условіяхъ, должно произойти неизбѣжно. Причина—притяженіе со стороны солнца. До *Скіапарелли* этому обстоятельству не придавали должнаго значенія. И, однако, по всей вѣроятности, оно играло крайне важную роль при происхожденіи звѣздныхъ системъ изъ первичной туманной матеріи. Въ настоящее же время оно обусловливаетъ явленія періодическихъ и правильныхъ метеорныхъ потоковъ.

Представимъ шарообразную систему, составленную изъ мелкихъ отдѣльныхъ тѣлъ; припишемъ ей однородное строеніе и

плотность. Каждая частица системы притягивается къ центру съ извѣстною силою, которая обусловливается ея разстояніемъ отъ центра. Вся система, въ свою очередь, притягивается солнцемъ. Съ одинаковой ли силой солнце привлекаетъ къ себѣ различныя частицы? Ближайшая точка притягивается сильнѣе всѣхъ остальныхъ,—сильнѣе, чѣмъ центръ системы; самая дальняя притягивается слабѣе центра. Эта разница создаетъ возмущающую силу, которая стремится увеличить разстояніе между центромъ и обѣими упомянутыми точками. Слѣдовательно, подъ вліяніемъ солнечнаго притяженія, частицы шарообразной системы раздвигаются. Въ концѣ концовъ должно произойти распаденіе системы, если возмущающая сила солнца окажется больше, чѣмъ притяженіе, производимое центромъ системы. Предѣлъ прочности зависитъ не отъ размѣровъ шара, а отъ количества матеріи, заключенной въ въ немъ, и отъ разстоянія между нимъ и солнцемъ. Представимъ систему съ очень малою массою, вѣсомъ всего въ 1 граммъ. Помѣстимъ ее на такомъ же разстояніи отъ солнца, на какомъ находится земля. Спрашивается, велико ли должно быть среднее разстояніе между ея частями, чтобы вся система, при данныхъ условіяхъ, сохранила прочность. Слѣдуя *Скіапарелли*, найдемъ, что она распадается, какъ только среднее разстояніе между ея частями окажется больше 1,86 метра. Въ этомъ случаѣ притяженіе солнца заставитъ каждую частицу, вѣсомъ въ 1 граммъ, слѣдовать по независимой орбитѣ.

Примемъ теперь, что шарообразная система состоитъ не изъ отдѣльныхъ частей, а изъ связной матеріи. При помощи вычисленія опять можно будетъ опредѣлить ту степень плотности и то разстояніе отъ солнца, за которыми начинается распаденіе системы. Для примѣра, остановимся на первой кометѣ 1843 года. Чтобы не распасться при своемъ приближеніи къ солнцу, она должна была обладать плотностью, по меньшей мѣрѣ, въ $^1/_{17}$, если плотность воды принять за 1. Но такой плотности нельзя приписать атмосферѣ ни этой, ни какой-либо другой кометы. Вернемся къ воображаемой шарообразной системѣ. *Скіапарелли* вычислилъ, что она должна обладать плотностью, по меньшей мѣрѣ, въ $\frac{1}{3.310.000}$ для того, чтобы не распасться на такомъ разстояніи отъ солнца, какъ земля. При этихъ условіяхъ каждые 10 кубическихъ метровъ будутъ содержать три грамма матеріи; это—плотность нашей земной атмосферы при температурѣ 0° и давленіи 0,177 миллиметровъ. Однородное скопленіе матеріи, представляющее такую плотность, начнетъ распадаться, какъ только, приближаясь



Отдѣленіе туманной оболочки: 1) комета Донати 1858 г.; 2) комета 1861 г.

къ солнцу, перейдетъ за орбиту земли. «Но эта плотность, — говоритъ *Скіапарелли*, — гораздо больше той, какую обыкновенно

приписываютъ атмосферѣ кометъ». Если же плотность системы не равномѣрна, а возрастаетъ отъ поверхности къ центру, распаденіе начнется съ поверхности и будетъ постепенно переходить на внутреннія части. Чѣмъ ближе комета къ солнцу, тѣмъ больше разлагающая сила, тѣмъ глубже и плотнѣе слои, на которые простирается ея дѣйствіе. Наконецъ, оно проникнетъ въ глубину ядра; тогда комета распадется совершенно. Эти выводы поразительно соотвѣтствуютъ наблюденіямъ. Болѣе точныя изслѣдованія показали, что у кометы Донати и многихъ другихъ туманная оболочка начинала отдѣляться, когда комета приближалась къ солнцу. На великолѣпныхъ рисункахъ, данныхъ *Бондомъ* для кометы Донати, можно ясно различить слои отдѣлившагося вещества на тѣхъ мѣстахъ, которыя это свѣтило занимало при своемъ полетѣ нѣсколько дней назадъ.

Распаденіе нѣкоторыхъ кометъ малой плотности исключительно подъ давленіемъ, подъ вліяніемъ солнечнаго притяженія, это— фактъ, математически доказанный и не подлежащій никакимъ сомнѣніямъ. Едва ли можно сомнѣваться, что на кометахъ дѣйствуютъ еще другія силы, которыя проявляются въ изверженіяхъ. На нихъ указываетъ существованіе трехъ различныхъ типовъ хвостовъ; профессоръ *Бредихинъ* доказалъ, что существованіе такихъ силъ въ высшей степени вѣроятно. По его изслѣдованію, отъ кометъ по всѣмъ направленіямъ отбрасываются мелкія частицы; онѣ должны описывать вокругъ солнца или эллиптическія, или гиперболическія орбиты. Пока комета не приблизилась къ солнцу на опредѣленное разстояніе, всѣ частицы, выброшенныя съ нея, будутъ двигаться по гиперболическихъ орбитамъ; слѣдовательно, онѣ снова удалятся отъ солнечной системы. Но какъ только комета перейдетъ за указанный предѣлъ, отброшенныя частицы будутъ кружиться около солнца по замкнутымъ эллиптическимъ путямъ. Такимъ образомъ, для каждой точки кометной орбиты получается рядъ эллипсисовъ, которые пересѣкаются въ этой точкѣ. Орбиты отдѣлившихся частицъ сильно различаются по времени обращенія, и уже по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ частицы распредѣлятся, повидимому, равномѣрно. Нельзя представлять, что частицы отдѣляются исключительно въ плоскости кометной орбиты: масса ихъ имѣетъ форму конуса. Такъ объясняетъ *Бредихинъ* тотъ фактъ, что земля ежегодно встрѣчается съ роями метеоровъ, хотя комета, которая дала имъ начало, давно уже исчезла изъ сосѣдства съ солнцемъ. Не всегда матерія истекаетъ изъ кометы непрерывно: иногда она отдѣляется внезапно, въ большомъ количество, какъ бы вслѣдствіе сильнаго изверженія. Тогда мы видимъ

картину раздѣленія кометы. По всей вѣроятности, подобными процессами можно объяснить дѣленіе кометы Біелы и появленіе маленькой туманной массы рядомъ съ пятою кометою 1889 года.

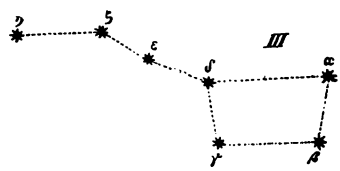
Скіапарелли.

Эти важныя работы *Скіапарелли* и *Бредихина* установили самую тѣсную связь между кометами и метеорными потоками; благодаря имъ, расширились и наши знанія о кометахъ и метеорахъ, и наши космологическія воззрѣнія. Открылось множество новыхъ и крайне интересныхъ точекъ зрѣнія, о которыхъ раньше не могли и думать.

Опираясь на эти работы, я хочу изобразить положеніе кометъ во вселенной съ начала и до конца ихъ существованія. Къ падающимъ звѣздамъ я вернусь впослѣдствіи.

Лаплассъ разсматривалъ кометы, какъ маленькія туманныя массы: онѣ переносятся чрезъ пространство отъ одной солнечной системы къ другой и, спускаясь къ нашему солнцу, движутся по орбитамъ, видимая часть которыхъ совпадаетъ съ параболическою линіею. Когда *Скіапарелли* изслѣдовалъ этотъ вопросъ геометрически съ болѣе общей точки зрѣнія, онъ пришелъ къ болѣе правильному выводу: еслибъ кометы занимали то положеніе, которое приписалъ имъ *Лаплассъ*, ихъ орбиты, почти безъ исключенія, имѣли бы характеръ гиперболъ. «Этотъ результатъ», пояснялъ *Скіапарелли*, «совершенно подрываетъ гипотезу *Лапласа* относительно происхожденія кометъ и уничтожаетъ тѣ выводы, которые самъ я дѣлалъ изъ нея въ моихъ прежнихъ работахъ. Кометы приходятъ къ намъ изъ звѣздныхъ пространствъ; на это ясно указываетъ гиперболическій характеръ нѣкоторыхъ путей. Но въ то же время среди описанныхъ ими коническихъ сѣченій господствуетъ почти параболическая форма. Она заставляетъ признать, что среди безконечно большого числа тѣлъ, наполняющихъ небесныя пространства, кометы представляютъ классъ, отличающійся особеннымъ характеромъ: у нихъ такая форма путей, какая для другихъ тѣлъ, по указанію теоріи, представляется наименѣе вѣроятною. Не трудно изслѣдовать, въ чемъ заключается особенность, которую я имѣю въ виду. Мы уже упоминали, что, если тѣло является изъ области неподвижныхъ звѣздъ, оно можетъ описывать почти параболическую орбиту лишь въ томъ случаѣ, если скорость и направленіе его собственнаго движенія почти вполнѣ совпадаютъ со скоростью и направленіемъ собственнаго движенія солнца. Отсюда заключеніе: среди неподвижныхъ звѣздъ и другихъ тѣлъ, не принадлежащихъ къ семьѣ планетъ, кометы составляютъ особую систему, члены которой, всѣ вмѣстѣ, сопровождаютъ солнце въ его собственномъ движеніи чрезъ небесныя пространства. Какое же мѣсто принадлежитъ въ этой системѣ солнцу? Если оно не главный и не единственный центръ, то, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ центровъ большой массы и притяженія, которому болѣе мелкія тѣла системы, по крайней мѣрѣ, временно, подчинены въ качествѣ спутниковъ. Относятся ли къ этой системѣ еще другія свѣтила, кромѣ солнца,—мы не можемъ дать отвѣта въ настоящее время. Признакомъ такихъ свѣтилъ былъ бы замѣтный годичный параллаксъ въ связи съ видимымъ собственнымъ движеніемъ, равнымъ нулю или очень малой величинѣ».

Солнце явилось бы тогда членомъ системы болѣе обширной, къ которой принадлежитъ много другихъ свѣтилъ. *Скіапарелли* отмѣчаетъ факты, представляющіе аналогію: въ нѣкоторыхъ областяхъ неба извѣстны цѣлыя группы звѣздъ, которыя всѣ движутся съ одинаковой почти скоростью и въ одномъ и томъ же направленіи. Въ однообразномъ движеніи звѣздъ можно видѣть отчасти отраженіе собственныхъ движеній нашего солнца; но въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ реальными явленіями. Я хочу указать нѣсколько такихъ звѣздныхъ системъ. Замѣчательный примѣръ представляютъ среднія главныя звѣзды созвѣздія Большой Медвѣдицы, — именно, звѣзды γ, δ, ε. Собственное движеніе ихъ равно приблизительно 14 или 15 угловымъ секундамъ въ столѣтіе; оно направлено у всѣхъ нихъ къ востоку. Другой примѣръ находимъ въ созвѣздіи Оріона: звѣзды ζ, ε, δ



Главныя звѣзды созвѣздія Большой Медвѣдицы.

обнаруживаютъ собственное движеніе, составляющее приблизительно 10 угловыхъ секундъ въ столѣтіе; направленіе его почти западное. Замѣчательный потокъ звѣздъ можно видѣть также въ головѣ Тельца: это—группа Гіадъ. Всѣ звѣзды ея движутся къ юго-востоку; величина движенія почти одинаковая. Исключеніе составляютъ три звѣзды, которыя принадлежатъ къ этой группѣ только оптически: къ нимъ относится и самая яркая звѣзда всей группы, красивый, красноватый Альдебаранъ; въ дѣйствительности онъ находится въ пространствѣ между группою Гіадъ и нашимъ солнцемъ.

Скіапарелли думаетъ, что всѣ эти тѣла, обладающія общимъ движеніемъ, съ самаго происхожденія современнаго звѣзднаго міра, составляли одну систему; члены этой системы, проникши въ пространство, занятое другими тѣлами, сохранили свое общее движеніе, и потому до сихъ поръ носятъ знакъ своего общаго происхожденія. По воззрѣніямъ *Вильяма Гершеля*, звѣздные міры произошли чрезъ уплотненіе туманнаго вещества. Можно предположить, что въ каждой группѣ, обнаруживающей параллельныя и равныя движенія, всѣ свѣтила, въ моментъ своего происхожденія, принадлежали къ одной и той же части туманности. Когда она сгустилась и распалась на бо̀льшее или меньшее число небесныхъ тѣлъ, они продолжали ея движеніе въ томъ же направленіи. «Такая часть туманности была бы общей матерью солнца, кометъ и, вѣроятно, другихъ небесныхъ тѣлъ. Нельзя принимать, что кометы принадлежатъ къ солнечной системѣ *съ самаго мо-*

мента ихъ происхожденія, какъ полагали нѣкоторые. Онѣ связаны съ солнцемъ отношеніями родства или общаго происхожденія, потому что онѣ явились вмѣстѣ съ нимъ въ одной и той же части первичной туманности. Вотъ почему и теперь онѣ сопровождаютъ солнце на его невѣдомомъ космическомъ пути».

Орбиты кометъ, спускающихся къ солнцу изъ неизмѣримыхъ звѣздныхъ пространствъ, не остаются постоянными: иногда онѣ значительно измѣняются, иногда подвергаются полному превращенію. Можно указать двѣ причины, вызывающихъ такія измѣненія: сопротивленіе тонкаго вещества, наполняющаго міровое пространство, и притяженіе со стороны планетъ. Что касается первой причины, раньше указывали на уменьшеніе большой полуоси въ орбитѣ кометы *Энке*; изъ новѣйшихъ изслѣдованій не видно, чтобы оно продолжалось и въ настоящее время. Быть можетъ, доля истины заключается въ предположеніи, что сравнительно тѣсные эллиптическіе пути нѣкоторыхъ кометъ произошли постепенно изъ орбитъ, болѣе обширныхъ; причиной же было сопротивленіе эфира, дѣйствовавшее въ теченіе громадныхъ промежутковъ времени. Гораздо больше значенія имѣетъ вторая причина—возмущенія, вызываемыя крупными планетами. Мы имѣемъ право утверждать это, потому что, почти на нашихъ глазахъ, планета Юпитеръ нѣсколько разъ совершенно измѣняла пути кометъ.

Первая изъ такихъ кометъ была открыта *Мессье* въ 1770 году. Вычисленія *Лекселля* показали, что время обращенія $5^1/_2$ лѣтъ. Комета должна была возвратиться къ солнцу въ 1776 и въ 1781 г. но ее никто не видѣлъ; раньше 1770 года также никому не приходилось наблюдать ее. Только изысканія *Буркхардта* объяснили, въ чемъ дѣло: въ 1767 году комета проходила близко отъ Юпитера; громадная планета вызвала «возмущеніе» въ ея движеніи; только послѣ этого комета направилась по тѣсной эллиптической орбитѣ, которую она описывала въ 1770 году. Въ 1779 году она снова приблизилась къ Юпитеру. Такое сосѣдство не осталось безъ вліянія: кометѣ пришлось перейти на новую орбиту. Теперь время ея обращенія равнялось 27 годамъ. Съ земли нельзя было видѣть ее. На этомъ пути комета оставалась до весны 1886 года, когда снова оказалась въ сосѣдствѣ съ Юпитеромъ. По изысканіямъ *Чандлера*, цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ она оставалась въ сферѣ притяженія громадной планеты. Результатъ: новое измѣненіе орбиты. Теперь время обращенія кометы уменьшилось до 7 лѣтъ; ее можно было наблюдать лѣтомъ 1889 года. Но кометѣ не суждено долго слѣдовать этимъ путемъ: она сдѣлаетъ еще нѣсколько оборотовъ и около 1961 года опять подойдетъ къ Юпитеру; тогда орбита

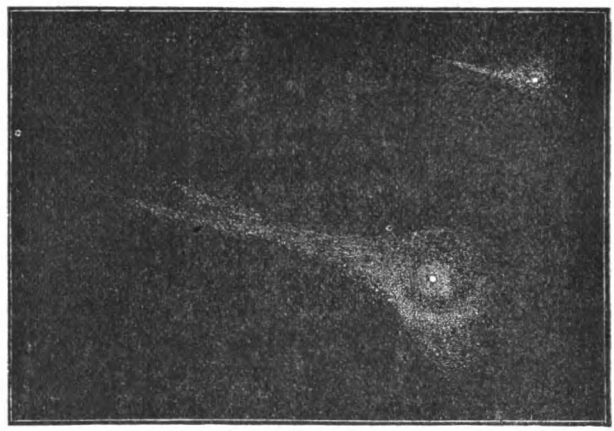
снова измѣнится. Эта комета представляетъ самый поразительный примѣръ полнаго превращенія орбиты. Она показываетъ, чего можно ждать, когда дѣло идетъ о кометахъ. Возможно, что ихъ орбиты подвергаются еще болѣе значительнымъ измѣненіямъ, о которыхъ мы узнаемъ только въ будущемъ.

Второй примѣръ подобныхъ измѣненій представляетъ комета *Брорсена*, открытая 26 февраля 1846 года. Это маленькая туманная масса безъ ядра и безъ хвоста. Ее привелъ къ намъ тотъ же Юпитеръ. По вычисленіямъ *д'Арре*, комета перешла на свою настоящую орбиту лишь послѣ того, какъ въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ 1842 года побывала въ сосѣдствѣ съ Юпитеромъ. До 19 апрѣля она описывала эллиптическую кривую, на которой никогда не приближалась къ солнцу больше, чѣмъ на 30 милліоновъ миль; наибольшее же разстояніе отъ солнца доходило до 117 милліоновъ миль. Уголъ между плоскостью этого эллипсиса и плоскостью земной орбиты равнялся 41 градусу. Вліяніе планеты Юпитера измѣнило прежнюю орбиту. Наименьшее разстояніе отъ солнца сократилось до 13 милліоновъ миль, наибольшее — до 113 милліоновъ миль. Уголъ съ земною орбитою уменьшился до 31 градуса. Вліяніе Юпитера этимъ не исчерпывается: онъ привелъ къ намъ комету, онъ же и удалитъ ее. Вычисленія *д'Арре* показываютъ, что, насколько можно судить теперь, комета *Брорсена* сохранитъ настоящую орбиту до средины слѣдующаго столѣтія; затѣмъ, приблизительно, около 1937 года она перейдетъ на другой путь.

Мы видѣли, какъ измѣняются пути кометъ и время ихъ обращенія. Иногда самое тѣло кометы распадается на отдѣльныя части. Примѣръ—комета *Біелы*. Время ея обращенія—$6^2/_3$ года. Въ началѣ 1846 года она раздѣлилась на двѣ отдѣльныя кометы, которыя постепенно удалялись одна отъ другой, продолжая описывать совершенно одинаковые пути. Въ 1852 году обѣ кометы появились снова, но разстояніе между ними увеличилось до 2.400.000 километровъ. Двойное свѣтило можно было прослѣдить до сентября 1852 года. Съ тѣхъ поръ его не наблюдали, хотя его ждали въ 1872 году, и нѣсколько опытныхъ астрономовъ розыскивали его. Профессоръ *Кирквудъ* думаетъ, что это раздѣленіе вызвано разлагающей силой солнца. Въ такомъ случаѣ нечего особенно удивляться, что комета не явилась въ 1866 году. Если разлагающая сила продолжала дѣйствовать на обѣ новыя кометы, она должна была скоро сдѣлать ихъ совершенно невидимыми. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему въ ночь съ 27 на 28 ноября 1872 года наблюдался цѣлый потокъ падающихъ

звѣздъ; въ эту ночь земля проходила очень близко отъ орбиты кометы *Біелы*.

Послѣдняя занимаетъ такое положеніе въ пространствѣ, что нисходящій узелъ *) ея находится почти на томъ же разстояніи отъ солнца, какъ орбита земли въ этомъ мѣстѣ. Долгота нисходящаго узла на плоскости эклиптики—66°. Къ этому мѣсту приближалась земля въ ночь съ 27 на 28 ноября 1872 года. Кометная орбита въ этомъ мѣстѣ удалена отъ солнца лишь немного меньше, чѣмъ земля. Поэтому, нѣсколько времени наша планета шла рядомъ съ орбитою кометы *Біелы*. Воспользуемся наглядным сравненіемъ, представимъ объ орбиты, какъ два рельсовыхъ



Двойная комета Біелы въ началѣ 1846 г., по рисунку Струве.

пути, которые только въ одномъ мѣстѣ идутъ совсѣмъ рядомъ, а во всѣхъ другихъ далеко расходятся по различнымъ направленіямъ. Два поѣзда лишь въ томъ случаѣ пройдутъ на этихъ путяхъ рядомъ, если *одновременно* достигнутъ того участка, гдѣ сближаются пути. То же было съ землею и кометою *Біелы*. О землѣ мы знаемъ, что 27 ноября она находилась именно въ точкѣ сближенія орбитъ; о кометѣ, напротивъ, нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Послѣдній разъ ее видѣли позднимъ лѣтомъ 1852 года. По вычисленіямъ, она должна была вернуться зимою 1865—1866 года; астрономы ревностно искали ее, комета не явилась. Это загадочное исчезновеніе большого мірового тѣла, вѣрнѣе даже

*) «Узлами» называются тѣ точки, въ которыхъ орбита какого-нибудь свѣтила пересѣкаетъ плоскость эклиптики. Ихъ двѣ: точка пересѣченія, чрезъ которую проходитъ свѣтило, приближаясь къ сѣверному полюсу эклиптики, называется «восходящимъ узломъ»; другая, противоположная точка пересѣченія называется «нисходящимъ узломъ». *Примѣч. переводчика.*

двухъ тѣлъ, потому что комета была тогда двойною, привлекло величайшее вниманіе. Сдѣлали заключеніе, довольно правдоподобное: комета, по крайней мѣрѣ, отчасти, распалась. Это заключеніе, повидимому, подтверждается метеорнымъ дождемъ въ ночь съ 27 на 28 ноября 1872 года. Еслибъ комета сохраняла прежній видъ, земля въ этотъ день не оказалась бы въ ея сосѣдствѣ: комета прошла бы чрезъ данную точку гораздо раньше, она достигла бы своего перигелія еще въ первой трети октября. Напротивъ, если комета отчасти распалась и образовала потокъ метеоровъ, если этотъ потокъ растянулся на большое разстояніе вдоль орбиты, могло случиться, что земля, пролетая мимо, встрѣтитъ часть потока. Такъ, повидимому, и вышло, и земля своимъ притяженіемъ привлекла нѣкоторое число метеоровъ, или же, если угодно, она прошла чрезъ часть потока. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній говорить о столкновеніи земли съ кометою *Біелы*: можетъ быть рѣчь только о встрѣчѣ съ потокомъ метеоровъ, которые произошли вслѣдствіе частичнаго распаденія кометы *Біелы*.

Клинкерфюсъ предполагалъ тогда, что комета находится недалеко отъ земли. Слѣдя за паденіемъ метеоровъ, онъ заключилъ, что ее можно видѣть на южномъ небѣ около звѣзды ϑ въ созвѣздіи Центавра. Онъ немедленно телеграфировалъ въ Мадрасъ, и *Погсонъ* 2 декабря, дѣйствительно, нашелъ комету близъ указаннаго мѣста. *Клинкерфюсъ* принялъ ее за комету *Біелы*. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ бы крайне рѣдкій и невѣроятный случай, если бы именно въ указанной точкѣ оказалась посторонняя комета. Тринадцать лѣтъ спустя, 27 ноября 1885 года повторился очень обильный дождь падающихъ звѣздъ. Большая часть метеоровъ выходила изъ точки неба, расположенной близъ звѣзды γ въ созвѣздіи Андромеды, какъ это было и въ 1872 году. По изысканіямъ профессора *Ньютона*, число метеоровъ, вспыхивавшихъ въ теченіе часа, доходило до 75.000. Число это громадно; падающія звѣзды казались тѣсно скученными; на самомъ же дѣлѣ онѣ были очень скупо распредѣлены среди громадныхъ пространствъ. По вычисленію *Ньютона*, *одинъ* метеоръ приходился, среднимъ числомъ, на пространство въ 550 кубическихъ миль.

Допустимъ, что оба метеорныхъ дождя произошли вслѣдствіе возвращенія одного и того же метеорнаго потока. Тогда является возможность вычислить его орбиту. Оказывается, что она вполнѣ совпадаетъ съ тою, которую описывала комета *Біелы*. *Скіапарелли* считаетъ очень вѣроятнымъ, что комета и рой метеоровъ расположены по орбитѣ на очень близкомъ разстояніи, или даже комета находится внутри роя метеоровъ. Этотъ рой, говоритъ

знаменитый астрономъ, занимаетъ не очень большую дугу по своей орбитѣ; нѣтъ никакого основанія, почему комета или ядро, которое составляетъ значительную часть ея и которое сдѣлалось невидимымъ, должны находиться внѣ этой дуги. Нужно вспомнить то обстоятельство, что въ 1872 году комета прошла черезъ узелъ менѣе, чѣмъ за три мѣсяца до потока. Такую близость едва ли можно считать случайною; но ее пришлось бы признать случайною, еслибъ время обращенія было различно. Наконецъ, нужно принять во вниманіе, что тожество орбитъ заключаетъ въ себѣ равенство большихъ осей, а вмѣстѣ съ нимъ и равенство временъ обращенія.

Если признать это тожество доказаннымъ, не трудно опредѣлить нижнюю границу метеорнаго роя изъ наблюденій 1872 и 1885 годовъ. Припомнимъ наблюденія 1872 года; сопоставимъ съ ними орбиту, по которой, согласно вычисленіямъ, шла комета въ 1865 году. Отсюда можно приблизительно вычислить разстояніе между кометою и тѣмъ метеорнымъ роемъ, который прорѣзала земля въ 1872 году. Въ 1865 году комета прошла черезъ узелъ 27 декабря; прибавимъ теперь продолжительность оборота, которая для 1865 года равнялась 2.445 днямъ. Окажется, что слѣдующее прохожденіе кометы чрезъ узелъ должно было случиться 7 сентября 1872 года,—слѣдовательно, за 81 день до метеорнаго дождя. Можно заключить отсюда, что метеоры слѣдовали за кометою, отставая на 81 день или $^1/_{30}$ полнаго оборота. Такъ находимъ нижнюю границу, до которой распредѣляется вдоль дуги вещество кометы. Чтобы опредѣлить верхнюю границу потока, вспомнимъ, что между 1872 и 1885 годами этотъ обильный метеорный дождь не наблюдался ни разу. Повидимому, это доказываетъ, что наиболѣе плотная часть потока проходитъ чрезъ узелъ менѣе, чѣмъ въ годъ; это составитъ менѣе $^1/_6$ полнаго оборота. Если бы для прохожденія чрезъ узелъ требовался цѣлый годъ или болѣе, земля, вернувшись черезъ годъ на то же мѣсто, снова встрѣтилась бы съ потокомъ. Конечно, можно возразить, что наблюденію мѣшали лунный свѣтъ, дурная погода или кратковременность явленія; можно предположить далѣе, что рой метеоровъ въ нѣкоторыхъ точкахъ прерывался. Вотъ почему заключенія относительно верхней границы метеорнаго потока представляются очень неточными.

Въ 1860 году появилась блѣдная комета, которую наблюдали преимущественно на южномъ небѣ. Она точно также раздѣлилась на двѣ кометы. Послѣ того прошло болѣе двадцати лѣтъ, прежде чѣмъ повторился подобный случай. Третьяго сентября 1882 года

на мысѣ Доброй Надежды увидѣли комету, приближавшуюся къ солнцу. Наблюденія велись съ величайшею точностью. Вычисленіе показало, что 17-го сентября эта комета настолько приблизилась къ солнцу, что должна была пройти чрезъ верхнія области его раскаленной атмосферы. Ея ядро было тогда совершенно круглымъ; но 24-го сентября оно стало казаться продолговатымъ; на слѣдующей недѣлѣ на немъ развились два свѣтлыхъ узла· можно было

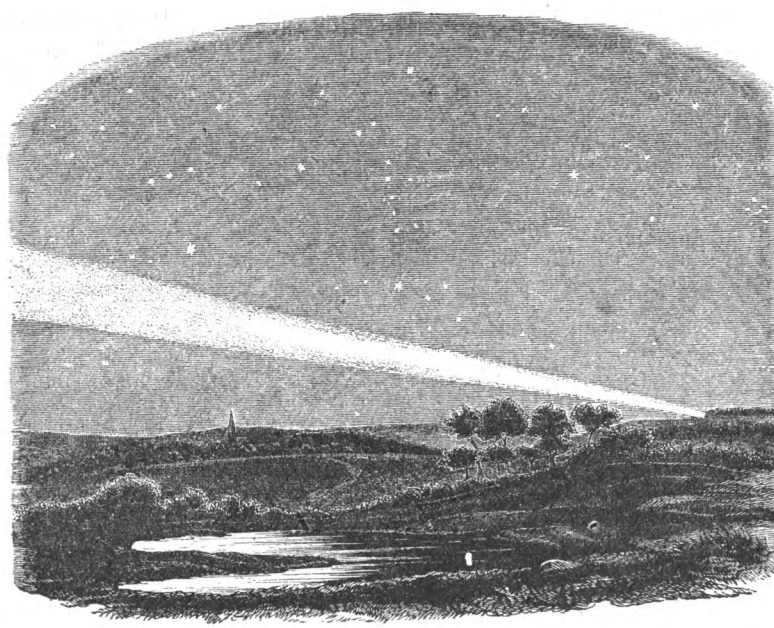
Осенняя комета 1882 г., по фотографіи, снятой на мысѣ Доброй Надежды 13 ноября.

ждать, что оно раздѣлится. Что произошло на кометѣ въ ближайшіе дни, этого мы не знаемъ; но 9-го октября на обсерваторіи въ Аѳинахъ замѣтили рядомъ съ кометою громадную туманную массу. Она была во много разъ больше нашей земли. Ея форма быстро измѣнялась. Но она слѣдовала за кометою въ ея движеніи. На слѣдующей недѣлѣ эта масса удалилась отъ кометы, сдѣлалась больше и въ то же время блѣднѣе. При этомъ облако постоянно измѣняло свою форму, изгибалось дугою и, наконецъ,

13-го октября исчезло совершенно. 18-го октября въ Америкѣ неожиданно увидѣли къ юго-востоку отъ кометы шесть маленькихъ туманностей; онѣ походили на миніатюрныя кометы и скоро сдѣлались невидимыми. Наконецъ, 21-го октября различили туманность болѣе значительныхъ размѣровъ; она была расположена къ востоку отъ кометы, на довольно большомъ разстояніи отъ нея. Всѣ эти туманности описывали такія же орбиты, какъ главная комета. Если взвѣсить всѣ обстоятельства, представляется несомнѣннымъ, что эти массы отдѣлились отъ главной кометы, или, скорѣе, были выброшены съ нея. По точнымъ изслѣдованіямъ профессора *Бредихина*, въ ядрѣ первичной кометы произошелъ взрывъ или изверженіе; вслѣдствіе этого образовались маленькія кометныя туманности. Ясно, что подобные процессы относятся къ грандіознѣйшимъ космическимъ явленіямъ. Такое громадное свѣтило, какъ комета, распадается на части и ея обломки продолжаютъ нестись вокругъ солнца въ качествѣ самостоятельныхъ кометъ!.. Намъ трудно представить все величіе такой катастрофы. Въ той части мірового пространства, гдѣ господствуетъ солнце, такія событія, очевидно,—не рѣдкость, хотя мы не подозрѣвали этого до самаго послѣдняго времени. Въ теченіе 36 лѣтъ удалось три раза наблюдать распаденіе кометъ и образованіе новыхъ кометъ. Можно представить, сколько разъ повторялись подобныя явленія въ теченіе тысячелѣтій. Шесть молодыхъ кометъ, о которыхъ мы говорили, были открыты американскимъ астрономомъ *Барнаромъ*. Этотъ ученый пришелъ къ убѣжденію, что такіе процессы совершаются гораздо чаще, чѣмъ думаютъ; поэтому онъ совѣтовалъ въ сосѣдствѣ со вновь появившимся кометами тщательно искать блѣдныхъ туманныхъ спутниковъ. Его предложеніе подтвердилось на дѣлѣ. 6-го іюля 1889 года была открыта новая комета; оказалось, что она состоитъ изъ трехъ ядеръ. На Вѣнской обсерваторіи замѣтили еще четвертое, крайне блѣдное ядро, которое стояло довольно далеко отъ главной кометы. Въ настоящее время мы можемъ, не колеблясь, принять положеніе: кометы представляютъ изъ себя небесныя тѣла, которыя очень часто распадаются вслѣдствіе изверженій; такъ происходятъ новыя свѣтила, движущіяся вокругъ солнца по обособленнымъ орбитамъ. Недавно этотъ фактъ былъ подвергнутъ точному изслѣдованію профессоромъ *Бредихинымъ*: онъ стремился опредѣлить тѣ условія, при которыхъ происходитъ разрушеніе и новообразованіе кометъ. Онъ находитъ, что отдѣленіе мелкихъ ядеръ отъ главной кометы вызывается опредѣленною силою, какъ бы толчкомъ; но скорость этого толчка совсѣмъ не

такъ велика, какъ можно было ожидать. У кометы 1882 года она равнялась, приблизительно, 21—45 метрамъ въ секунду.

Юныя кометы описываютъ вокругъ солнца пути, очень близкіе къ орбитѣ главнаго свѣтила, которому онѣ обязаны своимъ существованіемъ. Въ нашихъ спискахъ нерѣдко значатся кометы, пути которыхъ представляютъ большое сходство, хотя годы появленія у нихъ различны. Сюда принадлежатъ, напримѣръ: комета 1843 года, первая комета 1880 года и уже упомянутая вторая комета 1882 года. Вычисленія показываютъ, что послѣдняя

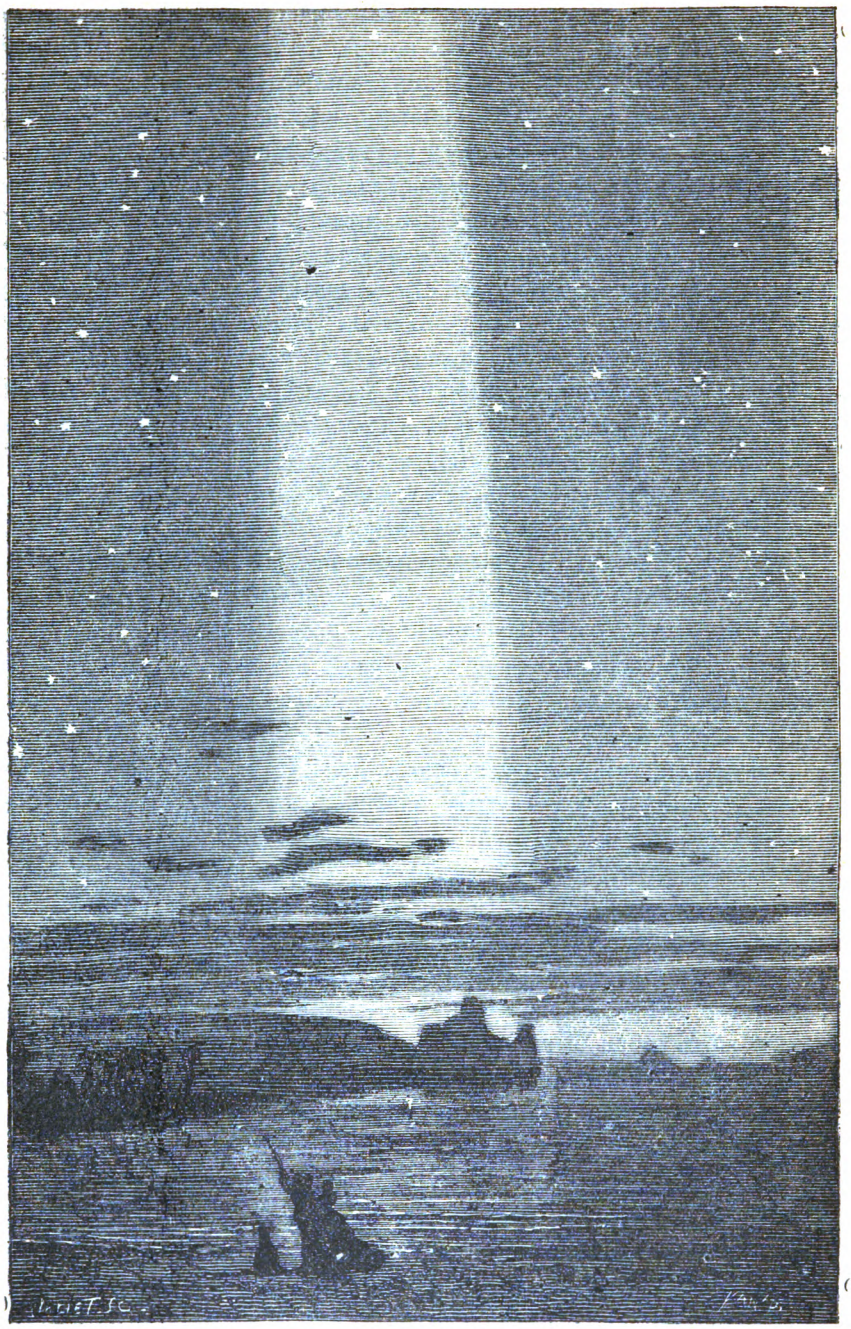


Большая комета 1843 года (въ срединѣ марта).

изъ названныхъ кометъ обладаетъ періодомъ обращенія въ 772 г. Если предположить вмѣстѣ съ профессоромъ *Бредихинымъ*, что всѣ три кометы образовались, благодаря распаденію одной первичной кометы, это событіе должно было произойти около 1110 г. нашего лѣтосчисленія. Кромѣ того, существуютъ другія кометы съ короткимъ періодомъ обращенія, которыя могли произойти чрезъ распаденіе кометы, не существующей нынѣ: таковы вторая комета 1827 года и вторая—1852 года. Точно также первая комета 1799 года, вѣроятно, является потомкомъ большой кометы 1337 года. Если время обращенія такихъ кометъ обнимаетъ вѣка или даже тысячелѣтія, конечно, трудно ждать, что въ нашихъ

спискахъ мы найдемъ комету, давшую имъ начало. Мы не знаемъ, сколько оборотовъ сдѣлали эти кометы съ момента своего происхожденія; да и самыя наблюденія наши только съ конца прошлаго столѣтія стали на столько точными, что по нимъ можно вычислять пути кометъ. Во всякомъ случаѣ, изысканія профессора *Бредихина* бросаютъ новый и своеобразный свѣтъ на исторію развитія кометъ. Они показываютъ, что, можетъ быть, многія изъ этихъ міровыхъ тѣлъ произошли въ недавнія времена,—въ тѣ времена, когда родъ человѣческій уже существовалъ на землѣ. Что кометы въ сравненіи съ планетами—свѣтила очень недолговѣчныя, это подозрѣвали давно; особенно настойчиво указывалъ на это *Скіапарелли*. Онъ выяснилъ, что, при своей малой плотности, кометы должны распадаться вслѣдствіе притяженія со стороны солнца, какъ только онѣ приблизятся къ нему до извѣстнаго предѣла. Вѣроятно, съ этимъ обстоятельствомъ связано и раздѣленіе кометъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, такъ какъ все это—кометы, которыя подходятъ къ солнцу необыкновенно близко. Ясно далѣе, что если комета даетъ начало новымъ самостоятельнымъ свѣтиламъ и если одновременно отъ нея отдѣляются мелкія частицы, которыя мы сознаемъ въ видѣ падающихъ звѣздъ,—общая масса ея должна постепенно уменьшаться, пока не наступитъ полное разрушеніе.

Мы упоминали, что для всякой кометы существуетъ предѣлъ прочности, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ опредѣленное разстояніе отъ солнца: если комета, приближаясь къ солнцу, перейдетъ за эту черту, притяженіе центральнаго свѣтила заставитъ ее распадаться. Распаденіе можетъ быть частичнымъ или полнымъ. Представимъ, что такая комета обладаетъ однообразной плотностью; въ такомъ случаѣ распаденіе начнется одновременно во всѣхъ ея частяхъ. Но, по всей вѣроятности, ядро кометъ никогда не бываетъ однороднымъ: скорѣе плотность возрастаетъ отъ поверхности къ центру. Слѣдовательно, распаденіе начинается съ поверхности и постепенно переходитъ на слои болѣе глубокіе. Во всякомъ случаѣ, отдѣлившіяся части кометы описываютъ пути, которые очень мало отличаются отъ первоначальной орбиты кометы. *Скіапарелли* совершенно справедливо придаетъ этому обстоятельству особенное значеніе. Вещество кометъ распредѣляется, такимъ образомъ, вдоль орбиты и занимаетъ большую или меньшую дугу ея. Представимъ орбиту эллиптическую, слѣдовательно, замкнутую. Промежутки между различными частями потока будутъ постепенно увеличиваться, потокъ



Зодіакальный свѣтъ подъ тропиками.

растянется на всю орбиту и, въ концѣ концовъ, вещество кометы приметъ видъ эллиптическаго кольца.

Таковъ конецъ многихъ и, вѣроятно, даже всѣхъ кометъ, если взять достаточно большой промежутокъ времени: или онѣ распадаются на отдѣльныя свѣтила, или вещество ихъ располагается вдоль всей орбиты и образуетъ кольцо. Разъ мы пришли къ такому выводу, невольно является вопросъ: нельзя ли связать этотъ процессъ съ явленіемъ такъ называемаго *зодіакальнаго свѣта?* Если въ ясный весенній вечеръ, вскорѣ послѣ заката солнца, внимательно разсматривать западную часть неба, можно замѣтить слабое мерцаніе, которое исходитъ отъ того мѣста горизонта, гдѣ спустилось солнце, и простирается иногда до Плейядъ. Осенью подобное мерцаніе видно на восточной сторонѣ неба незадолго до восхода солнца. Подъ тропиками, гдѣ сумерки коротки и небо гораздо яснѣе, это явленіе можно видѣть почти каждую ночь. Въ нашихъ странахъ зодіакальный свѣтъ блѣденъ и слабъ, но подъ тропиками онъ не уступаетъ въ яркости прекраснѣйшимъ частямъ Млечнаго Пути. Полоса зодіакальнаго свѣта отклоняется отъ плоскости земной орбиты не болѣе, какъ на 3—4 градуса. На этомъ основаніи, явленіе зодіакальнаго свѣта уже поставлено въ связь съ кометами, особенно *Фэемъ*, который указалъ, что кометы съ малымъ періодомъ обращенія тоже незначительно отклоняются отъ плоскости земной орбиты. *Скіапарелли*, напротивъ, замѣчаетъ, что этому обстоятельству нельзя придавать значенія. Малое наклоненіе орбитъ неизбѣжно вытекаетъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыми обусловлены такія тѣсныя орбиты. Маленькія эллиптическія орбиты обязаны своимъ существованіемъ преимущественно «возмущающему» дѣйствію планетъ. Планеты движутся въ плоскостяхъ, почти совпадающихъ съ плоскостью земной орбиты. Ясно, что, подъ вліяніемъ планетъ, плоскости кометныхъ орбитъ должны постоянно приближаться къ плоскости земной орбиты. Далѣе *Скіапарелли* разъясняетъ, почему нельзя связывать зодіакальный свѣтъ съ кометами, почему нельзя видѣть въ немъ кольцо, простирающееся надъ землею. Нужно помнить, что зодіакальный свѣтъ не всегда имѣетъ форму пирамиды, поднимающейся отъ солнца. При благопріятныхъ условіяхъ всегда можно видѣть слабое мерцаніе на той сторонѣ неба, которая прямо противоположна солнцу: его называютъ «отраженіемъ» зодіакальнаго свѣта. Это «отраженіе» впервые было замѣчено въ 1730 году *Pezenas*, который сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ въ мемуарахъ Парижской академіи за 1731 годъ, *Гумбольдтъ* наблюдалъ это явленіе въ Южной Америкѣ. Но только *Брорсенъ* въ 1843 году и послѣ него *Jones* прослѣдили это явленіе подробнѣе. *Скіапарелли* также много занимался наблюденіемъ зодіакальнаго свѣта. Онъ

нашелъ, что «отраженіе» его бываетъ особенно замѣтно, когда его центръ приходится въ созвѣздіи Льва или Дѣвы. Труднѣе наблюдать это явленіе, когда его центръ лежитъ въ созвѣздіяхъ Водолея или Рыбы. 3-го мая 1862 года, около 12 часовъ ночи, *Скіапарелли* наблюдалъ зодіакальный свѣтъ въ видѣ свѣтлаго моста, который охватывалъ все видимое полушаріе неба, пересѣкая созвѣздія Близнецовъ, Льва, Дѣвы, Вѣсовъ и Скорпіона. Что же касается его блеска, наибольшая яркость наблюдается около солнца и въ противоположной точкѣ неба, наименьшая—соотвѣтствуетъ, по *Скіапарелли*, двумъ точкамъ, которыя отстоятъ почти на 130 градусовъ отъ солнца и на 50 градусовъ отъ центра «отраженія».

Скіапарелли сдѣлалъ такое заключеніе: если бы зодіакальный свѣтъ состоялъ изъ скопленія фосфоресцирующихъ или самосвѣтящихся тѣлъ, или еслибъ онъ былъ отраженіемъ отъ облака или кольца изъ твердыхъ тѣлъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ наименьшая яркость должна была бы обнаружиться на сторонѣ неба, діаметрально противоположной солнцу. Но это прямо противорѣчитъ наблюденіямъ. То же придется сказать, если примемъ, что зодіакальный свѣтъ состоитъ изъ свѣтящейся или освѣщенной туманной матеріи: при этомъ условіи минимумъ яркости также долженъ приходиться на сторонѣ, противоположной солнцу. Опять полное противорѣчіе съ тѣми данными, къ которымъ привели наблюденія надъ «отраженіемъ» зодіакальнаго свѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

*(Окончаніе *).*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

IV.

Была уже ночь, когда Честюнина отправилась на Васильевскій Островъ. На Выборгской Сторонѣ царила какая-то угнетающая тишина, и едва мигавшіе уличные фонари казались совершенно лишними. Извозчикъ едва тащился, — по крайней мѣрѣ, такъ казалось Честюниной. Васильевскій Островъ тоже не отличался оживленіемъ. Честюнина сначала заѣхала къ Эжену. Онъ выскочилъ къ ней въ корридоръ, блѣдный и разстроенный.

— Съ Лёлей не хорошо... — шопотомъ предупредилъ онъ.—Былъ маленькій обморокъ... Что Катя?

— Послала меня за отцомъ... Вы его не предупредили?

— Ахъ, нѣтъ... Лёля страшно взволновалась, когда я разсказалъ ей все. Я потерялъ голову...

— Хорошо, такъ я сама поѣду къ дядѣ.

— Сдѣлай такъ, Маша: вызови Григорія, а онъ вызоветъ Дашу... да. Не говори прямо старику ничего... Впрочемъ, ты лучше меня знаешь.

Честюнина даже не простилась съ Эженомъ, о чемъ вспомнила уже дорогой. Швейцаръ Григорій принялъ ее съ приличнымъ изумленіемъ, но сейчасъ же сообразилъ, что случилось что-то особенное и отправился чернымъ ходомъ бу-

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

дить Дашу. Честюнина сидѣла въ швейцарской, и ей казалось, что прошла цѣлая вѣчность. Но вотъ послышались торопливые шаги и въ дверяхъ появился Василій Васильичъ, одѣтый въ шубу. Онъ только мелькомъ взглянулъ на племянницу и все понялъ.

— На Выборгскую...—сказалъ онъ самъ извозчику.

Они ѣхали нѣсколько времени молча. Старикъ нѣсколько разъ собирался съ силами, чтобы задать роковой вопросъ и, наконецъ, спросилъ:

— *Она* жива?

— Да...

— Я не знаю, что случилось... — спокойно произнесъ онъ.—Но я этого ждалъ, Маша.

— Пока еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

— О, я знаю... Ты хочешь меня подготовлять? Напрасный трудъ... Я давно приготовился и ко всему... У меня даже былъ сегодня такой сонъ, и я почему-то ждалъ тебя... Да, не смѣйся, Маша... Къ сожалѣнію, дурные сны слишкомъ часто сбываются.

Они доѣхали молча, и Василій Васильичъ только перекрестился, когда извозчикъ остановился у клиники. Честюнина припомнила случайный разговоръ съ Катей, когда онѣ вмѣстѣ ѣхали въ академію мимо вотъ этой клиники. Катя еще тогда высказывала, какъ она боится смерти, точно у нея было роковое предчувствіе, что она должна умереть именно здѣсь.

Оставшись одна, больная страшно затосковала. Ей казалось, что она не дождется отца... Боже мой, какъ мучительно долго тянется время въ клиникѣ. Больная считала минуты и все смотрѣла на дверь.

— Скоро, барышня...—повторяла сидѣлка.—Вы читайте „Богородицу“, время-то и пройдетъ незамѣтно.

Катя съ удивленіемъ принималась разсматривать эту сидѣлку. Ей казалось, что она ее такъ давно знаетъ,—и это некрасивое женское лицо, полное покорной сдержанности, и грустные глаза, и слабый голосъ, каждое движеніе — все было ей знакомо. Потомъ Катѣ сдѣлалось совѣстно, что она заставляетъ эту труженицу проводить у своей кровати безсонную ночь.

— Вамъ скучно со мной, сестра? — спрашивала Катя.

— Мы привычны, барышня...

Молчаніе. Время опять останавливается, и Катя напрасно прислушивается къ каждому шороху. Ахъ, какая эта Честюнина — она всегда и все дѣлала медленно.

— Сестра, вы—дѣвушка?

— Да...

— И отлично... Никогда не выходите замужъ. Видите, до чего это доводитъ...

— Не первые вы у насъ въ клиникѣ, барышня, такая-то...

— Какая?

— Всякая по своему... Больше травятся... Вотъ какъ потомъ мучаются — страсть смотрѣть.

Катя морщится. Боже мой, даже въ несчастіяхъ есть своя конкурренція, даже здѣсь она не умѣла быть оригинальной... Ахъ, какъ все пошло, гадко, отвратительно!..

Въ корридорѣ нѣсколько разъ слышались чьи-то шаги и затихали. Когда Катя потеряла уже всякое терпѣніе, около ея кровати появилась Честюнина.

— Онъ... здѣсь?.. Папа?..

— Пожалуйста, не волнуйся...

Честюнина ужасно боялась за первый моментъ этого роковаго свиданія, но Анохинъ вошелъ съ спокойнымъ видомъ человѣка, приготовившагося къ самому худшему. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ все время крестился, точно шелъ на смертную казнь, а сейчасъ казался такимъ спокойнымъ.

— Папа... милый...

— Я знаю все, голубчикъ, — спокойно отвѣтилъ онъ, цѣлуя дочь въ лобъ. — Обо всемъ еще успѣемъ поговорить потомъ...

— А мама?

— Она пока ничего не знаетъ... Нужно будетъ ее подготовить. Ты знаешь, какъ она всегда волнуется...

Спокойный видъ отца и его спокойный голосъ произвели на больную самое успокоивающее впечатлѣніе и она проговорила:

— Я скоро поправлюсь, папа... да. Мнѣ это самъ профессоръ сказалъ... когда дѣлалъ операцію...

— Да, да, моя хорошая... Я знаю. А теперь, какъ ты себя чувствуешь?

— Не знаю... Пока, мнѣ ужасно скучно здѣть лежать... если бы...

Онъ догадался, что она хочетъ сказать.

— Тебѣ хочется домой, моя радость?..

— Да, папа...

— Хорошо, увидимъ. Что еще скажетъ твой профессоръ...

Анохинъ не видалъ дочери больше года, и она показалась ему такой маленькой, какой была еще дѣвочкой подросткомъ. Потомъ, это блѣдное молодое лицо, глядѣвшее на него уже не дѣтскими глазами, было такъ красиво, какъ никогда раньше. Въ немъ было столько чарующей женственности, какой-то затаенной ласки и дѣтской простоты. Да, она была хороша, и отцовское сердце мучительно стыло и цѣпенѣло отъ подавленныхъ страданій. Онъ собралъ всѣ силы, чтобы казаться спокойнымъ—вѣдь, сейчасъ спокойствіе все...—Больная тоже крѣпилась и только молча и крѣпко держала отца за руку,

— Я скоро поправлюсь, папа...—точно оправдывалась она, вопросительно глядя на отца.

— Да, да... Конечно, поправишься, крошка.

— А когда я поправлюсь, мы опять будемъ жить вмѣстѣ, папа... Я хочу жить съ тобой... Весной куда-нибудь уѣдемъ изъ Петербурга...

— Да, да, непремѣнно уѣдемъ...

— Мнѣ все равно—куда, но только какъ можно дальше, папа... Далеко-далеко, гдѣ живутъ другіе люди.

— Именно, далеко... Знаешь что, мы уѣдемъ въ Сузумье, къ теткѣ. Я уже давно собираюсь туда, посмотрѣть на родину. Вотъ, тамъ, Катя, совсѣмъ другіе люди...

— Ахъ, какъ хорошо будетъ, папа... Я ихъ впередъ всѣхъ люблю. И Маша съ нами поѣдетъ...

— И Маша поѣдетъ... Ей тоже не лишнее отдохнуть, пока совсѣмъ не передѣлалась въ безнадежно-столичнаго человѣка.

Катя что-то хотѣла еще сказать, но только пожевала губами и закрыла глаза. Честюнина сдѣлала дядѣ знакъ глазами, что больная хочетъ спать и что ее нужно оставить. Когда они уходили, Катя попросила Честюнину остаться на минутку и спросила:

— А Сергѣй Петровичъ знаетъ?..

— Вѣроятно...

— Какъ мнѣ хотѣлось бы его видѣть. Онъ такой хорошій...

— Завтра я могу его вызвать...

— Нѣтъ, этого не нужно. Если онъ самъ пріѣдетъ... Тебя удивляетъ мое легкомысліе? Боже мой, вѣдь, это же единственный человѣкъ, который могъ сдѣлать меня счастливой... Женщины, вѣдь, не умѣютъ быть счастливыми самостоятельно. Ты не обижайся—я говорю о себѣ одной...

Анохинъ прошелъ въ пріемную, гдѣ встрѣтилъ Парасковею Пятницу, которую совсѣмъ не узналъ. Она страшно смутилась и даже хотѣла убѣжать. Но ее выручила Честюнина.

— Марья Гавриловна, голубчикъ, не гоните меня...—шопотомъ умоляла она.—Вы устанете—я посижу около нея... Все-таки не чужой человѣкъ.

— Хорошо. Увидимъ, какъ дѣло пойдетъ...

— Я ужъ говорила съ докторомъ и сказала, что родственница. А потомъ... Я боюсь старика... Тогда онъ такъ разсердился на меня...

— Ну, это пустяки... Онъ давно все забылъ... Да и не до того теперь.

— Ахъ, какъ я вамъ благодарна... Мнѣ, вѣдь, только походить за ней, голубкой...

Парасковея Пятница отвернулась, чтобы скрыть слезы. Покойный Иванъ Михайлычъ не выносилъ бабьихъ слезъ и всегда страшно сердился, когда она начинала плакать. Это обстоятельство служило предметомъ частыхъ семейныхъ размолвокъ, потому что Парасковея Пятница не прочь была всплакнуть по-бабьи.

— Знаете, голубчикъ, вы все-таки меня какъ-нибудь отрекомендуйте,—просила Парасковея Пятница.—Скажите, что я что-нибудь этакое театральное... Ну, комическая старуха, что-ли.

— Нѣтъ, это неудобно, Прасковья Игнатьевна... Я васъ отрекомендую тѣмъ, что вы есть на самомъ дѣлѣ. Повѣрьте, ничего дурного не будетъ...

Когда состоялось это представленіе, Анохинъ закрылъ лицо руками и неудержимо разрыдался. Онъ до мельчайшихъ по-

дробностей припомнилъ свой визитъ въ квартиру Парасковеи Пятницы... Да, тогда Катя была здорова, и только отцовское сердце чуяло, чѣмъ все это кончится.

— *Она* все время жила у васъ?—спрашивалъ старикъ, не вытирая катившихся по лицу слезъ.—Да?.. Вы ее любили? О, Боже мой, развѣ можно было ее не любить?..

Онъ крѣпко пожалъ ей руку.

— Она часто плакала и вы ее утѣшали?..—продолжалъ онъ, не выпуская ея руки.—Она была горда и не умѣла жаловаться? Она вспоминала старика отца? Да?.. Дѣвочка моя, родная... А отецъ былъ далеко, отецъ отказался отъ нея...

Онъ неожидадно поцѣловалъ ея руку и прибавилъ:

— За все, за все благодарю васъ... Я не умѣю высказать всего, что сейчасъ чувствую.

Честюнина вышла, чтобы провѣдать больную и старики остались одни. Парасковея Пятница совершенно растерялась и рѣшительно не знала, что ей говорить. Этотъ „деспотъ“ оказался совсѣмъ-совсѣмъ не деспотомъ, а совершенно наоборотъ... Да, теперь ей приходилось ухаживать за нимъ, какъ за ребенкомъ.

— Василій Васильичъ, какой удивительный случай былъ у насъ въ Казани...

— Развѣ вы изъ Казани?—удивлялся Анохинъ.

— А то какъ же?—удивлялась, въ свою очередь, Парасковея Пятница, точно каждый долженъ быть „изъ Казани“.— Тогда еще былъ живъ Иванъ Михайлычъ... да... Такъ тамъ жилъ одинъ дьяконъ... Ну, кажется, кто бы могъ подумать на него и Иванъ Михайлычъ говорилъ прямо...

Анохинъ съ особеннымъ вниманіемъ выслушалъ про удивительный случай въ Казани и нашелъ, что, дѣйствительно, на бѣломъ свѣтѣ бываютъ странныя вещи. Слова разсказчицы стучали у него въ головѣ, какъ стучатъ капли дождя по желѣзной крышѣ, не проникая внутрь. Честюнина входила нѣсколько разъ и была довольна, что старикъ занялся съ Парасковеей Пятницей.

— Дядя, теперь уже поздно,—заявила она наконецъ.— Поѣзжайте сейчасъ домой, а завтра утромъ пріѣдете. Она спитъ...

Онъ повиновался и только въ дверяхъ спросилъ:

— А что же я скажу женѣ?

— Ее нужно подготовить...

— Ахъ, да... Что же я спрашиваю. Да, да, я понимаю...

V.

Цѣлыхъ пять дней, мучительныхъ пять дней... Какъ мы живемъ цѣлые годы, не замѣчая времени, а тутъ вдругъ является какая-то роковая грань, которая останавливаетъ все, даже самое время. Въ послѣднемъ больше другихъ могла убѣдиться Честюнина. Ей казалось, что прошло нѣсколько лѣтъ, и событія такъ отдѣлялись одно отъ другого, что трудно было возстановить хронологическую послѣдовательность. Напримѣръ, какъ случилось, что Елену Ѳедоровну привезъ въ клинику Брусницинъ? Какъ оказалось впослѣдствіи, на его долю выпало передать матери роковое извѣстіе. Василій Васильичъ не могъ сдѣлать этого и въ отчаяніи явился къ Эжену.

— Я это могу устроить...—вызвался самъ Сергѣй Петровичъ, для котораго не существовало трудныхъ положеній.

Дѣйствительно, онъ поѣхалъ и устроилъ все такъ, что съ Еленой Ѳедоровной даже не было обморока. Онъ же привезъ ее и въ клинику. Свиданіе съ больной обошлось, благодаря его содѣйствію, тоже благополучно. Елена Ѳедоровна сдержала себя и ничѣмъ не нарушила установленнаго около больной порядка.

— Мама, ты на меня не сердишься?—спрашивала Катя.

— Я? Ну, объ этомъ мы поговоримъ послѣ...

Этотъ уклончивый отвѣтъ подѣйствовалъ на больную успокаивающимъ образомъ, потому что въ немъ слышалась увѣренность за будущее.

Всѣ драматическіе моменты сосредоточивались въ пріемной, гдѣ періодически появлялись всѣ дѣйствующія лица, за исключеніемъ одной Елены Петровны, которая лежала больная дома.

Всѣхъ труднѣе доставалось Честюниной, которой приходилось хлопотать за всѣхъ. Собственно говоря, больная доставляла безпокойства меньше другихъ. Только однажды она особенно взволновалась, именно, когда въ первый разъ вошелъ Брусницинъ. Честюнина видѣла это по ея лицу.

— Возлюбленный...—шептала Катя, закрывая глаза.— О, какъ я его люблю... Если бъ онъ зналъ...

Брусницинъ тоже волновался, хотя и напрягалъ всѣ силы, чтобы не выдать себя. Въ послѣднихъ видахъ онъ усиленно ухаживалъ за Еленой Ѳедоровной и быстро вошелъ къ ней въ милость.

Въ концѣ-концовъ получилось то, что всѣ эти близкіе люди ужасно мѣшали больной, и Честюнина удалила ихъ подъ разными предлогами.

— Пріѣзжайте одни...—шепнула она одному дядѣ.— Другіе только напрасно ее волнуютъ.

Какъ показалось Честюниной, всѣ были даже рады уѣхать домой. Клиническая обстановка давила каждаго, а дома были свои дѣла. Эженъ пріѣзжалъ на минуту, чтобы сообщить Честюниной:

— Кажется, у насъ начинается... Ахъ, Марьетта, если бы ты была свободна!.. Лёля все тебя вспоминаетъ... Ну, что Катя?

— Пока ничего особеннаго... Температура, кажется, начинаетъ подниматься. Впрочемъ, мнѣ это могло показаться... Разница пока всего въ одной десятой.

Эженъ такъ былъ поглощенъ своими домашними дѣлами, что, какъ показалось Честюниной, слушалъ ее совершенно машинально и едва-ли понималъ, что она ему говорила.

Катя съ проницательностью больного человѣка по выраженію лица Честюниной угадывала, кто былъ въ пріемной. Она волновалась молча, на что обратилъ вниманіе докторъ.

— Спокойствіе—пока единственное ваше лѣкарство,— говорилъ онъ съ строгой ласковостью опытнаго врача.—А вы, m-lle Честюнина, прямо виноваты, что позволяли родственникамъ являться сюда

— Да, да, я, дѣйствительно, виновата,—поспѣшила согласиться съ нимъ Честюнина.

Когда докторъ ушелъ, больная замѣтила:

— О чемъ онъ хлопочетъ? Удивляюсь... Мнѣ ужасно хотѣлось съ нимъ поспорить, Маша. Ахъ, скорѣе бы мнѣ выздоровѣть, тогда бы я ему показала... Вообще, я его ненавижу...

— Хорошо, хорошо.

— Послушай Маша, и ты принимаешь со мной тонъ классной дамы... Это совсѣмъ къ тебѣ нейдетъ.

— Пожалуйста, нельзя ли безъ разсужденій, а то я уйду.

Больная инстинктивно покорялась каждому властному слову и дѣлалась такой жалкой, какъ маленькій безпомощный ребенокъ. Покорность къ ней не шла, какъ строгость къ Честюниной.

Навѣщавшіе больную, кажется, не особенно огорчились отказомъ принимать ихъ, за исключеніемъ старика Анохина. Онъ пріѣзжалъ по-прежнему и высиживалъ долгіе и томительные часы въ дежурной, гдѣ попеременно его занимали Честюнина или Парасковея Пятница. Послѣдняя страдала неизлѣчимымъ недугомъ старческой болтливости и запрещеніе говорить съ больной приводило ее въ отчаяніе. За то она отводила душу въ дежурной, и Василій Васильичъ скоро выучилъ наизустъ рѣшительно все, что происходило „во время оно", какъ говорилъ Крюковъ, „у насъ въ Казани". Въ свою очередь, Парасковея Пятница узнала много интересныхъ вещей о томъ, что такое Сузумье и какъ хорошо тамъ живутъ простые люди.

Придвинувшись къ своей слушательницѣ поближе, Анохинъ нѣсколько разъ повторялъ, показывая глазами на потолокъ:

— Развѣ *тамъ* возможенъ былъ бы такой случай?.. Да никогда... *Тамъ* еще нѣтъ мерзавцевъ съ тремя фамиліями. Да... Я теперь часто думаю, что если бы я жилъ тамъ самымъ простымъ человѣкомъ, если бы моя жена была самая простая провинціальная дѣвушка, если бы моя дочь... Однимъ словомъ, не сидѣли бы вотъ здѣсь и не считали часы.

— Однако, Василій Васильичъ, теперь и провинція ужъ не та,—спорила Парасковея Пятница.—Я недавно читала въ нашей казанской газетѣ... точно такой же случай и даже отца звали тоже Василіемъ. Нынче самыя простыя дѣвушки и тѣ, чуть что, сейчасъ револьверъ, спички, какую-нибудь кислоту... Охъ, это вездѣ одинаково, Василій Васильичъ.

Старики начинали спорить, забывая о больной и торжественности переживаемаго момента. Парасковея Пятница

совсѣмъ уже не боялась „деспота“ и въ рѣшительныхъ пунктахъ ссылалась на авторитетъ покойнаго Ивана Михайлыча, который говорилъ всегда такъ, а дѣлалъ вотъ этакъ. Оказывалось, что Иванъ Михайлычъ предвидѣлъ возможность даже такихъ случаевъ, какъ настоящій. О, онъ все зналъ, Иванъ Михайлычъ, и все умѣлъ объяснить.

Когда дежурила у больной Парасковея Пятница, Василій Васильичъ любилъ говорить съ Честюниной о Сузумьи.

— Маша, а ты, вѣдь, совсѣмъ забыла свою провинцію,— упрекалъ онъ ее съ отцовской ласковостью. — Не хорошо это. голубчикъ... Послѣ сама пожалѣешь. Вѣдь, нынѣшнимъ лѣтомъ могла ѣхать?

— Могла...

— Отчего же не поѣхала?

— Да такъ... Разныя дѣла. Вотъ кончу курсъ, тогда и уѣду.

— Все у васъ дѣла, а всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь. Это все отговорки. Я давеча сижу и смотрю на тебя, Маша... да... Вѣдь, совсѣмъ ты не такая пріѣхала въ Петербургъ, еще немного, такъ, пожалуй, родная мать не признаетъ.

Сидя около больной, Честюнина точно подводила итогъ своей молодой жизни и приходила сама къ тому же заключенію, какъ и Василій Васильичъ. Да, она стала совсѣмъ другая и не къ лучшему... Не было уже прежней молодой вѣры въ жизнь, въ людей и въ недавнія мечты. Многое отошло назадъ, другое исчезло, какъ сонъ, а кругомъ наростала какая-то мучительная пустота. А, главное, все чаще и чаще являлось глухое недовольство собой, какъ предвѣстникъ какой-то хронической болѣзни. Теперь Честюнина завидовала другимъ курсисткамъ, сохранившимъ способность увлекаться всѣмъ, точно онѣ вчера пріѣхали въ Петербургъ. Она уже не могла попасть имъ въ тонъ и, вообще, какъ-то ушла отъ молодости. Въ концѣ концовъ, оставались четыре стѣны своей студенческой кельи и занятія. Да, есть святая работа, и Честюнина уходила въ нее все глубже. Она уже испытывала окрыляющій жаръ этой келейной работы и входила во вкусъ своего женскаго одиночества. Всѣ эти мысли являлись невольно, вызванныя присутствіемъ больной. Вѣдь, эта Катя была полной противоположностью, и Честюниной

начинало казаться, что вмѣстѣ съ ней умираетъ и она, т. е. умираетъ въ ней та женщина, которая могла быть счастлива только личной жизнью. Конечно, являлись мысли о чемъ-то неизвѣданномъ, неопредѣленная тоска, смутное желаніе какой-то перемѣны и сознаніе неудовлетворенности, но все были только отдѣльные моменты, а не вся жизнь.

— Я знаю, о чемъ ты думаешь...—замѣтила разъ Катя, наблюдавшая задумавшуюся сидѣлку.

— Именно?

— Тебѣ жаль самой себя... Но все это напрасно, голубчикъ. Мы, женщины, бываемъ счастливы, какъ дѣти, когда они ломаютъ свои любимыя игрушки, чтобы посмотрѣть, что тамъ внутри. Счастья нѣтъ...

Отъ волненія и безсонныхъ ночей у Честюниной какъ-то все перемѣшалось въ головѣ, и она даже не удивилась, когда Парасковея Пятница принесла въ пріемную термометръ, показывавшій роковое повышеніе температуры. Это былъ смертный приговоръ...

— Это очень не хорошо? — освѣдомился Василій Васильичъ.

— Да...

— Она умретъ?..

Честюнина только пожала плечами и быстро вышла изъ комнаты.

Дѣлая послѣднюю перевязку, докторъ замѣтилъ:

— Мы ведемъ себя не дурно... Еще денька два и будемъ совсѣмъ умными.

Неожиданно поднявшаяся температура сразу разрушила всѣ надежды. Больная сама страшно перепугалась и молча смотрѣла на Честюнину умоляющими глазами. Боже мой, неужели это и есть смерть?!. У нея стучали зубы отъ лихорадки, а въ глазахъ явилось ощущеніе холода.

Болѣзнь полетѣла впередъ съ ужасающей быстротой. За лихорадкой явился бредъ. Больная металась на своей кровати и плохо узнавала присутствовавшихъ. Въ моменты сознанія она хватала Честюнину и повторяла задыхавшимся голосомъ:

— Спасите меня... спасите... ахъ, какъ я хочу жить!.. Боже мой, какъ страшно... Маша, вѣдь, я еще такая мо-

лодая... Всѣ другіе будутъ жить, а я... Нѣтъ, я не хочу умирать... Слышишь?.. Держи меня за руку... вотъ такъ... крѣпче...

Честюнина вся точно застыла. Теперь уже не было спасенія и лучшія слова святой науки были безсильны. Оставалось только ждать развязки.

Мучительная агонія продолжалась цѣлыхъ два дня, и черезъ пять дней, какъ предсказалъ докторъ, Катя умерла. Въ комнатѣ еще стоялъ запахъ лѣкарствъ, на столикѣ у кровати стояли аптечные пузырьки съ разнымъ снадобьемъ и все это напоминало только о безсиліи науки и бренности человѣческаго существованія. Да, все было кончено... Молодая жизнь погасла, какъ блуждающій огонекъ.

Хоронили Катю въ снѣжный и холодный зимній день. Все кругомъ казалось такимъ хмурымъ. За гробомъ тянулась небольшая кучка близкихъ людей. Честюнина шла съ Брусницинымъ, и ей казалось, что она тоже умерла вмѣстѣ съ Катей. Это чувство положительно ее преслѣдовало, какъ кошмаръ.

Василій Васильичъ шелъ за гробомъ съ спокойнымъ лицомъ. У него уже не было слезъ... Все было пережито раньше.

— Бѣдная моя дѣвочка...—повторялъ про себя убитый горемъ старикъ.—Бѣдная... бѣдная... бѣдная...

Похоронили Катю въ Александро-Невской лаврѣ, о чемъ она просила сама. Изъ родныхъ не было только Эжена, который пріѣхалъ къ самому отпѣванію. Онъ отвелъ Честюнину въ сторону и шепнулъ:

— Марьета, у меня родился сынъ...

ЭПИЛОГЪ.

Прошло пятнадцать лѣтъ.

Стоялъ свѣтлый осенній день. Въ скверахъ вездѣ уже мелькали тронутыя первымъ холодкомъ листья. Въ такіе дни Петербургъ получаетъ какой-то особенно бодрый видъ, а всѣ улицы переполнены оживленной публикой. Вернув-

шійся съ дачи петербуржецъ точно старается наверстать потерянное лѣтомъ время. Самые дома, ремонтированные и подкрашенные, выглядятъ веселѣе. Оживленіе захватываетъ даже самыя далекія городскія окраины, какъ Выборгская Сторона или Васильевскій Островъ.

Именно въ такой ласковый по осеннему день, по Самсоніевскому проспекту шли среднихъ лѣтъ дама и пожилой мужчина, въ которыхъ сразу можно было узнать провинціаловъ и по костюму, и по неумѣнью торопиться. Они шли по тротуару и читали вслухъ номера домовъ.

— Здѣсь...—проговорила, наконецъ, дама, останавливаясь передъ громаднымъ четырехъ-этажнымъ домомъ.—Да, да... Тотъ самый домъ.

Мужчина молча соглашался, съ такимъ видомъ, когда человѣкъ не желаетъ противорѣчить. Плотный, коренастый, съ окладистой бородой, онъ производилъ впечатлѣніе уравновѣшеннаго человѣка, который не умѣетъ волноваться даже въ серьезныхъ случаяхъ. Они вошли во дворъ и начали подниматься по темной каменной лѣстницѣ.

— Та самая лѣстница,—говорила дама, останавливаясь на площадкѣ перевести духъ.—Сколько тысячъ разъ я прошла по ней.

Они поднялись въ четвертый этажъ и позвонили у двери безъ визитной карточки. Отворила толстая сѣдая старушка въ бѣломъ чепцѣ.

— Прасковья Игнатьевна, не узнаете?—весело проговорила дама.

— Нѣтъ, не узнаю...

— А Честюнину помните?

— Честюнину? Много, вѣдь, у меня жило курсистокъ, гдѣ ихъ всѣхъ запомнишь...

— А Катю тоже не помните? Которая еще застрѣлилась?

— Эту отлично помню... Такъ вы ея сестра двоюродная? Теперь все припомнила... Милости просимъ.

Старушка всполошилась и повела гостей въ свою каморку, гдѣ все оставалось по прежнему.

— А я—Андрей Иванычъ Нестеровъ,—рекомендовался мужчина.—Вы еще какъ-то письмо мнѣ писали...

— Не помню—письма... добродушно недоумѣвала Парасковея Пятница.—А можетъ быть, и писала...

Парасковея Пятница сильно состарилась и Честюнина смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ. Была такая бодрая и здоровая женщина, а теперь получилась какая-то развалина. Старушка непремѣнно захотѣла угостить кофе и поминутно убѣгала въ кухню. Она замѣтно оживилась и кое-что успѣла припомнить.

— Да, да... Теперь помню,—повторяла она.—Какъ же... И Катю помню. Такая была веселая... Василій-то Васильичъ захаживалъ ко мнѣ. Придетъ и плачетъ... Сильно убивался онъ о дочери. Передъ самой смертью былъ у меня недѣли за двѣ. Рядомъ его и похоронили съ дочерью... А вы замужемъ давно?

— Нѣтъ, я по прежнему остаюсь дѣвушкой...

— Какъ же это такъ?

— Да какъ-то такъ ужъ вышло... Все некогда, Прасковья Игнатьевна. А тутъ и молодость прошла, поздно выходить замужъ...

— Скучно подъ старость будетъ, милая...

— Ничего, какъ-нибудь проживемъ. Не всѣмъ замужъ выходить...

— Это, конечно, бываетъ, а все-таки...

— И я вотъ тоже не женился,—отвѣчалъ Нестеровъ на нѣмой вопросъ любопытной старушки.—Счастье не вышло...

— Тоже не хорошо.

— Что подѣлаешь.

— А гдѣ же вы живете теперь?

— Въ провинціи... Я въ земствѣ служу и Марья Гавриловна тоже въ земствѣ. Вмѣстѣ работаемъ, а потомъ взяли да и поѣхали вмѣстѣ въ Петербургъ.

— Такъ, такъ...—соглашалась старушка.—Совсѣмъ другой нынче народъ пошелъ. Слушаешь-слушаешь и какъ будто ничего понять не можешь. Стара стала, умирать пора...

За кофе всѣ разговорились, припоминая старину. Парасковея Пятница даже всплакнула, когда зашла рѣчь о Катѣ. Въ ея репертуарѣ это было самое трогательное воспоминаніе, и она нѣсколько разъ возвращалась къ нему. Да, хорошая была дѣвушка, веселая и такая ласковая, точно котенокъ.

Гости посидѣли и начали прощаться.

— Спасибо, что не забыли старуху,—говорила Парасковея Пятница, провожая ихъ на лѣстницу.—Не поминайте лихомъ.

Съ Выборгской они проѣхали въ Александро-Невскую лавру, гдѣ съ большимъ трудомъ разыскали могилу Кати. Честюнина долго стояла передъ ней и не замѣчала, какъ по ея лицу катились слезы. Это были слезы о несбывшихся надеждахъ, разбитыхъ иллюзіяхъ далекой юности и о чемъ-то такомъ, что осталось невыполненнымъ.

— Марья Гавриловна, я васъ не узнаю...—проговорилъ Нестеровъ.

Она улыбнулась сквозь слезы и, указывая на могилу Кати, отвѣтила:

— Я здѣсь похоронила себя, Андрей Иванычъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Конецъ.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

*(Продолженіе *).*

Утреннія газеты слѣдующаго дня, т. е. субботы, 5 іюля очень мало говорили объ Эстъ-Эндскомъ митингѣ, на которомъ, по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, лэди Максвель «получила отвѣтъ» отъ эстъ-эндской черни. О брошенномъ камнѣ, объ ударѣ и о причинѣ его много толковали въ клубахъ и гостиныхъ Мальфэра и Белгравіи, не менѣе чѣмъ въ клубахъ и трактирахъ Эстъ-Энда, а гости, уѣхавшіе на воскресенье въ загородныя имѣнія разнесли слухи о нихъ по окрестнымъ деревнямъ. Максвели уѣхали одни въ Брукшайръ, и любопытные посѣтители, заходившіе въ Джемсъ-сквэръ «справиться» ушли ни съ чѣмъ.

— Вся эта исторія просто подстроенная штука,—съ негодованіемъ говорила миссисъ Уаттонъ сыну своему Гардингу, передавая ему «Observer» въ воскресенье утромъ, въ столовой своего дома на Тильней-стритъ.—Ей именно теперь очень выгодно выступить въ роли мученицы. Какъ можетъ мужъ позволять ей выставлять себя на посмѣшище...

— На посмѣшище?—сказалъ Гардингъ, улыбаясь.—Ни мало. Ваше первое замѣчаніе, мама, было совершенно вѣрно. Это все практическая политика. Такая красивая женщина не допуститъ, чтобы ей даромъ расшибли високъ. Вы увидите, какую пользу ея друзья извлекутъ изъ этого, и что они станутъ говорить о грубомъ насиліи нашего народа вообще.

— Противно!—произнесла миссисъ Уаттонъ строго, постукивая крышкой горчичницы, стоявшей противъ нея.

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

Она сидѣла съ Гардингомъ вдвоемъ за позднимъ завтракомъ. Старый сквайръ давно уже откушалъ и, приготовляясь идти въ церковь, читалъ книгу проповѣдей въ библіотекѣ. Миссисъ Уаттонъ и Гардингъ тоже должны были идти въ церковь, такъ какъ Гардингъ сильно поддерживалъ религіозную обрядность.

При восклицаніи матери сынъ пожалъ плечами.

— Интересно знать,—сказалъ онъ,—удастся ли лэди Максвель поймать Джоржа Тресседи или нѣтъ. Онъ провожалъ ее домой послѣ митинга въ пятницу.

— Провожалъ ее домой послѣ митинга? Джоржъ Тресседи?

Миссисъ Уаттонъ съ такимъ негодованіемъ посмотрѣла на сына, точно онъ самъ былъ отчасти виноватъ въ этомъ неприличномъ поступкѣ.

— Онъ часто бывалъ у нея въ Эстъ-Эндѣ въ послѣднее время. Я это узналъ отъ Эдварда. Впрочемъ, о будущемъ не трудно было догадаться по тому, какъ они себя держали въ Кэстль-Лютонѣ. О, эта женщина очень искусно разставляетъ свои сѣти!

— Одно, что я могу сказать,—съ достоинствомъ замѣтила миссисъ Уаттонъ,—такая женщина не можетъ быть терпима въ порядочномъ обществѣ.

Гардингъ всталъ и подошелъ къ окну, покручивая усы. Онъ давно зналъ, что мать его отличается болѣе энергіей, чѣмъ умомъ.

— Мнѣ кажется, — снова заговорила мать послѣ минутнаго молчанія,—что кому-нибудь слѣдовало бы предупредить Летти.

— О, Летти сама съумѣетъ о себѣ позаботиться,—отвѣчалъ Уаттонъ, смѣясь. Онъ, въ сущности, могъ бы сказать, если бы хотѣлъ, что Летти уже получила предупрежденіе. Тресседи, кажется не любилъ его; съ людьми, которые насъ не любятъ, не стоитъ церемониться. Но не смотря на нелюбовь Тресседи, ему удалось послѣдніе мѣсяцы очень весело провести время, помогая Летти меблировать квартиру. Гардингъ, гордившійся своимъ тонкимъ вкусомъ, любилъ, чтобы съ нимъ совѣтовались; онъ любилъ все, что придавало ему значеніе хотя бы въ глазахъ продавца рѣдкостей; пользуясь большими закупками Летти, онъ пріобрѣлъ для своей собственной квартиры въ Темплѣ нѣсколько хорошенькихъ вещицъ по очень дешевой цѣнѣ.

— Кто бы могъ подумать, что Джоржъ Тресседи такой слабохарактерный человѣкъ, — говорила миссисъ Уаттонъ, вставая.— А еще Фонтеной такъ довѣрялъ ему!

— И до сихъ поръ довѣряетъ болѣе или менѣе,—сказалъ Гардингъ;—но Фонтеной получитъ предостереженіе.

Онъ посмотрѣлъ на часы, чтобы знать, успѣетъ ли до церкви

выкурить папиросу, закурилъ и, прислонясь къ косяку окна, задумчиво глядѣлъ въ паркъ.

— Ты думаешь, что онъ можетъ измѣнить?—спросила его мать.

— Не знаю, наврядъ ли прямо измѣнить, это было бы уже слишкомъ. Но весь интересъ къ дѣлу пропалъ у него. Онъ ничего для насъ не дѣлаетъ, не приноситъ никакой пользы партіи.

Гардингъ говорилъ такимъ тономъ, точно будто держалъ всю партію въ своемъ карманѣ. Мать глядѣла на него съ худо скрываемымъ восхищеніемъ. Она почти безгранично вѣрила Гардингу, но не въ ея привычкахъ было льстить сыновьямъ.

— Всего противнѣе слушать,—замѣтила она, направляясь къ дверямъ и шурша своимъ шелковымъ воскреснымъ платьемъ,— какъ о ней говорятъ ея поклонники! Вся эта возня, все это ухаживанье за ними съ бѣдными, дѣлаются для того, чтобы мужъ не потерялъ мѣста и чтобы около нея вертѣлись молодые люди!

— Что дѣлать, матушка, у всякаго свои удовольствія,—снисходительно замѣтилъ Гардингъ.—Не забывайте, кромѣ того, что лэди Максвель даетъ мнѣ отличный матеріалъ для моихъ статей.

Мать вышла изъ комнаты, а онъ продолжалъ курить, съ удовольствіемъ раздумывая о своей новой статьѣ: «Женщина грязныхъ переулковъ»; она была наполнена намеками на Марчеллу Масквель и должна была появиться въ слѣдующемъ № газеты, которую вели они съ Фонтеноемъ; Гардингъ самъ не былъ издателемъ. Ему не нравились хлопоты, сопряженныя съ издательской дѣятельностью, и онъ считалъ, что отецъ обязанъ хоть содержать его, если ужъ живетъ на свѣтѣ. Но онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ новой газеты и писалъ въ ней весьма бойкія статьи. Газета вообще обладала бойкими сотрудниками. Ея лозунгомъ было слово «свобода». Но при этомъ она находила, что хозяевамъ принадлежитъ абсолютная власть надъ рабочими; она говорила, что нелѣпо заниматься религіозными вопросами, но въ то же время всякій, кто броситъ камнемъ въ англиканскую церковь, подлежитъ смерти. Три преступленія возбуждали особенное негодованіе ея: во-1-хъ, стремленіе помогать ближнимъ: только сумасшедшіе или дураки могутъ думать, что они въ состояніи кому-нибудь помочь; во-2-хъ, нелѣпая мысль о необходимости образованія для народа. Человѣка, который проработалъ 10, 12 часовъ въ день на фабрикѣ или въ рудникѣ, учить вечеромъ читать Данте или Гомера было непростительнымъ грѣхомъ, подрывавшимъ основы государства. Гардингъ и его пріятели въ свое время требовали помощи многихъ учителей, чтобы научиться читать этихъ авторовъ; но это было ихъ право, это не противорѣчило общему порядку все-

ленной. На основаніи этого порядка рудокопъ долженъ добывать уголь изъ подъ земли, а Гардингъ Уаттонъ учиться въ коллегіи. Но главнымъ и худшимъ недостаткомъ въ глазахъ Гардинга и его сторонниковъ было то, чего еще Каинъ не могъ спокойно вынести. Половина нападокъ ихъ на Максвеля происходила изъ этого источника: Максвель, не смотря на всѣ свои ошибки, пользовался успѣхомъ, занималъ видное мѣсто среди политическихъ дѣятелей Англіи. И его жена, съ своей стороны, царила и достигала своихъ цѣлей безъ помощи авторовъ статей. Въ этомъ была главная суть. Гардингъ, по крайней мѣрѣ, находилъ это невыносимымъ.

Между тѣмъ, не смотря на газеты правой и лѣвой стороны, колесница политики подвигалась впередъ. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, члены рано собрались въ парламентъ, всѣ скамьи были наполнены, въ залѣ господствовало возбужденіе: министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ сказать замѣчательную рѣчь и затѣмъ должно было начаться голосованіе. Ожидали, что Даусонъ будетъ говорить въ десять часовъ, а въ 11 кончится подача голосовъ.

Въ этотъ день и вечеръ Фонтеной былъ вездѣсущъ, такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Тресседи. Стоило войти въ курильную комнату или въ библіотеку, пройти по корридору или выйти на террасу подышать нѣсколько минутъ свѣжимъ воздухомъ—всюду появлялась большая голова и изможденное лицо Фонтеноя и всегда въ обществѣ какого-нибудь новаго собесѣдника. Разнородный характеръ оппозиціонныхъ элементовъ, возстававшихъ противъ министерства, разнообразные группы и интересы, съ которыми приходилось считаться,—все это открывало широкую арену дѣятельности для человѣка, склоннаго къ борьбѣ и къ интригѣ, и онъ вполнѣ предался этой дѣятельности. Маленькіе глазки его были еле замѣтны—круги подъ ними были чернѣе, чѣмъ когда-либо.

Между тѣмъ, Джоржъ Тресседи никогда не чувствовалъ такъ живо, какъ въ этотъ критическій день, что его партія начала сторониться отъ него. Совѣщанія, въ которыхъ въ прежнее время онъ непремѣнно принималъ бы участіе, происходили безъ него. Въ теченіе всего этого суетливаго дня Фонтеной почти не говорилъ съ нимъ; его, очевидно, оставляли въ сторонѣ отъ поля битвы.

Ну, что жъ, развѣ онъ могъ сердиться на это? а между тѣмъ онъ сердился съ тѣмъ отсутствіемъ логики, которое свойственно всякому человѣку. Онъ разочаровалъ ихъ, какъ ораторъ, и вообще, что сдѣлалъ онъ для нихъ съ самой Троицы? Кромѣ того, при описаніяхъ митинга въ Миль-Эндѣ упоминалось его имя, и

это не могло остаться безъ послѣдствій. Онъ надѣялся, что личное уваженіе къ нему Фонтеноя не уменьшилось. Но чувствовалъ, что всѣ остальные, по какому-то нѣмому соглашенію, удаляются отъ него.

Въ обѣденное время онъ сидѣлъ въ уголку библіотеки и дремалъ надъ біографіей лорда Мельбурна.

— Мнѣ надо поговорить съ вами,—раздался хриплый голосъ около него.

— Давайте говорить, садитесь,—съ улыбкой отвѣчалъ Джоржъ, подвигая стулъ рядомъ съ собой.—Я думаю, послѣ сегодняшняго дня вамъ нужно будетъ спать безъ просыпа цѣлую недѣлю!

— Есть у васъ на этой недѣлѣ свободное время? — спросилъ Фонтеной, садясь.

Джоржъ колебался.

— Пожалуй, нѣтъ. Мнѣ надобно поскорѣе ѣхать въ имѣніе; въ среду назначенъ митингъ хозяевъ копей.

— То, о чемъ я хотѣлъ говорить, займетъ немного времени,— настойчиво сказалъ Фонтеной послѣ короткаго молчанія.—Я слышалъ, что вы въ послѣднее время ходили по мастерскимъ.

Онъ устремилъ на собесѣдника свои проницательные глаза.

— Да, я ходилъ раза два съ Эверардомъ,—сказалъ Джоржъ,— мы видѣли не мало интересныхъ субъектовъ.

Въ головѣ Фонтеноя мелькнула мысль:

— Почему же, чортъ возьми, не говорили вы со мной объ этомъ?—Вслухъ онъ сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Вы видѣли тѣхъ субъектовъ, какихъ Эверарду угодно было показать вамъ. Мнѣ, въ сущности, вотъ что отъ васъ нужно. Вы знаете рядъ выдержекъ изъ отчетовъ, которыя помѣщаются за послѣднее время въ «Хроникѣ»?

Джоржъ кивнулъ утвердительно.

— Намъ надобно написать что-нибудь, что уничтожило бы впечатлѣніе, производимое ими. И вы, и я, мы хорошо знаемъ, что въ большинствѣ мастерскихъ рабочій день не длиннѣе фабричнаго и что въ среднемъ работа производится четыре съ половиной дня въ недѣлю. Вы это сами видѣли и можете объ этомъ писать. Не составите ли вы на этой или на будущей недѣли три четыре статьи по этому поводу въ «Haymarket Reporter»? Наше бюро доставитъ вамъ всѣ необходимые матеріалы.

Джоржъ задумался.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, глядя прямо въ лицо своему собесѣднику,—я не могу, я хорошо не напишу, Можетъ быть, это оттого, что я видѣлъ слишкомъ много

исключеній, худшихъ случаевъ. Откровенно говоря, все это дѣло стало для меня вопросомъ больше, чѣмъ когда-нибудь.

Фонтеной безпокойно задвигался.

— Должно ли это означать,—рѣзкимъ тономъ проговорилъ онъ,—что вы колеблетесь относительно...

— Подачи голоса? Нѣтъ, я подамъ голосъ съ вами. Я стою за отсрочку. Этотъ билль и теперь, какъ прежде, кажется мнѣ нецѣлесообразнымъ. Но мнѣ не хотѣлось бы именно теперь публично выступать противъ него.

Они молча смотрѣли другъ на друга.

— Я такъ и думалъ, что что-то неладно,—произнесъ, наконецъ, Фонтеной.

— Я радъ, что у насъ былъ этотъ разговоръ,—отвѣчалъ Джоржъ.—Я хотѣлъ сказать вамъ, что хотя я подамъ голосъ, но, вѣроятно, я больше не буду говорить въ палатѣ. Мнѣ кажется, я по натурѣ не принадлежу къ числу парламентскихъ дѣятелей. Я сильно раскаиваюсь, что ввелъ васъ въ заблужденіе.

Онъ принужденно улыбнулся.

— Я не заблуждался,—мрачно произнесъ Фонтеной и вышелъ вонъ; идя по корридору, онъ мысленно договорилъ начатую фразу: «я только не замѣтилъ, насколько женщины могутъ одурачить васъ». Во-первыхъ, эта необдуманная женитьба на глупой дѣвчонкѣ, которая ни въ чемъ не можетъ помогать ни ему, ни ихъ партіи; теперь, судя по словамъ Уаттона (который въ это утро пріѣзжалъ на домъ къ Фонтеною потолковать о разныхъ дѣлахъ) это увлеченіе лэди Максвель. Да, это такъ, иначе и объяснить нельзя.

Фонтеной, какъ глава партіи, чувствовалъ и досаду, и разочарованіе. Ни къ кому изъ своихъ сторонниковъ не питалъ онъ съ самаго начала кампаніи такой симпатіи, какъ къ Тресседи.

Около полуночи началось голосованіе билля по параграфамъ, при огромномъ стеченіи народа, при волненіи и тревожномъ ожиданіи, которыя всегда вызываются законопроектомъ, встрѣчающимъ сильную оппозицію. Министерство получило большинство всего 44 голосовъ, на двадцать четыре голоса меньше обычнаго.

Когда крики привѣтствія и крики неодобренія стихли, Джоржъ очутился въ корридорѣ, вмѣстѣ съ толпой, выходившей изъ палаты. Подходя къ дверямъ въ переднюю, онъ увидѣлъ, что лэди, шедшая впереди него, обернулась. Джоржа точно молніей поразило ощущеніе красоты, чувство тревожной радости, и онъ замѣтилъ Марчеллу Максвель. Она протянула ему руку.

— Первое дѣйствіе кончилось,—сказала она.

— Да, и хорошо кончилось,—отвѣчалъ онъ улыбаясь,—но вы потеряли очень много людей.

— Ахъ да, я знаю, я знаю. Теперь начнется очень тяжелое время, не будешь знать, на кого положиться.

Голосъ ея измѣнился и она сказала съ какою-то робостью:

— На будущей и на предбудущей недѣлѣ многіе будутъ пріѣзжать къ намъ въ Миль-Эндъ, чтобы видаться съ разнаго рода дѣятелями. Это, я думаю, будетъ интересно. Не заѣдете ли и вы къ намъ какъ-нибудь вмѣстѣ съ лэди Тресседи?

— Благодарю васъ, — довольно холодно отвѣчалъ Джоржъ,— вы очень добры.

И затѣмъ спросилъ другимъ голосомъ:

— Вы не чувствуете нездоровья, въ самомъ дѣлѣ не чувствуете?

Онъ глазами указалъ на зашибленный високъ, а она инстинктивно подняла руку къ черной пряди волосъ, которая была нарочно спущена, чтобы скрыть пятна.

— О, нѣтъ! Этотъ молодецъ былъ, къ счастью, неопытный человѣкъ. Сколько нелѣпостей наговорили газеты!

Джоржъ покачалъ головой.

— Не понимаю, чего другого можно было ожидать,—смѣясь, сказала онъ.

— Очень просто.—Краска залила ея нѣжныя щеки.—Съ какой стати дѣлать больше шума, когда побита женщина, а не мужчина. Намъ вовсе не нужно ни этого излишняго состраданія, ни всѣхъ этихъ разглагольствованій.

— Что дѣлать, такова природа человѣка, — сказалъ онъ, пожимая плечами. Неужели она, въ самомъ дѣлѣ, воображаетъ, что женщина можетъ принимать участіе въ политической борьбѣ на равныхъ правахъ съ мужчиной, что ея поведеніе можетъ возбуждать такъ же мало волненія, какъ поведеніе мужчинъ. Какое безуміе!

Въ это время Максвель, стоявшій сзади нея, вышелъ впередъ, привѣтливо поклонился Тресседи, и у нихъ завязался разговоръ о только-что окончившихся преніяхъ. Старшій изъ двухъ мужчинъ все время проницательно смотрѣлъ на младшаго. Что касается Джоржа, разговоръ съ министромъ, обратившій на себя вниманіе многихъ лицъ, проходившихъ мимо, не доставилъ ему никакого особеннаго удовольствія. Характеръ Максвеля не казался ему привлекательнымъ, онъ чувствовалъ, что и Максвель не очень симпатизируетъ ему. Тѣмъ не менѣе, ему бы хотѣлось, чтобы ихъ десятиминутный разговоръ продолжался до безконечности, такъ

какъ это давало ему возможность стоять около нея, прислушиваться къ звукамъ ея голоса, слѣдить за ея движеніями. Онъ говорилъ съ Максвелемъ о рѣчахъ, о голосованіи, о разныхъ мелкихъ инцидентахъ этого дня. И все время онъ слѣдилъ за тѣми, кто окружалъ ее; онъ видѣлъ, какъ толпа, постоянно собиравшаяся около нея, то сгущается, то расходится; видѣлъ, съ кѣмъ она говоритъ; главное, видѣлъ въ ея взглядѣ, ея голосѣ, ея привѣтствіяхъ и упрекахъ то горячее, отзывчивое чувство, все очарованіе котораго, кромѣ ея мужа, испыталъ онъ одинъ. Вѣдь онъ видалъ ее въ горѣ и въ смущеніи, онъ видалъ ее въ слезахъ, въ борьбѣ самой съ собой? Въ сердцѣ его, какъ нѣчто священное, хранится образъ ея въ такомъ видѣ, между тѣмъ какъ глазамъ его она являлась центромъ всей это толпы политическихъ дѣятелей, знаменитой женщиной, окруженной и поклоненіемъ, и ненавистью.

Затѣмъ, какъ-то вдругъ, толпа разсѣялась, Максвели ушли, и Джоржъ очутился около подъѣзда, на улицѣ, подъ дождемъ. Ему показалось, что его окружаетъ запахъ розы,—розы, которая была приколота къ ея груди, и въ головѣ его вертѣлся вопросъ, который уже давно мучилъ его: чѣмъ же это кончится?

Онъ шелъ по мокрымъ улицамъ и тысячи тяжелыхъ мыслей осаждали его. Онъ ощущалъ то же, что человѣкъ, борющійся противъ надвигающагося прилива, безпомощно уносимый потокомъ. Совѣсть ни въ чемъ не упрекала его. Онъ не преступилъ никакого закона ни нравственнаго, ни общественнаго. Марчелла Максвель никогда ни словомъ, ни взглядомъ, ни мыслью не измѣнитъ любимому мужу.

Онъ и не замѣтилъ, какъ дошелъ до своего дома. Всѣ драматическія сцены, всѣ лица, наполнявшія въ этотъ знаменательный день залу парламента, исчезли изъ его сознанія. Ему ясно представлялись только три человѣка, и онъ съ какимъ-то ужасомъ представлялъ себѣ, къ чему могутъ привести ихъ взаимныя отношенія. Когда онъ повернулъ въ улицу Ст.-Джемса, поздній часъ, мягкій сырой воздухъ вдругъ напомнили ему другую подобную же ночь въ февралѣ, когда онъ шелъ домой, разставшись съ Летти, такой счастливый и довольный, и когда онъ въ первый разъ разговаривалъ съ Марчеллой Максвель среди небольшой уличной толпы. Тогда еще не произошло ничего непоправимаго. Онъ держалъ свою жизнь въ собственныхъ рукахъ. Что касается той страсти, которая постепенно овладѣвала всѣмъ его существомъ, онъ сохранилъ еще настолько самообладанія, что относился къ ней съ заслуженной ироніей; онъ понималъ, что это чувство жалкое

и смѣшное; понималъ самъ, не нуждаясь въ объясненіяхъ свѣтскихъ джентльмэновъ, какихъ-нибудь Гардинговъ Уаттоновъ. Ему было особенно странно видѣть самого себя въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ всегда считалъ себя человѣкомъ, легко относящимся къ жизни, не отличающимся особенною глубиною чувства и гордился этимъ. Другіе люди гордятся тѣмъ, что пережили «періодъ бурь», что глубоко черпали изъ источника жизни. Тресседи, наоборотъ, ставилъ себѣ за честь, что прожилъ безъ всякихъ сильныхъ ощущеній; бракъ съ Летти, повидимому, вполнѣ соотвѣтствовалъ этой программѣ. Теперь въ первый разъ глаза его открылись, и онъ узналъ, что можетъ сдѣлать съ человѣкомъ эта жажда любви, жажда взаимности, что она можетъ сдѣлать съ нимъ, если ничто не утолитъ ее.

Если бы Марчелла была другой женщиной, менѣе невинной, менѣе твердой!

При данныхъ же обстоятельствахъ всякій разъ, когда красота ея вызывала какое-либо чувственное возбужденіе, любовь Тресседи заставляла его подавлять въ себѣ это ощущеніе, предупреждала его, что онъ становится недостойнымъ разговаривать съ ней въ дѣйствительности или даже мысленно. Лишенный всего, что поощряетъ любовь, что возбуждаетъ малѣйшую надежду, онъ создавалъ себѣ особую, духовную жизнь, въ которой она царила. Всякій разъ, когда онъ оставался одинъ, онъ говорилъ, совѣтовался съ ней, глядѣлъ въ ея чудные глаза, отражавшіе ея чудную душу. И пока онъ могъ сохранять эту мечту, онъ сознавалъ, что не теряетъ своего достоинства, что ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя; страсть и страданія затаенныя, въ глубинѣ души, всегда заключаютъ въ себѣ своего рода величіе; Данте зналъ это лучше всѣхъ смертныхъ.

Но онъ не могъ долго сохранять свою мечту. Она улетала, ее прогоняли болѣе конкретныя мысли, желанія того, чего онъ никогда не можетъ получить, досада на свой бракъ, сознаніе вины передъ Летти, презрѣніе къ самому себѣ.

Подойдя къ своему дому, онъ не могъ думать ни о чемъ, кромѣ тѣхъ вопросовъ, которые ставила ему жизнь въ этомъ домѣ. Какъ разрѣшить ихъ? Какія установить отношенія съ женой въ теченіе безконечныхъ лѣтъ, которыя имъ придется прожить вмѣстѣ?

Въ послѣдніе дни, послѣ ихъ ссоры, жизнь ихъ являлась рядомъ такихъ мелкихъ дрязгъ и непріятностей, что Джоржъ, не смотря на свой спокойный характеръ, начиналъ терять терпѣніе. Послѣ первой вспышки досады, онъ сказалъ себѣ, что она разорвала карточку въ припадкѣ ревности, на которую имѣла право; и на

слѣдующее утро онъ всячески старался держать себя съ ней, какъ обыкновенно. Это еще болѣе раздражало ее, и, хотя между ними не было открытой ссоры, но ея презрительная ѣдкая манера обращенія была нестерпима. Кромѣ того Джоржъ ясно видѣлъ, что она твердо рѣшилась удерживать свою самостоятельность относительно выбора друзей и относительно издержекъ.

Отворивъ дверь дома и повернувъ винтъ электрической лампы, онъ увидѣлъ въ передней два очень красивыхъ стула изящной работы. Онъ посмотрѣлъ на нихъ не безъ тревоги. Навѣрно они присланы въ качествѣ образцовъ. Летти была недовольна стульями, купленными ею для столовой. Онъ вспомнилъ, что она разсказывала о необыкновенно красивой мебели, разысканной Гардингомъ у какого-то Ашера. Онъ внимательно осмотрѣлъ стулья, затѣмъ, вмѣсто того, чтобы подняться наверхъ, вошелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ писать письмо. Онъ рѣшилъ на слѣдующій день съ первымъ поѣздомъ ѣхать въ Страфордшайръ и это письмо должно было все объяснить Летти. Письмо вышло длинное и откровенное, не безъ оттѣнка нѣжности.

«Я написалъ Ашеру,—говорилъ онъ, между прочимъ,—чтобы онъ прислалъ за стульями, которые я нашелъ у насъ въ передней. Они слишкомъ дороги для насъ, и я ему сообщилъ, что мы не можемъ купить ихъ. Будь увѣрена, что въ письмѣ къ нему я не сказалъ ни слова, которое могло бы быть непріятно для тебя. Если бы ты согласилась довѣрять мнѣ и совѣтоваться со мной относительно всѣхъ подобныхъ мелочей, наша жизнь пошла бы гораздо лучше».

Затѣмъ онъ откровенно изложилъ ей ихъ финансовое положеніе и свое твердое намѣреніе не входить въ неоплатные долги. Выраженія его были ясны и опредѣленны, какъ того требовали всѣ обстоятельства послѣдняго времени. За то конецъ письма былъ ласковъ и исполненъ сожалѣній по поводу случившагося. Несомнѣнно, она разочаровалась и въ немъ, и въ его денежныхъ средствахъ, несомнѣнно между ними произошли недоразумѣнія, которыя ни одинъ изъ нихъ не предвидѣлъ, вступая въ бракъ. Но хорошо устроить совмѣстную жизнь дѣло не легкое. Онъ просилъ ее не приходить въ отчаяніе и не судить слишкомъ строго. Онъ постарается все исправить, если только она вернетъ ему свою любовь и довѣріе. Онъ не допуститъ никого становиться между нимъ и ею, пусть и она обѣщаетъ ему то же.

Онъ запечаталъ письмо и сталъ безпокойными шагами ходить по комнатѣ. Ему казалось, что онъ попалъ въ заколдованный кругъ, что для него невозможно не только счастье, но даже спокойная, семейная жизнь, даже удовлетвореніе честолюбія.

На слѣдующее утро онъ уѣхалъ, прежде чѣмъ Летти проснулась. Она нашла письмо въ столовой, когда сошла къ завтраку и провела весь день въ сильномъ возбужденіи. Но въ концѣ концовъ она успокоилась на опредѣленномъ рѣшеніи. Ей придется уступить по вопросу о деньгахъ. Цифры, приведенныя Джоржемъ, и собственная сообразительность убѣдили ее, что борьба по этому поводу можетъ привести къ результатамъ, болѣе непріятнымъ для нея, чѣмъ для него. Но что касается права выбирать себѣ друзей и ревности къ лэди Максвель—въ этомъ она не уступитъ. Если Джоржъ пересталъ ухаживать за ней, то ему нечего обижаться, что она ищетъ развлеченій съ другими людьми. Въ этомъ не было ничего дурного, всѣ такъ дѣлаютъ, она должна пользоваться своею молодостью и красотою. Послѣ этого она написала записку лорду Казедину, сообщая ему, что будетъ завтра вечеромъ въ оперѣ съ Тюли, и прося его достать ей билеты въ Кларансъ-гаусъ. Кромѣ того, она собиралась черезъ него получить билетъ на одинъ блестящій балъ, послѣдній этого сезона, который давался черезъ двѣ недѣли. Объ этомъ она намѣревалась поговорить съ нимъ въ оперѣ.

Джоржъ вернулся черезъ нѣсколько дней съ своей поѣздки на сѣверъ еще болѣе исхудалый и удрученный, чѣмъ былъ раньше. Онъ нашелъ, что рабочіе упорно держались за свои требованія. Берроу былъ энергичнымъ предводителемъ. Съ своей стороны, хозяева твердо рѣшились не уступать. Джоржъ былъ вполнѣ согласенъ съ ними. Но онъ начиналъ задавать себѣ множество вопросовъ поповоду всей этой борьбы,—вопросовъ, которые не приходили въ голову другимъ хозяевамъ. Неужели и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ въ дѣлѣ о парламентскомъ биллѣ, ея вліяніе развило въ немъ роковую способность сочувствія, способность видѣть обѣ стороны медали, отнимающую у человѣка всякое удовольствіе борьбы.

Летти не мучилась ничѣмъ подобнымъ. Онъ нашелъ по возвращеніи, что она не прочь жить съ нимъ въ мирѣ. Она пріостановила всѣ дорогія передѣлки, которыя начала въ Фертѣ противъ его желанія; не сдѣлала никакихъ новыхъ пріобрѣтеній для ихъ лондонскаго дома. Но, съ другой стороны, она перестала совѣтоваться съ нимъ относительно своихъ выѣздовъ и безъ словъ дала ему понять, что прервала всѣ сношенія съ его матерью, что не намѣрена ни принимать, ни посѣщать ее. Такимъ образомъ, она какъ будто оставляла безъ вниманія сообщеніе мужа о болѣзни матери, и Джоржъ изъ гордости не говорилъ ей ни слова объ этомъ. Очевидно, она этимъ путемъ мстила ему за сокращеніе ихъ расходовъ и за лэди Максвель.

Но вслѣдствіе этого его жалость къ матери увеличилась. Онъ откровенно объяснилъ ей, что Летти не можетъ помириться съ уменьшеніемъ ихъ денежныхъ средствъ, вызваннымъ уплатою долга Чапецкому, и потому лучше будетъ, если онѣ не станутъ видаться нѣсколько времени. Лэди Тресседи приняла его объясненіе удивительно спокойно:

— Ну, что же, она всегда ненавидѣла меня,—сказала она;—право, не знаю, изъ-за чего, и она всегда завидовала моимъ костюмамъ. Извини, пожалуйста, Джоржъ, но я не могу не сказать, Летти не умѣетъ хорошо одѣваться. А какіе счеты ей представляютъ! Ты просмотри ихъ, а потомъ уже упрекай меня въ мотовствѣ! Не безпокойся, что Летти не будетъ ходить ко мнѣ, мнѣ это ничего. Но если ты перестанешь бывать у меня, я зарѣжусь и оставлю записку, что ты виноватъ въ моей смерти. Смотри, это страшно повредитъ тебѣ.

Но Джоржъ безъ всякихъ угрозъ приходилъ къ ней почти каждый день. Онъ видѣлъ ее въ минуты веселости и жеманства, когда она вполнѣ поддавалась своимъ старымъ привычкамъ, и въ минуты страданій, когда она не могла скрыть ни отъ него, ни отъ себя приступовъ страшной физической боли. По совѣту доктора, онъ пересталъ настаивать, чтобы она береглась, чтобы она лежала въ постели и перешла на положеніе больной. Даже въ физическомъ отношеніи лучше было предоставить ей бороться съ болѣзнью, и ея мужество удивляло и трогало его. Въ прежнее время она возбуждала его отвращеніе, когда притворялась больною, чтобы добиться своего. Теперь, когда смерть дѣйствительно стояла у ея порога, полу-веселая, полу-боязливая безпечность, съ которой она шла къ концу жизни, то прислушиваясь къ звукамъ, раздававшимся у рокового входа, то страстно бросаясь назадъ въ средину житейской суеты, теперь она являлась ему въ какомъ-то новомъ поэтическомъ свѣтѣ.

Даже ея низкопоклонные друзья перестали сердить его. Это были несчастные паразиты, но она заботилась о нихъ, а они дѣлали видъ, что любятъ ее. Вообще, онъ примирился со многимъ, чего прежде не могъ выносить, какъ, напримѣръ, съ нелѣпыми проявленіями ея нѣжности къ нему, съ ея похвалами ему при чужихъ. Мало-по-малу онъ позволилъ ей даже ласкать и цѣловать себя при Фуллертонахъ. Удивительно, какую новую окраску всѣмъ жизненнымъ мелочамъ придаетъ перспектива близкаго конца жизни!

Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что на нее находятъ припадки необыкновенной бережливости, какъ будто она этимъ хо-

четъ вознаградить его за то, что онъ отдаетъ ей часть своего времени. Онъ сталъ покупать ей разныя лакомства, пріятныя больнымъ, но, къ удивленію его, она принимала ихъ съ недовольнымъ видомъ, почти со слезами. Онъ никакъ не могъ понять причину этого.

Въ парламентѣ дѣла шли своимъ порядкомъ. Первая и сравнительно наименѣе спорная часть билля прошла послѣ длинныхъ преній и большихъ затяжекъ. Джоржъ говорилъ раза два безъ подготовки, исключительно, чтобы сдѣлать пріятное Фонтеною. Въ послѣднее время они имѣли мало личныхъ сношеній. Но Джоржъ не чувствовалъ, чтобы Фонтеной относился къ нему враждебно, мало того, онъ замѣчалъ въ немъ неожиданныя проявленія великодушія. Впрочемъ, онъ вѣдь и не былъ виноватъ въ грубомъ нарушеніи дисциплины партіи. Фонтеной могъ по прежнему разсчитывать на его голосъ. Что касается остальныхъ членовъ его партіи, онъ чувствовалъ, что они окончательно признаютъ его «перебѣжчикомъ» и отступаются отъ него.

Онъ, въ сущности, не жалѣлъ объ этомъ; такое положеніе предоставляло ему большую свободу высказываться. Въ то же время онъ рѣдко встрѣчался съ Марчеллой Максвель. Недѣля проходила за недѣлею, а Тресседи продолжалъ избѣгать собраній на Миль-Эндѣ, подробные разсказы о которыхъ онъ слышалъ отъ Эдварда Уаттона. Онъ одинъ разъ спросилъ Летти, не хочетъ ли она ѣхать съ нимъ на вечеръ къ лэди Максвель въ Эстъ-Эндъ и она отказалась. Но онъ не воспользовался ея отказомъ и не поѣхалъ одинъ. Была ли это боязнь собственной слабости, или снисхожденіе къ Летти, или страхъ выдать себя и сдѣлать что-нибудь смѣшное и непоправимое?

А между тѣмъ, странное дѣло! Въ эти дни ему необыкновенно часто приходилось проходить черезъ Ст.-Джемсъ скверъ. Раза два онъ видѣлъ, какъ она входила въ домъ или выходила изъ него, и при этомъ она всегда дарила его улыбкой и взглядомъ, которые предзначались несомнѣнно только для друзей. Раза два онъ встрѣчался съ ней въ корридорахъ или на террасѣ палаты, но всегда на нѣсколько минутъ и всегда среди толпы. Она не повторяла больше своего приглашенія; онъ догадывался, что она раскаивается, зачѣмъ звала его въ тотъ вечеръ, послѣ второго чтенія билля.

Іюль подходилъ къ концу. Пресловутый параграфъ о мастерскихъ дебатировался въ палатѣ уже 10 дней, и вся страна съ участіемъ слѣдила за преніями. Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ мѣсяца, Нэзби и лэди Маделена сидѣли вмѣстѣ въ углу

большой гостиной въ домѣ на Карльтонской террасѣ. Эта гостиная принадлежала миссисъ Аллисонъ. Она недѣли двѣ тому назадъ вернулась изъ Вильдгеймбада и пыталась собирать у себя общество ради своего сына. Въ своемъ черномъ платьѣ и своихъ кружевахъ она казалась болѣе нѣжной, но и болѣе недоступной чѣмъ когда-либо. Она со всѣми разговаривала, но глаза ея постоянно слѣдили за сыномъ или съ ожиданіемъ обращались на двери. Она имѣла больной, истомленный видъ и друзья ея чувствовали сильнѣйшее желаніе приласкать и успокоить ее. Но приласкать миссисъ Аллисонъ было не такъ-то легко.

— Замѣчаете, какъ наша хозяйка поджидаетъ Фонтеноя? — спросилъ Нэзби шепотомъ у лэди Маделены.

Маделена обратила къ нему свое удивленное лицо. Природа дала ей этотъ видъ испуганнаго звѣрька, полуоткрытый ротъ и широко открытые глаза, какъ у человѣка, который постоянно ожидаетъ услышать дурную новость. Сначала Нэзби это не нравилось и онъ пытался даже подсмѣиваться надъ нею, но очень скоро его смѣхъ смѣнился желаніемъ приласкать ее, очень скоро увидѣлъ онъ, какая нѣжная натура у этой дѣвушки, какъ золотисты ея волосы, какъ бѣла ея кожа.

— Она ждетъ извѣстій о голосованіи?

— Да, но не смотрите такъ тревожно. Она мужественно перенесетъ пораженіе; а они будутъ разбиты. У Фонтеноя мало шансовъ. Министерство побѣдитъ хоть небольшимъ большинствомъ.

— Какъ этотъ билль волнуетъ всѣхъ!

— Еще бы! Нельзя же такъ спокойно уничтожать цѣлыя отрасли промышленности! Максвель надѣлалъ шуму на всю страну!

— *Она* не можетъ дольше выдерживать этой борьбы,—грустнымъ голосомъ произнесла лэди Маделена.

Нэзби разсмѣялся.

— Почему же нѣтъ? Лэди Максвель создана для борьбы; она наслаждается ею. А вамъ развѣ не нравится борьба?

— Не знаю,—задумчиво отвѣчала дѣвушка.—Я не знаю, для чего я создана.

И изъ-за пушистаго вѣера большіе глаза ея обратились въ ту сторону, гдѣ мать ея, вся въ черныхъ перьяхъ, и бриллiантахъ, величественно возсѣдала рядомъ съ русскимъ посланникомъ Нэзби невольно посмотрѣлъ туда же. Онъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что въ послѣднее время лэди Кентъ стала какъ-то особенно любезна къ нему. Онъ молчалъ нѣсколько секундъ послѣ словъ лэди Маделены.

— Я боюсь, что обижу васъ, — спокойно сказалъ онъ наконецъ;—но мнѣ кажется,—вы созданы для того, чтобы носить бѣлый атласъ и жемчугъ, и чтобы быть такой, какая вы сегодня вечеромъ.

Молодая дѣвушка покраснѣла.

— Я знаю, что вы презираете женщинъ, — проговорила она, съ упрекомъ взглянувъ на него.

Во время своего горя и униженія она находила единственное утѣшеніе въ занятіи разными «дѣлами» и «вопросами», вообще въ стремленіи къ высшимъ идеаламъ, она старалась работать вмѣстѣ съ Марчеллой и понимать ее.

— Неужели я презираю женщинъ, если считаю, что онѣ должны вносить красоту и поэзію въ нашу жизнь! — вскричалъ онъ. — И замѣтьте, я ни въ чемъ не ограничиваю ихъ дѣятельность. Пусть онѣ будутъ членами совѣта въ графствахъ, инспекторами, королевами, чѣмъ хотятъ. Я очень покоренъ. Я подаю голосъ за нихъ. Я дѣлаю все, что мнѣ приказываютъ.

— Только вы не считаете, чтобы я была способна на что-нибудь полезное.

— Я думаю, что вы не способны быть политическимъ ораторомъ,—смѣясь, отвѣчалъ онъ, — даже и лэди Максвель на это не способна. Впрочемъ, она не идетъ въ счетъ. Женщина, которая хочетъ приносить пользу въ настоящее время,—а вы, женщины, пріобрѣли огромное вліяніе за послѣдніе годы, — должна сидѣть дома, носить красивыя платья и быть привлекательной настолько, чтобы люди, стоящіе во главѣ правленія, приходили и любовались ею.

— Лэди Максвель вовсе не сидитъ дома и не носитъ красивыя платья.

— Конечно, сидитъ и, конечно, носитъ!—вскричалъ Нэзби.— Она и меня поймала на эту удочку, хотя я не принадлежу къ людямъ, стоящимъ во главѣ правленія. Она меня на вѣчныя времена приковала къ своей колесницѣ. Ахъ, Анкотъ, какъ поживаете?

Онъ уступилъ свое мѣсто хозяину дома. Но, отходя прочь, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ про себя: «Хорошо, она нисколько не взволновалась».

Дѣйствительно, лэди Маделена приняла своего прежняго поклонника съ выраженіемъ холоднаго достоинства, которое странно было видѣть на ея хорошенькомъ робкомъ личикѣ.

— Вы только-что вернулись изъ Парижа?—равнодушно спросила она его.

— Да, я прожилъ тамъ дня два послѣ отъѣзда матери. Не очень интересно возвращаться сюда на здѣшнюю скуку.

— Видѣли вы новую пьесу во французскомъ театрѣ?

Онъ сдѣлалъ гримасу.

— Конечно, нѣтъ. Что за интересъ смотрѣть на эту vieux jeu. Въ одномъ изъ кафе-шантановъ была восхитительная женщина, но вы, можетъ быть, не ходите въ кафе-шантаны?

— Нѣтъ,—отвѣчала Маделена, спокойно смотря на него поверхъ своего вѣера,—я не хожу въ кафе-шантаны.

Анкотъ на минуту опѣшилъ, затѣмъ снова заговорилъ съ жаромъ:

— Эта женщина божественна! Потомъ въ Chat Noir, да, впрочемъ, вы, можетъ быть, не ходите въ Chat Noir?

— Нѣтъ, я не хожу въ Chat Noir.

Онъ помолчалъ съ минуту. Она не говорила ни слова.

— Въ сосѣдней комнатѣ лежатъ новыя французскія иллюстраціи. Но хотите ли посмотрѣть ихъ?

— Благодарю васъ. Мнѣ не хочется уходить отсюда,—холодно сказала она.

Онъ посидѣлъ около нея минуты двѣ и ушелъ.

Молодая дѣвушка вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ и инстинктивно повернула свою бѣлую шею, чтобы посмотрѣть, гдѣ Нэзби. Странное дѣло! Онъ въ другомъ углу комнаты тоже искалъ ее глазами. И черезъ минуту онъ уже направлялся къ ней.

— А, вотъ и Тресседи! Теперь мы узнаемъ всѣ новости!—воскликнулъ Нэзби.

Онъ сидѣлъ съ лэди Маделеной и, по странной случайности, они разсматривали тѣ самыя иллюстраціи, которыя она не захотѣла глядѣть съ Анкотомъ. Они поспѣшили въ большую гостиную, гдѣ нетерпѣливая толпа любопытныхъ уже окружала Тресседи.

— Большинство 18 голосовъ, — разсказывалъ Тресседи.—Соціалисты въ послѣднюю минуту подали голосъ за министерство, хотя раньше роптали и грозили такъ, что никто не зналъ ихъ намѣреній. 40 министерскихъ отпали; 20 отсутствовали, а старые либералы подавали голоса противъ министерства.

— О, они провалятся, непремѣнно провалятся при слѣдующей статьѣ,—говорилъ одинъ старый пэръ, лицо котораго выражало полнѣйшее удовольствіе.—И по дѣломъ! Максвель прямо добивается революціи. Это самый опасный человѣкъ. На видъ онъ совершенно умѣренный, но тѣмъ хуже! А скажите, пожалуйста, за что подалъ голосъ Слэдъ?

И, то тотъ, то другой осыпали Тресседи вопросами по поводу всѣхъ инцидентовъ засѣданія, по поводу подачи голоса того или другого члена; по поводу того, какъ держали себя министры, намѣрены ли они послѣ такой жалкой побѣды взять билль или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать коренныя измѣненія послѣдующихъ статей его. Почти всѣ гости, прямо или косвенно принадлежали къ числу политическихъ дѣятелей. Не болѣе трехъ человѣкъ могли бы связно передать содержаніе самого билля; но отцы, братья однихъ были заинтересованы въ томъ, чтобы онъ прошелъ, другихъ—въ томъ, чтобы онъ провалился. А въ Англіи ни одна игра не увлекаетъ большинства интеллигенціи такъ сильно, какъ политическая игра.

— Не понимаю, почему онъ имѣетъ такой взволнованный видъ,—сказалъ лордъ Казединъ на ухо Нэзби, указывая головой на Тресседи, блѣдное лицо котораго возвышалось надъ толпою.— На этотъ разъ онъ, кажется, подалъ голосъ какъ слѣдуетъ, но онъ очень ненадеженъ. Никогда нельзя знать, что можетъ сдѣлать такой человѣкъ. А, миледи, какъ ваше здоровье?

Онъ низко поклонился, и Незби, повернувшись, увидѣлъ, что къ нимъ подходитъ молодая лэди Тресседи.

— Неужели вы тоже говорите о политикѣ? — сказала Летти съ напускнымъ отвращеніемъ, протягивая руку Казедину и улыбаясь Нэзби.

— Теперь мы не будемъ ни о чемъ говорить, кромѣ вашего краснаго платья,—прошепталъ ей на ухо Казединъ.—Восхитительно!

— Развѣ оно вамъ нравится? — небрежно проговорила она.— Оно придаетъ мнѣ злой видъ, я знаю.—И она съ удовольствіемъ посмотрѣлась въ зеркало, которое показало ей ослѣпительно бѣлыя плечи, задрапированныя огненно-краснымъ шелкомъ.

— Развѣ вы хотите казаться добренькой?—сказалъ Казединъ, покручивая усы.—Для этого ума не нужно!

— Ахъ вы, циникъ! — засмѣялась она. — Пойдемъ, проведите меня туда. Достали вы мнѣ пригласительные билеты?

Казединъ послѣдовалъ за ней, непріятно улыбаясь своими толстыми губами, и они сѣли въ самый отдаленный уголъ, гдѣ не было толпы. Когда черезъ нѣсколько минутъ въ гостиную вошелъ Фонтеной, шумъ и общее движеніе, повидимому, нисколько не помѣшали ихъ разговору.

Миссисъ Аллисонъ, забывая свою обычную сдержанность, поспѣшила на встрѣчу предводителю оппозиціи.

— Великолѣпно!—сказала она взволнованнымъ голосомъ,—теперь побѣда за вами!

Онъ покачалъ головой и не соглашался принимать поздравленія отъ своихъ поклонниковъ и поклонницъ, спѣшившихъ пожать ему руку. Онъ съ нѣкоторой досадой говорилъ, что нечего торжествовать раньше времени, что онъ, съ своей стороны, ожидалъ большаго, и что министерство еще можетъ собрать свои силы при голосованіи слѣдующей статьи. Затѣмъ, охладивъ такимъ образомъ энтузіазмъ присутствующихъ, онъ отвелъ хозяйку нѣсколько въ сторону.

— Ну, а вы? счастливѣе ли вы?—спросилъ онъ у нея тихимъ голосомъ, и выраженіе лица его совершенно измѣнилось.

— О, милый другъ, не думайте обо мнѣ! — сказала она, протягивая ему въ знакъ благодарности свою тонкую руку.—Да, мой мальчикъ былъ очень добръ ко мнѣ; онъ почти все время проводилъ со мной. Но, конечно, никто не можетъ знать...

По ея блѣдному, исхудалому лицу пробѣжало выраженіе страданія. Фонтеной тоже нахмурился, отыскавъ глазами Анкота, который стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, въ театральной позѣ и декламировалъ Тресседи отрывки изъ новой пьесы.

— Я думаю, вамъ бы слѣдовало сблизиться съ Тресседи, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Онъ нравится Анкоту, можетъ быть, черезъ него вамъ удастся повліять на юношу.

Мать охотно согласилась съ нимъ.

— Говорятъ, вы находите, что на него нельзя вполнѣ положиться въ палатѣ?—съ улыбкой прибавила она.

Фонтеной пожалъ плечами.

— Лэди Максвель околдовала его. Это вы виноваты.

— Бѣдный Кэстль-Люттонъ! Научите меня, какъ поправить дѣло! Но вѣдь вы не думаете, что онъ можетъ измѣнить?

— Въ его голосѣ я увѣренъ. Слишкомъ глупо съ его стороны было бы измѣнить въ этомъ отношеніи. Но онъ потерялъ всякій интересъ къ дѣлу. Гардингъ Уаттонъ говорилъ мнѣ, что все это ея вліяніе. Она водила его по Эстъ-Энду, заставляла своихъ друзей показывать ему разныя разности.

— И вслѣдствіе этого вы настроены противъ женщинъ? Вы бы хотѣли чтобы онѣ не забывали своего мѣста.

Она посмотрѣла на него съ кроткимъ юморомъ. Все лицо Фонтеноя измѣнилось при этомъ намекѣ на ихъ собственныя отношенія. Морщины преждевременной старости и выраженіе утомленія на минуту исчезло съ лица его и замѣнилось чѣмъ-то молодымъ и страстнымъ:

— Нѣтъ, я беру горькое вмѣстѣ съ сладкимъ—сказалъ онъ, наклоняясь къ ней.—Пусть лэди Максвель дѣлаетъ что хочетъ, у насъ есть что противопоставить ея чарамъ.

Легкій румянецъ покрылъ ея морщинистыя щеки. Она была на пятнадцать лѣтъ старше его и разъ десять отвѣчала отказомъ на его сватовство; но ей было бы тяжело жить безъ его преданной любви и она дисциплинировала его настолько, что смѣло могла высказать ему это.

Полчаса спустя Джоржъ и Летти входили по лѣстницѣ другого богатаго дома, и наверху ея Летти привѣтствовала новою улыбкою новую хозяйку. Джоржъ, утомленный всѣми волненіями этого дня, съ трудомъ подавлялъ зѣвоту; но на его предложеніе вернуться домой Летти отвѣчала съ удивленіемъ и негодованіемъ; вѣдь они могли побывать еще, по крайней мѣрѣ, на четырехъ раутахъ!

И вотъ они очутились въ домѣ одного извѣстнаго банкира; Джоржъ проходилъ рядъ комнатъ, слѣдуя за женой, принимая сравнительно слабое участіе въ политической болтовнѣ, раздававшейся вокругъ него, и думалъ все время о томъ короткомъ разговорѣ, какой у него былъ съ миссисъ Аллисонъ при выходѣ изъ ея гостиной. Бѣдная женщина! Что онъ могъ сдѣлать для нея? Сынъ ея болѣе чѣмъ когда-нибудь помѣшанъ на театрѣ; онъ ни о чемъ другомъ не можетъ говорить, да и о театрѣ-то не говоритъ разумно.

Но если его утомила политика, то все остальное общество не могло говорить ни о чемъ другомъ. Комнаты были наполнены политическими дѣятелями и ихъ женами, членами парламента только что вернувшимися изъ палаты, министрами, улыбавшимися и подмигивавшими другъ другу, точно школьники, избѣжавшіе наказанія. Буря голосовъ проносилась по комнатамъ, говорили о судьбахъ министерства, о волненіи въ странѣ, о карьерѣ того или другого государственнаго человѣка. Среди толпы гостей прохаживался самъ хозяинъ, маленькій человѣчекъ съ усталыми глазами и блѣднымъ лицомъ финансиста; онъ переходилъ отъ одной группы къ другой, передавалъ разныя сплетни, касающіяся голосованія въ палатѣ, и подводилъ вновь прибывавшихъ къ своей хорошенькой, изящно одѣтой женѣ.

Среди толпы, Джоржъ наткнулся на лэди Ливенъ, которая весело разговаривала съ молодымъ Байлемъ, но не прочь была бросить его и поболтать съ Тресседи.

— Мы всѣ ждемъ Максвелей,—сказала она ему.—Какъ вы думаете, пріѣдутъ они?

— Да отчего нѣтъ?

— Развѣ люди выставляютъ на показъ свою неудачу. Я бы на ея мѣстѣ сидѣла дома.

— Что же, имъ надобно ободрить своихъ друзей.

— Это ни къ чему,—проговорила Бетти,—они и безъ того боролись довольно смѣло.

— И могутъ въ концѣ-концовъ побѣдить,—сказалъ Джоржъ, и въ глазахъ его вспыхнулъ странный огонь.—Никто не знаетъ, что будетъ, увѣряю васъ.

— А вамъ, мнѣ кажется, все равно!—замѣтила она, потряхивая своей золотистой головкой.

— Почему вамъ это кажется?

— О, вы, повидимому, нисколько не волнуетесь,—отвѣчала она холодно.—Можетъ быть, вы похожи на Франка: вы думаете, что и противная сторона высказала не мало дѣльнаго. Франкъ сказалъ мнѣ вчера: «Если Даусонъ скажетъ еще одну рѣчь, я перейду въ оппозицію». Говорить такъ объ одномъ изъ предводителей своей партіи! Ахъ, мнѣ придется устранить его отъ политики!

И она распустила свой вѣеръ съ рѣшительнымъ видомъ. Вдругъ улыбка озарила лицо ея; она приподнялась на цыпочки.

— А, браво!—вскричала она.—Они идутъ!

Джоржъ обернулся вмѣстѣ съ толпой и видѣлъ, какъ они вошли; впереди шла Марчелла, вся сіяя брилліантами, сзади нея виднѣлось спокойное лицо и плечистая фигура ея мужа.

Они проходили сквозь толпу, отвѣчая на привѣтствія друзей и враговъ, подъ критическимъ взглядомъ сотни устремленныхъ на нихъ глазъ, и ему казалось, что невозможно было лучше держать себя. Въ ихъ обращеніи не было ничего вызывающаго, никакой попытки скрыть огорченія, которое должно было причинить имъ такое угрожающее и до нѣкоторой степени оскорбительное дѣленіе голосовъ. Лицо Максвелля потемнѣло отъ усталости и безсонныхъ ночей, черные глаза Марчеллы ласково останавливались на лицахъ друзей и никогда не казались болѣе живыми и выразительными. Ихъ дѣлу грозила опасность; тѣмъ не менѣе, они производили на Тресседи впечатлѣніе двухъ человѣкъ, сознающихъ себя во власти силъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ они сами, силъ, которыя должны побѣдить, какова бы ни была судьба ничтожныхъ, смертныхъ дѣятелей.

Джоржъ думалъ, что ему не удастся поговорить съ нею. Но онъ скоро замѣтилъ, что она увидѣла его съ другого конца комнаты и кланяется ему; волей-неволей ему пришлось подойти къ ней.

Она дружески поздоровалась съ нимъ и не сказала ни слова упрека за то, что онъ нѣсколько недѣль не былъ у нея. У нихъ

завязался разговоръ по поводу рѣчей, сказанныхъ въ этотъ вечеръ. Джоржъ замѣтилъ, что она, или, лучше сказать, Максвель, мысли котораго она передавала, былъ недоволенъ тѣмъ, какъ Даусонъ проводилъ билль въ палатѣ, недоволенъ, что, по общепринятому парламентскому обычаю, министру внутреннихъ дѣлъ приходилось предоставить такую видную роль въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, она не сказала ничего обиднаго для министра; въ ея словахъ не было и горечи противъ тѣхъ коварныхъ друзей, которые подали голосъ противъ билля. Она возлагала большія надежды на рѣчи, которыя Максвель намѣревался произнести на сѣверѣ и, затѣмъ обратилась къ своему собесѣднику съ вопросомъ:

— Вы ничего не говорили послѣ второго чтенія, по крайней мѣрѣ, относительно главныхъ спорныхъ пунктовъ. Мнѣ часто очень хотѣлось знать, что вы о нихъ думаете?

Джоржъ прислонился головой къ стѣнѣ сзади нея и отвѣтилъ не сразу.

— Можетъ быть, я часто и самъ не зналъ, что я думаю,— отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Она вздрогнула и слегка покраснѣла.

— Не значитъ ли это,—сказала она и остановилась, какъ бы подыскивая слова,—не значитъ ли это, что вы перемѣнили свое мнѣніе по поводу главнаго вопроса?

— Нѣтъ,—спокойно отвѣчалъ онъ,—нѣтъ, я думаю и теперь, какъ думалъ прежде, что вы хотите путемъ закона устроить то, въ чемъ законъ безсиленъ. Но я, быть можетъ, лучше оцѣнилъ ваши побудительныя причины. Теперь мнѣ представляется труднымъ уничтожить планъ, выдвигаемый вашею партіей путемъ простой «non possumus». Приходится немножко пріостановить ходъ машины и пообдумать. Это я допускаю.

Она отвѣтила на его улыбку какимъ-то страннымъ, робкимъ взглядомъ. Онъ инстинктивно догадался, что эта частичная побѣда надъ нимъ ея убѣжденій, убѣжденій Максвеля, затронула въ ней какое-то внутреннее чувство.

— Если бы вы только знали,—сказала она,—какъ весь этотъ парламентскій шумъ и суета кажутся мнѣ мало значущими! Со мной говорятъ о статьяхъ билля и о голосованіяхъ, а я все время думаю о разныхъ знакомыхъ мнѣ личностяхъ, о личикахъ дѣтей, о больныхъ, объ отвратительныхъ комнатахъ.

Она отвернула лицо отъ толпы къ открытому окну, около котораго они стояли. Они были въ сравнительномъ уединеніи и онъ старался вызвать ее на разговоръ, старался дать ей нѣсколько минутъ отдыха, утѣшить ее хоть немного въ ея разочарованіяхъ. Ему хотѣлось продолжить до безконечности эти минуты; онъ вы-

сказывалъ ей все больше и больше симпатіи, чтобы заставить ее говорить, чтобы удержать около себя это плѣнительное созданіе. И ко всему этому примѣшивалось радостное сознаніе, что ей пріятно быть съ нимъ; что среди всей этой разнохарактерной толпы она отличаетъ его какъ друга, вѣрность котораго растетъ вмѣстѣ съ несчастіемъ. Что касается безчеловѣчно жестокаго свѣта, который осмѣливается возставать противъ нея и насмѣхаться надъ ней, онъ начиналъ думать о немъ со слѣпою, яростною ненавистью, съ желаніемъ биться за нее и побѣдить, уничтожить...

— Тресседи, ваша жена прислала меня за вами. Она хочетъ ѣхать домой.

Это былъ голосъ Гардинга Уаттона. Этотъ наблюдательный молодой человѣкъ подходилъ съ поклономъ, протягивая руку лэди Максвель.

Когда Марчелла исчезла среди толпы, Джоржъ очутился лицомъ къ лицу съ Летти. Она была очень блѣдна и смотрѣла на него широко раскрытыми, гнѣвными глазами.

По дорогѣ домой, Джоржъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ избѣжать ссоры. Летти наговорила ему массу горькихъ, оскорбительныхъ вещей, которыя ему было очень тяжело слушать.

— Чего ты отъ меня хочешь?—спросилъ онъ, наконецъ, нетерпѣливо.—Послѣ митинга и до сегодняшняго вечера я едва сказалъ нѣсколько словъ съ лэди Максвель, чтобы только не сердить тебя. Но ни ты, и никто на свѣтѣ не заставитъ меня быть невѣжливымъ къ ней. Не будь такъ глупа, Летти! Постарайся сойтись съ ней, и тебѣ самой станетъ стыдно, что ты можешь не только говорить, а даже думать подобныя вещи.

Въ отвѣтъ на эти слова, Летти разразилась истерическими рыданіями; онъ вынужденъ былъ просить прощенія, произносить всѣ тѣ непослѣдовательныя фразы, которыя обыкновенно говорятъ мужчины при такихъ обстоятельствахъ. Она успокоилась и они помирились, хотя оба были мрачны. Джоржъ остался подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, что онъ мало знаетъ свою жену. Она никогда не прощаетъ ни одной обиды. Что же предприметъ она? что она намѣрена дѣлать?

XVII.

— Э! вы уже возвратились!

Джоржъ Тресседи выходилъ изъ дверей своего клуба въ Пэль-Мель, какъ вдругъ Нэзби, только что отпустившій свой экипажъ, остановилъ его за руку.

— Я вернулся вчера, вечеромъ. Вы идете домой? Пройдемъ вмѣстѣ по скверу.

Они повернули въ Ст.-Джемсъ-скверъ, и Нэзби сказалъ:

— Да, мы очень хорошо съѣздили. Максвель говорилъ лучше, чѣмъ когда-нибудь. Митинги собирались великолѣпные! Теперь сѣверъ стоитъ за Максвеля и за билль, по крайней мѣрѣ насколько можно судить по наружности.

— Въ то самое время, когда мы собираемся нанести ему рѣшительный ударъ въ палатѣ! Это очень ловко! Мѣсяцъ тому назадъ, нельзя было предвидѣть, какъ будутъ держать себя большіе города; казалось даже, что Лондонъ стоитъ противъ министерства.

— Общественное мнѣніе, все равно, что волна. Во всякомъ случаѣ, вы въ своихъ интересахъ должны бы спѣшить закончить пренія,—съ улыбкой сказалъ Нэзби.—Провинція противъ васъ.

— Фонтеной не упускаетъ ее изъ виду. Онъ до сихъ поръ давалъ соціалистамъ говорить разныя нелѣпости, чтобы запугать солидныхъ старичковъ противной стороны или возбудить энергію нашихъ. Вчера я замѣтилъ, что онъ мѣняетъ тактику.

— Между нами сказать, развѣ самъ онъ не наговорилъ массу нелѣпостей?

Нэзби посмотрѣлъ на своего собесѣдника вопросительно и съ усмѣшкой. Джоржъ молча пожалъ плечами. Въ послѣдніе дни всѣ замѣтили, что борьба начала утомлять Фонтеноя, что его рѣчи становятся какими-то истеричными, его обращеніе деспотическимъ. Самые преданные сторонники его теперь, часто разговаривая между собой, роптали на его поведеніе въ палатѣ. Онъ раза два имѣлъ непріятныя столкновенія со спикеромъ и позволилъ себѣ нѣкоторыя безтактности, указывавшія на отсутствіе самообладанія.

— Значитъ, Максвель ѣздилъ на сѣверъ не одинъ?—спросилъ Джоржъ, заминая разговоръ о Фонтеноѣ.

— Нѣтъ, съ нимъ была, конечно, лэди Максвель, потомъ я, Беннетъ и Маделена Пенлей. Какъ пріятно было смотрѣть на лэди Максвель! Послѣднее время въ Лондонѣ она была въ очень угнетенномъ состояніи. Но митинги рабочихъ союзовъ въ Ланкашейрѣ и Іоркшейрѣ были такіе удачные, что могли всякаго ободрить.

Джоржъ покачалъ головой.

— Они явились слишкомъ поздно. Имъ не спасти билль.

— Пожалуй, что такъ. Но знаете, мнѣ ее ужасно жаль. Она совсѣмъ извелась изъ-за этого билля. Глядя на нее, невольно ду-

мается, что женщинамъ не слѣдуетъ заниматься политикой. Максвель гораздо спокойнѣе приметъ пораженіе, хотя, конечно, его внѣшняя холодность обманчива. Но она, я не удивлюсь, если она серьезно заболѣетъ.

Джоржъ ничего не отвѣчалъ. Нэзби поговорилъ еще нѣсколько времени о Максвеляхъ, разсказывая разныя подробности поѣздки на сѣверъ; затѣмъ на углу Королевской улицы остановился.

— Ну, мнѣ надобно зайти въ клубъ. Кстати, не слышали ли вы, что подѣлываетъ Анкотъ?—Джоржъ сдѣлалъ гримасу.

— Я встрѣтилъ его вчера на улицѣ; онъ ѣхалъ съ какой-то дамой, вѣроятно, съ той.

Нэзби, такъ же какъ и Фонтеной, разсчитывалъ, что Тресседи въ качествѣ новаго друга можетъ имѣть вліяніе на молодого человѣка, который не слушаетъ ни матери, ни старыхъ друзей. Тресседи съ нѣкоторой досадой объявилъ, что считаетъ всѣ подобные разсчеты нелѣпостью.

— Тѣмъ не менѣе, эта исторія его погубитъ,—отвѣчалъ Нэзби,—а мать его не переживетъ этого. Мнѣ очень жаль ее. Онъ, кажется, очень уважаетъ васъ, вамъ бы слѣдовало попытаться навести его на путь истинный.

Джоржъ снова отрицательно покачалъ головой, и они разстались.

Теперь, идя домой къ обѣду, онъ съ досадой прогонялъ отъ себя мысль о немъ; собственное нравственное состояніе занимало его гораздо больше. Видъ и составъ политической сцены измѣнялись на его глазахъ какимъ-то волшебнымъ, таинственнымъ способомъ—и для него всѣ эти измѣненія сосредоточивались вокругъ одного лица, одной фигуры.

Вѣрилъ ли онъ, что билль можетъ пройти? Онъ и самъ не зналъ. На самомъ дѣлѣ имъ руководилъ вовсе не разумъ. Онъ просто чувствовалъ какое то страстное, мальчишеское желаніе освободиться отъ непріятной обязанности бороться противъ Марчеллы Максвель и наносить ей пораженіе. Длинный рядъ политическихъ преній ослабилъ тотъ легковѣсный шовинизмъ, который заставилъ его примкнуть къ партіи Фонтеноя. По дорогѣ домой онъ съ полнымъ безпристрастіемъ обсуждалъ политическое положеніе.

Онъ уже замѣтилъ въ рядахъ оппозиціи тотъ упадокъ энергіи, который онъ раньше предсказывалъ Фонтеною. Рѣшительное слово принадлежало, какъ ему казалось, партіи старыхъ либераловъ, которые въ настоящее время обвиняли консервативное министерство за то, что оно дѣлаетъ новыя вредныя уступки соціалистамъ. Эти люди зорко слѣдили за общественнымъ мнѣніемъ

страны; они все время утверждали, что страна еще не высказалась. Въ послѣднее время Джоржъ замѣтилъ колебаніе среди нихъ. А теперь эта поѣздка Максвеля, восторженный пріемъ, оказанный ему промышленными округами Сѣвера, не останутся безъ вліянія на нихъ.

Онъ шелъ, мысленно перебирая всѣ обстоятельства дѣла. Улицы были пусты, какъ сцена, съ которой ушли актеры. Стояла половина августа и лондонское «общество» оставило городъ. Джоржу было пріятно думать, что не придется обѣдать наединѣ съ Летти. Къ нему собиралось придти нѣсколько парламентскихъ членовъ, прикованныхъ, подобно ему, къ этому Вестъ-Энду, который покрылъ чехлами свою мебель и закрылъ свои ставни.

Сколько приглашеній сыпалось на нихъ въ послѣднія недѣли сезона, сколько приглашеній на осень въ разныя помѣстья получили они! Джоржъ часто удивлялся тому, какъ расширился кругъ ихъ знакомствъ за послѣднее время. Очевидно, Летти имѣла большой успѣхъ, — думалось ему, но все-таки ему странно было видѣть вниманіе со стороны разныхъ важныхъ лицъ, которыя совсѣмъ не знали ихъ въ первое время послѣ свадьбы. Это вниманіе относилось больше къ Летти, чѣмъ къ нему, такъ какъ онъ отдавалъ много времени парламенту и она, по большей части, выѣзжала одна, что, повидимому, очень нравилось ей.

— Пойдемъ со мной на террасу, — говорила Марчелла Бетти Ливенъ.—Я не могу ждать здѣсь. Альдусъ, пожалуйста, проведи насъ.

Она стояла вмѣстѣ съ Бетти въ корридорѣ палаты общинъ. Началось голосованіе и публика была удалена съ галлерей. Члены спѣшили въ залу изъ библіотеки, съ террасы, изъ курительныхъ комнатъ. Вокругъ шумѣла толпа, одна половина которой предвкушала побѣду, другая боялась пораженія.

Максвель провелъ дамъ на террасу, а самъ вернулся въ палату. Марчелла сѣла около перилъ и разсѣянно глядѣла на рѣку и на покрытое тучами небо. Нѣсколько группъ и отдѣльныхъ фигуръ сидѣли и ходили по террасѣ въ такомъ же ожиданіи, какъ онѣ.

— Вы будете очень огорчены въ случаѣ неудачи?—тихо спросила Бетти, пожимая руку пріятельницы.

— Очень,—отвѣчала Марчелла.—Это будетъ особенно тяжело послѣ нашей поѣздки на сѣверъ. Тогда, значитъ, мы опоздали.

Онѣ замолчали.

— Франкъ не отступитъ, — проговорила Бетти не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ.

Марчелла улыбнулась. Она знала, что маленькая Бетти очень безпокоилась о настроеніи своего Франка въ послѣднее время и даже серьезно боялась, чтобы онъ не измѣнилъ Максвелю и биллю. Марчелла не думала этого. Франкъ Ливенъ не былъ способенъ устроить скандалъ и измѣнить предводителю своей партіи. Но честолюбіе Бетти заставило его вести жизнь, къ которой онъ не былъ склоненъ, оторвало его отъ полей и луговъ, отъ деревни, отъ обязанностей и удовольствій сельскаго джентльмена. Городская жизнь, горячая парламентская дѣятельность, борьба честолюбій,—все это было не по немъ, здѣсь онъ терялъ и время, и способности. Марчелла намѣревалась въ свое время объяснить все это пріятельницѣ, теперь же она могла только молча прислушиваться ко всякому звуку.

— Они идутъ!—вскричала Бетти.

Всѣ повернули головы къ открытымъ дверямъ комнатъ. Шумъ шаговъ и голосовъ приближался, многіе изъ бывшихъ на террасѣ поспѣшили на встрѣчу входившимъ.

— Едва прошло! Господи, какая кутерьма!—произнесъ чей-то голосъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, и въ ту же минуту Максвель дотронулся до плеча жены.

— Большинство десяти! До послѣдней минуты никто не зналъ чѣмъ кончится.

Она подняла къ нему голову.

— Это, конечно, значитъ, что мы не удержимся?

Онъ нагнулся къ ней.

— Я то же думаю. Дорогая моя, не принимай этого такъ близко къ сердцу.

Въ темнотѣ онъ почувствовалъ, что ея губы коснулись его руки. Затѣмъ она встала, блѣдная и улыбающаяся на встрѣчу многочисленнымъ друзьямъ, которые подходили поздороваться съ ней и принести ей свои нерадостныя поздравленія.

Вскорѣ терраса наполнилась толпой, которая обсуждала разные инциденты голосованія. Лампы, слегка задуваемыя вѣтромъ, бросали невѣрный свѣтъ на лица и фигуры, и Марчелла съ трудомъ разбирала, съ кѣмъ говоритъ, что говоритъ, пока та или другая личность не привлекали ея особеннаго вниманія. Вотъ къ ней подошелъ Доусонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своимъ землисто-сѣрымъ, бритымъ лицомъ, тяжелыми вѣками и холоднымъ нерѣшительнымъ взглядомъ человѣка, который не знаетъ, какъ его примутъ. Онъ долго былъ союзникомъ Максвеля. Марчелла считала

его вѣрнымъ другомъ. Но при проведеніи билля онъ не разъ обнаруживалъ стремленіе обезопасить себѣ отступленіе, нежеланіе рисковать собственнымъ положеніемъ ради сомнительнаго исхода. Она заговорила съ нимъ сдержаннымъ тономъ, тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ бывшіе друзья, когда предвидятъ, что имъ придется въ скоромъ времени стать противниками.

Потомъ прошелъ Фонтеной; онъ шелъ съ какимъ-то молоденькимъ аристократомъ, который не могъ удержаться отъ полуулыбки, проходя мимо Максвелей. Фонтеной церемонно поклонился, и, прежде чѣмъ онъ исчезъ въ толпѣ, Марчеллу поразило выраженіе страстной энергіи въ его лицѣ. Проходя мимо нея, онъ опустилъ глаза. Изъ любезности къ *женщинѣ*, онъ постарался не дать ей прочесть торжества въ своемъ взглядѣ.

Послѣ него около нея появилось другое лице, худощавое, съ тонкими чертами, и къ ней протянулась рука. Она сама удивилась тому удовольствію, какое вдругъ ощутила.

— Скажите мнѣ,—быстро спросила она,—скажите, это больше, чѣмъ вы ожидали?

Они повернулись къ рѣкѣ. Джоржъ облокотился на балюстраду рядомъ съ ней.

— Да, я думалъ, что будетъ около двадцати голосовъ.

— Навѣрно лордъ Фонтеной считаетъ теперь свое дѣло выигранымъ?

— Да, пожалуй, хотя конецъ еще неизвѣстенъ.

— Но что же можетъ измѣнить дѣло? Всего печальнѣе для насъ то, что если бы страна раньше высказала свое мнѣніе, все было бы иначе. А теперь палата...

— Отбилась отъ рукъ? Это возможно; но я нахожу, что на многихъ произвели впечатлѣніе рѣчи лорда Максвеля на сѣверѣ и пріемъ, оказанный ему тамъ. Сегодняшній результатъ былъ неизбѣженъ; но, если я не ошибаюсь, мы скоро увидимъ много новыхъ комбинацій.

Выразительное лицо ея оживилось. Она стала предлагать ему вопросы. Онъ сначала колебался. То, что онъ дѣлалъ, было уже измѣной, но колебаніе его было непродолжительно. Они стали обсуждать шансы побѣды и настроеніе разныхъ лицъ, и, когда Максвель освободился, наконецъ, отъ своихъ собственныхъ собесѣдниковъ и напомнилъ женѣ, что пора идти домой, она повернула къ нему такое оживленное лицо, что онъ былъ удивленъ. Онъ дружески поклонился Тресседи, затѣмъ, какъ будто вспомнивъ что-то, отвелъ молодого человѣка въ сторону.

— Навѣрно объ Анкотѣ,—подумалъ Тресседи.

И дѣйствительно, Максвель заговорилъ объ Анкотѣ и безъ всякихъ предисловій спросилъ, какъ думаетъ Тресседи, опять-ли онъ продолжаетъ прежнюю исторію?

Джоржъ отвѣчалъ утвердительно.

— Если бы вы могли что-нибудь сдѣлать для насъ...

— Право, я ничего не могу. Вы сами знаете, что Анкотъ не станетъ сидѣть смирно и позволять читать себѣ нотаціи.

Ихъ разговоръ продолжался минуты двѣ; но когда Максвели ушли, Джоржъ оставался подъ впечатлѣніемъ силы и великодушія этого человѣка. Слушая съ какимъ чувствомъ и интересомъ, онъ разсуждаетъ о совершенно постороннемъ для него дѣлѣ, никто не догадался бы, что онъ только-что вышелъ изъ горячаго политическаго боя, отъ котораго зависѣла его собственная судьба. Тресседи привыкъ останавливаться мыслью на болѣе тяжелыхъ сторонахъ характера Максвеля. Въ этотъ вечеръ онъ не безъ гнѣва долженъ былъ сознаться самому себѣ, что она вполнѣ естественно можетъ любить его.

Она! Воспоминаніе о томъ, какъ она вся просіяла, когда онъ изложилъ ей свои предположенія насчетъ будущаго; милая довѣрчивость, какую она ему выказывала; дружескій тонъ, который установился между ними; деликатное умолчаніе о всемъ, что касается его личнаго положенія и безмолвное признаніе этого положенія,—все это наполняло его самыми сладкими ощущеніями. Во всѣхъ отношеніяхъ, въ политическомъ, общественномъ и нравственномъ, умственный горизонтъ его прояснился и расширился. Циничный, равнодушный темпераментъ отличавшій его въ юности, исчезалъ, онъ становился болѣе отзывчивымъ, болѣе понимающимъ, болѣе нѣжнымъ. Но за то какая горечь, какая тревога наполняли душу его въ промежуткахъ между этими короткими просвѣтами счастья.

Черезъ недѣлю должно было происходить голосованіе послѣдней статьи билля. Вся эта недѣля была, какъ и предчувствовалъ Тресседи, наполнена новыми перестановками и комбинаціями партій. Въ Стеннеѣ былъ выбранъ депутатъ изъ министерской партіи и въ другихъ отношеніяхъ результаты сѣверныхъ рѣчей уже сказывались. Ходили слухи, что образуются синдикаты, чтобы смутить множество еврейскихъ и христіянскихъ мастерскихъ въ Эстъ-Эндѣ, что на новыхъ фабрикахъ будетъ увеличена заработная плата и уменьшены рабочіе часы; эти слухи склоняли на сторону министерства рабочихъ, которые первоначально были враждебны ему.

Тѣмъ не менѣе, настроеніе палаты не измѣнялось, не смотря на перемѣну въ общественномъ мнѣніи. Соціалистическіе члены

парламента воспользовались предложеніемъ сдѣлать домовладѣльцевъ отвѣтственными за нарушеніе закона, для общихъ горячихъ нападокъ на всѣхъ домовладѣльцевъ Лондона. Ихъ колкія выходки поддерживали тотъ страхъ, благодаря которому министерство уже потеряло нѣсколько человѣкъ. Но старые либералы, или, лучше сказать, новые виги не успокаивались. Они чутко прислушивались къ настроенію страны и не питали особаго расположенія къ домовладѣльцамъ, какъ таковымъ. Если бы нашелся человѣкъ, который сдѣлалъ бы первый шагъ, они, вѣроятно, скоро разстроили бы комбинацію Фонтеноя. Фонтеной чувствовалъ это и бродилъ среди нихъ точно сатана, убѣждая ихъ докончить свое дѣло, нанести послѣдній ударъ.

Въ пятницу должно было, по мнѣнію Джоржа, произойти послѣднее голосованіе, а въ среду онъ пришелъ къ себѣ домой около шести часовъ вечера, довольный тѣмъ, что ему можно провести спокойный вечеръ, послѣ цѣлаго дня разговоровъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ залѣ и корридорахъ палаты.

Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ увидѣлъ на полу какое-то письмо. Онъ поднялъ его и началъ читать, сначала не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ.

«Дорогая лэди. Приглашеніе въ Чатсвортъ невозможно добыть. Я очень искусно закидывалъ удочку, но нѣтъ, должно быть, мое вліяніе безсильно. За то у меня есть много другихъ проектовъ. Насколько это зависитъ отъ меня, вы проведете осень очень весело. Между прочимъ, я могу доставить вамъ нѣсколько приглашеній въ Шотландію, и мнѣ будетъ очень пріятно познакомить васъ съ тамошнею мѣстностью. Кстати, надѣюсь, что вашъ мужъ порядочно стрѣляетъ. Тамошнее общество очень взыскательно. Вы хорошо сдѣлаете, если станете совѣтоваться со мной относительно своихъ туалетовъ, я по этой части спеціалистъ! Я пріѣду къ вамъ завтра, отправивъ семью въ деревню. Не понимаю, для чего это Богъ создалъ семьи!—Преданный вамъ Казединъ».

— Джоржъ, это ты?—раздался полусердитый, полуиспуганный голосъ Летти подлѣ него.—И... и... это мое письмо. Пожалуйста, отдай мнѣ его сейчасъ же.

Онъ при ней дочиталъ письмо и затѣмъ передалъ его ей съ церемонною вѣжливостью. Они вошли вмѣстѣ въ гостиную, и Джоржъ заперъ за собою дверь. Онъ былъ очень блѣденъ, Летти слегка дрожала.

— Оказывается, что Казединъ вводилъ насъ въ общество,—сказалъ онъ,—и давалъ тебѣ совѣты по части туалетовъ. Какъ ты думаешь, было ли это... необходимо?

— Онъ не дѣлалъ ничего особеннаго,—сердито отвѣчала она,—ты никогда не стараешься доставить мнѣ удовольствіе; когда я хочу повеселиться, мнѣ приходится обращаться къ помощи другихъ, вотъ и все.

— А тебѣ никогда не приходило въ голову, что ты такимъ образомъ принимаешь одолженіе отъ человѣка, который мнѣ не нравится, противъ котораго я тебя предостерегалъ и который всюду пользуется дурной репутаціей? Ты думаешь, мнѣ можетъ быть пріятно, я могу вынести, чтобы меня приглашали изъ милости, ради тебя, и то если я «порядочно стрѣляю».

Онъ говорилъ гнѣвнымъ тономъ и смотрѣлъ на нее съ вызывающимъ видомъ.

— Все это пустяки!—быстро заговорила она.—Онъ не былъ бы невѣжливъ относительно тебя, если бы ты самъ не обращался съ нимъ невѣжливо.

— Невѣжливо съ нимъ?—Онъ усмѣхнулся. — Но мнѣ надобно все знать. Билеты въ Кларансъ-гоусъ и приглашенія въ Гудвудъ досталъ намъ Казединъ?

Летти ничего не отвѣчала. Она глядѣла на него сердитыми глазами и играла лентами своего голубого платья.

Джоржъ покраснѣлъ. Его гордость была оскорблена.

— Во всякомъ случаѣ, прошу тебя написать и сказать лорду Казедину, что мы не желаемъ больше безпокоить его. Я не поѣду осенью ни въ одинъ изъ этихъ домовъ, пока не буду увѣренъ, что приглашеніе прислано безъ его вмѣшательства.

— Я уже приняла приглашенія, — отвѣчала Летти, тяжело дыша.

— Я въ этомъ не виноватъ. Ты должна была сказать мнѣ. Я не стану дѣлать то, что оскорбляетъ мое самоуваженіе.

— Конечно, ты лучше будешь заводить любовныя интриги съ леди Максвель.

Онъ нѣсколько секундъ молча глядѣлъ на ея поблѣднѣвшія щеки и гнѣвные глаза. Затѣмъ онъ сказалъ, перемѣнивъ тонъ:

— Летти, неужели тебѣ никогда не приходитъ въ голову, что послѣ нашей свадьбы прошло всего 5 мѣсяцевъ? Неужели наши отношенія навсегда останутся такими? Мнѣ кажется, мы могли бы исправить ихъ.

— Это тебѣ такъ кажется! Что касается приглашеній, я ихъ приняла, и я поѣду.

— Не думаю, чтобы ты это сдѣлала. Ты сама увидишь, что это неприлично. Во всякомъ случаѣ, надобно написать Казедину.

— Я не стану писать ему!—вскричала она.

— Въ такомъ случаѣ, я самъ напишу.

Она встала, дрожа отъ гнѣва и держась за ручку кресла.

— Если ты это сдѣлаешь, я найду, чѣмъ отмстить тебѣ. О, какая я несчастная, зачѣмъ я за тебя вышла!

Глаза ихъ встрѣтились; затѣмъ онъ сказалъ:

— Я думаю, мнѣ лучше идти обѣдать въ клубъ. Мы не можемъ быть вмѣстѣ.

— Поди, ради Бога, уходи!—отвѣчала она съ презрительнымъ жестомъ.

Выйдя за дверь, онъ съ минуту постоялъ, опустивъ голову, ломая руки. Вдругъ выраженіе страстнаго желанія пробѣжало по его молодому лицу.

— Сегодня ея вечеръ, — сказалъ онъ самому себѣ. — Летти выгоняетъ меня, я пойду къ ней.

Между тѣмъ, Летти стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ, пока не услышала шумъ запирающейся входной двери. Этотъ знакомый звукъ проникъ ей въ самое сердце. Она начала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и плакать отъ злости.

Время шло; вечеръ приходилъ къ концу, а въ этомъ, всѣми покинутомъ, Лондонѣ никто не шелъ къ ней. Она пообѣдала одна и затѣмъ провела нѣсколько безконечныхъ часовъ, прохаживаясь по гостиной и раздумывая. Почему она несчастна, это необъяснимо, нестерпимо! Что мучитъ ее такъ сильно? Ненависть къ Марчеллѣ Максвель или сожалѣніе о томъ, что она потеряла мужа? Но когда она выходила замужъ, она вовсе не воображала, что любитъ его. Тогда она въ десять разъ меньше думала о немъ, чѣмъ въ эти послѣднія шесть недѣль. Все время, пока она кокетничала съ Казединомъ и ставила себя въ зависимость отъ него, требуя себѣ разныхъ услугъ, все время, — теперь она съ удивленіемъ сознала это, — она думала постоянно о Джоржѣ, она надѣялась произвести на него впечатлѣніе своими успѣхами въ свѣтѣ, заставить его восхищаться ею, думать о ней.

Казединъ? Находила ли она его дѣйствительно привлекательнымъ? Нѣтъ, заигрывая съ нимъ, заставляя его исполнять свои порученія, она скорѣе, можно сказать, боялась его; она знала, что онъ былъ грубъ и требователенъ. Когда она сравнивала его съ Джоржемъ, — даже съ Джоржемъ, какимъ онъ былъ во время ихъ послѣдней отвратительной сцены,—она чувствовала, какъ къ глазамъ ея подступаютъ слезы досады и отчаянія.

Но отказаться отъ него по одному слову Джоржа, покориться въ вопросѣ о приглашеніяхъ, позволить Джоржу командовать надъ собою въ то время, какъ все его вниманіе, всѣ лучшія чув-

ства души его принадлежатъ лэди Максвель, — она задыхалась при одной мысли объ этомъ! Никогда! Никогда! Она придумаетъ, она уже придумала превосходный способъ отмстить.

Джоржъ вернулся домой поздно ночью. Она заперла свою дверь, и онъ легъ спать въ уборной. Когда все въ домѣ затихло, она спрятала лицо въ подушку и плакала до тѣхъ поръ, пока сама стала удивляться своему горю и сердиться на себя.

Когда Тресседи вошелъ въ домъ на Миль-Эндъ-Родѣ, онъ нашелъ красивую большую комнату, гдѣ происходили собранія Марчеллы, наполненною гостями. Эстъ-Эндъ не уѣзжалъ изъ Лондона.

Первый человѣкъ, котораго онъ увидѣлъ, былъ старикъ, говорившій на митингѣ; онъ сидѣлъ на кончикѣ большого кресла, и осматривалъ комнату несмѣлымъ, наблюдательнымъ взглядомъ. Около него стояла группа молодыхъ польскихъ еврейчиковъ, разговаривавшихъ съ Марчеллой черезъ переводчика; дальше Эдвардъ Уаттонъ и серьезная, смуглая женщина, говорившая на митингѣ, занимались съ кружкомъ дѣвушекъ, работницъ съ канатной фабрики. Дѣвочка съ печальнымъ личикомъ, одна изъ выздоравливающихъ, которыя помѣщались во второмъ этажѣ, лежала на софѣ около окна, а Маделена Пенлей забавляла ее игрушками и картинками. Кромѣ того, въ комнатѣ было нѣсколько членовъ парламента и нѣсколько мужчинъ и женщинъ, представителей разныхъ мѣстныхъ корпорацій и обществъ. Незамѣтно было, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тутъ лицъ пришелъ изъ великодушія или по обязанности. Комната была самая обыкновенная гостиная съ цвѣтами, картинами и книгами, отличавшаяся отъ другихъ гостиныхъ только тѣмъ, что въ ней было больше простора, она не была слишкомъ заставлена разными вещами; двѣ маленькія дѣвочки изъ рабочаго дома, въ своихъ бѣлыхъ чепчикахъ и передникахъ, разносили подносы съ кофе и печеньемъ; изъ открытаго окна видѣнъ былъ маленькій садикъ, загороженный школьнымъ зданіемъ и какими-то кладовыми, но, тѣмъ не менѣе, очень хорошенькій со своимъ фонтаномъ и съ цвѣтами, которые безпрестанно подновлялись изъ Максвель-Корта.

Джоржу пришлось заговорить съ какими-то двумя молодыми учителями; но ему было очень трудно заставить себя вести разговоръ съ мало знакомыми людьми. Мысль о его несчастной семейной жизни не давала ему покоя. Когда ему можно будетъ подойти къ ней? Онъ жаждалъ услышать звукъ ея голоса, увидѣть ласку въ ея глазахъ.

Она встрѣтила его необыкновенно тепло, по глазамъ ея было видно, что ей такъ же хочется говорить съ нимъ, какъ и ему съ ней. Наконецъ, настала его очередь. Она повела нѣсколькихъ го-

стей въ садъ. Джоржъ послѣдовалъ за нею, и они вскорѣ очутились другъ подлѣ друга.

— Ну, что вы скажете о дѣлахъ сегодня? Вы попрежнему расположены пророчествовать?—спросила она его, улыбаясь. Она была очень блѣдна и, повидимому, ожиданіе становилось для нея невыносимымъ.

— Я, пожалуй, могъ бы пророчествовать, если бы могъ найти того человѣка, который вамъ нуженъ. Но онъ какъ-то ни откуда не появляется, и...

— И завтра все кончится!

— Министерство твердо рѣшило не оставаться въ случаѣ пораженія, не допускать никакихъ поправокъ?

Она утвердительно кивнула головой. Они стояли на концѣ сада, противъ ярко освѣщенныхъ оконъ школы, гдѣ шли вечернія занятія. Она вздохнула.

— Мы лично очень рады, что все кончается. Мы не могли бы дольше переносить такое положеніе. Когда кризисъ минуетъ, мы надолго уѣдемъ отсюда.

Подъ словомъ «кризисъ» она подразумѣвала отставку министерства. Значитъ, черезъ нѣсколько дней она будетъ далеко отъ него. Когда Максвель выйдетъ въ отставку, онъ, конечно, большую часть времени станетъ проводить въ Брукшайрѣ вдали отъ политики. Тресседи вдругъ ясно почувствовалъ, что съ нимъ будетъ, когда, выходя утромъ изъ дому, онъ не будетъ имѣть надежды встрѣтить ее.

— Я хотя сильно волновалась,—сказала она послѣ минутнаго молчанія,—но все-таки никакъ не думала, что Фонтеной побѣдитъ. Онъ замѣчательно хорошо велъ свою игру!

Джоржъ ничего не отвѣтилъ на ея слова. Собственныя мысли тѣснились въ мозгу его.

— Интересно знать, что бы вы сказали,—произнесъ онъ наконецъ,—если бы я попробовалъ съиграть роль?

— Какую роль?

— Да мнѣ кажется, что я могъ бы сказать нѣчто по этому вопросу. Разсмотрѣть его просто съ точки зрѣнія здраваго смысла. Я отношусь къ этой статьѣ не такъ, какъ къ другимъ. Я знаю многихъ, которые раздѣляютъ мое мнѣніе.

Она съ изумленіемъ глядѣла на него.

— Я васъ не понимаю.

— Отчего же не посмотрѣть на дѣло съ другой точки зрѣнія? Мы постоянно разсчитывали на то, что страна относится враждебно къ биллю. Но страна, повидимому, примирилась съ нимъ.

Нѣкоторые изъ насъ находятъ, что лучше, если билль пройдетъ и министерство возьметъ на себя всю отвѣтственность за него.

— Но, Боже мой, палата, конечно, не обратитъ вниманія на мои слова!

Онъ поднялъ камень и нервнымъ движеніемъ перекинулъ его черезъ заборъ. Она молчала съ минуту и затѣмъ сказала:

— Это можетъ имѣть слишкомъ серьезное послѣдствіе для васъ.

Онъ поглядѣлъ на нее, и ихъ глаза встрѣтились. Въ ея взглядѣ была нѣжность и тревога, въ его—нерѣшительность и сосредоточенность. Онъ замѣтилъ, что хотя она была тронута, но серьезно не вѣрила въ его силу и вліяніе: она больше думала о послѣдствіяхъ для него самого, чѣмъ для министерства. Гордость его была оскорблена и онъ тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ. Они стали говорить о разныхъ личностяхъ и объ общемъ положеніи дѣлъ.

Въ теченіе разговора ходъ мыслей Марчеллы неожиданно принялъ совершенно противоположное направленіе. Удивительное заявленіе молодого человѣка не выходило у нея изъ головы. Она вспомнила, съ какимъ блескомъ онъ, несмотря на молодость и неопытность, вступилъ въ парламентъ, какъ хорошо держалъ онъ себя во время выборной кампаніи. Въ теченіе настоящей парламентской борьбы вся его энергія была какъ бы подавлена. О немъ перестали говорить. А что, если онъ способенъ вдругъ выступить передовымъ борцемъ, предводителемъ? Стоя рядомъ съ нимъ, она оглядывала его нѣсколько разъ съ ногъ до головы. Онъ предупреждалъ ее въ Кэстль-Лютонѣ и послѣ того старался не поддаваться ея вліянію. Она привыкла не думать о немъ, когда обсуждала положеніе парламентскихъ партій, и вдругъ... грудь ея волновалась.

А между тѣмъ она колебалась. Ее пугало чувство отвѣтственности. Человѣкъ многое теряетъ, выходя изъ своей колеи, изъ своего естественнаго положенія. На такой выходъ смотрятъ съ недовѣріемъ, онъ легко можетъ повредить всей его карьерѣ.

Вслѣдствіе чего явилось у него такое настроеніе? Она объясняла себѣ это такъ просто, что наблюдатель-сатирикъ могъ бы заподозрѣть ея искренность. Между ними возникла самая настоящая дружба; его воззрѣнія измѣнились; она оказала на него вліяніе и это было вполнѣ естественно, такъ какъ она старше его и притомъ она проводила идеи Максвеля, и доказывала ихъ аргументами, заимствованными Максвелемъ. Если случается иногда, что женщина не знаетъ и не хочетъ знать, что ее любятъ, то для Марчеллы это было вполнѣ естественно: сердце, преданное одному

чувству, съ досадой отвращается отъ всякаго намека на другую любовь.

Но свое вліяніе на него она признавала. И вотъ пока она колебалась, предъ ней возникъ образъ другого стойкаго человѣка, утомленнаго непосильной работой и спокойно готовившагося перенести крушеніе всѣхъ своихъ плановъ, и этотъ образъ вызвалъ слезы на ея глаза. Она обратилась къ своему собесѣднику; искушеніе было слишкомъ сильно, и она не устояла.

Всего только десять лишнихъ минутъ провела она съ Тресседи въ сравнительно тихомъ садикѣ; но эти десять минутъ впослѣдствіи отравили Марчеллѣ много мѣсяцевъ жизни. Они перестали говорить о политикѣ. Онъ далъ ей понять, что былъ несчастенъ въ семейной жизни. Она предвидѣла это съ перваго раза, какъ увидѣла его жену; а въ послѣднее время ей приходилось слышать много дурного о молодой лэди Тресседи. Онъ не назвалъ имени Летти. Онъ говорилъ вообще, обвинялъ самого себя. Она слушала, стараясь утѣшить и развлечь его. Она говорила о необходимости терпѣнія, о томъ, что со временемъ все можетъ уладиться; объ его общественныхъ обязанностяхъ, о томъ, что частныя горести и непріятности могутъ быть смягчены и побѣждены работой на пользу общую. И все это говорилось такъ ласково, такъ нѣжно. Она дала ему почувствовать, что принимала участіе въ немъ, что его жизнь, его страданія, его исторія не безразличны для нея. И затѣмъ, какъ бы по поводу этихъ личныхъ непріятностей, онъ произнесъ то возбуждающее, призывное слово, то слово, которое заставляетъ человѣка энергично браться за дѣло и отстаивать свою волю.

Она не намекала на современное политическое положеніе. Оба тщательно избѣгали этихъ намековъ. Но когда они вернулись въ комнаты, его оскорбленная гордость получила удовлетвореніе. Онъ зналъ, что она не считаетъ его ничтожествомъ. И позднѣе, возвращаясь домой, онъ всю дорогу вспоминалъ ея глаза, ея голосъ...

Рѣшеніе его было принято. Въ эту ночь, лежа безъ сна на своей одинокой постели, онъ не думалъ о непріятностяхъ своей супружеской жизни. Онъ успѣетъ подумать о нихъ черезъ два дня. Теперь же всѣ его мысли были направлены на одно: какимъ образомъ сомнѣніе и колебаніе превратить въ побѣду, и эту побѣду сложить къ ногамъ Марчеллы Максвель.

Между тѣмъ Марчелла, вернувшись въ Ст.-Джемсъ-Скверъ, прошла прямо къ Максвелю и, положивъ руки ему на плечи, не совсѣмъ твердымъ голосомъ проговорила:

— Серъ Джоржъ Тресседи былъ у меня на собраніи сегодня вечеромъ. Кажется, онъ собирается идти противъ лорда Фонте-

ноя. Не удивись, если онъ будетъ говорить завтра въ такомъ смыслѣ.

Эти слова непріятно взволновали Максвеля.

— Надѣюсь, онъ не сдѣлаетъ ничего подобнаго,—сказалъ онъ рѣшительнымъ голосомъ,—это страшно повредитъ ему. Всѣ убѣжденія, какія онъ до сихъ поръ высказывалъ, показывали, что онъ сторонникъ той партіи. Всѣ примутъ это за пустой капризъ, за неумѣнье подчиняться дисциплинѣ.

Марчелла ничего не отвѣтила. Она отошла отъ него и шла тихо, заложивъ руки за спину; мягкія складки длиннаго платья, медленно двигались за ней; она глубоко задумалась и на этотъ разъ не спѣшила подѣлиться съ нимъ *своими* мыслями.

— Тресседи! Вотъ-то чудо!—говорилъ одинъ изъ членовъ партіи Фонтеноя своему сосѣду.—Что онъ будетъ говорить?

— Я зналъ, что онъ что-то затѣваетъ,—отвѣтилъ тотъ.—Сегодня, всякій разъ, что я встрѣчался съ Тресседи, онъ горячо разговаривалъ о чемъ-то съ однимъ изъ этихъ господъ.—Онъ указалъ головой на скамьи либераловъ.—Въ библіотекѣ онъ шепталсяся съ Гриномъ, на террасѣ со Спидвелемъ. И посмотрите на ихъ скамьи, они всѣ собрались, точно пчелы въ ульѣ. Да, клянусь св. Георгомъ, это не спроста!

Онъ былъ сильно взволнованъ и всячески старался подсмотрѣть, какъ настроенъ Фонтеной. Но отъ Фонтеноя видна была только шляпа, надвинутая на глаза, квадратный подбородокъ и сложенныя на груди руки.

Дѣйствительно, въ теченіе дня палата имѣла странный видъ: опытный наблюдатель вывелъ бы заключеніе, что въ ней все возможно, въ особенности самое неожиданное. Члены разговаривали съ такими сотоварищами, съ которыми не имѣли ничего общаго; самые откровенные люди стали скрытными. Сдѣлалось извѣстно, что Фонтеной, считавшій свое дѣло выиграннымъ, вдругъ сталъ волноваться. Всѣ замѣтили, что онъ и молодой виконтъ, считавшійся коноводомъ партіи, необыкновенно зорко слѣдили за своими сторонниками во время обѣда.

Самъ Фонтеной говорилъ передъ обѣдомъ, осыпая насмѣшками статью, которая являлась, по его словамъ, достойнымъ заключеніемъ невозможнаго билля. На основаніи ея домовладѣльцы будутъ исполнителями, полицейскими стражами драгоцѣннаго закона. Всякій человѣкъ, владѣющій домомъ въ рабочемъ кварталѣ, будетъ привлеченъ къ суду и подвергнутъ наказанію, если какой-нибудь портной станетъ работать въ своей комнатѣ, если какая-нибудь

бѣдная вдова возьметъ шитье, чтобы заработать кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ. Не говоря о несправедливости и нецѣлесообразности подобнаго закона, но какой разумный человѣкъ повѣритъ, что его можно привести въ исполненіе? А что, если домовладѣльцы откажутся играть навязываемую имъ роль? Quis custodiet? И неужели парламентъ захочетъ поставить себя въ смѣшное положеніе, утвердивъ законъ, который просто невозможно провести въ жизнь?

Эти слова были хорошо разсчитаны и произвели большой эффектъ. Каждый англичанинъ инстинктивно ненавидитъ реформы, которыя существуютъ только на бумагѣ.

Въ обѣденное время Тресседи встрѣтилъ Фонтеноя въ корридорѣ и сунулъ ему въ руку записочку. Фонтеной остановился и молча осмотрѣлъ молодого человѣка съ ногъ до головы.

— Если вы пожелаете говорить со мной, — произнесъ Тресседи,—вы найдете меня въ библіотекѣ.

Фонтеной ничего не отвѣтилъ. Онъ взялъ записку съ собой на террасу и прочелъ ее, стоя въ дальнемъ углу. Затѣмъ онъ отыскалъ молодого виконта и они вмѣстѣ стали въ корридорѣ, передъ залой засѣданій, причемъ Фонтеной мрачно слѣдилъ за всѣми входившими въ залу и выходившими изъ нея.

Было около десяти часовъ, когда Тресседи получилъ слово. Онъ всталъ среди многолюднаго собранія членовъ, которые сознавали, что послѣдующее голосованіе должно рѣшить судьбу министерства и, кромѣ того, смутно чувствовали, что присутствуютъ при одномъ изъ личныхъ инцидентовъ, придающихъ драматическій интересъ парламентской рутинѣ или становящихся историческими при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ.

Палата еще не составила себѣ о немъ мнѣнія, какъ объ ораторѣ. Онъ говорилъ въ первый разъ хорошо, потомъ хуже; кромѣ того, онъ такъ давно не принималъ участія въ преніяхъ, что палата забыла отличительныя черты его рѣчей.

Его голосъ и манера держать себя сразу понравились. Англійская палата всегда снисходительно смотритъ на ораторовъ молодыхъ, хорошо воспитанныхъ и хорошо одѣтыхъ. Мало-по-малу члены начали внимательно прислушиваться, вытягивать шею, прикладывать руки къ ушамъ.

Прежде чѣмъ рѣчь пришла къ концу многіе изъ присутствующихъ отмѣтили ее, какъ политическое событіе первостепенной важности. Ораторъ весьма откровенно изобразилъ свое собственное отношеніе къ биллю, сначала мало основательное предубѣжденіе затѣмъ полуотрицательная покорность волѣ большинства. Онъ обратилъ вниманіе на то, что послѣ періода холодности и сдержан-

ности, въ странѣ начало постоянно возростать движеніе въ пользу политики Максвеля; онъ указалъ на то, что, насколько можно судить по внѣшности, заинтересованныя производства готовы примѣниться къ условіямъ создаваемымъ новымъ закономъ; онъ напомнилъ, что палата при голосованіи трехъ главныхъ статей, не смотря на весьма трудныя обстоятельства дала большинство въ пользу билля; что въ теченіе продолжительныхъ преній страна безспорно заявила свои симпатіи министерству и что остающаяся статья представляетъ лишь вопросъ практическаго примѣненія. При такомъ положеніи дѣла, онъ, какъ, вѣроятно, и многіе другіе, измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе. Онъ находилъ, что обязательства передъ избирателями не могутъ болѣе связывать его, хотя онъ, конечно, готовъ подчиниться всѣмъ послѣдствіямъ своего образа дѣйствій.

Затѣмъ, переходя къ спеціальному разбору стоящей на очереди статьи, онъ сталъ опровергать рѣчь Фонтеноя такъ энергично, остроумно, съ такіемъ знаніемъ дѣла, что всѣ съ удивленіемъ слушали его. Онъ совершенно разбилъ искусную критику Фонтеноя, показалъ, какъ смотрятъ на эту статью люди практическіе, и съ какимъ довѣріемъ къ ихъ опытности и къ ихъ мнѣніямъ она составлена; въ концѣ концовъ онъ не безъ скрытой страстности намекнулъ на тѣ «темныя массы трудящихся», судьба которыхъ «ежедневно и ежегодно воздѣйствуетъ на идеи и убѣжденія людей, подобныхъ мнѣ», и рѣшительнымъ образомъ заявилъ свое намѣреніе подать голосъ за министерство; онъ сѣлъ среди бури одобреній и негодованія палаты.

Весь слѣдующій часъ въ залѣ господствовало волненіе. Со скамей либераловъ вставалъ одинъ ораторъ за другимъ, богатые фабриканты и промышленники, до сихъ поръ твердо стоявшіе въ рядахъ оппозиціи, а теперь заявлявшіе готовность подчиниться, сознававшіе, что борьба должна быть окончена, что общественное мнѣніе страны противъ нихъ и что слѣдуетъ утвердить билль. Что за польза свергнуть министерство, которое или возвратится на свой постъ, запасшись большими силами или будетъ замѣнено личностями, къ которымъ умѣренные люди не чувствовали симпатіи? Рѣчи этихъ жалкихъ представителей либеральной партіи дышали грустью; палата не могла удержаться, чтобы отъ времени до времени не посмѣяться надъ ними. Тѣмъ не менѣе, они ясно высказывали свое намѣреніе и коноводъ министерской партіи, стоявшій въ дверяхъ, съ удовольствіемъ зачеркивалъ одно имя за другимъ изъ списковъ оппозиціи.

Затѣмъ началась обычная борьба между требованіемъ голосованія и ораторами, которыхъ никто не хотѣлъ слушать. Наконецъ,

колоколъ прозвонилъ, публику удалили. Чтобы подать голосъ Тресседи пришлось идти въ направленіи, противоположномъ его партіи; Фонтеной нарочно остановился съ саркастической улыбкой на губахъ и пропустилъ его мимо себя.

— Мы скоро узнаемъ, чего вы намъ стоили,—прошепталъ онъ сдавленнымъ голосомъ на ухо Тресседи; затѣмъ, подойдя ближе къ срединѣ комнаты, онъ бросилъ многозначительный взглядъ на дамскую галлерею. Тресседи ничего не отвѣчалъ. Онъ держалъ свою красивую голову болѣе гордо, чѣмъ обыкновенно, проходя въ отдѣленіе, куда собирались вотировавшіе «да». Многіе любопытные глаза наблюдали, кто послѣдуетъ за нимъ со скамей оппозиціи; многіе парламентскіе Несторы слѣдили за молодымъ человѣкомъ съ интересомъ, возбуждаемымъ воспоминаніями старины, старыхъ парламентскихъ битвъ.

— Помните Чандоса,—говорилъ одинъ старикъ другому,—молодого Чандоса, который въ 46-мъ году пошелъ за Пилемъ противъ своей партіи? Я точно вижу его передъ собой; этотъ молодой человѣкъ очень напоминаетъ его.

— Но измѣна того не мѣняла дѣла,—отвѣчалъ его собесѣдникъ съ недовольной усмѣшкой; и они оба стали пробираться въ сторону «нѣтъ»!

Двадцать минутъ спустя, счетчики сидѣли за своимъ столомъ, насталъ моментъ, который долженъ былъ спасти или погубить министерство.

— Да: 306; нѣтъ—280. Большинство: да.

— Клянусь Богомъ, это его дѣло! Іуда! — вскричалъ одинъ молодой членъ, стоявшій рядомъ съ Фонтеноемъ и весь покраснѣвшій отъ возбужденія.

— Да, его дѣло, — сказалъ Фонтеной съ мрачнымъ спокойствіемъ, хотя рука его, державшая шляпу, дрожала.—Теперь можно спустить занавѣсъ.

— Гдѣ онъ?—кричали вокругъ него разсерженные члены, ища глазами человѣка, который въ одинъ вечеръ разрушилъ всѣ ихъ надежды.

Но Тресседи нигдѣ не было видно. Онъ вышелъ изъ палаты въ ту самую минуту, когда великая новость, распространяясь какъ волна по комнатамъ и корридорамъ, достигла группы лицъ, ожидавшихъ въ частной комнатѣ министра, и Марчелла Максвель узнала, что побѣда одержана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

П. Н. Милюкова.

*(Продолженіе *).*

II.

Церковь и искусство на Западѣ.—Ходъ развитія западнаго искусства.—Состояніе византійскаго искусства въ моментъ воспріятія его Западомъ и Россіей.—Дальнѣйшая судьба его на Руси.—Архитектура.—Измѣненіе византійскаго типа каменныхъ построекъ.—Развитіе русской луковицы и ея деревянныя параллели: бочка и кубъ.—Примѣненіе деревянныхъ формъ въ національной архитектурѣ XVI вѣка: конструктивное значеніе «бочки».—Шатровый верхъ.—Отношеніе церкви къ національному стилю и его упадокъ.—Періодъ заимствованій: вкусы заказчиковъ и стремленія художниковъ.—Возрожденіе національнаго стиля.—Русскій орнаментъ.—Отсутствіе скульптуры.—Живопись.—Охраненіе византійскихъ типовъ иконографіи и ремесленные пріемы ихъ воспроизведенія.—Значеніе русскихъ «школъ» иконописи.—Первые признаки западнаго вліянія на иконографію.—Мѣры, принятыя Стоглавомъ, и составленіе «Подлинника».—Развитіе самостоятельности художника въ составленіи сложныхъ иконъ.—Измѣненіе самыхъ пріемовъ иконописанія и борьба противъ «живописнаго» письма.—Появленіе Свѣтской живописи при московскомъ дворѣ.—Побѣда новаго направленія къ концу XVII в. и настроеніе художниковъ-иконописцевъ.—Признаки возрожденія религіозной живописи.—Причины остановки этого движенія.—Періодъ подражанія.—Сходство и различіе въ положеніи литературы и живописи XVIII в.—Первое появленіе публики, заинтересованной искусствомъ, и первый шагъ живописи отъ классицизма къ жизненности (Брюлловъ).—Реалистическія стремленія Иванова.—Переходъ русскаго жанра отъ сентиментализма къ реальности и соціальнымъ темамъ (Венеціановъ и Ѳедотовъ).—Шестидесятые годы въ искусствѣ и рѣшительная побѣда жанра.—Обличительная и реалистическая живопись (Перовъ и Рѣпинъ).—Параллели изъ исторіи русской музыки.—Выводъ.

Кому случалось заглянуть въ одинъ изъ грандіозныхъ готическихъ соборовъ католической Европы во время торжественнаго богослуженія, тотъ могъ наглядно представить себѣ, какими чарами искусства западная церковь постаралась обставить удовлетвореніе религіозной потребности вѣрующихъ. Ряды массивныхъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ 1896 г.

столбовъ, какъ будто связанныхъ пучками изъ тонкихъ стройныхъ колонокъ, смѣло несутъ въ высь свои стройныя линіи и у самаго свода вдругъ разбѣгаются во всѣ стороны, на встрѣчу такимъ же колонкамъ сосѣднихъ столбовъ, переплетаясь съ ними, словно вѣтви какихъ-то гигантскихъ пальмъ. Необъятное пространство воздуха погружено въ таинственный полусвѣтъ, среди котораго тѣмъ отчетливѣе выдѣляются разноцвѣтные рисунки исполинскихъ оконъ. Густые аккорды органа неизвѣстно откуда наполняютъ все это пространство глубокими, торжественными звуками; потомъ вдругъ болѣе рѣзкая, болѣе опредѣленная мелодія струннаго оркестра прорѣжетъ неожиданно эти дрожащія въ воздухѣ волны звуковъ, и, наконецъ, среди наступившаго затишья, раздается звучный голосъ солиста. Вы пришли взглянуть на знаменитые памятники искусства, но, смотря на распростертыя по скамьямъ фигуры молящихся, прислушиваясь къ отдаленнымъ возгласамъ священника, сопровождаемымъ частыми ударами звонка, вы на нѣкоторое время забываете, что возлѣ васъ по стѣнамъ тѣснится цѣлый лѣсъ замѣчательныхъ скульптурныхъ надгробій, а въ многочисленныхъ алтарныхъ нишахъ ждутъ васъ иконы, изъ которыхъ каждая представляетъ какой-нибудь достопамятный моментъ въ исторіи христіанской живописи: вы забываете о цѣли своего прихода и невольно поддаетесь общему настроенію.

И вы ничего не потеряете для вашихъ цѣлей наблюдателя-туриста, перечувствовавъ это настроеніе. Вы находитесь въ самомъ фокусѣ средневѣкового міровоззрѣнія, изъ котораго органически выросло западное искусство. Для искусства, еще въ большей степени, чѣмъ для литературы, церковь была той лабораторіей, въ которой оно возникло, развилось и достигло полнаго развитія. И еще больше, чѣмъ отъ литературы, церковь не думала отказываться отъ вскормленнаго ею дѣтища; еще охотнѣе, чѣмъ въ области науки и философіи, церковь сдѣлала въ области искусства самыя широкія уступки новому міровоззрѣнію, только бы удержать въ своей оградѣ созданія новаго періода творчества, а при ихъ посредствѣ удержать за собою и власть надъ душою новаго человѣка. Сперва Чимабуэ и Джіотто разрушили, при восторженномъ одобреніи паствы, мертвую условность византійскаго стиля; потомъ опять наступило новое время, и Рафаэль замѣнилъ Чимабуэ. Сперва Палестрина преобразовалъ традиціонный стиль церковной музыки; потомъ Палестрину смѣнили Гайднъ и Моцартъ. Уступая требованіямъ живого чувства, западная религія надолго сохранила способность будить вдохновеніе художника и давать пищу для новыхъ и новыхъ великихъ произведеній искусства.

Восточное искусство имѣло одинъ общій источникъ съ западнымъ. То и другое развилось изъ искусства первыхъ вѣковъ христіанства,—искусства, которое впервые разрѣшило художественныя задачи новой религіи съ помощью техническихъ средствъ и пріемовъ, завѣщанныхъ искусствомъ классическаго міра. Это были, правда, уже послѣдніе моменты жизни классическаго искусства, и первоначальное христіанство, поставивъ этому искусству новыя, непривычныя задачи, еще ускорило его разложеніе. Христіанство не нуждалось въ натурализмѣ античнаго искусства; оно могло также обойтись и безъ его техники, такъ какъ всѣ свои наиболѣе отвлеченныя идеи оно изображало въ рядѣ символовъ, условныхъ знаковъ, болѣе или менѣе простыхъ. При такомъ направленіи, условность скоро заняла мѣсто правдоподобія въ художественныхъ изображеніяхъ; живопись быстро упала съ той высоты, на которой стояла въ древности; за нею послѣдовала и скульптура. Только въ области архитектуры христіанское искусство сразу пошло не назадъ, а впередъ. Здѣсь съ самаго начала ему пришлось самостоятельно рѣшить самую трудную задачу: создать формы новаго зданія, не предусмотрѣннаго классической древностью,—обширнаго христіанскаго храма. Эту свою задачу христіанское искусство разрѣшило блестяще, и даже дало для нея нѣсколько послѣдовательныхъ разрѣшеній, все болѣе и болѣе совершенныхъ. Оно создало сперва стройную христіанскую базилику, покрытую крышей на деревянныхъ стропилахъ, потомъ византійскій храмъ съ его куполомъ въ видѣ полушарія, потомъ крестовые своды и массивныя стѣны романскаго храма, и наконецъ, само воплощеніе архитектурной легкости и изящества—готическій храмъ съ его остроконечными арками и сводами, съ его массивными столбами и легкими стѣнами изъ стекла и каменныхъ кружевъ. Поднявшись сама на ноги, архитектура подняла и скульптуру. Сперва для архитектурныхъ цѣлей—для простого украшенія стѣнъ, а потомъ и для самостоятельныхъ цѣлей художникъ принялся за подражаніе древнимъ скульпторамъ и попытался достигнуть ихъ мастерства въ лѣпкѣ человѣческой фигуры. Это требовало знанія натуры, изученія живого человѣческаго тѣла; скульптура направляла, стало быть, христіанское искусство на тотъ же путь правдоподобія, на которомъ стояло древнее искусство и съ котораго уклонилось средневѣковое. Пріучивъ глазъ и набивъ руку на осязательныхъ, округлыхъ фигурахъ, художникъ не могъ не перенести привычки къ правдоподобію и на живопись: какъ развитіе архитектуры дало толчокъ скульптурѣ, такъ развитіе скульптуры вывело и рисованіе изъ средневѣкового младенчества. По-

ставивъ своею цѣлью—подражаніе жизни, дѣйствительности, оба изобразительныхъ искусства мало-по-малу забыли потомъ, что вначалѣ эта цѣль была только *средствомъ* для того, чтобы произвести религіозное впечатлѣніе. Правдоподобіе сдѣлалось цѣлью самой для себя; вмѣстѣ съ тѣмъ искусство перестало преслѣдовать религіозныя цѣли и сдѣлалось свѣтскимъ. Не стѣсняемое никакими внѣшними принужденіями, западное искусство продѣлало весь этотъ переходъ отъ религіознаго воодушевленія къ преклоненію передъ природой и жизнью—постепенно, незамѣтно для самого себя, и такимъ образомъ между искусствомъ христіанскимъ и свѣтскимъ, средневѣковымъ и новымъ не было никакого насильственнаго перерыва: одно само собою выросло изъ другого.

Совершенно иначе сложилась дальнѣйшая судьба христіанскаго искусства на Востокѣ и въ Россіи. Къ намъ, какъ на Западѣ, это искусство перешло вмѣстѣ съ принятіемъ крещенія. Но уже тутъ надо замѣтить, что крещеніе у насъ и на Западѣ совпало съ очень различными моментами въ исторіи самого древнехристіанскаго искусства. Германская Европа крестилась къ VI—VII вѣку по Р. Х.; въ это время древнехристіанское искусство переживало еще самый блестящій періодъ своего существованія. Подготовительный періодъ (IV—VI в.) только что закончился: христіанскій художникъ только-что овладѣлъ большею частью художественныхъ темъ, какія задавала ему новая вѣра. Это новое содержаніе было воплощено въ изящныя античныя формы, такъ что христіанское искусство казалось на первыхъ порахъ кака бы прямымъ продолженіемъ классическаго: художникъ не думалъ отказываться не только отъ техническихъ пріемовъ, но даже и отъ художественныхъ типовъ, выработанныхъ античнымъ искусствомъ. Съ другой стороны, онъ еще не успѣлъ отвыкнуть отъ той самостоятельности, какая необходима была при первоначальныхъ попыткахъ изображенія христіанскихъ сюжетовъ. Разные способы разрѣшенія однѣхъ и тѣхъ же художественныхъ задачъ не были еще согласованы между собою: христіанское искусство еще не выработало окончательно своихъ постоянныхъ типовъ, и это обстоятельство оставляло большую свободу фантазіи и личному вкусу художника. Такимъ образомъ, полное жизни и движенія, перешло христіанское искусство Востока въ руки западныхъ художниковъ, и только побѣда германскаго варварства надъ древней цивилизаціей погрузила его на нѣсколько столѣтій въ дремоту. Въ XII столѣтіи этотъ временный застой рѣшительно оканчивается; жизнь и движеніе снова наполняютъ христіанское искусство Западной Европы.

Совсѣмъ не такъ шло дѣло на Руси. Къ концу десятаго вѣка, когда и къ намъ пришла новая вѣра, древнехристіанское искусство успѣло окончательно сдѣлаться византійскимъ. Періодъ свободнаго творчества для него закончился; начался періодъ охраненія. Разработавъ всѣ свои темы, установивъ вполнѣ всѣ типы, оно остановилось и застыло. Уже на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, во исполненіе заповѣди «не сотвори себѣ кумира» и для избѣжанія упрековъ со стороны иконоборцевъ, воспрещено было употребленіе скульптурныхъ изображеній. На томъ же соборѣ нѣкіимъ Епифаніемъ высказано было мнѣніе, что въ писаніи иконъ не надо давать свободы художникамъ, такъ какъ «иконы создаются не творчествомъ художника, а закономъ и преданіемъ православной церкви; изобрѣтеніе и установленіе (типовъ) принадлежитъ святымъ отцамъ, а художнику остается только техника». Правда, соборъ не принялъ мнѣнія Епифанія въ число своихъ постановленій, но и не получившее оффиціальной санкціи, оно, тѣмъ не менѣе, отлично характеризуетъ духъ византійскаго искусства.

Русь восприняла это искусство такимъ, какимъ она его нашла. Долгое время она даже получала свои произведенія искусства непосредственно изъ рукъ греческихъ мастеровъ. Греческіе архитекторы построили всѣ древнѣйшія каменныя церкви и соборы Кіева и Новгорода; греческіе же художники или ихъ добросовѣстные ученики изъ русскихъ наполнили эти храмы стѣнной живописью, мозаикой и иконами. Только очень медленно въ заимствованный изъ Византіи стиль начали проникать самостоятельныя русскія черты; и на первыхъ порахъ эти нововведенія совершались такъ же безсознательно, какъ перемѣны въ русской церковной практикѣ. Какъ бы то ни было, въ этихъ особенностяхъ заключались начатки національнаго русскаго искусства, и мы должны теперь остановиться на ихъ судьбѣ.

Какъ вездѣ, наиболѣе способной къ самостоятельному развитію оказалась и насъ, на Руси, архитектура. Причину этого понять не трудно. Изъ всѣхъ видовъ художественнаго творчества архитектура есть наиболѣе матеріальный, наиболѣе тѣсно связанный съ данной житейской обстановкой. Зодчество какой бы то ни было страны, всегда находится въ самой сильной зависимости отъ мѣстныхъ условій, напр., климата, почвы, наличныхъ строительныхъ матеріаловъ, привычекъ и потребностей и т. д. Крестьянинъ, приспособляя къ этимъ мѣстнымъ условіямъ устройство своей деревенской избы, конечно, вовсе не думаетъ о томъ, что создаетъ этимъ особый національный типъ постройки. А между тѣмъ, не безъ основанія, эта самая деревенская изба считается

нѣкоторыми изслѣдователями за прототипъ русскаго національнаго зодчества. Прежде всего, въ странѣ лѣсовъ самобытный архитектурный стиль долженъ былъ, очевидно, создаться въ сферѣ деревянныхъ построекъ, тогда какъ каменныя постройки надолго должны были остаться подъ иноземнымъ вліяніемъ. Про каменныя постройки кіевской Руси, воспроизводящія вмѣстѣ съ византійскими формами и византійскую строительную технику, нечего и говорить. Труднѣе рѣшить вопросъ объ архитектурѣ суздальской Руси; можетъ быть, здѣсь уже даютъ себя знать нѣкоторыя черты, пріобрѣтенныя церковнымъ зодчествомъ въ Россіи. Но трудно выводить эти суздальскія особенности изъ національной архитектуры, когда даже самые горячіе защитники самобытности русской архитектуры стараются лишь доказать происхожденіе ихъ изъ Азіи, чтобы не быть принужденными выводить ихъ изъ Западной Европы. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ романскимъ или индоевропейскимъ или вообще восточнымъ стилемъ, пришелъ ли онъ на Русь черезъ Новгородъ, или черезъ Византію, или, наконецъ, черезъ южныя степи, во всякомъ случаѣ, это не былъ тотъ стиль, выработанный на мѣстѣ, черты котораго мы хотимъ прослѣдить въ русской архитектурѣ. Точно также и московская архитектура является вначалѣ простой подражательницей суздальской: призывая знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ для возведенія кремлевскихъ церквей, Иванъ III прямо поставляетъ имъ въ обязанность руководиться древними типами каменнаго зодчества. Такимъ образомъ, московскій Успенскій соборъ конца XV вѣка явился по наружности только легкой варіаціей на темы суздальской архитектуры XII вѣка.

Въ это же время, однако (1484), другой кремлевскій соборъ (Благовѣщенскій) отстраивается русскими мастерами изъ Пскова; при этомъ случаѣ едва ли не впервые проникаетъ въ московскую каменную архитектуру новый элементъ, происхожденіе котораго приходится искать уже не на Востокѣ и не на Западѣ, а въ строительныхъ формахъ мѣстнаго деревяннаго стиля. Къ серединѣ XVI вѣка новыя каменныя формы, составляющія подражаніе деревяннымъ, уже примѣняются русскими мастерами съ той свободой, о которой свидѣтельствуетъ самый замѣчательный памятникъ этого новаго національнаго стиля—церковь Василія Блаженнаго.

Чтобы наглядно показать, какъ проникали новыя русскія формы въ старый византійскій стиль, мы остановимся на одномъ, но зато самомъ яркомъ примѣрѣ: на исторіи покрытія русской церкви.

Вопросъ о томъ, какъ свести крышу надъ постройкой, всегда оставался въ исторіи архитектуры однимъ изъ самыхъ сущ ест

венныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія котораго всего болѣе зависѣлъ тотъ или другой стиль постройки. Византійское искусство цвѣтущей поры (VI—VII в.) сводило сводъ надъ храмомъ въ формѣ опрокинутаго полушарія, непосредственно опирающагося на «плечи» храма (см. рис. № 1). Византійское искусство болѣе поздней поры, IX и X вѣка, подвело подъ этотъ полукруглый ку-

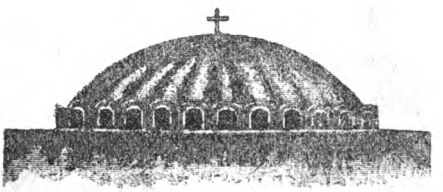


Рис. № 1. Куполъ св. Софіи.

Рис. № 2. Куполъ ц. Теотокосъ въ Константинополѣ.

полъ «шею» или «барабанъ», что придало покрытію характеръ большей стройности и легкости (рис. № 2). Въ этомъ видѣ византійскій куполъ перешелъ въ Россію; такимъ онъ оставался, вѣроятно, въ кіевской Руси, и даже еще въ суздальской архитектурѣ онъ имѣлъ тотъ же плоскій характеръ, вызывающій срав-

Рис. № 3. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Рис. № 4.

неніе церковной главы со «лбомъ« (рис. № 3). Однако, на рисункахъ древнихъ русскихъ рукописей уже въ XII—XIV вѣкахъ мы видимъ иную форму купола, — ту, которая господствуетъ и теперь. Византійскій куполъ превратился въ русскую «луковицу»: къ полушарію въ нижней части была прибавлена выпуклость (такъ наз. «пучина»), а въ верхней части куполъ сведенъ былъ въ

остріе (рис. № 4). Несомнѣнно, подобныя формы существуютъ въ восточномъ искусствѣ; надо прибавить, что ихъ можно найти и въ мусульманскомъ и даже, въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ западномъ искусствѣ. Но для той же формы, съ другой стороны, можно найти параллель и въ мѣстной деревянной архитектурѣ древней Руси. Деревянныя продолговатыя зданія крылись у насъ встарину такъ называемой «бочкой», нижняя треть которой отсѣкалась, средняя треть дополнялась «пучиной», а верхняя сводилась острымъ ребромъ. Иногда продольная бочкообразная крыша пересѣкалась поперечною (рис. № 5). Иногда, — именно надъ квадратнымъ пространствомъ,—четыре обрѣза такой бочкообразной крыши непосредственно соединялись между собой, сгибаясь при этомъ по линіямъ обрѣза, и принимали форму такъ наз. «куба». Въ этомъ видѣ крыша пріобрѣтала уже большое сходство съ церковной луковицей (рис. № 6). Сходство это становилось еще болѣе значительнымъ, когда крыша сводилась не надъ квадратомъ, а надъ многоугольникомъ, какими часто строились «барабаны» церквей. Въ этомъ случаѣ покрытіе пріобрѣтало многогранную форму, сохраняя въ то же время черты «бочки» и «куба» (рис. № 7).

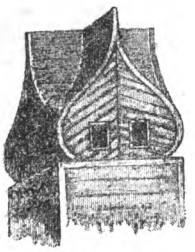


Рис. № 5.

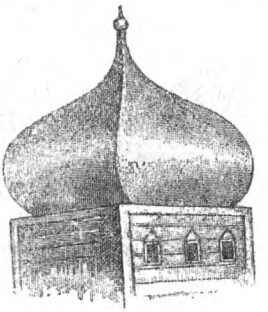


Рис. № 6.

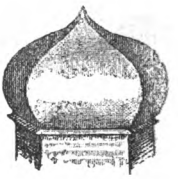


Рис. № 7.

Явилась ли русская церковная глава «луковицей» именно такимъ путемъ, изъ покрытія деревянныхъ церквей, или какимъ-либо инымъ,—это пока еще спорный вопросъ между спеціалистами. Но дальнѣйшее проникновеніе деревянныхъ формъ въ каменную архитектуру совершается уже на нашихъ глазахъ; именно оно-то и создаетъ типичныя черты московской архитектуры XVI вѣка.

«Бочка» есть уже фигурное покрытіе крыши; чаще, конечно, крыша покрывалась обыкновенными гладкими скатами, съ той только разницей отъ современныхъ, что скаты были круче и вся крыша поднималась выше. Крутой скатъ и значительная высота

крыши должны были способствовать быстрому скатыванію влаги и, такимъ образомъ, предохранять крышу отъ гніенія. Тѣмъ же приспособленіемъ къ климатическимъ условіямъ объясняется плоскій карнизъ или «обломъ», «полица», которыми кончалась крыша; этотъ карнизъ, обыкновенно очень широкій и выступавшій надъ стѣнами, долженъ былъ защищать стѣны отъ сильнаго стока воды. Надъ квадратнымъ пространствомъ высокая и крутая русская крыша съ обломами принимала видъ пирамиды, покоящейся на широкомъ основаніи (см. рис. № 8). Такъ крылись обыкновенно колокольни старинныхъ деревянныхъ церквей. Это покрытіе называлось «шатромъ».

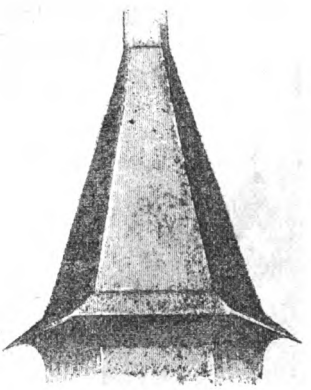


Рис. № 8.

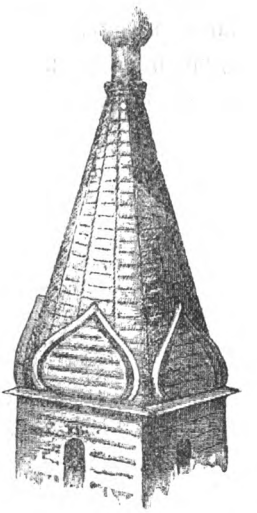


Рис. № 9. Дерев. церк. въ Гефс. скиту.

Оба способа покрытія, «шатеръ» и «бочка», могли соединяться вмѣстѣ; такимъ образомъ получалась новая, очень красивая форма покрытія (рис. № 9). И въ этомъ видѣ, и въ видѣ простого шатра русское покрытіе перенесено было въ XVI вѣкѣ съ дерева на камень. При такомъ перенесеніи «бочка» получила новое, весьма важное значеніе: она стала служить средствомъ для сведенія каменнаго свода. Надъ пространствомъ, которое надо было покрыть, сводились въ нѣсколько рядовъ другъ надъ другомъ арочки; каждый высшій рядъ опирался на предъидущій и постепенно съужалъ срединное пространство, пока, наконецъ, надъ оставшимся въ срединѣ отверстіемъ получалась возможность поставить шатеръ или «шею» купола (рис. № 10). Снаружи эти арочки или «закомары» образовали рядъ «кокошниковъ», то совершенно закругленныхъ, то съ остріемъ въ верхней части, то снабженныхъ еще, кромѣ

острія, и «пучиной», т. е. совершенно сходныхъ съ обрѣзомъ деревянной бочки. Благодаря этимъ рядамъ кокошниковъ, наружный видъ покрытія получался очень живописный.

Мы указали на конецъ XV столѣтія, какъ на время перваго проникновенія въ московскую архитектуру чисто русскихъ формъ покрытія (Благовѣщенскій соборъ). Съ начала XVI вѣка примѣненіе указанныхъ формъ совершается все чаще и смѣлѣе. Надъ кокошниками поднимается высокій каменный «шатеръ», придавая церкви видъ стройной башни (церковь с. Коломенскаго подъ Москвой, 1521); эту центральную башню окружаютъ боковыя башенки поменьше размѣромъ, но той же конструкціи; формы кокошниковъ и барабановъ причудливо измѣняются (сосѣдняя съ предъидущей церковь с. Дьякова, 1529), и такимъ образомъ подготовляется почва для оригинальнѣйшаго созданія русской архи-

Рис. № 10. Церк. Покрова въ Москвѣ.

тектуры, собора Василія Блаженнаго (1555). Только-что стало достовѣрно извѣстно, что соборъ этотъ построенъ *русскими* мастерами, Постникомъ и Бармой, «премудрыми и удобными къ такому чудному дѣлу», какъ характеризуетъ ихъ недавно найденная лѣтописная замѣтка о построеніи собора. Этимъ рѣшается окончательно длинный споръ о стилѣ Покровскаго собора. Не Востокъ и не Индія дали начало этому стилю; всѣ существенныя его особенности происходятъ по прямой линіи отъ архитектурныхъ мотивовъ русскаго деревяннаго зодчества.

Такимъ образомъ, къ срединѣ XVI вѣка вполнѣ выработались основные элементы русскаго самобытнаго архитектурнаго стиля. По отношенію къ традиціонному византійскому стилю введеніе этихъ элементовъ было непростительнымъ новшествомъ, котораго

не могла допустить русская церковь. Все, что выходило изъ рамокъ установленнаго издревле византійскаго образца, не могло быть терпимо. Чтобы остаться вѣрнымъ этому образцу, Иванъ III велѣлъ Аристотелю Фіоравенти подражать суздальскимъ образцамъ. Съ тою же самою цѣлью правительство XVII вѣка многократно предписывало подражать Успенскому собору Ивана III и «ничего не претворять по своему замышленію». «Церковь Божію» повелѣвалось «строити по правиламъ св. апостолъ и отецъ, чтобы была о пяти верхахъ, *а не шатромъ*»... «строить по чину правильнаго и уставнаго законоположенія, какъ о семъ правила и уставъ церковный повелѣваютъ,—о единой, о трехъ или о пяти главахъ,—а шатровой церкви отнюдь не строить»... «а глава на церкви была бы не шатровая». Какъ видимъ, національныя особенности церковной архитектуры раздѣлили судьбу національныхъ особенностей русской церковной практики. Тѣ и другія особенности процвѣтали и выдвигались на первый планъ въ XVI вѣкѣ,

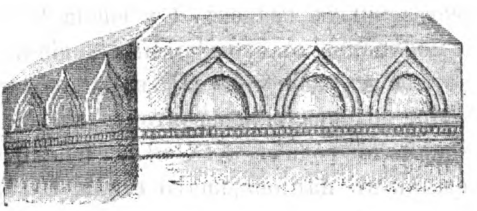


Рис. № 11.

а въ XVII-мъ были осуждены, какъ измѣна византійской старинѣ. И безъ того бѣдная духовнымъ содержаніемъ національная жизнь была еще болѣе обезсилена болѣзненной операціей — отсѣченія всего національнаго, какъ ложнаго. Задатки національной архитектуры не устояли противъ гоненія. Шатровый верхъ продолжалъ употребляться только для колокольни, и столь любимые русскимъ зодчествомъ кокошники потеряли мало-по малу свое прежнее строительное значеніе и пріютились подъ церковной крышей въ качествѣ простого орнамента (рис. № 11). Такимъ образомъ, русская архитектура уже не много сохраняла своего собственнаго содержанія, когда началось усиленное вліяніе на нее Запада. Трудно сказать, къ чему привело бы это вліяніе, если бы у русскихъ зодчихъ было что ему противопоставить; но такъ, какъ стояло дѣло, заимствованіе привело къ полному забвенію національныхъ задатковъ и къ рабскому копированію готовыхъ иностранныхъ образцовъ.

Русская архитектура на полтора столѣтія становится простымъ сколкомъ съ голландской, французской и т. д. Въ основѣ этой перемѣны лежитъ тотъ фактъ, что художникамъ приходится теперь работать на дворъ у богатыхъ баръ; а эти заказчики ничего другого не желаютъ, какъ только сравняться съ лучшими образцами тогдашней Европы; соперничать съ ними они умѣютъ лишь на почвѣ кармана. Построить храмъ, прямо взятый изъ Рима, но только размѣромъ чуть не въ цѣлую десятину, а высотой «на аршинчикъ длиннѣй собора св Петра», — дальше этого не идетъ самая расходившаяся фантазія русскаго заказчика, въ данномъ случаѣ кн. Потемкина, проектировавшаго этотъ небывалый храмъ для только-что заложеннаго въ степи Екатеринослава. А разыгравшаяся фантазія русскаго художника не идетъ дальше нагроможденія стилей всевозможныхъ эпохъ и народовъ въ одной общей архитектурной композиціи, какъ это видимъ въ неосуществившемся проектѣ Витберга.

Понятно, что то, что осуществлялось, было еще ординарнѣе этихъ неосуществленныхъ плановъ. Съ конца XVII вѣка мы подражали стилю «барокко» съ его кривыми линіями и разорванными фронтонами; потомъ къ концу XVIII вѣка явились на смѣну, въ томъ же изобиліи, колоннады и фронтоны классической архитектуры. Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка правительство потребовало отъ художниковъ національнаго стиля. Заказъ былъ исполненъ архитекторомъ Тономъ, и русская архитектура обогатилась массой безцвѣтныхъ и механическихъ подражаній старой московской архитектурѣ: quasi-византійскій пятиглавый храмъ, побѣдившій въ XVII вѣкѣ русскій національный, сдѣлался теперь самъ образцомъ національнаго стиля. Это недоразумѣніе, основанное на полномъ незнакомствѣ съ исторіей русской архитектуры, могло продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока не были изучены образцы нашего стариннаго зодчества. Такое изученіе познакомило художниковъ съ элементами дѣйствительнаго національнаго стиля, и строительное искусство съ этого времени (средина XIX в.) получило сильный толчокъ. Отъ реставраціи старыхъ формъ оно быстро шагнуло къ ихъ свободному сочетанію для осуществленія новыхъ архитектурныхъ задачъ. Каменную лѣтопись этихъ усилій, все болѣе и болѣе успѣшныхъ, можно прочесть на улицахъ Москвы. Тутъ мы увидимъ простую копію старинныхъ формъ рядомъ съ формами совсѣмъ не русскими (Историческій музей), отраженіе ученой теоріи о происхожденіи русскаго стиля изъ стиля восточнаго (Политехническій музей), несовсѣмъ удачную попытку приспособить старинныя русскія формы къ подробностямъ современ-

наго общественнаго зданія (Дума), и тутъ же рядомъ вполнѣ удачное и свободное рѣшеніе той же самой задачи—создать національный стиль, вполнѣ отвѣчающій современнымъ требованіямъ изящества и удобства (Торговые ряды).

Такимъ образомъ, русская архитектура нашла себѣ средство самостоятельнаго развитія въ возвращеніи къ традиціямъ XVI вѣка. Конечно, только въ приложеніи къ такому объективному искусству и такъ тѣсно связанному съ мѣстными условіями страны, какъ архитектура, подобное средство могло оказаться дѣйствительнымъ. Съ одной стороны, извѣстныя формы стиля въ этомъ случаѣ могли оказаться такъ же постоянны и неизмѣнны, какъ и строительный матеріалъ, ихъ создавшій (дерево); съ другой стороны, разъ созданныя и поставленныя въ связь, эти формы и линіи получали значеніе, совершенно независимое отъ какихъ бы то ни было переворотовъ во внутреннемъ настроеніи художника. Другія отрасли изобразительныхъ искусствъ находились въ менѣе (или, если угодно, болѣе) счастливомъ положеніи: въ ихъ распоряженіи не было такихъ осязательныхъ, объективныхъ и своеобразныхъ формъ, какими располагала архитектура. Только орнаментъ находился въ положеніи, нѣсколько сходномъ, и потому онъ раздѣлилъ судьбу архитектуры. Независимо отъ чисто строительнаго орнамента нашей деревянной, а въ позднѣйшее время и кирпичной архитектуры, русскія древнія рукописи заключали въ себѣ огромныя богатства орнамента, сдѣлавшіяся теперь достояніемъ русской промышленности. Уже въ XIV вѣкѣ у насъ явился своеобразный орнаментъ изъ плетенья съ звѣриными формами, родственными и западному «чудовищному», и восточному стилю; въ XV вѣкѣ его смѣнилъ иногда очень сложный геометрическій орнаментъ, пригодный для покрытія большихъ площадей многократнымъ повтореніемъ одного и того же мотива. Въ XVI вѣкѣ мы опять встрѣчаемъ новый типъ орнамента: сплошную и нѣсколько тяжелую разрисовку разноцвѣтными тонами съ позолотой; наряду съ геометрическими формами тутъ являются и растительныя, а къ концу XVI и началу XVII вѣка эти «травы» начинаютъ обводиться контурами и покрываться тѣнями, по образцу заграничныхъ «печатныхъ листовъ».

Ничего подобнаго по законченности и живучести старыхъ формъ мы не найдемъ въ другихъ отдѣлахъ русскаго искусства. Мы видѣли, какія обстоятельства остановили уже въ Византіи развитіе христіанской скульптуры. Въ языческой Россіи это опасеніе, что статую смѣшаютъ съ идоломъ, было, конечно, еще естественнѣе, чѣмъ въ привыкшей къ классическимъ формамъ искус-

ства Византіи. Не только въ церкви, въ качествѣ предмета поклоненія, но и въ частномъ домѣ, какъ предметъ простого украшенія, скульптурное произведеніе вызывало большой соблазнъ и строгое осужденіе. Извѣстно, какой переполохъ произвела среди москвичей поставленная Самозванцемъ передъ его дворцомъ статуя «Ада». «Надъ вратами домовъ», говорится въ лицевыхъ святцахъ XVII вѣка, «у православныхъ христіанъ—воображаемыхъ звѣрей и зміевъ и никакихъ невѣрныхъ храбрыхъ мужей поставляти не подобаетъ. Ставили бы надъ вратами у своихъ домовъ православные христіане святыя иконы или честные кресты». При такомъ отношеніи къ скульптурѣ, эта отрасль изобразительнаго искусства вовсе отсутствовала въ древней Руси. Не стѣсняемая и не поддерживаемая никакой традиціей, современная русская скульптура воспиталась въ европейской школѣ и до сихъ поръ очень слабо проявила тѣ своеобразныя черты, которыя успѣли уже обратить вниманіе Европы на русскую живопись.

И это послѣднее искусство не унаслѣдовало отъ древней Руси ничего подобнаго тѣмъ задаткамъ самобытности, какіе мы встрѣтили въ исторіи русскаго зодчества. Византія передала, правда, русской живописи довольно значительное наслѣдство; но это наслѣдство долгое время оставалось мертвымъ капиталомъ, а когда пришло время пустить его въ оборотъ, оказалось уже слишкомъ поздно.

Древнерусская живопись была исключительно церковная; она составляла какъ бы часть богослуженія обряда и раздѣлила его участь. Такъ же какъ къ обряду, отношеніе къ сопровождающей его обстановкѣ долго оставалось чисто формальнымъ. Обстановкѣ обряда, какъ и ему самому, древнерусскій вѣрующій склоненъ былъ придавать догматическую важность и приписывать таинственную силу. Что по этой причинѣ не могло явиться и мысли—измѣнить что-либо въ полученныхъ отъ Византіи церковно-художественныхъ формахъ. Единственной оригинальностью могло бы быть, при такомъ отношеніи, развѣ только дальнѣйшее искаженіе,—конечно, невольное,—искаженныхъ уже Византіей типовъ древнехристіанскаго искусства. Но техника живописи настолько уже находилась въ упадкѣ въ моментъ перехода въ Россію, что и въ этомъ направленіи немного пришлось прибавить русскому варварству. Въ наиболѣе важныхъ случаяхъ до самого конца XIV вѣка приглашали писать иконы «мастера гречина». Отъ него переняли его мастерство и русскіе художники, но чисто механически. Икона писалась по трафарету, по «переводу» съ готоваго «образца»; о правильности рисунка не было и рѣчи, также какъ и

свободной композиціи его; искусство же владѣть красками и другими необходимыми матеріалами передавалось чисто ремесленной выучкой. Съ XV вѣка ремесло это, повидимому, утвердилось на Руси; по мѣрѣ дальнѣйшаго размноженія художническаго цеха появились и нѣкоторыя различія въ ремесленныхъ пріемахъ иконнаго письма. Древнѣйшей «школой» русской иконографіи, независимой отъ греческой или «корсунской», была Новгородская. Отъ нея отвѣтвилась (черезъ Устюгъ) Строгановская, выработавшая съ конца XVI вѣка самостоятельные пріемы на исполненіи многочисленныхъ заказовъ своихъ богатыхъ хозяевъ. Наконецъ, и въ Москвѣ, можетъ быть, уже съ XV вѣка, выработалась своя ремесленая традиція; процвѣтаніе Московской школы относится, впрочемъ, уже къ XVII вѣку, когда Оружейный приказъ постоянно держалъ нѣкоторое количество иконописцевъ на царской службѣ. Различіе между всѣми этими «школами», какъ уже сказано, сводится, главнымъ образомъ, въ разницѣ техническихъ пріемовъ. Новгородскія иконы отличаются короткими фигурами и преобладаніемъ желтаго и зеленаго цвѣта; Строгановскіе живописцы изображали фигуры длинныя и любили превращать икону въ миніатюру; можно найти особенности и въ способѣ рисовать контуры или накладывать тѣни и блики. Очевидно, подобныя различія ничего не имѣютъ похожаго на тѣ, которыми отличаются западныя школы живописи. Въ русской иконографіи, несомнѣнно, можно замѣтить внутреннее развитіе, но оно обнаруживается не въ смѣнѣ школъ, а въ томъ движеніи, которое совершается внутри каждой школы. Спеціалисты отличаютъ среди произведеній всѣхъ названныхъ школъ первую, вторую, а иногда и третью манеру: эти-то манеры, смѣняющіяся хронологически, свидѣтельствуютъ о ростѣ художественной техники и о постепенномъ освобожденіи художника отъ византійской рутины. Волей-неволей, каждая школа знакомилась, съ теченіемъ времени, съ пріемами западнаго искусства; лучшіе представители каждой начинали задаваться самостоятельными, идеальными цѣлями; въ результатѣ, неизбѣжнымъ исходомъ развитія каждой школы являлось стремленіе къ «живству» и подражаніе «фряжской» живописи.

Раньше всего, повидимому, обнаружилось это новое движеніе тамъ, гдѣ мы видѣли и начало религіознаго броженія: на западной, новгородско-псковской окраинѣ. Новгородская иконописная школа, какъ древнѣйшая, обыкновенно характеризуется, какъ наиболѣе близкая къ Византіи, и навѣрное, это было такъ, пока задачей русскаго искусства было—удержаться на той, не высокой, конечно, ступени художественности, на какой стояло визан-

тійское искусство времени упадка. Скоро, однако-же, новгородскіе и псковскіе художники пошли и дальше и представили небывалые на Руси примѣры свободы въ обращеніи съ иконографическими сюжетами. Послѣ московскаго пожара 1547 года понадобилось написать для Благовѣщенскаго собора новыя иконы и вновь расписать дворецъ. Для этого приглашены были псковскіе мастера. Въ короткое время иконы были написаны, — однѣ въ Москвѣ, другія въ Псковѣ, — и поставлены на мѣсто старыхъ. Москвичи пришли, однако же, отъ новыхъ иконъ въ соблазнъ, и одинъ изъ очень образованныхъ людей того времени, дьякъ Висковатый, не выдержалъ, доложилъ государю о своихъ сомнѣніяхъ по поводу новаго направленія церковной живописи. Его смущало то, что живописцы пишутъ «по своему разуму, а не по божественному писанію»; одинъ и тотъ же сюжетъ обрабатываютъ различно, такъ что на разныхъ иконахъ одинаковаго содержанія оказывается «то же писано, а не тѣмъ видомъ»; не дѣлаютъ, по старому обычаю, надписей на иконахъ и вводятъ въ живопись свѣтскія изображенія—«кромѣ божественнаго писанія». Собрался духовный соборъ (1554), который постарался доказать Висковатому неосновательность его сомнѣній и заставилъ его покаяться въ своихъ «хульныхъ строкахъ». Конечно, соборъ имѣлъ основанія доказывать, что новыя иконографическія формы нисколько не противорѣчатъ писанію; но правъ былъ и Висковатый, когда привычнымъ глазомъ москвича сразу отмѣтилъ новизну этихъ формъ на псковскихъ иконахъ. Современные изслѣдователи показали, что все, что смущало Висковатого, на самомъ дѣлѣ происходило съ Запада: и изображеніе Бога-Отца въ видѣ старца, и изображеніе Христа, покрытаго херувимскими крыльями и т. д. Мало того, оказалось, по наблюденію извѣстнаго знатока русской иконографіи, Ровинскаго, что на одной изъ новыхъ иконъ Благовѣщенскаго собора, писанныхъ псковичами «Останей да Якушкой», одна частность скопирована прямо съ рисунка Чимабуэ (одного изъ основателей флорентійской школы), а другая икона цѣликомъ воспроизводитъ рисунокъ Перуджино (учителя Рафаэля). Несомнѣнной новинкой была и аллегорическая роспись дворцовыхъ стѣнъ съ поразившею Висковатаго «женкой, которая спустя рукава пляшетъ». долженствовавшей изображать «блуженіе».

И въ иконографіи, очевидно, нравы начинали «шататься»; лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить мѣры, принятыя по этому поводу Стоглавымъ соборомъ. 43-я глава Стоглава устраиваетъ изъ иконописцевъ своего рода цехи и подчиняетъ ихъ наблюденію духовныхъ властей; та же глава повелѣваетъ «святи-

телямъ великое попеченіе имѣть, каждому въ своей области, чтобы хорошіе иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, а отъ самомышленія бы и своими догадками Божества не описывали: *ибо Христосъ Богъ нашъ описанъ плотью, а Божествомъ не описанъ*». Подчеркнутыя слова для насъ особенно любопытны: это, очевидно, отвѣтъ на одинъ изъ главныхъ доводовъ художническаго «самомышленія» XVI вѣка,—доводъ, который опять намъ встрѣтится въ XVII вѣкѣ. Сторонники новаго направленія живописи, какъ видно изъ этихъ словъ, уже въ XVI столѣтіи опирались на то соображеніе, что живопись имѣетъ право ставить своей задачей—*идеальное*, одухотворенное, небесное изображеніе святыхъ, а не копированіе предполагаемаго земнаго ихъ облика.

Постановленіями 43-й главы Стоглава—мѣры противъ «своихъ догадокъ» новыхъ живописцевъ не ограничились. Несомнѣнно, въ прямой связи съ этой 43-й главой возникаетъ во второй половинѣ XVI вѣка такъ называемый «подлинникъ», т. е. сборникъ снимковъ («переводовъ») съ установленныхъ разъ навсегда «образцовъ», по которымъ иконописцы должны были писать иконы. Къ этому «лицевому подлиннику», т. е. сборнику рисунковъ въ контурахъ, присоединялось, по днямъ года, описаніе, кратко характеризовавшее тайны святыхъ и перечислявшее нужныя для ихъ изображенія краски. Составленіе подлинника имѣло цѣлью окончательно закрѣпить въ общемъ употребленіи установившіеся типы иконописи и положить конецъ «мудрованію» художниковъ. Этого однако не только не удалось достигнуть, но, напротивъ, «самомышленіе» русскихъ иконописцевъ развилось въ XVII в. до небывалыхъ размѣровъ. Подлинникъ уже потому не могъ положить предѣла свободы художника, что вполнѣ однообразныхъ типовъ иконографіи и не существовало въ самый моментъ его составленія. Варіанты, все болѣе и болѣе многочисленные, указывались въ самомъ подлинникѣ, и чѣмъ долѣе онъ существовалъ, тѣмъ болѣе становился пестрымъ и сборнымъ. Извѣстная, относительная свобода была, такимъ образомъ, предоставлена художнику уже въ выборѣ варіантовъ. Еще болѣе вызывалъ его на свободное творчество особый типъ иконописныхъ изображеній, особенно распространившихся на Руси съ XVI столѣтія, именно сложныхъ иконъ. Въ Россіи еще болѣе, чѣмъ въ средневѣковой Европѣ, икона должна была замѣнять книгу; на общедоступномъ языкѣ условныхъ іератическихъ изображеній она должна была разсказать вѣрующему въ лицахъ то, что его интересовало въ области вѣры: эпизодъ изъ св. Писанія, житіе святого, значеніе праздника, содержаніе церковной пѣсни, даже смыслъ того или другого

обряда и догмата. Всѣ эти предметы становились темой для иконы. Конечно, такая икона требовала болѣе или менѣе самостоятельной композиціи. Требованія отъ художника были, правда, не велики: измѣнять общепринятыхъ изображеній онъ не могъ: онъ долженъ былъ только сопоставить ихъ механически. Изъ такихъ механическихъ сопоставленій и образовались типы нашихъ сложныхъ иконъ. Но, очевидно, и въ этихъ предѣлахъ фантазіи художника предоставлялось уже больше свободы, чѣмъ при повтореніи старыхъ, законченныхъ композицій. Онъ могъ всегда внести въ икону новыя подробности, извѣстныя ему изъ писанія, изъ церковныхъ пѣсней, наконецъ, изъ апокрифа; онъ могъ стремиться механически сопоставленнымъ частямъ иконы придать больше внутренняго единства или, по крайней мѣрѣ, постараться искуснѣе расположить ихъ на иконной доскѣ. Естественно, что сложныя иконы явились у насъ первымъ общепризнаннымъ продуктомъ національной живописи.

Труднѣе было добиться общаго признанія для реформы самыхъ пріемовъ иконописи съ цѣлью достиженія большаго правдоподобія. «Живописное» направленіе проявляется гораздо рѣзче въ XVII вѣкѣ, чѣмъ въ XVI-мъ, но за то и встрѣчаетъ болѣе рѣзкій отпоръ. «По попущенію Божію», пишетъ извѣстный намъ Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ посланій, «умножились въ нашей русской землѣ живописцы неподобнаго письма иконнаго... Пишутъ они Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, также и у ногъ бедра толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, только что сабли при бедрѣ не написано... А все то Никонъ врагъ умыслилъ—*будто живыхъ писать*; все устрояетъ по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому». Нужно замѣтить, что Аввакумъ тутъ не совсѣмъ справедливъ къ своему противнику: Никонъ торжественно, въ присутствіи восточныхъ патріарховъ съ церковной каѳедры осудилъ новое направленіе въ живописи и изрекъ анаѳему на его послѣдователей. Тѣ же самыя осужденія противъ западныхъ заимствованій въ иконографіи повторены были и соборомъ 1667 года. Но житейская практика не справлялась съ этими осужденіями и запрещеніями. Самое большее, чего достигла церковь—это то, что для оффиціальныхъ церковныхъ потребностей сохранилось прежнее «иконное» письмо, какого требовалъ старый подлинникъ; но рядомъ съ нимъ продолжало укрѣпляться и «живописное» письмо. Самые знаменитые мастера, какъ, напр., Симонъ Ушаковъ, работали одновременно на оба манера, смотря по вкусу своихъ заказчиковъ. Но заказчики

уже не удовлетворялись свѣтской живописью церковныхъ иконописцевъ. Со времени Михаила Ѳедоровича при московскомъ дворѣ стали появляться иностранные художники, поляки и нѣмцы, поступавшіе на царскую службу и писавшіе картины и «парсуны» (т. е. портреты). Съ сороковыхъ годовъ XVII в. эти художники у насъ не переводились и воспитали не мало русскихъ учениковъ. Естественно, что подготовленные такимъ образомъ, ободренные царскими заказами и царскимъ жалованьемъ, московскіе живописцы царской школы рѣшительно стали вносить пріемы «фряжскаго» письма въ самую иконопись и изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное. Однажды въ мастерской одного изъ этихъ царскихъ живописцевъ, только что упомянутаго Симона Ушакова, сидѣлъ его товарищъ и собратъ по направленію, «изуграфъ Іосифъ (Владиміровъ)». Пріятели бесѣдовали о живописи. Въ это время вошелъ къ нимъ сербскій архидіаконъ, Іоаннъ Плѣшковичъ, и вмѣшался въ бесѣду. Увидавъ художественное изображеніе Маріи Магдалины, Плѣшковичъ плюнулъ и сказалъ, что такихъ «свѣтовидныхъ» образовъ у нихъ не принимаютъ. Въ отвѣтъ на это Іосифъ написалъ энергическую отповѣдь въ формѣ посланія къ Ушакову. «Неужели ты скажешь», пишетъ Іосифъ, обращаясь къ своему противнику Плѣшковичу, «что только однимъ русскимъ дано писать иконы и только русскому иконописанію поклоняться, а отъ прочихъ земель не принимать и не почитать?.. Спроси отца своего и старцевъ, пусть скажутъ тебѣ, что во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы и всякая хитроткань, и златоплетенье, и каменье дорогое, и жемчугъ—все это ты отъ иноземцевъ получаешь и въ церковь вносишь и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь и ничего сквернымъ и отметнымъ не называешь... Въ наши времена ты требуешь отъ живописца, чтобы онъ писалъ образцы мрачные и неподоболѣпные, и учишь насъ лгать противъ древняго писанія... Гдѣ найдено такое указаніе, чтобы лица святыхъ писать смугло и темновидно? Развѣ весь родъ человѣческій созданъ въ одно обличье? Развѣ всѣ святые были смуглы и тощи? Если и имѣли они здѣсь на землѣ умерщвленные члены, то тамъ, на небесахъ, оживотворенны и просвѣщенны явились своими душами и тѣлами. Какой же бѣсъ позавидовалъ истинѣ и воздвигъ ковы на свѣтообразныя персоны святыхъ? Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ?.. Нѣтъ, не таковъ обычай премудраго художника. *Что онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ и согласно слуху или вѣдѣ-*

нію уподобляетъ. И каковы были въ древнемъ завѣтѣ, такъ и въ новой благодати—многіе святые мужескаго и женскаго рода были на видъ благообразны». Отъ мысли, что «живописныя» иконы могутъ вызвать соблазнъ, благочестивый художникъ приходитъ въ полное негодованіе. «Какъ ни страшишься ты, недостойный», восклицаетъ онъ, «взирать на блаженные лики—и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину и на самихъ блудницъ взирая, прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразное живописаніе разжигаться. Это—мысль послѣдняго безстрашія и крайняго нечестія, чтобы кому отъ иконъ соблазняться. Тѣлесно, а не духовно эти люди пришли къ такой мысли въ своемъ неразуміи: злоба ихъ ослѣпила». Какъ видимъ, нашъ художникъ-реалистъ конца XVII вѣка былъ настроенъ на самый высокій строй христіанской мысли и чувства. Самая идея, что натурализмъ въ живописи можетъ перейти должныя границы—была ему далека и чужда. Чтобы найти такое настроеніе въ европейскомъ искусствѣ, намъ надо было бы вернуться къ XIV-му вѣку. Тамъ это настроеніе вызвало возрожденіе религіозной живописи, бывшее началомъ возрожденія европейскаго искусства. Естественно, что и у насъ изъ кружка царскихъ живописцевъ должно было выйти нѣчто подобное. Такимъ образомъ, приподнятое настроеніе русскихъ художниковъ второй половины XVII вѣка даетъ намъ ключъ къ цѣлому ряду новыхъ и любопытныхъ явленій въ русской иконографіи. Дѣло не ограничивается, на этотъ разъ, простымъ накопленіемъ подробностей въ старой композиціи или механической перестановкой старыхъ мотивовъ для изображенія новаго сюжета. Перемѣны проникаютъ въ самый замыселъ старыхъ композицій, и вездѣ христіанскій художникъ старается поставить эти композиціи на высоту своего религіознаго чувства. Старымъ изображеніемъ Благовѣщенія Божіей Матери у колодца или дома за пряжей художникъ остается недоволенъ. Онъ заставляетъ Богородицу въ моментъ Благовѣщенія читать св. писаніе, и русскій святитель вскрываетъ намъ мотивъ, руководившій въ этомъ случаѣ русскимъ художникомъ. Архангелъ долженъ былъ обрѣсти Дѣву, по словамъ Димитрія Ростовскаго, «не внѣ дома, не среди житейскихъ попеченій, но въ молитвѣ, молчаніи и чтеніи книжномъ упражняющуюся». Точно также художника оскорбляло лежащее положеніе Богоматери на византійской иконѣ Рождества Христова, какъ намекъ на Ея человѣческую немощь,—и онъ, самъ того не зная, вернулся къ сидячей позѣ древнехристіанскаго искусства. Мотивъ на этотъ разъ излагаетъ намъ самъ художникъ, утверждая, что только «грубые

и невѣжды иконописцы» могутъ изображать Божественную Родильницу «на подобіе мірскихъ женъ» лежащей и съ повивальной бабкой; «а Пречистая Дѣва... не требоваше бабеннаго служенія;... сама роди, сама и воспелена, благоговѣйно осязаетъ, объемлетъ, лобызаетъ, подаетъ сосецъ: все дѣло радости исполнено, нѣтъ никакія болѣзни, ни немощи въ рожденіи». По тому же религіозному побужденію хлѣвъ, въ которомъ родился Христосъ, замѣненъ былъ пещерой. Эти примѣры можно было бы и умножить, такъ какъ новое направленіе подвергло пересмотру весь иконографическій матеріалъ: вездѣ сличило установившіеся типы съ текстомъ писанія и, гдѣ только можно было, ввело вмѣсто сухого византійскаго формализма свѣжее чувство и жизненность. Въ результатѣ этого пересмотра явился такъ-называемый «критическій подлинникъ», снабдившій новаго художника темами, взятыми непосредственно изъ памятниковъ церковной письменности, и этимъ самымъ освободившій его отъ иконописной рутины. Мало того, сторонники новаго направленія, разрушая старую традицію, попытались создать новую; съ этой цѣлью собраны были лучшіе новые образцы, выбраны лучшіе изъ старыхъ и все это съ прибавкой совершенно самостоятельныхъ композицій русскихъ художниковъ должно было служить руководствомъ для будущихъ иконописцевъ (Сійскій лицевой подлинникъ). Необходимо отмѣтить, что любимыми сюжетами новой церковной живописи сдѣлались тѣ же самые, которые составляли въ это время и любимыя темы для чтенія религіозныхъ людей. Въ послѣдней четверти XVII вѣка, въ эпоху общаго религіознаго оживленія, въ эпоху послѣдней борьбы раскола за преобладаніе, эпоху хлѣбопоклонной ереси и перевода на русскій языкъ Великаго зерцала (выше I), возникли и чрезвычайно быстро распространились текстъ и иллюстраціи «Страстей Господнихъ»; и немедленно же этотъ сюжетъ былъ утилизированъ для росписи стѣнъ въ царскихъ палатахъ. Въ это же время, повидимому, картина страшнаго суда обогатилась детально-разработаннымъ отдѣломъ адскихъ мученій. Нужно ли прибавлять, что внутренній смыслъ всѣхъ перечисленныхъ явленій былъ одинъ и тотъ же?

Слѣдуя общему подъему религіознаго настроенія, русское искусство, очевидно, стояло наканунѣ такого-же расцвѣта христіанской живописи, какимъ ознаменовалось XIII—XIV столѣтіе западнаго искусства. Ему предстояло, наконецъ, сойти съ той мертвой точки, на которой европейское искусство оставалось не далѣе XI—XII столѣтія. Предоставленная самой себѣ, наша живопись могла бы двинуться тѣмъ же путемъ, какъ западная, и, можетъ быть,

пережить четырьмя-пятью вѣками позже, свою классическую эпоху. Но эти вѣка прошли не даромъ и повторять ихъ теперь было поздно, а при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ очутилась русская религіозность къ началу XVIII вѣка, и вовсе невозможно. Религіозные люди тогдашней Руси въ большинствѣ стояли за церковную старину и не имѣли побужденій поддерживать иконографическія новшества. Религіозные новаторы стояли слишкомъ далеко отъ вопросовъ искусства. А для всѣхъ остальныхъ—вдохновеніе, руководившее христіанскимъ художникомъ, скоро сдѣлалось совершенно непонятно. Вотъ почему скромное движеніе, начавшееся въ московскихъ мастерскихъ царскихъ иконописцевъ, очутилось безъ почвы, раньше чѣмъ успѣло развить заключавшіеся въ немъ богатые задатки жизни. Сердечное умиленіе этихъ художниковъ никого больше не трогало и никому не было нужно. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ наши руководящія сферы перескочили черезъ цѣлыя столѣтія европейскаго развитія и спѣшили примкнуть къ самому послѣднему, текущему моменту. А въ этотъ моментъ европейское искусство давно уже пережило періодъ наивнаго юношескаго вдохновенія, успѣло овладѣть всѣми секретами художественной техники, достигло классическаго совершенства и, пресыщенное имъ, впало въ манерность. Слѣдуя современнымъ европейскимъ образцамъ, и русскому искусству пришлось прервать нить своего органическаго развитія и, оставивъ трудныя попытки, найти ощупью собственную дорогу, послушно отдаться въ ученье европейскимъ мастерамъ.

Конечно, безнаказанно такой перерывъ пройти не могъ. Какъ ни добросовѣстно старалось русское искусство воспроизвести западные образцы, оно не могло сдѣлать этого искренно. Ему оставалось или быть неискреннимъ и притворяться, что вмѣстѣ съ формой оно восприняло и западное содержаніе, или признаться въ своемъ безсиліи и постараться пробить себѣ собственную, хотя бы и скромную дорогу. Идя по первому пути, оно обрекало себя на безплодіе; на второмъ пути его продуктивность могла произвести на Европу впечатлѣніе варварства. На первыхъ порахъ, впрочемъ, выборъ между этими двумя направленіями даже не могъ быть сознательнымъ: обстоятельства слишкомъ повелительно направляли русскаго художника по первому пути. Прежде всего, это былъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наемникъ у котораго не спрашивали, какого Бога онъ носитъ въ своей душѣ. Его отдавали въ науку въ такіе годы, когда его собственное влеченіе не могло еще сложиться; за него платили дорого хорошимъ учителямъ; отъ него требовали, чтобы онъ научился дѣлать не хуже

ихъ,—если можетъ, лучше, но, во всякомъ случаѣ, не иначе, чѣмъ они: въ противномъ случаѣ его работа никому не была нужна. Живопись попала въ ту же зависимость отъ вкуса богатыхъ господъ, въ какой мы видѣли архитектуру; а у богатыхъ господъ не было своего вкуса: они вѣрили только, что самый лучшій вкусъ есть тотъ, который раздѣляетъ въ данный моментъ Западная Европа. При этихъ условіяхъ наши таланты и бездарности отливались въ одну общую форму и, пройдя искусъ, становились болѣе или менѣе удачными копіями великихъ образцовъ, нужными только хозяевамъ, на которыхъ работали. Положеніе дѣла не измѣнилось оттого, что частныхъ хозяевъ замѣнило государство, а мѣсто барской конторы заняла Академія Художествъ (1757).

При этихъ условіяхъ, въ живописи водворился тотъ же ложноклассицизмъ съ примѣсью сентиментальности, какой господствовалъ и въ литературѣ прошлаго вѣка. У художниковъ тоже явился свой «высокій» и «низкій» штиль; подобно литераторамъ, они предпочитали говорить условнымъ языкомъ «идеальнаго» искусства и не хотѣли признавать поэзіи въ прозѣ. Высокій штиль въ живописи—это была живопись религіозная и историческая, съ ея стилизованной, «очищенной» натурой, съ ея общими мѣстами типа, позы, движеній, складокъ, съ ея предпочтеніемъ голаго тѣла и пренебреженіемъ къ ландшафту, съ цѣлой системой строгихъ запретовъ противъ безъискусственнаго воспроизведенія дѣйствительности. Низкій штиль живописи—это было изображеніе обыденности, «жанръ»; этотъ видъ терпѣли подъ условіемъ соблюденія тѣхъ же условныхъ правилъ,—но смотрѣли на него, какъ на занятіе ремесленника или, самое большее, какъ на случайную шалость таланта. «Безсмертія» и славы жанристу такъ же невозможно было добиться, какъ прозаику; только занятіе «высокимъ» родомъ искусства могло свидѣтельствовать о «высокихъ» дарованіяхъ художника.

Только-что указанное сходство въ положеніи литературы и живописи XVIII вѣка, конечно, не случайно: оно объясняется одинаковостью причины, дѣйствовавшей въ томъ и другомъ случаѣ. Искусство, какъ мы уже говорили, сдѣлалось въ это время исключительнымъ достояніемъ высшаго общественнаго класса и принуждено было отражать его вкусы, служить его потребностямъ. Но та же причина въ обоихъ случаяхъ дѣйствовала не съ одинаковой силой: поэтому и послѣдствія ея дѣйствія оказались неодинаковыя. Литература раньше освободилась отъ исключительнаго служенія высшему классу. Съ одной стороны, это объясняется тѣмъ, что люди высшаго класса могли легко обходиться безъ

услугъ русской литературы: при распространенности французскаго языка заинтересованные имѣли возможность черпать прямо изъ самаго источника. Съ другой стороны, русская литература скоро сдѣлалась насущной потребностью средняго читателя изъ другихъ общественныхъ слоевъ: естественно, что она стала приноровлять свое содержаніе именно ко вкусамъ *этого* читателя. Выше мы видѣли, что этимъ путемъ она сдѣлалась болѣе жизненной (Оч. VI, I). Съ живописью такая перемѣна случилась значительно позже. Высшій классъ гораздо больше нуждался въ русскихъ копировальщикахъ, чѣмъ въ русскихъ переводчикахъ съ иностраннаго; въ то же время этотъ классъ былъ единственный, который могъ дать художнику средства къ существованію. Вкусъ широкой публики могъ оказать свое вліяніе на живопись только тогда, когда стали входить въ обычай художественныя выставки, и появились художественные музеи, а то и другое случилось не скоро. Вотъ почему для живописи — публика стала формироваться не раньше 30-хъ—40-хъ годовъ, тогда какъ для литературы она появилась уже въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка (см. выше). Вплоть до тридцатыхъ годовъ продолжали поэтому царить въ живописи классицизмъ и условность, поощряемые заказчиками и закрѣпленные школьной рутиной.

Свѣжимъ воздухомъ пахнуло въ эту плотно закупоренную среду, какъ только явилась публика, заинтересованная въ искусствѣ. Можно, впрочемъ, и наоборотъ сказать, что публика стала интересоваться искусствомъ, какъ только обнаружились въ немъ первые признаки движенія. То и другое явленіе, т. е. появленіе художественно-заинтересованной публики и оживленіе живописи связано у насъ съ именемъ Брюллова, и еще точнѣе, съ его знаменитой картиной «Послѣдній день Помпеи», выставленной въ Петербургѣ въ 1836 году. Впервые въ Россіи успѣхъ картины принялъ размѣры какого-то общественнаго событія; и смыслъ этого событія былъ—пораженіе, нанесенное новой картиной академической условности и рутинѣ. «Послѣдній день Помпеи»—это была сама жизнь послѣ той «тихой скуки и ледяной неподвижности», какія царили въ произведеніяхъ русскихъ подражателей Менгса и Давида. Бѣгущіе люди, падающія зданія, при яркомъ заревѣ изверженія и пожара, расточительность красокъ, движеній, фигуръ, эффекты свѣта и выраженіе ужаса, отчаянія—все это привело русскую публику въ такой же восторгъ, какой, лѣтъ 15-ть раньше, испытала французская публика передъ полотномъ Жерико, перваго провозвѣстника романтизма въ живописи *). Русское

*) Разумѣю здѣсь его знаменитую картину «Плотъ фрегата Медузы».

впечатлѣніе было тѣмъ живѣе, что оно было первое въ этомъ родѣ: Брюлловъ явился, уже прославленный въ Италіи, и нераздѣльно завладѣлъ только-что разбуженными симпатіями неподготовленной публики.

И такъ, первое сильное впечатлѣніе, произведенное живописью на русскую публику, было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первой побѣдой надъ условностями академическаго классицизма. За первой побѣдой скоро послѣдовали и другія. Въ сущности говоря, у самаго Брюллова оставалось еще слишкомъ достаточно всяческихъ условностей и классицизма. То, что сравнительно съ предыдущимъ застоемъ искусства представлялось жизненной правдой, само по себѣ очень скоро должно было оказаться реторикой и сплошнымъ общимъ мѣстомъ. Дѣйствующія лица «Послѣдняго дня Помпеи» слишкомъ откровенно позировали передъ зрителемъ въ роляхъ-предоставленныхъ имъ художникомъ; вся сцена слишкомъ напоминала театральное представленіе съ заранѣе обдуманными и заученными эффектами. Положеніе, занятое Брюлловымъ, скоро оказалось промежуточнымъ и временнымъ въ исторіи нашего искусства. Брюлловъ былъ Державинымъ русской живописи. Подобно «Пѣвцу Фелицы», онъ старался вдохнуть жизнь въ отжившія классическія формы; но, продолжая пользоваться этими самыми формами, онъ такъ же быстро устарѣлъ вмѣстѣ съ ними. Толчокъ, данный художникамъ и публикѣ созданіями Брюллова, не пропалъ даромъ; но интересъ тѣхъ и другихъ скоро направился совсѣмъ въ другую сторону.

Въ самый годъ колоссальнаго успѣха брюлловской картины въ Петербургѣ началъ писать свою картину въ Римѣ Ивановъ. По замыслу художника, эта картина должна была произвести тотъ переворотъ въ русской живописи, котораго не удалось произвести Брюллову: она должна была сознательно покончить со старымъ направленіемъ академіи и внести въ русское искусство жизнь и правду. И эта попытка, однако, не удалась и сохранила для насъ только одинъ историческій интересъ. Картина Иванова слишкомъ долго писалась, чтобы попасть въ тонъ современности; за то для насъ ея судьба служитъ лучшимъ показателемъ того, какъ быстро совершалось дальнѣйшее развитіе художниковъ и публики. Жажда правды, стремленіе къ мѣстному колориту было большою новостью, когда картина была задумана (около 1824 г.); эти стремленія оставались еще новостью и тогда, когда Ивановъ, 12 лѣтъ спустя, началъ, наконецъ, писать свою картину (1836). Но когда, еще черезъ столько же времени (1848) онъ ее окончилъ, все уже перемѣнилось кругомъ художника: и время, и люди. Перемѣнился,

въ концѣ концовъ, и самъ Ивановъ, утратившій свой религіозный идеализмъ. Слишкомъ поздно онъ созналъ, какъ сильно надъ нимъ тяготѣли, по его собственному выраженію, слѣды «татарскаго ига», и притомъ еще не одного, а нѣсколькихъ: ига соціальнаго положенія, ига семейныхъ традицій, ига академическаго воспитанія, ига итальянской школы. Подъ этимъ гнетомъ Ивановъ истратилъ жизнь на то, чтобы разсудкомъ убѣдиться, что русскому обществу нужно не то, что онъ дѣлалъ, а что-то другое. Съ свойственной ему добросовѣстностью онъ горячо принялся искать этого «другого»; но ему такъ и не удалось до самой смерти вырваться изъ заколдованнаго круга академической пустыни, не пришлось даже и издали взглянуть на обѣтованную землю національнаго искусства. Въ тѣ нѣсколько недѣль жизни, которыя оставались ему послѣ возвращенія изъ Италіи въ Россію (1858), онъ, конечно, не имѣлъ возможности разсмотрѣть, что эта искомая и неизвѣстная ему основа національнаго искусства тутъ, подъ руками, зрѣетъ и пробивается на свѣтъ Божій, только не въ высокой формѣ религіозной живописи, а въ формѣ презрѣннаго въ его глазахъ «жанра».

А между тѣмъ, «жанръ»,—эта проза живописи, ея соціальный романъ и повѣсть, — давно уже пустилъ корни въ Россіи и къ срединѣ вѣка успѣлъ дать свои первые, довольно замѣтные побѣги. Венеціановъ (1780—1847) былъ Карамзинымъ русской живописи, съумѣвшимъ облечь подлинный русскій бытъ въ тѣ приличныя, сильно подправленныя и подслащенныя формы, въ которыхъ этотъ бытъ только и могъ тогда стать достояніемъ живописи. «Добрые поселяне» и добродѣтельные помѣщики венеціановскихъ жанровъ никого не могли шокировать; сама академія соглашалась, на этихъ условіяхъ, принять подъ свое покровительство «сей пріятный родъ живописи». Сорокъ восьмой годъ и тутъ сразу все испортилъ, внеся рѣзкій диссонансъ въ мирное сожительство двухъ «штилей» и навсегда поссоривъ ихъ между собою. Причиной ссоры было неблаговоспитанное поведеніе русскаго жанра. На академической выставкѣ 1848 г. появилось знаменитое Федотовское «Утро чиновника, получившаго первый орденъ», переименованное изъ предосторожности въ скромное «Слѣдствіе пирушки» въ академическомъ каталогѣ. Осторожность оказалась не лишней: при воспроизведеніи картины въ литографіи пришлось пойти еще дальше и снять орденъ съ халата новоиспеченнаго «кавалера». Смыслъ этихъ мѣропріятій понятенъ былъ каждому: впервые русская живопись осмѣлилась задѣть настоящую, неприкрашенную, *гоголевскую* дѣйствительность. Къ выставкѣ слѣдую-

щаго 1849 года Ѳедотовъ взялъ тему въ духѣ только-что начинавшаго тогда Островскаго; онъ представилъ другую свою знаменитую картину «Сватовство маіора». Русская живопись могла теперь праздновать свое гражданское совершеннолѣтіе.

Публика пошла за Ѳедотовымъ; но въ мірѣ художниковъ до самаго конца царствованія императора Николая I продолжалъ царить Брюлловъ. Попытки Ѳедотова здѣсь не казались серьезными и вызвали осужденіе критики. Самому Ѳедотову и въ голову не могло придти, что его картины окажутся первыми предвѣстниками того широкаго движенія, которое началось въ русской живописи съ воцареніемъ Императора Александра II и привело къ образованію самостоятельной русской школы.

На этотъ разъ искусство догнало, наконецъ, литературу и пошло въ своемъ развитіи объ руку съ нею, въ тѣснѣйшей отъ нея зависимости. Русскіе художники, въ своемъ стремленіи къ правдѣ и дѣйствительности, только примкнули къ общему настроенію литературы и вмѣстѣ съ нею бросились въ борьбу противъ общаго врага,—противъ остатковъ ненавистной старины. Старые авторитеты въ мірѣ живописи, какъ и повсюду, должны были быть окончательно низвергнуты. Тотъ же самый литературный критикъ (В. В. Стасовъ), который въ 1852—1856 годахъ еще вѣритъ въ величіе Брюллова, въ 1861 году низводитъ его съ пьедестала и подвергаетъ суровой критикѣ его художественные пріемы. То же самое произведеніе, которое только-что казалось критику чуть не безсмертнымъ созданіемъ по богатству художественной фантазіи, теперь вызываетъ съ его стороны одно осужденіе, какъ произведеніе, оскорбительное для человѣческаго достоинства *). Понятно, что и картина Иванова, простоявшая въ мастерской еще десять лѣтъ послѣ того, какъ перестала удовлетворять самого художника, оказывается въ эти годы (1858) совсѣмъ не по времени. Молодежь спѣшила разорвать всѣ связи съ прошлымъ, съ академіей, съ высокими родами живописи.

Не далѣе, какъ въ 1863 г., это настроеніе молодого поколѣнія художниковъ находитъ свое выраженіе въ фактѣ, въ высшей степени характерномъ. Тринадцать талантливыхъ учениковъ академіи отказываются изображать «бога Одина въ Валгаллѣ»,—очередная тема, заданная академіей на золотую медаль. Они рѣшаютъ, что

*) Рѣчь идетъ о послѣднемъ эскизѣ Брюллова «Всесокрушающее время» (Il tempo destruttore), въ которомъ авторъ хотѣлъ состязаться со «Страшнымъ судомъ» Микель-Анджело и изобразилъ всѣхъ представителей религій, науки и искусства, любви и красоты всѣхъ временъ и народовъ — низвергаемыми старцемъ-Временемъ въ однѣ и тѣ же волны забвенія.

академія имъ больше не нужна, посылка за-границу тоже; подражанія великимъ образцамъ они бѣгаютъ, какъ чумы, всему предпочитаютъ натуру, и притомъ, свою родную, русскую натуру, и въ ней ищутъ пищи для своего вдохновенія. Покинувъ академію, молодежь составляетъ «артель», сдѣлавшуюся потомъ зерномъ «Товарищества передвижныхъ выставокъ». Обращеніе къ большой публикѣ является естественнымъ выводомъ со стороны направленія, которое не хочетъ больше лицемѣрія и учености, объявляетъ войну всякой условности и всѣмъ хочетъ быть одинаково понятно. На академической выставкѣ новому направленію скоро становится тѣсно; съ 1871 года является «передвижная», и къ ней переходятъ всѣ симпатіи публики.

Послѣдствія этого движенія пятидесятыхъ годовъ всѣмъ хорошо извѣстны. Вслѣдъ за Перовымъ,—Некрасовымъ русской живописи,—выступила цѣлая фаланга талантливыхъ художниковъ, перенесшихъ на полотно все содержаніе русской дѣйствительности. Городъ и деревня, столица и провинціальная глушь, всѣ классы общества, крестьяне и разночинцы, помѣщики, духовенство бѣлое и черное; люди всякихъ профессій, чиновники и лавочники, доктора и адвокаты, студенты и курсистки; всевозможныя положенія жизни, служба и ссылка, преступленіе, подвигъ и мирная семейная жизнь; вся гамма душевныхъ настроеній, отъ легкой шутки до ужасающей трагедіи, всяческая злоба дня, банковый крахъ, судебный процессъ,—словомъ, все безконечно-разнообразное содержаніе дѣйствительной жизни сразу сдѣлалось содержаніемъ того рода живописи, который такъ еще недавно занималъ въ искусствѣ и на выставкахъ второстепенное положеніе «жанра». Теперь никто ничѣмъ другимъ не интересовался. Религіозная живопись безсильна была вдохновить художника; историческая живопись удавалась рѣдко. За то вездѣ, гдѣ русскіе художники чувствовали подъ собой почву въ существующей дѣйствительности, гдѣ искусство должно было только быть правдивымъ, вездѣ новое направленіе быстро добилось блестящихъ успѣховъ. Подобно литературѣ, его обвиняли въ тенденціозности, въ стремленіи обличать общественное зло, въ томъ, что его реализмъ часто переходилъ въ преувеличеніе и карикатуру. Нельзя отрицать фактовъ, вызвавшихъ эти обвиненія, и нѣтъ надобности ихъ оправдывать. Искусство только было въ этомъ случаѣ вѣрнымъ выразителемъ настроенія современнаго ему общества. Принципъ реализма, во всякомъ случаѣ, былъ шире тѣхъ примѣненій, которыя изъ него дѣлались на первыхъ порахъ, и глубже коренился въ условіяхъ развитія русскаго творчества. Лишенное живой традиціи и школы, русское искусство должно

было на первыхъ шагахъ своего развитія оказаться непосредственнымъ и свѣжимъ, враждебнымъ всякой искусственности. Когда обличительная горячка прошла, искусство все-таки осталось реалистическимъ; и переставъ быть сентенціознымъ, оно отъ этого не сдѣлалось менѣе поучительнымъ. Послѣ Перова мы получили Рѣпина, изобразившаго намъ, безъ сентиментальности и раздраженія, нѣчто болѣе сильное, чѣмъ всѣ инвективы молодого Перова. Рѣпину нѣтъ надобности изображать сельскаго пастыря въ моментъ самаго крайняго униженія, чтобы вызвать въ зрителѣ критическое отношеніе къ нему; тотъ же «крестный ходъ» онъ изобразитъ, напротивъ, въ моментъ высшаго торжества формальной вѣры,—и впечатлѣніе зрителя будетъ гораздо глубже и сильнѣе. Изъ толпы оборванцевъ онъ создаетъ художественный символъ русскаго народа, вѣками тянущаго свою тяжелую государственную лямку среди монотонной исторической арены, и, конечно, этотъ «жанръ» будетъ не менѣе «исторической» живописью, чѣмъ изображеніе такой же группы оборванцевъ, не умѣстившихся въ рамкахъ государственности и сложившихся въ безшабашное казацкое рыцарство. Какъ видимъ, все доступно этому реализму, не исключая самыхъ глубокихъ историческихъ концепцій; только въ области религіозной живописи онъ остается безсильнымъ и вмѣсто иконы даетъ ту же историческую картину (Святитель Николай): но это потому, что расцвѣтъ религіозной живописи бываетъ продуктомъ совсѣмъ другихъ временъ и иныхъ общественныхъ настроеній. Получи національная школа живописи свое начало въ исходѣ XVII вѣка, она, конечно, развилась бы на почвѣ религіозной живописи въ духѣ прерафаэлитизма; во второй половинѣ XIX вѣка она только и могла развиться на почвѣ соціальной борьбы и житейскаго реализма.

Если мы отъ изобразительныхъ искусствъ обратимся къ исторіи русской музыки, то и здѣсь найдемъ тотъ же параллелизмъ развитія, какой могли усмѣдить въ исторіи живописи и литературы. Западная музыка была продуктомъ культурнаго вліянія церковнаго элемента на народные задатки. Народная пѣсня дала напѣвъ; церковный средневѣковой стиль научилъ сопровождать этотъ напѣвъ другими созвучными голосами. Такимъ образомъ явилось въ музыкѣ новаго времени сочетаніе мелодіи съ гармоніей, одноголоснаго стиля съ многоголоснымъ. Въ Россіи и въ этомъ случаѣ церковь сторонилась отъ народной старины: вотъ почему церковное пѣніе и народная пѣсня долго существовали у насъ рядомъ, не оказывая другъ на друга никакого вліянія и нисколько не развивая своихъ старинныхъ формъ. Точно такое же отношеніе

мы видѣли раньше между народнымъ языческимъ преданіемъ и христіанской поэзіей. И результаты получились здѣсь тѣ же. Русская пѣсня донесла вплоть до нашего времени свой своеобразный ритмъ и даже свою особенную гамму, не укладывающуюся не только въ рамки европейскаго мажора и минора, но и вообще въ рамки европейской тональности. Съ другой стороны, и церковное пѣніе («знаменное») долго оставалось такимъ же неразвитымъ, одноголоснымъ, какимъ пришло къ намъ изъ Византіи или отъ южныхъ славянъ. Древняя Русь не принимала никакого участія въ той грандіозной выработкѣ многоголосного стиля, которая на Западѣ уже заканчивалась въ XV столѣтіи, подготовивъ почву для Палестрины.

Однако же, и въ Россіи можно замѣтить въ области церковной музыки нѣкоторое движеніе, параллельное европейскому, хотя и гораздо болѣе элементарное. Движеніе это относится къ тому же времени, какъ и указанныя нами выше начатки самостоятельнаго развитія въ другихъ родахъ искусства: къ XVI и XVII вѣку. Съ середины XVI столѣтія записываются и вновь составляются церковные напѣвы. Въ это же время входитъ въ употребленіе особый родъ пѣнія, называемый «демественнымъ». Онъ состоялъ, повидимому, въ томъ, что основной мотивъ напѣва сопровождался чѣмъ-то вродѣ непрерывной каденцы ad libitum. Сперва это украшеніе мотива было импровизаціей пѣвца-виртуоза; но затѣмъ его голосъ былъ записанъ, и для этого изобрѣтены русскими спеціалистами особые нотные знаки, болѣе сложные, чѣмъ старые «знаменные» крюки. Можно предполагать, что рулады «демественнаго» пѣнія послужили у насъ первымъ толчкомъ къ развитію многоголосной музыки: по крайней мѣрѣ, древнѣйшія русскія сочиненія на нѣсколько голосовъ (XVII в?) написаны тѣми же, спеціально-русскими, знаками, какъ и «демественные» напѣвы. Эти первые шаги къ развитію полифоннаго стиля были, повидимому, дѣломъ царской пѣвческой школы XVI—XVII в., точно такъ же, какъ царскіе живописцы положили начало возрожденію живописи, и такъ же, какъ въ послѣднемъ случаѣ Новгородъ, кажется, предвосхитилъ стремленія царской школы. Питомцемъ Новгородской школы былъ одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ гармонистовъ, Шайдуровъ, принявшійся гармонизировать церковныя мелодіи съ помощью того самаго «тріестествогласія» (простого тризвучія), которое казалось и позднѣйшимъ изслѣдователямъ единственно возможнымъ способомъ гармонизаціи древнихъ напѣвовъ.

Судьба этихъ скромныхъ самостоятельныхъ попытокъ была та же самая, какъ и судьба начинаній Ушакова и Владимірова

(см. выше). Вырабатывать собственный полифонный стиль оказалось такъ же поздно, какъ и создавать самобытную религіозную живопись. Изъ югозападной Руси скоро (уже въ началѣ XVII вѣка) стали переходить въ Москву готовыя многоголосныя партитуры. Такимъ образомъ, «партесное» пѣніе XVIII вѣка явилось не столько плодомъ самостоятельныхъ русскихъ усилій, сколько перерывомъ въ музыкальной русской традиціи. Въ обыденномъ пѣніи сохранились, правда, старинные знаменные напѣвы, закрѣпленные, съ грѣхомъ пополамъ, первымъ печатнымъ синодскимъ изданіемъ 1772 года. Но придворная и аристократическая церковная музыка, подобно архитектурѣ и живописи, пошла путемъ подражанія. Во второй половинѣ XVIII вѣка явились въ Россію, на казенную службу, итальянскіе композиторы: они подняли, правда, «партесное» пѣніе на высоту современной европейской техники, но, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно лишили его національнаго колорита.

Впрочемъ, церковная музыка вообще отошла теперь на второй планъ. На первый планъ выдвинулась свѣтская музыка, которую въ изобиліи поставляли тѣ же итальянцы, приглашавшіеся на придворную службу. Въ Россіи началось господство «оперы»—въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее тогда понимали: въ смыслѣ какого-то водевиля съ аріями въ формѣ куплетовъ, съ плясками и хорами. Позднѣе, конечно, эта «опера» XVIII вѣка смѣнилась позднѣйшей оперой знаменитыхъ итальянскихъ маэстро; но эта позднѣйшая музыка удовлетворяла тому же легкому вкусу, какъ и старая. Такимъ образомъ, итальянизмъ сдѣлался у насъ такой же условностью въ музыкѣ, какою былъ классицизмъ въ живописи и литературѣ. Нужно, однако, отмѣтить и важную разницу въ положеніи того и другого. Оба направленія можно назвать условными въ томъ смыслѣ, что оба они одинаково вытекали изъ отчужденія искусства отъ живыхъ родниковъ національнаго творчества. Но классицизмъ принимался русскимъ обществомъ, какъ обязательная декорація европейскаго просвѣщенія, необходимая для соблюденія приличія, хотя никого въ сущности не интересовавшая. Итальянщина же въ самомъ дѣлѣ льстила элементарнымъ вкусамъ совершенно неподготовленной публики. Вотъ почему поворотъ къ національности и сближеніе съ жизнью было гораздо легче для литературы и живописи, чѣмъ для музыки. Для того, чтобы сочувствовать крушенію ложнаго классицизма, нуженъ былъ только простой здравый смыслъ и свѣжее чувство; для того же, чтобы восторжествовать надъ итальянской музыкальной манерой, нуженъ былъ образованный вкусъ, котораго большинству недоставало. И притомъ, побѣда надъ классицизмомъ приводила непосредственно къ

національному реализму; тогда какъ побѣда надъ итальянщиной еще не разрѣшала сама по себѣ дальнѣйшаго вопроса, кто воспользуется плодами этой побѣды: уступитъ ли итальянизмъ свое мѣсто серьезной европейской космополитической музыкѣ, или же и здѣсь возьметъ верхъ русская національная школа.

Переходъ отъ итальянской музыки къ національной, а также и отношеніе публики къ этому переходу мы можемъ на этотъ разъ прослѣдить на одномъ человѣкѣ: на основателѣ русской оперы, Глинкѣ. Только-что вернувшись изъ первой своей итальянской поѣздки, полный впечатлѣній, вывезенныхъ изъ Италіи, Глинка принялся за свою первую оперу («Жизнь за Царя»); публика познакомилась съ ней въ одинъ годъ съ картиной Брюлова (1836) и чрезвычайно охотно отнесла ее, вмѣстѣ съ этой картиной, къ разряду истинно-національныхъ произведеній, дѣлающихъ эпоху. Надо припомнить, что это было время оффиціальныхъ поисковъ за всѣмъ національнымъ: опера Глинки и картина Брюллова очутились въ категоріи великихъ національныхъ созданій по тому же побужденію, по какому попала въ эту категорію Тоновская архитектура и чуть не попали патріотическія драмы Кукольника. Конечно, «Жизнь за Царя» имѣла несравненно болѣе правъ на эту честь, чѣмъ всѣ перечисленыя произведенія искусства; но, собственно, заслужила она свой успѣхъ у публики какъ разъ тѣми слабѣйшими сторонами, которыя роднили ее съ этими произведеніями. Публика цѣнила въ оперѣ Глинки ея слащавый итальянскій элементъ и не замѣчала того, что было дѣйствительно ново и оригинально. Черезъ шесть лѣтъ это взаимное недоразумѣніе выяснилось. Дѣло въ томъ, что Глинка за этотъ періодъ успѣлъ окончательно возненавидѣть итальянскую манеру; онъ былъ теперь и вообще «недоволенъ существующей музыкальной системой», находилъ, «что музыкѣ необходимо обновленіе, освѣженіе посредствомъ другихъ элементовъ», и осуществилъ свои новаторскія стремленія въ «Русланѣ и Людмилѣ» (1842). Пріемъ, сдѣланный оперѣ публикой, былъ на этотъ разъ совершенно иной. Публику привели въ восхищеніе въ «Русланѣ» декораціи и костюмы; а музыка вызвала одно только недоумѣніе. «Всѣ пришли въ театръ съ предубѣжденіемъ въ пользу композитора», разсказываетъ одна современная рецензія (Булгаринъ въ въ «Сѣверной Пчелѣ»), «съ пламеннымъ желаніемъ споспѣшествовать его торжеству,—и всѣ вышли изъ театра, какъ съ похоронъ! Первое слово, которое у каждаго срывалось съ языка: *скучно*. «Слѣдовательно», разсуждаетъ далѣе рецензентъ, «вся публика не поняла музыки *Руслана и Людмилы?* Положимъ такъ. Но для кого пишутся оперы? Для ученыхъ контрапунктистовъ, глубокихъ

знатоковъ композиторовъ или для публики, для массы? Композиціи, написанныя для безсмертія, для потомства, пусть бы оставались въ портфелѣ, а публикѣ пусть бы дали то, что она въ состояніи понимать и чувствовать». Таково было общее настроеніе,— и опера послѣ перваго сезона исчезла съ театральныхъ подмостковъ на цѣлыхъ 15 лѣтъ. Итальянцы въ слѣдующую зиму праздновали въ Петербургѣ одинъ изъ самыхъ своихъ блестящихъ тріумфовъ.

Положеніе дѣла не измѣнилось и послѣ этого промежутка. Другой новаторъ, еще болѣе смѣлый, Даргомыжскій, вотъ что говорилъ въ 1856 году о своихъ планахъ и объ отношеніи къ нимъ публики. «Артистическое мое положеніе въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ для слуха «мелодій», за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. *Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды.* Они этого понять не умѣютъ».

Въ подчеркнутыхъ словахъ заключается программа новѣйшей русской музыкальной школы. Русская музыка хочетъ быть реалистической, подобно другимъ отраслямъ русскаго искусства. Это направленіе и тутъ особенно развивается со времени эпохи реформъ. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, подъ покровительствомъ Даргомыжскаго, составляется кружокъ начинающихъ музыкантовъ, не прошедшихъ никакой систематической школы и потому надолго закрѣпившихъ за собой репутацію «дилеттантовъ». Тутъ было два новоиспеченныхъ офицера, Кюи и Мусоргскій, и только-что кончившій въ университетѣ Балакиревъ; нѣсколько позже (въ началѣ 60-хъ годовъ) къ кружку присоединились воспитанникъ морского училища, потомъ морской офицеръ Римскій-Корсаковъ и молодой профессоръ химіи, Бородинъ. Балакиревъ былъ между ними самый знающій и скоро сталъ признаннымъ главой кружка, членовъ котораго онъ поочередно ввелъ въ таинства музыкальной техники. Въ талантахъ и рвеніи недостатка въ кружкѣ не было. Но обстоятельства сложились такъ, что молодымъ піонерамъ русской музыки пришлось очутиться въ оппозиціи: господствующее положеніе занялъ въ мнѣніи публики и журнальной критики музыкальный космополитизмъ, пріобрѣтшій себѣ прочную опору въ только что открытой петербургской консерваторіи (1862). «Балакиревскій кружокъ» не думалъ, однако, складывать оружія. Въ томъ же году—и за годъ до извѣстнаго намъ бунта молодыхъ художниковъ противъ академіи (см. выше),—молодые музыканты создали, въ pendant къ консерваторіи, свою «Безплатную музыкальную

школу»; концерты этой школы, подъ управленіемъ Балакирева, сдѣлались настоящей выставкой—только что не «передвижной»—произведеній новой русской музыки. Реализмъ оставался главнымъ девизомъ этой музыки: Мусоргскій повелъ его еще дальше Даргомыжскаго въ речитативномъ стилѣ своихъ оперъ, а въ симфонической и камерной музыкѣ выраженіемъ новаго направленія сдѣлалась «програмность». Стремленіе выразить слово звукомъ, имѣло свои крайности, подобныя тѣмъ, какія мы видѣли и въ направленіи живописи 60-хъ годовъ: не даромъ Мусоргскаго сравнивали съ Перовымъ. Національность русской музыки проявилась, конечно, не въ однихъ этихъ увлеченіяхъ: и мелодія, и гармонія были у нашей «кучки» своеобразны и оригинальны. Неподготовленность большой публики и рѣдкость исполненія новыхъ сочиненій были причиной, почему успѣхъ русской музыкальной школы не былъ ни такъ быстръ, ни такъ рѣшителенъ, какъ успѣхъ новой живописи. Но, конечно, это препятствія временныя. Вопреки имъ и несмотря даже на остатки предразсудковъ противъ русскихъ новаторовъ, публика уже теперь начинаетъ цѣнить мощь Бородина, нѣжность Кюи и грацію Римскаго-Корсакова. Можно быть разныхъ мнѣній объ отдѣльныхъ произведеніяхъ и авторахъ новой школы, но трудно не согласиться, что основными ея чертами являются правдивость, свѣжесть впечатлѣній, непосредственность въ ихъ музыкальной передачѣ. Русская музыка, какъ и русская живопись, носятъ на себѣ одинъ и тотъ же характеръ перваго почина, не связаннаго никакой традиціей, никакими правилами школьной рутины. Темпераментъ побѣждаетъ въ нихъ условность: ихъ сила въ томъ самомъ преобладаніи натуры надъ культурой, за которое школьный педантизмъ подвергалъ ихъ строгому осужденію.

На этомъ мы можемъ кончить наши наблюденія надъ исторіей русскаго творчества. Выводы, къ которымъ приводятъ эти наблюденія, стоятъ въ самой тѣсной связи съ итогами предъидущаго (V) очерка. Русская литература и искусство переживаютъ въ своемъ развитіи четыре періода. Смѣна первыхъ трехъ изъ нихъ объясняется состояніемъ религіозности соотвѣтствующаго періода; характеръ послѣдняго является необходимымъ послѣдствіемъ характера предъидущихъ.

Первый періодъ характеризуется механическимъ воспроизведеніемъ и невольнымъ искаженіемъ образцовъ, полученныхъ отъ Византіи. Онъ соотвѣтствуетъ внѣшнему воспріятію религіозныхъ формъ, при полномъ безсиліи усвоить ихъ духовное содержаніе. Только въ архитектурѣ этотъ періодъ кончается довольно рано, вслѣдствіе зависимости строительныхъ формъ отъ мѣстнаго мате-

ріала и условій жизни. Въ остальныхъ областяхъ творчества простое копированіе продолжается до конца XV и начала XVI вѣка. Въ XVI и XVII в. наступаетъ *второй* періодъ, который можно назвать періодомъ безсознательнаго народнаго творчества. Религіозный формализмъ, усвоенный предъидущей эпохой, ведетъ теперь къ преувеличенному почитанію мѣстныхъ національныхъ особенностей, принимаемыхъ за самую исконную, подлинную христіанскую старину. Наряду съ особенностями обряда пріобрѣтаютъ общее уваженіе и произведенія самобытнаго искусства: христіанская легенда начинаетъ вдохновлять художника и оказывать вліяніе на религіозную живопись; архитектура переживаетъ періодъ расцвѣта національнаго стиля. Но скоро ревнители настоящей, греческой старины обнаруживаютъ національное происхожденіе мѣстныхъ особенностей, церковныхъ и художественныхъ. Противъ нихъ начинается теперь, во имя того же формализма вѣры, усиленное преслѣдованіе. Церковь разрываетъ связь съ своимъ національнымъ прошлымъ и строго осуждаетъ плоды самостоятельнаго, хотя и безсознательнаго религіознаго творчества. Созданное такимъ образомъ положеніе оказывается роковымъ для дальнѣйшей судьбы русскаго искусства. Оффиціальная вѣра ставитъ этому искусству слишкомъ узкія рамки; народная вѣра слишкомъ занята вопросомъ самосохраненія, слишко бѣдна интеллигентными вождями и, наконецъ, слишкомъ усердно стоитъ за сохраненіе московской старины, чтобы представить благопріятную почву для свободнаго развитія искусства. Въ этотъ моментъ внутренней слабости, вызванной отпаденіемъ усерднѣйшихъ и равнодушіемъ оставшихся,—началось могущественное вліяніе Запада. Вліяніе это было неизбѣжно, но послѣдствія его могли быть различны, смотря по тому, встрѣтилось ли бы оно съ богатствомъ или съ пустотой душевной жизни. Мы видѣли примѣры подъема религіозной мысли и чувства подъ одушевляющимъ вліяніемъ Запада. Это былъ конецъ XVII вѣка, когда еще свой домашній споръ о вѣрѣ не былъ покончен, когда интересъ къ религіознымъ вопросамъ чрезвычайно возросъ въ русскомъ обществѣ: одно время могло даже казаться, что русскому художнику суждено пережить тотъ же самый періодъ наивнаго религіознаго одушевленія, которымъ началось развитіе европейскаго искусства. Но и въ этотъ рѣшительный моментъ оказалось, что русскій религіозный формализмъ слишкомъ силенъ, чтобы дать свободу новымъ тенденціямъ, и слишкомъ слабъ, чтобы возбудить къ нимъ сочувствіе въ широкихъ кругахъ. Русская православная душа была для этого отчасти слишкомъ стерилизована, отчасти слишкомъ поверхностно затронута религіознымъ вліяніемъ.

Такимъ образомъ, западное *свѣтское* вліяніе нашло себѣ въ этой душѣ самую благодарную почву: въ самый короткій срокъ все міровоззрѣніе высшаго русскаго общества было секуляризовано.

Эта новая перемѣна опредѣлила содержаніе *третьяго* періода въ исторіи русскаго творчества. Отрѣшенное отъ своихъ національныхъ началъ, осужденныхъ церковью, и лишенное религіознаго импульса, отвергнутаго обществомъ, русское искусство потеряло всѣ шансы—сдѣлаться самостоятельнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не могло больше оставаться и народнымъ, такъ какъ все народное стало теперь *простонароднымъ*, т. е. сдѣлалось достояніемъ низшихъ классовъ общества. Искусство должно было служить высшему классу и украшать его обстановку точными копіями съ произведеній иностраннаго искусства. Оно надолго разсталось съ вдохновеніемъ и потеряло связь съ дѣйствительной русскою жизнью; за то оно овладѣло средствами европейской техники.

Четвертый періодъ долженъ былъ начаться тогда, когда эти техническія средства стали служить для выраженія собственнаго своего духовнаго содержанія. Это произошло тотчасъ же, какъ только искусство перестало служить простой декораціей барской жизни и сдѣлалось истинной потребностью русскаго общества. Для литературы это положеніе наступило всего раньше; поэтому давно началось и ея сближеніе съ жизнью. Архитектура, живопись и музыка долѣе находились въ рабствѣ у высшаго класса, и ихъ самостоятельная жизнь началась только со времени великой соціальной реформы, измѣнившей всѣ классовыя отношенія русскаго общества. И какъ только въ нашемъ искусствѣ обнаруживались попытки самостоятельности, такъ тотчасъ же цѣлью этихъ попытокъ становилось служеніе обществу, а средствомъ—самый широкій реализмъ. Реализмъ есть также лозунгъ и современнаго европейскаго искусства; но, связанное преданіями школы и сложившимися привычками публики, оно никогда не могло бы рѣшиться такъ смѣло разорвать съ прошлымъ, какъ это сдѣлало русское искусство. Реализмъ западнаго искусства—есть все-таки нѣкоторая система, художественная теорія. Реализмъ русскаго искусства нерѣдко, особенно вначалѣ, отрицалъ принципіально всякую теорію и систему. Вотъ почему русскій реализмъ всегда найдетъ у иностраннаго черезчуръ еще много искусственности и условности, тогда какъ иностранный упрекнетъ русскаго въ недостаткѣ искусства и въ необработанности формы. Отсутствіе традиціи есть основная причина этой разницы нашего искусства съ европейскимъ; а причина отсутствія традиціи заключается, какъ мы видѣли, въ общемъ ходѣ развитія русской культуры. Религія у насъ слиш-

комъ поздно начала оказывать вліяніе на творчество, и вліяніе это было слишкомъ поверхностно: вотъ почему русское творчество не имѣло возможности органически развиться изъ тѣхъ же задатковъ, изъ которыхъ развилось художественное творчество Западной Европы.

Общій очеркъ развитія византійскаго искусства см. въ книгѣ *Bayet*, L'art byzantin (въBibliothèquede l'enseignement des beaux arts). Фактическій матеріалъ по «Исторіи русской архитектуры» собранъ въ книгѣ *А. М. Павлинова* подъ этимъ заглавіемъ. Москва. 1894. Теорія восточныхъ вліяній на русскую архитектуру и орнаментъ выставлена *Віолле-де-Дюкомъ* въ его сочиненіи: «Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитіе, его будущность». Перев. Н. В. Султанова. М. 1879. Здѣсь же замѣчанія о своеобразныхъ чертахъ архитектуры XVI в. О вліяніи деревянныхъ формъ на стиль церковной архитектуры см. прекрасную статью *И. Е. Забѣлина*, Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ, перепечатано изъ «Древней и Новой Россіи» 1878 г. въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ» за 1894 годъ, и *Н. В. Султанова*—Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ. Изслѣдованіе по рукописи XVI вѣка: «Житіе Николая Чудотворца». Спб. 1881, въ Памятникахъ древней письменности. О строителяхъ собора Василія Блаженнаго см. «Еще новыя лѣтописныя данныя о построеніи московскаго Покровскаго собора», свящ. *І. Кузнецова* въ Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Р. 1896, кн. II. Для исторіи русской живописи XVI и XVII вѣка см. рядъ статей въ Историческихъ очеркахъ русской народной словесности и искусства *Ѳ. И. Буслаева*, т. II: древнерусская народная литература и искусство. Спб. 1861, и его же обширную статью: Общія понятія о русской иконописи въ Сборникѣ на 1866 годъ, изд. Обществомъ древнерусскаго искусства при Моск. публичномъ музеѣ. По «исторіи русскихъ школъ иконописанія до конца XVII в.» единственнымъ остается руководство *Д. Ровинскаго* въ VIII томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества и отдѣльно. Спб. 1856. Къ сожалѣнію, при напечатаніи были выпущены отдѣлы о греческомъ и корсунскомъ письмѣ, старомъ московскомъ и Рублева, новомъ Палеховскомъ, описаніе иконъ Успенскаго собора и др. церквей, и всѣ имена любителей (большею частью раскольниковъ), о собраніяхъ которыхъ было упомянуто въ рукописи. Данныя относительно самостоятельнаго русскаго развитія иконографическихъ сюжетовъ въ изобиліи собраны въ капитальныхъ изслѣдованіяхъ *Н. Покровскаго:* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ. Спб. 1892 (въ Трудахъ VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1890, т. I), *его же:* Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства (въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. III, Одесса, 1887) и *его же*: Сійскій иконописный подлинникъ, Памятники древней письменности, два выпуска CVI и CXIII (1895—1896 гг.) и альбомъ (CIX). Стѣнныя росписи царскаго дворца въ XVI и XVII в. описаны у *Забѣлина*, Домашній бытъ русскихъ царей, ч. I, 3-е изд. съ дополненіями. М. 1895 г. Очеркъ развитія новѣйшей русской живописи см. въ переводѣ изъ «Исторіи живописи въ XIX столѣтіи» *Рихарда Мутэра* (составлено при содѣйствіи А. Бенуа въ Петербургѣ), въ Р. Художеств. Архивѣ 1894, вып. I. Хронику картинныхъ выставокъ и лѣ-

топись успѣховъ русской живописи велъ *В. В. Стасовъ* съ шестидесятыхъ годовъ; см. эти статьи въ его собраніи сочиненій, Спб. 1894, Три тома; здѣсь же критико-біографическіе очерки дѣятельности Брюллова и Иванова, Перова (и сравненіе его съ Мусоргскимъ) и большія резюмирующія статьи: «Двадцать пять лѣтъ русскаго искусства» и «Тормазы новаго русскаго искусства», напечатанныя первоначально въ «Вѣстникѣ Европы» 1872—1883 и 1885 гг. (архитектура, живопись, скульптура и музыка). По исторіи русской музыки см. «Очеркъ исторіи музыки Россіи» *З. Дурова*, приложенный, въ видѣ ряда отдѣльныхъ главъ, къ «Руководству къ изученію исторіи музыки» *Доммера*. Москва, 1884. О древнѣйшей церковной и народной музыкѣ см. *Д. В. Разумовскаго*: Объ основныхъ началахъ богослужебнаго пѣнія православной грекороссійской церкви въ упомянутомъ Сборникѣ на 1866 г. и рядъ статей (Разумовскаго, кн. *В. Ѳ. Одоевскаго* и другихъ) въ трудахъ I археол. съѣзда въ Москвѣ, т. II, М. 1871; также статью *кн. Одоевскаго* въ Каликахъ-Перехожихъ П. Гедеонова и статьи *Стасова* о демественномъ и троесрочномъ пѣніи» въ III т. сочиненій. Свѣдѣнія о старой оперѣ въ Россіи (до Глинки. см. въ книгѣ *В. Михневича*, Очеркъ исторіи музыки въ Россіи. Спб. 1879) О новой русской музыкѣ см. хронику *Стасова* и его же біографію Глинки и Мусоргскаго (III томъ сочиненій). См. также біографіи композиторовъ русской школы, составленныя *П. Трифоновымъ* (въ «Вѣстникѣ Европы»): Даргомыжскаго (1886, XI—XII) Бородина (1888, X—XI), Римскаго-Корсакова (1891, V—VI).

ДВѢ МИНУТЫ СОРОКЪ ДВѢ СЕКУНДЫ.

(Изъ воспоминаній о затмѣніи).

Въ августѣ 188... года полоса ожидавшагося тогда полнаго затменія солнца должна была пройти по средней Россіи и Сибири.

Пользуясь любезнымъ предложеніемъ моего стараго знакомаго, Перова, бывшаго во главѣ одной изъ университетскихъ астрономическихъ экспедицій, въ 20-хъ числахъ іюля, я уже спѣшилъ въ маленькій провинціальный городокъ N, гдѣ расположилась эта экспедиція.

Здѣсь были уже почти всѣ въ сборѣ. Изъ моихъ соотечественниковъ, кромѣ Перова, тутъ были двое — только-что кончившій курсъ кандидатъ университета и директоръ одной изъ южныхъ обсерваторій, а изъ иностранцевъ — извѣстный нѣмецкій фотохимикъ Фуссъ и бельгійскій астрономъ Роше. Впослѣдствіи, передъ самымъ затменіемъ, пріѣхалъ еще одинъ изъ профессоровъ университета.

Что же заставило собраться сюда этихъ людей? Всѣ выводы естествознанія и, въ частности, астрономіи, покоятся на данныхъ, добытыхъ изъ самой же природы: внѣ *наблюденій* нѣтъ ни выводовъ, ни научнаго прогресса. Поверхность нашего дневного свѣтила въ значительной степени изучена и систематически изо-дня-въ-день десятками лицъ ведутся, такъ сказать, дневники его жизни. Но есть область, мало доступная наблюдателю и, тѣмъ не менѣе, очень интересная для сужденія объ общемъ строеніи солнца—это газообразная оболочка, атмосфера, окружающая полужидкій шаръ солнца. При обыкновенныхъ условіяхъ эта атмосфера не видна, вслѣдствіе слабости ея свѣта; только во время полнаго затменія, когда луна своимъ тѣломъ покроетъ ослѣпительный солнечный дискъ, эта атмосфера рисуется передъ нашими взорами въ видѣ чудной солнечной короны. Но мы должны хватать явленіе, такъ сказать, на лету: съ угасаніемъ послѣдняго луча солнца, оно по-

является, и съ появленіемъ перваго же луча исчезаетъ, какъ миражъ. Длительность фазы полнаго затменія не превосходитъ 6 минутъ, обыкновенно же гораздо меньше, и вотъ лишь этимъ-то короткимъ временемъ слѣдуетъ воспользоваться, чтобы запечатлѣть явленіе на фотографическихъ снимкахъ, зарисовать его; это дастъ намъ матеріалъ для сужденія о формѣ, протяженіи, физической структурѣ атмосферы. Пользуясь же спектральнымъ анализомъ, мы узнаемъ составъ атмосферы. А если явленіе будетъ перехвачено въ разныхъ мѣстахъ и въ разные моменты его распространенія, то, быть можетъ, удастся узнать, какія измѣненія здѣсь происходятъ со временемъ. Поэтому-то въ разныхъ мѣстахъ полосы полнаго затменія располагается цѣлая цѣпь экспедицій.

Едва ли слѣдуетъ добавлять, что успѣхъ каждой экспедиціи зависитъ, прежде всего, отъ каприза погоды; стоитъ облаку закрыть въ нужный моментъ солнце и экспедиція пропала.

Въ городѣ N дѣятельность фазы полнаго затменія составляла 2 минуты 42 секунды, и вотъ эти-то $2^1/_2$ минуты, подверженныя еще случайностямъ погоды, собрали сюда персоналъ наблюдателей, обрекая ихъ на массу труда, волненій и тревогъ.

Со строго опредѣленной программой наблюденій и надлежащими приборами пріѣхали, собственно говоря, только трое: Перовъ и Роше,—для фотографированія солнечной короны, и Фуссъ—для фотографіи спектра короны. Остальные, подобно мнѣ, примкнули къ экспедиціи безъ всякихъ приборовъ въ разсчетѣ и посмотрѣть рѣдкое явленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить то, что будетъ рѣшено совмѣстнымъ обсужденіемъ.

Перебирая въ своихъ воспоминаніяхъ впечатлѣнія такъ давно минувшихъ дней, какъ-то невольно чувствуешь, что всѣ событія группируются преимущественно около двухъ нашихъ иностранныхъ коллегъ.

Если бы мнѣ пришлось привести живой примѣръ образцовой рабочей методичности, аккуратности, столь дорогой для естествоиспытателя, то я немогъ бы выбрать ничего лучшаго, какъ указать на образъ Фусса. Распланировка всѣхъ занятій строго по часамъ: отъ 6 до 8 часовъ утра онъ занимается въ своей комнатѣ—читаетъ, дѣлаетъ замѣтки, пишетъ; послѣ утренняго чаю до часу вы его неизмѣнно увидите въ баракахъ экспедиціи за опытами или за установкой приборовъ; за тѣмъ, до 3-хъ часовъ онъ въ своей фотографической лабораторіи. Та же методичность, планировка выражается и въ мелочахъ его обыденной жизни: каждому періоду занятій свойствененъ особый костюмъ, передъ обѣдомъ обязательная небольшая прогулка, и только съ 5 часовъ на-

чинается, повидимому, полная свободы жизнь безъ программы — онъ или ведетъ оживленную бесѣду, или отправляется бродить по городу, выискивая русскіе типы, сценки для своего всегдашняго спутника—фотографическаго аппарата. Несмотря на свои 50 лѣтъ, онъ необычайно живой, остроумный и находчивый. Наблюдая его, какъ-то чувствуешь, что этотъ коренастый, плотный человѣкъ сознаетъ свою силу и вполнѣ доволенъ общимъ ходомъ своего дѣла.

Его астрономическій багажъ заключалъ въ себѣ все необходимое—ни разу, напр., онъ не обратился къ кому-либо за тѣмъ или инымъ слесарнымъ инструментомъ, а тѣмъ не менѣе этотъ багажъ состоялъ всего изъ небольшого ящика. Послѣдній винтъ былъ закрѣпленъ имъ наканунѣ затменія. Это не новичокъ: на своемъ вѣку онъ уже насчитываетъ до десятка экспедицій въ разныхъ частяхъ свѣта. И надъ этимъ-то опытнымъ, аккуратнымъ человѣкомъ судьба горько посмѣялась. Но объ этомъ послѣ.

Передъ выѣздомъ въ N. мнѣ отъ многихъ пришлось слышать, что туда уже пріѣхалъ одинъ иностранецъ, который привезъ съ собою нѣсколько вагоновъ всякихъ инструментовъ. Хотя ни одинъ разсказъ не бываетъ безъ прикрасъ, но доля правды была и здѣсь: дѣйствительно, у бельгійскаго астронома Роше оказался громаднѣйшій арсеналъ всякихъ приборовъ и принадлежностей для наблюденій. Къ сожалѣнію, большинство приборовъ оказалось или очень плохого качества, или сильно пострадавшіе въ дорогѣ, не смотря на то, что переѣздъ былъ совершенъ или по желѣзной дорогѣ, или на параходѣ. Самопишущіе метеорологическіе приборы отказались не только писать, но даже указывать что-либо; прекрасный хронометръ-приборъ, существенно необходимый для астронома—сорвался дорогой съ колецъ и осколки разбитаго стекла засорили и въ конецъ испортили дорогой механизмъ; 3-хъ-дюймовая трубка оказалась очень плохого достоинства. Аппаратъ для фотографированія солнца былъ безусловно хорошъ, но... при его штативѣ не было часового механизма для движенія аппарата по суточному ходу, такъ необходимаго при продолжительной экспозиціи. За то въ полной исправности доѣхали массивныя дубовыя скамейки и столики, предназначенныя для самого наблюдателя и разныхъ приборовъ. Самъ Роше далеко уже не владѣетъ той самоувѣренностью и спокойнымъ равновѣсіемъ духа, какъ его нѣмецкій коллега. Сначала онъ былъ увѣренъ, что установка приборовъ—сущіе пустяки и медлилъ установкой, потомъ съ лихорадочною поспѣшностью принимается за дѣло. Оказывается, что гайки не подходятъ къ винтамъ, нѣкоторыхъ мелкихъ частей нѣтъ.

Тогда онъ начинаетъ волноваться и съ отчаяніемъ выражаетъ опасеніе, что онъ не успѣетъ во-время закончить установку.

Но удачно, общими силами, подобранная гайка быстро утѣшаетъ его и, бросивъ установку, онъ, безпечно посвистывая, отправляется гулять. Теперь все пойдетъ отлично!.. отвѣчаетъ онъ товарищу, интересующемуся исходомъ критическаго казуса. Этихъ переходовъ отъ отчаянія къ безпечной надеждѣ было не мало за все время. Онъ, также какъ каждый изъ насъ, русскихъ, еще въ первый разъ экскурсируетъ на затменіи. Добродушный весельчакъ и острякъ, не смотря на свою эксцентричность, удивлявшую даже насъ, русскихъ, которымъ далеко до Фусса, Роше былъ душою нашей компаніи: гдѣ слышится дружный, веселый смѣхъ — тамъ непремѣнно Роше съ его афоризмами, остротами или шутками.

На довольно большой площадкѣ, густо заросшей травой и выходящей на рѣку, были выстроены бараки экспедиціи. Вообразите себѣ наскоро сколоченную деревянную постройку въ 3 сажени длиною, сажень въ вышину и ширину,—вотъ вамъ зданіе походной обсерваторіи; стѣны, обращенной къ рѣкѣ, нѣтъ вовсе, а внутри 2 перегородки, раздѣляющія постройку на 3 почти равныя части. Два крайнихъ отдѣленія принадлежатъ Роше и Перову, среднее—Фуссу. Часть площадки вмѣстѣ съ бараками окружена легкимъ заборомъ.

Заглянемъ мелькомъ внутрь бараковъ и посмотримъ, что находится въ каждомъ изъ нихъ передъ затменіемъ. Въ двухъ крайнихъ баракахъ мы замѣтимъ почти тожественные аппараты. Къ зрительной трубѣ средней силы, укрѣпленной на прочномъ штативѣ, наглухо прикрѣпленъ большой деревянный ящикъ, съ передней стороны котораго виднѣются 4 фотографическихъ объектива; это фотографическая камера, которая должна давать разомъ 4 фотографіи солнца. Аппаратъ Роше во время фотографированія приходится вести за суточнымъ движеніемъ солнца рукою, аппаратъ Перова ведется за солнцемъ прекраснымъ часовымъ механизмомъ. При каждомъ аппаратѣ во время работы должно быть двое: одинъ направляетъ аппаратъ на солнце, мѣняетъ кассеты и регулируетъ временемъ экспозиціи, другой—открываетъ и закрываетъ объективы по знаку перваго. Въ среднемъ баракѣ стоятъ аппараты Фусса; на длинномъ деревянномъ столѣ стоитъ спектроскопъ, соединенный съ фотографической камерой, и передъ нимъ—геліостатъ, приборъ съ вращающимся зеркальцемъ, отра-

жающимъ лучи солнца по одному какому-нибудь направленію, въ спектроскопъ въ данномъ случаѣ.

Погода въ теченіе недѣли, предшествовавшей затменію, не сулила успѣха: по небу неслись безконечной вереницей тяжелыя осеннія облака, шелъ временами дождь. Солнце и звѣзды, необходимыя для повѣрки хронометровъ и установки приборовъ, приходилось ловить лишь моментами, пользуясь временнымъ прояснѣніемъ.

— Пожалуйте наблюдать, звѣзды глянули!—слышится иногда далеко за полночь изъ комнаты Перова густой баритонъ училищнаго сторожа Григорія, игравшаго роль «недреманнаго ока», приставленнаго къ «остроумамъ».

Поневолѣ закрадывалась мысль, что всѣ эти хлопоты съ безсонными ночами напрасны, едва ли что увидимъ во время затмѣнія. А заботъ и хлопотъ со сборкою и установкою аппаратовъ было много: критическія двѣ минуты сорокъ двѣ секунды требовали очень тщательной подготовки. Впрочемъ, это относится только къ тѣмъ 3 лицамъ (Перовъ, Роше и Фуссъ), которыя составляли ядро экспедиціи.

Уже за нѣсколько дней до затменія каждый изъ насъ, явившихся безъ приборовъ, намѣтилъ себѣ съ общаго согласія дѣло во время затменія. Я предполагалъ зарисовывать корону. Какъ вдругъ, наканунѣ затменія произошло перераспредѣленіе ролей: Роше беретъ на себя рисунки короны, а я замѣщаю его у фотографическаго аппарата. Сначала, получивъ предложеніе Роше, я не соглашаюсь ссылаясь на то, что никогда не фотографировалъ неба.

— О, это ничего! Вѣдь это такъ просто, и я увѣренъ, что у насъ все сойдетъ отлично!

Да дѣйствительно, просто: вставить въ камеру кассету, выдвинуть ея крышку, затѣмъ направить на солнце, вести винтомъ аппаратъ за солнцемъ и т. д.—все это очень простыя дѣйствія, которыя я съ успѣхомъ продѣлывалъ сотни разъ. Но вѣдь въ моемъ распоряженіи только 2 мин. 42 сек., которыя я долженъ использовать чисто, безъ задержекъ и ошибокъ. Если у васъ не набита рука до автоматическаго выполненія извѣстнаго ряда простыхъ манипуляцій; если вы знаете, что одно ваше ошибочное движеніе рукой можетъ погубить все дѣло и если вы вспомните, что въ вашемъ распоряженіи нѣтъ ни секунды на обдумываніе и колебанія при выборѣ дѣйствій; то, дорожа успѣхомъ общаго дѣла, вы, какъ новичекъ, побоитесь взять его на себя.

— Ну, а если по моей ошибкѣ фотографіи будутъ испорчены?—ставлю я вопросъ ребромъ.

— Это ничего! я все-таки получу свой рисунокъ короны! Но я увѣренъ, что у насъ все сойдетъ отлично!

Всѣ доводы оказываются тщетными и я, наконецъ, сдаюсь, въ тайнѣ надѣясь, что Роше раздумаетъ и отберетъ у меня, своего случайнаго знакомаго, дѣло, составлявшее цѣль его поѣздки и стоившее ему массы труда и времени.

Однако, отправляемся вмѣстѣ контролировать всѣ принадлежности аппарата. Боже мой! Кассеты, бывшія вполнѣ исправными за нѣсколько дней до этого, разбухли отъ сырости и не лѣзутъ въ гнѣзда камеры! Ни одна крышка кассеты не выдвигается безъ рѣзкихъ толчковъ.

Роше опять въ отчаяніи. Гонимъ Григорія за столяромъ, а тѣмъ временемъ помощью графита и мускульныхъ усилій начинаемъ подготовлять крышки кассетъ. Черезъ нѣсколько часовъ, благодаря дружному участію всѣхъ товарищей и искусству столяра, дѣло налажено.

Канунъ затменія вообще былъ чреватъ событіями и волненіями.

Одинъ фабричный рабочій, нѣсколько выпившій, несмотря на протесты Григорія, хотѣлъ непремѣнно проникнуть внутрь бараковъ, гдѣ въ это время производилась послѣдняя повѣрка точности установки. Недопущенный сторожемъ, онъ ушелъ и черезъ нѣкоторое время вернулся съ товарищами, которые издали бранились и грозили разнести бараки.

Въ виду того, что и раньше слышались изъ простонародья негодующіе голоса, смыслъ которыхъ былъ тотъ, что астрономы обвинялись въ преступномъ намѣреніи *узнать волю Божью*, явилось опасеніе, какъ бы дѣло не кончилось дикой расправой народа. Исторія астрономическихъ экспедицій насчитываетъ не мало такихъ печальныхъ случаевъ. Въ виду этого Перовъ увѣдомилъ мѣстныхъ властей о происшедшемъ, прося, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть происшедшее лишь въ виду, не предпринимая пока никакихъ серьезныхъ мѣръ до новыхъ неблагопріятныхъ признаковъ.

Къ счастью, инцидентъ оказался единичнымъ, вызваннымъ скорѣе праздничнымъ настроеніемъ, чѣмъ дѣйствительною ненавистью народа къ наблюдателямъ.

Помню сѣрый полумракъ августовскаго вечера наканунѣ затменія. Вопросы рѣшены, всѣ приготовленія закончены и идетъ полушутливый разговоръ на тему, что будетъ завтра, утромъ— увидимъ ли мы затменіе, и если и увидимъ, то не струсимъ ли, подобно знаменитому астроному Секки, который, по его собственному признанію, увидавъ въ 1-й разъ полное солнечное затменіе,

въ самый критическій моментъ такъ растерялся, что потерялъ нѣсколько драгоцѣнныхъ секундъ быстро преходящаго явленія. Вдругъ на порогѣ появляется Фуссъ—лицо блѣдное, взоръ дико блуждаетъ...

— Что съ вами, г. Фуссъ? Что случилось?

Отъ волненія онъ долго не можетъ говорить и долго сидитъ неподвижно, закрывъ лицо руками.

— Все, все для меня погибло!..

Только много времени спустя, намъ удалось узнать отъ него о происшедшемъ.

Цѣлью поѣздки Фусса было, какъ я сказалъ выше, фотографированіе спектра короны. При фотографированіи спектра на обыкновенныхъ свѣточувствительныхъ пластинкахъ получается хорошій снимокъ только одной половины спектра, ближайшей къ фіолетовому концу; а между тѣмъ въ другой половинѣ зрительнаго спектра короны лежитъ много линій, характерныхъ для короны. Фуссу удалось приготовить эмульсію, которая значительно расширяетъ фотографируемую часть спектра и во время ожидаемаго затменія онъ намѣревался впервые примѣнить свое важное открытіе къ дѣлу.

Фотографической лабораторіей служила Фуссу обыкновенная русская баня: окна въ ней были задѣланы, всѣ отверстія закрыты. Пластинки должны быть употребляемы свѣжеприготовленными и на процессъ ихъ подготовленія требуется около 3 дней. Обливъ стекла своей эмульсіей, Фуссъ поставилъ ихъ для просушки къ стѣнѣ своей лабораторіи *эмульсіей кверху*. Вслѣдствіе неизбѣжнаго сотрясенія стѣнъ при ходьбѣ та земля, которою обыкновенно засыпаютъ у насъ потолки бань и другихъ деревенскихъ теплыхъ помѣщеній, осыпалась съ потолка и влипала въ сырой слой эмульсіи.

Вечеромъ, наканунѣ затменія, г. Фуссъ съ ужасомъ замѣтилъ, что его пластинки, покрытыя густымъ слоемъ присохшей земли, къ употребленію совершенно негодны.

— Я много бывалъ среди дикихъ обитателей разныхъ частей свѣта,—съ горечью жаловался Фуссъ,—но нигдѣ еще не встрѣчалъ того, что нахожу здѣсь, въ центрѣ вашей Россіи. Да и кто бы могъ думать, что въ зданіи, предназначенномъ для омовенія и очищенія тѣла, приняты всѣ мѣры для полнаго его загрязненія!..

Во истину это дико и нелѣпо! Хотя съ дѣтства видалъ и пользовался такими же банями, но и въ голову не приходило это грубое несоотвѣтствіе предмета съ назначеніемъ.

*

Фуссъ былъ безутѣшенъ. Да и что можно было сказать въ утѣшеніе, чѣмъ ослабить горечь сознанія этой ужасной, невольной ошибки?

Случай съ Фуссомъ тяжко отозвался въ настроеніи каждаго изъ насъ: шутки смолкли, разговоръ вполголоса—точно въ домѣ покойникъ или тяжко больной...

Легли спать рано съ тѣмъ же неотвязнымъ вопросомъ: *что будетъ завтра?*

Въ 4-мъ часу утра я вскочилъ, какъ сумасшедшій, отъ трескотни будильника подъ акомпаниментъ мѣднаго таза. Это затѣйникъ Гоше вмѣстѣ съ молодымъ кандидатомъ, поднявшись раньше другихъ, устроили музыку, для того, чтобы разбудить заспавшихся. Смѣхъ, шутки—даже эпизодъ съ Фуссомъ точно померкъ.

— Весело встали, каково-то ляжемъ,—замѣчаетъ кто-то.

— Да ужъ вставать ли? не лучше ли сдаться безъ боя?

— Правда, господа, вѣдь все-равно ничего не увидимъ. Давайте-ка лучше спать.

Все небо покрыто густыми темными облаками; вѣтеръ и холодъ. Также сѣро и уныло становится и у насъ на душѣ, когда мы въ 5 часовъ утра выходимъ на свой постъ.

Одинъ Фуссъ смотрѣлъ довольно бодро.

Странный видъ имѣетъ улица. Несмотря на ранній часъ, всюду виднѣются густыя толпы народа: тутъ и мѣстные жители и, судя по дорожнымъ сумкамъ и костюму, пріѣзжіе на только-что пришедшихъ пароходахъ. Мѣстныя дамы разодѣты по праздничному, въ свѣтлыя платья; многіе скучиваются около загородки бараковъ, другіе спѣшной походкой идутъ куда-то дальше, въ церковь, какъ послѣ узнали, въ ожиданіи свѣтопреставленія. Общее настроеніе довольно серьезное и вся эта обстановка какъ-то сильнѣе заставляетъ биться сердце въ ожиданіи предстоящихъ $2^1/_2$ минутъ.

Вблизи раздается барабанный бой. Мы въ недоумѣніи переглядываемся. Оказывается, что это рота солдатъ, въ полной аммуниціи, призванная охранять насъ отъ изувѣрства толпы. Такъ какъ поведеніе толпы не подаетъ никакихъ поводовъ къ подозрѣнію, Перовъ проситъ отвести войска въ сторону, не препятствуя интересующимся смотрѣть на то, что мы будемъ дѣлать.

Наскоро просматриваемъ свои аппараты и репетируемъ свои роли. Стрѣлки хронометра возвѣщаютъ о наступленіи частнаго затменія.

— Началось!—громко выкрикнулъ одинъ изъ наблюдателей.

— Вотъ такъ началось!—слышится ироническое замѣчаніе изъ толпы.—Нѣтъ, братъ, *его* не узнаешь.

Въ толпѣ пробѣгаютъ шутки, остроты по адресу астрономовъ.

А началось ли—это дѣйствительно вопросъ для скептика: на небѣ ничего, кромѣ облаковъ.

Слово началось ударило по нервамъ, чувствую, какъ по тѣлу пробѣгаетъ нервный трепетъ. Впрочемъ, еще цѣлый часъ до роковыхъ $2^1/_2$ минутъ; эта мысль нѣсколько умѣряетъ волненіе и смотрю на своихъ товарищей.

Фуссъ серьезно и сумрачно сидитъ на своемъ посту; спектрографъ покрытъ чехломъ, геліостатъ снятъ; передъ нимъ листъ бумаги и карандашъ. Боюсь потревожить свѣжую рану и не спрашиваю о его намѣреніяхъ.

Роше пристроился внѣ барака, слѣва отъ меня у штатива своей 3-хъ-дюймовой трубки; слегка посвистываетъ, но на лбу залегла глубокая складка; живые глаза его напряженно ищутъ чего-то среди облаковъ. Вдругъ онъ хватаетъ меня за руку и оживленно указываетъ на клочекъ голубого неба, глянувшій между облаками:

— Въ эту дырочку мы увидимъ солнце,—прибавляетъ онъ съ увѣренностью.

Лицо моего пріятеля Перова блѣдно и оживленно. Онъ также внимательно смотритъ на небо и временами, нагибаясь, контролируетъ ходъ часового механизма своего аппарата.

— Какъ ведетъ себя вашъ механизмъ?

— Превосходно! Вчера онъ у меня цѣлыхъ 6 часовъ шелъ, какъ хронометръ.

Мой помощникъ спокойнѣе всѣхъ. Это мѣстный изобрѣтатель механикъ-самоучка, безъ каковыхъ, насколько извѣстно, какъ и безъ праведниковъ, не бываетъ ни одного захолустнаго городка. Его дѣло по моей командѣ открывать и закрывать объективы нажатіемъ руки на каучуковые шары, соединенные съ затворами аппарата.

Въ баракѣ Перова подымается какой-то оживленный разговоръ; оказывается, что одинъ изъ наблюдателей, принявшій на себя обязанности помощника при фотографированіи короны, проситъ замѣнить его кѣмъ-либо другимъ, ссылаясь на несложность своихъ обязанностей; дѣло, дѣйствительно, несложное; надо по командѣ Перова открыть и по командѣ закрыть общую прикрышку объективовъ. По просьбѣ Перова, выуживаю изъ среды пріѣхавшихъ одного изъ своихъ знакомыхъ К., брата извѣстнаго писателя. К. замѣстилъ прежняго помощника Перова у фотографическаго аппарата.

Въ это время изъ-за порѣдѣвшихъ облаковъ на фонѣ голубого неба выглянула уродливая фигура серпообразнаго солнца.

Толпа изумленно заволновалась, загудѣла...

Дѣлаю провѣрку установки аппарата—вѣрно: слабое движеніе прибора около одной изъ осей ставитъ изображеніе солнца какъ разъ въ центръ поля зрѣнія трубы.

— Полчаса до фазы полнаго затменія,—раздается предупрежденіе.

Въ баракѣ Перова замѣчается какое то движеніе. Оказывается, К., внимательно приглядывавшійся къ аппарату, замѣтилъ, что часовой механизмъ остановился. Бываютъ же такія несчастныя случайности! Механизмъ, тщательно вывѣренный опытной рукой Перова, и безукоризненно работавшій во время многихъ предыдущихъ пробъ, спасовалъ передъ самымъ наступленіемъ критическаго момента.

Къ счастью, исправленіе оказалось несложнымъ и черезъ 2 минуты заупрямившіяся колеса механизма опять повели аппаратъ.

Облака рѣдѣютъ все болѣе и болѣе; теперь солнце только временами, на короткія мгновенія, прячется за облака.

— 20 минутъ до полной фазы!—раздается тоже предупрежденіе.

Слышу взволнованный, дрожащій голосъ Перова, обращенный къ К.

— Прошу васъ помнить ваши обязанности... Да знайте, если вы зазѣваетесь или вздумаете уйти раньше срока, то... видите этотъ ключъ?—показываетъ на увѣсистый кусокъ стали.—Я за себя не ручаюсь. Имѣйте это въ виду...

— Хорошо,—покорно заявляетъ тотъ.—А какъ я долженъ стоять при исполненіи своихъ обязанностей? Могу ли лицомъ къ солнцу?

— Вы должны стать лицомъ *къ аппарату*, значитъ спиной къ солнцу.

— Извините, я не согласенъ!

— Ну, какъ вамъ угодно...

К. уходитъ въ толпу и его мѣсто занимаетъ прежній помощникъ.

Я съ изумленіемъ смотрю на Перова и не узнаю—неужели это тотъ самый мягкій, скромный человѣкъ, характеръ и душевный складъ котораго такъ чуждъ насилія и грубости?

— 15 минутъ!..

— 10 минутъ!..

Отъ солнца остается очень небольшой серпикъ, который теперь быстро убываетъ.

— 5 минутъ!..

Что это? вмѣсто узкаго серпа съ заострѣнными концами, я вижу дугу свѣта съ сильно притупленными оконечностями.

«Да это иррадіація!»—проносится молніей въ моей головѣ.

Отвожу глаза отъ трубы и вижу быстро наступающее потемнѣніе—точно несется темная туча, закрывающая собою солнце. Напоминаю своему помощнику объ его обязанностяхъ и дрожащею отъ волненія рукою выдвигаю крышку кассеты.

— Одна минута!..

Защищаю глаза темнымъ стекломъ и впиваюсь глазами въ окуляръ: тупые концы яркой полоски солнца быстро бѣгутъ другъ къ другу на встрѣчу... Боже мой! да солнце у меня совсѣмъ не въ центрѣ поля зрѣнія! Холодѣя отъ сознанія допущенной было ошибки, хватаюсь за установочный винтъ и веду изображеніе солнца въ центръ поля зрѣнія; пытаюсь его здѣсь удерживать и къ досадѣ своей вижу, какъ чувствуетъ весь аппаратъ дрожаніе моихъ рукъ. Какъ это глупо, нелѣпо!... Впрочемъ, Секки...

Вдругъ поле зрѣнія потемнѣло... бросаю темное стекло, и передо мною открывается великолѣпная картина полнаго затменія: ослѣпительное солнце исчезло безъ остатка, вмѣсто него черный, какъ уголь, дискъ луны, окруженный нѣжнымъ ореоломъ солнечной атмосферы; тамъ и сямъ виднѣются красные языки водородныхъ выступовъ и облаковъ.

Подаю голосомъ условный сигналъ своему помощнику и, отведя на мгновеніе глаза отъ окуляра, съ ужасомъ вижу, что онъ, ничего не слыша, остолбенѣлыми глазами смотритъ на черное пятно неба, пока мой отчаянный выкрикъ не разбиваетъ его очарованія.

Въ тѣ краткія мгновенія, когда, отрываясь отъ окуляра, я почти украдкою успѣвалъ бросить взглядъ вокругъ, къ удивленію замѣтилъ, что далеко не такъ темно, какъ представлялъ себѣ по описаніямъ. Смутно припоминаю страшную тишину гудѣвшей передъ тѣмъ толпы, которая онѣмѣла теперь отъ испуга и неожиданности видѣннаго; помню звонкіе удары секундобойчика въ среднемъ баракѣ, да чьи-то робкія рыданія въ толпѣ. Плохо помню и то, какъ я велъ свое дѣло. Вихремъ пролетѣли $2^1/_2$ минуты—вотъ брызнулъ 1-й ослѣпительный лучъ фотосферы, и въ то-же мгновеніе угасло чудное явленіе.

Этотъ лучъ былъ сигналомъ къ прекращенію всѣхъ нашихъ дѣлъ: быстро сбѣгаемся въ кучу обмѣняться замѣчаніями и впечатлѣніями. Оказалось, что никто, повидимому, не напуталъ, все какъ будто обстоитъ благополучно. Фуссъ съ сіяющимъ лицомъ

привѣтствуетъ насъ съ успѣхомъ и показываетъ прекрасные рисунки короны.

— Въ присутствіи облаковъ, которыя много давали разсѣяннаго свѣта, я, все равно, не могъ бы фотографировать спектра короны....—поясняетъ онъ свою радость.

Лучь солнца оживилъ и самую толпу: послышались радостныя восклицанія, кое-кто по русски крупно крестился и клалъ поклоны, обратясь на солнце.

Серпъ солнца растетъ, расцвѣтаютъ и надежды простолюдина на то, что конецъ свѣта отсроченъ и что солнце опять по старому будетъ свѣтить ему и согрѣвать его.

Многіе уже перелѣзли теперь черезъ барьеръ и съ любопытствомъ разсматриваютъ астрономическіе приборы., а барабанный бой удаляющейся роты солдатъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, что толпа на радостяхъ уже забыла преступныя намѣренія «остроумовъ».

Въ результатѣ отъ этой вполнѣ удачной экспедиціи оказалось, кажется: 20 фотографій Перова (5 смѣнъ кассетъ) и 12 фотографій Роше (3 смѣны), сверхъ того, много рисунковъ короны.

С. Щербаковъ.

ИЗЪ ВАЛЬТЕРА-СКОТТА.

ФІАЛКА.

Фіалки синія среди густой травы,
Съ блистающею въ нихъ алмазною росою,
Приковываютъ взоръ задумчивой красою.
И очи дивныя, съ оттѣнкомъ синевы
Небесной, я знавалъ: прозрачныя слезинки
Въ нихъ предъ разлукою блистали, какъ росинки;
Но, съ первой ласкою полуденныхъ лучей,
Роса на лепесткахъ фіалокъ испарилась,—
И такъ же, лишь на мигъ, слезою омрачилась
Глубокая лазурь измѣнчивыхъ очей.

Пер. О. Н. Чюминой.

УЧЕНІЕ ОВЪ ЭНЕРГІИ И ЕГО РОЛЬ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

(Къ 50-лѣтію профессорской дѣятельности Вильяма Томсона).

«De illustris hominibus aut vera aut nihil».

Продолженіе *).

II.

Принимаясь за вторую часть своей статьи, я чувствую нѣкоторое смущеніе: мнѣ приходится пройти съ читателемъ въ тѣ дебри, въ которыхъ весьма легко запутаться и, главное, легко потерять надлежащую, безпристрастную точку зрѣнія на дѣло. Мы присутствуемъ при зрѣлищѣ того, какъ одинъ великій человѣкъ, желая выдвинуть свои заслуги на первый планъ, недостойнымъ образомъ унижаетъ другого великаго дѣятеля, приписывая ему то, о чемъ онъ и не думалъ, и отнимая отъ него то, что было имъ подарено человѣчеству.

Начну съ нѣмецкихъ ученыхъ. Въ 1847 году появилась работа Helmholtz'a «Ueber die Erhaltung der Kraft». Въ этой работѣ знаменитый нѣмецкій физикъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Майерѣ, хотя, какъ уже раньше сказано, первая работа Майера появилась въ 1842 г., а вторая, весьма подробная и широко охватившая предметъ со всѣхъ его сторонъ — въ 1845-мъ. Спрашивается, чѣмъ объяснить себѣ такое замалчиваніе? Существуетъ мнѣніе — и его особенно сильно поддерживалъ Dühring — что Гельмгольтцъ умышленно замалчивалъ Майера, чтобы явиться передъ ученымъ міромъ въ качествѣ оригинальнаго мыслителя, создавшаго для науки новые горизонты. Однако, едва ли такое мнѣніе можно считать справедливымъ. Въ 1842 году Гельмгольтцъ былъ еще врачемъ и только въ 1849 году сталъ профессоромъ физіологіи въ Кенигсбергѣ. Очевидно, вся его дѣятельность въ области физіологіи и физики, развилась уже послѣ 1845 года, стало

*) См. «Міръ Божій», № 8, августъ, 1896.

быть, Гельмгольцъ легко могъ пропустить объ статьи Майера, въ особенности же первую, появившуюся въ «Annallen der Chemie und Pharmacie» Либиха, такъ какъ названный журналъ читался преимущественно химиками и фармацевтами. Такимъ образомъ, даже спеціалисты физики могли узнать о работѣ Майера только въ томъ случаѣ, если случайно заглянули въ журналъ Либиха. Правда, о новыхъ работахъ Джоуля Гельмгольтцъ зналъ, но опыты Джоуля» онъ считалъ сначала несовершенными.

Однако, съ 1848 года Гельмгольтцъ зналъ Майера и его работу. Въ отчетахъ объ успѣхахъ физики въ 1849 г. (Fortschritte der Physik für das Jahr 1849, Berl., 1852, стр. 241—242) Гельмгольтцъ говоритъ:

«Утвержденіе неразрушимости величины работы механическихъ силъ и эквивалентности, въ какой проявляются различно силы природы, съ величиною механической работы высказалъ впервые Майеръ въ 1842 году».

Впослѣдствіи, въ 1850 и 1854 г. Гельмгольтцъ сталъ придавать Майеру еще большее значенія; онъ говорилъ о томъ, что Майеръ первый высказалъ гипотезу о превращаемости силъ, которая затѣмъ была принята Джоулемъ и имъ самимъ.

Что же можно было поставить Гельмгольтцу въ укоръ? Прежде всего то, что онъ, зная уже о работѣ Майерѣ въ 1848 г., не вступился за него въ 1849 году, когда Аугсбургская газета сдѣлала противъ Майера недостойную вылазку, въ которой говорилось будто дилеттанскіе труды Майера получили въ кругу ученыхъ-спеціалистовъ надлежащую оцѣнку (отрицательную).

Далѣе то, что даже признавая заслуги Майера, Гельмгольтцъ не указалъ на ту именно сторону Майеровскихъ работъ, которая болѣе всего имѣла значенія; Гельмгольтцъ только говоритъ объ идеѣ превращаемости силъ, между тѣмъ, какъ вся суть научной заслуги Майера лежала не въ выраженіи только идеи и въ широкомъ ея обобщеніи, а въ томъ, что, вычисливъ *механическій эквивалентъ теплоты*, Майеръ далъ гипотезѣ о превращаемости силъ прочную почву, обратилъ эту гипотезу въ гипотезу строго индуктивнаго характера, какимъ она до Майера не обладала.

Не совсѣмъ справедливое отношеніе Гельмгольтца къ Майеру сказалось еще и на съѣздѣ естествоиспытателей въ Инсбрукѣ, гдѣ Гельмгольтцъ имѣлъ бы возможность разъяснить членамъ съѣзда роль Майера.

Послѣ этого съѣзда, а именно въ 1877 году, Майеръ говорилъ: «если моимъ соотечественникамъ и удастся когда-нибудь затереть меня, то никто другой, кромѣ англичанина Джоуля, не можетъ быть въ этомъ дѣлѣ моимъ наслѣдникомъ».

Такимъ образомъ, если Гельмгольтца и нельзя причислить къ людямъ, хотѣвшимъ совершенно затереть заслуги Майера, то все же нельзя и не признать, что онъ не особенно горячо желалъ, чтобы Майеръ былъ поставленъ на тотъ научный пьедесталъ, на которомъ ему стоять давно слѣдовало. Гельмгольтцъ говорилъ въ пользу Майера только слегка, между тѣмъ какъ онъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ ученыхъ, при своихъ громадныхъ познаніяхъ, какъ въ области физики и математики, такъ и въ области физіологіи и философіи, способенъ былъ понять и оцѣнить всю обширность Майеровскихъ идей.

Наконецъ, еще одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ, тоже прославившійся въ области механической теоріи теплоты, Р. Клаузіусъ, могъ бы отстоять Майера передъ лицомъ всего ученаго міра; но и онъ этого не сдѣлалъ своевременно: онъ молчалъ. И только въ 1879 г., т. е. послѣ смерти Майера, появилось его сочиненіе: «Die mechanische Behandlung der Elektricität», гдѣ [на стр. 329] онъ привелъ свое письмо, написанное англійскому физику Tait'у по поводу нападокъ послѣдняго на работы Майера.

Только одинъ человѣкъ въ Германіи съ большою горячностью поддерживалъ Майера — это былъ Дюрингъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Критическая Исторія общихъ принциповъ механики», а также въ спеціальныхъ книжкахъ «Robert Mayer, der Galilei des 19-en Jahrhunderts» и «Neue Grundgesetze sur rationallen Physik und Chemie». Дюрингъ, защищая Майера, съ такою рѣзкостью относится къ величайшимъ германскимъ ученымъ, что поневолѣ производитъ впечатлѣніе человѣка слишкомъ пристрастнаго.

Не найдя поддержки въ своемъ отечествѣ, Майеръ могъ еще разсчитывать встрѣтить ее у англійскихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько человѣкъ, шедшихъ съ Майеромъ по одному пути, какъ, напр., Joule, Thomson, Tait, Maxwel и Rankine. Но и здѣсь онъ ошибся.

Джоуль и, въ особенности, Тэтъ спеціально занимались травлей Майера. И если, видя рѣзкость Joule'я, столь мало свойственную англійскимъ ученымъ, мы все-таки находимъ ему оправданіе въ томъ, что онъ чувствовалъ себя совершенно, такъ сказать, равносильнымъ Майеру, то такого оправданія для Tait'а мы привести не можемъ. Tait дѣйствовалъ въ самомъ прискорбномъ, узко націоналистическомъ духѣ.

Принципъ, на основаніи котораго Майеръ опредѣлилъ этотъ эквивалентъ, заключался въ слѣдующемъ: удѣльная теплота воздуха, *свободно расширяющагося*, равна 0,2375 калоріи; это зна-

читъ, что для нагрѣванія 1 грамма *воздуха* на 1 градусъ нужно 0,2475 того количества теплоты, какое нужно для нагрѣванія 1 грамма *воды* на 1 градусъ. Опыты нагрѣванія воздуха показали, однако, что если взять 1 граммъ воздуха и *не давая ему расширяться* (напр., помѣстивши его въ герметически закупоренный сосудъ), нагрѣть его на одинъ градусъ, то на это потребуется теплоты не 0,2375 калорій, а только 0,1683. Почему такая разница? А потому, что въ первомъ случаѣ, т. е. когда воздухъ расширяется, онъ *совершаетъ работу*, между тѣмъ, какъ во второмъ, когда мы его нагрѣваемъ и не даемъ ему расширяться, онъ работы (почти) не совершаетъ. Слѣдовательно, изъ затрачиваемыхъ въ первомъ случаѣ 0,2375 калорій, часть идетъ на нагрѣваніе воздуха, а другая часть идетъ на работу; во второмъ же случаѣ всѣ истрачиваемыя 0,1683 калоріи идутъ только на нагрѣваніе. Спрашивается, сколько же калорій уходитъ на работу при расширеніи нашего воздуха? Очевидно: 0,2375—0,1682 калоріи, т. е.= 0,0692 кал. Это и есть та часть теплоты, которая ушла на работу расширяющагося подъ обыкновеннымъ атмосфернымъ давленіемъ воздуха. Теперь требуется только вычислить эту работу. Работу обыкновенно опредѣляютъ, перемножая число, выражающее вѣсъ поднимающагося груза, на число, выражающее высоту, до которой грузъ поднялся. Когда говорятъ, напримѣръ, что работа равна 12 киллограммометрамъ, то это значитъ, что грузъ въ 12 киллограммовъ поднятъ на высоту въ одинъ метръ или грузъ въ 6 килограм. поднятъ на высоту въ 2 метра, или грузъ въ 4 кгрм. поднятъ на высоту 3 метровъ и т. д.

Какъ же опредѣлить работу, совершенную расширяющимся воздухомъ?

Майеръ разсуждалъ такъ: Представимъ себѣ 1 граммъ воздуха заключеннымъ въ цилиндрическую трубку, поперечное сѣченіе которой равно 1 квадратному сантиметру. Такой воздухъ займетъ при 0° объемъ въ 773,3 куб. сантиметра (ибо 1.000 куб. сантим. воздуха вѣсятъ при 0° и нормальномъ движеніи 1,2935 грамма). При нагрѣваніи этого воздуха на 1° онъ расширяется на $\frac{1}{273}$ своего объема; значитъ, къ его объему приростетъ $\frac{1}{273}$. 773,3=2,83 куб. сент. Представимъ себѣ дальше, что наша цилиндрическая трубка закрыта сверху поршнемъ, не имѣющимъ вѣса и способнымъ двигаться въ трубкѣ безъ тренія. Такъ какъ расширяющемуся воздуху нѣтъ никакого выхода, то онъ будетъ давить на поршень и двигать его вверхъ; поршень, стало быть, поднимется на высоту 2,83 сантим. Но, двигаясь, поршень долженъ поднимать съ собою тотъ столбъ воздуха, который давитъ

на него сверху. Такъ какъ поверхность поршня равняется 1 кв. сантиметру, а при нормальномъ стояніи барометра на такую поверхность воздухъ давитъ съ силою 1.033 граммовъ, то поршню приходится какъ бы поднять грузъ въ 1.033 грамма на высоту 2,83 сантим., т. е. *расширяющійся воздухъ совершаетъ работу 2,83×1033 граммосантиметровъ и на эту работу затрачивается 0,0692 единицы теплоты* (калоріи), отсюда если бы мы истратили *цѣлую единицу теплоты*, то она дала бы работу, легко вычисляемую изъ пропорціи:

$$0{,}0692 : 2{,}83.\quad 1033 = 1 : x,$$

откуда $x = \frac{2{,}83.1033}{0{,}0692} = 42380$ граммосантиметровъ работы или 423,8 граммометровъ.

Это мы получили въ томъ случаѣ, если за *цѣлую* единицу теплоты считали количество ея, необходимое для нагрѣванія одного *грамма* воды на 1 градусъ; многіе считаютъ единицей теплоты то количество ея которое нужно для нагрѣванія одного *килограмма* воды на одинъ градусъ; такая единица, очевидно, совершитъ работу не въ 423,8 *грамм*ометровъ, а *килограмм*ометровъ.

Вотъ это число и есть такъ называемый *механическій эквивалентъ теплоты* (на самомъ дѣлѣ его считаютъ равнымъ 423,5 килгр.-метра).

Въ дѣйствительности Майеръ сначала получилъ не это число а другое, именно 367 граммометровъ, но это объясняется тѣмъ, что онъ пользовался не вполнѣ точными числами, бывшими въ 1842 году въ употребленіи. Впослѣдствіе, когда появились болѣе точныя числа Реньо, Майеръ, исправилъ свой результатъ и получилъ 425 грам.-метровъ.

Читатель, прослѣдивъ за ходомъ разсужденій и вычисленій Майера, можетъ сразу понять, что пріемъ, употребленный знаменитымъ Гейльбронскимъ врачемъ и по своей простотѣ, и по своей убѣдительности, просто геніаленъ.

Что же сдѣлалъ Джоуль? Онъ печатно заявилъ (Comptes rendus 1848 г. т. XXVIII, стр. 132—135), что Майеръ не могъ сдѣлать вывода, будто вся теплота, затрачиваемая на расширеніе газа, равносильна совершаемой при этомъ расширеніи работы, такъ какъ независимость удѣльной теплоты воздуха отъ его плотности доказана только имъ, Джоулемъ. «И потому,—заканчиваетъ свою статью Джоуль,—всякій, конечно, признаетъ за Майеромъ остроуміе, такъ какъ онъ предсказалъ, что между теплоmъ и силою *должно* существовать числовое отношеніе; но, съ другой сто-

роны, я полагаю, никто не станетъ отрицать, что я первый *доказалъ* существованіе механическаго эквивалента теплоты и *опредѣлилъ*, помощью строгихъ опытовъ *числовую* величину его».

Этими словами Джоуль показалъ, во-первыхъ, что былъ плохо знакомъ съ литературой вопроса, приписавъ себѣ доказательство того, что удѣльная теплота воздуха не зависитъ отъ его плотности, въ то время, какъ доказательство этому факту далъ уже въ 1807 г. Gay-Lussac (Mémoires de la societé d'Arcueil. T. I, p. 180), а во-вторыхъ, обнаружилъ не совсѣмъ достойное серьезнаго ученаго пристрастіе къ своимъ личнымъ трудамъ. Майеръ возражалъ Joule'ю, показалъ ему его ошибки, указалъ на Gay-Lussac'овскія наблюденія и, казалось, долженъ былъ убѣдить своего противника въ неправотѣ его и сдѣлалъ все это въ удивительно деликатной формѣ.

Однако, все это мало подѣйствовало на Джоуля, ибо еще въ 50-мъ и 51-мъ годахъ, стало быть, когда споръ между нимъ и Майеромъ, казалось, окончательно рѣшился въ пользу перваго (ибо Джоуль на послѣднюю замѣтку Майера ничего не отвѣтилъ), Джоуль въ введеніи въ свой трудъ о механическомъ эквивалентѣ теплоты говоритъ:

«Впослѣдствіи я узналъ, что Майеръ высказалъ подобное предположеніе (объ эквивалентности между работой сжиманія воздуха и теплотою, отсюда возникающею) раньше меня, но опытныхъ доказательствъ этому не привелъ никакихъ».

На томъ борьба между Майеромъ и Джоулемъ прекратилась.

Теперь на арену выступили Томсонъ и Тэтъ.

Въ англійскомъ журналѣ «Good Words» за 1862 годъ появилась статья «Energy», подписанная именами сейчасъ названныхъ физиковъ, въ которой они нападаютъ на Тиндаля за его публичную лекцію о Майерѣ. Разгорѣвшаяся по этому поводу полемика между Тиндалемъ и Тэтомъ привела послѣдняго къ тому, что въ своихъ «Lectures on some recent Advances in Physical Science, London 1876», онъ въ самой недостойной формѣ выразился о Майерѣ.

Во всей этой темной полемикѣ былъ одинъ только свѣтлый лучъ, внесенный въ нее человѣкомъ, который достойнымъ образомъ умѣлъ держать въ своихъ могущественныхъ рукахъ знамя науки. Человѣкъ этотъ былъ Джонъ Тиндалль.

Вотъ какъ разсказываетъ о роли Тиндалля въ этомъ дѣлѣ Клаузіусъ:

...«Въ это время (1862 г.) Тиндаллю по случаю промышленной выставки пришлось читать въ Royal Institution публичную

лекцію передъ избранною и съѣхавшеюся со всѣхъ сторонъ публикой. Предметомъ своего чтенія Тиндалль избралъ работы Майера и изложилъ результаты этихъ работъ съ тою увлекательностью, съ какой онъ умѣлъ вообще излагать. Когда публика, живо заинтересованная предметомъ жаждала узнать имя человѣка, сдѣлавшаго все это, Тиндалль назвалъ того, кто въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ безо всякой поддержки и сочувствія, съ удивительною энергіей и настойчивостью, одинъ работалъ надъ развитіемъ своихъ геніальныхъ идей».

Чтобы закончить обозрѣніе этой борьбы и не оставить безъ упоминанія французскихъ ученыхъ, я скажу только, что французскій физикъ Verdet очень правильно оцѣнилъ роль Джоуля, Томсона и Тэта въ этой полемикѣ; онъ говоритъ по поводу Кольдинга, которому Тэтъ приписалъ открытіе закона сохраненія энергіи, слѣдующее:

«Если бы кто вздумалъ съ такою же строгостью критиковать всѣ первыя работы, касающіяся механической теоріи теплоты, съ какою критиковались работы Майера, то было бы не трудно свести репутацію Кольдинга и Джоуля къ весьма малой величинѣ. Г. Джоуль, нашедшій отношеніе между истраченной въ магнито-электрической машинѣ работою и выдѣленной теплотою, числа, колеблющіяся въ предѣлахъ отъ 371 до 571, долженъ былъ бы скорѣе придти къ заключенію, что никакого постоянства въ этомъ отношеніи не имѣется. Несправедливость такой оцѣнки работъ Джоуля, конечно, очевидна; но несправедливость критики, направленной съ разныхъ сторонъ противъ Майера, въ моихъ глазахъ, не менѣе очевидна» (Annales de chimie et de phisique (4) I. p. 470; 1864).

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что конкуррентами Майера считались: Джоуль, Кольдингъ, Гельмгольтцъ. Но, кромѣ нихъ, неоднократно приводились еще и Моръ, и Сегэнъ, и Грове, и мн. др.

Естественно рождается вопросъ: что заставило серьезныхъ ученыхъ окунуться въ такую сферу личныхъ мелкихъ счетовъ и дрязгъ? Несомнѣнно, что кромѣ самолюбія и другихъ свойствъ, присущихъ людямъ, на какихъ бы ступеняхъ научной высоты они ни стояли, здѣсь было и другое обстоятельство, заключавшееся въ томъ, что *къ началу 40-хъ годовъ идея о единствѣ силъ и о сохраненіи энергіи уже была совершенно подготовлена и носилась, такъ сказать, въ атмосферѣ физической науки.* У большинства физиковъ уже назрѣвала или назрѣла эта идея, и Реньо, напримѣръ, прямо заявляетъ, что онъ уже давно высказывалъ подобныя мысли на своихъ лекціяхъ. Стало быть, когда Майеръ высказалъ ее ка-

тегорически, многіе изъ физиковъ почувствовали, что онъ какъ бы вырвалъ у нихъ ихъ собственныя мысли. А Джоуль даже почувствовалъ, что Майеръ опубликовалъ то, надъ чѣмъ онъ, Джоуль, давно работалъ. Насколько такое мнѣніе о созрѣвшей въ сознаніи физиковъ идеи единства силъ справедливо, видно, напримѣръ, изъ того, что каждый изъ нихъ выводилъ это единство изъ своихъ собственныхъ посылокъ: Майеръ взялъ за исходный пунктъ «Causa aequat effectum»; Гельмгольтцъ—невозможность perpetuum mobile; Джоуль—чистый опытъ; Кольдингъ—рядъ посылокъ о томъ, что сила есть существо высшее, нежели матерія, и что если это такъ, то силы безсмертны, т. е. количество ихъ не можетъ ни убывать, ни увеличиваться.

Однако же, не смотря на все это, за Майеромъ и Джоулемъ остается несомнѣнное преимущество. Вопросъ о превращаемости силъ, о ихъ сохраняемости, представляетъ гипотезу, очень красивую и широко охватывающую явленія природы. Такая гипотеза могла существовать, ею могли пользоваться ad libitum ученые, но за предѣлы гипотезы ее вывести не было возможности. Когда же Майеръ и Джоуль показали, что можно числовымъ путемъ охарактеризовать эту превращаемость, тогда дѣло приняло иной оборотъ. Тогда уже превращаемость силъ перестала быть гипотезой, а сдѣлалась несомнѣннымъ фактомъ. Въ этомъ-то и состоитъ разница между тѣмъ, что сдѣлано Майеромъ и Джоулемъ, и тѣмъ, что сдѣлано другими. Даже изящное сочиненіе Гельмгольтца «Ueber die Erhaltung der Kraft» не можетъ быть сопоставлено съ работами Майера и Джоуля. Въ самомъ дѣлѣ, сама по себѣ работа Гельмгольтца не могла *доказать* принципа «сохраненія силы», ибо вообще принципъ сохраненія силы не можетъ быть доказанъ путемъ какихъ-либо математическихъ выкладокъ, какъ не можетъ быть этимъ путемъ доказанъ и принципъ «вѣчности матеріи». Такіе принципы или должны быть намъ *даны*, какъ аксіомы, или же должны явиться, *какъ результатъ опыта*. Вотъ почему приходится волей-неволей согласиться съ Дюрингомъ въ томъ, что въ вопросѣ *сохраненія энергіи* работа Гельмгольтца имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Характеризуя весь ходъ ученія объ энергіи въ періодъ его возникновенія, Ostwald опредѣляетъ роль Майера, Джоуля и Гельмгольтца слѣдующими словами:

«Р. Майеръ установилъ, что при всѣхъ явленіяхъ нѣкоторая величина, названная имъ *силою*, сохраняетъ свое неизмѣнное (числовое) значеніе (Werth), измѣняя однако формы своего проявленія. Нѣсколько позже Джоуль пришелъ къ такимъ же выводамъ,

хотя не проникъ такъ глубоко и не охватилъ съ такою обширностью самого вопроса. Наконецъ, Гельгольмтцъ представилъ намъ первое наглядное изложеніе всей физики, построенное на этомъ началѣ, и показалъ необыкновенную полноту и плодотворность новаго закона» *).

Терминъ «сила», употреблявшійся Майеромъ, и вмѣстѣ съ нимъ и другими изслѣдователями, теперь, какъ уже было сказано въ предыдущей статьѣ, замѣненъ, по предложенію В. Томсона, терминомъ энергія, уже раньше (въ 1807 г.) введеннымъ T. Young'омъ.

Въ результатѣ всей этой продолжительной научной работы цѣлой плеяды ученыхъ установилось нѣкоторое общее положеніе, освѣщающее намъ наше міросозерцаніе.

Вся вселенная, насколько мы умѣемъ ее изучать, состоитъ изъ двухъ факторовъ: одинъ изъ нихъ матерія, другой—энергія.

При всѣхъ измѣненіяхъ, происходящихъ во вселенной, оба эти фактора остаются въ *количественномъ* отношеніи *неизмѣнными*. Мы видимъ, что внѣшній видъ, цвѣтъ, блескъ, плотность матеріи измѣняется на каждомъ шагу, но масса ея во вселенной не творится и не исчезаетъ. Точно также и другой факторъ — энергія; мы считаемъ этотъ факторъ постоянно присущимъ матеріи, наблюдаемъ всевозможныя формы, въ которыхъ этотъ факторъ проявляется, но количественно онъ остается неизмѣннымъ, т. е. ни при какихъ условіяхъ количество энергіи не творится и не исчезаетъ.

Первое положеніе, касающееся матеріи, называется *закономъ сохраненія матеріи*, второе—касающееся энергіи, называется *закономъ сохраненія энергіи* **).

И первый, и второй «законы» предчувствовались и безсознательно принимались гораздо раньше, чѣмъ были сформулированы; для ихъ формулировки не доставало *опытнаго* доказательства; Лавуазье, съ вѣсами въ рукахъ, далъ такое доказательство для закона сохраненія матеріи, Майеръ и Джоуль — для закона сохраненія энергіи ***).

---

*) *Ostwald*: Lehrburh der allgemeinen Chemie. 2-e Aufl. 2 Theil, 1 Häffle стр. 10.

**) Терминъ «законъ», въ сущности, здѣсь примѣняется не совсѣмъ правильно, ибо законъ по самому своему существу долженъ быть выведенъ и доказанъ. Эти же два «закона» доказаны быть не могутъ и потому ихъ слѣдовало бы называть или терминомъ «принципъ», или терминомъ «аксіома» или, наконецъ, терминомъ «положеніе».

***) Не мѣшаетъ прибавить, что доказательства въ строгомъ смыслѣ слова не далъ ни Лавуазье для перваго закона, ни Майеръ и Джоуль — для второго. Они только показали, что всѣ *имѣющіеся* въ наукѣ факты не *про-*

Когда утвердилось въ наукѣ понятіе объ энергіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и необходимость формулировать это понятіе возможно точнымъ образомъ. Наиболѣе часто энергію опредѣляютъ такъ:

Каждое тѣло въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ можетъ совершить нѣкоторую работу. *Эта способность совершать работу и называется энергіей.*

Подъ терминомъ «работа» механика понимаетъ произведеніе двухъ чиселъ: одно изъ нихъ выражаетъ величину силы, дѣйствующей на извѣстную точку, другое—пространство, которое эта точка пройдетъ по направленію силы.

Это чисто механическое понятіе о работѣ можетъ быть хорошо уяснено на слѣдующемъ простомъ примѣрѣ: примемъ за единицу силы ту силу, съ которою грузъ въ 1 граммъ притягивается (въ извѣстномъ мѣстѣ) къ землѣ. Если мы теперь заставимъ грузъ въ 20 граммовъ двигаться по направленію, противоположному притяженію земли и этотъ грузъ пройдетъ пространство въ 5 сентиметровъ, то совершившаяся работа будетъ равна 100 граммосентиметрамъ. Если, поднявши этотъ грузъ на 5 сентиметровъ, мы его положимъ на этой высотѣ на дощечку, то мы можемъ сказать, что теперь этотъ грузъ содержитъ въ себѣ *энергію*, т. е. онъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ произвести работу. И въ самомъ дѣлѣ, если мы дощечку удалимъ, то грузъ начнетъ падать, и можно при помощи извѣстнаго приспособленія добиться того, чтобы онъ своимъ паденіемъ вызвалъ поднятіе другого такого же груза на ту же высоту (конечно, это возможно только въ идеальномъ случаѣ).

Въ данномъ случаѣ мы говоримъ, что грузъ нашъ имѣетъ механическую энергію. Можетъ быть и другой случай. Предположимъ, у насъ имѣется кусокъ раскаленнаго желѣза. Мы говоримъ, что онъ обладаетъ *тепловой энергіей*, т. е. опять же можетъ произвести работу. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что мы его опустили въ сосудъ съ воздухомъ, закрытый сверху поршнемъ, на которомъ лежитъ грузъ. Кусокъ желѣза начнетъ передавать свою теплоту воздуху, воздухъ станетъ расширяться и будетъ выдвигать поршень, вмѣстѣ съ лежащимъ на немъ грузомъ, вверхъ; въ данномъ случаѣ, значитъ, тепловая энергія превратится въ работу. Возьмемъ еще примѣръ: дано наэлектризованное тѣло; мы соединяемъ

противорѣчатъ принятію такого «закона». Изъ этого, конечно, еще нельзя заключить, что законъ доказанъ. Для того, чтобы законъ былъ доказанъ, нужно доказать, что никогда ни одинъ фактъ не *будетъ* противорѣчить ему.

*

это тѣло съ землею посредствомъ весьма тонкаго проводника. Электричество, какъ принято выражаться, уйдетъ въ землю; но электрическая энергія взятаго нами тѣла, пройдя по тонкому проводнику, нагрѣетъ его, т. е. обратится въ тепловую энергію; если теперь этотъ проводникъ мы опустимъ въ нашъ сосудъ съ воздухомъ и поршнемъ, то воздухъ начнетъ, подъ вліяніемъ разогрѣвающагося проводника, нагрѣваться, расширяться и вызоветъ опять же поднятіе поршня вверхъ, т. е. произведетъ работу.

Вотъ почему мы имѣемъ право сказать, что наэлектризованное тѣло обладаетъ электрической *энергіей*.

И такъ далѣе.

Изучая энергію ближе, мы приходимъ къ необходимости признать ее состоящею изъ двухъ факторовъ, изъ которыхъ необходимо составляется понятіе о присущей данному тѣлу энергіи.

Такъ, напримѣръ, если бы мы взяли ведро воды и нагрѣли бы эту воду до 100 градусовъ, то могли бы сказать, что вода эта имѣетъ извѣстный запасъ тепловой энергіи.

Если бы мы точно также нагрѣли лишь одинъ стаканъ воды до 100 градусовъ, то и въ этой водѣ имѣется опредѣленный запасъ энергіи.

Не требуется доказывать, что въ ведрѣ воды, имѣющей 100 градусовъ, больше энергіи, нежели въ стаканѣ воды, имѣющемъ тѣ же 100 градусовъ.

Но представимъ себѣ, что вода въ ведрѣ имѣетъ лишь 20 градусовъ, а вода въ стаканѣ имѣетъ 100 градусовъ. Гдѣ, спрашивается, больше энергіи, въ той ли водѣ, которая содержится въ ведрѣ, или въ той, которая содержится въ стаканѣ (предполагая, что въ ведрѣ въ 10 разъ больше воды, чѣмъ въ стаканѣ). Самый этотъ вопросъ сейчасъ же приводитъ насъ къ отысканію двухъ факторовъ энергіи.

Одинъ факторъ—это *напряженность энергіи*.

Второй факторъ—это *емкость даннаго вещества по отношенію къ энергіи*.

Первый факторъ во взятомъ нами примѣрѣ съ водою — это температура. Второй факторъ—это масса взятой воды *).

Можетъ быть и такой случай, что мы возьмемъ одинаковыя массы тѣлъ, напримѣръ, одинъ килограммъ воды и одинъ килограммъ ртути; для того, чтобы нагрѣть и то, и другое вещество до одинаковой температуры, т. е. довести напряженность тепло-

*) Такой взглядъ на массу вообще говоря не правиленъ, и я его привожу лишь для большей наглядности.

вой энергіи до одинаковой величины, придется ртути сообщить въ 30 разъ меньше тепловой энергія, чѣмъ водѣ. Открывши такой фактъ, мы можемъ сказать, что емкость ртути для тепловой энергіи въ 30 разъ меньше, нежели емкость воды, т. е. если мы въ ртуть введемъ столько же тепловой энергіи, сколько введемъ ея въ воду, то ея *напряженность* будетъ въ ртути гораздо бо́льшею, нежели какою она была бы при тѣхъ же условіяхъ въ водѣ.

Это понятіе о емкости вещества для тепловой энергіи существуетъ въ наукѣ уже давно подъ названіемъ теплоемкости.

Такимъ образомъ, въ каждой формѣ энергіи мы можемъ найти оба указанные фактора и доказать, что вся энергія тѣла выражается произведеніемъ этихъ двухъ факторовъ, т. е.

$$E = c\ i,$$

гдѣ E — энергія, c — факторъ емкости, а i — факторъ напряженности.

III.

Когда установлено понятіе объ энергіи и законъ сохраненія ея, то изслѣдователю остается еще цѣлая громадная область, касающаяся вопросовъ объ *условіяхъ превращенія энергіи изъ одного вида въ другой*. Подобно тому, какъ условія превращенія матеріи изъ одного вида въ другой представляютъ предметъ цѣлой науки — химіи, условія превращенія энергіи изучаются наукою, которой, по предложенію Rankine'a *), дано названіе *энергетики*.

Эта наука сначала выступила на свѣтъ Божій подъ названіемъ термодинамики, потому что въ основу ея легло ученіе о теплотѣ, но когда ученые мало-по-малу начали замѣчать, что положенія термодинамики могутъ быть обобщены и переведены къ положеніямъ, касающимся всякой энергіи вообще, тогда самое названіе «термодинамика» охотно стали замѣнять названіемъ «*энергетика*».

Какъ только что сказано, энергетика, главнымъ образомъ, сосредоточила свое вниманіе на вопросахъ превращеній энергіи и построилась сначала на ученіи о теплотѣ, и именно на такъ называемомъ «*второмъ началѣ механической теоріи теплоты*».

Раньше мы говорили, что теплота, какъ и всякая другая форма энергіи можетъ быть превращена въ работу, и указали, что количество происходящей работы пропорціонально количеству «исчезнувшей» теплоты. Такъ, каждая исчезнувшая единица теплоты превращается въ 423,5 килограммометра работы.

---

*) *G. Helm*, «Die Lehre von der Energie», Leipzig 1887; стр. 59 и слѣд.

Но какія условія должны быть соблюдены для того, чтобы теплота могла превратиться въ работу?

На этотъ вопросъ отвѣтилъ съ большой точностью еще въ 1824 г. французскій ученый Sadi Carnot (дѣдъ бывшаго президента французской республики), исходя изъ совершенно невѣрной гипотезы о теплотѣ, какъ жидкости *), и не менѣе невѣрнаго представленія о томъ, что при работѣ теплота не затрачивается, Вотъ какъ формулировалъ Carnot свою мысль:

«Движущая сила (la force motrice) въ паровыхъ машинахъ происходитъ не вслѣдствіе дѣйствительной затраты теплорода, а вслѣдствіе перевода его отъ теплаго тѣла къ холодному, т. е. вслѣдствіе возстановленія своего равновѣсія, послѣ того, какъ оно было нарушено какою-либо причиною, напримѣръ, химическимъ дѣйствіемъ, какъ горѣніе, или какимъ-либо инымъ».

Работа Carnot не обратила бы на себя вниманія ученаго міра, если бы за нее не взялся французскій инженеръ Clapeyron и не подвергъ ее тщательному разбору и поясненію. Clapeyron'овское изслѣдованіе появилось черезъ десять лѣтъ послѣ появленія работы Carnot **), и затѣмъ уже въ 1843 году было переведено на нѣмецкій языкъ и напечатано въ Анналахъ Поггендорфа.

На эту работу Clapeyron'a, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на изслѣдованіе Carnot, обратили почти одновременно вниманіе Clausius въ Германіи и W. Thomson въ Англіи.

Принявши соображенія Carnot, Clausius высказалъ, въ качествѣ термодинамической аксіомы, слѣдующее положеніе:

«*Теплота сама собою не можетъ переходить отъ тѣла болѣе холоднаго къ тѣлу болѣе теплому*».

W. Thomson выразилъ это же положеніе въ иной нѣсколько формѣ:

«*При участіи неодушевленныхъ агентовъ, невозможно произвести механическаго дѣйствія веществомъ, температура котораго ниже наиболѣе низкой температуры окружающихъ это вещество тѣлъ*».

Эти положенія въ наиболѣе обобщенной формѣ, т. е. не только по отношенію къ тепловой энергіи, но и по отношенію ко всякой другой, могутъ быть выражены такъ:

Всякія превращенія энергіи другъ въ друга могутъ наступать лишь тогда, когда въ мѣстахъ соприкосновенія источниковъ энергіи напряженность ея различна.

---

*) *Sadi Carnot.* «Reflexions sur la puissance motrice du feu et sur les machines propres à développer cette puissance». Paris 1824. На нѣмецкомъ языкѣ эта работа вышла въ серіи издаваемыхъ Оствальдомъ монографій, подъ названіемъ «Klassiker der exacten Wissenschoften» № 37. Leipzig. 1892 г.

**) «Journal de l'école polytechnique», 1834 г.

Въ тепловой энергіи факторомъ напряженности является температура, и потому, основываясь на только-что выраженномъ началѣ, мы можемъ сказать, что способность тепловой энергіи вызывать какія бы то ни было дѣйствія основана только на температурныхъ разницахъ. Какъ велико ни было бы количество энергіи, накопленное въ различныхъ тѣлахъ, но если напряженность ея у нихъ всѣхъ *одинакова*, то работа не можетъ быть произведена.

Но дальнѣйшее изученіе вопроса показываетъ, что даже и та теплота, которая переходитъ отъ болѣе нагрѣтаго тѣла къ тѣлу менѣе нагрѣтому, *не вся* можетъ быть обращена въ работу.

Представимъ себѣ, напримѣръ, случай, уже разсмотрѣнный раньше: вообразимъ, что у насъ имѣется цилиндръ, въ которомъ содержится холодный воздухъ, и пусть этотъ цилиндръ будетъ закрытъ подвижнымъ поршнемъ; введемъ внутрь цилиндра кусокъ горячаго желѣза; воздухъ начнетъ нагрѣваться, расширяться и выдвигать поршень, т. е. производить работу; тутъ очевидно, что работа не можетъ быть иначе совершена, какъ въ томъ случаѣ, если воздухъ въ цилиндрѣ разогрѣлся; а, стало быть, изъ той тепловой энергіи, которая сообщена кускомъ желѣза воздуху, часть ушла на нагрѣваніе самого воздуха и только часть на работу. Такимъ образомъ, не вся теплота, переходящая отъ тѣла высшей температуры къ тѣлу низшей температуры, можетъ быть превращена въ работу, часть ея безполезно (въ смыслѣ работы) пропадаетъ, а часть только обращается въ работу.

Спрашивается, какъ велика эта *превратимая* въ работу часть теплоты?

R. Clausius и, почти одновременно съ нимъ, W. Thomson, взявши за исходный пунктъ вышеуказанныя работы Carnot и Clapeyron'a пришли къ заключенію, что превратимая въ работу часть теплоты опредѣлится отъ раздѣленія разности температуръ двухъ источниковъ тепловой энергіи на температуру наиболѣе горячаго источника, къ которой (температурѣ) прибавлено число 273 (на такъ называемую абсолютную температуру).

Поясним это на примѣрѣ съ паровой машиной. Пусть паръ въ котлѣ паровой машины имѣетъ температуру 202 градуса, а въ холодильникѣ температура будетъ 12°. Въ такомъ случаѣ, согласно выводамъ Clausius'a и Thomson'a, въ работу обратится часть теплоты, получаемая изъ слѣдующаго вычисленія

$$\frac{202 - 12}{202 + 273} = \frac{190}{475} = 0{,}4$$

Значитъ при *самыхъ благопріятныхъ условіяхъ*, т. е. при такихъ, когда теплота не будетъ теряться на нагрѣваніе воды въ холо-

дильникѣ, на нагрѣваніе частей машины, не будетъ уходить въ воздухъ и т. д., только 0,4 ея обратится въ работу.

Въ болѣе обобщенной формѣ этотъ выводъ выражается формулою

$$\frac{Q-Q'}{Q} = \frac{T-T'}{T};$$

при чемъ Q — выражаетъ количество теплоты, поступающей въ тѣло, Q'—количество теплоты остающейся, а $Q-Q'$—количество теплоты, переведенной въ работу; $T-T'$ выражаетъ разность между температурами болѣе нагрѣтаго и менѣе нагрѣтаго источника (при чемъ подъ этими температурами разумѣютъ температуры показываемыя термометромъ Цельсія + число 273, т. е. такъ называемыя абсолютныя температуры).

Послѣднее равенство можетъ быть формулировано слѣдующими словами:

Теплота, способная перейти въ работу, такъ относится ко всей входящей въ тѣло теплотѣ, какъ разность между температурами относится къ температурѣ наиболѣе нагрѣтаго источника *).

Эта формулировка (съ нѣкоторыми измѣненіями) представляетъ собою то, что называется въ ученіи о теплотѣ **вторымъ началомъ механической теоріи теплоты** **).

Все до сихъ поръ приведенное даетъ читателю возможность составить себѣ понятіе о томъ, какъ ученіе о теплотѣ создало болѣе общее ученіе объ энергіи. Постараюсь подвести итоги тому, что можетъ быть выведено изъ только что сказаннаго.

---

*) Этотъ выводъ примѣнимъ только къ случаямъ такъ называемыхъ *круговыхъ обратимыхъ процессовъ*. Круговымъ процессомъ называется такой процессъ, при которомъ вещество, служащее для переведенія теплоты въ работу (напр., газъ или паръ) послѣ цѣлаго ряда переходовъ снова окажется въ своемъ первоначальномъ состояніи. Если мы представимъ себѣ такой круговой процессъ, при которомъ переходъ тепла и соотвѣтственныя измѣненія объема протекаютъ такъ, что могутъ идти и въ одномъ, и въ обратномъ направленіяхъ, то такой круговой процессъ носитъ названіе обратимаго.

**) Самое общее аналитическое выраженіе «второго начала» изображается формулою

$$\int \frac{dQ}{T} = 0 \text{ и } \int \frac{dQ}{T} < 0$$

Первая формула относится къ обратимому круговому процессу, вторая—къ необратимому. Смыслъ обоихъ уравненій таковъ: превращеніе теплоты въ работу въ *обратимомъ* круговомъ процессѣ происходитъ такъ, что всѣ количества введенной и выведенной теплоты, раздѣленныя каждое на соотвѣтственную температуру, даютъ въ суммѣ нуль или же—въ необратимомъ процессѣ—число большее нуля.

Эти итоги выражаются въ двухъ положеніяхъ механической теоріи тепла.

Первое положеніе: количество энергіи въ природѣ постоянно и неизмѣнно. Всѣ наблюдаемыя нами явленія представляютъ собою только превращенія энергіи изъ одной формы въ другую безъ нарушенія ея количества.

Это положеніе разработано Майеромъ, Джоулемъ и Гельмгольтцомъ, при чемъ первые двое установили его справедливость, отыскавъ численное соотношеніе между различными формами энергіи (теплотою и работою), а послѣдній вывелъ возможныя слѣдствія и далъ этому положенію строгое математическое выраженіе.

Второе положеніе. Превращенія энергіи возможны лишь тогда, когда энергія различныхъ тѣлъ, приходящихъ въ непосредственное или посредственное взаимодѣйствіе, обладаетъ различною напряженностью.

Это начало подготовлено работою Карно и Клапейрона и разработано въ подробностяхъ Клаузіусомъ и В. Томсономъ.

Оба приведенныя положенія могутъ быть выражены еще проще:

Приготовить «perpetuum mobile» невозможно.

Какъ ни очевидны оба эти положенія, однако было бы ошибочно предполагать, что въ сознаніи ученыхъ они присутствовали за долго до появленія работъ Майера, Джоуля, Клаузіуса, Томсона и Гельмгольтца.

Но не только до Майера, а даже и послѣ него нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ физиковъ пробовали возражать противъ 1-го начала механической теоріи тепла. Такъ, напр., знаменитый Hirn сдѣлался горячимъ сторонникомъ механической теоріи теплоты, будучи сначала ея противникомъ. Онъ, между прочимъ, указалъ на кажущееся противорѣчіе первому началу. Если, говорилъ онъ, работа совершается насчетъ теплоты, то работающій человѣкъ долженъ былъ бы остывать, такъ какъ часть теплоты, вырабатываемая въ организмѣ, превращается въ работу. А между тѣмъ, мы наблюдаемъ какъ разъ обратное: работающій человѣкъ разогрѣвается, температура его тѣла повышается, а не понижается.

Это противорѣчіе было устранено, когда обнаружилось, что въ человѣческомъ организмѣ во время работы, благодаря усиленному горѣнію его тканей, производится количество теплоты, гораздо большее, чѣмъ при покоѣ, и притомъ даже больше, нежели сколько ея нужно для совершенія работы и для поддержанія нормальной температуры организма. Часть этой теплоты, дѣйствительно, превращается въ работу, а остальная часть, въ

избыткѣ выработанная, повышаетъ температуру выше нормы. Если бы человѣкъ при покоѣ вырабатывалъ столько же тепла, сколько онъ вырабатываетъ при работѣ, то онъ разогрѣлся бы еще сильнѣе.

Второе положеніе или, лучше сказать, аксіома Clausius'а о томъ, что теплота изъ мѣста низшей температуры не можетъ перейти къ мѣсту высшей сама собою безъ затраты энергіи извнѣ, встрѣтило еще больше возраженій.

Rankine [1]) указалъ на то, что помощью вогнутаго зеркала можно концентрировать теплоту и такимъ образомъ безъ всякой затраты энергіи переходить отъ низшей температуры къ высшей. Очевидно, Rankine имѣлъ въ виду тотъ фактъ, что солнечные лучи, не зажигающіе, напр., дерева, будучи собраны посредствомъ зеркала, могутъ зажечь дерево; но англійскій физикъ упустилъ изъ виду, что источникомъ лучей является солнце, котораго температура, конечно, выше той, которая получается при собираніи лучей зеркаломъ.

Такого же рода возраженія противъ аксіомы Клаузіуса были приводимы T. Wand'омъ [2]), Hirn'омъ [3]), Maxwell'емъ [4]), Tait'омъ и др. Но всѣ эти возраженія были блистательно устранены, главнымъ образомъ, самимъ же Clausius'омъ [5]).

Такимъ образомъ, послѣ многихъ трудовъ, послѣ большого числа колебаній въ стороны, установилось ученіе о теплотѣ и въ связи съ нимъ ученіе объ энергіи. И въ настоящее время мы подраздѣляемъ энергію на пять группъ:

I. Механическая энергія.
II. Теплота.
III. Электрическая энергія.
IV. Химическая и внутренная энергія.
V. Лучистая энергія.

Эти пять группъ допускаютъ десять комбинацій, изученіе которыхъ даетъ десять главъ общаго ученія объ энергіи, т. е. энергетики. Каждая изъ этихъ главъ въ своемъ развитіи достигла различныхъ ступеней совершенства. Такъ, напр., взаимо-

---

[1]) «On the reconcentration of the mechanicalenergy of the universe». Philos. Mag. (4) IV, стр. 358.

[2]) «Kritische Darstellung des zweiten Satzes des Mechanischen Warmetheorie». Carl's «Repertorium der Experimentalphysik». IV, стр. 231. 1868.

[3]) «Exposition analytique et experimentale de la chaleur». 1862.

[4]) «Theorie der Wärme». 1879; T. II, S. 374.

[5]) «Die Mechanische Wärmetheorie». 1876, стр. 314, 373—378; «Die mechanische Behandlung der Electricität. 1879, стр. 317, 318.

отношеніе механической энергіи къ тепловой послужило основою всей энергетики и получило такое огромное значеніе, что подъ названіемъ термодинамики часто считается синонимомъ энергетики. Точно также, въ послѣднее время, изученіе соотношеній между механическою и электрическою энергіей, благодаря обширному практическому примѣненію электричества, получило широкое развитіе. Съ другой стороны, соотношенія между химической и механической энергіей почти еще неизвѣстны и не болѣе того развито ученіе о соотношеніи лучистой энергіи къ другимъ формамъ ея.

Но по мѣрѣ развитія ученія о различныхъ формахъ энергіи естественно зарождался и другой вопросъ самаго общаго характера,—вопросъ о томъ, представляетъ ли самое понятіе объ энергіи физическую фикцію, какую, напримѣръ, представляетъ понятіе о міровомъ эфирѣ, или же энергія есть нѣчто конкретное, нѣчто такое, что съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названо *субстанціей*. Вопросъ о реальности энергіи, если его разбирать съ философской точки зрѣнія, не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо объективное существованіе чего-либо требуетъ, чтобы это «что-либо» было независимо отъ тѣхъ измѣненій, которыя мы сами способны произвести. Количественная независимость отъ всякихъ измѣненій можетъ быть приписана только матеріи и энергіи. Однако, наука долгое время смотрѣла на энергію, какъ на фикцію, какъ на одну изъ математическихъ функцій. И это происходило оттого, что первоначально понятіе объ энергіи было заимствовано изъ механики, въ которой дѣйствительно энергія разсматривается, какъ извѣстная только математическая функція.

И уже Майеръ требовалъ признанія за энергіей реальности. Но благодаря тому, что міросозерцаніе Майера было нѣсколько слишкомъ идеалистическимъ и даже, пожалуй, мистическимъ, словамъ Майера не было придано настоящаго значенія; въ особенности же въ 60-хъ годахъ, въ эпоху господства естественно-научнаго матеріализма, воззрѣнія Майера на реальность энергіи не могли имѣть успѣха. И только уже въ позднѣйшее время начали раздаваться голоса ученыхъ въ пользу такого воззрѣнія. Такъ, напримѣръ, Tait въ своемъ сочиненіи «Свойства матеріи» *) прямо говоритъ:

«Любопытное косвенное признаніе объективности за энергіей заключается въ томъ, что ею торгуютъ. Такъ, въ мануфактурныхъ центрахъ, если у владѣльца мельницы паровая машина оказывается излишне сильною для его потребностей, онъ выпускаетъ объявленіе объ «отдачѣ въ наемъ запасной силы».

*) «Свойства матеріи» (рус. перев. подъ ред. И. М. Сѣченова), стр. 4.

Такимъ образомъ, Tait, наиболѣе ярый врагъ Майера, поднимаетъ вопросъ о реальности энергіи, о томъ, что она имѣетъ рыночную стоимость, можетъ покупаться и продаваться.

Итакъ, если энергія есть реальность, если мы можемъ говорить о ея субстанціальности, то энергетика является такою же сложною и обширною наукою, какъ и наука о матеріи. Но мало того, мы можемъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Существованіе явленій возможно только при условіяхъ перехода энергіи отъ одной системы къ другой. Если энергія не переходитъ, никакихъ явленій мы наблюдать не можемъ. Наши органы чувствъ, или вообще нашъ организмъ обладаетъ извѣстнымъ запасомъ энергіи съ присущими ей обоими факторами: емкостью и напряженностью. Мы познаемъ внѣшній міръ только благодаря тому, что между энергіей нашего организма и энергіей внѣшняго міра происходитъ постоянный обмѣнъ; тамъ, гдѣ этого обмѣна не существуетъ, мы и не познаемъ внѣшняго міра. Такъ, напримѣръ, мы не чувствуемъ давленія воздуха на насъ, несмотря на громадность его величины, потому что это давленіе (какъ факторъ напряженности такъ называемой объемной энергіи), одинаково какъ въ воздухѣ, такъ и въ насъ. Но стоитъ давленію окружающаго воздуха измѣниться болѣе или менѣе рѣзко и сейчасъ же происходитъ нарушеніе равновѣсія энергіи (объемной) и мы начинаемъ чувствовать это нарушеніе. Если мы рукой прикасаемся къ предмету, температура котораго одинакова съ температурой нашей руки, то мы не чувствуемъ ни тепла, ни холода. Предметъ кажется намъ въ тепловомъ отношеніи безразличнымъ. Почему? Потому что факторъ напряженности тепловой энергіи, т. е. температура, одинакова какъ въ нашей рукѣ, такъ и въ предметѣ, и нарушенія равновѣсія энергіи не происходитъ. Объ электрическомъ состояніи нашей земли мы ничего не знаемъ, ибо факторъ напряженности электрической энергіи (электрическій потенціалъ) одинаковъ какъ въ насъ, такъ и въ окружающемъ пространствѣ. И, быть можетъ, мы и окружающее насъ пространство содержимъ громадные запасы электрической энергіи, но судить о нихъ мы не можемъ, потому что, какъ великъ бы ни былъ запасъ энергіи, но разъ факторъ напряженности одинаковъ, энергія не перемѣщается и никакихъ явленій, т. е. перемѣнъ, не происходитъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какова должна быть роль энергетики въ будущей наукѣ и философіи.

Но есть еще одинъ пунктъ—пунктъ самый послѣдній, до котораго добралось послѣдовательно проводимое ученіе объ энергіи.

Что играетъ въ природѣ болѣе важную роль: матерія или энергія?

Такой вопросъ на первый взглядъ можетъ показаться чисто схоластическимъ, да, пожалуй, и просто лишеннымъ смысла. Разъ, въ самомъ дѣлѣ, матерія есть носитель энергіи, разъ энергія не можетъ обнаруживаться и претерпѣвать перемѣны иначе, какъ черезъ посредство матеріи, какой же можетъ быть разговоръ о томъ, что въ природѣ играетъ болѣе важную роль. Матерія безъ энергіи такъ же мало мыслима, какъ и энергія безъ матеріи—это кажется очевиднымъ и не подлежащимъ никакому спору. Однако, споръ возникъ и по этому поводу.

Въ предыдущей статьѣ я упомянулъ, что матеріализмъ потерпѣлъ сильное нападеніе со стороны Ostwald'a именно въ этомъ своемъ пунктѣ.

Ostwald поставилъ вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще матерія, и не есть ли сама матерія только одна изъ формъ энергіи?

Чтобы дать хотя поверхностное понятіе объ этой точкѣ зрѣнія знаменитаго германскаго химика (болѣе подробно я поговорю объ этомъ предметѣ въ отдѣльной статьѣ), я укажу, что Ostwald не видитъ въ матеріи ни одного свойства, которое представлялось бы присущимъ именно ей; всѣ свойства матеріи онъ сводитъ къ энергіи.

Что значитъ осязать тѣло? Если мы нашимъ пальцамъ сообщили нѣкоторую энергію движенія и на пути они встрѣтятъ тѣло, то получить осязательное ощущеніе отъ этого тѣла они могутъ лишь тогда, когда это тѣло обладаетъ меньшей энергіей, т. е. движется, напр., съ меньшей скоростью (или находится въ покоѣ); если же тѣло движется съ такою скоростью, съ какою двинулись наши пальцы, то мы его ощущать не будемъ въ состояніи. Значитъ, самое понятіе о твердости (въ обыденномъ смыслѣ) тѣла, о его формѣ и т. д., получаемое путемъ осязанія, дается намъ лишь въ томъ случаѣ, если энергія нашего осязательнаго органа отличается по своей напряженности отъ энергіи осязаемаго тѣла. То же относится и къ явленіямъ зрѣнія, и вообще ко всѣмъ тѣмъ способамъ, при помощи которыхъ мы познаемъ матерію. Даже самыя основныя понятія о матеріи—понятіе о ея массѣ и вѣсѣ—суть понятія энергетическаго характера.

Вотъ почему Оствальдъ говоритъ, что можно усомниться въ объективномъ существованіи матеріи, но ужъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что энергія существуетъ объективно.

Въ такія философскія области заходитъ уже теперь энергетика.

Но помимо этого, ученіе объ энергіи распространилось и на другія сферы нашего философскаго міросозерцанія.

Раньше было указано, что въ основѣ второго начала термодинамики лежитъ принципъ о невозможности превращенія даже всей той теплоты въ работу, которая переходитъ отъ источника высшей температуры къ источнику низшей температуры. Часть этой переходящей тепловой энергіи идетъ всегда на нагрѣваніе, т. е. переходитъ въ непревращенномъ состояніи. Переходъ тепловой энергіи въ непревращенномъ состояніи въ то тѣло, черезъ посредство котораго мы хотимъ совершить работу, сопровождается, кромѣ того, еще переходомъ ея въ окружающее пространство, гдѣ она тоже въ работу не превращается. Это необходимое явленіе, такъ сказать, безполезной потери тепловой энергіи W. Thomson назвалъ *разсѣяніемъ* энергіи; онъ же обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что всякая энергія при своихъ превращеніяхъ непремѣнно частью переходитъ въ тепловую энергію, а такъ какъ тепловая энергія никогда превратиться на цѣло въ работу не можетъ, то разсѣяніе энергіи есть необходимость, сопрождающая всякія явленія, т. е. всякія превращенія энергій. Clausius назвалъ эту часть энергіи (которая, значитъ, не можетъ быть превращена въ работу) *энтропіей*. Стало быть, между «энтропіей» Clausius'a и «разсѣяніемъ энергіи» Thomson'a — много общаго. Разница только въ томъ, что Thomson говоритъ о потерѣ въ энергіи вообще, а Clausius своему выраженію «энтропія» придаетъ точный и опредѣленный смыслъ и создаетъ возможность говорить объ энтропіи, какъ о величинѣ, подлежащей измѣренію.

Дальнѣйшіе выводы изъ этого начала энтропіи касаются вопроса о будущности вселенной.

Во вселенной происходятъ постоянно круговые процессы такого рода, что часть энергіи, способная превращаться въ работу, уменьшается; въ самомъ дѣлѣ предположимъ, что у насъ имѣется горячее и холодное тѣло; теплота, переходящая отъ перваго тѣла ко второму, только частью обратится въ работу. Представимъ себѣ теперь, что теплоту, перешедшую въ работу, мы снова возвратили бы тому тѣлу, которое первоначально было болѣе горячимъ. Очевидно, его температура уже не будетъ такою, какою она была при началѣ процесса, такъ какъ часть теплоты перешла на болѣе холодное тѣло, не произведя работы. Итакъ, теперь уже разность между температурами нашихъ обоихъ тѣлъ станетъ меньше. Повторяя этотъ процессъ много разъ, мы въ результатѣ получимъ слѣдующее: оба тѣла будутъ имѣть одинаковую температуру и, стало быть, переходъ тепловой энергіи изъ перваго во второе станетъ невозможнымъ. А разъ перехода не будетъ, то не будетъ и работы. Значитъ, наша система двухъ тѣлъ, не потерявшихъ даже нисколько тепловой энергіи въ

пространствѣ, придетъ въ такое состояніе, при которомъ ни малѣйшая часть содержащейся въ нихъ теплоты не будетъ въ состояніи превратиться въ работу. Иначе говоря, энтропія этихъ тѣлъ достигнетъ своего maximum'а.

То, что справедливо для двухъ тѣлъ, будетъ, конечно, справедливо и для любого числа ихъ, а стало быть, и для вселенной; далѣе, то, что справедливо для тепловой энергіи, будетъ справедливо и для всякой другой, ибо всякая другая энергія, какъ было выше указано, при своихъ превращеніяхъ непремѣнно частью обращается въ тепловую.

И такъ, если во вселенной происходятъ обмѣны всевозможныхъ формъ энергіи и если каждый разъ при обратныхъ превращеніяхъ часть энергіи «застрѣваетъ» въ тѣлахъ, въ формѣ необратимой, то послѣ большого числа такихъ обмѣновъ и обратныхъ превращеній во всѣхъ тѣлахъ исчезнетъ, позволю себѣ выразиться, дѣятельная энергія и останется недѣятельная, т. е. такая, которая уже не можетъ подвергаться превращеніямъ. Во вселенной наступитъ maximum энтропіи т. е. абсолютный покой, иначе говоря, вселенная погрузится въ вѣчную смерть и въ ней не произойдетъ ни одного явленія.

Всѣ эти выводы сдѣланы сначала W. Thomson'омъ, потомъ и Clausius'омъ.

Ученіе объ энтропіи, какъ оно ни обогащаетъ насъ въ научно-философскомъ отношеніи, наводитъ, однако, на печальныя размышленія. Значитъ, смерть вселенной есть выводъ, построенный на самыхъ строгихъ научныхъ основаніяхъ? спрашиваемъ мы себя. Значитъ, пессимисты правы, говоря, что вселенная стремится къ самоуничтоженію? Мы отвѣчаемъ на это: «да, правы!» И ни одна философская система, старавшаяся разгадать цѣль бытія, не имѣла такихъ прочныхъ научныхъ основаній, какъ пессимистическая философія, гласящая что *цѣль бытія* въ концѣ концовъ, *есть не бытіе*. Ибо если уже говорить о цѣли, то цѣль всѣхъ превращеній энергіи—а это и есть бытіе—есть ихъ уравновѣшеніе и достиженіе maximum'а энтропіи—а это и есть *не бытіе*. И если бы мы хотѣли стоять на почвѣ данныхъ, добытыхъ наукою, то наша обязанность признать вышеприведенную квинтъ-эссенцію пессимизма одною изъ наиболѣе прочныхъ истинъ, какими владѣетъ человѣчество.

Итакъ, вселенная стремится къ смерти, къ полному равновѣсію энергій. Какъ ни печально для насъ такое пріобрѣтеніе, но если бы мы были убѣждены, что оно представляетъ несомнѣнную истину, мы могли бы гордиться тѣмъ, что проникли въ тайны бытія, познали стремленія вселенной. Мы могли бы сказать: «да, намъ

предстоитъ гибель, но мы это разгадали усиліями нашего ума!» Мы уподобились бы тому астрологу, который предсказалъ день своей смерти и, умирая, съ гордостью произнесъ: «я радъ, что умираю сегодня, потому что своей смертью я купилъ величайшую тайну природы. Если бы я остался живъ, мнѣ пришлось бы сознаться въ ничтожествѣ своей науки, своего ума! А тогда жизнь потеряла бы для меня всякую цѣну».

Такъ говорилъ, конечно, герой науки, да еще, вѣроятно, герой, созданный пылкой фантазіей средневѣковыхъ арабскихъ астрологовъ.

Человѣчество, даже въ лицѣ своихъ великихъ ученыхъ, не можетъ считаться такимъ героемъ. Ему непріятно думать, что всѣ его волненія, усилія его ума, что вся созданная имъ наука, искусство—что все это обратится въ ничто; человѣчество можетъ даже пенять на науку, предсказавшую ему подобную перспективу.

И вотъ подъ давленіемъ всего этого, въ ученыхъ зарождается вопросъ:

«А не слишкомъ ли мы заносимся, воображая, что второе начало механической теоріи тепла такъ ужъ незыблемо, что всѣ вытекающія изъ него слѣдствія должны считаться, какъ бы, абсолютной истиною? Мало ли было случаевъ, гдѣ наука, убѣжденная въ обладаніи истиною, разочаровывалась и сознавала свою ошибку!? Вѣдь весь выводъ объ энтропіи имѣетъ въ своей основѣ предположеніе, будто факторы энергіи постигнуты нами всѣ, будто, кромѣ фактора емкости и фактора напряженности, никакихъ другихъ факторовъ энергіи не имѣется? Мало того: мы считаемъ, что превращенія энергіи возможны лишь въ томъ случаѣ когда имѣются тѣла, содержащія энергію различной напряженности. Откуда у насъ эта истина? Она дана намъ опытомъ. Но развѣ нашъ опытъ, да еще произведенный въ нѣкоторой одной точкѣ вселенной—можетъ рѣшать вопросы, касающіеся всей вселенной? Мало ли какія формы энергіи могутъ существовать, которыхъ мы еще не знаемъ? Вѣдь не знаетъ же какая-нибудь амеба лучистой свѣтовой энергіи! А вѣдь мы, быть можетъ, черезъ сотни милліоновъ лѣтъ, путемъ эволюціи, превратимся въ существа, которыя познаютъ много другихъ видовъ энергіи, отличной отъ тѣхъ видовъ, какіе мы знаемъ теперь!»

Такое разсужденіе съ принципіальной стороны вполнѣ законно. Но все же мы не можемъ говорить о томъ, чего не знаемъ и, слѣдовательно, стоя на почвѣ факта, мы не должны бояться вытекающихъ изъ него слѣдствій—все равно, пріятны они намъ или нѣтъ.

Значитъ, соглашаясь со всѣми этими сомнѣніями, мы все-таки

должны, повидимому, сказать: «Когда мы узнаемъ новые факты, тогда мы и откажемся отъ сдѣланныхъ безъ ихъ помощи выводовъ, но пока...»

Однако и пока у насъ есть нѣкоторое научное право не считать данные выводы абсолютно справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, наука намъ говоритъ, что вселенная *безконечна* въ математическомъ смыслѣ этого слова, т. е. число тѣлъ во вселенной безконечно. Если принять, что напряженность энергіи въ каждомъ тѣлѣ вселенной различная, то процессъ уравновѣшенія этихъ энергій, конечно, произойдетъ, смерть вселенной, конечно наступитъ, но черезъ... безконечное время, т. е. иначе говоря никогда. И разсуждая такъ, мы стоимъ на научной почвѣ, не противорѣчимъ второму началу термодинамики не смотря на то, что одинъ выводъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, я сознаю въ какой несовершенной степени мнѣ удалось познакомить своихъ читателей съ ученіемъ объ энергіи во всей его широтѣ. Но я нахожу для себя оправданіе въ одномъ — въ чрезвычайной трудности популяризировать энергетику или термодинамику, въ особенности же второе ея начало, требующее пользованія высшей математикой. Мнѣ однако хотѣлось показать, какъ глубоко проникаетъ энергетика въ самые затаенные уголки міра явленій и какимъ сильнымъ руководителемъ является она для насъ при изученіи природы. Мнѣ хотѣлось показать, что для построенія философскаго міросозерцанія, для построенія новыхъ философскихъ системъ недостаточно подняться на вершины апріорнаго мышленія, а нужно опускаться въ нижніе этажи лабораторій и физическихъ кабинетовъ при хорошемъ математическомъ вооруженіи. Законъ сохраненія матеріи и законъ сохраненія энергіи дали человѣчеству слишкомъ много въ смыслѣ прогресса, а они, эти законы, выработавшись на почвѣ чернаго, тяжелаго многолѣтняго эксперимента, составляютъ основу для дальнѣйшаго движенія естествознанія, соціологіи и философіи.

Вотъ почему и для Томсона, недавно праздновавшаго пятидесятилѣтіе своей профессорской дѣятельности, лучшей наградой должно быть сознаніе, что въ этой тяжелой долголѣтней борьбѣ за открытіе величайшей тайны ученія объ энергіи, онъ стоялъ въ ряду передовыхъ вожаковъ и ни разу не опустилъ своего оружія передъ встрѣчавшимися ему на пути препятствіями.

М. Ю. Гольдштейнъ.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій.

(По поводу новаго полнаго перевода С. М. Москва. 1895).

О томъ, что предъ нами необыкновенная, въ своемъ родѣ единственная книга, говорить не приходится. Всякій съ дѣтства совершенно естественно усвоилъ эту истину. Ни въ одной европейской литературѣ нельзя назвать другого произведенія, которое пользовалось бы такими единодушными и неизмѣнными сочувствіями у читателей *всѣхъ* возрастовъ и самаго разнообразнаго умственнаго развитія. Для ребенка и вообще простодушнаго читателя имя ламанчскаго рыцаря столь же близко и родственно-дорого, какъ имена Робинзона Крузо, дяди Тома, но только ни съ однимъ изъ послѣднихъ именъ у *взрослыхъ* и развитыхъ читателей не соединяется столько сложныхъ и въ высшей степени любопытныхъ *идей*, какъ съ именемъ героя Сервантеса. Донъ-Кихотъ одновременно и забавнѣйшая фигура дѣтской литературы и на столько поучительный и содержательный типъ въ философскомъ и психологическомъ смыслѣ, что развѣ только шекспировскій Гамлетъ въ этомъ отношеніи можетъ поспорить съ рыцаремъ печальнаго образа. Явленіе по истинѣ исключительное! Объяснить его вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ — потребовался бы цѣлый трактатъ. Мы намѣтимъ только главнѣйшія основанія этой безпримѣрной славы испанскаго романа. Въ наше время въ большой модѣ одна весьма спорная идея, отнюдь не доказанная и между тѣмъ заключающая въ себѣ особенную привлекательность именно для людей конца XIX вѣка. Это—идея *объективнаго* художественнаго творчества и даже вообще писательской работы. Не смотря на то, что ни одно столѣтіе не видѣло такой горячей, часто ожесточенной полемики въ самыхъ, повидимому, научныхъ и *безличныхъ* областяхъ, въ родѣ естествознанія, именно XIX вѣкъ проявилъ непреодолимое стремленіе—всякое знаніе и всякій продуктъ нравственныхъ человѣческихъ силъ превратить въ фактъ, независимый отъ личностей, отъ личныхъ характеровъ и міросозер-

ціаній ученыхъ и писателей. Новѣйшимъ поколѣніямъ, между прочимъ, принадлежитъ замыселъ—исторію, искони составлявшую предметъ искусства или морали, сдѣлать *точной* наукой. Извѣстное движеніе на этомъ пути, несомнѣнно, удалось: современные историки, большею частью, избѣгаютъ реторическихъ и проповѣдническихъ упражненій на почвѣ историческихъ фактовъ. Но научность, объективная и безстрастная до послѣднихъ дней не дается, будто сказочная жаръ-птица, ни одному историку, и роковымъ образомъ повторяется одинъ и тотъ же фактъ: чѣмъ талантливѣе историкъ, чѣмъ шире его нравственный и общественный кругозоръ, тѣмъ онъ, по необходимости, отзывчивѣе на разныя «злобы» настоящихъ и минувшихъ дней и тѣмъ, логически, менѣе приспособленъ къ объективности. Одинъ изъ такихъ историковъ, знаменитый авторъ книги объ Ульрихѣ Гутенго, откровенно заявилъ, что историческая объективность возможна только у писателя, имѣющаго дѣло съ ассиріанами и вавилонянами и подобными ископаемыми народами и дѣятелями, во всѣхъ другихъ случаяхъ авторъ историческаго труда непремѣнно проявитъ свое культурное, національное и политическое родство съ тѣмъ или другимъ направленіемъ современной ему мысли. Другіе историки менѣе откровенны *теоретически*, но *практически* они идутъ несравненно дальше только-что упомянутаго историка и волею ироническихъ судебъ, именно тѣ, кто больше всего толкуетъ о научности и объективизмѣ, попадаютъ рѣшительно во всѣ роли, только не роль научнаго и безпристрастнаго историка. Краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ можетъ служить Тэнъ, безпрестанно твердившій о себѣ, какъ *натуралистѣ* въ области общественныхъ изслѣдованій, и въ результатѣ проявившій единственное сходство съ натурализмомъ, да и то не естественнонаучнымъ, а литературнымъ, *золаическимъ*,—усердіемъ осыпать ненавистныхъ историческихъ личностей дѣйствительно *натуралистически*-безцеремонными ругательными эпитетами и клеветами. Такъ обстоитъ дѣло съ исторіей. Но манія объективизма распространилась и на искусство. Всего только годъ или два замолкъ шумъ, надѣланный-было эстетиками на счетъ чистой, отрѣшенной красоты. Въ короткое время образовалась громадная журнальная и книжная литература, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ эстетика прямо считалась модной наукой, и періодическія изданія изнывали въ поискахъ за статьями на соотвѣтствующія темы. Повѣтріе, къ великой чести русской общественной мысли, исчезло, но отголоски его не замерли и врядъ ли замрутъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ; правда, и здѣсь повторились курьезы, подобные тэновскому. Въ Россіи са-

мымъ ярымъ защитникомъ чистаго объективнаго творчества оказался г. Боборыкинъ,—тотъ самый г. Боборыкинъ, романы котораго съ незапамятныхъ временъ были и продолжаютъ быть сенсаціонными *révues* «общихъ знакомыхъ» и самыхъ злободневныхъ фактовъ и происшествій. Въ этомъ собственно и заключается интересъ и даже литературное достоинство произведеній почтеннаго беллетриста и онъ совершенно напрасно усиливается высѣчь самого себя собственными проповѣдями о чистомъ художествѣ. Дѣло въ томъ, что не только въ романахъ г. Боборыкина, а рѣшительно во всѣхъ литературахъ значеніе и занимательность произведенія увеличивается какъ разъ сообразно съ количествомъ не объективизма, если такъ можно выразиться, а именно *личнаго, авторскаго* элемента. И что особенно любопытно, самыми талантливыми и долговѣчными оказываются какъ разъ произведенія автобіографическаго характера, въ которыхъ главный герой—въ сильнѣйшей степени воплощаетъ личность самого писателя и представляетъ своими рѣчами и поступками его личное отношеніе къ современной дѣйствительности. Примѣровъ можно привести сколько угодно изъ той или другой литературы. Достаточно вспомнить «Гамлета», «Мизантропа», «Горе отъ ума» и даже «Божественную комедію» Данта, повидимому, строго эпическую поэму, а на самомъ дѣлѣ откровеннѣйшую исповѣдь авторскихъ личныхъ сочувствій и негодованій. Всѣ поименованныя нами произведенія считаются высшими украшеніями въ творчествѣ своихъ авторовъ и, кромѣ того, именно они, не въ примѣръ прочимъ, часто не менѣе талантливымъ, обладаютъ способностью возбуждать разнообразнѣйшія критическія сужденія читателей, именно имъ принадлежитъ привилегія являться тайной — романтически-привлекательной и философски-глубокой для самаго отдаленнаго потомства. Ни «Король Лиръ» у Шекспира, ни «Тартюфъ» у Мольера, при всѣхъ своихъ общепризнанныхъ достоинствахъ, не считаютъ за собой и малой доли той литературы, какая посвящена «Гамлету» и «Мизантропу». И фактъ объясняется просто. Гдѣ заключены *личности* обоихъ поэтовъ, т. е. ихъ интимная духовная и отчасти внѣшняя жизнь, тамъ и кроется притягательнѣйшая сила—одинаково для простой и для ученой публики. Въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ намъ прежде всего интересенъ самъ дѣятель, и этотъ интересъ, разумѣется, становится особенно напряженнымъ, когда вопросъ идетъ объ исключительно-одаренной творческой натурѣ. Въ результатѣ—сліяніе личныхъ откровеній съ явленіями внѣшней дѣйствительности и производитъ то, что сообщаетъ произведенію глубочайшій *психологическій* смыслъ,

обильнѣйшее *реальное* содержаніе, художественную *силу* красокъ и лирическую *искренность* тона, и степень талантливости и значительности произведенія прямо зависитъ отъ гармоніи могучаго субъективнаго элемента и богатства внѣшнихъ отраженій. «Донъ-Кихотъ» одно изъ такихъ явленій искусства.

Когда вы читаете романъ, у васъ составляется двойственное впечатлѣніе. Съ одной стороны предъ вами безумецъ, смѣшной, еще чаще жалкій, безнадежная жертва больного воображенія, рядомъ съ нимъ грубый и еще болѣе забавный и, пожалуй, глупый мужикъ. Все вмѣстѣ—сатира на человѣческое безуміе и неразуміе. Но одновременно съ этимъ впечатлѣніемъ невольно и будто безъ вашего вѣдома на днѣ души складываются совершенно другія чувства къ обоимъ героямъ. Вамъ становится не только жаль по человѣчеству побитаго рыцаря, но вы не можете отдѣлаться отъ инстинктивнаго ощущенія, нисколько не похожаго на состраданіе къ безумцу, отъ *уваженія* и въ иныя минуты чуть не удивленія. То же самое съ Санчо-Пансо. Добрякъ безпрестанно забавляетъ васъ нескончаемой болтовней, гомерическимъ аппетитомъ и необычайно реальнымъ взглядомъ на всѣ вещи въ мірѣ. Но по временамъ вы начинаете съ большимъ вниманіемъ прислушиваться къ этой болтовнѣ и реальные взгляды Санчо пріобрѣтаютъ свой спеціальный интересъ, не только комическій. Такая двойственность впечатлѣнія свойственна вообще всѣмъ героямъ, имѣющимъ привилегію быть ближайшими, родными по духу дѣтищами авторскаго сердца. Гамлетъ,—тоже безумецъ, минутами жестокій, безвольный и въ то же время мстительный, Чацкій—смѣшной ревнивецъ и до самозабвенія увлекающійся «безпокойный человѣкъ», Альцестъ—обманутый влюбленный и безразсудно азартный моралистъ, въ порывѣ гнѣва стрѣляющій изъ пушекъ по воробьямъ. Много здѣсь жалкаго, комическаго, подчасъ даже несимпатичнаго, но самые доблестные герои такъ не влекутъ васъ къ себѣ, какъ эти странные, возбуждающіе столько недоумѣній, сценическіе образы. То же и съ героями Сервантеса. Вы чувствуете и ясно видите, что несчастный рыцарь печальнаго образа на многихъ страницахъ романа такой же alter ego автора, какъ и Гамлетъ въ своихъ философскихъ монологахъ—эхо шекспировскихъ думъ и печалей, и если *быть или не быть* вы почти цѣликомъ можете найти въ лирическихъ произведеніяхъ великаго драматурга, такъ же и многіе монологи ламанчскаго рыцаря—задушевнѣйшіе profession de foi Сервантеса.

Да, безсмертный Мигуэль Сервантесъ Сааведра—Донъ-Кихотъ и притомъ одинъ изъ типичнѣйшихъ. Онъ не сражался съ вѣтре-

ными мельницами à la lettre, но въ нашемъ мірѣ бываютъ сраженія, на первый взглядъ и больше осмысленныя, но въ сущности не болѣе цѣлесообразныя для личнаго спокойствія и благополучія сражающихся. Сервантесъ—по рожденію благороднѣйшій рыцарь, гидальго съ головы до ногъ, по дѣятельности въ молодой періодъ жизни—доблестный солдатъ, герой знаменитаго сраженія при Лепанто, изувѣченный въ битвѣ и не достигшій никакихъ «существенныхъ» наградъ за своё геройство и за увѣчье. Напротивъ, остаешейся рукой Сервантесу предстояло совершить еще болѣе доблестныхъ дѣлъ на другомъ поприщѣ, и еще менѣе благодарныхъ и чреватыхъ благодѣтельными для героя послѣдствіями. Это—дѣйствительно сплошное донъ-кихотство и притомъ въ самыхъ разнородныхъ формахъ, сначала донкихотство рыцаря въ прямомъ смыслѣ слова, а потомъ «рыцаря мысли и слова», это—поэма, даже болѣе занимательная и несравненно болѣе поучительная, чѣмъ даже приключенія ламанчскаго подвижника. Оставимъ въ сторонѣ военный героизмъ Сервантеса, его по истинѣ легендарную исторію плѣна и невольничества у алжирскихъ разбойниковъ, намъ ближе литературное донкихотство геніальнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что оно цѣликомъ передъ нами въ самомъ романѣ. Быть рыцаремъ въ литературѣ всегда много труднѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ сценахъ, но эта трудность превращается въ подвигъ, когда писателю приходится одновременно бороться съ матеріальными лишеніями и испытывать настоятельную нравственную необходимость идти наперекоръ современнымъ литературнымъ вкусамъ публики и ея избранниковъ. Это—совершенная драма, притомъ почти всегда кончающаяся трагически для «одного въ полѣ воина». Когда мы въ настоящее время читаемъ въ романѣ Сервантеса гуманнѣйшія идеи общественнаго содержанія и самыя правильныя, на нашъ взглядъ, литературныя теоріи, намъ все это кажется вполнѣ естественнымъ и большинству читателей навѣрное и на умъ не приходитъ вопросъ, чего всѣ эти люди стоили испанскому писателю эпохи Филиппа II и современнику прославленнаго драматурга Лопе де-Веги? А между тѣмъ, достаточно припомнить только эти два имени, чтобы представить нравственное и умственное величіе автора «Донъ-Кихота». Филиппъ II—коронованный инквизиторъ, воплощеніе безпощаднаго фанатизма и нетерпимости, подлинный палачъ нидерландовъ и весьма вѣроятный убійца своего сына, драматургъ—«офицеръ святой инквизиціи» и въ то же время безпринципнѣйшій изъ писателей, какіе только когда-либо пользовались подобной популярностью. И король, и драматургъ вполнѣ олицетворяли силы сво-

его вѣка—религіозный деспотизмъ, національное самообожаніе и задоръ, и литературную продажность, и полнѣйшее идейное легкомысліе. Остается только прибавить еще одну достопримѣчательность эпохи, не выдохшуюся окончательно и до послѣднихъ дней изъ испанскихъ нравовъ, бытовыхъ и литературныхъ—страстное увлеченіе эффектомъ, грубыми декораціями искусства вмѣсто реальной художественной красоты, крикливымъ, чисто бутафорскимъ героизмомъ. Во времена Сервантеса эти наклонности испанцевъ породили обильную пищу прежде всего въ рыцарскихъ романахъ, а потомъ въ такъ называемомъ «гонгоризмѣ», старинной модѣ, охватившей постепенно въ XVI и XVII вѣкахъ всѣ европейскія литературы. Въ Испаніи оно получило свое названіе отъ напыщеннаго утонченно-щеголеватаго поэта Гонгоры, во Франціи та же мода называлась «преціознымъ тономъ», въ Англіи—эварцизмомъ, у насъ, въ Россіи, доморощенныя précieuses ridicules именовались въ сатирахъ—«щеголихами». Всѣ эти чудовища—религіозный фанатизмъ, неразлучный съ грубѣйшими суевѣріями, національное фанфаронство, воинственныя и галантныя небылицы о сказочныхъ витязяхъ и слащавое, вымученно-искусственное кокетничанье въ стилѣ и мотивахъ поэзіи,—все это объявляло непримиримую войну инстинно-рыцарственному гуманному сердцу Сервантеса, его ясному, многоопытному уму и глубокому природному художественному чувству. И Сервантесъ мужественно принялъ вызовъ, вѣрнѣе—самъ потребовалъ къ отчету своихъ грозныхъ враговъ, и сильнѣйшее оружіе мысли и генія вложилъ именно въ столь, повидимому, забавную повѣсть о Ламанчскомъ рыцарѣ и его оруженосцѣ. У Донъ-Кихота есть своя idée fixe, но отнюдь не настолько невѣроятная и безумная, чтобы онъ не могъ найти множество двойниковъ среди своихъ же современниковъ. Это только намъ рыцарь можетъ казаться и дѣйствительно кажется сумасшедшимъ, ясновидцемъ, вообще невмѣняемымъ; но, скажите, далеко ли ушелъ отъ послѣдователя Амадиса и обожателя Дульцинеи самъ Филиппъ II, который, по историческимъ извѣстіямъ, заключая бракъ съ англійской принцессой, клялся признать права Артура на британскій престолъ немедленно, лишь только появится этотъ герой «Круглаго стола» съ своими претензіями. Будучи принцемъ, тотъ же Филиппъ въ торжественныхъ случаяхъ появлялся публично въ костюмѣ странствующаго рыцаря. А между тѣмъ трудно и представить личность, менѣе поэтической и увлекающейся, чѣмъ этотъ злосчастный монархъ. Что же происходило съ другими? Современники говорятъ, что публика ничего другого не читала, кромѣ рыцарскихъ сказокъ. Это была въ полномъ

смыслѣ душевная эпидемическая болѣзнь. Амадисъ, Тристанъ и прочія подобныя чудища считались вполнѣ *реальными* личностями у людей, отнюдь не страдавшихъ донкихотствомъ. Разсказываютъ такой подлинный фактъ. Однажды нѣкій испанскій дворянинъ вошелъ къ своей женѣ и засталъ ее въ горькихъ слезахъ. «Что съ вами? Какое несчастье случилось?» спросилъ онъ.—«Амадисъ умеръ», отвѣчала чувствительная дама, глотая слезы. И не только дамы огорчались подобными несчастіями. Принцы ходатайствовали предъ авторами, чтобы они отмѣняли катастрофы въ концѣ рыцарскихъ романовъ и спасали своихъ героевъ. Этого мало. Дамы и барышни требовали, чтобы ихъ кавалеры непремѣнно походили на Адамиса галльскаго или португальскаго, въ честь дамскихъ очей страдали, предавались меланхоліи и совершали безумства. И желанія дамъ выполнялись. Случалось, рыцари своими «безумствами» далеко оставляли знаменитые подвиги Донъ-Кихота, повергающаго Санчо-Пансу въ несказанное изумленіе прыжками и прочими акробатическими упражненіями въ полномъ дезабилье въ честь Дульцинеи Тобазской. Если рыцарь Сервантеса готовъ поднять скандалъ со всякимъ встрѣчнымъ изъ-за красоты своей дамы, его дѣйствительные прототипы на самомъ дѣлѣ безумствовали на большихъ дорогахъ и даже при королевскихъ дворахъ, устраивая поединки и драки съ кѣмъ придется *). Это забіячество поощрялось вкусами самихъ коронованныхъ лицъ, часто присутствовавшихъ при рыцарскихъ «безумствахъ». Съ XVI вѣка съ язвой начинаетъ бороться законодательство, но сами же законодатели, въ родѣ императора Карла V, первые нарушали свои запрещенія печатать и распространять рыцарскіе романы и тайкомъ продолжали зачитываться ими. Недугъ былъ тѣмъ страшнѣе, что первостепенныя литературныя силы и не думали идти ему наперекоръ. Лопе де Вега, открыто заявлялъ, что онъ покорнѣйшій слуга публики, и если она любитъ «глупости», писатель долженъ доставить ей именно этотъ продуктъ, потому что публика оплачиваетъ трудъ писателя, а «я пишу ради денегъ», съ циничеcкой искренностью заявлялъ авторъ безчисленнаго множества театральныхъ пьесъ. Правда, изъ сотенъ драмъ и комедій Лопе де Веги въ настоящее время сохранили извѣстный интересъ какой-нибудь десятокъ, но какое дѣло подобному автору до потомства и даже личнаго литературнаго достоинства? Денегъ и славы у Лопе было слишкомъ много, а такъ называемыя идеи и принципы въ

*) См. статью проф. П. И. Стороженко «Философія Донъ-Кихота». *Вѣстн. Евр.* сент. 1885.

достаточной степени покрывались инквизиторскими обязанностями. Инквизиція и литературное одичаніе, фанатизмъ въ религіи и нравственности, ложь и лицемѣрная, но, въ сущности, растлѣвающая galanterie и «глупости» въ искусствѣ, и столпы этого царства—король, дворянство, высшій свѣтъ, уличная толпа и прославленнѣйшій поэтъ! И противъ такой Бастиліи невѣжества, жестокости и пошлости выступилъ бѣдный, изувѣченный, уже престарѣлый гидальго, и выступилъ въ самый неблагопріятный моментъ своей личной жизни. Сервантесъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, расплачиваясь за свое «донкихотство» по службѣ, и вотъ здѣсь-то былъ начатъ знаменитый романъ, отточены стрѣлы безпримѣрнаго остроумія противъ современныхъ уродствъ и пороковъ. По истинѣ—безпримѣрная борьба въ исторіи художественной литературы! «Я смѣю сказать, — писалъ Сервантесъ, — если бы я какимъ-либо путемъ могъ предугадать, что мои сочиненія могутъ внушить читателямъ какое-либо преступное желаніе или дурную мысль, я скорѣе отрубилъ бы себѣ руку, написавшую ихъ, чѣмъ выпустилъ бы ихъ въ свѣтъ». И поэтъ до конца остался вѣренъ этимъ словамъ. Развѣ это не «донкихотство» въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова рядомъ съ дѣятельностью Лопе де Веги, имѣющемъ полное право на роль матеріалиста Санчо-Пансы, рядомъ съ нашимъ рыцаремъ мысли? И перечитайте романъ, отъ первой страницы до послѣдней, на васъ будутъ вѣять лучшіе завѣты высшей человѣческой культуры. И что особенно любопытно, всѣ эти завѣты будутъ высказаны устами «безумнаго» рыцаря и «глупаго» оруженосца. У одного поэтъ заимствуетъ благородное, гуманное сердце, живое и отзывчивое всюду, гдѣ не затронута честь блистательной Дульцинеи Тобозской, у другого—здравый, народный смыслъ, сильный и мудрый всюду, гдѣ приходится реальную дѣйствительность отдѣлить отъ сумазбродныхъ фантазій экзотическихъ тунеядцевъ, и гдѣ истинно-философскій юморъ «естественнаго человѣка» не омрачается мучительнымъ, но неотразимымъ для бѣдноты инстинктомъ борьбы за существованіе. Въ результатѣ Донъ-Кихотъ, рыцарь вѣковъ въ тѣ минуты, когда онъ перестаетъ быть рыцаремъ на манеръ Амидиса Галльскаго, онъ даетъ гуманнѣйшія и мудрѣйшія наставленія Санчо, губернатору, онъ поражаетъ на смерть пронырство и тунеядство католическаго духовенства, онъ—другъ слабыхъ и простыхъ людей среди чванныхъ гидальго, онъ также свободный мыслитель въ монархіи Филиппа II въ царствѣ инквизиціи. То же самое и его оруженосецъ. Онъ необходимое дополненіе своего господина, хотя и у него есть своя idée fixe—крайній, подчасъ чисто животный матеріализмъ. Все

равно, какъ нездоровая, праздная и искусственная атмосфера рыцарства создала изъ Донъ-Кихота мечтателя и сумасброда, неустанная, ежедневная борьба за насущный хлѣбъ превратила Санчо въ крайняго скептика по части какихъ бы то ни было идеаловъ, вообще всего, что наглядн҃ѣйшимъ и тѣсн҃ѣйшимъ образомъ не связано съ «землей». Но вѣдь и въ «землѣ» много честнаго и хорошаго, а главное, жизненнаго и правдиваго, и именно Санчо, жестокій насмѣшникъ надъ утонченностями рыцарскаго обожанія дамъ, надъ хитроумными уловками знатныхъ господъ, умѣющихъ эксплуатировать простодушіе и беззащитность бѣдняковъ, надъ изобрѣтательностью человѣческаго страха или просто лицемѣрія со стороны болѣе ловкихъ въ трудныхъ житейскихъ положеніяхъ, когда люди прибѣгаютъ за утѣшеніемъ къ разнаго рода предзнаменованіямъ и чудесамъ. Такъ, великій поэтъ и мыслитель умѣетъ извлечь золото чувства и ума изъ «безумія» и «глупости» и величайшее торжество психологическаго генія именно въ томъ и выразилось, что всѣ эти перлы кажутся намъ совершенно естественными въ устахъ обоихъ, столь по своему забавныхъ героевъ.

Эта естественность и создала успѣхъ роману среди современниковъ, и, какъ и слѣдовало ожидать, успѣхъ вызвалъ безпощадную злобу со стороны обиженныхъ и осмѣянныхъ. Въ промежуткѣ между появленіемъ первой и второй части романа Сервантесъ долженъ былъ выдержать страшный градъ оскорбленій, въ которомъ львиная доля принадлежала духовенству и литераторамъ, и между ними—тому же Лопе де Вегѣ. Но великій рыцарь, не почувствовалъ даже мимолетнаго гнѣва на оскорбителей и съ неизмѣнно яснымъ юмористическимъ настроеніемъ духа довелъ свою работу до конца. И самое отдаленное потомство, безъ конца перечитывая геніальный романъ и вспоминая доблестную жизнь автора, не будетъ знать, чему отдать высшую дань удивленія и глубочайшаго уваженія вымыслу или дѣйствительности, писателю или человѣку?..

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Стачка рабочихъ на с.-петербургскихъ фабрикахъ. Въ № 158 «Правительственнаго Вѣстника» напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе: «Обычное теченіе работъ на нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ мануфактурахъ было нарушено отказомъ рабочихъ продолжать свои занятія. Забастовка въ промежутокъ времени съ 24-го мая по 5-е іюня постепенно охватила 19 фабрикъ и, также постепенно прекращаясь, продолжалась до 17-го іюня *).

Первоначальнымъ предлогомъ къ прекращенію работъ послужили недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими относительно продолжительности празднованія торжества Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Руководствуясь указаніями фабричной инспекціи, фабриканты пріостановили работы на 14-е мая, съ выдачею рабочимъ платы за этотъ день, и разрѣшили рабочимъ не являться на фабрики въ теченіе 15-го и 16-го мая, но безъ выдачи имъ за эти дни заработной платы; рабочіе же настаивали на освобожденіи ихъ отъ работъ, съ сохраненіемъ заработка, и на два слѣдующіе дня, 15-го и 16-го мая; на четырехъ фабрикахъ въ нарвской части, дѣйствительно, въ эти дни къ работамъ не приступали.

Въ теченіе недѣли, съ 17-го мая, всѣ фабрики были въ полномъ ходу.

23-го мая, въ контору Россійской бумагопрядильной мануфактуры явились 102 подручныхъ, называемыхъ мальчиками, и потребовали вознагражденія за всѣ три коронаціонные дня. Контора исполнила ихъ требованія. Приглашенному фабрикантомъ фабричному инспектору подручные заявили, что, кромѣ того, желаютъ получить плату за лишнее время, которое они проводятъ за работой, благодаря тому, что механизмы пускаются въ дѣйствіе нѣсколько ранѣе, нежели положено: приблизительно на 20 минутъ въ теченіе дня. Хотя фабричная администрація признала справедливость этого требованія, подручные 24-го мая работали только до обѣда, а затѣмъ разошлись по домамъ, и до понедѣльника, 27-го мая, на работы не возвращались, а въ этотъ день, проработавъ до обѣда, снова, и на этотъ разъ окончательно, прекратили свои работы.

Изложенныя событія были предвѣстниками общей забастовки, настоящія причины которой выяснились на Екатерингофской мануфактурѣ (дер. Волынка, Петергофскаго участка).

Приблизительно за недѣлю, пря-

*) Въ Петербургѣ числится фабрикъ и заводовъ—484 съ 79.157 рабочими, кромѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и казенныхъ заводовъ.

дильщики (мюльщики) Екатерингофской мануфактуры заявляли фабричной администраціи о необходимости сокращенія рабочаго дня, который продолжается съ 6-ти часовъ утра до 8-ми вечера, съ часовымъ промежуткомъ для обѣда. Не получивъ удовлетворенія въ этомъ требованіи, подручники, прядильщики и слесаря 27-го мая остановили свои работы. 28-го мая примѣру ихъ послѣдовали рабочіе на бумагопрядильнѣ Кенига и Митрофаньевской мануфактурѣ, 30-го—на бумагопрядильняхъ—Невской, Новой, Кожевниковской и на бумагопрядильнѣ «Александръ». Сначала на Невской бумагопрядильнѣ, а потомъ и на всѣхъ остальныхъ, забастовщики заявили требованіе, чтобы рабочій день былъ ограниченъ 12-ю часами, отъ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, съ перерывомъ на $1^1/_2$ часа для обѣденнаго отдыха; чтобы въ точности было опредѣлено начало работъ, согласно правиламъ внутренняго распорядка, и чтобы прекращена была чистка машинъ во время обѣденнаго перерыва; поступали также жалобы на грубое обращеніе нѣкоторыхъ мастеровъ, на взятки и вымогательства подмастерьевъ.

Движеніе разросталось. Подручные, бывшіе застрѣльщиками, уступили первое мѣсто болѣе вліятельнымъ, хотя и малочисленнымъ, прядильщикамъ (мюльщикамъ), которые увлекли своимъ примѣромъ остальную массу рабочихъ.

1-го іюня остановились работы на Спасской и Петровской мануфактурахъ и на фабрикѣ Паля. Съ 3-го іюня забастовки начались въ зарѣчныхъ частяхъ столицы: на Старосампсоньевской мануфактурѣ, рабочіе которой потребовали прекращенія работъ, и на сосѣдней Новосампсоньевской фабрикѣ; къ нимъ примкнули рабочіе Охтенской бумагопрядильни, 4-го іюня—бумагопрядильни Бека и 5-го—«Невка». Устояла одна ткацкая фабрика Воронина на Рѣзвомъ островѣ, благодаря тому, что въ прошломъ году заработная плата была тамъ возвышена на 10%, и тому, что забастовавшая смѣна, въ числѣ 105 человѣкъ, была немедленно уволена, остальные же 895 рабочихъ не рѣшились подвергнуться такой же участи. Общее число забастовщиковъ дошло до 14.712 рабочихъ.

Дѣйствія рабочихъ на всѣхъ поименованныхъ фабрикахъ были одинаковы. Они начинались сравнительно небольшою группою изъ подручныхъ, впослѣдствіи — мюльщиковъ; остальная масса, составлявшая значительное большинство, примыкала къ нимъ послѣ нѣкотораго колебанія; былъ уже упомянутъ случай принудительнаго прекращенія работъ рабочими Старосампсоньевской мануфактуры на сосѣдней фабрикѣ; забастовщики вели себя чинно, не подавая поводовъ къ обвиненію въ нарушеніи порядка или въ попыткахъ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Громадная масса 68.445 рабочихъ на остальныхъ частныхъ с.-петербургскихъ заводахъ оставалась въ сторонѣ отъ стачки бумагопрядильщиковъ, не оказывая имъ матеріальной поддержки при наступившей безработицѣ. Забастовки, такимъ образомъ, имѣли спеціальный характеръ и вызывались особенностями бумагопрядильнаго и ниточнаго производствъ.

Тѣмъ не менѣе, мирное, хотя и незаконное уклоненіе рабочихъ отъ обязанностей, принятыхъ ими на себя относительно фабрикантовъ, разорительное для обѣихъ сторонъ, подало поводъ злонамѣреннымъ личностямъ попытаться придать стачкамъ преступный политическій характеръ. За подписями «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», «Рабочаго союза» и «Московскаго рабочаго союза» появились 25 различнаго содержанія

подметныхъ листковъ; самый ранній помѣченъ 30-мъ числомъ мая, самый поздній — 27-мъ іюня. Съ достовѣрностью можно предположить, что сочинители этихъ листковъ пытались воспользоваться уже совершившимися стачками, съ цѣлью придать имъ соціальный характеръ и въ этомъ смыслѣ руководить забастовщиками. Обращаясь къ рабочимъ, агитаторы въ болѣе раннихъ листкахъ повторяютъ тѣ требованія, которыя уже были заявлены рабочими; указываютъ на цѣли, преслѣдуемыя западно-европейскими рабочими; убѣждаютъ упорствовать въ стачкѣ, обѣщая даже денежную помощь, уже будто бы идущую отъ германскихъ рабочихъ, и преподаютъ совѣты благоразумнаго поведенія, котораго рабочіе уже держались до появленія листковъ съ самаго начала забастовокъ; но затѣмъ листки наполняются возмутительными наущеніями противъ капиталистовъ, правительственныхъ установленій и государственной власти. Не ограничиваясь рабочими, авторы листковъ обращаются къ обществу, приглашая его примкнуть къ «русскимъ соціалъ-демократамъ». Нѣсколько листковъ направлены были на другіе заводы и фабрики съ воззваніемъ о поддержкѣ забастовщиковъ и о присоединеніи къ симъ послѣднимъ; два или три листка назначались для московскихъ фабричныхъ заведеній. Эта преступная пропаганда, однако, не имѣла послѣдствій. Не говоря уже о безуспѣшности такихъ листковъ среди общества вообще, здравый смыслъ рабочихъ не дозволилъ имъ ни нарушать правильное теченіе дѣлъ на заводахъ, ни поддерживать нарушеніе порядка на бумагопрядильняхъ какою-либо коллективною помощью забастовщикамъ. Столь же мало имѣли успѣха соціалъ-демократическія воззванія и среди забастовщиковъ. Своевременныя внушенія и соотвѣтственныя мѣропріятія столичной полиціи и фабричной инспекціи въ непродолжительномъ времени устранили какъ пріостановку работъ, такъ и ближайшія причины недоразумѣній между фабрикантами и рабочими.

Съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему возобновленію работъ, градоначальникъ лично и непосредственно разъяснялъ рабочимъ незаконность ихъ поведенія, указывалъ тотъ порядокъ, при соблюденіи котораго единственно возможно удовлетвореніе ихъ требованій, если они имѣютъ законное основаніе, и тотъ путь, на которомъ возможно ходатайствовать о новыхъ мѣрахъ, желательныхъ для улучшенія быта рабочихъ. Успѣху этихъ увѣщаній способствовало то обстоятельство, что значительнѣйшая часть рабочихъ не сочувствовала забастовщикамъ и участвовала въ забастовкѣ, страдательно подчиняясь сравнительно небольшой группѣ зачинщиковъ стачки. Истощеніе средствъ существованія, порожденное безработицей, заставляло ихъ желать возобновленія трудовой жизни.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, забастовка начала постепенно прекращаться. На бумагопрядильняхъ Екатерингофской, Тріумфальной и Россійской она продолжалась 8 дней, на фабрикѣ Кенига—недѣлю, на Митрофаньевской мануфактурѣ — пять, на фабрикахъ Паля и «Александръ» — четыре, на Охтенской — три, на бумагопрядильнѣ Бека—два дня.

Не желавшимъ приступить къ работамъ было объявлено, чтобы они получили разсчетъ и паспорты и возвратились на мѣста постояннаго жительства. Во всѣхъ бумагопрядильняхъ расклеены были печатныя объявленія съ предвареніемъ, что претензіи, послужившія предлогомъ къ забастовкѣ, останутся безъ разсмотрѣнія, пока рабочіе не станутъ на работы.

Поименованныя мѣропріятія имѣли послѣдствіемъ возобновленіе работъ и

на остальныхъ мануфактурахъ: 10-го іюня—на Невской ниточной, Кожевниковской и «Невкѣ», 12-го—на Невской, 13-го—на Новой и Новосампсоньевской, 15-го іюня—на Петровской и Спасской и, наконецъ, 17-го—на Старосампсоньевской. Большая продолжительность стачекъ на этихъ фабрикахъ обусловливалась лучшимъ положеніемъ на нихъ рабочаго труда, благодаря которому рабочіе названныхъ фабрикъ, имѣя сбереженія и кредитъ, могли долѣе обойтись безъ заработка.

Въ настоящее время порядокъ возстановленъ, работы происходятъ безостановочно, и рабочіе подчинились указаніямъ правительства.

Разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ оконченною нынѣ забастовкою, возложено на чиновъ фабричной инспекціи и с.-петербургскаго градоначальства».

Вопросъ о страхованіи рабочихъ на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ. Со среды, 7-го августа, въ Нижнемъ открылись засѣданія всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда. Объ этомъ съѣздѣ мы болѣе подробно поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ, когда можно будетъ подвести итогъ его трудамъ, а теперь остановимся только на одномъ вопросѣ, служившимъ темою для горячихъ и оживленныхъ преній—на вопросѣ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. По вопросу о страхованіи рабочихъ мнѣнія членовъ съѣзда раздѣлились: одни (какъ, напр., г. Соколовъ, г. Дѣтиновъ, являющійся представителемъ Богородско-Глуховской мануфактуры, представитель Лодзинской мануфактуры и др.) высказались за то, чтобы предоставить дѣло страхованія рабочихъ самимъ фабрикантамъ; другіе же (г. Вороновъ, пр. Ходскій, гг. Рагозинъ, Варзаръ и др.) высказались за обязательное государственное страхованіе и большинство съѣзда присоединилось къ этому второму мнѣнію. По словамъ «Новостей», въ первомъ засѣданіи съѣзда былъ прочитанъ докладъ г. Соколова, который предлагалъ предоставить все дѣло частной иниціативѣ. Онъ говорилъ отъ лица 20 петербургскихъ фабрикантовъ, выработавшихъ проектъ «Общества взаимнаго страхованія фабрикантовъ и заводчиковъ отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими и служащими». Эти 20 фабрикантовъ составляютъ коммиссію для разработки проекта устава образующагося въ Петербургѣ Общества вышеозначеннаго наименованія. По мнѣнію докладчика, отвѣтственность за убытки при несчастныхъ случаяхъ съ рабочими на фабрикахъ должна падать только на то лицо, которое виновно въ нанесеніи этихъ убытковъ: убытки по винѣ работодателя—на работодателя, убытки по винѣ самого рабочаго—на рабочаго, убытки по профессіональному риску—на самое производство. Существенный въ этомъ дѣлѣ вопросъ объ организаціи отвѣтственности разрѣшается на Западѣ, по словамъ докладчика, двоякимъ способомъ: или государство беретъ на себя всецѣло разрѣшеніе вопроса и вводитъ государственное страхованіе рабочихъ (въ Германіи), или же оно опредѣляетъ только условія, въ какихъ именно случаяхъ долженъ отвѣчать работодатель и въ какихъ рабочій, предоставляя самую организацію обезпеченія этихъ убытковъ частной иниціативѣ (Франція и Англія). Докладчикъ является сторонникомъ второго направленія, полагая, что если и возможно еще допустить необходимость вмѣшательства государства въ формѣ обязательнаго страхованія рисковъ, то только тамъ, гдѣ общество настолько некультурно, что не можетъ понять всей пользы га-

рантіи рисковъ, какъ, напримѣръ, обязательное страхованіе отъ огня крестьянскаго имущества. *Вводить же принципъ обязательнаго страхованія въ культурномъ обществѣ равносильно, по мнѣнію докладчика, вторженію государства въ частные интерссы лицъ.* Представителемъ противоположныхъ взглядовъ и сторонникомъ обязательнаго государственнаго страхованія выступилъ г. Вороновъ, секретарь московскаго Общества для содѣйствія мануфактурной промышленности. Обезпеченіе рабочихъ, говоритъ г. Вороновъ, можетъ быть достигнуто лишь оффиціальнымъ закономъ объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчія рабочихъ. Указавъ затѣмъ на недостатки предоставленія частнымъ страховымъ обществамъ важнаго дѣла страхованія рабочихъ, докладчикъ останавливается лишь на одной мѣрѣ, которою можно удовлетворить потребности обезпеченія рабочихъ въ случаѣ несчастія. Лишь государство должно придти на помощь пострадавшимъ рабочимъ, лишь оно можетъ оказать имъ дѣйствительную услугу. Съ этой цѣлью необходимо заботиться о возможно скоромъ введеніи въ Россіи государственнаго страхованія рабочихъ. Это мѣсто доклада было прервано громкими аплодисментами публики, совершенно наполнившей залу. Докладчикъ перешелъ затѣмъ къ другому вопросу, который представляется также весьма важнымъ. Среди увѣчій, которыя получаютъ рабочіе, есть и такія, въ которыхъ они сами виноваты, гдѣ они страдаютъ лишь за свою неосторожность. Долженъ ли хозяинъ обезпечить и тѣхъ, которые пострадали лишь по своей оплошности? Г. Вороновъ не затрудняется отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, если подумать, всѣ несчастные случаи являются лишь слѣдствіемъ неосторожности со стороны рабочихъ. Введя правило, что хозяинъ не отвѣчаетъ за увѣчье рабочаго, полученное имъ по его же винѣ, по его неосторожности, мы даемъ возможность фабриканту всегда отдѣлаться отъ отвѣтственности и выставлять на видъ оплошность со стороны рабочаго. Такимъ образомъ хозяинъ долженъ обезпечить рабочаго и его семью при всякомъ несчастномъ случаѣ и не имѣетъ права сослаться на вину рабочаго. Съ другой стороны, рабочій не обязанъ участвовать своими средствами въ дѣлѣ страхованія. Г. Вороновъ весьма остроумно доказываетъ, что отвѣтственность за увѣчье рабочихъ падаетъ всецѣло на промышленность, на предпріятіе и оно же должно оплатить его несчастіе. Вѣдь, рабочіе ничѣмъ не пользуютея отъ промышленности, они продаютъ лишь ей за минимальную плату свой трудъ.

Въ томъ же смыслѣ высказался и проф. Ходскій. Передадимъ вкратцѣ сущность его рѣчи, какъ она изложена въ «Новостяхъ». По мнѣнію проф. Ходскаго, «ни одинъ рабочій не виноватъ въ несчастномъ случаѣ, жертвой котораго онъ сдѣлался. Виноваты тяжелыя условія его быта, производства и обстановки. Увѣчнымъ рабочимъ нужна поддержка еще и по другой причинѣ. Искалѣченный, благодаря условіямъ нашей промышленности, труженикъ, потерявъ возможность работать, вернется въ свою деревню и его содержаніе ложится тяжедымъ бременемъ на его односельчанъ. Выходитъ, что промышленность беретъ лучшія силы изъ деревни для того, чтобы потомъ доставить сельскому обществу ненужный балластъ въ видѣ дармоѣда-инвалида. Эта несправедливость должна быть устранена и съ этой цѣлью является нужнымъ введеніе государственнаго страхованія. Цѣлый рядъ представителей различныхъ мануфактуръ присоединился къ этому симпатичному мнѣнію. Общество «Россія» любезно дало свое согласіе на страхованіе рабочихъ.

Ничего, кромѣ благодарности, нельзя передать за это предложеніе почтенному обществу. Но лучше ограничиться этой благодарностью, чѣмъ прибѣгнуть къ услугамъ этого страхового учрежденія, которое навѣрное не радѣетъ объ интересахъ рабочихъ, а заботится лишь о своемъ обогащеніи. Еще не было ни одного случая, чтобы частное страховое общество уплатило рабочему или его семьѣ всю сумму страховой преміи. Какъ интересный образецъ поведенія страховыхъ обществъ по отношенію къ рабочимъ, приведемъ два факта изъ доклада г. Воронова, краснорѣчиво говорящіе намъ о недостаткахъ предоставленія частнымъ страховымъ учрежденіямъ обезпеченія рабочихъ въ несчастныхъ случаяхъ. На одномъ заводѣ, въ Ревелѣ, рабочій, при надѣваніи ремня на шкивъ, получилъ поврежденіе руки и ноги и черезъ нѣсколько дней умеръ. Вдова рабочаго должна была получить 1.000 руб.— сумму страховой преміи ея мужа. Но несчастная женщина, не знавшая, что ея мужъ былъ застрахованъ, съ удовольствіемъ согласилась взять 300 р., съ выдачею росписки о полномъ ея удовлетвореніи. Такимъ абразомъ Обществу (въ данномъ случаѣ это было Общество «Россія») удалось воспользоваться незнаніемъ женщины и убѣдить ее, что ей изъ состраданія даютъ 300 рублей. Но вотъ еще одинъ поступокъ со стороны Общества «Россія», который характеризуетъ дѣйствія этого страхового учрежденія. Рабочій потерялъ при работѣ на фабрикѣ указательный палецъ правой руки. Инспекторъ, къ которому онъ обратился съ просьбою о выдачѣ ему вспомоществованія изъ штрафного капитала, объяснилъ ему, что онъ застрахованъ въ Обществѣ «Россія». Рабочій, конечно, обратился къ агенту страхового общества и тутъ начинается торгъ, который не дѣлаетъ особенной чести страховымъ обществамъ. Вмѣсто слѣдуемыхъ 245 р., ему было предложено агентомъ 45 р., и только благодаря настойчивости рабочаго, агентъ, прибавляя каждый разъ по 10 р., далъ, наконецъ, рабочему премію въ размѣрѣ 145 р. Такой образъ дѣйствія не оправдываемъ ни съ точки зрѣнія юридической, ни этической».

Цѣлый рядъ представителей крупныхъ промышленныхъ заведеній— представители Ярославской мануфактуры, Кремгольской, Норской и лодзинскихъ фабрикантовъ заявили, что руководители всѣхъ этихъ фабрикъ считаютъ самой лучшей формой страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ—государственное обязательное и ждутъ съ нетерпѣніемъ осуществленія его. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они высказались за обезпеченіе рабочихъ при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, произошли ли они по винѣ рабочаго или фабриканта. Заявленія эти, какъ и всѣ рѣчи въ пользу государственнаго страхованія, встрѣчались громкими аплодисментами многочисленнаго собранія членовъ съѣзда и посторонней публики.

Докладъ проф. Яроцкаго нѣсколько удивилъ многочисленную публику, переполнявшую залу засѣданій съѣзда. Проф. Яроцкій, спеціально занимавшійся разработкою вопроса объ обезпеченіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, выступающій въ своихъ сочиненіяхъ сторонникомъ обязательнаго государственнаго страхованія, теперь выступилъ защитникомъ проекта министерства финансовъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и предложилъ съѣзду ходатайствовать о возможно скоромъ введеніи этого закона. Въ Царствѣ Польскомъ, говоритъ авторъ доклада, около 20 проц. рабочихъ застрахованы въ различныхъ страховыхъ обществахъ. Это явленіе проистекаетъ не изъ добрыхъ качествъ и гуманныхъ свойствъ польскихъ фабрикантовъ. Предприниматели и тамъ не особенно близко при-

нимаютъ къ сердцу интересы рабочихъ. Но тамъ дѣйствуетъ, такъ-называемый, «кодексъ Наполеона», въ силу котораго отвѣтственность за увѣчье падаетъ всецѣло на работодателей. Такимъ образомъ, проф. Яроцкій выводитъ отсюда, что достаточно будетъ создать законы объ отвѣтственности предпринимателей, и рабочіе будутъ обезпечены. Проф. Яроцкій находитъ безполезнымъ вносить законопроекты, которые требуютъ десятковъ лѣтъ для проведенія ихъ въ жизнь. По его мнѣнію, разработка устава о государственномъ страхованіи потребуетъ слишкомъ много времени.

Этотъ докладъ вызвалъ многочисленныя возраженія, въ которыхъ указывалось, что защищаемый проф. Яроцкимъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей является лишь паліативомъ, полумѣрою, и что съѣзду нѣтъ никакой надобности ходатайствовать о введеніи его.

Въ концѣ-концовъ огромное большинство съѣзда высказалось за осуществленіе общаго обязательнаго страхованія. Предсѣдатель, Д. Ѳ. Кобеко, резюмируя пренія, высказалъ, что онъ выразитъ мнѣніе большинства, если заявитъ, что государственное страхованіе—лучшій способъ оградить несчастныхъ увѣчныхъ. Но, съ другой стороны, провести этотъ законъ поспѣшно, сдѣлать такъ, чтобы благодѣтельныя послѣдствія такого постановленія съѣзда сейчасъ же сказались на бытѣ фабричныхъ рабочихъ, нельзя. Поэтому, предсѣдатель не совѣтуетъ отказываться отъ частной иниціативы и предлагаетъ ходатайствовать объ измѣненіи фабричнаго законодательства въ интересахъ рабочихъ и въ то же время считаетъ нужнымъ выразить всеобщее желаніе о возможно скоромъ введеніи у насъ обязательнаго государственнаго страхованія рабочихъ. Слова предсѣдателя были покрыты шумными аплодисментами.

Земскія воскресныя школы въ деревнѣ. Въ прошлой книжкѣ «Міра Божьяго», въ замѣткѣ о «народномъ образованіи на Нижегородской выставкѣ» (На родинѣ, стр. 262), упоминалось вскользь о «воскресныхъ школахъ въ глуши», свѣдѣнія о которыхъ были собраны въ павильонѣ воскресныхъ школъ. Вышедшая недавно брошюрка В. П. Вахтерова «Воскресныя школы и повторительные классы въ деревнѣ» сообщаетъ много новыхъ матеріаловъ по этому вопросу и мы теперь остановимся на нихъ поподробнѣе. Повторительные вечерніе классы для взрослыхъ при начальныхъ училищахъ были учреждаемы еще въ 70-хъ годахъ. Въ 1871 г. такія школы съ повторительнымъ курсомъ начальныхъ училищъ учреждаются въ Ставропольской губерніи, въ 1873 г., въ Бессарабской, въ 1874 г. при школахъ Кубанской области открылись вечерніе классы для взрослыхъ, обучавшихся здѣсь чтенію, письму и счету зимою—отъ 1-го ноября до 1-го марта — по два часа въ день, у станичныхъ учителей, получавшихъ за эти занятія особое вознагражденіе по 15 руб. въ мѣсяцъ. Покойный баронъ Н. А. Корфъ въ 1881 г. дѣлаетъ опытъ устройства воскресныхъ школъ въ двухъ селахъ Маріупольскаго уѣзда. Въ 1882 — 1883 г. въ Казанской губерніи, по иниціативѣ и на средства губернскаго земства, существовало уже 45 воскресныхъ и повторительныхъ школъ съ 1.173 учащимися, и это число, постепенно возрастая, дошло въ 1890—1891 г. до 75 школъ съ 1.621 учащимся. Болѣе 10-ти лѣтъ тому назадъ, съ тѣми же цѣлями устроены воскресныя школы въ Шадринскомъ уѣздѣ, причемъ число учащихся въ каждой изъ 8-ми такихъ школъ колеблется между 18 и 38 человѣками. Сверхъ того, по иниціативѣ земства, учреждены были въ разное время вечернія школы въ 3 селахъ Елисаветградскаго уѣзда съ

78 учащимися, и въ 6-ти селахъ Ѳеодосійскаго уѣзда, 2 воскресныя школы въ Нолинскомъ уѣздѣ, 7 школъ въ Горбатовскомъ уѣздѣ, 10— въ Нижегородскомъ, нѣсколько школъ въ Балашовскомъ.

Въ Московской губерніи такая школа открыта была въ своемъ имѣніи Дмитровскаго уѣзда графинею Е. А. Олсуфьевой. Но особенно много такихъ школъ открывается въ 1892 году и позже.

Потребность въ воскресныхъ и вечернихъ классахъ среди взрослаго населенія деревни несомнѣнно очень велика.

Земскія управы, учителя, учительницы и другія лица, близко стоявшія къ воскреснымъ или вечернимъ школамъ для взрослыхъ безграмотныхъ, свидѣтельствуютъ о пользѣ, приносимой такими школами, и потребности въ нихъ, сознанной населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ такія школы были сколько-нибудь удовлетворительно поставлены.

Женское населеніе деревни, повидимому, съ неменьшимъ сочувствіемъ, чѣмъ мужское, относится къ вечернимъ занятіямъ. Есть мѣстности, гдѣ дѣвушки далеко опередили въ этомъ отношеніи мужчинъ.

Г-жа Кайданова разсказываетъ о томъ, съ какою страстью относились къ урокамъ ея взрослыя ученицы и съ какими препятствіями имъ приходилось бороться.

— Скорѣй бы, скорѣй заглавныя буквы выучить, — волновалась Настасья:—вѣдь мнѣ у васъ надо еще цифры заучить и на счетахъ считать.

Занятія оканчивались въ 9 часовъ, но Настасья оставалась на томъ же мѣстѣ до 2—3-хъ часовъ. Она писала, не поднимая головы и время отъ времени лишь призывая меня показать ей новое. Настасьѣ пришлось вынести не мало непріятностей и обидъ изъ-за ученья.

— Остальной разочекъ пришла я къ тебѣ, — говоритъ она учительницѣ: — не даетъ мнѣ народъ проходу! Смѣются надо мною, дразнятъ меня! Ты, молъ, баба — не твое это дѣло! Къ чему тебѣ ученье? Не велятъ ходить, да и ладно.

— Нѣтъ, О. В., нельзя намъ никакъ учиться, — говоритъ другая взрослая ученица учительницѣ.—Мы идемъ по улицѣ, а намъ вслѣдъ всякія слова кричатъ. Мы и такъ ужъ задами проходимъ, да и то насъ замѣчаютъ.

— Убивается баба! Вотъ какъ убивается!—говоритъ про нее старуха.—Жаль мнѣ ее даже! Больно ужъ у нея охота къ ученью велика. А народъ ей поперекъ дороги сталъ. Какъ пришла она нынче отъ васъ, весь день вопитъ».

Но если для безграмотныхъ взрослыхъ необходимы особыя школы, то такъ же нужны и повторительныя воскресныя или вечернія школы для взрослыхъ, уже грамотныхъ, окончившихъ курсъ начальной школы, и въ этомъ точно такъ же сходятся и земства, и учителя, и учительницы, и училищные совѣты.

По словамъ учителя Лосиновскаго сельскаго училища, Нѣжинскаго у., «вечернія занятія посѣщаются взрослыми весьма охотно и представляютъ для нихъ большой интересъ. Сдѣлавъ три урока до 11 час. веч., учитель хотѣлъ бы на этомъ и покончить, но слушатели крикомъ просятъ еще чѣмъ-нибудь заняться съ ними, вслѣдствіе чего приходится продолжать занятія до 12 час. Даже пожилые крестьяне каждый день являются на вечернія занятія и съ большимъ вниманіемъ слушаютъ Законъ Божій, русское объяснительное и славянское чтеніе».

Но несмотря на то, что деревенскія воскресныя школы для взрослыхъ пользуются вездѣ сочувствіемъ со стороны населенія, попытки устройства ихъ часто заканчивались полною неудачей. Такъ, напр., г-нъ Вахтеровъ разска-

зываетъ исторію воскресныхъ школъ въ Казанской губ., гдѣ онѣ получили наиболѣе широкое развитіе. Девятилѣтній опытъ этихъ школъ доказалъ, что число учащихся въ нихъ постоянно уменьшалось. Въ 1888 — 1889 учебномъ году губернское земство прекратило выдачу пособій на воскресныя школы, и большинство изъ нихъ было закрыто. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ мысль объ устройствѣ воскресныхъ школъ возникла въ 1882 году; но устроить школы не удалось, какъ полагаетъ управа, только потому, что неудачно было выбрано время для занятій; по ея мнѣнію, взрослые крестьяне охотнѣе посѣщали бы школу по вечерамъ въ будни, чѣмъ въ праздники. На слѣдующій годъ въ уѣздѣ дѣйствительно были открыты 4 вечернія школы по иниціативѣ земства и 2 по иниціативѣ самихъ учителей. Опытъ перваго же года превзошелъ всѣ ожиданія. Учащихся явилось около 400, причемъ только въ одну каховскую школу, открытую по иниціативѣ учителя, явилось 113 учениковъ. Земству обошелся этотъ опытъ всего въ 189 руб., по 31 руб. на одну школу. Сознавая, что это вознагражденіе слишкомъ ничтожно за ежедневный трудъ учителя, земство внесло въ слѣдующемъ году въ смѣту 1.000 рублей, которые и были распредѣлены между 18 вечерними школами. Въ этотъ второй годъ существованія повторительныхъ занятій управа констатируетъ тотъ фактъ, что изъ числа 1.108 лицъ мужского пола и 106 женскаго, явившихся въ школы при первоначальномъ открытіи занятій, многіе на первыхъ же порахъ покинули школу, и ученики, болѣе или менѣе исправно посѣщавшіе уроки, составляли не болѣе 3% общаго числа. Въ слѣдующемъ году число воскресныхъ школъ убыло до 15, но число исправно посѣщающихъ уроки увеличилось вдвое. Результаты занятій выразились, между прочимъ, въ томъ, что изъ 310 совершенно неграмотныхъ вечерниковъ 257 усвоили грамоту и письмо. Но для учителей ежедневной школы удвоенный трудъ оказался совершенно непосильнымъ, и земство на слѣдующій же годъ закрыло всѣ существующія вечернія школы, предоставивъ, впрочемъ, желающимъ изъ учителей продолжать занятія съ вечерниками попрежнему. «Не вгонять же,—пишетъ земская управа,—людей въ могилу, хотя бы и ради хорошаго дѣла». Какъ только состоялось такое постановленіе земства, число вечернихъ школъ стало быстро уменьшаться, и къ 1890 году сохранилась только одна вечерняя школа съ 60 учениками при Новониколаевскомъ сельскомъ училищѣ, располагающемъ, повидимому, особенно энергичными преподавателями.

Вообще, главнымъ препятствіемъ для устройства воскресныхъ школъ и вечернихъ классовъ въ деревнѣ является отсутствіе людей. Въ городѣ всегда легче найти контингентъ развитыхъ, преданныхъ дѣлу, лицъ, которыя готовы работать безвозмездно и раздѣлить между собою трудъ веденія школы и преподаванія. Совсѣмъ другое дѣло въ деревнѣ, гдѣ, по словамъ г на Вахтерова, все преподаваніе, выдача книгъ, чтенія съ волшебнымъ фонаремъ и вся организація школы лежатъ на одномъ учителѣ, отдающемъ воскресной школѣ свой единственный день отдыха послѣ тяжелаго труда въ теченіе недѣли. Хорошо, если вблизи школы есть образованный человѣкъ, который пожелаетъ раздѣлить трудъ учителя по преподаванію въ воскресной школѣ. Онъ можетъ быть допущенъ къ преподаванію въ сельской воскресной школѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ такія лица допускаются въ городскихъ частныхъ воскресныхъ школахъ.

Возможно, что въ близкомъ будущемъ сельская воскресная школа вы-

зоветъ среди интеллигентныхъ жителей деревни такое же широкое, свѣтлое и безкорыстное движеніе на встрѣчу духовнымъ запросамъ народа, какое мы и теперь уже наблюдаемъ въ большихъ культурныхъ центрахъ среди состоятельныхъ классовъ и среди лицъ, живущихъ умственнымъ трудомъ. Но пока тѣ немногія образованныя личности, которыя, живя въ деревнѣ, отдаютъ свой досугъ дѣлу преподаванія въ сельской воскресной школѣ, являются свѣтлымъ исключеніемъ среди индифферентизма сельскаго образованнаго меньшинства къ умственнымъ потребностямъ взрослаго крестьянина. Значеніе этихъ немногихъ личностей громадно, если смотрѣть на нихъ, какъ на піонеровъ, пролагающихъ новые пути къ культурному развитію русскаго народа для будущихъ образованныхъ дѣятелей въ деревнѣ. Но что значитъ при настоящемъ положеніи этого дѣла нѣсколько человѣкъ на десятки милліоновъ совершенно безграмотнаго населенія? А между тѣмъ, опытъ показываетъ, что воскресныя школы въ деревнѣ идутъ хорошо только въ томъ случаѣ, когда въ нихъ занимаются спеціально для этого назначенные учителя, и когда работа не взваливается цѣликомъ на учителя начальной школы. Примѣромъ могутъ служить повторительные классы при 4-хъ школахъ Нѣжинскаго уѣзда. Не смотря на то, что сюда не принимались безграмотные, желающихъ учиться взрослыхъ крестьянъ было такъ много, что въ одной изъ этихъ школъ пришлось отказать въ пріемѣ 20 человѣкамъ изъ 70 явившихся, а въ другой «многимъ», какъ пишетъ инспекторъ народныхъ училищъ г. Сторожонко. Но точно такъ же, какъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, и здѣсь оказалось, что одному и тому же учителю не подъ силу ежедневно заниматься утромъ до 3-хъ часовъ пополудни съ дѣтьми, а вечеромъ—съ 7-ми и часто до 11 часовъ со взрослыми, тѣмъ болѣе, что при правильномъ веденіи дѣла ему необходимо еще время на просмотръ письменныхъ ученическихъ работъ и на подготовку къ урокамъ. Все это привело къ мысли назначить для вечернихъ повторительныхъ классовъ особыхъ учителей, свободныхъ отъ утреннихъ занятій и, притомъ, изъ лицъ, отличающихся наибольшею опытностью въ преподаваніи, съ жалованьемъ отъ 200 до 300 р. въ годъ. Естественно, что при такой постановкѣ дѣла результаты получались блестящіе. По словамъ нѣжинскаго училищнаго совѣта, въ двухъ такихъ школахъ съ усердными и способными учителями ученики поражали экзаменаторовъ массою пріобрѣтеннаго осмысленнаго знанія и желаніемъ дальнѣйшаго усвоенія такового. Единственный недостатокъ классовъ, по словамъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, состоялъ въ томъ, что на первое время уроки посѣщались учащимися не вполнѣ регулярно.

Говоря объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха воскресной школы въ деревнѣ, г. Вахтеровъ, развиваетъ цѣлую программу занятій въ повторительныхъ школахъ для окончившихъ начальное училище. Онъ говоритъ: «На мѣстѣ учителя такой школы я поступилъ бы слѣдующимъ образомъ: по каждому предмету чтеній (исторіи, географіи, естествознанію, гигіенѣ и проч.), я составилъ бы программу, разбивъ предметъ на опредѣленное число чтеній. Для каждаго отдѣльнаго чтенія я выбралъ бы изъ имѣющихся подъ руками книгъ только то, что есть въ этомъ отдѣлѣ интереснаго и доступнаго для всей аудиторіи, какъ для наиболѣе способныхъ, подготовленныхъ учениковъ, такъ и для наименѣе даровитыхъ и развитыхъ. Я прочиталъ бы избранный для даннаго дня отдѣлъ, иллюстрируя его, если можно, туманными картинами или олеографіями, фотографическими снимками, картами, опы-

тами, наглядными пособіями, разъясняя отдѣльныя мѣста, стараясь вызвать со стороны слушателей вопросы, выраженія недоумѣнія и разъясняя ихъ. Все это я приноровилъ бы, приблизительно, къ низшему уровню слушателей. Но вотъ чтеніе кончено. Я предложилъ бы желающимъ, пользуясь школьною библіотекой, прочитать дома на данную тему въ такой-то или такой-то книгѣ или учебникѣ. Но я никому не навязывалъ бы ни книгъ, ни работъ. Согласившимся же на эту работу я рекомендовалъ бы источники, каждому слушателю по его развитію, склонностямъ и способностямъ. Раздавъ книги, установивъ, если надо, очередь ихъ пользованія (одна книга въ теченіе недѣли можетъ быть прочитана шестью лицами), я намѣтилъ бы (опять-таки только для желающихъ) нѣсколько темъ для письменныхъ работъ, предоставивъ выбирать изъ нихъ любую и указавъ для каждой изъ нихъ источники. И здѣсь точно такъ же я все предоставилъ бы доброй волѣ слушателей.

Каждый изъ нихъ могъ взять любую изъ заданныхъ темъ; но могъ не взять и ни одной и все-таки не услыхалъ бы отъ меня ни тѣни выраженія неудовольствія. На одно такое чтеніе я употребилъ бы отъ $^1/_2$ до часу времени; затѣмъ, на слѣдующій урокъ я перешелъ бы къ другому чтенію, напримѣръ, отъ исторіи къ географіи, или отъ естествовѣдѣнія къ сельскому хозяйству или гигіенѣ, точно такъ же выбирая для чтенія лишь интересное и для всѣхъ доступное, иллюстрируя его всѣми пособіями, разъясняя вызванныя чтеніемъ недоумѣнія, отвѣчая на возникающіе у слушателей вопросы. И все это я опять приноровилъ бы по возможности къ пониманію наиболѣе отсталыхъ изъ учениковъ. Но затѣмъ я снова рекомендовалъ бы, смотря по содержанію прочитаннаго, книги для желающихъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ предметомъ чтенія; предложилъ бы снова одну или нѣсколько темъ для письменной работы. На 3-й урокъ я прочелъ бы что-нибудь изъ нашихъ классиковъ: Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Толстого, Достоевскаго, и затѣмъ въ одинъ изъ слѣдующихъ воскресныхъ дней на послѣднемъ урокѣ я перешелъ бы къ бесѣдѣ по поводу сдѣланныхъ учениками письменныхъ работъ по всѣмъ предметамъ преподаванія, отпустивъ изъ школы всѣхъ тѣхъ, кто не дѣлаетъ такихъ работъ и не желаетъ присутствовать при объясненіяхъ. Здѣсь, при разборѣ изложеній, я напоминалъ бы ученикамъ тѣ или другія правила грамматики, стилистики, указывалъ бы ошибки, рекомендовалъ бы, что надо прочесть; при разборѣ упражненій въ ариѳметикѣ я давалъ бы необходимыя объясненія, указанія и въ заключеніе предложилъ бы желающимъ новыя работы въ видѣ задачъ и проч. Въ обсужденіи и оцѣнкѣ сдѣланныхъ работъ ученики сами должны были бы принимать участіе. Выгоды такой постановки преподаванія въ воскресныхъ повторительныхъ классахъ очевидны. Такая постановка дѣла привлечетъ вполнѣ достаточное число слушателей и каждому изъ нихъ дастъ по мѣрѣ его способностей, его интересовъ и его досуга. Такія чтенія заинтересуютъ однихъ слушателей своимъ содержаніемъ, вызовутъ въ нихъ хорошія чувства, сообщатъ имъ нѣсколько полезныхъ, хотя, можетъ быть, и поверхностныхъ свѣдѣній, но еще не увлекутъ ихъ на самостоятельныя занятія предметомъ. Зато другихъ эти чтенія введутъ въ глубь предмета, заставятъ работать надъ нимъ вполнѣ самостоятельно и до нѣкоторой степени познакомятъ его съ самымъ методомъ усвоенія предмета. Впрочемъ, и для первой половины слушателей чтенія могутъ имѣть тотъ же результатъ;

но только въ будущемъ: мало-по-малу чтенія подготовятъ такого, сначала пассивнаго слушателя къ самостоятельнымъ домашнимъ занятіямъ и привлекутъ его въ ряды другой, болѣе активной части аудиторіи».

Затраты земствъ на содержаніе сельскихъ воскресныхъ школъ и повторительныхъ классовъ очень незначительны. Сапожковское земство полагало платить учителю по 2 рубля за каждый трехчасовой урокъ по воскресеньямъ, причемъ вознагражденія за годъ пришлось бы около 40 рублей на школу. Такую же плату получали и учителя Нижнедѣвицкаго уѣзда за воскресныя занятія. Днѣпровское земство за ежедневныя занятія въ зимнее время по вечерамъ уплачивало отъ 30 до 95 руб. въ годъ на школу. Казанское губернское земство ассигновало въ распоряженіе уѣздныхъ управъ по 70 рублей на каждую воскресно-повторительную школу, но школъ было открыто уѣздными земствами больше, нежели предполагало губернское земство, и потому, среднимъ числомъ, на содержаніе одной такой школы приходилось всего только около 45 руб. въ годъ. Изъ этой суммы уплачивалось вознагражденіе какъ законоучителю, такъ и учителю. Не удивительно, что при такихъ скудныхъ затратахъ воскресныя школы въ Казанской губерніи не были на высотѣ предъявляемыхъ къ нимъ требованій, почему впослѣдствіи и были лишены земскаго пособія. Содержаніе одной вечерней школы въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, гдѣ для такихъ школъ приглашаются особые, не занятые утромъ, учителя, обходится отъ 245 руб. до 375 руб., изъ коихъ отъ 200 до 330 рублей идетъ на жалованье особому учителю вечернихъ классовъ и около 15 руб. на учебныя пособія и на освѣщеніе. Въ Херсонскомъ земствѣ учителю платилось по 1 рублю за часовой урокъ, но при условіи, если учениковъ не было менѣе 10 человѣкъ. Странно, впрочемъ, что при такомъ вознагражденіи херсонское земство израсходовало на этотъ предметъ въ теченіе 1892 г. всего только 420 руб. на 12 школъ. Черниговская управа намѣтила, какъ одну изъ мѣръ привлеченія взрослыхъ къ обученію, выдавать поощрительныя преміи учителямъ за каждаго ученика, сдавшаго установленный экзаменъ при училищномъ совѣтѣ. Но черниговское губернское земское собраніе исчислило расходъ на каждый повторительный классъ по 100 руб. въ годъ (вознагражденіе учителю 60 руб., законоучителю 20 руб. и учебныи пособія 20 руб и постановило придти на помощь уѣзднымъ земствамъ ассигнованіемъ 50 руб. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ устройства такихъ классовъ.

Нижегородскій училищный совѣтъ предлагаетъ слѣдующую организацію вечернихъ занятій: убѣдившись на опытѣ, что учитель начальнаго училища не можетъ съ успѣхомъ вести и повторительные классы, совѣтъ предложилъ нижегородскому уѣздному земскому собранію сессіи минувшаго 1895 г. вмѣсто существующихъ 10 учителей и учительницъ, ведущихъ воскресно-повторительныя занятія. ввести особыхъ 3—4 учителей, исключительною обязанностью которыхъ будетъ веденіе повторительныхъ курсовъ во всѣ 6 будничныхъ дней, опредѣляя время занятій отъ 4 до 5 недѣль въ каждой школѣ и съ переводомъ ихъ затѣмъ въ другія мѣста уѣзда.

Еще болѣе практичный планъ былъ предложенъ Грайворонской земской управой на земскомъ собраніи 1894 г. При наличности въ уѣздѣ 40 земскихъ училищъ, намъ необходимо, пишетъ управа, пригласить спеціально для повторительныхъ занятій 4 учителей, которые бы, занимаясь по два мѣсяца при каждой школѣ (а въ случаѣ возможности и менѣе), въ теченіе 3 лѣтъ обошли всѣ села съ

училищами и повторили ихъ курсъ. Въ программу повторительныхъ курсовъ вводится способъ преподаванія преимущественно въ формѣ собесѣдованій, для чего едва-ли учителя, средніе по своей подготовкѣ и развитію, обладаютъ достаточнымъ навыкомъ, а потому управа находитъ, что для такой цѣли должны быть приглашены наиболѣе развитые и съ лучшей научной подготовкой, а изъ этого вытекаетъ, что такимъ учителямъ необходимо дать и лучшее вознагражденіе; если же принять еще во вниманіе ихъ кочевую жизнь, сопряженную съ различнаго рода неудобствами, лишеніями и расходами, то необходимость высшаго оклада содержанія станетъ понятна. А потому, по мнѣнію грайворонской управы, слѣдовало бы окладъ жалованья опредѣлить по 400 р. въ годъ каждому, съ принятіемъ на счетъ земства расходовъ на проѣздъ съ одного мѣста на другое и на наемъ квартиры. Опредѣляя этотъ послѣдній расходъ въ размѣрѣ до 50 р. на каждаго учителя, общій годовой расходъ на учебники и учебныя пособія по 20 р. на школу, а на 12 школъ, въ которыхъ будутъ произведены занятія въ теченіе года, 240 руб., весь расходъ на устройство повторительныхъ курсовъ по этой системѣ выразился въ суммѣ 2.040 р., т.-е. менѣе противъ расхода по общепринятой системѣ для Грайворонскаго уѣзда на 360 р. въ годъ. Аналогичный проектъ передвижной повторительной школы представила учительница Горянская маріупольскому земству. Особенность его та, что школа съ отдѣльнымъ учителемъ должна оставаться въ одной деревнѣ цѣлую зиму и только на другой годъ переходитъ въ другое мѣсто.

До сихъ поръ, къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ плановъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Вообще, какъ читатель могъ убѣдиться изъ всего предшествовавшаго, воскресныя школы въ деревнѣ до сихъ поръ еще далеко не стоятъ на твердой почвѣ, и только за послѣдніе годы судьба ихъ начала привлекать къ себѣ серьезное вниманіе земствъ. Надо надѣяться, что наши земства, сдѣлавшія такъ много для начальнаго обученія крестьянскихъ дѣтей, не остановятся на этомъ и поведутъ дѣло и дальше. По справедливому замѣчанію г. Вахтерова, неудачи многихъ сельскихъ воскресныхъ школъ не должны никого ни удивлять, ни разочаровывать. «Надо удивлятася не тому», пишетъ онъ, «что учителя чувствуютъ себя переутомленными, ученики нѣкоторыхъ воскресныхъ школъ понемногу расходятся, земства отказываютъ въ возстановленіи на нихъ ассигновокъ, а сельскія воскресныя школы нерѣдко закрываются: гораздо болѣе изумительно то, что, несмотря на эти затрудненія, неграмотные ученики все-таки выучиваются читать и писать, а грамотные успѣваютъ пріобрѣсть нѣкоторыя свѣдѣнія о родинѣ, ея настоящемъ и прошломъ, о природѣ, даже по сельскому хозяйству и гигіенѣ,—что число сельскихъ воскресныхъ школъ все-таки возрастаетъ, хотя и медленно, что находятся учителя, по собственному почину ведущіе это дѣло. Надо считаться съ препятствіями, указанными земствами, училищными совѣтами и учителями, надо выбирать время занятій по соглашенію съ самими учениками, не открывать школъ тамъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы: можетъ быть, полезно устраивать особые курсы для учителей воскресныхъ школъ въ виду неподготовленности наличнаго учительскаго персонала къ этому новому дѣлу; можетъ быть, небезполезно переводить по прошествіи одного, 2-хъ или 4-хъ лѣтъ воскресную школу изъ одной мѣстности въ другую; можетъ быть, въ видахъ привлеченія учащихся, не лишне выдавать имъ похвальные листы, какъ это дѣлалось

въ Елабужскомъ уѣздѣ; существенно важно озаботиться снабженіемъ всѣхъ воскресныхъ школъ богатыми библіотеками и хорошими наличными пособіями; но главнымъ затрудненіемъ все же остается наиболѣе распространенная организація такихъ школъ, обусловливающая дробленіе учащихся на группы. Устроить школу такъ, чтобы въ ней не было дробленія на группы,—это значитъ втрое и вчетверо увеличить число уроковъ съ учителемъ, достигнуть того, что ученики все учебное время будутъ находиться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ преподавателя».

Оперныя представленія въ деревнѣ. Г-жа Бларамбергъ-Чернова описываетъ въ «Русск. Вѣд.» народный театръ въ селѣ Языковѣ, Самарской губ., гдѣ г-жа Сѣрова поставила сцены изъ «Игоря» Бородина. Хоръ весь состоялъ изъ крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей.

«Уже одинъ внѣшній и внутренній видъ языковскаго народнаго театра меня пріятно поразилъ, пишетъ г-жа Бларамбергъ-Чернова—довольно высокое каменное зданіе, мѣста, выстроенныя амфитеатромъ вплоть до потолка, человѣкъ на 250—300, вентиляція весьма не дурная, двѣ огромныя печи. Красивый занавѣсъ поднялся, и моимъ глазамъ предстала со вкусомъ украшенная древняя гридница, писанная художникомъ г. Куроѣдовымъ, сосѣдомъ по имѣнію г-жи Аксаковой, который обѣщалъ и впредь свое содѣйствіе для подобныхъ спектаклей. Сцена небольшая, поэтому наполнить ее было не трудно, но все-таки на ней помѣстилось около 30 хористовъ, и доморощенная люстра ярко освѣтила умѣло сгруппированную около князя и княгини толпу. Г-жа Сѣрова, сидя у рояли передъ публикой, дала знакъ, и со сцены раздался стройный хоръ: «Слава солнцу красному». Костюмы были дешевые, аммуниція у дружины—картонная, обклеенная золотой бумагой; бояре были одѣты частью въ грубые коричневые зипуны, обшитые галуномъ, князь и княгиня въ кумачевыхъ костюмахъ, расшитыхъ бусами и украшенныхъ поддѣльнымъ горностаевымъ мѣхомъ. Сцена прощанья, благословеніе войска и повтореніе перваго хора сошли дружно, согласно, стройно. Во 2 дѣйствіи крестьяне-бояре въ сценѣ съ княгиней и во время сцены пожара неумѣло вертѣлись на подмосткахъ, и вообще вся сцена была явно плохо срепетована, поэтому въ день спектакля, утромъ была назначена еще репетиція. Во время спектакля артисты прекрасно исполнили ту же сцену, не позабывъ уже ни единаго указанія. Что касается до сценъ 3 дѣйствія, то могу одно сказать,—продолжаетъ г-жа Бларамбергъ-Чернова,—онѣ прошли такъ хорошо, что могли бы быть съ успѣхомъ поставлены на любой и незахолустной сценѣ: хоръ невольницъ, пѣсня половчанки, танецъ чаги (рабыни), пляска съ бубнами подъ аккомпаниментъ, звуки барабана, стеклянныхъ колокольчиковъ, рояли и флейты дѣйствовали прямо обаятельно, особенно когда выступила 7-лѣтняя дѣвочка, а за ней всѣ мальчики пустились въ плясъ; все было естественно, свѣжо, ново и красиво. Игорь пропѣлъ свою арію дилетантски, но очень горячо». «Народу было очень много какъ въ день генеральной репетиціи, такъ и на самомъ спектаклѣ. Невѣроятное оказалось исполнимымъ. Слушала трехсотенная толпа съ замѣчательнымъ вниманіемъ какъ музыку и пѣніе, такъ равно и краткія толкованія, которыя устроительница предпосылала каждому дѣйствію. Что Ярославна «больно хорошо вопила», было общимъ мнѣніемъ бабъ. Одна женщина заплакала во время спектакля и на вопросъ, что ее такъ растрогало, отвѣтила: «Мой хозяинъ скоро въ солдаты пойдетъ,

вотъ и я такъ съ нимъ прощаться стану, какъ князь съ княгиней». Скула и Ерошка были оцѣнены по достоинству. Все-таки всего болѣе понравилось первое дѣйствіе, составленное пышнѣе другихъ. Во время сцены пожара, когда бабы съ воплемъ врываются къ Ярославнѣ въ теремъ, окно разбивается, и огонь врывается въ него, было замѣтно нѣкоторое движеніе въ слушателяхъ, но въ антрактѣ объяснили, какой огонь будетъ горѣть, и что переполохъ только поддѣльный. Хотя 600 человѣкъ видѣли спектакль (300 на генеральной репетиціи и 300 въ вечеръ 30 іюня), но все-таки еще многіе не попали на него и успокоились только послѣ обѣщанія увидать на Рождествѣ его повтореніе. Въ Языковѣ будетъ постоянный театръ, и г-жа Сѣрова готовитъ для будущаго репертуара сцены изъ «Рогнѣды», «Жизни за Царя» и «Руслана». «Тушинцевъ», «Вражьей силы» и «Бориса Годунова».

Послѣ этого спектакля, г-жа Сѣрова получила нѣсколько предложеній—ставить оперныя представленія въ сосѣднихъ съ Языковымъ деревняхъ. Это одно уже служитъ признакомъ, что существуетъ спросъ на такого рода музыкальныя представленія.

Самозванный князь. Въ «Томскомъ Листкѣ» разсказывается слѣдующая курьезная и характерная для нашихъ нравовъ исторія, живо воспроизводящая передъ нами образъ Ивана Александровича Хлестакова: 31 мая, въ Томскъ пріѣхалъ и остановился въ гостинницѣ «Европа» молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, очень представительной наружности, прилично одѣтый. На просьбу лакея дать свой документъ для прописки въ полиціи, пріѣхавшій, вмѣсто документа, послалъ въ контору гостинницы записку, въ которой онъ назвалъ себя товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты, княземъ Ширинскимъ - Шахматовымъ. Въ то же время «князь» по телефону попросилъ къ себѣ полицеймейстера съ тѣмъ, чтобы попросить послѣдняго избавить его «князя», отъ излишнихъ разговоровъ съ администраціей гостинницы по поводу «письменнаго вида». «Князю» сообщили, что полицеймейстеръ уѣхалъ съ рапортомъ къ г. начальнику губерніи, и «князь» отправился туда же. Встрѣтивъ, однако, полицеймейстера на улицѣ, онъ попросилъ послѣдняго о его пріѣздѣ г. начальнику губерніи не сообщать, такъ какъ онъ, «князь», желаетъ избѣжать пріемовъ и «почестей», принадлежащихъ ему по праву званія и общественнаго положенія. Во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Томскѣ, въ качествѣ товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, «князь» съумѣлъ за счетъ инженеръ-технолога г. Б., съ которымъ познакомился по пути въ Томскъ, пріобрѣсти себѣ цѣнный револьверъ и изящной работы пѣнковый мундштукъ и посѣтилъ томскій университетъ, гдѣ былъ принятъ университетскимъ начальствомъ въ качествѣ почетнаго гостя. Легковѣсный багажъ «князя» обратилъ на себя вниманіе полиціи, которая учредила за пріѣхавшимъ негласный надзоръ. Отсутствіе документа и дальнѣйшее поведеніе «князя», у котораго не оказалось даже лѣтняго пальто, подтверждало возникшія подозрѣнія, и онъ былъ приставомъ 3 уч. арестованъ. При обыскѣ, произведенномъ полиціей у задержаннаго «князя», найдено было... въ сапогѣ проходное свидѣтельство, выданное на имя владимірскаго мѣщанина Александра Александрова Маурина, содержавшагося въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи г. Владиміра и слѣдующаго въ Златоустъ на мѣсто причисленія.

«Князю» ничего не оставалось, какъ сознаться въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ непринадлежащее ему званіе и назвался чужимъ именемъ, не имѣя

никакихъ документовъ, что онъ и сдѣлалъ.

По разсказамъ дорожныхъ спутниковъ «князя», ѣхавшихъ съ нимъ отъ Самары, оказывается, что онъ проѣхалъ съ большимъ комфортомъ весь длинный путь отъ Самары до Томска, не имѣя ни копѣйки денегъ въ карманѣ.

— Познакомился я съ «княземъ»,— разсказываетъ одинъ изъ земскихъ засѣдателей Томскаго округа,—на пароходѣ по пути отъ Кривощекова до Томска. Увидѣлъ его я впервые въ Челябинскѣ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрой триковой парѣ и цилиндрѣ. Въ Омскѣ на немъ уже появилась бѣлая фуражка съ кокардой и значкомъ вѣдомства министерства юстиціи. При знакомствѣ со мной онъ назвался княземъ Ширинскимъ-Шахматовымъ, товар. прокур. петерб. судеб. палаты. Въ Кривощековѣ, увидавъ, что на объявленіи пароходства Жернакова не обозначены часы отправленія парохода, «князь» потребовакъ къ себѣ полицейскаго чиновника для объясненія, почему допущена «такая небрежность» со стороны пароходной администраціи. Полицейскій чиновникъ почтительно доложилъ, что онъ не разрѣшалъ печатать этого объявленія. Тогда «князь» потребовалъ отъ чиновника, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ на обратной сторонѣ объявленія, причемъ грозилъ довести обо всемъ до свѣдѣнія начальника губерніи. Чиновникъ это требованіе выполнилъ.

На пароходѣ «князь» потребовалъ себѣ каюту 1-го кл., и когда пароходные агенты заявили, что она стоитъ 11 руб., «князь» подошелъ къ инженеръ-технологу г. Б. и предложилъ ему ѣхать на половинныхъ издержкахъ, на что послѣдній и согласился. Затѣмъ, разсказавъ мнѣ, что сгорѣла какая-то промежуточная станція, на которой онъ долженъ былъ получить переводомъ деньги, вслѣдствіе сего полученіе послѣднихъ должно замедлиться, «князь» попросилъ у меня 25 руб., но я отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ слышалъ, что 50 руб. онъ уже занялъ у Б. Отъ Самары до Челябинска «князь» ѣхалъ въ отдѣльномъ купэ 1 класса безплатно по билету, который былъ выданъ ему начальникомъ дороги. Въ Томскѣ Б. купилъ ему пѣнковую трубку и револьверъ на свои деньги, которыя князь обѣщалъ возвратить тотчасъ по полученіи перевода.

Другой компаньонъ «князя» по путешествію г. М. разсказываетъ, что по Западно-Сибирской ж. д. начальникъ работъ выдалъ «князю» безплатный билетъ до Кривощенкова 3-го класса, причемъ «князь» заявилъ, что ему выдали билетъ 3-го класса, вмѣсто 1-го, по ошибкѣ, потребовалъ себѣ купэ перваго класса, отправивъ на имя начальника работъ... за счетъ разсказчика депешу. Въ отвѣтъ получилось извиненіе начальника работъ и приказъ предоставить въ распоряженіе «князя» вагонъ 1-го класса.

Во всей этой исторіи любопытна не личность самого князя—мало ли бываетъ на свѣтѣ ловкихъ мазуриковъ!—а удивительная довѣрчивость россійскихъ обывателей, которыхъ арестантъ Владимірской тюрьмы съумѣлъ одурачить съ такимъ блестящимъ успѣхомъ.

Заграницей.

Австралія и Новая Зеландія. Мы уже говорили о томъ громадномъ интересѣ, который представляютъ для Европы Австралія и Новая Зеландія, какъ обширное поле для всевозможныхъ соціальныхъ и иныхъ экспериментовъ.

Леруа Больё, въ своихъ австралійскихъ очеркахъ, печатающихся въ «Revue de deux Mondes», называетъ эту часть свѣта «настоящею лабораторіею соціальной науки» и говоритъ, что наблюденіе надъ производящимися въ ней экспериментами можетъ быть очень полезно старому свѣту. Въ австралійскихъ колоніяхъ, по его словамъ, можно наблюдать крайнее выраженіе какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ сторонъ стремленій нашей современной цивилизаціи. Нигдѣ, напримѣръ, грамотность не достигла такого широкаго распространенія, какъ въ этихъ колоніяхъ. Обмѣнъ писемъ и телеграммъ тамъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и торговыя сношенія достигаютъ очень высокаго развитія сравнительно съ количествомъ народонаселенія. Жизнь во всѣхъ классахъ болѣе широка, благосостояніе болѣе развито, демократія же занимаетъ преобладающее мѣсто въ обществѣ. Но самое главное, нигдѣ соціальныя нововведенія не зашли такъ далеко, какъ въ Австраліи, и нигдѣ еще теоретическія построенія не вводились такъ смѣло въ практическую жизнь, какъ въ этихъ англійскихъ колоніяхъ, у антиподовъ.

Леруа Больё обращаетъ особенное вниманіе на то, что индивидуализмъ англо-саксонской расы, такъ рѣзко выражающійся въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, уступаетъ мѣсто совершенно противоположнымъ стремленіямъ въ Австраліи. Австралійцы стремятся, въ противоположность американцамъ, расширять все болѣе и болѣе кругъ государственнаго вмѣшательства, идя въ данномъ случаѣ наперекоръ индивидуалистическимъ тенденціямъ, всегда характеризовавшимъ англосаксонцевъ. Ключъ къ этому нѣсколько странному явленію даетъ, по мнѣнію Леруа Больё, самая исторія Австраліи и условія ея необычайно быстраго развитія. Соединенные Штаты образовывались постепенно, въ теченіе двухъ столѣтій и могли вынести, благодаря прочнымъ основамъ своего общества, безъ ущерба своему равновѣсію, огромный приливъ европейскихъ колонистовъ, устремившійся въ Америку въ послѣднія 50 лѣтъ. Австралію, наоборотъ, иммигранты заполонили еще въ то время, когда она находилась въ самомъ младенчествѣ. Населеніе Австраліи возрастало съ баснословною быстротой. Въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1851 по 1861) оно увеличилось съ 430.000 до 1.252.000. Иммиграція все возрастала, такъ что населеніе Австраліи удесятерилось въ такой промежутокъ времени, въ который населеніе Соединенныхъ Штатовъ едва утроилось. Открытіе золота, игравшее второстепенную роль въ Соединенныхъ Штатахъ, заняло въ австралійской колонизаціи первое мѣсто. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется громадное преобладаніе городского населенія надъ сельскимъ, что составляетъ въ своемъ родѣ бѣдствіе, отъ котораго страдаетъ Австралія, тѣмъ болѣе, что, если исключить золотую промышленность, то это страна по преимуществу земледѣльческая и особенно пастушеская. Шерсть и мясо, также какъ и другіе продукты скотоводства, составляютъ двѣ трети австралійскаго вывоза. Въ Австраліи нѣтъ крупной промышленности, да и долго ея не будетъ. За исключеніемъ золота и серебра, Австралія мало эксплуатируетъ свои минеральныя богатства и только въ Южномъ Валлисѣ и Новой Зеландіи разрабатывается каменный уголь. Слѣдовательно, главные рессурсы страны составляетъ все-таки сельское хозяйство, но огромное большинство иммигрантовъ явилось въ Австралію изъ городовъ и поэтому ютится въ городахъ, что и вызываетъ недостатокъ равновѣсія и составляетъ наиболѣе существенный недостатокъ австралійскаго общества. Разумѣется, всѣ разорившіеся или несчастные искатели золота, населяющіе большіе города, а также рабочіе, очень много-

численные и поэтому очень могущественные, не желающіе допускать уменьшенія своей заработной платы, стоявшей очень высоко въ началѣ разработки копей, должны были сочувственно отнестись къ идеѣ покровительства государства. Отсюда-то и возникъ крайній протекціонизмъ колоній; надо вѣдь было доставить занятіе всѣмъ городскимъ рабочимъ и, слѣдовательно, создать промышленныя предпріятія, которыя однако не въ силахъ были бы бороться съ иностранною конкурренціею, еслибъ ихъ не поставили въ искусственныя благопріятныя условія.

Государство, впрочемъ, съ самаго начала заняло въ австралійскихъ колоніяхъ исключительное мѣсто; оно располагало большими свободными суммами, полученными отъ продажи и аренды земель, въ то время, какъ частные капиталы находились въ самомъ начальномъ періодѣ своего развитія. Естественнымъ образомъ проведеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ выпало съ самаго начала на долю государства. Съ постройкой надо было торопиться, въ виду необычайно быстраго роста колоній, и это потребовало большой затраты рабочихъ силъ. Когда же сѣть была закончена, то освобожденіе рабочихъ рукъ сразу выдвинуло на сцену вопросъ о безработныхъ (sans travail) и чтобы пособить дѣлу и дать занятіе многочисленнымъ рабочимъ, государство, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вынуждено было предпринять постройку новыхъ линій, все менѣе и менѣе доходныхъ, народныя массы въ Австраліи постепенно пріучились такимъ образомъ смотрѣть на государство, какъ на работодателя по преимуществу и существенною функціею государства явилась организація такъ называемыхъ «relief works» — работъ, предпринимаемыхъ со спеціальною цѣлью дать занятіе рабочимъ.

Всѣ эти условія способствовали видоизмѣненію индивидуалистическихъ наклонностей англосаксонской расы, населявшей Австралію, но такъ какъ англичане все-таки вездѣ остаются вѣрны себѣ, то и въ этихъ молодыхъ колоніяхъ мы можемъ встрѣтить множество обычаевъ и учрежденій въ чисто британскомъ духѣ.

Подъ покровомъ конституцій, составленныхъ по образцу англійской конституціи, всѣ пять австралійскихъ колоній представляютъ чистѣйшій типъ демократіи. Правительственный механизмъ вездѣ одинаковъ. Во главѣ стоитъ губернаторъ, назначаемый королевой; въ его рукахъ сосредоточивается исполнительная власть, но главнымъ образомъ онъ служитъ для виду, хотя и имѣетъ право, которымъ, однако, пользуется крайне рѣдко, не давать своего согласія на законы, вотированные парламентомъ, и передавать ихъ на усмотрѣніе королевы, право «veto» которой,—опять-таки лишь въ теоріи,—абсолютно. Затѣмъ, вездѣ есть верхняя палата или законодательный совѣтъ, члены которой или назначаются правительствомъ пожизненно или на извѣстный срокъ, или же выбираются особою коллегіей. Эта палата играетъ роль палаты лордовъ и иногда, также какъ эта послѣдняя, отвергаетъ законы, вотированные нижнею палатой, всегда уступая, впрочемъ, если послѣ распущенія избиратели выскажутся за эти законы. Законодательное собраніе отличается отъ англійской палаты общинъ тѣмъ, что оно не только выбирается всеобщею подачею голосовъ, но является, также какъ и палата общинъ, главнымъ двигательнымъ органомъ правительства, формирующимъ и уничтожающимъ министерства, выбираемыя преимущественно изъ его среды.

Экономическіе и соціальные вопросы занимаютъ теперь главное мѣсто въ австралійскихъ парламентахъ, и парламентскія сессіи заполняются борьбою протекціонистовъ съ сторонниками сво-

боды торговли или же пререканіями между сторонниками и противниками расширенія сферы дѣйствія и вмѣшательства государства. Австралійскіе парламенты отличаются своею способностью къ труду; особенно это надо сказать о Новой Зеландіи, гдѣ первый министръ, бывшій кабатчикъ, долженъ былъ, по странной иронія судьбы, защищать недавно проектъ, ограничивающій продажу спиртныхъ напитковъ. Это былъ одинъ изъ восьмидесяти биллей, которые предстояло разсмотрѣть парламенту въ теченіе трехмѣсячной сессіи, причемъ билли эти относились къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ: къ рабочему и аграрному вопросамъ, ограниченію иммиграціи, главнымъ образомъ китайцевъ, и т. п. Во время этой сессіи парламентъ засѣдалъ два раза, отъ двухъ часовъ пополудни до шести и восьми утра слѣдующаго дня. Впрочемъ, парламентскія засѣданія въ Новой Зеландіи рѣдко оканчиваются раньше полуночи или часа ночи, хотя весьма часто высказываются упреки австралійскимъ парламентамъ въ томъ отношеніи, что они нерѣдко слишкомъ поспѣшно вотируютъ законы и затѣмъ имъ приходится тратить опять время на пересмотръ и передѣлку этихъ законовъ, когда черезъ годъ или два они окажутся неудобопримѣнимы.

Вліяніе доктрины коллективизма даетъ себя чувствовать во всѣхъ отрасляхъ австралійскаго законодательства. Всѣ законы, касающіеся земли, фабричнаго труда, системы налоговъ и т. п. указываютъ на явное стремленіе государства захватить какъ можно болѣе область частной иниціативы и съузить сферу ея дѣятельности. Кромѣ того австралійское законодательство явно враждебно относится къ крупной земельной собственности. Въ Новой Зеландіи сдѣланъ уже большой шагъ впередъ, въ пользу равномѣрнаго распредѣленія земли, такъ какъ уже установленъ максимумъ для частной собственности. Закономъ 1894 года установлено, что никто не можетъ владѣть болѣе 400 гектаровъ земли, годной для культуры, болѣе 800 такой, которая состоитъ на половину изъ пастбищъ и 2.000 такой, которая годна лишь для пастбищъ. Все, что превышаетъ эту установленную норму, поступаетъ въ собственность государства, которое входитъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ земли относительно покупки, и если цѣна, предлагаемая государствомъ, не удовлетворяетъ владѣльца, то назначается спеціальная экспертиза, которая и опредѣляетъ стоимость отчуждаемаго участка.

Вообще Новая Зеландія пошла далѣе всѣхъ другихъ австралійскихъ колоній въ своемъ законодательствѣ о поземельной собственности, не останавливаясь ни передъ какими смѣлыми экспериментами въ этомъ отношеніи. Все новозеландское законодательство основывается въ данномъ случаѣ на принципѣ государственной собственности земли, отдаваемой въ вѣчную аренду земледѣльцамъ или скотоводамъ (State ownership of the soil with a perpetual tenancy in the occupier), такъ что большая часть государственной земли не продается, а сдается въ долгосрочную аренду на 999 лѣтъ. Надо, впрочемъ, прибавить, что австралійцы вообще вводятъ всѣ свои законодательныя мѣропріятія не въ окончательной формѣ, а лишь какъ временныя мѣры и не боятся признать ихъ несостоятельными, если они оказываются таковыми. Такимъ образомъ въ Новой Зеландіи, рядомъ съ проведеніемъ на практикѣ теоріи государственной собственности земли, все еще остается въ силѣ законъ, допускающій продажу земли на чистыя деньги и краткосрочную аренду (на 25 лѣтъ), причемъ арендаторъ можетъ пріобрѣсти эту землю въ свою собственность спустя десять лѣтъ. Однако, количество земли, которая можетъ быть такимъ образомъ отдана въ аренду или

продана, ограничено 100.000 гектарами въ годъ. Выше этой цифры государство не имѣетъ права ни продать, ни отдать въ краткосрочную аренду на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Новозеландцы, слѣдовательно, желаютъ на опытѣ убѣдиться, которое изъ этихъ мѣропріятій цѣлесообразнѣе, оставляя ихъ дѣйствовать одновременно. Затѣмъ, они также принимаютъ серьезныя мѣры къ тому, чтобы земля, пріобрѣтаемая въ собственность, или сдаваемая въ долгосрочную аренду, дѣйствительно подвергалась обработкѣ и культурѣ. Такъ, напримѣръ, покупатель получаетъ сначала удостовѣреніе на право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли и лишь спустя семь лѣтъ послѣ того, какъ онъ дѣйствительно произведетъ улучшенія культуры земли, эта земля окончательно поступаетъ въ его собственность; то же самое имѣетъ силу и относительно долгосрочной аренды.

Австралійское и новозеландское законодательство о землевладѣніи проникнуто въ настоящее время желаніемъ «посадить на землю» (settle the people on the land) всю ту массу городского населенія и рабочихъ рукъ, которая скопляется въ городахъ и остается безъ всякихъ занятій. Съ этою именно цѣлью австралійскіе и новозеландскіе законодатели и проводили свои мѣропріятія, направленныя также къ тому, чтобы не допустить землю сдѣлаться предметомъ спекуляцій, какъ это было раньше. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій не оправдали возложенныхъ на нихъ ожиданій, какъ, напримѣръ, утвержденныя закономъ 1893 года деревенскія поселенія (village settlements). Парламентское разслѣдованіе, произведенное черезъ два года послѣ учрежденія этихъ поселеній указало на ихъ практическую несостоятельность во многихъ отношеніяхъ, но эта неудача не можетъ остановить австралійскихъ реформатовъ, которые твердо помнятъ правило: «ищите и обрящете».

Стремясь урегулировать землевладѣніе и пріурочить свободныя рабочія руки къ культурѣ земли, австралійское законодательство въ то же время очень заботится о томъ, чтобы урегулировать трудъ; поэтому во всѣхъ ремеслахъ и отрасляхъ фабричной промышленности восьмичасовой рабочій день установленъ закономъ, воскресная работа воспрещена абсолютно, также какъ работа дѣтей моложе 14 лѣтъ; кромѣ того, при поступленіи на фабрику такія дѣти должны представить свидѣтельство, что они прошли курсъ элементарной школы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ отношеніи своего рабочаго законодательства, какъ и во многомъ другомъ, Австралія далеко опередила Европу. Быть можетъ, смѣлость австралійскихъ колоній, производящихъ, не задумываясь, самые рискованные эксперименты въ соціальномъ отношеніи, обусловливается отсутствіемъ традицій, сдерживающихъ порою реформаторскіе порывы старыхъ европейскихъ обществъ. Австралія какъ будто поставила себѣ задачей указать путь къ прогрессу другимъ странамъ и, не стѣсняясь «предразсудками», какъ говорятъ австралійскіе колонисты, безстрашно идетъ впередъ, пробуя на опытѣ пригодность тѣхъ или иныхъ идей, проповѣдуемыхъ соціальными философами и реформаторами. Мы уже говорили, что въ дѣлѣ уравненія правъ женщины Австралія опередила даже Америку, гдѣ лишь въ нѣсколькихъ штатахъ (Колорадо, Юминѣ, Утахѣ, Канзасѣ) женщины имѣютъ право участвовать въ голосованіи наравнѣ съ мужчинами. Но въ австралійскихъ колоніяхъ законодательство опередило даже самое движеніе, и равноправіе женщинъ установлено закономъ раньше, чѣмъ агитація въ пользу расширенія правъ женщинъ достигла сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ. Такъ, въ Новой Зеландіи уже образовались лиги для политическаго воспитанія женщинъ, въ виду того, что

во многихъ случаяхъ политическое развитіе женщины не отвѣчаетъ ея положенію равноправнаго гражданина страны. При этомъ замѣчается еще одно любопытное явленіе: Женщины въ австралійскихъ колоніяхъ, особенно въ Новой Зеландіи, выходятъ замужъ въ общемъ гораздо позднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ; занимая вполнѣ независимое положеніе, онѣ не торопятся выходить замужъ, такъ какъ не нуждаются ни въ покровителѣ, ни въ работникѣ, привыкнувъ къ самостоятельному труду. Леруа Больё, подчеркивая это явленіе, говоритъ, что австралійскіе законодатели своими чрезчуръ смѣлыми нововведеніями подвергаютъ риску будущность и благосостояніе страны, но намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, юная Австралія показываетъ путь къ прогрессу другимъ странамъ.

Раса пигмеевъ. Вопросъ о существованіи расы пигмеевъ—людей-карликовъ, весьма долгое время служилъ предметомъ ученыхъ споровъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ отрицали существованіе такой расы, причисляя къ категоріи аномалій тѣхъ карликовъ, которые встрѣчались путешественниками въ мало изслѣдованныхъ областяхъ Африки и Азіи. Катрфажъ, однако, цитируетъ шесть древнихъ авторовъ, подтверждающихъ существованіе пигмеевъ, и доказываетъ, что эти расы пигмеевъ не исчезли и до сихъ поръ. Древніе признавали пять группъ пигмеевъ: двѣ обитали въ Азіи и три въ Африкѣ. Въ Азіи до сихъ поръ еще можно встрѣтить эти группы, значительно порѣдѣвшія и измѣнившіяся вслѣдствіе скрещиванія; въ Африкѣ же онѣ сохранились въ болѣе чистомъ видѣ.

Когда африканскіе путешественники Швейнфуртъ и Дю-Шалью сообщили, что они видѣли въ Африкѣ племя маленькихъ людей, называемыхъ «аккасами», то къ ихъ словамъ отнеслись съ большимъ недовѣріемъ; только когда въ Европу привезли трехъ аккасовъ, послужившихъ предметомъ научныхъ наблюденій, вопросъ о существованіи пигмеевъ былъ рѣшенъ утвердительно и Стэнли уже не вызвалъ недовѣрія своими разсказами объ африканскихъ лиллипутахъ. Иначе стояло дѣло, когда путешественникъ Галибуртонъ сообщилъ въ 1888 году въ Готѣ, въ англійскомъ Обществѣ поощренія наукъ, о племени пигмеевъ, населяющихъ склоны Атласа въ Южномъ Марокко. Это сообщеніе вызвало очень горячіе споры и Галибуртонъ, не будучи въ состояніи, вслѣдствіе своей болѣзни, самъ продолжать свое изслѣдованіе, собралъ множество показаній, очень важныхъ и достовѣрныхъ, подтверждающихъ его слова. На основаніи личныхъ наблюденій и показаній другихъ, онъ пришелъ къ выводу, что карлики Атласа образуютъ нѣсколько племенъ, носящихъ различныя имена и разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ этой возвышенности. Ростомъ они не превышаютъ четырехъ футовъ; цвѣтъ кожи у нихъ красновато-коричневый, волосы короткіе и курчавые. Они очень дѣятельны и храбры и обладаютъ замѣчательными акробатическими способностями. Они очень искусны въ охотѣ за страусами и продаютъ страусовыя перья и яйца арабскимъ купцамъ въ Сахарѣ. Они не любятъ ручного труда, но тѣмъ не менѣе способны къ работѣ и изъ нихъ выходятъ отличные мѣдники. Они охотятся за страусами на маленькихъ, очень быстрыхъ лошадкахъ, которыя, по ихъ картинному выраженію, «пьютъ вѣтеръ». Въ случаѣ нужды они употребляютъ отравленныя стрѣлы. Они питаются финиками, верблюжьимъ молокомъ и мясомъ и носятъ шерстяныя рубашки, расшитыя сзади и спереди.

Аккасы изучены больше другихъ африканскихъ пигмеевъ; они находятся на болѣе низкой ступени цивили-

заціи, нежели пигмеи Атласскихъ горъ. Профессоръ Фредерикъ, въ своей статьѣ въ «North american Review», говоритъ о нихъ слѣдующимъ образомъ: Аккасы ростомъ не превышаютъ 1 метра 25 сант. Голова у нихъ круглая, носъ широкій, лицо прогностическое; волосы напоминаютъ шерсть. Борода рѣдкая, но все тѣло покрыто длинными волосами и издаетъ особенный, но довольно пріятный запахъ. Они хитры и жестоки, наклонны къ воровству. Вмѣсто одежды имъ служатъ листья; они не татуируютъ своего тѣла и вообще не носятъ никакихъ характерныхъ украшеній. Постоянныхъ жилищъ у нихъ также нѣтъ. Что касается каннибальскихъ наклонностей, то они существуютъ у нихъ лишь въ слабой степени.

Въ настоящее время различаютъ африканскихъ пигмеевъ, которые называются «негрильосами» (negrillos). и азіатскихъ пигмеевъ—«негритосовъ» (negritos). Племена этихъ послѣднихъ встрѣчаются на материкѣ, отъ Малайскаго полуострова до Гималаевъ, и на островахъ Индійскаго океана, и въ Зондскомъ архипелагѣ. Средній ростъ этихъ пигмеевъ не достигаетъ 1 метра 40 сант. Они обыкновенно образуютъ небольшія общины въ 25, много 50 членовъ, подъ предводительствомъ вождя, впрочемъ, не имѣющаго большой власти. Они очень чадолюбивы, отличаются чистотою нравовъ и моногамія у нихъ преобладаетъ. Наиболѣе чистый типъ азіатскихъ пигмеевъ встрѣчается на островѣ Андаманѣ, это—«минкописы» (mincopies), въ высшей степени интересные для изученія, какъ сохранившіе въ неприкосновенности свои древніе религіозные воззрѣнія и обычаи. Минкописы до сихъ поръ живутъ въ самыхъ первобытныхъ шалашахъ и заботятся о постоянномъ поддержаніи огня, хотя и не извлекаютъ изъ него никакой особенной пользы.

Пигмеи встрѣчаются и въ Соединенныхъ Штатахъ, куда они, вѣроятно, завезены были негроторговцами съ восточныхъ береговъ Африки. Джемсъ Уэйръ въ «Popular Science Monthly» говоритъ, что американскіе пигмеи образуютъ въ большомъ числѣ колоніи въ сосѣдствѣ Чарльстоуна и по южнымъ берегамъ Атлантическаго океана и залива. Членъ конгресса Эллисъ, изучившій этихъ маленькихъ негритосовъ, говоритъ, что они объясняются между собою на совершенно непонятномъ языкѣ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, у нихъ сохранились еще слова ихъ первоначальнаго нарѣчія. Скрещиваніе, конечно, сильно измѣнило первоначальный типъ, такъ что большинство нынѣшнихъ представителей этой расы сохранило лишь нѣкоторые ея отличительные признаки: малый ростъ и брахіоцефалическую форму черепа.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, во Флоридѣ и въ Луизіанѣ негритосы впали въ прежнее дикое состояніе. Они живутъ охотой и рыбною ловлей и лишь въ крайности покидаютъ свои убѣжища въ болотахъ и лѣсахъ, когда у нихъ выйдутъ всѣ припасы. Они поклоняются злому духу и стараются его умилостивить разными приношеніями и обрядами, находя, что добрый духъ не нуждается въ такихъ приношеніяхъ и умилостивленіяхъ, такъ какъ, онъ самъ по себѣ добръ и милосердъ. Фетешизмъ сильно распространенъ между негритосами. Они такъ боятся злыхъ духовъ, которые, по ихъ мнѣнію, подстерегаютъ ихъ вездѣ, что ни за что не рѣшаются выходить ночью иначе, какъ цѣлой гурьбой. Точно также смерть внушаетъ имъ суевѣрный ужасъ и они боятся духа умершаго, хотя съ тѣломъ его обращаются всегда съ величайшимъ почтеніемъ и заботливо обворачиваютъ его въ листья и траву. Въ болотахъ центральной Флориды негритосы бережно укладываютъ тѣло въ лодку, укрѣпляютъ его въ ней по-

лосками кожи и затѣмъ отвозятъ лодку какъ можно дальше въ самую непроницаемую чащу. Тамъ они бросаютъ трупъ и послѣ того уже старательно избѣгаютъ приближаться къ этому мѣсту, опасаясь оскорбить духъ умершаго и тѣмъ навлечь на себя его гнѣвъ.

Негритосы, вообще, сохранили еще нѣкоторые обычаи своихъ предковъ. Такъ, напримѣръ, если какой-нибудь негритосъ пожелаетъ взять себѣ въ жены какую-нибудь молодую дѣвушку, то онъ оставляетъ ночью у дверей ея хижины корзину съ плодами. Если на другой день утромъ дѣвушка возьметъ корзину, то это означаетъ, что его предложеніе принято. Подобный обычай до сихъ поръ существуетъ у нѣкоторыхъ африканскихъ пигмеевъ.

Эти маленькіе люди необыкновенно искусные охотники и, повидимому, отрѣшившись отъ цивилизаціи, вернули себѣ необыкновенную остроту зрѣнія, обоянія и слуха, отличавшую ихъ предковъ.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій американскаго Общества поощренія наукъ Галибуртонъ обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторыя изъ развалинъ въ Юкатанѣ и въ центральной Америкѣ указываютъ, повидимому, на работу карликовъ. Такъ, во всѣхъ этихъ областяхъ встрѣчаются очень маленькія зданія, обитатели которыхъ могли быть только карлики, и даже храмы, гдѣ взрослый человѣкъ обыкновеннаго роста не могъ бы помѣститься. Изслѣдователи центральной Америки нашли много такихъ слѣдовъ работы пигмеевъ. Существуютъ ли пигмеи въ Южной Америкѣ—еще не выяснено; по разсказамъ, расы пигмеевъ обитаютъ въ Бразиліи и Уругваѣ и др. мѣстахъ, но эти разсказы не подтверждаются еще пока никакими достовѣрными свидѣтельствами.

Армянская печать. Изъ всѣхъ восточныхъ народовъ армяне, безъ сомнѣнія, обладаютъ наибольшимъ числомъ политическихъ, литературныхъ и коммерческихъ органовъ печати.

Первая армянская газета была основана въ Индіи, въ 1794 г., однимъ почтеннымъ священникомъ, Паскалемъ Шемавоніанъ. Эта газета называлась «Azŧagar» (Вѣстникъ). Но самый важный періодическій органъ появился лишь въ 1846 году; это была оффиціальная газета «Haiasdon», издаваемая армянскимъ гражданскимъ совѣтомъ, руководящимъ всѣми національными дѣлами и засѣдающимъ въ патріархатѣ. Когда эта газета перестала существовать въ 1851 году, то ее замѣнила другая—«Massis» (Араратъ). Это самая старинная газета изъ всѣхъ, существующихъ въ настоящее время въ Арменіи. Съ теченіемъ времени газета эта превратилась изъ политическаго органа въ исключительно литературный и теперь выходитъ, въ видѣ журнала, разъ въ мѣсяцъ. Въ настоящее время это органъ совѣта народнаго просвѣщенія.

Наибольшее число армянскихъ газетъ и журналовъ издается въ Константинополѣ. Тамъ существуетъ въ настоящее время семь вліятельныхъ органовъ армянской печати, литературныхъ и политическихъ. Изъ нихъ наибольшимъ значеніемъ, хотя по преимуществу въ литературномъ отношеніи, пользуется ежедневная газета «Haigepik» (Родина), считающаяся однимъ изъ самыхъ либеральныхъ органовъ печати. Въ другихъ городахъ, Адріанополѣ, Никомидіи и Трапезундѣ, были основаны армянскія газеты, но существованіе ихъ оказалось весьма эфемернымъ.

Въ самомъ сердцѣ Арменіи, въ монастырѣ Варакъ, на берегу озера Ванъ, была учреждена въ 1856 году типографія и основана газета молодымъ, энергичнымъ архимандритомъ Вана, Мегердичемъ Хріміаномъ. Впослѣдствіи Хріміанъ занялъ постъ патріарха въ Константинополѣ, а три года тому назадъ назначенъ католи-

косомъ всѣхъ армянъ. Газета, издаваемая этимъ священникомъ, называлась «Оредъ Васпурагана» и въ ней онъ старался ознакомить читателей съ исторіей Арменіи, печатая разные историческіе документы и сопровождая ихъ соотвѣтствующими комментаріями.

Второе мѣсто послѣ Константинополя, по числу издающихся газетъ, занимаетъ Смирна. Армяне, проживающіе въ Смирнѣ, лучше обставлены въ томъ отношеніи, что они болѣе приходятъ въ соприкосновеніе съ Западомъ, такъ какъ Смирна поддерживаетъ прямыя сношенія съ Франціей, Англіей, Германіей и Италіей, но наиболѣе значительные органы армянской печати, какъ въ политическомъ, такъ въ литературномъ и научномъ отношеніяхъ, издаются въ Россіи, и это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что армянскіе публицисты, проживающіе въ Россіи —большею частью люди, получившіе высшее образованіе и, кромѣ того, посѣщавшіе европейскіе университеты. Въ Тифлисѣ первыя армянскіе газеты появились въ 1846—1850 годахъ. Эти газеты уже прекратили свое существованіе. Въ настоящее время, по порядку давности, во главѣ всѣхъ армянскихъ газетъ, издающихся въ Россіи, надо поставить «Араратъ», выходящій въ Эчміадзинѣ и издаваемый монахами Эчміадзинскаго монастыря. Вслѣдъ за нею идетъ газета «Мшакъ», основаниая въ 1872 году и пользовавшаяся громаднымъ вліяніемъ при жизни своего главнаго редактора Арцруни.

Самый распространенный армянскій политическій журналъ, издающійся въ Россіи, это—«Nor-dar» (Новый вѣкъ), основанный въ 1884 году однимъ изъ выдающихся армянскихъ писателей Спантаръ Спантаріаномъ. Журналъ этотъ выходитъ пять или шесть разъ въ недѣлю, имѣетъ корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и въ главныхъ городахъ Россіи. У насъ въ Петербургѣ также издается съ 1877 г., роскошный армянскій журналъ «Агапс», выходящій, впрочемъ, только два раза въ годъ. Этотъ журналъ получилъ на Чикагской выставкѣ почетную премію за свое изданіе.

Въ Персіи, не смотря на то, что тамъ много армянъ, издается всего только одна армянская газета. Въ Индіи же и на островахъ азіатскаго архипелага, гдѣ также много армянъ, возникло, подъ вліяніемъ англійской и голландской цивилизаціи, армянское литературное движеніе, которое принесло уже плоды. Въ Калькуттѣ уже существуютъ три политическихъ органа армянской печати, въ Мадрасѣ и Сингапурѣ также.

Что касается Европы, то армянскіе органы печати встрѣчаются въ настоящее время почти въ каждомъ государствѣ. Въ Австріи, Италіи, Франціи, гдѣ армянская національная печать достигла нѣкоторой степени развитія, и въ Швейцаріи—вездѣ мы находимъ армянскія газеты.

Этотъ краткій перечень болѣе или менѣе выдающихся органовъ армянской печати не можетъ, конечно, дать полнаго понятія о размѣрахъ интеллектуальнаго прогресса, достигнутаго армянскою націей при очень неблагопріятныхъ условіяхъ и въ сравнительно короткій промежутокъ времени.

Черты изъ жизни «новыхъ женщинъ» (New women) въ Англіи. Англійская современная литература изобилуетъ воспоминаніями, автобіографіями и біографіями. Въ англійскихъ библіографическихъ журналахъ постоянно встрѣчаются извѣщенія о выходѣ въ свѣтъ новыхъ мемуаровъ, автобіографій или біографій болѣе или менѣе извѣстныхъ британскихъ дѣятелей и дѣятельницъ, но большинство этихъ изданій имѣютъ по преимуществу мѣстный, спеціально англійскій интересъ и только нѣкоторыя, рисуя эпоху или всемірноизвѣстныхъ дѣятелей, могутъ заинтересовать и болѣе

обширный кругъ читателей. Что же касается женскихъ автобіографій или біографій, то онѣ особенно любопытны въ томъ отношеніи, что обрисовываютъ разнообразные типы «New women» — «новой женщины», какъ говорятъ англичане. Къ числу такихъ, безъ сомнѣнія, надо причислить миссъ Коббэ, имя которой достаточно извѣстно въ англійской журналистикѣ, Анну Кингсфордъ, біографія которой появилась недавно, путешественницу миссъ Кингсли и мн. др.

Миссъ Коббэ, издавшая недавно свою автобіографію, должна быть поставлена во главѣ англійскихъ «новыхъ женщинъ» и англичане даже называютъ ее прародительницей англійской современной женщины. Дѣйствительно, она можетъ быть названа до нѣкоторой степени иниціаторомъ женскаго движенія въ Англіи и въ теченіе многихъ лѣтъ въ журналистикѣ она проповѣдывала уравненіе правъ женщины, допущеніе ея къ высшему образованію и т. д. Но, самое главное, она дѣйствовала своимъ примѣромъ на другихъ женщинъ, увлекая ихъ на путь общественной дѣятельности и возбуждая въ нихъ самосознаніе. Миссъ Коббэ родилась въ 1822 г. Отецъ ея, ирландскій ландлордъ, позаботился о томъ чтобъ дать своей дочери соотвѣтствующее ея положенію въ свѣтѣ образованіе, т. е. онъ отдалъ ее, въ пансіонъ, гдѣ, по словамъ миссъ Коббэ, все преподаваніе шло на выворотъ и больше всего обращали вниманія на музыку, танцы и хорошія манеры, тогда какъ науки занимали самое послѣднее мѣсто. Кончивъ курсъ въ этомъ первоклассномъ пансіонѣ, миссъ Коббэ вернулась домой, гордая своими познаніями, такъ какъ она выучилась, кромѣ музыки и танцевъ, бойко болтать по французски и немного рисовать. Это было все, что требовалось отъ современной дѣвицы, имѣющей счастье принадлежать къ фешенебельному кругу. Около двухъ лѣтъ миссъ Коббэ вела безпечную жизнь въ родительскомъ домѣ, но, пристрастившись къ чтенію, она мало-помалу стала сознавать огромные пробѣлы въ своихъ познаніяхъ. Она сама принялась пополнять ихъ безъ всякой помощи, такъ какъ, по воззрѣніямъ окружающаго ее общества, женщинѣ не надо было много учиться и поэтому миссъ Коббэ не могла разсчитывать встрѣтить сочувствіе въ ком-нибудь изъ близкихъ. Разумѣется, занятія ея имѣли очень безпорядочный характеръ, но они развивали пытливость ея ума. Она пристрастилась, главнымъ образомъ, къ философіи и вскорѣ Кантъ сдѣлался ея любимымъ авторомъ и оказалъ огромное вліяніе на ея міровоззрѣніе. Конечно превращеніе миссъ Коббэ изъ поверхностной дѣвицы съ весьма ограниченнымъ кругозоромъ, въ серьезную женщину-философа, не могло не повліять на ея отношенія съ отцомъ и неминуемо привело къ разрыву. Миссъ Коббэ оставила отцовскій домъ вскорѣ послѣ смерти матери, вслѣдствіе серьезныхъ разногласій съ отцомъ на почвѣ религіозныхъ воззрѣній. Черезъ десять мѣсяцевъ, впрочемъ, она снова вернулась къ отцу, по его приглашенію, но жизнь ея была очень тяжела, потому что всѣ домашніе какъ-то стали ея чуждаться и относились къ ней съ какою-то скрытою враждебностью. Такъ она прожила до 35 лѣтъ, не рѣшаясь свергнуть съ себя иго родительской власти. Когда отецъ ея умеръ, оставивъ ей небольшой доходъ, то она первымъ дѣломъ воспользовалась своею свободою для путешествія по Европѣ и Святой Землѣ, а затѣмъ, вернувшись въ Англію, окончательно вступила на поприще общественной дѣятельности и журналистики. Она выступила горячей защитницей всѣхъ угнетенныхъ и страдающихъ и много содѣйствовала облегченію ихъ участи, такъ какъ, благодаря ей, были произведены благодѣтельныя перемѣны въ рабочихъ домахъ и въ больницахъ. Миссъ Коббэ во

*

всѣхъ своихъ статьяхъ всегда стремилась разбудить въ своихъ читателяхъ чувство общественной солидарности и, безъ сомнѣнія, англійское общество обязано ей многими благотворными реформами. Испытавъ на себѣ, какъ трудно женщинѣ культивировать свой умъ и бороться съ предразсудками общества, Миссъ Коббэ сдѣлалась рьяной проповѣдницей расширенія женскаго образованія. «Быть слабымъ, значитъ быть несчастнымъ,—говорила она;—женщины же слабы не только въ физическомъ отношеніи, но и въ умственномъ, поэтому тѣ изъ женщинъ, которымъ удалось развить свои силы, должны поддерживать своихъ слабыхъ сестеръ».

Въ качествѣ публицистки, пользовавшейся большою и заслуженною извѣстностью, (Карпенгеръ, напримѣръ, въ своей «Физіологіи ума» часто дѣлаетъ ссылки на ея философскія и публицистическія статьи), миссъ Коббэ была знакома чуть ли не со всѣми выдающимися людьми своего времени и со многими состояла въ перепискѣ, напримѣръ, съ Тиндалемъ, Дарвиномъ, Мэномъ. Ляйелль и Джонъ Стюартъ Милль также были въ числѣ ея друзей. Она была знакома также съ Карлейлемъ, но онъ ей не нравился. Однако, примкнувъ къ антививисекціонистскому движенію, миссъ Коббэ растеряла всѣхъ этихъ друзей. Но это обстоятельство, конечно, не могло удержать такого человѣка, какъ миссъ Коббэ, которая никогда, и ни ради чего не поступалась своими убѣжденіями. Она увлеклась антививисекціонистскимъ движеніемъ и, какъ раньше выступала страстною защитницею слабыхъ и угнетаемыхъ представителей рода человѣческаго, такъ потомъ, проникнувшись состраданіемъ къ животнымъ, она горячо возстала противъ вивисекціи, начавъ противъ нея настоящій крестовый походъ.

Такою же яростною противницею вивисекціи была и Анна Кингсфордъ, біографія которой вышла недавно. Анна Кингсфордъ принадлежала, безъ сомнѣнія, къ типу «новыхъ женщинъ» Англіи и стяжала себѣ извѣстность не только своимъ походомъ противъ вивисекціи, но и своими конференціями въ защиту правъ женщины и своею журнальною дѣятельностью. По профессіи, Анна Кингсфордъ была врачомъ, и это придаетъ ея походу противъ вивисекціи особенный отпечатокъ. Отецъ ея былъ очень богатый лондонскій негаціантъ, такъ что въ дѣтствѣ она была окружена всевозможною роскошью. Она рано вышла замужъ за деревенскаго пастора, но, повидимому, не была особенно счастлива въ своей семейной жизни. Ее томила жажда дѣятельности, но въ той обстановкѣ, въ которой ей приходилось жить, ей некуда было приложить свои силы. Кругъ ея обязанностей, какъ жены пастора, былъ строго ограниченъ и она задыхалась въ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя была заключена. Дѣтей у нея не было и поэтому она страшно скучала и начала хворать. Тогда мужъ ея, очень хорошій и добрый человѣкъ, о которомъ Анна Кингсфордъ всегда отзывалась съ большимъ уваженіемъ, не сталъ ее насильно удерживать въ деревнѣ и отпустилъ въ Лондонъ, гдѣ она не замедлила выступить на общественномъ поприщѣ въ качествѣ проповѣдницы женскаго равноправія. Она основала женскій журналъ «Ladies own paper» но непрактичность ея въ дѣлахъ была причиною финансоваго неуспѣха всѣхъ ея предпріятій, такъ что и журналъ этотъ просуществовалъ не долго. Тогда Анна Кингсфордъ рѣшила бросить на время журналистику и отправиться въ Парижъ изучать медицину. Хотя въ Парижѣ женщинамъ открытъ свободный доступъ къ высшему образованію, но, тѣмъ не менѣе, въ то время, какъ студенты, такъ и многіе изъ профессоровъ медицинскаго факультета очень недружелюбно относились къ женщинамъ, вторгающимся въ область,

исключительно принадлежащую мужчинѣ. Аннѣ Кингсфордъ пришлось вынести много непріятностей и притѣсненій, но она все-таки достигла цѣли. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы своей жизни она увлеклась оккультизмомъ до такой степени, что друзья ея имѣли право опасаться за ея умственныя способности. Сбившись съ того пути, на который она вступила сначала, сдѣлавшись ярой антививисекціонисткой подъ вліяніемъ ложно понятаго чувства состраданія, и врагомъ всѣхъ современныхъ ученыхъ, отъ Клодъ Бернара, Поля Бера и до Пастера включительно, Анна Кингсфордъ сошла со сцены еще задолго до своей смерти, но, тѣмъ не менѣе, она все-таки много сдѣлала въ пользу женскаго движенія въ Англіи и также можетъ быть поставлена въ ряду организаторшъ этого движенія.

Анна Кингсфордъ, какъ и миссъ Коббэ, чрезвычайно высоко ставила журналистику. Миссъ Коббэ, проработавшая много лѣтъ въ журналистикѣ, заявляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что профессію журналиста она считаетъ одною изъ такихъ профессій, которыя могутъ доставить человѣку наибольшее нравственное удовлетвореніе, конечно, при томъ условіи, если изъ подъ его пера никогда не выйдетъ ни одного слова, идущаго въ разрѣзъ съ его внутренними убѣжденіями. Миссъ Коббэ горячо вѣритъ въ широкое будущее и въ значеніе журналистики.

Путешественница миссъ Кингсли представляетъ уже совершенно иной типъ англійской «новой женщины». Своимъ примѣромъ она доказываетъ еще разъ, что женщина, какъ путешественница и изслѣдовательница мало извѣстныхъ областей, не уступаетъ мужчинѣ. Ея приключенія въ Африкѣ произвели недавно большую сенсацію въ Британскомъ географическомъ обществѣ и обратили на нее всеобщее вниманіе. Миссъ Кингсли однако не принадлежитъ къ числу дилеттантокъ туристокъ, ищущихъ приключеній; она путешествуетъ съ научною цѣлью и собрала очень цѣнный матеріалъ, касающійся фольклора негритянскихъ племенъ въ Конго, соціальныхъ обычаевъ, религіи и т. п. Отъ своего отца и дяди миссъ Кингсли наслѣдовала любовь къ естественнымъ наукамъ и въ этомъ отношеніи ея путешествія были также очень плодотворны.

Однако, домашнее воспитаніе, полученное миссъ Кингсли, далеко было не изъ такихъ, которыя подготовляютъ женщинъ къ самостоятельной дѣятельности, особенно такой, какую избрала миссъ Кингсли. «Отецъ мой питалъ самое искреннее отвращеніе къ ученымъ женщинамъ,—разсказываетъ миссъ Кингсли,—и поэтому не позволялъ мнѣ много учиться, но требовалъ, чтобъ я умѣла все дѣлать сама для себя въ домашнемъ быту. Когда я была дѣвочкой, мнѣ ужасно хотѣлось учиться нѣмецкому языку, подобно нѣкоторымъ моимъ подругамъ, но отецъ согласился на это лишь тогда, когда я ему представила доказательство, что я умѣю хорошо гладить и крахмалить свои передники. По французски меня не учили совсѣмъ и мнѣ пришлось не разъ сожалѣть объ этомъ во время своихъ путешествій. Но за то, что касается чтенія, то въ этомъ отношеніи я была обставлена счастливѣе многихъ женщинъ. Мнѣ приходилось много читать, хотя, правда, я читала не для себя, а для другихъ, такъ какъ отецъ заставлялъ меня дѣлать выписки для него и для моего брата. Это обстоятельство много способствовало моему образованію и развитію моей любознательности».

Миссъ Кингсли отправилась путешествовать тотчасъ послѣ смерти своихъ родителей. Она посѣтила прежде всего Канарскіе острова и разсказы, которые она тамъ слышала про ужасы и опасности африканскаго путешествія, возбудили ея любопытство. Она поѣхала въ Африку и убѣдилась, на

собственномъ опытѣ, какъ она сама говоритъ, что женщина также можетъ пройти всюду, гдѣ проходитъ мужчина, и въ физическомъ отношеніи также вынослива, какъ мужчина. Объ африканскихъ дикаряхъ, даже о каннибалахъ, миссъ Кингсли отзывается очень тепло и говоритъ, что въ общемъ они вовсе не такъ дурны и не такъ свирѣпы, какъ ихъ изображаютъ.

Возвращеніе полярной экспедиціи Нансена. Вѣсть о возвращеніи полярной экспедиціи Нансена взволновала весь цивилизованный міръ. Три года тому назадъ, въ іюнѣ 1893 г., Нансенъ отправился въ плаваніе съ 12-ю человѣками экипажа, на суднѣ «Fram», (по норвежски «Впередъ»). Экспедиція Нансена была обставлена самымъ тщательнымъ образомъ и, казалось, всѣ случайности были приняты во вниманіе. Судно было построено по плану Нансена особеннымъ образомъ, такъ чтобы оно могло безнаказанно выдержать напоръ льда и, какъ оказалось впослѣдствіи, разсчеты Нансена были вѣрны и «Fram» выдержалъ сильный напоръ, недалеко отъ того самаго мѣста, гдѣ была раздавлена льдомъ «Жанета». Нансенъ придалъ своему судну особую форму: бока его были сдѣланы очень покатыми, такъ что ледъ, напирая на судно, соскальзывалъ съ него и подымалъ его, и судно такимъ образомъ спокойно сидѣло на льдинахъ и плыло вмѣстѣ съ ними, не рискуя быть ими раздавленнымъ.

Путь къ сѣверному полюсу, избранный Нансеномъ, также представлялъ нѣкоторыя особенности. Въ 1888 г., во время своего путешествія на лыжахъ по Гренландіи, Нансенъ нашелъ на льду кусочки ила и, осмотрѣвъ его, увидѣлъ въ немъ водоросли, очевидно занесенныя туда съ Чукотской земли. Это наблюденіе навело его на мысль, что въ Сѣверномъ океанѣ существуетъ теченіе, которое идетъ черезъ центральную часть полярной области, а, быть можетъ, проходитъ и черезъ самый полюсъ, отъ береговъ Чукотской земли къ Гренландіи. Нахожденіе въ Гренландіи обломковъ англійскаго корабля «Жанеты», погибшаго въ 1881 году, не только подтвердило его предположеніе, но даже дало возможность Нансену опредѣлить приблизительно быстроту этого теченія. Тогда-то у Нансена и зародился новый планъ экспедиціи къ сѣверному полюсу. Онъ полагалъ воспользоваться этимъ теченіемъ, которое и должно было доставить его черезъ сѣверный полюсъ къ берегамъ Гренландіи. На все путешествіе, по мнѣнію Нансена, требовалось бы не менѣе трехъ лѣтъ, но какъ человѣкъ предусмотрительный и принимающій во вниманіе всѣ случайности, онъ взялъ съ собою запасовъ болѣе чѣмъ на пять лѣтъ. И вотъ «Fram», смѣло двинулся впередъ, вдоль береговъ Сибири, сопровождаемый самыми горячими пожеланіями успѣха экспедиціи.

Спутники Нансена, капитанъ судна Свердрупъ и др.—все были испытанные, закаленные полярные путешественники, подобно Нансену пріучившіе себя ко всякимъ невзгодамъ и жесточайшимъ холодамъ. Нансенъ, уѣзжая, объявилъ, что раньше трехъ лѣтъ нечего ждать отъ него извѣстій, но если пройдетъ пять лѣтъ, и экспедиція не дастъ о себѣ никакой вѣсти, то его слѣдуетъ считать погибшей. Дома Нансенъ оставилъ жену и маленькую дочку и опять-таки, принимая во вниманіе всѣ случайности, онъ развелся съ женой для формы. Этотъ поступокъ,кажущійся нѣсколько страннымъ съ перваго взгляда, особенно характеризуетъ Нансена. Нансенъ не обладаетъ обезпеченными средствами и жена его, въ его отсутствіе, должна была содержать себя уроками музыки и пѣнія. Она молода и Нансенъ думалъ, что она все-таки можетъ выйти замужъ современемъ, если ему не суж-

дено будетъ вернуться изъ своей экспедиціи. Въ такомъ случаѣ, отсутствіе офиціальнаго доказательства его смерти могло бы причинить ей хлопоты и затрудненія. И вотъ, принимая во вниманіе даже такой случай, Нансенъ убѣдилъ свою жену, чтобы она согласилась развестись съ нимъ для формы, ради его собственнаго душеннаго спокойствія. Говорятъ, что теперь, по своемъ благополучномъ возвращеніи, Нансенъ долженъ будетъ вторично обвѣнчаться со своею женой.

Почти три года о Нансенѣ не было никакихъ извѣстій, но вотъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года появилась въ иностранныхъ газетахъ телеграмма, взволновавшая весь цивилизованный міръ. Въ ней сообщалось, что Нансенъ достигъ сѣвернаго полюса и возвращается обратно. Извѣстіе шло изъ русскаго источника. Редакція «Восточнаго Обозрѣнія» получила отъ купца Кушнарева, ведущаго торговлю на далекомъ сѣверѣ, извѣстіе, что Нансенъ возвращается. По провѣркѣ, однако, извѣстіе оказалось ложнымъ, но послѣдовавшее разочарованіе возбудило нѣкоторую тревогу относительно судьбы Нансена, который до сихъ поръ не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей. Трехлѣтній срокъ, назначенный Нансеномъ, подходилъ къ концу и судьба экпедиціи начинала не на шутку тревожить; даже въ географическихъ обществахъ не разъ возбуждался вопросъ о своевременности отправки новой экспедиціи для отысканія Нансена и его спутниковъ.

Дѣйствительно, какъ теперь оказывается, тревога эта была не лишена основаній. Нансенъ и его спутникъ Іогансенъ избѣгли неминуемой гибели лишь благодаря изумительной случайности, но «Fram» оправдалъ всѣ возлагаемыя на него ожиданія. Судно оказалось превосходнымъ ледорѣзомъ и, усѣвшись на льду, понеслось вмѣстѣ съ нимъ по теченію въ сѣверо-западномъ направленіи. Разсчеты Нансена оправдались вполнѣ: не только форма судна оказалась вполнѣ пригодною для полярнаго плаванія, но и его предположеніе о существованіи теченія къ берегамъ Гренландіи почти подтвердилось. Въ благополучномъ возвращеніи «Fram» лежитъ залогъ успѣха всѣхъ будущихъ полярныхъ экспедицій и скорое разрѣшеніе великой проблемы сѣвернаго полюса, стоившей столькихъ человѣческихъ жизней, почти не подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ, экспедицію можно назвать необыкновенно успѣшной, такъ какъ, помимо массы научныхъ наблюденій и открытій, произведенныхъ ею, она разрѣшаетъ главные вопросы, касающіеся полярныхъ экспедицій, и дѣлаетъ достиженіе полюса вполнѣ вѣроятнымъ.

Двѣ зимы и одно лѣто прошли благополучно для «Fram» и его спутниковъ. Нансенъ считалъ успѣхъ экспедиціи уже почти обезпеченнымъ, но вскорѣ онъ убѣдился, что полярное теченіе, которое онъ хотѣлъ утилизировать, отклоняется отъ прямого пути и проходитъ пятью-шестью градусами южнѣе. Тогда Нансенъ принялъ героическое рѣшеніе: пѣшкомъ дойти до полюса. Онъ и лейтенантъ Іогансенъ, отправившійся вмѣстѣ съ нимъ, покинули «Fram» 14 марта 1895 года подъ 83°59′ сѣв. широты и, взявъ съ собою 28 собакъ, трое саней и 2 парусныхъ лодки, двинулись къ сѣверу. Съ этой минуты, до возвращенія «Fram» на родину 9-го августа этого года, Нансенъ уже болѣе не встрѣчался со своими товарищами.

Черезъ мѣсяцъ послѣ своей разлуки съ товарищами, Нансенъ достигъ наивысшей широты, еще не достигнутой ни однимъ изъ полярныхъ путешественниковъ—86°14′ и, слѣдовательно, находился на разстояніи 420 километровъ отъ полюса. Но достигнуть полюса ему не удалось, потому что у него не хватило собакъ и не хватило провіанта. Странствованіе по льду было сопряжено съ величайшими

затрудненіями и Нансенъ со своимъ спутникомъ очень медленно подвигались впередъ, потому что ледъ относило теченіемъ къ югу. Нансенъ подробно описываетъ въ своемъ письмѣ лондонскому географическому обществу свое блужданіе по ледяной пустынѣ (письмо это напечатано также въ норвежской газетѣ «Verdens Gang»). Ледъ былъ въ движеніи и напиралъ со всѣхъ сторонъ. Приходилось прорубать себѣ дорогу и втаскивать санки на ледяныя горы, что требовало огромнаго напряженія силъ. Ледъ становился все хуже и наконецъ Нансенъ пришелъ къ убѣжденію, что далѣе идти въ этомъ направленіи невозможно. Достигнутая широта была 86° 14′. Стужа была страшная; въ мартѣ температура падала до 45° и въ теченіе трехъ недѣль держалась на 40°. Не было никакого признака земли и казалось, что ледъ гонится вѣтромъ, который не встрѣчаетъ сопротивленія отъ земли на разстояніи множества миль.

Нансенъ и Іогансенъ направили свой путь къ землѣ Франца-Іосифа, но 12 апрѣля у нихъ остановились часы и тогда они очутились въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ не могли опредѣлить съ точностью, гдѣ находятся. Карта Папера, имѣвшаяся у Нансена, оказалось не совсѣмъ вѣрной. Провіантъ сталъ уменьшаться и положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ. У Нансена остались только двѣ собаки. Достигнувъ послѣ такого труднаго скитанія какой-то земли въ концѣ августа, Нансенъ и его спутникъ рѣшили остановиться и приготовиться къ зимѣ. Они охотились на медвѣдей для корма, убивали моржей, чтобы добывать жиръ для топлива и выстроили себѣ лачужку изъ камней, земли и моха. Крышу покрыли шкурами моржей, сало которыхъ употребляли для варки пищи, свѣчъ и отопленія. Медвѣжье мясо и сало были ихъ единственною пищею, а медвѣжьи шкуры—постелью. Не смотря на такія лишенія, здоровье путешественниковъ все время было хорошее. Зимовье ихъ находилочь по 81° с. ш. Какъ только наступило лѣто, Нансенъ и Іогансенъ опять отправились въ путь, надѣясь добраться до Шпицбергена. Въ это время имъ пришлось терпѣть еще большія лишенія, такъ какъ приходилось питаться гнилымъ медвѣжьимъ мясомъ и саломъ. Блуждая такимъ образомъ, они случайно, въ окрестностяхъ Капъ-Флора, наткнулись на зимовье Джексона, отправившагося на землю Франца-Іосифа черезъ годъ послѣ того, какъ «Fram» ушелъ въ полярное море. Ни Нансенъ, ни Джексонъ не подозрѣвали о томъ, что они были, такъ сказать, сосѣдями на землѣ Франца-Іосифа зимою этого года, только Нансенъ находился на сѣверномъ, а Джексонъ на ея южномъ берегу. Неожиданная встрѣча произошла 17 іюня. Это была въ высшей степени счастливая случайность для Нансена и его спутника, такъ какъ если бы они не встрѣтили тутъ людей, то долго бы еще блуждали по ледянымъ полямъ, не будучи въ состояніи точно опредѣлить пути и, пожалуй, погибли бы отъ голода и холода. Нансенъ ничего не зналъ объ экспедиціи Джексона и поэтому можно себѣ представить его изумленіе и радость, когда онъ наткнулся на людей послѣ долгихъ скитаній по ледяной пустынѣ. Встрѣча произошла слѣдующимъ образомъ: Нансенъ и Іогансонъ находились въ своихъ каюкахъ, связанныхъ вмѣстѣ; Іогансенъ спалъ, а Нансенъ, такъ какъ это была его очередь, исполнялъ должность повара и приготовлялъ завтракъ. Вдругъ до его слуха донесся отдаленный лай собаки. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, Нансенъ разбудилъ своего спутника и они оба стали прислушиваться. Когда они убѣдились въ томъ, что дѣйствительно слышали лай собаки, то рѣшено было, что Нансенъ, взявъ съ собою нѣкоторый запасъ пищи, отпра-

вится на берегъ и постарается изслѣдовать мѣстность. Не успѣлъ онъ скрыться изъ виду, какъ снова послышался лай собаки. На этотъ разъ уже не могло быть сомнѣній, что гдѣ-то по близости находятся люди. Іогансенъ, однако, не рѣшался оставить каюки и идти самъ отыскивать этихъ людей и поэтому съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія своего товарища. Прошло болѣе трехъ часовъ и Іогансенъ, не замѣчая никакихъ признаковъ жизни въ ледяной пустыни, уже началъ волноваться. Вдругъ ему показалось, что вдали виднѣется какой-то силуэтъ. Іогансенъ взялъ подзорную трубу и дѣйствительно различилъ фигуру человѣка. Ноэто не былъ Нансенъ. Тогда онъ взялъ норвежскій флагъ и, прикрѣпивъ его на шестъ, поднялъ въ видѣ сигнала. Къ его величайшей радости, человѣкъ замѣтилъ сигналъ и направилъ свои шаги въ его сторону. Прошло еще нѣсколько долгихъ минутъ ожиданія и Іогансенъ наконецъ увидѣлъ передъ собою незнакомаго человѣка, который оказался мастеромъ Чайльдомъ изъ экспедиціи Джексона. Встрѣча была самая сердечная, но, къ сожалѣнію, разговоръ между ними не могъ быть очень оживленнымъ, потому что Іогансенъ съ трудомъ говорилъ по англійски, а Чайльдъ совсѣмъ не говорилъ по норвежски. Вскорѣ, однако, явились и спутники Чайльда и тогда завязалась живая бесѣда, такъ какъ они говорили по нѣмецки, а этотъ языкъ былъ хорошо знакомъ Іогансену.

Послѣ обмѣна привѣтствій, Іогансенъ вмѣстѣ съ англичанами отправился въ путь, къ стоянкѣ Джексона. Англичане взяли всѣ его и Нансена вещи и не позволили ему ничего нести. Когда, наконецъ, они пришли къ стоянкѣ, то увидѣли, что Джексонъ снимаетъ фотографію съ Нансена. Всѣ были внѣ себя отъ радости, что счастливый случай свелъ вмѣстѣ объ экспедиціи и избавилъ Нансена отъ дальнѣйшихъ опасностей, которыя угрожали ему въ ледяной пустынѣ. Видъ у Нансена и его спутника былъ ужасный, благодаря тому, что они страшно обросли волосами и одежда ихъ до такой степени пропиталась грязью и кровью, въ то время, какъ имъ приходилось возиться съ убитыми медвѣдями и моржами, что сдѣлалась тверда, какъ камень, и снятая съ нихъ стояла стойма. Смѣнить эту одежду на другую было, конечно, величайшимъ удовольствіемъ для Нансена и Іогансена, которые и не замедлили воспользоваться любезнымъ предложеніемъ англичанъ взять изъ ихъ запасовъ новую одежду. Нансенъ прожилъ полтора мѣсяца въ зимовкѣ Джексона и когда пришелъ корабль «Windward», который долженъ былъ привезти Джексону новый запасъ припасовъ, то Нансенъ отправился на немъ въ обратный путь въ Европу и меньше, чѣмъ черезъ недѣлю благополучно прибылъ въ Варде, въ Норвегію.

Въ виду огромнаго интереса и важности результатовъ, достигнутыхъ экспедиціей Нансена, не мѣшаетъ вспомнить, что въ нынѣшнемъ году исполнилось 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ была сдѣлана первая попытка найти сѣверо-западный проходъ, которая и привела къ открытію Нью-Фаундленда. Стремленіе найти кратчайшую дорогу къ богатствамъ Индіи, Китая и Японіи, заставило людей искать пути въ полярныхъ льдахъ, но непреодолимыя препятствія, на которыя они натолкнулись, конечно, заставили ихъ скоро отказаться отъ этой мечты. Однако, сами по себѣ полярныя страны не лишены были все-таки нѣкоторой привлекательности для людей, такъ какъ обиліе рыбы, моржей и пушныхъ звѣрей, представляло также источникъ богатства, заставлявшій многихъ пренебрегать полярною стужей и устремляться въ царство вѣчнаго холода ради матеріальныхъ выгодъ, которыя можно было извлечь изъ такого путешествія.

Но мало-по-малу матеріальные интересы отступили на задній планъ и выдвинулись научные интересы, стремленіе проникнуть тайну сѣвернаго полюса. Уже не съ цѣлями наживы, а исключительно съ научными цѣлями стали снаряжаться экспедиціи и подвиги смѣлыхъ полярныхъ изслѣдователей составляютъ одну изъ самыхъ славныхъ страницъ исторіи человѣчества. Девятнадцатый вѣкъ сдѣлалъ очень много въ этомъ направленіи и теперь, спустя 400 лѣтъ послѣ первой попытки человѣка проникнуть въ полярныя страны, мы можемъ высказать вполнѣ основательную надежду, что къ началу будущаго вѣка сѣверный полюсъ уже не будетъ имѣть тайнъ отъ человѣка.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».

Смерть Эдмона Гонкура, стоявшаго во главѣ цѣлой школы французскихъ романистовъ натуралистическаго направленія, составляетъ, безъ сомнѣнія, большую потерю для французской литературы. Эдмонъ Гонкуръ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Жюлемъ, представляли идеальный примѣръ литературнаго сотрудничества. Съ дѣтства они были неразлучны и во всемъ проявляли одинаковые вкусы и наклонности. Они хотѣли сначала посвятить себя искусству и такъ какъ обладали достаточными матеріальными средствами, то и превратили свой домъ въ настоящій музей рѣдкостей и художественныхъ произведеній. Въ литературѣ они выступили первоначально въ качествѣ бытовыхъ писателей и художниковъ, представившихъ въ своихъ произведеніяхъ живую картину жизни XVIII вѣка. Затѣмъ уже они перешли къ роману, который по опредѣленію Эдмона Гонкура представляетъ «исторію, какъ она могла бы быть». Исходя изъ этого принципа, Гонкуры старались изобразить жизнь, какъ она есть, со всѣми ея неприглядными сторонами, и представить истину во всей ея наготѣ и безпощадности. Поэтому, Гонкуры въ своихъ романахъ не изображали никогда какихъ-нибудь исключительныхъ людей, а всегда заурядныя натуры и вдавались въ самый мельчайшій анализъ всѣхъ подробностей человѣческаго существованія.

По смерти младшаго брата Жюля, умершаго отъ нервнаго истощенія 40 лѣтъ, въ 1870 году, старшій братъ Эдмонъ продолжалъ литературныя занятія. Въ это время онъ написалъ романъ «Братья Земганно», въ которомъ подъ видомъ двухъ братьевъ-клоуновъ, изобразилъ себя и брата и свое литературное сотрудничество. Но съ 1888 года онъ началъ печатать очень любопытные литературные мемуары «Journal des Goncours», появленіе которыхъ вызвало цѣлую бурю и породило ожесточенную полемику, такъ какъ Эдмонъ Гонкуръ, не стѣсняясь, предалъ гласности въ своемъ журналѣ содержаніе разныхъ дружескихъ интимныхъ бесѣдъ. На Эдмона Гонкура обрушилась цѣлая гроза негодованія и многіе изъ его бывшихъ литературныхъ пріятелей отвернулись отъ него. Нападки на него, безпрестанно появлявшіяся на страницахъ повседневной печати, страшно раздражали его. Гонкуръ былъ до болѣзненности тщеславенъ и самолюбивъ и самолюбіе его страдало отъ постоянныхъ уколовъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, что онъ сходитъ уже со сцены и блескъ его имени меркнетъ.

Гонкуръ былъ одинокъ; семьи у него не было и, вѣроятно, старость его

не была бы ничѣмъ согрѣта, еслибъ въ лицѣ, Альфонса Додэ, онъ не сохранилъ преданнаго друга. Семья Додэ замѣняла ему его собственную семью, въ его домѣ онъ могъ ощущать тепло семейнаго очага и поэтому онъ часто пріѣзжалъ къ нему гостить. Въ этомъ году, въ іюлѣ, онъ по обыкновенію пріѣхалъ къ Додэ, но вскорѣ простудился и умеръ, окруженный заботами и попеченіями всѣхъ членовъ семьи Додэ и искренно оплаканный ими.

Гонкуръ оставилъ завѣщаніе, которому суждено служить также источникомъ весьма горячихъ пререканій и споровъ. Свое состояніе, размѣры котораго онъ, однако, сильно преувеличилъ, оцѣнивъ слишкомъ высоко свои знаменитыя художественныя коллекціи, Гонкуръ завѣщалъ на устройство такъ называемой «академіи Гонкуровъ». Членами этой академіи могутъ быть только литераторы и притомъ такіе, которые исключительно занимаются литературой и не занимаютъ никакихъ административныхъ должностей, а также никогда не добивались попасть въ число «безсмертныхъ» (членовъ оффиціальной академіи). Послѣднее условіе Гонкуръ считалъ особенно важнымъ и поэтому постоянно передѣлывалъ составленный имъ списокъ членовъ и вычеркнулъ изъ него имена Лоти и Золя.

До какой степени Гонкуръ ревниво относился къ этому вопросу, указываетъ слѣдующій разсказъ Альфонса Додэ, котораго Гонкуръ назначилъ своимъ душеприказчикомъ. Додэ, въ своихъ воспоминаніяхъ о послѣднихъ дняхъ жизни Гонкура, напечатанныхъ въ «Revue de Paris», говоритъ, что Гонкуръ ужасно встревожился, прочтя въ газетахъ пущенный слухъ, будто Додэ выставляетъ свою кандидатуру въ академію. Онъ не рѣшался прямо спросить объ этомъ Додэ. Но Додэ замѣтилъ, что онъ чѣмъ-то разстроенъ и что онъ прочелъ въ газетахъ что-то такое, что его взволновало. Когда они пошли гулять, то Гонкуръ какъ бы вскользь спросилъ Додэ, въ какомъ мѣсяцѣ будутъ происходить выборы въ академію. Додэ отвѣтилъ. Затѣмъ, помолчавъ немного, Гонкуръ спросилъ: «Ну, а вы... выставляете себя?» — «Еслибъ я это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Додэ, то вамъ это было бы раньше извѣстно». Гонкуръ былъ въ восторгѣ и сознался Додэ, что онъ очень былъ огорченъ, узнавъ, что Додэ выставляетъ себя кандидатомъ на кресло, оставшееся вакантнымъ послѣ смерти Дюма. Додэ справедливо возразилъ ему на это, что такъ какъ онъ назначилъ его своимъ душеприказчикомъ и поручаетъ ему, послѣ своей смерти, привести въ исполненіе его идею учрежденія академіи, то, разумѣется, онъ, Додэ, счелъ бы себя обязаннымъ предупредить Гонкура заранѣе о своемъ отпаденіи или измѣнѣ, какъ ее назвалъ бы Гонкуръ.

Завѣщаніе Гонкура было давно извѣстно Додэ, который даже дѣлалъ Гонкуру нѣкоторыя возраженія по этому поводу. Особенно названіе «Академія» Додэ считалъ большою ошибкою и, вѣроятно, поэтому Гонкуръ не особенно любилъ разговаривать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Гонкуръ былъ такой бодрый старикъ, что Додэ былъ увѣренъ что онъ проживетъ еще долго и не ожидалъ, что ему такъ скоро придется возиться съ его завѣщаніемъ. Гонкуръ, однако, соглашался съ нимъ, что названіе «академія» слишкомъ *торжественно* (solennel) и сознался, что онъ часто подумывалъ объ измѣненіи этого названія, но его удерживала мысль, что идея академіи явилась у него вмѣстѣ съ покойнымъ братомъ и они вмѣстѣ работали надъ ней, поэтому онъ и не считаетъ себя вправѣ что-нибудь въ ней измѣнить.

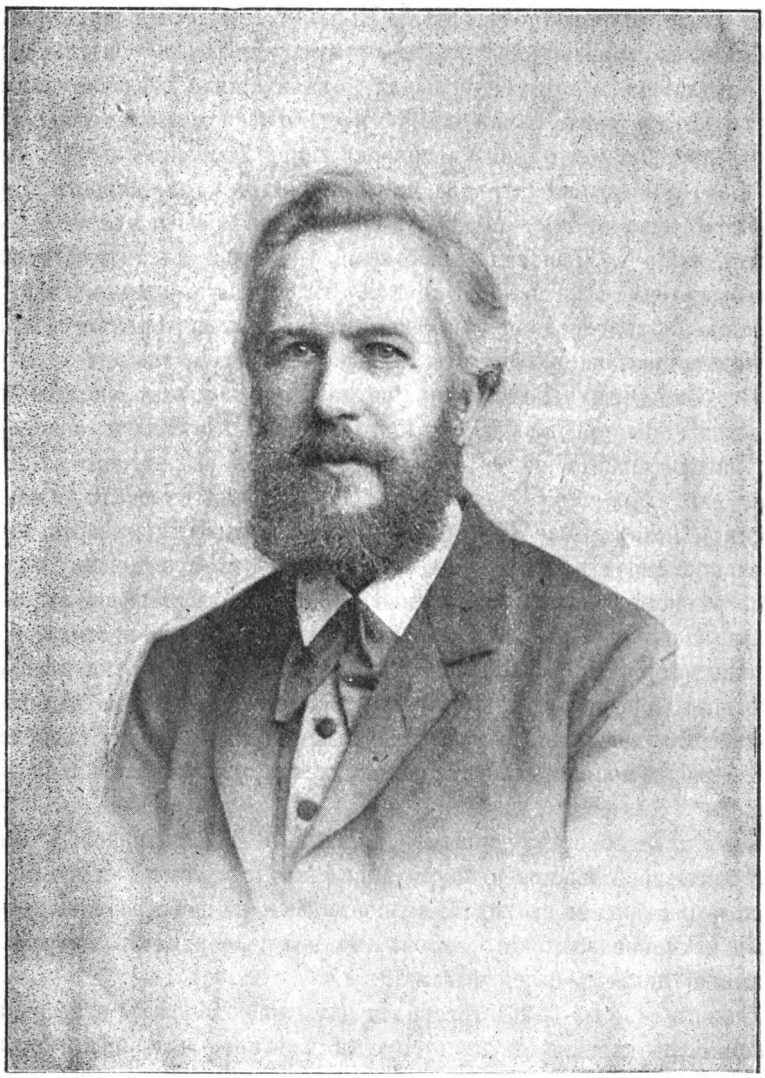
Не смотря на нѣсколько напыщенное названіе «академіи Гонкуровъ», въ основѣ этого учрежденія лежатъ все-таки благія цѣли. Академики должны будутъ получать пожизненно 6.000 фр., и, назначая это содержаніе, оба Гон-

кура имѣли въ виду дать литераторамъ настолько обезпеченный кусокъ хлѣба, чтобы они не нуждались ни въ какомъ другомъ заработкѣ и могли бы всецѣло посвятить себя литературѣ. Затѣмъ Гонкуръ назначилъ еще ежегодную премію въ 5.000 фр. за лучшее литературное произведеніе по беллетристикѣ и премія эта должна будетъ выдаваться по назначенію академиковъ.

Въ виду такой благой цѣли, Гонкуру, конечно, можно простить его тщеславное желаніе, выразившееся въ организаціи этой академіи, носящей его имя. Во всякомъ случаѣ, такая академія, вѣроятно, оказала бы нѣкоторую пользу литературѣ, если бы... если бы ея учрежденіе было возможно. Вѣроятно, пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ идея Гонкура встрѣтитъ свое осуществленіе, такъ какъ капиталъ, оставленный Гонкуромъ, далеко недостаточенъ для основанія академіи и, къ тому же, у него оказались родственники, оспаривающіе завѣщаніе. Академіи еще нѣтъ на самомъ дѣлѣ, но она уже возбуждаетъ много злобы и зависти и желчнаго раздраженія у тѣхъ, кто обойденъ покойнымъ писателемъ и не занесенъ имъ въ списокъ. Если Гонкуръ желалъ, чтобы о немъ много говорили послѣ его смерти, то, во всякомъ случаѣ, цѣль его достигнута.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Въ каждомъ дѣленіи съ неуклонной точностью проводится одна и та же система. Апріорность проявляется только въ названіяхъ дѣленій. Разграниченіе группъ—именно такое, какого тре-



Профессоръ Геккель.

бовали открытія, сдѣланныя въ области зоологіи; Окэнъ ограничивается тѣмъ, что связываетъ эти открытія съ требованіями своей системы. Онъ вовсе не чуждается точныхъ изслѣдованій. Какъ директоръ журнала «*Изида*», независимость котораго равна

его славѣ, Окэнъ отмѣчаетъ всѣ успѣхи естественныхъ наукъ. Самъ онъ предается глубокимъ изысканіямъ въ области остеологіи и эмбріологіи. Своими трудами и преподаваніемъ, своимъ журналомъ, оригинальностью своихъ идей и особенностями языка—онъ быстро пріобрѣтаетъ громадное вліяніе. Онъ вызываетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ научныхъ движеній. Онъ имѣетъ всѣ права на мѣсто среди людей, оказавшихъ дѣйствительныя услуги наукѣ: пусть самая общая идея его системы не выдерживаетъ критики:—все-таки въ сокровищницу положительныхъ знаній было доставлено большое число вѣрныхъ идей, новыхъ сближеній и точно провѣренныхъ фактовъ. Отголосокъ его идей доходитъ даже до нашей эпохи: іенскій университетъ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ выдающихся профессоровъ, сохранилъ привиллегію быть передовымъ университетомъ, и въ рѣчахъ Геккеля, его преемника, часто слышится какъ бы далекое эхо его голоса.

Подобно Окэну, Геккель приписываетъ углю главную роль въ происхожденіи организованныхъ тѣлъ. Онъ надѣялся и теперь еще разсчитываетъ найти первобытную слизь «*Urschleim*» въ знаменитомъ «*Батибіѣ*», поднятомъ со дна Атлантическаго океана. Теоріи «*Планулы*» и «*Гаструлы*», хорошо извѣстныя и въ значительной своей части вѣрныя, представляютъ послѣдовательныя фазы развитія животныхъ именно такими, какими рисовалъ ихъ Окэнъ. Подобно Окэну, Геккель принимаетъ, что извѣстныя животныя могутъ останавливаться при своемъ развитіи на ступени отдѣльнаго органа, и развѣ нѣтъ аналогіи между тѣмъ единымъ процессомъ, съ помощью котораго основатель «*Изиды*» творитъ весь міръ, и монизмомъ, который является основаніемъ философіи Геккеля?

Трудно было преувеличить идеи Окэна. Въ противность тому, что бываетъ обыкновенно, ученики его старались ограничить область примѣненія его идей, сблизить ихъ съ дѣйствительностью, найти истинное значеніе фактовъ, на которые учитель набросилъ странный покровъ своей фантазіи.

Спиксъ (1781—1826) говоритъ, что природа развивается постепенно, и каждая ступень представляетъ усовершенствованіе сосѣдней низшей ступени: земля дѣлается водою, вода—воздухомъ, воздухъ—свѣтомъ. Странно видѣть, какъ люди съ выдающимися способностями разсуждаютъ о подобныхъ превращеніяхъ больше, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Лавуазье, въ эпоху, когда химія давно уже покоилась на незыблемыхъ основаніяхъ. Это послѣдовательное развитіе частей замѣтнѣе въ природѣ органической, чѣмъ неорганической. Въ царствѣ растеній оно заканчи-

вается цвѣткомъ, у животныхъ,—образованіемъ головы. Самыя простыя животныя—черви и зоофиты—сводятся, такъ сказать, къ брюху; у рыбъ начинаетъ выдѣляться голова; еще лучше образована она у пресмыкающихся и птицъ, но полнаго развитія достигаетъ только у млекопитающихъ. Тазъ, скелетъ живота, грудная клѣтка, скелетъ грудной полости,—все это—попытки создать скелетъ для головной полости. Въ головѣ представлены всѣ части тѣла; но чтобы доказать это, Спиксъ, какъ Жоффруа С.-Илеръ, какъ Гёте, какъ Аутенритъ, какъ Окэнъ, обращается къ зародышамъ. Онъ подтверждаетъ свои идеи прекрасными и точными изслѣдованіями въ области сравнительной остеологіи и эмбріологіи; эти работы представляютъ пріобрѣтеніе для науки. Мы далеки, правда, отъ точнаго метода опредѣленія, какой встрѣчаемъ у Жоффруа С.-Илера; но въ данномъ случаѣ и задачи иныя. Натурфилософы не ограничиваются сопоставленіемъ животныхъ между собою: слѣдуя примѣру Викъ д'Азира, который сдѣлалъ это первый, независимо отъ какой-нибудь теоріи,—они сравниваютъ животное само съ собою и стараются въ каждой изъ его частей найти отраженіе другихъ.

Изысканія, произведенныя во Франціи и въ Германіи, не остались безъ взаимнаго вліянія. Жоффруа въ 1824 г. занимается позвоночнымъ строеніемъ черепа и остроумнымъ опредѣленіемъ позвонка, устраняетъ большую часть тѣхъ трудностей, какія заставили натурфилософовъ обращаться къ метафизическимъ понятіямъ. Съ другой стороны, Карусъ повторяетъ въ 1828 году идею Жоффруа, что членистыя животныя помѣщены внутри своего позвоночнаго столба. Онъ различаетъ три рода позвонковъ: позвонокъ первичный, который покрываетъ стѣнки тѣла; позвонокъ вторичный, облекающій нервную систему; позвонокъ третичный, отдѣляющій эту систему отъ остальной части тѣла. Членистыя животныя обладаютъ только первымъ изъ этихъ позвонковъ; позвоночныя представляютъ, напротивъ, всѣ три позвонка, заключенные одинъ въ другой. Для Каруса, какъ для Окэна, все—позвонокъ; даже кости членовъ позвонки. Карусъ не ограничивается работами по сравнительной анатоміи: у него своя философская система, представляющая измѣненіе системы Окэна. Онъ также приписываетъ всѣ жизненныя явленія особой поляризаціи, и, такъ какъ эта поляризація повторяется безъ конца, онъ заключаетъ отсюда, что развитіе организма сводится къ постояннымъ повтореніямъ. Такъ, въ кольцахъ аннелидъ онъ видитъ повтореніе перваго изъ нихъ,—идея, къ которой Мокенъ-Тандонъ былъ приведенъ сравнительной анатоміей и которой Дюжесъ три года спустя далъ такое блистательное примѣненіе.

*

Если выбросить изъ сравнительной анатоміи Каруса слово «позвонокъ», которое ученики Окэна примѣняютъ ко всякой твердой части, если устранить метафизическія сопоставленія, остаются морфологическія идеи, которыми воспользовались впослѣдствіи. Установлено, что костяныя части, какія находятъ у позвоночныхъ, необходимо отнести ко многимъ системамъ. Самыя древнія изъ этихъ животныхъ обладали очень развитымъ кожнымъ скелетомъ: чешуи рыбъ, костяныя пластинки въ кожѣ крокодиловъ, щиты черепахъ—все это различныя его измѣненія. Позвоночный столбъ, развившійся подъ нервной системой, ребра и скелетъ членовъ принадлежатъ къ совершенно другой системѣ. Но обѣ эти системы могутъ встрѣчаться вмѣстѣ, какъ это видимъ у черепахъ. Еще недавно, чтобы объяснить всѣ особенности, представляемыя различными формами скелета, знаменитый анатомъ Гегенбауръ долженъ былъ ввести одновременно кости, принадлежащія къ наружному скелету, и кости внутренняго скелета. Карусъ такъ объясняетъ существованіе различныхъ типовъ скелета. Первичному животному, зародышу, необходимо отграничиться отъ внѣшняго міра; часть живого вещества идетъ на образованіе этой границы, этой оболочки; въ то же время она перестаетъ жить и становится землистою. Сначала животное отграничивается снаружи, производя родъ скорлупы; иногда оно такъ и остается въ этомъ состояніи; это—*животныя-яйца*. Но животному необходима пищеварительная полость, посредствомъ которой оно также соприкасается со внѣшнимъ міромъ; оно должно отграничиться и съ этой стороны; отсюда различныя твердыя части, окружающія желудокъ у столькихъ низшихъ животныхъ.

У животныхъ, которыя представляютъ только эти двѣ оболочки, нервная система, естественно, заключена въ полости тѣла вмѣстѣ со внутренностями: это—*животныя-туловища*.

Но нервная система, управляющая всѣмъ организмомъ, въ свою очередь, отдѣляется особой оболочкой; около нея образуется скелетъ, который защищаетъ ее: такъ являются *животныя-головы*.

Животныя-туловища дѣлятся на два разряда: *животныя-брюха*, куда относятся молюски, и *животныя-груди*, представляемыя членистыми. То же дѣленіе можно примѣнить и къ позвоночнымъ.

Легко подмѣтить, что Карусъ придаетъ громадное значеніе нервной системѣ: для него это—животное въ животномъ. Окэнъ держался тѣхъ же воззрѣній. Можно поставить вопросъ, не въ этой-ли школѣ самъ Кювье, находившійся въ сношеніяхъ съ Кильмейеромъ и его учениками, почерпнулъ свою идею—отвести нерв-

ной системѣ преобладающую роль въ классификаціи. Какъ бы то ни было, есть у Каруса фактъ, подмѣченный вполнѣ точно: существуетъ извѣстное соотношеніе между степенью развитія нервной системы и степенью развитія скелета. Именно вслѣдствіе исклю-

Карлъ Гегенбауръ

чительнаго развитія нервной системы у позвоночныхъ, они отличаются отъ всѣхъ другихъ животныхъ. Это развитіе неизбѣжно вело къ появленію особой части въ опорѣ: къ появленію спинной струны. Послѣдняя же сдѣлалась исходной точкою для образованія позвоночнаго столба: для этого къ ней должны были присо-

единиться впослѣдствіи вторичныя части, образовавшіяся совершенно независимо.

Анатомическія и эмбріологическія изысканія, выполненныя въ школѣ натурфилософовъ и внѣ ея, должны были неизбѣжно вызвать реакцію противъ ея преувеличеній. Ея вліяніе постепенно падаетъ, даже въ Германіи. Эренбергъ, посвятившій всю свою жизнь наблюденію микроскопическихъ животныхъ, засвидѣтельствовалъ, что онъ съумѣлъ вполнѣ избѣжать вліянія доктринъ, которыя увлекали одно время его согражданъ. Своими открытіями, относившимися къ степени сложности микроскопическихъ животныхъ, самыми преувеличеніями, которыя были допущены имъ, ученый изслѣдователь инфузорій «нанесъ ужасный ударъ теоріи первобытной слизи» и, слѣдовательно, всей доктринѣ. Но дѣйствительные факты и отношенія, къ которымъ привела она, философскій методъ толкованія, который довела она до крайнихъ предѣловъ, потребность объяснять наблюдаемые факты—все это отнынѣ остается. Такъ, еще разъ подтвердилась аксіома: путемъ ошибокъ человѣчество идетъ къ завоеванію истины; самые промахи заставляютъ его подвигаться впередъ.

Притомъ, вліяніе натурфилософовъ мало распространилось за предѣлами Германіи. Во Франціи Кювье и Жоффруа С.-Иларъ проложили для науки совсѣмъ иной путь; каждый изъ нихъ сохраняетъ исключительныхъ сторонниковъ, но въ то же время устанавливаются связи между этими двумя школами. Если гипотеза единства плана въ томъ видѣ, какой придалъ ей Жоффруа С.-Иларъ, падаетъ предъ фактами, принципъ сродства сохраняетъ силу и удачно примѣняется при сравненіи животныхъ, которыхъ Кювье помѣщалъ въ одинъ отдѣлъ. Постепенно забывается вопросъ о происхожденіи; все вниманіе направлено на опредѣленіе естественныхъ отношеній между живыми существами; стараются извлечь изъ идей Кювье и Жоффруа все, что содержатъ онѣ, истощить всѣ ихъ слѣдствія, утвердить, на сколько возможно, основанія науки.

Признаютъ, что у животныхъ одного и того же отдѣла типъ организаціи въ значительной степени измѣняется. Стараются опредѣлить предѣлы этихъ измѣненій, построить такой общій образецъ, чтобы животныя одного и того же отдѣла были только вторичными его измѣненіями. Стремятся открыть философское значеніе этихъ типовъ и, такимъ образомъ, подготовляютъ дорогу для тѣхъ натуралистовъ, которые скоро поставятъ вопросъ: каково происхожденіе и объясненіе этихъ главныхъ видовъ, по которымъ, повидимому, образовано столько животныхъ. Такова работа, которую мы должны изучить теперь.

Глава XV.

Теорія органическихъ типовъ и ея слѣдствія.

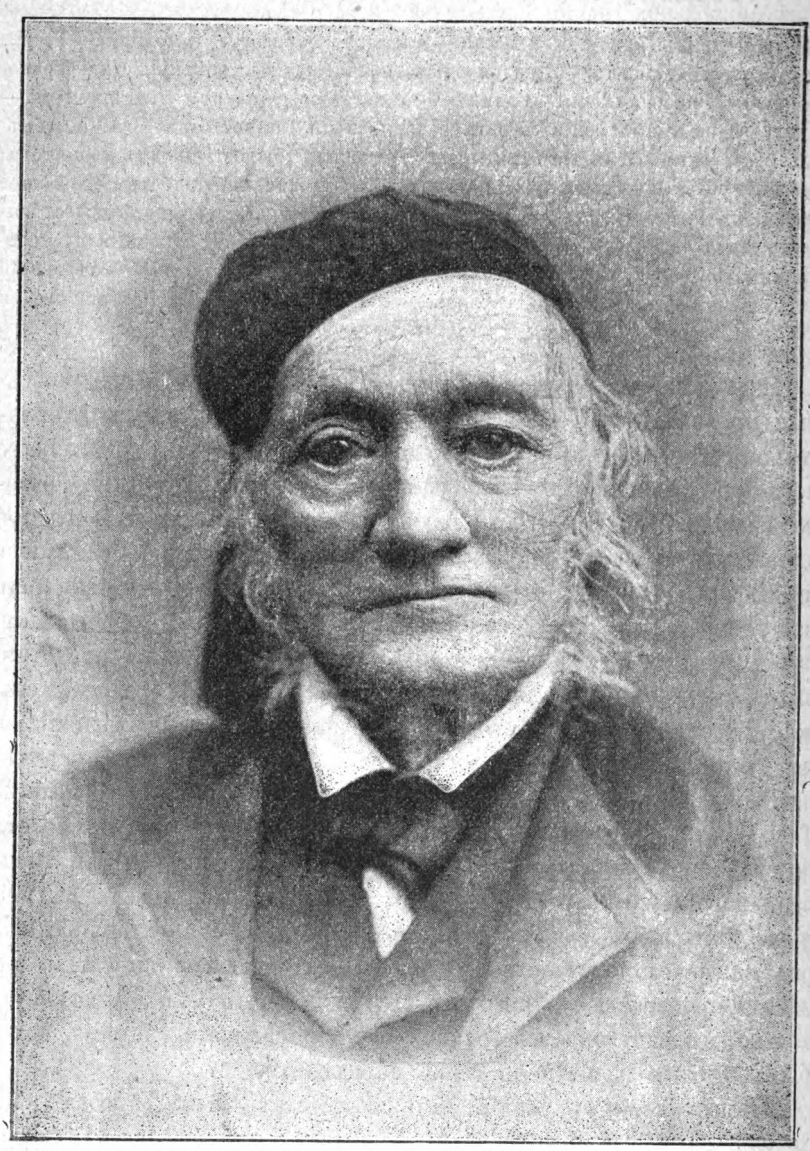
Ричардъ Оуэнъ: архетипъ скелета.—Аналогія, гомологія, гомотипія.—Теорія позвонковаго сегмента.—Идеальное позвоночное и существованіе Бога.—Трансформизмъ Ричарда Оуэна.—Савиньи—единство строенія рта у насѣкомыхъ.—Оуэнъ—единство строенія скелета у членистыхъ животныхъ.—А. Мильнъ-Эдвардсъ; типъ членистаго животнаго; основная тождественность зоонитовъ; значеніе области тѣла, законъ раздѣленія физіологической работы, его общее значеніе.—Ростъ тѣла и безбрачное размноженіе у членистыхъ, тождественность этихъ явленій, значеніе зоонитовъ.—Параллель между законами построенія животныхъ и политико-экономическими законами.—Слѣдствія изслѣдованій надъ низшими животными, произведенныхъ Катрфажемъ, Бланшаромъ и Лакаэъ-Дютье.

Изслѣдованія Жоффруа Сентъ-Илера, блестящія, вдохновенныя произведенія Гёте и даже теоріи натурфилософовъ окончательно сосредоточили вниманіе ученыхъ на сходствахъ различнаго порядка, замѣченныхъ между различными представителями позвоночныхъ. Въ силу легкости изученія и, быть можетъ, благодаря идеѣ о мистическомъ происхожденіи скелета, остеологія сдѣлалась предметомъ особаго предпочтенія и быстро пріобрѣла значеніе настоящей науки; казалось, что кости, эти прочныя образованія, повидимому не измѣняющія своихъ формъ и положенія, представляютъ изъ себя постоянныя мѣста, вокругъ которыхъ расположены всѣ системы органовъ, что онѣ опредѣляютъ ихъ размѣщеніе и что если у позвоночныхъ на самомъ дѣлѣ существуетъ опредѣленный планъ строенія, то его надо искать именно въ скелетѣ. Такъ, Гёте совѣтовалъ неустанно заниматься изученіемъ скелета до тѣхъ поръ, пока не будетъ возможнымъ выяснить общій типъ, вторичными измѣненіями котораго являются уже скелеты различныхъ животныхъ. Задачу эту берется разрѣшить Ричардъ Оуэнъ: онъ называетъ этотъ гипотетическій скелетъ *архетипомъ* и надѣется произвести отъ него всѣ другіе *). Этого можно достигнуть только посредствомъ нѣсколькихъ серій сравненій, методы которыхъ прежде всего надо точно опредѣлить.

Первая серія сравненій, которая естественнымъ путемъ приходитъ на мысль и которой прежде всего пользовался Жоффруа

*) Первыя теоретическія воззрѣнія Ричарда Оуэна на составъ скелета относятся къ 1838 году. (Geological Transactions, p. 518). Но въ особенности надо обратиться къ его Principes d'Ostéologie comparée, изданному на французскомъ языкѣ въ 1855 г. и его Lectures on physiology and comparative anatomy of the vertebrata.

Сентъ-Илеръ, состоитъ въ сопоставленіи позвоночныхъ различныхъ видовъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого сравненія является выводъ, что большинство такихъ животныхъ должны выполнять оди-



Ричардъ Оуэнъ.

наковыя главнѣйшія функціи; всѣ слѣдственно обладаютъ органами способными функціонировать одинаковымъ и опредѣленнымъ образомъ. Словомъ *аналоги* Оуэнъ называетъ органы, выполняющіе у

двухъ различныхъ животныхъ одинаковую функцію: таковы глаза, уши, ротъ, пищеварительный каналъ, а также, съ одной стороны, лапы у позвоночныхъ, которыя ходятъ, съ другой—крылья у летающихъ, или плавники у плавающихъ. Слово *ана логъ* для Оуэна не имѣетъ, слѣдовательно, того значенія, которое оно имѣло для Жоффруа Сентъ-Илера, называвшаго аналогичными органы, занимающіе у двухъ животныхъ различныхъ видовъ тождественное положеніе, имѣющіе одинаковыя отношенія къ другимъ органамъ, одно и то же анатомическое строеніе, сходственное происхожденіе, но могущіе выполнять самыя различныя функціи. Органы, которые на правильномъ анатомическомъ языкѣ должны носить одинаковыя названія, обозначены Ричардомъ Оуэномъ именемъ *гомологовъ*. Чтобы заставить лучше понять разницу, существующую между аналогичными и гомологичными органами, ученый анатомъ указываетъ на маленькаго летающаго дракона, замѣчательную рептилію, обладающую совмѣстно ногами и крыльями. Эти крылья служатъ ему для того, чтобы поддерживать себя въ воздухѣ; они, стало быть, имѣютъ одинаковую функцію съ крыльями птицъ и являются аналогичными имъ; но они имѣютъ совершенно иное анатомическое строеніе, находятся въ совершенно иныхъ соотношеніяхъ къ другимъ органамъ, а потому они не гомологичны крыльямъ птицъ. Наоборотъ, переднія ноги того же дракона имѣютъ одинаковое строеніе и относительное положеніе съ крыльями птицъ. Тѣ и другіе органы, хотя и исполняютъ различныя функціи, потому что одни служатъ для ходьбы, а другіе для летанія, все же они гомологи. Какъ и Жоффруа, Оуэнъ опредѣляетъ гомологичные органы по ихъ соотношеніямъ съ другими органами.

Очевидно, только эти гомологи надо сличать для выясненія общаго типа позвоночныхъ и морфологъ долженъ особенно заботиться о томъ, чтобы тщательно различать ихъ отъ органовъ просто аналогичныхъ; изученіе формы и взаимоотношеній этихъ послѣднихъ входятъ въ задачу физіологіи.

Вмѣсто того, чтобы сравнивать другъ съ другомъ животныхъ различныхъ видовъ, можно, какъ это дѣлалъ первый послѣ Галена Викъ д'Азиръ, сравнивать между собою различные органы одного и того же животнаго. Такого рода изученіе даетъ очевидныя доказательства того, что между нѣкоторыми частями нашего тѣла существуетъ еще болѣе близкое, болѣе полное сходство, чѣмъ между нашими руками и ногами. Въ виду того, что сходство это представляетъ нѣчто реальное, въ виду того, что принципъ повторяемости могъ дать натурфилософамъ полезные результаты, изслѣдованію такого рода вопросовъ посвятила себя школа Окэна. Конечности, по-

звонки представляютъ части скелета, на которыхъ особенно можно наблюдать подобное повтореніе; благодаря этому повторенію, органы, которые походятъ другъ на друга, расположены рядомъ. Они должны также носить одинаковое названіе. Новому роду гомологіи, вытекающей отсюда, Оуэнъ даетъ имя *гомологіи рядовъ* или *гомотипіи.*

Знакомство съ гомотипическими органами страннымъ образомъ упрощаетъ отысканіе общаго плана строенія скелета; многочисленныя части его отнынѣ группируются въ сегменты, сходные другъ съ другомъ. Достаточно знать одинъ изъ этихъ сегментовъ, для того, чтобы быть знакомымъ съ характеромъ строенія всѣхъ другихъ. Оуэнъ приписываетъ особенную важность выясненію существенныхъ частей, составляющихъ позвонковый сегментъ, къ которому, по его мнѣнію, прикрѣпляются всѣ остальныя части скелета; этотъ сегментъ положенъ Оуэномъ въ основу новаго способа опредѣленія числа черепныхъ позвонковъ и, кромѣ того, исключенія изъ числа позвонковыхъ частей тѣхъ отрѣзковъ, которые до нѣкоторой степени случайно были поставлены въ составъ внутренняго скелета. Изъ этихъ отрѣзковъ, одни, какъ показалъ Карусъ, относятся къ кожѣ, другіе же составляютъ часть особаго аппарата, защищающаго нѣкоторыя внутренности. Но такого рода сравненія являются только предисловіемъ къ тому труду, который надо выполнить для того, чтобы выяснить представленіе объ архетипѣ скелета. Нѣтъ ни одного существа, въ которомъ архетипъ этотъ выразился бы вполнѣ. Среди безчисленныхъ измѣненій формы позвонковыхъ частей, среди видимыхъ измѣненій въ ихъ положеніи, въ ихъ уменьшенномъ или ненормальномъ разростаніи, въ недоразвитіи и сращеніи между собою, надо различить существенное отъ случайнаго. Только существенныя черты должны быть внесены въ архетипъ, что можетъ позволить подвести всѣ формы подъ одинъ общій законъ, не опредѣляя ни одну въ частности.

Разъ архетипъ установленъ, задача остеологіи состоитъ только въ отысканіи у наблюдаемыхъ животныхъ частей, соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ частямъ архетипа. Если сравниваютъ два типа между собою, вполнѣ понятно, что, опредѣливъ въ каждомъ изъ нихъ гомологичныя части, надо потомъ сличить ихъ съ ихъ гомологами въ архетипѣ. Итакъ есть двоякого рода гомологія:—та, которая наблюдается между органами дѣйствительныхъ существъ, называется *спеціальной гомологіей*, а та, которая существуетъ между гипотетическими органами архетипа, и дѣйствительными органами представляющими различныя видоизмѣненія первыхъ, носитъ названіе *общей гомологіи.*

Такъ, плавники морской свиньи стоятъ съ грудными плавниками рыбъ и съ крыльями птицъ въ отношеніяхъ спеціальной гомологіи; но, когда говорятъ, что всѣ эти конечности представляютъ «расходящіеся придатки поперечныхъ отростковъ позвонка архетипа», то этимъ выражаютъ, что между ними существуютъ отношенія общей гомологіи. Для каждаго изъ подраздѣленій животнаго царства можно создать свой архетипъ. Уже въ 1820 году, какъ мы упоминали раньше, Одуенъ пытался методомъ, аналогичнымъ тому, который употребилъ позже знаменитый англійскій ученый, опредѣлить общій типъ, отъ котораго можно было бы произвести всѣхъ членистыхъ животныхъ. Результаты, добытые Одуеномъ относительно кожнаго скелета членистыхъ, и результаты, полученные Оуэномъ при разсмотрѣніи внутренняго скелета позвоночныхъ, въ основѣ своей могутъ быть выражены одинаково: то же дѣленіе скелета на сегменты, идентичные между собою, то же дѣленіе сегментовъ на центральныя части и придатки, то же повтореніе этихъ сегментовъ въ линейномъ порядкѣ, то же стремленіе ихъ группироваться въ болѣе или менѣе рѣзко разграниченныя области. Сличеніе этихъ двухъ архетиповъ подтверждаетъ часть воззрѣній Жоффруа и въ то же время показываетъ, въ какихъ предѣлахъ они отвѣчаютъ истинѣ. Не удивительно-ли послѣ того, что Дюжесъ, какъ Жоффруа, старался скомбинировать черты сходства, которыя представляютъ идеальное позвоночное и идеальное безпозвоночное, чтобы построить теоретически болѣе высоко стоящій типъ, котораго измѣненіями являлись и позвоночныя и членистыя животныя. Очевидно, ничто не мѣшаетъ приложить къ архетипамъ методъ сравненія и отвлеченія, которымъ пользовались Гёте, Одуенъ и Дюжесъ и восходить такимъ образомъ къ болѣе и болѣе общимъ типамъ до такого типа, куда войдутъ всѣ черты сходства, наблюдаемыя между нынѣ существующими группами. Идея, давшая начало попыткамъ Жоффруа и Дюжеса опредѣлить, что можно назвать архетипомъ животнаго царства, вполнѣ подтвердилась, съ теоретической точки зрѣнія, внѣшнимъ успѣхомъ изслѣдованій Одуена и Оуэна.

Но каково можетъ быть значеніе этихъ архетиповъ, которымъ, какъ кажется, съ перваго взгляда, надо приписать важное значеніе? Разсмотрѣніе метода, которымъ руководились при ихъ опредѣленіи, позволяетъ составить точное представленіе объ этомъ. Принимая, что всѣ позвоночныя, всѣ членистыя представляютъ между собою нѣкоторое общее сходство,—сравниваютъ одну съ другой подобныя части этихъ животныхъ, выясняютъ одно за другимъ тѣ измѣненія, которыя представляютъ эти части и опре-

дѣляютъ такимъ образомъ крайніе предѣлы этихъ измѣненій. Между крайними видоизмѣненіями есть нѣчто среднее и въ концѣ концовъ это среднее и обозначаютъ именемъ архетипа. Подобное среднее существуетъ, конечно, для всякой зоологической группы, относительно изолированной отъ другихъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторыя высшія группы животнаго царства. Самый архетипъ будетъ тѣмъ ближе къ дѣйствительнымъ формамъ, чѣмъ къ болѣе ограниченнымъ группамъ онъ примѣняется. Такимъ образомъ, легко установить архетипъ млекопитающаго, птицъ, рептилій, батрахій, костистыхъ рыбъ и изъ сравненія этихъ группъ вывести архетипъ, общій для позвоночныхъ, но уже когда доходятъ до хрящевыхъ рыбъ, архетипъ скелета становится въ сильной степени не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Если приводить къ этому типу ланцетника и даже миногъ, надо предположить, что всѣ элементы его у нихъ совершенно исчезли, хотя эти животныя несомнѣнно принадлежатъ къ позвоночнымъ. А архетипъ, изъ котораго тотчасъ же приходится вычеркивать всѣ главныя части, чтобы сдѣлать возможнымъ его приложеніе, очевидно, заставляетъ предполагать, что для установленія его была избрана точка зрѣнія, обнимающая недостаточно широкій горизонтъ. Онъ только отчасти соотвѣтствуетъ дѣйствительности и, если онъ представляетъ нѣкоторыя выгоды для координированія извѣстнаго числа фактовъ, то, во всякомъ случаѣ, является недостаточнымъ для установленія связи между всѣми.

Вернемся къ фактамъ и предположимъ, что скелетъ позвоночныхъ, какъ, кажется, показываетъ ланцетникъ, сначала сводился къ спинной струнѣ, къ которой постепенно присоединялись различныя костистыя части, а къ нимъ, въ свою очередь, послѣдующія поколѣнія будутъ прибавлять новыя части, не уничтожая ни одной изъ прежнихъ, пока, наконецъ, скелетъ не достигнетъ такого состоянія, когда онъ явится достаточнымъ для всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій, безъ перемѣны числа и существенныхъ отношеній своихъ частей; въ такомъ случаѣ всѣ упомянутыя промежуточныя формы, вмѣстѣ съ самой низшей, могутъ быть произведены отъ нѣкотораго архетипа, къ которому не подойдутъ только формы, предшествовавшія этой низшей исходной стадіи. Если не принимать во вниманіе этихъ предшествовавшихъ формъ, благодаря ихъ низкому положенію въ системѣ, можно заключить, что въ группѣ позвоночныхъ существуетъ безусловное постоянство костяныхъ частей. На такомъ выводѣ и остановился Оуэнъ, не сознавая, такимъ образомъ, что постоянство это только казалось ему благодаря тому, что онъ невольно оставлялъ безъ вни-

манія все, что могло-бы противорѣчить этому воззрѣнію. Итакъ, къ несчастью, на возвышенныя разсужденія, внушенныя ему открытіемъ архетипа позвоночныхъ, можно смотрѣть только, какъ на рядъ предложеній, требующихъ доказательствъ.

«Единство плана,—говоритъ онъ,—приводитъ насъ къ единству разума, задумавшаго его. Незнаніе или отрицаніе этой истины набросило бы на человѣческую философію покровъ, который никогда не было бы позволено поднять.

«Ученики Демокрита и Эпикура разсуждали такъ: Если міръ былъ созданъ духомъ или разумомъ предсуществующимъ, т.-е. Богомъ, то необходимо предположить, что существовала идея или модель вселенной, раньше, чѣмъ она была создана и, слѣдовательно, *мысль*, идея предшествовала матеріальному міру.

«Но не открывъ никакого признака идеальнаго архетипа въ какой-нибудь изъ частей вселенной, эти древніе философы заключили отсюда, что не могло существовать знанія или разума, какъ первичной причины міра до его начала. Тѣмъ не менѣе, теперь познаніе идеальнаго образца, какъ основанія организаціи позвоночныхъ животныхъ, доказываетъ, что идея такого существа, какъ человѣкъ, существовала раньше появленія человѣка, потому что божественный разумъ, созидая архетипъ, заранѣе зналъ всѣ его измѣненія.

«Идея архетипа обнаружилась въ организмахъ поверхности нашей планеты въ различныхъ видоизмѣненіяхъ задолго до существованія видовъ, у которыхъ мы видимъ теперь ее въ высшемъ развитіи.

«По какимъ естественнымъ законамъ или другимъ причинамъ происходитъ послѣдовательное появленіе видовъ? Вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго мы еще не нашли. Но если мы можемъ постигнуть существованіе такихъ причинъ, каковы различныя орудія всемогущества Божія, олицетворяемыя нами подъ именемъ природы, исторія прошлаго нашей земли покажетъ намъ, какъ природа, руководясь свѣточемъ архетипа, шла впередъ медленными и величественными шагами среди развалинъ прежнихъ міровъ, съ той эпохи, когда впервые проявилась идея позвоночнаго животнаго въ его древней оболочкѣ—рыбы, до того момента, когда она обнаружилась въ славномъ обликѣ человѣческой фигуры».

Если устранить главный недостатокъ, который, какъ мы уже видѣли, дискредитировалъ идею архетипа, все же легко замѣтить, какъ опасно прибѣгать къ такой аргументаціи. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію самого Оуэна, существуетъ нѣсколько архетиповъ въ животномъ царствѣ; отсюда можно совершенно правильно заклю-

чить, что каждый изъ нихъ есть отдѣльное проявленіе божества. А если каждый изъ нихъ представляетъ только отдѣльную мысль Единаго Творца, надо удивляться, что населеніе земли дало мѣсто такому малому количеству мыслей. Но есть также группы, у которыхъ нѣтъ никакого опредѣленнаго архетипа, если только называть такъ простѣйшую форму, въ которой проявились эти существа. Каковъ, напримѣръ, архетипъ губокъ, кишечно-полостныхъ или червей?

Въ этихъ зоологическихъ типахъ можно видѣть только постепенный переходъ отъ формъ простыхъ, имѣющихъ очертанія расплывчатой массы, находящейся въ состояніи равновѣсія, къ сложнымъ формамъ, состоящимъ изъ частей, расположенныхъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ и являющихся существами, которыя кажутся, очевидно, построенными по одному плану. Можно прослѣдить ходъ явленій, которыя шагъ за шагомъ привели къ этимъ опредѣленнымъ типамъ съ неизмѣняемой внѣшностью чрезъ безконечный рядъ неопредѣленныхъ, колеблющихся формъ. Вычеркните эти примитивныя формы и останутся существа, которыя одинаково можно произвести отъ нѣкотораго архетипа, какъ позвоночныхъ, такъ и членистыхъ, но здѣсь, между тѣмъ, заключается несомнѣнное доказательство, что предполагаемый архетипъ не *первая идея*, проявившаяся сразу въ извѣстныхъ формахъ, варіировавшихъ потомъ до безконечности, а результатъ, полученный медленно, путемъ продолжительнаго развитія формъ, первоначально простыхъ. Кромѣ того, нельзя разсматривать, какъ первичные законы, тѣ гомологіи различныхъ порядковъ, которые столь точно были изложены ученымъ профессоромъ хирургической школы, наоборотъ эти гомологіи—ничто иное, какъ предложенныя природой натуралисту задачи, рѣшенія которыхъ онъ долженъ найти.

Какъ Этьенъ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Оуэнъ предполагаетъ, какъ мы увидимъ, что виды животныхъ измѣняются. Это измѣненіе совершается, по мнѣнію Жоффруа, подъ всемогущимъ вліяніемъ окружающей среды. Оуэнъ говоритъ, что мы въ совершенномъ невѣдѣніи относительно этого вопроса, но его идея архетипа дѣлаетъ еще болѣе глубокою разницу между воззрѣніями Жоффруа и его собственными. Такъ какъ Жоффруа предполагаетъ въ животномъ царствѣ одинъ планъ строенія, то, по его мнѣнію, всѣ живыя существа произошли отъ единой первичной формы; но съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлано предположеніе о существованіи нѣсколькихъ независимыхъ архетиповъ, это заключеніе Жоффруа оставаться не можетъ; измѣняемость не можетъ перейти

предѣловъ возможныхъ модификацій архетипа, слѣдовательно, она неизбѣжно ограничена. Этой ограниченной измѣняемостью стараются примирить, съ одной стороны, неопредѣленную измѣняемость живущихъ формъ въ томъ смыслѣ, какъ ее принимали Ламаркъ, Жоффруа Сентъ-Илеръ и Окэнъ, измѣняемость, идея которой казалась слишкомъ смѣлой многимъ умамъ, а съ другой— безусловное постоянство, защищаемое учениками Кювье, противъ котораго, однако, говорятъ ежедневно наблюдаемые факты и все болѣе увеличивающіяся въ числѣ доказательства, представляемыя палеонтологіей.

Теоретическимъ послѣдователемъ ученія объ измѣняемости видовъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, ученія, на которое мы встрѣчаемъ у Ричарда Оуэна только намеки, является почти въ то же время Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ въ своемъ трудѣ, который блещетъ эрудиціей, строгой логичностью, высокимъ безпристрастіемъ, и въ которомъ горячее желаніе найти истину соединяется съ осторожностью, могущей показаться въ наше время чрезмѣрной, но которая въ ту эпоху, когда была написана Histoire générale des regnes organiqnes (1854—1862) была замѣчательной.

Прежде чѣмъ Ричарду Оуэну пришла мысль установить архетипъ позвоночныхъ, раньше, чѣмъ слово архетипъ было найдено, были уже попытки работъ, аналогичныхъ трудамъ Ричарда Оуэна относительно членистыхъ животныхъ. Подъ очевиднымъ вліяніемъ идей Жоффруа Сентъ-Илера о единствѣ плана строенія, Савиньи, его спутникъ въ путешествіи по Египту, показалъ тождественность всѣхъ частей, составляющихъ ротъ насѣкомыхъ и постоянство ихъ числа; въ 1820 году Одуенъ, сдѣлавъ удачное приложеніе къ ракообразнымъ теоріи метаморфозъ, внушенной Вольфу и Гёте изученіемъ растеній, выразилъ эти смѣлыя для его времени положенія такимъ образомъ:

«1-е. Различныя кольца членистыхъ животныхъ составлены всегда изъ одинаковыхъ частей.

«2-е. Всѣ различія, замѣчающіяся въ ряду членистыхъ животныхъ, зависятъ только отъ сходственнаго или несходственнаго разростанія сегментовъ, соединенія или раздѣленія кусковъ, составляющихъ ихъ, максимума развитія однихъ и рудиментарнаго состоянія другихъ».

Выразиться такимъ образомъ значило сразу демонстрировать единство плана строенія въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ понималъ его Жоффруа Сентъ-Илеръ для позвоночныхъ животныхъ, и доказать, что тѣло первыхъ изъ этихъ существъ является результатомъ повторенія частей въ основѣ подобныхъ другъ

другу; это значило также построить ихъ архетипъ въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ему Оуэнъ; но здѣсь этотъ архетипъ обнаруживается съ особой ясностью и мы должны глубже изучить его.

Ракообразныя обладаютъ большимъ числомъ конечностей, форма и функціи которыхъ чрезвычайно разнообразны; у обыкновеннаго рака, напримѣръ, конечности представлены парой стебельковъ, на которыхъ помѣщаются глаза, двумя парами усиковъ, парой переднихъ и парой заднихъ челюстей, тремя парами ногочелюстей, пятью парами двигательныхъ лапъ, шестью парами брюшныхъ ногъ, изъ которыхъ послѣдняя пара преобразована въ плоскіе плавники. Одуену удалось доказать, что всѣ эти части построены одинаково, могутъ быть сведены къ одной типической формѣ, такъ же, какъ кольца тѣла. Такимъ образомъ стебельки глазъ, усики и челюсти могутъ быть разсматриваемы, какъ видоизмѣненныя ноги. Заключеніе это было вскорѣ распространено Латрейлемъ на усики и жевательный аппаратъ насѣкомыхъ. Одуенъ обозначаетъ собраніе этихъ частей подъ именемъ *придатковъ* (appendices). Основная тождественность всѣхъ этихъ придатковъ, уже указанная сравнительной анатоміей, скоро была установлена эмбріологіей, благодаря важнымъ изслѣдованіямъ Ратке. Изъ наблюденій этого натуралиста надъ развитіемъ рака можно вывести, что всѣ придатки этого животнаго сначала являются въ одной формѣ, занимаютъ одинаковое положеніе по отношенію къ сегменту, на которомъ они возникаютъ, и только мало-по-малу облекаются въ ихъ окончательную форму, спеціализируясь въ то же время для какой-либо одной опредѣленной функціи. Стебельки глазъ, усики образуются, какъ и другія части, на нижней сторонѣ соотвѣтствующаго имъ сегмента и только впослѣдствіи принимаютъ положеніе, которое они имѣютъ у взрослыхъ животныхъ надъ ртомъ, что съ перваго взгляда нѣсколько маскируетъ ихъ истинное происхожденіе. Впрочемъ, не всѣ придатки показываются одновременно: глазныя ножки, двѣ пары усиковъ и переднія челюсти, т. е. первые придатки головы, образуются сначала; другіе потомъ и постепенно. Одинаковымъ образомъ голова и послѣднее кольцо брюха появляются первыми, всѣ другіе происходятъ въ промежуткѣ между ними, самые задніе придатки являются между послѣднимъ и предпослѣднимъ кольцомъ тѣла. Наконецъ, Ратке констатируетъ другой важный фактъ, что части, образующіяся первыми у раковъ, первыми же формируются и у позвоночныхъ, но только у рака они занимаютъ будущую брюшную поверхность, а у позвоночныхъ спинную. И такъ, эмбріологія подтверждаетъ теорію

Жоффруа Сентъ-Илера и Ампера, по которой позвоночныя и членистыя животныя отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что занимаютъ по отношенію къ землѣ совершенно противоположныя положенія.

Изслѣдованія Жюрина, Томпсона, Нордмана и Анри Мильнъ-Эдвардса постепенно прибавляютъ новыя данныя къ этимъ важнымъ открытіямъ. Эти искусные наблюдатели указываютъ, что многіе изъ ракообразныхъ, въ особенности низшихъ группъ, претерпѣваютъ, выйдя изъ яица, странныя превращенія. Въ то время, какъ большинство высшихъ ракообразныхъ нарождаются снабженные всѣми кольцами и претерпѣваютъ измѣненія только въ формѣ колецъ и въ ихъ придаткахъ, другія должны производить новыя кольца, чтобы достигнуть взрослаго состоянія, Анри Мильнъ-Эдвардсъ констатируетъ, что въ этомъ случаѣ различныя области тѣла, голова, грудь, брюхо, могутъ быть одинаково неполными или разростаться до нормальнаго состоянія, совершенно такъ же, какъ и цѣлое животное, прибавленіемъ новыхъ колецъ съ задней стороны каждой области *). Часто молодое ракообразное, какова бы ни была его окончательная форма, обладаетъ въ моментъ рожденія только тремя парами ногъ, служащими ему на короткое время для плаванія, но представляющими въ сущности три первыя пары придатковъ головы, такъ что *усики и переднія челюсти (что можно также сказать о заднихъ челюстяхъ и ногочелюстяхъ) были дѣйствительно двигательными лапами въ одинъ опредѣленный моментъ существованія животнаго.* Относительно ихъ можно сказать безъ всякой метафоры, ничего не подразумѣвая подъ этимъ иного, что это видоизмѣненныя лапы.

Въ 1834 году всѣ эти измѣненія въ формѣ, всѣ метаморфозы, всѣ эти различія въ образѣ развитія сближены, сравнены, истолкованы Анри Мильнъ-Эдвардсомъ. Уже изъ нѣсколькихъ строкъ его сочиненія «Mémoires sur les crustacés etc.» видно, какъ глубоко понималъ знаменитый ученый уже въ эту эпоху отношенія, соединяющія между собой живущія формы и то направленіе, въ которомъ должна идти зоологія въ дальнѣйшемъ своемъ прогрессивномъ движеніи, возникновенію котораго во Франціи онъ такъ много поспособствовалъ.

«Съ перваго взгляда,—говоритъ Мильнъ-Эдвардсъ, эти различныя видоизмѣненія не кажутся зависящими отъ какой-либо по-

*) H. Milne-Edwards. Mémoires sur les changements de forme que les Crustacés éprouvent pendant deux jeune âge (Annales des sciences naturelles t. XXX, 182).

стоянной тенденціи организма, и можно думать, что развитіе каждаго изъ этихъ животныхъ совершается по различнымъ законамъ; но это не такъ, потому что, при изученіи этихъ перемѣнъ, видно, что они могутъ быть удовлетворительно классифицированы и приведены къ небольшому числу регулирующихъ эти перемѣны принциповъ, существованіе которыхъ, впрочемъ, обнаруживается также въ превращеніяхъ, наблюдаемыхъ у зародышей этихъ животныхъ.

«Измѣненія, претерпѣваемыя молодыми ракообразными по выходѣ ихъ изъ яица, могутъ быть вполнѣ разсматриваемы, какъ настоящее превращеніе зародыша; иногда это превращеніе почти всецѣло совершается раньше, чѣмъ молодой индивидуумъ покинетъ оболочки яица, иногда же онъ родится до нѣкоторой степени раньше срока и по рожденіи продолжаетъ претерпѣвать измѣненія въ строеніи, совершенно аналогичныя тѣмъ, которыя въ первомъ случаѣ наблюдаются во время зародышевой жизни въ яйцѣ.

«Эти видоизмѣненія бываютъ двухъ порядковъ: въ одномъ случаѣ они состоятъ въ появленіи одного или нѣсколькихъ колецъ тѣла и зависящихъ отъ нихъ конечностей; въ другомъ—въ измѣненіяхъ, совершающихся въ формѣ и соразмѣрности частей, существующихъ уже въ моментъ рожденія и остающихся на всю жизнь или исчезающихъ болѣе или менѣе окончательно».

«Десятиногія, кажется, всѣ родятся съ полнымъ комплектомъ колецъ и конечностей *). Такъ обстоитъ вопросъ для нѣкоторыхъ сидячеглазыхъ, напр., для родовъ Amphithoë и Phronymes, но другія животныя той же группы по выходѣ изъ яица, имѣютъ только шесть паръ ногъ вмѣсто семи; таковы роды Cymothoa, Anilocres etc. Въ группѣ Entomostraca молодыя особи бываютъ вообще очень мало развитыми, *у нихъ различаютъ только головныя конечности, и въ этомъ отношеніи они похожи на зародышей обыкновенныхъ раковъ во второмъ періодѣ развитія*; грудныя и брюшныя кольца и зависящіе отъ нихъ придатки являются позже и постепенно. Только перемѣнивъ нѣсколько разъ кожу, животное является въ своемъ совершенномъ состояніи» **).

И далѣе:

«Измѣненія формы, претерпѣваемыя молодыми ракообразными въ частяхъ, уже существующихъ отъ рожденія, варіируютъ, смотря по видамъ, но имѣютъ нѣчто общее въ обнаруживающейся почти

*) Теперь извѣстенъ, напримѣръ, Penaeus, который, какъ низшія ракообразныя, имѣетъ при рожденіи только три пары придатковъ.

**) Milne Edwards. Histoire naturelle de crustacés t. I p. 197, 1834.

всегда тенденціи все болѣе отдалять животное отъ нормальнаго типа группы, къ которой оно принадлежитъ, и все болѣе индивидуализировать его. Такъ, въ моментъ рожденія животныя эти болѣе походятъ другъ на друга, чѣмъ во взрослomъ состояніи, и, вообще, чѣмъ болѣе аномалій представляютъ они въ ихъ окончательной формѣ, тѣмъ болѣе претерпѣваютъ измѣненій [въ первое время ихъ жизни».

Вотъ почти полная теорія превращенія ракообразныхъ. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, можно развѣ только нѣсколько видоизмѣнить ее, оттѣнивъ рѣзче нѣкоторыя содержащіяся въ ней положенія. Можно, напримѣръ, формулировать главные изъ этихъ положеній слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ ракообразныя являются сначала или въ яицѣ, или внѣ его, въ общей всѣмъ имъ личиночной формѣ, въ формѣ Nauplius. Они имѣютъ тогда только три пары конечностей, которыя становятся потомъ головными придатками, вообще усиками и челюстями.

«Nauplius представляетъ, слѣдовательно, только голову или часть головы взрослаго ракообразнаго; остальные сегменты тѣла появляются одинъ за другимъ на ея задней части.

«Эти сегменты могутъ образоваться или въ яицѣ, или только по выходѣ животнаго изъ яйца.

«Наконецъ, въ каждой изъ главныхъ группъ, почти всѣ виды проходятъ извѣстное число общихъ формъ и метаморфозы ихъ тѣмъ сложнѣе, чѣмъ болѣе удалено взрослое животное отъ нормальныхъ формъ его группы».

Эволюціонное ученіе съ тѣхъ поръ дало объясненіе всѣмъ этимъ законамъ, выведеннымъ изъ наблюденія. Высказывая ихъ въ первоначальной формѣ, Мильнъ-Эдвардсъ видѣлъ въ нихъ доказательство существованія нѣкотораго единства плана строенія у ракообразныхъ; эти законы онъ не разсматривалъ какъ результатъ постепеннаго осложненія организма этихъ животныхъ, вытекающій изъ послѣдовательнаго прибавленія къ Nauplius новыхъ частей, потомъ видоизмѣненныхъ различнымъ образомъ. Въ этой стадіи онъ считаетъ ракообразное какъ бы сформированнымъ изъ постояннаго числа сегментовъ. «Въ принципѣ,—говоритъ онъ,—можно предположить, что нормальное число сегментовъ тѣла ракообразнаго двадцать одинъ *). Эти сегменты могутъ быть всѣ приведены къ одному идеальному типу, котораго они являются только видоизмѣненіями. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ формы, которыя смѣняютъ одна другую въ продолженіе ме-

*) Histoire naturelle des Crustacés, t. I, p. 14, 1834.

таморфозы, эквивалентны между собою, и какъ бы въ скрытомъ состояніи представляютъ собою ракообразное съ двадцатью однимъ сегментомъ, которыя онѣ стремятся воспроизвести; что формы, состоящія изъ меньшаго количества сегментовъ—ничто иное, какъ аномаліи. Nauplius и всѣ промежуточныя стадіи, отдѣляющія его отъ взрослаго животнаго, по существу являются переходными, и ракообразное, въ случаѣ, если бы оно остановилось на одной изъ этихъ стадій, не было бы построено по плану, характерному для его группы. Однимъ словомъ, ракообразное съ тѣломъ, состоящимъ изъ двадцати одного сегмента, есть, по мнѣнію Мильнъ-Эдвардса, неразложимая единица, каждый изъ сегментовъ которой представляетъ ея дробь. Теперь *), наоборотъ, кажется, что истинная единица это сегментъ, зоонитъ, а ракообразное представляетъ собраніе этихъ единицъ, въ которомъ число составляющихъ частей безразлично. По гипотезѣ единства плана, которой держится въ 1834 г. Мильнъ-Эдвардсъ, ракообразное, вышедшее изъ яйца не съ двадцатью однимъ сегментомъ, «родится въ нѣкоторомъ родѣ *до срока*». По гипотезѣ современной, число сегментовъ ракообразнаго можетъ быть какимъ угодно, нормальный выходъ изъ яица долженъ имѣть мѣсто, когда образовался Nauplius (можно предположить его и болѣе раннимъ); сегменты должны затѣмъ образовываться одинъ за другимъ послѣ вылупленія изъ яйца; если совершается иначе, значитъ вылупленіе было *замедлено* въ то же время, какъ явленія развитія, долженствовавшія привести къ образованію ракообразнаго съ двадцатью однимъ сегментомъ, были ускорены. Такіе оттѣнки, конечно, черезчуръ тонки, но они служатъ прекраснымъ доказательствомъ того положенія, что достаточно иногда дать особый оттѣнокъ идеѣ, въ извѣстный моментъ согласующейся съ фактами, чтобы она стала жить въ наукѣ, чтобы она вошла въ составъ болѣе общихъ теорій, которыя прогрессъ нашихъ знаній дѣлаетъ необходимыми. Если принять теорію, предложенную въ 1834 году Мильнъ-Эдвардсомъ, придется возвратиться къ теоріи архетипа; если явленія эмбріологическаго развитія ракообразныхъ по Мильнъ-Эдвардсу могутъ быть выражены небольшимъ количествомъ законовъ, то все же они остаются необъяснимыми. Наоборотъ, мы увидимъ, принимая второе истолкованіе, что разнообразныя явленія развитія у ракообразныхъ, какъ и тѣ, которыя наблюдаются у высшихъ животныхъ, объясняются просто ускореннымъ ходомъ явленій, ничѣмъ не отличающихся отъ размноженія почкованіемъ.

*) Perriés. Les colonies animales, p. 505, 1884.

Въ 1845 году Мильнъ-Эдвардсъ даетъ уже важное дополненіе къ своему ученію о ракообразныхъ,—дополненіе, выключающее, хотя предположительно, изъ его теоріи условіе опредѣленнаго числа сегментовъ и приписывающее новое значеніе различнымъ областямъ тѣла. Пользуясь открытіемъ размноженія дѣленіемъ замѣчательныхъ маленькихъ морскихъ аннелидъ изъ рода Syllis, открытіемъ, сдѣланнымъ Катрфажемъ, а также на основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій страннаго почкованія другихъ аннелидъ изъ рода Myrianida, Мильнъ-Эдвардсъ приходитъ къ выводу *), что законы роста аннелидъ и ракообразныхъ одинаковы. Онъ настаиваетъ на фактѣ, что въ обѣихъ этихъ группахъ сегменты образуются послѣдовательно и всегда предпослѣдній сегментъ тѣла или послѣдній сегментъ каждой области даютъ начало новымъ. Затѣмъ Мильнъ-Эдвардсъ продолжаетъ: «Когда развитіе дѣлается болѣе активнымъ, чему Syllis и Myrianida представляютъ хорошіе примѣры, то одно кольцо производитъ два или нѣсколько зоонитовъ, которые, *размножаясь далѣе обыкновеннымъ способомъ*, даютъ начало одной или нѣсколькимъ прибавочнымъ серіямъ; совокупность продуктовъ раздѣленія сегментовъ представляетъ тогда серію группъ зоонитовъ, изъ которыхъ каждая группа прибавляется въ длину точно также съ задняго ея конца... Это явленіе которое въ классѣ аннелидъ обнаруживается только при происхожденіи новой особи путемъ почкованія, у другихъ животныхъ наблюдается въ развитіи зародыша. У ракообразныхъ, напримѣръ, кажется, существуетъ три такихъ системы, или три серіи воспроизводительныхъ системъ, удлиненіе которыхъ можетъ продолжаться послѣ образованія перваго кольца слѣдующей серіи, и надо отмѣтить, что эти три группы соотвѣтствуютъ именно тремъ большимъ областямъ тѣла этихъ животныхъ—головѣ, груди и брюху».

Мильнъ-Эдвардсъ показалъ позже, что области тѣла различныхъ сидячихъ аннелидъ въ этомъ отношеніи сходны съ областями тѣла ракообразныхъ; но онъ установилъ уже, что возрастаніе числа сегментовъ тѣла, собственно говоря, ростъ аннелидъ и ихъ безполое размноженіе, есть ничто иное, какъ двѣ, почти не отличающіяся другъ отъ друга формы одного и того же явленія, что различныя области тѣла ракообразныхъ соотвѣтствуютъ новымъ особямъ, которыя у аннелидъ отдѣляются, чтобы вести независимую жизнь, и, слѣдовательно, эти области могутъ быть разсматриваемы, какъ отдѣльныя особи.

*) Milne-Edwards. Observations sur le developpement des annelides (Annales des sciences naturelles 3-e serie, t. III, 1845, p. 174).

Какъ и ракообразныя, аннелиды самыхъ различныхъ группъ походятъ другъ на друга во время первыхъ періодовъ своего развитія; это замѣчательное совпаденіе въ ходѣ развитія у двухъ настолько различныхъ типовъ приводитъ Мильнъ-Эдвардса къ слѣдующимъ разсужденіямъ:

«Зоологическое сродство пропорціонально продолжительности нѣкотораго параллелизма въ ходѣ генетическихъ явленій у различныхъ животныхъ; такимъ образомъ, различныя существа на пути своего развитія тѣмъ раньше перестаютъ походить другъ на друга, чѣмъ къ болѣе высокимъ, но ясно различимымъ группамъ нашей естественной классификаціи они принадлежатъ; существенные, главнѣйшіе признаки двухъ сравниваемыхъ группъ царства животныхъ заключаются не въ особенностяхъ взрослыхъ формъ, но въ болѣе или менѣе продолжительномъ существованіи общаго примитивнаго строенія зародышей, по крайней мѣрѣ, въ ихъ внѣшности» *).

Теперь мы очень далеки отъ принциповъ Кювье, требовавшаго, чтобы всѣ признаки, которыми пользовались при классификаціи, носили характеръ законченности; роль эмбріологіи при классифицированіи отнынѣ намѣчена; животныя, имѣющія одинаковыя личиночныя формы признаются отнынѣ родственными. Если это родство еще представляется до нѣкоторой степени въ переносномъ смыслѣ, то, во всякомъ случаѣ, очевидно, что нечего будетъ измѣнять въ формулѣ, когда придется признать, что слово родство должно быть принимаемо въ его настоящемъ прямомъ смыслѣ. Серръ во Франціи и натурфилософы въ Германіи выразили аналогичное положеніе; говоря: «Всѣ высшія животныя проходятъ въ своемъ развитіи формы, аналогичныя тѣмъ, которыя являются постоянными для низшихъ животныхъ». Новая формула болѣе широка и болѣе точна, а не состоитъ ли прогрессъ науки именно въ замѣнѣ идеи, отчасти согласной съ истиной, другой идеей, болѣе общей, объясняющей и обнимающей первую? Формула натурфилософовъ предполагала единый типъ развитія, формула Мильнъ-Эдвардса обнимаетъ положеніе нѣмецкихъ ученыхъ, а также и ученіе фонъ-Бера, установившаго существованіе нѣсколькихъ типовъ развитія. Но ученіе Мильнъ-Эдвардса имѣетъ преимущество предъ ученіемъ фонъ-Бера, потому что первый не ограничиваетъ числа типовъ развитія и считаетъ воз-

*) Milne-Edwards, Considérations sur quelques principes relatifs à la classification naturelle des animaux (Annales des sciences naturelles, 3-e serie, t. I, p. 65, 1864).

можнымъ введеніе эмбріологическихъ признаковъ во всѣхъ ступеняхъ классификаціи, что пытались сдѣлать нѣсколько разъ незадолго до него.

Впрочемъ, эмбріологія уже оказала важныя услуги въ дѣлѣ классификаціи; благодаря ей, Томпсонъ указалъ, что усоногія, причисленныя Кювье къ моллюскамъ, Латрейлемъ къ аннелидамъ, помѣщенныя Блэнвиллемъ въ особую группу, суть настоящія ракообразныя *), а Нордманъ доказалъ, что животныя, описанныя еще Линнеемъ подъ родовымъ названіемъ Lernaea и всюду разсматриваемыя какъ черви, принадлежатъ точно также къ группѣ ракообразныхъ **). Очень часто съ тѣхъ поръ фазы развитія открывали неожиданное родство между существами, совершенно различными въ зрѣломъ, возрастѣ и натуралисты такъ увѣровали въ эти указанія, что теперь является опасность, какъ бы внѣшнее сходство не было принято за дѣйствительное тождество личиночныхъ формъ.

Въ концѣ концовъ, несмотря на эти послѣдовательныя измѣненія въ представленіи о ракообразномъ, теорія Мильнъ-Эдвардса, въ ея окончательномъ видѣ можетъ быть выражена такъ: всѣ ракообразныя построены по общему типу; ихъ тѣло составлено изъ одинковаго числа колецъ, состоящихъ, въ свою очередь, изъ тождественныхъ частей; различныя ракообразныя отличаются другъ отъ друга только измѣненіемъ формы колецъ тѣла или частей, ихъ составляющихъ; вообще, въ индивидидуумѣ эти видоизмѣненія обнаруживаются въ болѣе или менѣе поздній періодъ эмбріональнаго развитія, такъ что большинство ракообразныхъ, именно тѣ, которыя принадлежатъ къ одной группѣ, сначала походятъ другъ на друга, но затѣмъ различіе между ними увеличивается по мѣрѣ того, какъ идетъ впередъ ихъ развитіе. Кольца тѣла образуются постепенно, но образованіе ихъ можетъ быть медленнымъ или быстрымъ, выходъ изъ яица возможенъ въ любой изъ періодовъ развитія. Каждая изъ областей тѣла, въ смыслѣ ея способности увеличивать число колецъ, можетъ быть разсматриваема, какъ независимый организмъ.

Эти положенія могли бы быть распространены на всѣхъ членистыхъ животныхъ; на основаніи этихъ положеній, какъ кажется, можно построить архетипъ членистоногихъ животныхъ, подобно архетипу позвоночныхъ, но эти два архетипа совершенно

*) Thompson. Zoological researches and illustrations, or natural histtory of non descript, or imperfectly knon annals 1831.

**) Nordmann. Micrographische Beiträge zur Naturgeschichte der werbellosen Thiere, 1832.

непохожи другъ на друга, чѣмъ какъ бы подтверждается существованіе нѣсколькихъ органическихъ типовъ, признаваемое Кювье. Между тѣмъ, какъ замѣчаетъ Мильнъ-Эдвардсъ, простыя положенія, позволяющія опредѣлить архетипъ суставчатоногихъ, большею частью являются результатомъ удачнаго приложенія къ ракообразнымъ метода, которымъ пользовался Жоффруа Сентъ-Илеръ при изученіи позвоночныхъ. «Теорія аналоговъ,—говоритъ Мильнъ-Эдвардсъ,—прославленная трудами своего автора и тѣмъ направленіемъ, которое она указала сравнительной анатоміи, устраняетъ, какъ мы видѣли, большинство трудностей, представлявшихся до сихъ поръ въ изученіи кожнаго скелета ракообразныхъ и, если бы польза приложенія къ энтомологіи философскихъ воззрѣній, лежащихъ въ основѣ этого ученія, не имѣла уже доказательствъ въ изслѣдованіяхъ Савиньи, Одуена и т. д., то за это приложеніе говорила бы та простота, съ какой резюмируются причины безчисленныхъ различій въ кожномъ скелетѣ ракообразныхъ».

Гипотеза единства плана строенія, прилагаемая въ предѣлахъ каждаго изъ подраздѣленій животнаго царства, позволяла довольно удовлетворительнымъ способомъ привести къ общей причинѣ черты сходства, наблюдаемыя у животныхъ; не представлялась ли также возможность найти одинъ общій принципъ во всемъ безчисленномъ разнообразіи ихъ особенностей? Съ 1827 года Мильнъ-Эдвардсъ въ своихъ статьяхъ, помѣщавшихся въ *Dictionnaire classique d'histoire naturelle*, указывалъ на средства выполнить эту задачу. Онъ не только формулировалъ тогда законъ, приложеніе котораго день-ото-дня становилось шире, но первый точнымъ образомъ указалъ на подобіе законовъ политической экономіи и общей физіологіи; такимъ образомъ онъ открылъ путь, по которому пошелъ впослѣдствіи Дарвинъ и который долженъ былъ привести къ неожиданнымъ результатамъ. Причина разнообразія животныхъ, по мнѣнію Мильнъ-Эдвардса, лежитъ въ *раздѣленіи физіологической работы* между элементами, составляющими ихъ тѣло; по мнѣнію же Дарвина, причину происхожденія видовъ нужно искать въ *конкурренціи*, которую создаетъ *увеличеніе животнаго населенія* и успѣхъ *наиболѣе приспособленныхъ*, другими словами, *въ естественномъ подборѣ*, являющемся слѣдствіемъ этой конкурренціи. Экономисты смотрятъ на раздѣленіе труда, какъ на лучшее орудіе конкурренціи. И такъ, можно сказать, что ученіе Мильнъ-Эдвардса ни мало не потеряло своего значенія съ появленіемъ ученія Дарвина; наоборотъ, доктрина Мильнъ-Эдвардса

*) Histoire naturelle des Crustacés, t. I, p. 50.

получила съ тѣхъ поръ еще большую силу и важность. Съ другой стороны, раздѣленіе труда предполагаетъ *ассоціацію*, принципъ, примѣненіе котораго въ животномъ царствѣ, какъ мы уже видѣли, указалъ Дюжесъ, въ 1831 году. Въ нашей книгѣ *Les colonies animales et la formation des organismes*, мы пытались показать всю важность этого принципа съ точки зрѣнія теоріи эволюціи и постепеннаго усложненія живыхъ существъ, съ точки зрѣнія опредѣленія законовъ образованія органическихъ типовъ, объясненія эмбріологическихъ явленій и даже образованія того, что мы называемъ «*индивидуальностью*». И такъ, параллель продолжается и каждое приложеніе законовъ политической экономіи къ морфологіи оказывается богатымъ результатами. Очевидно, что вся часть вопроса, касающаяся того, какъ осуществились четыре главные способа распредѣленія характеристическихъ частей тѣла, четыре органическихъ типа Кювье, та самая сторона вопроса, которую мы особенно обсуждали въ *Les colonies animales*, не могла существовать, если бы держались гипотезы, что органическіе типы возникли разомъ и видоизмѣняются только въ деталяхъ; между тѣмъ, этой именно точки зрѣнія и придерживаются Дюжесъ и Мильнъ-Эдвардсъ. Безъ сомнѣнія, и тотъ и другой изъ этихъ ученыхъ имѣютъ въ рукахъ извѣстное число фактовъ, открытыхъ частью ими самими и позволяющихъ установить теорію образованія органическихъ типовъ; но, тѣмъ не менѣе, они принимаютъ, какъ Кювье, какъ Жоффруа Сентъ-Илеръ и позже Ричардъ Оуэнъ, гипотезу, по которой органическіе типы являются непосредственнымъ твореніемъ Создателя, и только къ этимъ типамъ, *уже существующимъ*, они начинаютъ прилагать теорію раздѣленія физіологической работы.

«У нѣкоторыхъ животныхъ,—говоритъ въ 1827 году Мильнъ-Эдвардсъ, — тѣло представляется во всѣхъ частяхъ однородно устроеннымъ; у нихъ, какъ кажется, нѣтъ ни одного ясно обособленнаго органа. Прѣсноводные полипы представляютъ примѣръ такого строенія. Тѣло этихъ животныхъ можетъ быть сравнено съ мастерской, гдѣ всѣ работники заняты совершенно одинаковой работой и гдѣ число рабочихъ можетъ повліять только на количество, но не на качество выполненнаго труда. Такъ, опытъ показалъ, что если раздѣлить на части одно изъ этихъ существъ, этимъ не измѣняется образъ дѣйствій; каждый кусокъ продолжаетъ жить, какъ прежде, и можетъ образовать новое животное...

*) Dictionnaire classique d'histoire naturelle, t. XII, article organisation, p. 339, 1827.

Наоборотъ, когда жизнь начинаетъ проявляться въ болѣе сложныхъ явленіяхъ и конечный результатъ дѣятельности различныхъ частей тѣла становится болѣе совершеннымъ, нѣкоторые органы имѣютъ свое совершенно особое строеніе и тогда перестаютъ дѣйствовать, подобно всему тѣлу. Жизнь индивидуума, вмѣсто того, чтобы быть суммой большаго или меньшаго числа совершенно однородныхъ физіологическихъ актовъ, является результатомъ совокупности существенно различающихся актовъ, выполняемыхъ каждый отдѣльнымъ органомъ. Различныя части тѣла въ животной экономіи содѣйствуютъ одной общей цѣли, но каждая особымъ, свойственнымъ ей одной образомъ, и чѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе развиты способности извѣстнаго существа, тѣмъ болѣе разнообразія въ строеніи и тѣмъ тоньше раздѣленіе труда, зависящее отъ этого разнообразія».

Выражая болѣе точнымъ образомъ свою мысль, Мильнъ-Эдварсъ, пишетъ также *):

«Принципъ, которому слѣдуетъ природа въ усовершенствованіи существъ, тождественъ съ тѣмъ, который такъ прекрасно разработанъ новѣйшими экономистами. Въ твореніяхъ природы и въ произведеніяхъ искусства, всюду видны громадныя преимущества раздѣленія труда».

Эти принципы раздѣленія труда Мильнъ-Эдварсъ усматриваетъ послѣдовательно въ различныхъ системахъ органовъ и прежде всего въ покровахъ.

«Внѣшняя поверхность тѣла и части, лежащія глубже, представляютъ рядъ измѣненій, объясненіе которыхъ намъ даетъ принципъ, только что упомянутый нами. Какъ мы уже говорили, поверхность эта подобна сначала остальной паренхимѣ, но потомъ пріобрѣтаетъ особыя свойства и составляетъ оболочку, внутренняя сторона которой служитъ мѣстомъ прикрѣпленія всѣхъ активныхъ органовъ движенія, а внѣшняя обладаетъ чувствительностью, служитъ для дыханія и выполняетъ нѣкоторыя другія функціи.

«Въ высшихъ классахъ способность ощущать свѣтъ локализируется еще опредѣленнѣе и становится въ то же время совершеннѣе, что одинаково можно сказать о чувствѣ слуха и обоняніи, но внѣшняя оболочка служитъ еще органомъ движенія и осязанія, опредѣляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, форму тѣла и защищая внутренніе органы отъ вреднаго вліянія внѣшнихъ агентовъ. Наконецъ, на высшихъ ступеняхъ животной лѣстницы, раздѣленіе труда проявляется еще шире; особая система, предназначенная спеціально

*) Histoires naturelle crustacés t. I, p. 5, 1834.

для защиты мягкихъ частей и для двигательныхъ функцій, и кожная оболочка, вмѣсто того, чтобы служить такимъ разнообразнымъ потребностямъ, призвана теперь къ дѣятельности въ качествѣ органа осязанія, она же препятствуетъ испаренію жидкостей, заключающихся въ тѣлѣ, а также служитъ для небольшого числа другихъ функцій».

Въ этомъ отрывкѣ принципъ раздѣленія труда приложенъ не только къ рѣзко обособленнымъ частямъ тѣла, сначала идентичнымъ другъ съ другомъ, а потомъ пріобрѣтающимъ различныя функціи, но и къ однороднымъ массамъ, безъ индивидуальности въ собственномъ смыслѣ этого слова, къ массамъ, которыя все-таки разлагаются на разнородныя части, способныя каждая къ особой работѣ. Однако, здѣсь не указано никакой связи, никакого отношенія между случаями слабаго раздѣленія труда, и такими, гдѣ этотъ принципъ выраженъ очень ясно; такъ, напр., автору, очевидно, не приходитъ на мысль установить нѣкоторую генеологическую связь между внутреннимъ скелетомъ позвоночныхъ, о которомъ идетъ рѣчь въ послѣднихъ строкахъ, и внѣшнимъ скелетомъ членистыхъ. Принципъ раздѣленія труда здѣсь, слѣдовательно, сводится къ констатированію совокупности фактовъ, и является скорѣе *метафизическимъ закономъ*, чѣмъ указаніемъ на реальный *процессъ*, на дѣйствительно совершающійся актъ перехода отъ простого состоянія къ болѣе сложному. Однако, этотъ законъ въ томъ примѣненіи, какое было дано ему послѣдователями Мильнъ-Эдвардса, не теряетъ характера реальнаго процесса, потому что раздѣленіе труда, совершаясь при участіи поддающихся опредѣленію внѣшнихъ причинъ, между индивидуумами сначала тождественными и самостоятельными, и видоизмѣняясь подъ вліяніемъ этихъ причинъ, необходимо вызоветъ постепенное превращеніе живущихъ формъ; но такого рода положенія, выраженныя Мильнъ-Эдвардсомъ метафорически, легко могутъ быть приняты въ иномъ смыслѣ. Таковы, напримѣръ, положенія, касающіяся нервной системы *):

«Изучая въ длинномъ рядѣ членистыхъ животныхъ части тѣла, посредствомъ которыхъ они воспринимаютъ впечатлѣнія, наблюдаютъ въ этихъ частяхъ смѣну измѣненій, аналогичныхъ тѣмъ, которыя мы уже отмѣтили, говоря о кожномъ аппаратѣ и органахъ растительной жизни. Нервная система является сначала въ формѣ шнура, который тянется по всей длинѣ тѣла; каждая изъ частей его дѣйствуетъ тогда, какъ цѣлое; если раздѣлить живот-

*) Ibid. p. 126.

ное на нѣсколько кусковъ, то каждый изъ нихъ продолжаетъ чувствовать и двигаться, какъ это онъ дѣлалъ, когда тѣло было неразрѣзаннымъ. Нѣсколько высшая степень раздѣленія труда ведетъ къ локализаціи способности воспринимать ощущенія, а также къ локализаціи нѣкоторыхъ актовъ въ опредѣленныхъ частяхъ этой системы, существованіе которыхъ обусловливаетъ то обстоятельство, что функціи, ради которыхъ существуетъ весь аппаратъ вообще, сохраняютъ свою цѣлостность. Наконецъ, у болѣе совершенныхъ животныхъ чувствительность становится достояніемъ нѣкоторыхъ нервныхъ волоконъ; способность къ произвольнымъ движеніямъ сосредоточивается въ другихъ волокнахъ этой системы; способность вызывать дѣятельность этихъ различныхъ частей локализируется въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ точкахъ нервнаго аппарата, между тѣмъ какъ способность координировать движенія сосредоточена въ другихъ особыхъ мѣстахъ его. Однимъ словомъ, всѣ части чувствительнаго аппарата въ концѣ концовъ различнымъ образомъ способствуютъ тому, чтобы въ суммѣ произвести рядъ явленій, которыя всѣ въ совокупности сначала могли быть произведены каждой изъ этихъ частей въ отдѣльности».

Здѣсь мы видимъ ту же точку зрѣнія, съ которой говорилось о покровахъ; морфологическія приложенія принципа раздѣленія труда, хотя еще только въ формѣ предположеній, являются тогда, когда, изучивъ различныя превращенія нервной системы у ракообразныхъ, Мильнъ-Эдвардсъ резюмируетъ ихъ въ законѣ, сходномъ съ *закономъ централизаціи*, которымъ Серръ выразилъ послѣдовательныя измѣненія нервной системы, претерпѣваемыя ею у насѣкомыхъ во время ихъ развитія *).

«Нервная система ракообразныхъ составлена всегда изъ нервныхъ узловъ, нормальное число которыхъ равняется числу конечностей. Всѣ измѣненія, встрѣчаемыя въ ней въ различные періоды эмбріональнаго развитія, или у различныхъ видовъ одной категоріи, зависятъ, главнымъ образомъ, отъ болѣе или менѣе полнаго сближенія этихъ узловъ, скучиванія ихъ со стороны боковъ по направленію къ средней линіи тѣла и въ то же время по продольному направленію, но эти измѣненія отчасти могутъ быть результатомъ остановки въ развитіи извѣстнаго числа нервныхъ узловъ».

Сравненіе фактовъ, открытыхъ сравнительной анатоміей и эмбріологіей, уже даетъ возможность предполагать, что различныя состоянія нервной системы могли возникнуть изъ примитивнаго

*) Ibid. p. 147.

языкъ плѣнника и онъ съ большимъ трудомъ и несвязно произнесъ:

— Я... я... изъ Бѣлой-Церкви.

— Изъ Бѣлой-Церкви онъ... — сказалъ главнокомандующій.

— Если изъ Бѣлой-Церкви, то это важно.

— Да, ужъ три дня нѣтъ свѣдѣній оттуда.

— Кто его можетъ узнать?

— Позовите Недѣльчева.

— Дьяконъ! Дьяконъ!—закричали по направленію къ одному углу укрѣпленій, гдѣ нѣсколько повстанцевъ что-то копали.

Тотчасъ же подошелъ молодой повстанникъ въ легкой революціонной одеждѣ, съ позолоченной рукоятью у шашки.

Это былъ нашъ знакомый, дьяконъ Викентій. Теперь онъ носилъ мірское имя Недѣльчева.

— Недѣльчевъ, знаешь ты его милость?—спросилъ начальникъ.

Викентій посмотрѣлъ на плѣнника и сказалъ:

— Кажется мнѣ, что я видѣлъ его милость въ Бѣлой-Церкви.

— Что онъ за человѣкъ?

— Я его близко не знаю.

— Какъ его зовутъ?

— Не знаю.

— Какъ тебя зовутъ, эй?

Но у плѣнника опять отняло языкъ. Онъ ничего не могъ произнести.

— Что терять время съ этимъ скотомъ, онъ шпіонилъ здѣсь. Пусть отведутъ его въ сторону, да прикончатъ съ нимъ.

— Но намъ важно знать, что дѣлается въ Бѣлой-Церкви,—замѣтилъ главнокомандующій; вынувъ кинжалъ, онъ приставилъ остріе къ шеѣ несчастнаго и крикнулъ яростно:

— Будешь ты говорить?

— Графъ... графъ... графъ... — залепеталъ плѣнникъ.

— Что онъ бормочетъ?

— Разобралъ, подождите, — сказалъ Викентій и подошелъ къ бѣлоцерковчанину.

— Ты знаешь графа?

— Графъ, графъ...

— Кто этотъ графъ? — спросилъ главнокомандующій.

— Огнянова называютъ въ Бѣлой-Церкви графомъ, это осталось за нимъ послѣ представленія Геновевы,—пояснилъ дьяконъ; затѣмъ онъ обратился къ плѣннику:

— Такъ ты знаешь графа? А онъ тебя знаетъ?

— Знаетъ, знаетъ, графъ, — проговорилъ уже разборчивѣе на этотъ разъ плѣнникъ.

— Тогда отведите его къ Огнянову, въ его укрѣпленіе, — сказалъ начальникъ, — Боримечка, отведите это животное къ Огнянову: пусть его допроситъ, а потомъ пусть сдѣлаетъ съ нимъ, что захочетъ.

При этихъ словахъ на лицѣ плѣнника изобразилось двойное чувство,— успокоенія и ужаса.

— Что ты дѣлаешь, Боримечка? — спросилъ одинъ, увидѣвъ, что Иванъ роется въ мѣшкѣ плѣнника.

— Эти ножницы развѣ не надобны, или я—волъ?—сказалъ Иванъ, вынимая изъ мѣшка однѣ большія ножницы, однѣ—малыя и желѣзный аршинъ.

— Что же ты сдѣлаешь съ ними? Уши ему обрѣжешь.

— А для пушки развѣ не нужны снаряды?—и Боримечка разнялъ руками большія ножницы на двѣ половины. Потомъ каждую половину онъ надавилъ колѣномъ, желѣзо сухо звякнуло и въ каждой рукѣ осталось по куску отъ половины. Аршинъ онъ просто сломалъ на части рукой, какъ ломаютъ прутья. Потомъ, обернувшись къ плѣннику, онъ сказалъ:

— Помни, если выйдешь нечистымъ человѣкомъ, и твою голову я также оторву и набью ею пушку,— и онъ свирѣпо посмотрѣлъ на маленькую голову плѣнника, которая легко влѣзла бы въ жерло пушки.

Минутъ черезъ пятнадцать Боримечка привелъ плѣнника на одно восточное укрѣпленіе, которымъ командовалъ Огняновъ.

XXXII.

Новый допросъ.

Это укрѣпленіе находилось на холмѣ между Злымъ-Доломъ и Старой-Рѣкой и имѣло въ стратегическомъ отношеніи такое же значеніе, какъ и Злодольское, но, сверхъ того, оно обладало еще тѣмъ преимуществомъ, что съ него виднѣлась и часть Стремской долины, зеленѣвшей далеко на востокѣ за голыми холмами. Защитники этого укрѣпленія, числомъ тридцать человѣкъ, бродили изъ стороны въ сторону съ унылыми, озабоченными лицами. Уныніе господствовало и тутъ, какъ и на другихъ укрѣпленіяхъ.

Огняновъ, одѣтый въ крестьянское платье, съ неизбѣжными двумя револьверами за поясомъ, стоялъ теперь на насыпи окоповъ и смотрѣлъ въ бинокль на долину. Онъ смотрѣлъ на какой-то синій дымокъ, который нѣкоторые приняли за ожидаемый пожаръ.

Огняновъ опустилъ бинокль, слѣзъ съ насыпи и мрачно пробормоталъ:

— Нѣтъ; это жгутъ уголья на Средней горѣ.

Въ этотъ мигъ онъ замѣтилъ Боримечку съ плѣнникомъ.

Невольная улыбка заиграла на лицѣ его.

Онъ узналъ Рачка Пердлета.

Рачко вчера оставилъ Бѣлую-Церковь и отправился въ Рахманлари, чтобы «пошить» на турокъ,—свободное занятіе, которое доставляло скудный заработокъ и нѣкоторымъ другимъ бѣднякамъ изъ Бѣлой-Церкви.

По простотѣ своей онъ ничего не понялъ, что творится въ Бѣлой-Церкви, ни что дѣлается въ другихъ мѣстахъ; поэтому онъ былъ сильно изумленъ, когда въ Рахманлари, вмѣсто того, чтобы получить заказы на шитье одежды, онъ получилъ нѣсколько тумаковъ въ спину отъ раздраженныхъ турокъ и былъ выгнанъ съ самыми неделикатными ругательствами.

Чтобы не придти домой съ пустыми руками, онъ рѣшилъ завернуть въ Клисуры, лежащіе по близости. Но встрѣча съ коннымъ турецкимъ отрядомъ перепугала его, и онъ повернулъ на Старую Рѣку, чтобы оттуда пробраться въ Клисуры. Такимъ образомъ онъ и попалъ въ руки передовой стражи.

Боримечка сдѣлалъ добросовѣстный докладъ.

Огняновъ, нахмуренный, обратился къ Рачкѣ:

— Что ты здѣсь ищешь, а?

Рачко уже успѣлъ немного пріободриться. Хотя у него осталось довольно непріятное воспоминаніе объ Огняновѣ, но среди столькихъ незнакомыхъ, вооруженныхъ и враждебнонастроенныхъ людей (Рачко принялъ ихъ за разбойниковъ), Огняновъ показался ему своимъ человѣкомъ, даже почти пріятелемъ... Языкъ Рачка развязался, и онъ, съ грѣхомъ пополамъ, разсказалъ ему свою одиссею.

Бойчо обрадовался, когда услышалъ, что Рачко вчера лишь оставилъ Бѣлую-Церковь.

— Что слыхать въ Бѣлой-Церкви?

— Ничего, ничего, слава Богу, ничего...

Это «ничего» поразило Огнянова какъ обухомъ по головѣ.

— Не лги, говори правду!

— Ничего нѣтъ, можешь быть спокоенъ, ничего нѣтъ.

— Какъ, ничего тамъ не случилось?

— Вѣрь мнѣ, ничего... хочешь, дамъ клятву?

— Этотъ оселъ ничего не знаетъ,— подумалъ Бойчо съ негодованіемъ;— только правду ли онъ говоритъ, не подосланъ ли онъ на самомъ дѣлѣ турками?

Какъ это онъ проникъ сюда, а другіе не могутъ!

И онъ пронизывалъ его своимъ огненнымъ взглядомъ.

— Слушай, говори правду, иначе я прикажу разбить твою голову о камень...— сказалъ Бойчо съ лицемъ, внезапно загорѣвшимся гнѣвомъ.

— Нѣтъ, ты его отдай мнѣ, учитель, — вмѣшался Боримечка, — мнѣ нужна его голова: я ее оторву рукой и набью ею пушку, пусть она полетитъ въ Рахманлари, да разскажетъ туркамъ, что видѣла здѣсь...

И исполинъ вперилъ алчно глаза въ маленькаго Рачка.

— Все, все разскажу...—забормоталъ перепуганный Рачко.

— Помни, что я тебѣ говорилъ,— сказалъ Огняновъ.

— Помню, помню, я тебѣ говорю, что помню...

— Правда это, что ты вчера вышелъ изъ Бѣлой-Церкви?

— Вчера, вчера. Солнце было вотъ, вотъ тамъ.

— Что тамъ слышно?

— Ничего, ничего, будь спокоенъ.

— Почему ты оставилъ Стефчева?

— Онъ меня выгналъ, Господь его убей!

— За что онъ тебя выгналъ?

— А въ него стрѣляли изъ ружья, такъ онъ меня тогда прогналъ... Развѣ ты не знаешь, что въ Стефчова стрѣляли изъ пушки? Я уже спалъ, повѣсь меня, если вру, вдругъ что-то сдѣлало урр: я и проснулся... Хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ, кто стрѣлялъ? Я для одной чести живу...

— Кто?

— Докторъ.

— Докторъ Соколовъ?

— Соколовъ, онъ!

— Молчи, ты болванъ...

— Да, я тебѣ говорю, что Соколовъ; пусть меня не зовутъ Рачко Пердлето... Человѣкъ только для чести на этомъ свѣтѣ... То былъ Соколовъ, я его узналъ по виду и по его медвѣдицѣ.

— Какая медвѣдица?

— Развѣ не знаешь? Его медвѣдица, онъ ее снова поймалъ... Она бѣжала впереди, онъ сзади...

Огняновъ махнулъ ему рукой, чтобъ замолчалъ.

— Ты вчера, прежде чѣмъ уйти, кого видѣлъ въ Бѣлой-Церкви?.. Видѣлъ ты Соколова?

— Видѣлъ его, не вчера,—третьяго дня, входилъ къ себѣ съ нѣмцемъ.

— Нѣтъ-ли какой тревоги?

— Ничего нѣтъ.

— Можетъ, ждутъ турокъ?

— Ни одной собаки нѣтъ.

— Не заперъ ли кого бей въ темницу?

— Не слыхалъ.

— Такъ все мирно?

— Я тебѣ говорю, ты мнѣ вѣрь...

— Что говорятъ тамъ люди?

— Хорошо говорятъ люди...

— Какъ хорошо?

— Всякій за своимъ дѣломъ... напримѣръ, я... человѣкъ семейный, надѣлъ мѣшокъ и айда за работой, по селамъ... или ты скажешь, что стыдъ— не стыдно, графче, Рачко Пердлето все тотъ же, съ своей честью... Потому что человѣкъ зачѣмъ живетъ? Для краснаго имени на этомъ свѣтѣ...

Огняновъ опять оборвалъ его.

— Ты страшный болтунъ; слушай, редакторъ тамъ?

Рачко выпучилъ глаза въ недоумѣніи.

— Безпортевъ,—пояснилъ Бойчо.

— Кто?

— Капасызъ!

— Видѣлъ я и его...

— Гдѣ ты его видѣлъ?

— Шли съ Ганчо, дѣда попа Ни-

*

стора, и съ Странджевымъ по Гулебалевой улицѣ... Я, какъ уходилъ, встрѣтилъ ихъ.

— Что же они дѣлали? Были они взволнованы?—спрашивалъ тревожно Бойчо, жаждавшій вытянуть изъ устъ этого простака хоть самое ничтожное свѣдѣніе о какомъ-нибудь близкомъ движеніи въ Бѣлой-Церкви.

Но Рачко опять не зналъ, что отвѣтить.

— Какъ они шли, быстро или медленно?—измѣнилъ свой вопросъ Огняновъ, чтобы сдѣлать его болѣе понятнымъ Рачку.

— Шли, какъ всѣ люди... Кто ихъ гонитъ?

Бойчо злобно сжалъ руки.

Сдѣлавъ еще одинъ безполезный вопросъ, онъ убѣдился, что ему ничего не удастся узнать по той простой причинѣ, что самъ Рачко ничего не понялъ, и еще потому, что въ Бѣлой-Церкви на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ.

— Какъ прикажешь, учитель, съ нимъ?—спросилъ Иванъ Боримечка.

— Иване, ты ступай себѣ на Злой-Долъ, а онъ останется здѣсь. Это не шіонъ, онъ просто большой оселъ...

Услышавъ, что страшнаго Боримечку отсылаютъ—Рачко вздохнулъ свободнѣе.

— Я, графъ, прости меня, могу и пошить на этихъ бродягъ... Я, если будетъ работа... отъ работы стыда нѣтъ, и человѣкъ, когда у него есть честь...

— Какіе такіе бродяги?—строго спросилъ Огняновъ.

Рачко понизилъ голосъ.

— Вотъ эти, разбойники, храни Богъ, они хотѣли испить моей крови...—и онъ глазами показалъ на защитниковъ укрѣпленій.

— Дайте ему работы на окопахъ!—крикнулъ Огняновъ и отошелъ.

XXXIII.

Настроеніе духа на укрѣпленіяхъ.

Къ Огнянову подошелъ десятникъ.

— Что тебѣ, Марчевъ?

— Дѣло не ладно,—шепнулъ десятникъ:—въ укрѣпленіе проникаетъ деморализація.

Огняновъ нахмурился.

— Тотъ, кто лишаетъ бодрости другихъ, будетъ наказанъ смертью въ ту же минуту...—сказалъ онъ раздраженно.—Кого ты замѣтилъ, Марчевъ?

Десятникъ назвалъ ему четыре имени.

— Позови ихъ!

Обвиняемые явились. Это были пожилые уже люди — ремесленники и торговцы.

Огняновъ вперилъ въ нихъ глаза и спросилъ:

— Это вы, господа, развращаете народъ?

— Никого мы не развращаемъ,— отвѣтилъ одинъ изъ нихъ сердито.

— Извѣстно ли вамъ, какъ наказывается подобное поведеніе въ такое критическое время?

Тѣ ничего не отвѣтили; но это молчаніе выражало скорѣе упорство, чѣмъ испугъ.

Лицо Огнянова внезапно загорѣлось гнѣвомъ, но онъ сдержалъ его и сказалъ спокойно:

— Идите на мѣста, господа... Мы подняли революцію, и теперь уже поздно раскаиваться... Мы встрѣтимъ врага здѣсь и пусть никто не смотритъ по направленію къ Клисурамъ... Вы защитите дома ваши и семьи, не тѣмъ, что вернетесь туда, а когда будете твердо стоять здѣсь! Прошу васъ,

не ставьте меня въ затруднительное положеніе.

Повстанцы не уходили.

Огняновъ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Очевидно, это былъ протестъ.

— Что еще скажете?

Повстанцы переглянулись, затѣмъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Мы не стояли за это.

— Я въ жизни своей ружья не держалъ,—добавилъ другой.

— Да кто его держалъ?

— Мы не умѣемъ крови проливать...

— Перепугались?—спросилъ Огняновъ, думая пристыдить ихъ этимъ вопросомъ...

— Не грѣхъ, если скажемъ...

— Перепугались, да! — сказалъ злобно первый.

— У насъ жены и дѣти...

— Мы дорожимъ нашей жизнью,— прибавилъ почти гнѣвно одинъ изъ нихъ, болѣе смѣлый.

— Ваши жизни, и ваши дѣти, и ваши дома ничего не значатъ передъ освобожденіемъ Болгаріи, а главное, передъ честью Болгаріи! — крикнулъ Огняновъ дрожащимъ голосомъ. — Я васъ снова прошу, не выказывайте малодушія и не заставляйте меня принимать крайнія мѣры противъ васъ.

— Мы ружьями и бунтами не занимались.

— Чего вы хотите?

— Чтобы ты насъ отпустилъ.

— Мы противъ людей не стрѣляли, не наше это дѣло.

Огняновъ увидѣлъ, что добрыми словами онъ не побѣдитъ ихъ упрямства... Гнѣвъ закипалъ въ немъ, но онъ пересиливалъ себя. Съ грустью убѣдился онъ, что одно только глубокое отчаяніе и ужасъ передъ борьбой могли придать малодушнымъ эту смѣлость признаться громко передъ своимъ начальникомъ въ трусости, не краснѣя отъ стыда.

Отъ такого признанія до паническаго страха остается одинъ шагъ. Онъ рѣшилъ дѣйствовать безпощадно.

Нужно остановить заразу, прежде чѣмъ она охватила всѣхъ. Дисциплина прежде всего.

— Господа, покоритесь вы своему долгу или нѣтъ?—спросилъ онъ рѣшительно.

И онъ ждалъ съ мрачнымъ взглядомъ и съ бьющимся сердцемъ ихъ отвѣта.

Въ этотъ моментъ сзади него послышались неожиданные крики.

Онъ обернулся и увидѣлъ Боримечку, который недалеко на полянѣ гнался за цыганомъ. Другіе повстанцы столпились и смотрѣли, поощряя криками Боримечку, который не смотря на свои гигантскія ноги не успѣвалъ догнать легкаго, босого цыгана... Нѣкоторые прицѣлились ружьями, но Огняновъ ихъ остановилъ. Очевидно, бѣглецъ до сихъ поръ скрывался въ Клисурахъ и теперь хотѣлъ бѣгствомъ спастись въ какое-иибудь турецкое село. Цыгане, которымъ удалось убѣжать въ первые дни, первые принесли туркамъ извѣстіе о возстаніи въ Клисурахъ, а также и подробности расположенія силъ повстанцевъ. Ихъ интересы и происхожденіе побуждали ихъ сдѣлаться вѣрными союзниками турокъ...

Боримечка продолжалъ гнаться за цыганомъ, дѣлалъ гигантскіе прыжки и летѣлъ, какъ стихія... Но цыганъ бралъ верхъ надъ нимъ и все болѣе и болѣе отдалялся отъ укрѣпленія... Теперь уже и пулей было трудно достать его. Но вдругъ онъ остановился въ нерѣшительности: впереди его показались двое повстанцевъ изъ дальней стражи и онъ очутился между двухъ огней. Въ ту же минуту Боримечка добѣжалъ до него, схватилъ его своими лапами и повалилъ на землю. Съ укрѣпленія раздались веселыя восклицанія... Ему закричали:

— Сюда! Сюда!

Боримечка, разъяренный и озлоб-

ленный, подгонялъ цыгана, осыпая его ураганомъ ругательствъ, которыя слышны были ясно на укрѣпленіи.

Скоро привели бѣглеца.

Повстанцы окружили его. Свирѣпыя чувства оживили ихъ унылыя лица. Этого цыгана знали всѣ. Онъ уже два раза пробовалъ бѣжать изъ Клисуръ,— первый разъ съ какимъ-то тайнымъ порученіемъ, которое ему далъ задержанный въ городѣ турокъ изъ конака, — и теперь онъ находился въ строгомъ заключеніи. На этотъ разъ въ пользу его помилованія нельзя было ничего привести.

Начальникъ укрѣпленія обернулся къ десятнику и нѣкоторое время тихо съ нимъ разговаривалъ.

— Да, да,—закончилъ Огняновъ;— всякое снисхожденіе и милость были бы теперь вредны. Видъ смерти, можетъ быть, научитъ малодушныхъ смотрѣть на нее смѣлѣе... Но приговоръ долженъ исходить изъ военнаго совѣта. Марчевъ, ступай сейчасъ въ Злой-Долъ и изложи дѣло... Мое мнѣніе и просьба — смертная казнь. Скорѣй...

Десятникъ отправился.

Огняновъ съ строгимъ видомъ сказалъ одному изъ повстанцевъ, старику:

— Дѣдо Марине, возьми этого цыгана подъ стражу.

Потомъ, обернувшись къ двумъ молодымъ повстанцамъ:

— Ребята, отведите ихъ милости, этихъ трусовъ, на тотъ конецъ, отберите у нихъ ружья и держите ихъ подъ стражей до слѣдующаго приказа.

Четыре возмутившихся повстанника поблѣднѣли, но покорились и двинулись къ мѣсту ихъ ареста.

XXXIV.

Окрещеніе.

Огняновъ, сильно взволнованный, ходилъ взадъ и впередъ по окопамъ. Лицо его, исхудалое и блѣдное, выражало глубокое горе и задумчивость.

Онъ подошелъ къ одной группѣ повстанцевъ, которые заняты были усерднымъ копаніемъ новыхъ окоповъ, машинально посмотрѣлъ на нихъ и, не замѣтивъ пріятельской улыбки Рачка, взобрался снова на насыпь, посмотрѣлъ въ бинокль на востокъ, и съ еще болѣе оледенѣвшими чертами лица слѣзъ и отошелъ на свое прежнее мѣсто.

— Что за народъ! что за народъ!— бормоталъ онъ.

Вернулся Марчевъ.

— Смертный приговоръ!—сказалъ онъ, запыхавшись.

— Военный совѣтъ произнесъ?

— Да,смерть безъ отлагательства!— добавилъ громко Марчевъ; потомъ онъ что-то тихо шепнулъ Огнянову.

Огняновъ кивнулъ утвердительно.

Слова: «смерть, безъ отлагательства», были услышаны и другими; пошелъ кругомъ шопотъ и достигъ того угла, гдѣ стояли арестованные.

Прежде блѣдные, они теперь побѣлѣли, какъ стѣна.

Они поняли, что здѣсь не шутятъ. Военный совѣтъ сразу выросъ во что-то ужасное, грандіозное, неумолимое, какъ судьба. Одинъ развѣ Богъ казался имъ еще грандіознѣе.

Одинъ повстанникъ подошелъ къ Огнянову:

— Арестованные каются и молятъ о прощеніи.

Огняновъ сухо отвѣтилъ:

— Приговоръ произнесенъ, теперь уже поздно... Потомъ онъ прибавилъ повелительно:

— Брайковъ, возьми еще Нягула, Благоя и Искрова и отведите этихъ четырехъ въ тотъ оврагъ, чтобы тамъ привести въ исполненіе надъ ними приговоръ военнаго совѣта.

Брайковъ, достаточно удивленный и смущенный всѣмъ этимъ, отправился исполнять приказаніе начальника.

Ни одинъ голосъ не отозвался болѣе въ защиту осужденныхъ... Никто не желалъ, чтобъ его сочли солидарнымъ съ ними. Всякій чувствовалъ, что жизнь его теперь зависитъ отъ воли военнаго совѣта, единственнаго и безапелляціоннаго судіи.

Осужденные повстанцы, конвоируемые четырьмя другими, вышли изъ укрѣпленія и спустились по обрыву въ оврагъ.

— Приведите и цыгана туда! — крикнулъ Огняновъ.

Потомъ онъ тихо отдалъ какія-то приказанія десятнику, который затѣмъ спустился также въ оврагъ.

Лобное мѣсто представляла одна влажная зеленая лужайка, по которой пробѣгалъ маленькій ручеекъ. Со всѣхъ почти сторонъ ея поднимались обрывы и скалы. Укрѣпленіе Огнянова находилось на верху съ западной ея стороны. Всѣ повстанцы столпились надъ обрывомъ и наблюдали за экзекуціей.

Съ лѣвой стороны ручейка стоялъ дубъ, на половину сожженный молніей.

Два повстанника подвели прежде всего къ дубу цыгана, распоясали его красный поясъ и привязали его имъ къ дубу.

Ужасъ сковалъ уста несчастнаго. Кровь потекла изъ его потрескавшихся губъ.

Недалеко отъ него стояли другіе четверо осужденныхъ: они ожидали своей очереди. Животный страхъ обезобразилъ ихъ лица.

Марчевъ крикнулъ:

— Приведите сюда и тѣхъ!

Осужденные двинулись впередъ. Но трое изъ нихъ едва волочили ноги; пришлось ихъ взять подъ мышки и привести на мѣсто, куда приказалъ десятникъ.

Марчевъ выстроилъ ихъ въ рядъ въ десяти шагахъ разстоянія отъ связаннаго цыгана... Вѣроятно, для того, чтобы они видѣли получше страшное зрѣлище, которое имъ вскорѣ придется, въ свою очередь, дать товарищамъ, столпившимся тамъ, наверху.

Ихъ оставили несвязанными. Но ужасъ парализовалъ ихъ члены, и имъ и въ голову не приходила мысль о бѣгствѣ. Оно и было, въ дѣйствительности, невозможно.

Прошла минута могильнаго молчанія.

— Подойдите, — приказалъ Марчевъ шести вооруженнымъ повстанцамъ, приведшимъ осужденныхъ.

Тѣ стройно приблизились.

Марчевъ громко и торжественно сказалъ:

— Цыганъ Мехмедъ, изъ Клисуръ, обвиненный въ троекратномъ покушеніи на побѣгъ изъ темницы, съ гнусной цѣлью поступить на службу непріятелямъ Болгаріи, присуждается Верховнымъ Совѣтомъ къ смертному наказанію, въ примѣръ другимъ подобнымъ предателямъ.

Затѣмъ онъ обернулся къ осужденнымъ повстанцамъ:

— Господа, станьте лицомъ къ Мехмеду!

Тѣ исполнили приказъ, какъ автоматы.

— Дайте по ружью каждому изъ нихъ...

Повстанцы, взволнованные, вручили имъ ружья. Осужденные взяли ихъ съ лицами, поглупѣвшими отъ недоумѣнія.

— Пристрѣлите теперь этого по моей командѣ: разъ, два, три!..

Выстрѣлъ грянулъ и облако дыма закутало четырехъ осужденныхъ.

Цыганъ стоялъ прямо, какъ былъ привязанъ къ дереву. Ни одна пуля не задѣла его. Стрѣлявшіе, вѣроятно, не прицѣливались. Но онъ походилъ на мертвеца.

— Стыдно, господа! — воскликнулъ Марчевъ гнѣвно,—еще разъ!

И онъ повторилъ команду. Ружья снова грянули... Цыганъ склонился на бокъ и свѣсилъ руки книзу.

На верху захлопали въ ладоши.

— Ваше наказаніе въ томъ состояло, чтобы вы окрещены были въ крови, господа, на этотъ разъ. Благодарите великодушіе Огнянова и милость военнаго совѣта.

Когда осужденные поняли, что они спасены, они какъ-то испуганно и странно посмотрѣли, какъ люди, только что очнувшіеся отъ тяжелаго сна. Скоро, однако, улыбка счастія появилась на ихъ блѣдно-желтыхъ лицахъ.

Новыя радостныя рукоплесканія раздались на укрѣпленіи.

XXXV.

Стремская долина запылала.

— Странно, странно... Необъяснимо... Ужасно! До сихъ поръ ничего... Что они дѣлаютъ? Что дѣлается въ Бѣлой-Церкви? Молчатъ, какъ мертвые... Молчатъ!.. Ужасное молчаніе! страшное... Я не могу допустить мысли, что они сложили руки и благоразумничаютъ... Но развѣ не говорилъ правду, одну правду этотъ идіотъ? Но вѣдь тамъ Соколовъ, тамъ — Поповъ, тамъ — редакторъ.. Тамъ мои соколы... испытанные парни, горячія головы. Чего они ждутъ? или меня они ждутъ? Но если я не явлюсь, если бы я провалился, развѣ они должны сидѣть сложа руки?... Или они глухи и слѣпы, и ничего не видятъ? Клисуры возстали, Копривщина возстала, Панагюрище горитъ, Средняя Гора въ огнѣ! Одна только Стремская долина спитъ! Или же случилось какое-нибудь несчастіе, какое-нибудь необычайное препятствіе? Но это невозможно! Если Бѣлая-Церковь не можетъ возстать, она могла бы выслать въ подмогу отрядъ хоть бы изъ десятка душъ... Это ободрило бы другихъ... Но она стоитъ, не двигается... Всѣ свѣдѣнія подтверждаютъ это... А какое было страшное воодушевленіе!.. Какія серьезныя приготовленія! Да тоже и въ другихъ мѣстахъ! Чума, проклятіе Божіе повисло надъ Болгаріей!..

Съ такими мрачными мыслями Огнянов, переодѣтый туркомъ, осторожно пробирался изъ ущелья Старой-Рѣки въ Стремскую долину.

Былъ уже полдень, когда Огняновъ спустился въ долину. Она вся тонула въ тѣни деревьевъ. Кристальные ручейки извивались по травѣ среди густыхъ дубовыхъ рощъ. Воздухъ былъ насыщенъ благоуханіями розъ.

Лазурное небо и радостное сіяніе солнца дѣлали долину привѣтливой и восхитительной, какъ земной рай. Но все это не привлекало вниманія путника, онъ ничего этого не видѣлъ...

Дорога лежала черезъ турецкое село Рахманлари, ближайшее къ Клисурамъ. Онъ смѣло вошелъ въ него. Когда онъ проходилъ черезъ розовые сады, расположенные на окраинѣ города, его остановило нѣсколько вооруженныхъ турокъ; это была стража.

— Откуда идешь?

— Изъ Алтынова.

— А куда?

— Въ Ахіево... Мирно-ли тамъ?

Ахіево было турецкое село, ближайшее къ Бѣлой-Церкви.

— Слава Богу, тамъ мирно.

У Огнянова сердце сжалось отъ боли.

— Ты лучше останься въ селѣ. Утромъ мы нападемъ на Клисуры.

— Посмотрю... съ Богомъ!

И Огняновъ вошелъ въ село.

Улицы были необыкновенно оживлены. Толпы турокъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, сновали по нимъ. Кофейни были полны народа; бакалейныя лавки, корчмы не менѣе полны. Очевидно, сюда стеклись изъ окрестныхъ селъ сотни турокъ, чтобы участвовать въ предстоящемъ нападеніи на Клисуры. Рахманлари было ихъ сборнымъ пунктомъ. Охваченный страшнымъ предчувствіемъ, Огняновъ старался добыть болѣе положительныя свѣдѣнія о Бѣлой-Церкви. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ корчму, которую держалъ одинъ бѣлоцерковчанинъ. Но онъ скоро ушелъ изъ нея, опасаясь предательства. Онъ пошелъ дальше, разыскивая взглядомъ толпу турокъ, съ которой онъ могъ бы слиться, и гдѣ бы онъ могъ разузнать все, что ему нужно. Случайно онъ замѣтилъ мечеть, полную народа. Въ дверяхъ ея тоже толпился народъ, и все новыя группы богомольцевъ стекались туда. Очевидно, готовилось что-то изъ ряду вонъ выходящее. Огняновъ понялъ, что «ходжа» будетъ говорить проповѣдь, чтобы еще болѣе разжечь фанатизмъ свирѣпой толпы. Непобѣдимое любопытство овладѣло имъ, и онъ смѣшался съ богомольцами. Онъ не ошибся: черезъ минуту проповѣдникъ взобрался на деревянные подмостки, которые въ турецкихъ храмахъ имѣютъ значеніе амвона. Но Огняновъ увидѣлъ, что это не былъ обыкновенный деревенскій ходжа, а константинопольскій «софта», пріѣхавшій, вѣроятно, спеціально изъ Карлова.

Сразу водворилась тишина.

Софта торжественно началъ:

— Правовѣрные! Было время, въ славное царствованіе нашихъ великихъ султановъ, когда свѣтъ трепеталъ при одномъ имени Османлія. Востокъ и Западъ ему поклонялись, моря слали ему дары, короли и королевы падали ницъ и лизали священный прахъ передъ тономъ калифа. Великъ былъ тогда Аллахъ и святой его пророкъ Магомедъ. Какъ видно, много мы грѣшимъ передъ Господомъ, братаемся съ нечестивыми и принимаемъ ихъ законы... И вотъ, Богъ оставилъ насъ на поруганіе поруганнымъ, на потоптаніе потоптаннымъ... Ей, Аллахъ, Аллахъ! Ниспошли намъ огненный мечъ ангела Азраила, да обольемъ мы Востокъ и Западъ кровью враговъ твоихъ! да окрасимъ море и прославимъ небеса... Вотъ мое слово, правовѣрные! Наточите ножи, приготовьте съ молитвой всеоружіе свое и будьте готовы, потому что ударилъ уже часъ, да смоемъ стыдъ нашъ кровью гяуровъ передъ единымъ и великимъ Богомъ ислама...

Въ такомъ духѣ и при помощи такого витійскаго пріема началъ ораторъ рѣчь свою... Онъ говорилъ долгое время и сотни богомольцевъ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ и пылающими взорами.

— Вотъ что тутъ готовится,—сказалъ Огняновъ и, не дождавшись конца проповѣди, вышелъ ва улицу; значитъ, слухи объ этихъ проповѣдникахъ вѣрны: мы проповѣдуемъ возстаніе противъ турецкаго правительства; ихъ апостолы проповѣдуютъ истребленіе болгарскаго народа! Значитъ, борьба намъ предстоитъ ужасная, борьба народа съ народомъ, не должно болѣе обманывать себя... Земля болгарская тѣсна для двухъ племенъ...

Молитва кончилась и богомольцы вышли изъ церкви. Образовались маленькія группы, которыя вели бесѣды по поводу проповѣди. Огняновъ подошелъ къ одной изъ нихъ и сталъ прислушиваться къ разговору. Поло-

женіе дѣла для него выяснилось. Клисурское возстаніе сначало перепугало турецкое населеніе окрестныхъ селъ: турки думали, что въ Клисуры пришли русскія войска... Подъ вліяніемъ этого страха, они начали укладывать свои пожитки и спасаться бѣгствомъ съ семьями. Скоро, однако, они узнали, что имѣютъ дѣло съ одними только «раями», по большей части портными и нѣсколькими учителями, и это вернуло имъ всю ихъ дерзость и самоувѣренность. Они рѣшили, не дожидаясь военной помощи, расправиться сами съ клисурцами. Огняновъ узналъ сверхъ того, что рахманларцы дѣлали искусныя рекогносцировки и что расположеніе укрѣпленій и силы повстанцевъ приблизительно извѣстны непріятелю. Турки ждали прибытія на другой день Тосунъ-бея изъ Карлово съ полчищами баши-бузуковъ, и соединенныя силы должны были немедленно ударить на возставшій городъ. Эти открытія привели въ ужасъ Огнянова. Еще болѣе ясна ему стала необходимость ускорить возстаніе и другихъ болгарскихъ городовъ.

И Огняновъ бросился къ Бѣлой-Церкви.

Недалеко отъ села, которое онъ только-что оставилъ, дорога спускается въ тѣнистый долъ, пересѣкающій равнину. Когда онъ спустился въ долъ, онъ услышалъ смутные звуки барабановъ и музыки. Вѣроятно праздновали свадьбу въ турецкомъ селѣ. Скоро все утихло и онъ про все это забылъ. Когда онъ взобрался на другой бокъ дола, барабаны и духовые инструменты опять послышались, и уже гораздо ближе. Изумленный, онъ взобрался на возвышеніе, и тогда глазамъ его представилось зрѣлище, отъ котораго у него волосы встали дыбомъ.

Равнина передъ нимъ вся чернѣла турками, подвигавшимися къ нему подъ звуки своей варварской музыки. Нѣсколько красныхъ знаменъ развѣвалось по вѣтру. Вся эта толпа шла шумно безъ всякаго порядка, въ разсыпную. Ружья, серпы, топоры, пики торчали на плачахъ баши-бузуковъ и сверкали на солнцѣ. Большинство было полураздѣто, по причинѣ сильнаго полуденнаго жара. Турецкія села, черезъ которыя проходила эта волна, пустѣли; все населеніе присоединялось къ ордѣ. Никакой дисциплины не было въ этихъ мятежныхъ рядахъ, но одна цѣль, свирѣпая, дикая, связывала ихъ, толкала впередъ и одушевляла: кровь и добыча. Ружья и топоры несли они, чтобы проливать кровь, цѣлые обозы телѣгъ шли за ними, чтобы увезти добычу... Впереди ѣхалъ предводитель, худой, черный, высокій, верхомъ на конѣ.

Онъ махнулъ цыганамъ, чтобы они замолкли.

— Эй, мусульманинъ, иди сюда!— крикнулъ онъ Огнянову. — Огняновъ съ низкимъ поклономъ приблизился.

— Откуда идешь?

— Изъ Текіи.

— Что тамъ?

— Ничего... Все хорошо, слава Богу.

— Ты куда идешь?

— Въ Карлово.

— Возвращайся съ нами...

Огняновъ невольно поблѣднѣлъ.

— Бей ефенди, дай волю у...

— Назадъ!—закричалъ Тосунъ-бей, пришпорилъ коня и тронулъ впередъ.

Орда снова двинулась. Музыка и барабаны загремѣли.

XXXVI.

Еще одна попытка.

Въ тотъ же вечеръ прибыла въ Рахманлари орда Тосунъ-бея; по дорогѣ она еще болѣе увеличилась числомъ и еще сильнѣе сталъ ея фанатизмъ. Въ Рахманлари она соединилась съ ожидавшей ее тамъ другой ордой. Такимъ образомъ, на другой день на клисурцевъ должны были напасть болѣе двухъ тысячъ турокъ.

Село было биткомъ набито народомъ. Оно едва могло вмѣстить новыхъ гостей. Такъ какъ ночь была ясная, то многіе легли спать подъ открытымъ небомъ.

Тоже сдѣлалъ, поневолѣ, и Огняновъ.

Онъ лежалъ одинъ, какъ разъ противъ корчмы, которую держалъ бѣлоцерковчанинъ.

Окна корчмы еще свѣтились. Внутри было полно народу.

Но Огняновъ не могъ заснуть. И онъ рѣшилъ не спать. Онъ долженъ былъ еще въ эту же ночь выбраться изъ этой толпы; завтра уже будетъ поздно.

И онъ напрягалъ свою мысль и думалъ, какъ пробраться черезъ густую стражу, которая охраняла выходы изъ села.

Это, благодаря его близкому знакомству съ языкомъ и обычаями турокъ, онъ могъ устроить; но, увы! какая польза изъ этого, что онъ спасетъ себя, что онъ вернется здравымъ и невредимымъ на свое укрѣпленіе!

Бѣлая-Церковь не подниметъ возстанія, а Клисуры погибнутъ неминуемо.

Попытаться въ эту же ночь пробраться въ Бѣлую-Церковь было невозможно: стража восточной окраины села получила приказъ никого не пропускать: этотъ приказъ имѣлъ цѣлью помѣшать дезертирству... Ждать слѣдующаго дня было бы еще безполезнѣе. Да онъ и не могъ не быть среди защитниковъ Клисуръ въ такой важный для нихъ день. Его отсутствіе сочли бы за бѣгство, за подлость. Нѣтъ, невозможно. Но какъ же сообщить что-нибудь въ Бѣлую-Церковь? Нельзя ли, однако, сдѣлать еще одну, послѣднюю попытку?

И Огняновъ страшно напрягалъ свою голову.

Наконецъ, его осѣнила счастливая мысль. Хотя осуществленіе ея представляло большую трудность, но важность задачи заслуживала и усилій и риска; да, большого риска, потому что, прежде всего, приходилось довѣрить судьбу свою ненадежному корчмарю. Онъ рѣшилъ просить корчмаря, чтобы тотъ отправилъ завтра утромъ одного изъ сыновей своихъ въ Бѣлую-Церковь.

Къ счастью, онъ былъ знакомъ съ этимъ корчмаремъ и его семьей, такъ какъ былъ учителемъ старшаго его сына.

Онъ всталъ, вошелъ въ калитку, прошолъ черезъ дворъ и приблизился къ маленькому окошку комнатки, находящейся въ глубинѣ двора.

Но случай пришелъ ему на помощь. Дверь отворилась и показалась женская фигура.

Огняновъ узналъ хозяйку дома. Она направилась въ конюшню съ корытомъ ячменя въ рукахъ.

Въ темнотѣ она его или совсѣмъ не замѣтила, или приняла за турка, вышедшаго посмотрѣть коня своего.

Огняновъ подошелъ къ ней и проговорилъ ясно, по болгарски:

— Добрый вечеръ, тетка Авраамице!

Та обернулась изумленная, вѣрнѣе, испуганная.

— Не признаете меня?—прибавилъ онъ мягкимъ голосомъ, чтобъ успокоить ее.—И онъ себя назвалъ:

— Учитель вашего Нанка... Огняновъ...

— Кто, графъ?—спросила она съ изумленіемъ, поставивъ корыто на землю;—отно ты зачѣмъ здѣсь?

Но т часъ она спохватилась.

— Итемъ, идемъ въ хату... Постой, только подсыплю ячменя коню, а потомъ зайдемъ къ намъ...

Черезъ минуту Авраамица и Огняновъ входили черезъ маленькую переднюю въ темную маленькую комнату.

Хозяйка чиркнула спичкой и зажгла жестяную керосиновую лампочку, которая тотчасъ освѣтила комнату и гостя.

— Черезъ эту дверцу выйдешь въ нашъ садикъ, а оттуда черезъ плетень на улицу... Знай это, коли понадобится, шепнула Авраамица и показала Огнянову на маленькую и очень низкую дверцу, черезъ которую человѣкъ могъ пройти, только согнувшись вдвое...

— А что тебѣ надобно тутъ? — спросила она.

— Я шелъ изъ Клисуръ въ Бѣлую-Церковь... Тосунъ-бей меня встрѣтилъ и повернулъ назадъ.

На ея радушный пріемъ Огняновъ счелъ своимъ долгомъ отвѣтить полной откровенностью. Да безъ нея онъ бы ничего не могъ сдѣлать...

— Можешь ли ты отправить кого-нибудь, Нанка или Кузмана въ Бѣлую-Церковь завтра утромъ?

Мать посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. На лицѣ ея изобразилось безпокойство.

— А зачѣмъ ты его пошлешь туда?

— Онъ только занесетъ письмецо къ одному моему человѣку, а потомъ сейчасъ вернется назадъ. Завтра въ полдень онъ будетъ дома.

Тутъ Авраамица вспомнила первыя слова Бойча и догадалась, съ какимъ порученіемъ пошлетъ онъ въ Бѣлую-Церковь ея сына. Лицо ея сдѣлалось озабоченнымъ.

— Надо, учитель, спросить у отца объ этомъ дѣлѣ,

— Прошу тебя, тетка Авраамице, не говори объ этомъ бай Аврааму. Не можешь ли тихонько вызвать Нанка ко мнѣ?

Огняновъ зналъ, что бывшій его ученикъ обожалъ его и сдѣлаетъ все, о чемъ онъ его попроситъ.

Лицо хозяйки сдѣлалось строгимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ безъ Авраамовой воли.

Время шло и нужно было успѣть во время выбраться изъ этого села. Онъ рѣшилъ поскорѣе выяснить вопросъ.

— Тетка Авраамице, позови бай Авраама на минутку, я съ нимъ поговорю.

XXXVII.

Авраамъ.

Огняновъ остался одинъ. Онъ рѣшилъ и съ Авраамомъ говорить откровенно.

Дверь открылась и корчмарь вошелъ. По его толстому красному лицу расплылась улыбка.

— О, добро пожаловать, графъ, добро пожаловать! Здоровъ ли ты, живешь какъ... Хорошо сдѣлалъ, что зашелъ повидаться, потолковать... Очень радъ, очень радъ я... Всѣ рады, и жена рада, и дѣти рады: Нанко уже съ полгода тебя не видѣлъ... Ты его учитель и наставникъ... Добро пожаловать, добро пожаловать... Гляди...

Восторженныя изліянія корчмаря не знали границъ.

Огняновъ былъ въ восхищеніи. Онъ смѣло приступилъ къ дѣлу и въ ко-

роткихъ словахъ изложилъ Аврааму положеніе возстанія и свою просьбу.

Лицо Авраама расплывалось все болѣе и болѣе отъ удовольствія и и счастія.

— Ладно, ладно, а то какже? И говорить не надо. Кто же не хочетъ помочь народу?.. Пошлемъ Нанка. Онъ похитрѣе, такъ какъ старше.

Корчмарь вынулъ изъ кармана кусокъ скомканной бумаги, поставилъ передъ Огняновымъ чернильницу и сказалъ:

— Ты напиши письмо, а я сбѣгаю въ лавку; эти собаки, знаешь, какіе мошенники.

Огняновъ быстро написалъ записку.

«Возстаніе въ полномъ разгарѣ! Не медлите ни одной минуты: возгласите возстаніе тотчасъ же, одинъ отрядъ пусть ударитъ въ тылъ Тосунъ-бея; другой пусть подыметъ села. Бодрость и вѣра!.. Скоро и я приду къ вамъ умереть за Болгарію. Да здравствуетъ революція!

Огняновъ».

Онъ поздравлялъ себя съ удачей; никогда не предполагалъ онъ такой готовности и патріотизма въ Авраамѣ. Онъ теперь съ нетерпѣніемъ прислушивался въ ожиданіи отца и сына.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался раздирающій женскій плачъ.

Огняновъ дрогнулъ.

Онъ узналъ голосъ Авраамицы.

Чѣмъ объяснить эти крики и рыданіе?

Невольный страхъ охватилъ его.

Онъ снова прислушался; до него донеслись изъ корридора какіе-то глухіе шаги.

Тогда онъ подошелъ къ низенькой дверцѣ и толкнулъ ее. Дверь не отворилась. Онъ ее толкнулъ сильнѣе. Но она стояла, какъ закованная. Ужасъ охватилъ его, морозъ пробѣжалъ по тѣлу.

— Предали меня,—простоналъ онъ.

Въ этотъ моментъ какой-то шумъ послышался за дверцей. Какъ будто вкладывали ключъ. Вдругъ она открылась, и въ отверстіе дунулъ ночной вѣтерокъ. Огняновъ вперилъ глаза въ темную дыру. Въ ней показалась голова.

Это была Авраамица.

— Выходи, — шепнула она тихо. Какъ слабо ни свѣтила лампочка, Огняновъ, однако, замѣтилъ, что на глазахъ женщины сверкали слезы.

Онъ вышелъ и очутился въ садикѣ.

— Вотъ сюда,—проговорила тихо Авраамица, указывая ему на сливу у плетня.

И она исчезла во мракѣ.

XXXVIII.

Ночь.

Было уже далеко за полночь, когда Огняновъ добрался, наконецъ, до своего укрѣпленія.

Защитники его еще бодрствовали, лежа на коврикахъ и рогожкахъ, принесенныхъ изъ дому. Закутавшись въ бурки, они тихо бесѣдовали, устремивъ глаза къ безлунному звѣздному небу. Огняновъ безшумно пробрался среди нихъ и, разбитый физически и нравственно, повалился, какъ убитый, на землю.

— Боже мой, Боже мой,—думалъ онъ, кутаясь отъ холода въ свою бурку. — Какое стеченіе обстоятельствъ! какія разочарованія! какія измѣны!.. И послѣ этого хлопочи о своей жизни, береги себя!.. Завтра сраженіе, и я уже предвижу конецъ его...

Холодный вѣтеръ печально обвѣвалъ задремавшую землю. Окрестныя горы издавали глухой и зловѣщій шумъ, дѣлавшій мракъ еще болѣе могильнымъ. Казалось, всѣ горы, скалы и долины стонали въ ужасѣ. Звѣзды на небѣ пугливо и безпокойно трепетали. Время отъ времени ночная птица кинется въ кустахъ, и снова водворится мертвая тишина. Только горный вѣтеръ глухо, печально шумѣлъ надъ головами лежавшихъ въ окопахъ повстанцевъ, подобно далекому стенанію. Это стенаніе болѣзненно отзывалось въ душѣ ихъ, и они пугливо вскакивали и озирались въ ночномъ мракѣ. И снова охватывила ихъ безпокойная дремота, полная блѣдныхъ призраковъ ужаса, прерываемая ледяными поцѣлуями вѣтра и холодной дрожью.

XXXIX.

Утро.

Не смотря на тревожное состояніе, Огняновъ проспалъ часа два глубокимъ сномъ. Такимъ сномъ, говорятъ, засыпаютъ и осужденные наканунѣ казни. На зарѣ онъ проснулся и оглядѣлся вокругъ. Природа пробуждалась. Разсвѣтало. Въ блѣдно-синемъ небѣ исчезла послѣдняя звѣзда...

Огняновъ всталъ, посмотрѣлъ на лежащихъ повстанцевъ, закутанныхъ въ свои козьи мѣха и бурки, и направился къ Злому-Долу. Онъ шелъ обсудить положеніе военнымъ совѣтомъ.

Наступило утро. Засіяло солнце.

На укрѣпленіи всѣ повстанцы уже были на ногахъ, и принялись подъ надзоромъ десятника, за работу; они рыли новые окопы, ставшіе нужными, такъ какъ число повстанцевъ увеличилось новымъ небольшимъ отрядомъ, прибывшимъ въ эту ночь. Повстанцы имѣли сегодня видъ болѣе бодрый. Марчевъ шепнулъ имъ, что Огняновъ сдѣлалъ рекогносцировку по ту сторону Текіи и онъ узналъ положительно, что сегодня поднимется и Бѣлая-Церковь... Это извѣстіе нѣсколько вернуло бодрость. Молодежь пріободрилась, лица сдѣлались болѣе веселыми, нѣкоторые даже запѣли разныя забавныя пѣсни. Свойственный болгарамъ юморъ не замедлилъ проявиться...

Въ это время дальняя стража стала дѣлать укрѣпленіямъ условные знаки, что непріятель показался. Двое изъ этой стражи побѣжали къ Злому-Долу сообщить подробности военному совѣту. Лишь только они прибѣжали въ Злой-Долъ, со стороны Рахманларъ показались два конныхъ турецкихъ отряда, по двадцати человѣкъ въ каждомъ. Одинъ шелъ по дорогѣ, другой—лѣсомъ. Повстанцы съ волненіемъ слѣдили, не покажутся ли новыя силы вслѣдъ за конницей. Но никого больше не было видно.

Тотчасъ два пѣшихъ отряда, болѣе сильныхъ по численности, чѣмъ турецкіе, спустились съ укрѣпленія, чтобы встрѣтить турокъ. Третій отрядъ спустился съ Злого-Дола.

Турки остановились, увидѣвъ болгарскіе отряды, и отступили.

— Жарко стало имъ,—замѣтили нѣкоторые радостно.

— И сегодня не будетъ сраженія...

— Кажется мнѣ, что Бѣлая-Церковь надѣлала имъ хлопотъ.

И укрѣпленіе снова закипѣло дѣятельностью и веселыми разговорами.

XL.

Бой.

Солнце припекало. Съ правой стороны отъ баттареи Огняновъ и нѣсколько другихъ повстанцевъ, обливаясь потомъ, спѣшили докончить новый окопъ. Какъ мы говорили, еще ночью имъ было послано военнымъ совѣтомъ подкрѣпленіе въ десять человѣкъ, и не хватало поэтому шанцевъ.

— Учитель!—окликнулъ его 50-ти лѣтній селянинъ.

Огняновъ обернулся.

— Чего тебѣ, дѣдо Марине?

Вериговчанинъ подалъ бумажку, сложенную вчетверо.

— Письмо тебѣ.

— Кто его принесъ? — спросилъ Бойчо, прежде чѣмъ развернуть бумажку.

— Иванъ Боримечка. Онъ еще ночью тебя искалъ, да не нашелъ, такъ далъ мнѣ, просилъ передать тебѣ, какъ придешь.

— Говорилъ онъ тебѣ отъ кого оно?

— Отъ учительницы.

Сердце Огнянова сжалось отъ боли. Онъ скомкалъ судорожно письмо съ намѣреніемъ его бросить, но вспомнилъ, что кругомъ смотрятъ, сунулъ его въ карманъ. Затѣмъ, онъ лихорадочно принялся работать, чтобы заглушить мучительную боль души...

— И откуда эта Рада въ такой моментъ!.. Зачѣмъ она пишетъ, чего она хочетъ отъ меня?.. Развѣ я не буду сражаться, не встрѣчу враговъ, не найду смерти... развѣ не окончится скоро все для меня?..

Въ это время въ рядахъ повстанцевъ произошло что-то особенное. Всѣ столпились на насыпи и безпокойно смотрѣли на востокъ.

Огняновъ поднялъ голову и также сталъ всматриваться въ далекіе холмы. Тамъ дальняя стража давала тревожные сигналы. Черезъ минуту раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ—условный знакъ, что показался сильный непріятель.

Скоро она начала быстро отступать, съ крикомъ:—турки; много, много турокъ!

Повстанцы оробѣли. Они принялись метаться, блѣдные, въ разныя стороны.

— По мѣстамъ!—заревѣлъ Огняновъ, схвативъ мартинку съ козелъ.

Этотъ крикъ привелъ въ себя повстанцевъ, и они начали становиться въ ложементы.

Прибѣжали, запыхавшись, и часовые съ аванпостовъ. Огняновъ ихъ встрѣтилъ.

— Кого вы видѣли?

— Турокъ! Страшная уйма идетъ на насъ... тысяча будетъ ихъ... Вся дорога почернѣла отъ башибузуковъ...

Огняновъ мигнулъ имъ, чтобъ замолчали.

— На мѣста! Къ оружію!—скомандовалъ повелительно Бойчо.

Всѣ размѣстились по ложементамъ. Дѣйствительно, далеко на главной дорогѣ показалась голова густой колонны; она вытягивалась и выползала все длиннѣе и длиннѣе, какъ безконечная гусеница... Это была орда Тосунъ-бея... Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ яснѣе становилась ея численность... Турки шли по четыре въ рядъ, съ двадцатью малыми и тремя большими знаменами бѣлаго, краснаго, зеленаго и другихъ цвѣтовъ. Скоро они покрыли всю дорогу отъ Кулы до Бѣлой Воды, приблизительно два километра длиною.

Произошелъ новый переполохъ среди повстанцевъ. Никто болѣе не оставался спокойно на мѣстѣ. Всякій вскакивалъ и пугливо озирался на товарищей и на враговъ.

Только свирѣпый взглядъ Огнянова сдерживалъ ихъ нѣсколько.

Черная колонна продолжала подвигаться по дорогѣ, недалеко отъ колодца, находящагося на ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленій.

Тогда со Злого-Дола раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ дальнобойныхъ ружей; тотчасъ, по командѣ Огнянова, грянуло и наше укрѣпленіе. Густой дымъ застлалъ насыпи, и громкое эхо огласило окрестности.

Нѣсколько человѣкъ упало въ переднихъ рядахъ колонны...

Въ это время Огняновъ замѣтилъ трехъ человѣкъ, спускавшихся къ долинѣ Старой Рѣки. Эти были дезертиры, воспользовавшіеся первой суматохой и дымомъ.

Въ нѣсколько скачковъ добѣжалъ онъ до обрыва, подъ которымъ находился долъ. Бѣглецы шли другъ за другомъ по тѣсной тропинкѣ, извивавшейся между рытвинами.

— Назадъ! Вернитесь, или я васъ застрѣлю!—крикнулъ онъ и прицѣлился въ нихъ.

Бѣглецы обернулись и остановились, какъ окаменѣлые. Они оставили свои ружья на верху. Огняновъ узналъ въ одномъ изъ нихъ дьякона Викентія, обритаго и въ холщевой одеждѣ повстанцевъ. Бѣдный парень покраснѣлъ до ушей.

Они машинально повернули свои шаги назадъ.

— Дѣдо Марине, приведи сюда этихъ трусовъ и уложи ихъ въ окопы... Если кто-нибудь изъ нихъ крикнетъ, даю тебѣ право размозжить ему голову,—и Огняновъ поспѣшно занялъ свое мѣсто.

Это внушительное поведеніе начальника смирило другихъ повстанцевъ. Они сдѣлали усиліе надъ собою, чтобы скрыть проявленіе страха; губы у многихъ были закусаны до крови.

Турки не сдѣлали еще ни одного выстрѣла. Паденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ перваго залпа съ укрѣпленій причинило минутное замѣшательство въ переднихъ рядахъ. Раненые были отнесены къ оградамъ розовыхъ садовъ, и турки поспѣшно отступили назадъ. Эта первая удача пріободрила повстанцевъ и они продолжали поддерживать энергическій огонь противъ непріятеля. Отъ непрестанныхъ выстрѣловъ всѣ горы и холмы дрожали. Бѣлыя облака, окутывающія вершины холмовъ, обозначали укрѣпленія. Стрѣльба продолжалась и тогда, когда турки отступили за черту выстрѣла.

На изрядномъ разстояніи, позади пѣхоты, виднѣлось нѣсколько конныхъ. Это былъ главный штабъ Тосунъ-бея. Орда отступила въ нимъ и расположилась вокругъ. Тамъ она густой толпой простояла довольно долгое время. Видно было, что происходило совѣщаніе и что планъ нападенія измѣнялся. Орда, наконецъ, зашевелилась и распалась на нѣсколько частей. По данному знаку, всѣ эти отряды въ разсыпную, съ бѣшеными криками и съ страшной стремительностью, бросились впередъ. Одни бѣжали къ голымъ холмамъ, другіе къ оврагамъ Старой рѣки, отворяющимъ проходъ къ Клисурамъ, третьи къ Злому-Долу, четвертые — къ нашему укрѣпленію. Повстанцы встрѣтили ихъ залпомъ еще издали, но турки начали стрѣлять только тогда, когда вошли въ черту ружейнаго выстрѣла. Облака дыма совершенно скрыли отъ глазъ турокъ укрѣпленія, однако, число стрѣляющихъ изъ послѣднихъ все уменьшалось и уменьшалось. Огняновъ, съ лицомъ, запачканнымъ грязью и порохомъ, покрытый потомъ, опьяненный запахомъ крови и оглушенный свистомъ пуль, летавшихъ надъ головой его, то выпрямлялся и разряжалъ свою мартинку, то снова скрывался въ шанцахъ.

Время отъ времени онъ кричалъ, не оглядываясь, кругомъ себя.

— Братья, смѣлѣй! Бейте, стрѣляйте!

Внезапно онъ услышалъ подлѣ себя голосъ дѣда Марина, который говорилъ кому-то

— Парень, ниже, ниже стой. Еще тебя ударятъ!

Огняновъ невольно обернулся направо и въ разрѣженномъ вѣткомъ дыму увидѣлъ повстанника, который, стоя прямо, не наклоняясь, стрѣлялъ въ непріятеля, совершенно открытый вражескимъ пулямъ. Эта смѣлость граничила съ безуміемъ.

Огняновъ, изумленный, узналъ Кандова.

Пораженный, онъ машинально подошелъ къ нему и въ дыму протянулъ ему руку и сказалъ:

— Братъ, дай руку.

Студентъ обернулся, посмотрѣлъ тихо, холодно на Огнянова и, однако, сильно стиснулъ ему руку.

Струйка крови облила руку Огнянова, когда онъ держалъ руку Кандова. Эта струйка текла изъ рукава студента.

Огняновъ замѣтилъ кровь, но это его не удивило, онъ даже не понялъ значенія этой струйки теплой крови. Гораздо больше его поразило то, что онъ увидѣлъ Кандова здѣсь.

Дѣйствительно, студентъ, посланный сюда въ эту ночь въ числѣ другихъ военнымъ совѣтомъ, еще не былъ замѣченъ Бойчо, который все утро былъ всецѣло поглощенъ хлопотами по своему укрѣпленію.

Огняновъ отошелъ и посмотрѣлъ вокругъ себя. Тогда онъ замѣтилъ, что окопы были почти пусты. Повстанцы исчезли изъ укрѣпленія. Только пять-шесть душъ оставалось въ шанцахъ и поддерживало замиравшій огонь. Выстрѣлы рѣдѣли и на другихъ укрѣпленіяхъ, тоже оставленныхъ своими защитниками. Вмѣсто того, непріятельскія пули изобильнѣе летали и дѣлали опаснымъ пребываніе въ окопахъ.

Огняновъ, обезумѣвшій отъ ярости и полный отчаянія, поддерживалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими оставшимися храбрецами, неравную борьбу, рѣшивъ умереть на мѣстѣ. Такимъ образомъ, это укрѣпленіе, одно изъ всѣхъ восточныхъ, продолжало еще дымиться.

— Матушка!—простоналъ кто-то болѣзненно подлѣ него.

Огняновъ вздрогнулъ отъ этого стона и обернулся въ ту сторону, откуда онъ раздался.

Въ окопы упалъ навзничь Викентій. Струйка крови текла изъ его шеи, окрашивая землю. Пуля ударила его смертельно. Эта кровь смыла позоръ его.

Дѣдъ Маринъ снесъ его въ сторону, чтобы кто-нибудь отнесъ его въ городъ. Но никого не было на укрѣпленіи. Вершина была безлюдна.

Опустѣвшіе ложементы были мертвенно нѣмы. Только рѣдкіе выстрѣлы съ другихъ высотъ, къ сѣверу и западу отъ города, присоединялись къ выстрѣламъ съ укрѣпленія Огнянова, которое привлекало теперь непріятельскія пули, какъ магнитъ привлекаетъ желѣзныя опилки. Турки наступали и стрѣляли непрерывно. Они осторожно пробирались черезъ виноградники и розовые кусты, отдѣлявшіе ихъ отъ укрѣпленія, прятались за случайными заслонами, ложились инстинктивно, лишь только замѣчали, что еще какое-нибудь укрѣпленіе дымится. Одно за другимъ занимали они укрѣпленія и, вмѣсто повстанцевъ или ихъ труповъ, они находили тамъ оружіе, одежды, припасы и всякую добычу. Нашли они и черешневыя пушки, по двѣ, по три на каждомъ укрѣпленіи. Онѣ стояли еще неразряженными, такъ какъ никому въ голову не приходило поднести огонь къ фитилю, да и духу ни у кого не хватило. Тоже было и съ баттареей Огнянова.

Турки показались и на высотахъ Шайковца и надъ самымъ городомъ. Съ улицы его раздались выстрѣлы

противъ нихъ, свалившіе знаменоносца и еще одного. Но судьба сраженія и города была рѣшена уже въ пользу Тосунъ-бея и его полчища.

XLI.

Рада.

Лишь только первые выстрѣлы возвѣстили городу, что фатальный бой начался, народъ, охваченный безумной паникой, ударился бѣжать въ Копривщину черезъ Вермишницу, узкое ущелье въ Средней Горѣ, изъ котораго вытекаетъ рѣка того же имени и впадаетъ въ Старую, къ юго-западу отъ города.

Госпожа Муратлійская, у которой Рада гостила, собрала наскоро своихъ дѣтей и болѣе цѣнныя вещи, чтобы бѣжать вмѣстѣ съ другими. Она зашла за Радой. Но не смотря на всѣ ея просьбы, Рада не хотѣла слѣдовать за ней; она рѣшила остаться на мѣстѣ... Добрая госпожа Муратлійская со слезами на глазахъ молила ее двинуться вмѣстѣ, она не могла предоставить ее такой страшной участи. Турки уже были на высотахъ и всякая минута была дорога.

— Иди, иди, Анице, отведи дѣтей... прошу тебя, оставь меня,— твердила Рада и толкала къ дверямъ Муратлійскую.

Госпожа Муратлійская съ ужасомъ смотрѣла на нее и ломала руки въ отчаяніи. Изъ оконъ видно было, какъ турки уже спускаются къ городу. Она не знала, что ей дѣлать.

Очевидно, только отчаяніе могло довести Раду до такого упорства.

Единственнымъ утѣшеніемъ для нея были свиданія съ Стайкой, женой Боримечки, ея сосѣдки. Боримечка раза три спускался въ городъ съ разными порученіями и по дорогѣ заходилъ къ женѣ и, между прочимъ, сообщалъ кое-что объ Огняновѣ. Такимъ образомъ, черезъ Стайку Рада узнавала объ Огняновѣ, что онъ живъ и здоровъ, что онъ очень занятъ, но ничего болѣе она не знала. За эти шесть дней, долгихъ какъ вѣка, вмѣстѣ съ муками, росла и ея любовь къ Бойчо, столько же несчастному, сколько доблестному. Эта страсть перешла въ культъ.

Вчера она въ первый разъ видѣла Ивана Боримечку, дала волю своему чувству и плакала передъ нимъ горячими слезами. Добрый Иванъ утѣшалъ ее, какъ могъ, и обѣщалъ немедленно передать Бойчо ея письмо, наскоро написанное карандашемъ. Но она не получила ни словечка въ отвѣтъ.

Въ это время послышались крики на улицѣ. Муратлійская посмотрѣла въ окно; то были повстанцы; она спросила одного изъ нихъ:

— Бай Христо, что на верху? Гдѣ теперь Огняновъ? Куда ты бѣжишь?

Повстанникъ поспѣшно проговорилъ:

— Прахъ, рѣзня, Аничке! Огняновъ, бѣдный, наверху остался... Бѣгите скорѣе къ Вермишницѣ!—и повстанцы исчезли. Очевидно, бай Христо былъ изъ укрѣпленія Огнянова. Рада зарыдала, какъ безумная. Госпожа Муратлійская, послѣ новыхъ безплодныхъ усилій увести ее, покинула свой домъ.

И было уже время, такъ какъ скоро Рада услышала отчаянные крики женщинъ, донесшіеся съ сѣверной стороны города, уже занятаго турками. Подавленная горемъ и безсильная стояла она передъ окномъ; въ это время толпа баши-бузуковъ пронеслась мимо, догнала двухъ болгаръ и отрѣзала имъ головы... Она хорошо замѣтила, какъ что-то красное хлынуло изъ горла упав-

шихъ, она видѣла смерть, ужасную смерть, въ самомъ ужасномъ ея видѣ, и безумный страхъ ею овладѣлъ... Чувство самосохраненія, желаніе жить, пробудились со стихійной силою въ молодой дѣвушкѣ, и задушили всѣ ея другія чувства, парализировали всю ея рѣшимость умереть, порожденную недавнимъ отчаяніемъ. Бѣжать, скорѣе бѣжать отъ смерти или отъ позорной жизни, которую подарили бы ей эти сластолюбивые разбойники...

Она отворила дверь, чтобы спуститься по лѣстницѣ, но въ этотъ моментъ ворота загремѣли, съ страшнымъ трескомъ раскрылись и сквозь вѣтви деревьевъ она увидѣла вооруженнаго баши-бузука и за нимъ еще кого-то, которые быстро направились къ лѣстницѣ, гдѣ она стояла окаменѣлая. Она очнулась, повернула обратно въ комнату, прихлопнула за собою дверь, заперла ее на ключъ и, полуживая отъ ужаса, отбѣжала въ противоположный уголъ. Едва успѣла она это сдѣлать, какъ начали стучать и ломаться въ двери, и звѣрскій страшный голосъ заревѣлъ за ними... Дверь не открывалась, тѣ, которые стояли за ней, принялись трясти и ломать ее чѣмъ-то похожимъ на топоръ, она заскрипѣла, затрещала, дала широкую трещину, и сквозь эту трещину показалось дуло ружья, которымъ кто-то старался выломать двери. Рада слышала, какъ трещали сухія доски, поддававшіяся напору желѣза, увидѣла огромную ногу, просунувшуюся въ комнату; врачъ уже входилъ.

Тогда невыразимый ужасъ охватилъ ее и помрачилъ ея разсудокъ. Смерть ей показалась теперь въ тысячу разъ желаннѣе, чѣмъ то, что приближалось... Она бросилась къ иконостасу, зажгла спичку у горящей лампадки и быстро вернулась въ уголъ. Тамъ, на столѣ былъ сваленъ цѣлый мѣшокъ съ порохомъ, забытый, вѣроятно, повстанцами. Рада подбѣжала къ нему, взяла въ лѣвую руку спичку, а указательнымъ пальцемъ правой принялась ковырять съ завязанномъ углу мѣшка, чтобы сдѣлать дырку, черезъ которую можно было бы зажечь порохъ. Тотчасъ же образовалась дырка.

Въ этотъ мигъ дверь съ страшнымъ шумомъ упала на землю, и человѣкъ исполинскаго роста ворвался въ комнату.

Иванъ Боримечка устремился къ Радѣ.

Позади него была Стайка.

Рада ихъ не видѣла и поднесла спичку къ пороху.

XLII.

Двѣ рѣки.

А въ это самое время Огняновъ былъ уже далеко въ горахъ.

Онъ послѣдній отступилъ съ укрѣпленія; когда турки уже взбирались на насыпь и другой ихъ отрядъ занялъ сосѣднее укрѣпленіе и стрѣлялъ въ него—окровавленный, покрытый грязью, черный отъ пороха и дыма, онъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и избѣжалъ руки враговъ и пуль... Онъ искалъ смерти, но инстинктъ самосохраненія, который въ такую минуту сильнѣе воли, спасъ его.

Теперь онъ находился на Вермишницѣ, на лѣвомъ ея склонѣ, у подножія котораго протекала рѣчка.

По лицу его, покрытому кровью, порохомъ, потомъ и пылью, текли теперь слезы.

Огняновъ плакалъ.

Онъ стоялъ, съ непокрытой голо-

вой и смотрѣлъ на ужасную картину крушенія революціи.

Внизу на долинѣ безпорядочная толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, охваченная безумнымъ страхомъ, искала спасенья въ горахъ. Ихъ вопли и крики ясно доносились до него.

Вдали—Клисуры въ пламени.

Внезапно, взглядъ его упалъ на правую его руку, облитую кровью. Онъ понялъ, что это была кровь Кандова. И въ тотъ же мигъ мысль его перешла на Раду... Ужасъ его охватилъ. Онъ сунулъ руку въ карманъ и вынулъ скомканное письмо Рады. Онъ развернулъ его и прочиталъ слѣдующія, написанныя карандашомъ, рукой ослабѣвшей и дрожащей, строки:

«Бойчо!

«Ты съ презрѣніемъ отвернулся отъ меня. Безъ тебя я не могу жить... Молю тебя, пошли мнѣ хоть одно словечко отъ тебя... Если велишь, я буду жить... Я невинна...—Отвѣть мнѣ, Бойчо, я переживаю страшные часы... Если нѣтъ, прощай, прощай, обожаемый, я похороню себя подъ развалинами Клисуръ...

Рада».

Невыразимая скорбь переполнила душу Огнянова. Онъ устремилъ взглядъ на городъ, гдѣ пожары становились все чаще. На разныхъ точкахъ города новые огни подымались надъ крышами и лизали своими блѣдно-красными языками воздухъ. Черныя облака дыма разстилались надъ городомъ и сливались съ тучами, застлавшими все небо; начались раннія сумерки. Пожаръ съ большой быстротой распространялся во всѣ стороны. Кровавая заря отражалась на обрывахъ и скалахъ Рибарицы и въ волнахъ Старой-рѣки... Огняновъ сталъ искать глазами двухъ-этажный домъ, гдѣ жила Муратлійская. Онъ скоро его нашелъ и съ трепетомъ узналъ два окна комнаты Рады. Домъ еще не былъ охваченъ огнемъ, но вблизи уже горѣли дома, и огонь быстро добирался до него.

— Ахъ, она, несчастная, еще тамъ!.. Ужасно! Ужасно!..

И онъ бросился внизъ по обрыву въ долину. Онъ спустился или, вѣрнѣе, скатился съ горы и пошелъ назадъ, къ устью рѣки, къ Клисурамъ.

Ущелье Вермишницы было переполненно бѣглецами обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ и состояній. Эта перепуганная масса людей, растянувшаяся вдоль всей рѣки, походила на другую рѣку, текущую въ противоположномъ первой направленіи. Паническій страхъ обезлюдилъ Клисуры и наполнилъ людьми это горное ущелье. Всѣ бѣжали, всѣ мчались, обезумѣвъ отъ ужаса и задыхаясь, какъ люди, за которыми гонятся по пятамъ. Одни убѣжали въ томъ, въ чемъ были, другіе—обремененные всякими узлами, домашними вещами и разнымъ хламомъ, часто съ совсѣмъ даже безполезными вещами, взятыми въ суматохѣ. Мѣстами, это доходило до комизма. Такъ, одинъ зажиточный домохозяинъ тащилъ подъ мышками стѣнные часы—все, что онъ захватилъ изъ дому. Въ другомъ мѣстѣ, одна женщина носила съ собою сито, которое ей не мало мѣшало въ ея бѣгствѣ. Не много далѣе Огняновъ наткнулся на грудного ребенка, посинѣвшаго отъ крика, котораго мать бросила, вѣроятно, чтобы ей легче было бѣжать... Старухи, молодые мужчины и женщины проходили мимо этого несчастнаго созданія, но никто не обращалъ на него вниманія. Всякій думалъ только о себѣ. Страхъ ожесточаетъ сердца, это наивысшая, наиболѣе безобразная форма эгоизма... Огняновъ машинально нагнулся, поднялъ ребенка и побѣжалъ дальше... Какъ бы въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, полилъ какъ изъ ведра дождь. Онъ ударилъ надъ головами измученныхъ бѣглецовъ и наполнилъ дикимъ эхомъ

горы. Непогода усиливалась съ минуты на минуту; съ обрывовъ побѣжали мутные потоки къ рѣкѣ и залили ущелье. Несчастные бѣглецы, промокшіе до нитки, окоченѣвшіе отъ холода, продолжали свое бѣгство по липкой грязи... Плачъ и вопли еще болѣе усилились...

Скалы повторяли дикіе вопли страданія и бури, къ которымъ еще присоединился шумъ вздувшейся рѣки. Неожиданно Огняновъ узналъ одну встрѣчную женщину—перваго человѣка, котораго онъ узналъ въ этой сутолокѣ. Это была госпожа Муратлійская; она держала грудного ребенка на рукахъ, остальные трое дѣтей шли за ней. Огняновъ перешелъ черезъ мутную рѣчку и обратился къ измученной женщинѣ со словами:

— Гдѣ Рада?

Она раскрыла ротъ, чтобы отвѣтить, но отъ утомленія не могла ничего произнести. Она ему показала только пальцемъ на городъ.

— У васъ?

— Тамъ, тамъ, скорѣй...—съ трудомъ пробормотала она.

Въ другое время госпожа Муратлійская, женщина весьма слабаго здоровья, едва ли была бы въ состояніи одолѣть такую дорогу. Но теперь энергія замѣняла мышцы... И ея энергія вдохновляла также ея прекрасныхъ, какъ ангелы, дѣтей...

— Куда несешь ты ребенка?—спросила она слабымъ голосомъ, заглушаемымъ дождемъ.

Огняновъ посмотрѣлъ на него. Онъ лишь теперь увидѣлъ, что откуда-то взялъ ребенка и тащилъ, не зная куда; лишь теперь онъ почувствовалъ его, услыхалъ его пискливый плачъ.

Онъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на Муратлійскую.

— Дай его, дай мнѣ...

И она взяла ребенка, прижала его къ лѣвой своей груди, а къ правой своего собственнаго, и возобновила путешествіе.

Было уже темно, когда Огняновъ пришелъ къ устью рѣки Вермишницы. Съ этого мѣста видѣнъ былъ весь городъ. Дождь погасилъ огонь; только кое-гдѣ уцѣлѣвшіе подъ крышами огоньки еще бросали чрезъ окна на потемнѣвшій городъ красноватые снопы свѣта...

Время отъ времени слышенъ былъ шумъ обрушивающихся зданій... Скоро огонь снова началъ разгораться и пожаръ охватилъ новыя зданія. Вдругъ, Огняновъ увидѣлъ новый пожаръ въ южной части города. Пламя съ трескомъ вырывалось изъ зданія и разсыпало милліоны искръ по воздуху. Огняновъ замѣтилъ, что на этомъ мѣстѣ былъ домъ Муратлійской... Да, это онъ горѣлъ... Черезъ мигъ верхній этажъ провалился въ море огня и желтаго дыма. На этомъ этажѣ была комната Рады!

Онъ бросился, какъ бѣшеный, въ пылающія улицы, переполненныя разсвирѣпѣвшими турками, и пропалъ въ нихъ.

ЭПИЛОГЪ.

I.

Послѣ возстанія.

Въ нѣсколько дней возстаніе было подавлено всюду. Оно умерло прежде чѣмъ начало жить.

Это возстаніе не имѣетъ даже исторіи. Такъ быстро было оно подавлено.

Золотыя надежды, глубокая вѣра, сила гигантская и энтузіазмъ — результатъ нѣсколькихъ вѣковъ страданія—все это погибло въ хаосѣ, въ одну минуту!

Страшное пробужденіе.

Если бы это движеніе со своими несчастными послѣдствіями не создало освободительной войны, неумолимое осужденіе висѣло бы надъ нимъ, здравый разсудокъ назвалъ бы его безумнымъ, народы—постыднымъ, исторія—преступнымъ. Увы! потому что исторія преклоняется только передъ успѣхомъ.

Одна только поэзія простила бы его и увѣнчала бы его геройскими лаврами—за тотъ порывъ воодушевленія, который привелъ этихъ кроткихъ анадольскихъ портныхъ на вершины Средней-Горы съ пушками изъ черешневаго дерева.

Поэтическое безуміе.

Потому что молодые народы, какъ и молодые люди, поэты.

Три дня и три ночи прошло уже, какъ Огняновъ скитался по Старой-Планинѣ. Онъ шелъ все на востокъ, чтобы спуститься къ Бѣлой-Церкви, о которой онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Отъ Клисуръ до Бѣлой-Церкви шесть часовъ пути для мирнаго гражданина; для бунтовщика, спасающагося отъ висѣлицы — недостаточно и шестидесяти.

Часто въ сумерки стоя на горной вершинѣ, онъ видѣлъ на горизонтѣ кровавую зарю. Эта заря походила очень на зарю заходящаго солнца. Но по мѣрѣ того, какъ ночь окутывала землю, свѣтъ становился все ярче и краснѣе. Онъ походилъ на сѣверное сіяніе, горящее на *югѣ*.

Это было зарево пожаровъ, которые обратили въ пепелъ множество цвѣтущихъ селъ. Зрѣлище страшное и величественное!

Въ эту ночь съ вершины Балкана Огняновъ съ ужасомъ увидѣлъ такое зарево и по всей Средней Горѣ. Она походила теперь на волканъ, изрыгающій огонь изъ двадцати кратеровъ.

Огняновъ рвалъ на себѣ волосы.

— Гибнетъ, гибнетъ Болгарія!—говорилъ онъ въ отчаяніи, съ глазами, устремленными на зарево. — Вотъ плодъ нашихъ святыхъ усилій. Вотъ во что выродились наши гордыя надежды: кровь и пламя. Боже, Боже! А тамъ,—прибавилъ онъ, указывая на Клисуры,—тамъ погибло и мое сердце... Два идеала рухнули въ одно время, два кумира, въ которыхъ я вѣрилъ. Одинъ провалился въ паническомъ страхѣ, другой въ позорѣ измѣны. Теперь я не болѣе, какъ заблудившійся призракъ, не могущій найти своей могилы!..

Если онъ и не походилъ на призракъ, то походилъ на скелетъ.

Всѣмъ пастухамъ и горнымъ болгарамъ было приказано — не давать пищи и пріюта подозрительнымъ людямъ. Болгаре дѣлали больше: они ихъ гнали и доносили на нихъ турецкой полиціи; нерѣдко жестокость ихъ доходила до того, что они приканчивали пулей какого-нибудь раненаго или полуживого отъ голода повстанника. Двѣ недѣли назадъ тѣ же болгаре встрѣчали апостоловъ, какъ желанныхъ гостей. Старая-Планина уже не была легендарной доброй матерью для удалыхъ добрыхъ молодцевъ, а коварной мачихой...

II.

Каравай бѣлаго хлѣба.

Въ этотъ день Огняновъ проснулся въ мелкой рощицѣ, покрывавшей сѣверный бокъ холма, подъ которымъ протекаетъ Осыма.

Онъ обезсилѣлъ отъ голода и изнуренія. Горькія травы, которыми онъ питался, только раздражали его волчій голодъ.

А въ сотнѣ шаговъ отъ него находился шалашъ пастуха, изобилующій хлѣбомъ, сыромъ, молокомъ, сметаной... Огняновъ испытывалъ танталовы муки.

Волкъ никогда не рѣшается умереть отъ голода, если онъ видитъ передъ собой стадо овецъ. Зубы псовъ менѣе жестоко кусаютъ, чѣмъ зубы голода.

Огняновъ рѣшилъ поступить какъ волкъ. Онъ оставилъ рощу, перешелъ рѣчку и съ рѣшительнымъ видомъ вошелъ въ шалашъ пастуха.

Внутри были двѣ женщины: старая и молодая, занимавшіяся шитьемъ, и еще двѣ дѣвочки, которыя что-то плели. Псы были при стадѣ, вѣроятно, недалеко.

Когда женщины увидѣли этого незнакомаго человѣка, одѣтаго въ грязную парусину, безъ шапки, они испугались и закричали.

— Чего тебѣ нужно? — крикнулъ снаружи чей-то голосъ.

И тотчасъ показался старый согбенный македонянинъ, державшій ружье на готовѣ.

Огняновъ узналъ старика Яня, который часто приходилъ въ Бѣлую-Церковь продавать масло. Они другъ друга знали.

— Добраго утра, киръ Яне, дай мнѣ кусокъ хлѣба, Бога ради—поспѣшилъ сказать Бойчо, чтобы заявить свои миролюбивыя намѣренія.

Киръ Яне посмотрѣлъ на него внимательно. Узналъ ли онъ его, или нѣтъ, но взглядъ его не произвелъ на Огнянова хорошаго впечатлѣнія. Затѣмъ онъ нахмурился, отрѣзалъ полъ-каравая и что то шепнулъ одной изъ дѣвушекъ.

— На, да уйди отсюда, чтобы тебѣ не попало. Тутъ тебя увидятъ, христіанинъ, — сказалъ онъ строго, подавая Огнянову хлѣбъ.

Огняновъ поблагодарилъ его и поспѣшно удалился; онъ направился въ долину, чтобы добраться до своей рощицы, въ которой провелъ ночь.

— Боже,—думалъ онъ, — грекъ, этотъ полудикарь сжалился надо мною; а болгаре вчера меня прогнали съ проклятіями и травили собаками, какъ звѣря.

Въ долинѣ Бойчо напился воды изъ рѣчки и перешелъ на другой берегъ, чтобы оттуда направиться въ свою рощу. Онъ тотчасъ почувствовалъ благотворное вліяніе пищи: силы его вернулись. Когда онъ подошелъ къ холму, онъ услышалъ, что кто-то ему кричитъ издалека. Онъ обернулся. Съ холма, на которомъ находился шалашъ грека, спускались черкесы и махали ему рукой. Впереди нихъ бѣжали гончія.

Огняновъ видѣлъ близкую гибель. Со свойственнымъ ему присутствіемъ духа, онъ тотчасъ сообразилъ положеніе дѣлъ.

Между нимъ и его гонителями лежало небольшое возвышеніе, которое его должно было скрыть минуты на двѣ отъ погони, когда та будетъ находиться во впадинѣ за возвышеніемъ. Въ этотъ короткій промежутокъ онъ могъ добѣжать до рощи, но это бы ему ни къ чему не послужило: они бы его догнали. Бѣгствомъ спастись отъ пуль и отъ гончихъ невозможно. Въ долинѣ же, у рѣки, росъ низкій кустарникъ, между двумя размытыми

обрывами. Но и кустарникъ не могъ бы его укрыть: если онъ обманетъ погоню, гончія его откроютъ. Повсюду гибель! Но Бойчо не имѣлъ времени на размышленія, необходимо было что-нибудь выбрать. Онъ инстинктивно предпочелъ долину и какъ стрѣла пустился по отлогости, которая облегчала ему бѣгство. Черезъ минуту онъ достигъ кустарника. Въ основаніи обрыва зіяли ямы, какъ будто онъ весь былъ подрытъ. Огняновъ быстро юркнулъ въ одну изъ этихъ логовищъ дикихъ звѣрей. Тамъ рѣшилъ онъ ждать погони, чтобы дорого продать свою жизнь.

Нѣсколько секундъ, съ револьверомъ въ рукѣ, Огняновъ присматривался. Эти секунды показались ему вѣками. Лай приближался вначалѣ, потомъ отдалялся, наконецъ, замолкъ. Онъ ждалъ. Въ чемъ дѣло? Навѣрное, погоня потеряла его слѣды, но не надолго. Огняновъ понялъ, что она его ищетъ въ рощѣ; понятно, когда она его тамъ не найдетъ, она вспомнитъ о долинѣ, если собаки не поведутъ ее туда раньше. Инстинктъ животныхъ не обманывается дважды. Сколько времени длилось это напряженное ожиданіе, какъ долга была эта агонія—онъ не зналъ. Глаза его были устремлены въ долину, въ сухой кустарникъ, который тихо шуршалъ надъ ручейкомъ. Каждый мигъ ожидалъ онъ увидѣть морду гончей—этого фатальнаго для него животнаго—заглядывающую въ его нору, или же услышать ея лай.

Внезапно послышался лай.

Глаза Огнянова выкатились, громадные, страшные, волосы встали дыбомъ.

Онъ судорожно сжалъ револьверъ, готовый на все.

III.

На сѣверъ!

Лай, который услышалъ Огняновъ, не повторялся болѣе. Вмѣсто него, онъ услышалъ другой шумъ, шумъ человѣческихъ шаговъ. Да, сюда шли люди, они спускались съ обрыва, потому что сыпался сверху песокъ до самаго отверстія ямы, гдѣ скрывался скиталецъ. Скоро двѣ ноги въ царвуляхъ показались передъ ямой и исчезли; другія двѣ ноги показались и также прошли мимо, еще одинъ человѣкъ показался и тихо, безмолвно удалился. Показался четвертый. Онъ не уходилъ.

Онъ остановился и наклонился. И Огняновъ увидѣлъ въ профиль взъерошенную продолговатую голову, голову гориллы. Тотъ, кому принадлежала голова, принялся завязывать веревку портянки, которая волочилась.

Огняновъ, съ наведеннымъ револьверомъ, превратился въ статую.

Голова заглянула въ яму.

Она тотчасъ поднялась и острое с-с-с раздалось. Это былъ знакъ другимъ, чтобы они вернулись.

И голова снова наклонилась и заглянула. Огняновъ рѣшилъ выстрѣлить.

— Что ты за человѣкъ? — спросилъ громовый голосъ.

— Бай Иванъ!—крикнулъ Огняновъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ Иванъ Боримечка.

— Учитель!—воскликнули остальные, наклонившись къ берлогѣ. Боримечка первый, не ожидая приглашенія, влѣзъ въ берлогу и стиснулъ руки Огнянову съ глазами, полными

слезъ. Влѣзли и остальные трое. Это были клисурцы.

Первый вопросъ Бойчо былъ:—что за собака лаяла?

Клисурцы отвѣтили:

— Не собака, это Боримечка лаялъ.

Огняновъ улыбнулся. Онъ вспомнилъ привычку исполина. Тогда онъ осыпалъ ихъ вопросами.

Лишь теперь Огняновъ успокоился. Онъ понялъ, что спасся по одному только чуду, какое не разъ уже посылала ему судьба.

— Куда вы теперь идете?

— Пробираемся въ Румынію. А ты?

— Да вотъ ужъ три дня, какъ иду въ Бѣлую-Церковь; видите, какъ далеко ушелъ.

Одинъ изъ клисурцевъ отозвался:

— Хитрые ребята выходятъ бѣлоцерковчане: сидятъ себѣ покойно.

Эти слова были произнесены съ гнѣвомъ. И даже не столько съ гнѣвомъ, что Бѣлая-Церковь не поднялась, сколько съ досадой, что и она не погибла, какъ другія. Такова, увы! природа человѣческая. Легче переносить несчастіе, когда мы знаемъ, что и другіе, хотя-бы близкіе намъ, также страдаютъ отъ него.

— Что вы узнали о Бѣлой-Церкви?—спросилъ Огняновъ.

— Да говорилъ тебѣ... хитрые вышли... Только мы одни нашлись освобождать болгарское царство.

— А при всемъ томъ, странно, воодушевленіе Бѣлой-Церкви было велико!—проговорилъ задумчиво Огняновъ.

— Да и лучше, что уцѣлѣла... какая польза, еслибъ и она сгорѣла?

— Сколько деревень пепломъ стало,—отозвался другой,—ты видѣлъ ночью, какъ небо свѣтило?

— Видѣлъ, — отозвался мрачно Огняновъ,

— Много народу погибло. Да это развѣ возстаніе? Это—позоръ. И мы, старые ослы, понадѣялись. Дадутъ передъ Богомъ отвѣтъ тѣ, что завлекли народъ. Если еще не было все налажено, почему они не сидѣли спокойно?

Огняновъ молчаливо слушалъ эти упреки и нареканія. Они его огорчали, но не сердили. Они были если не вполнѣ справедливы, то вполнѣ естественны въ устахъ этого раззореннаго люда. Онъ самъ не разъ укорялъ въ душѣ своей народъ, какъ они укоряли его главарей. Это печальныя и логическія послѣдствія неудачи.

— Э, да чего вы раскисли, да плачетесь, будто Богъ знаетъ, что стало. Отъ Бога и святой Богородицы было твкъ написано. Если Клисуры погибли, еще Болгарія не погибла,— постарался ихъ утѣшить Боримечка.

— Бай Иване, а что съ твоей хозяйкой? Куда ты ее отправилъ? — спросилъ Бойчо.

— Стайка то? уцѣлѣла она... завелъ я ее въ Алтыново, а оттуда... да, забылъ сказать, что было съ учительницей!

Огняновъ вздрогнулъ при этихъ словахъ. Онъ догадывался, что сталось съ Радой, но боялся услышать отъ другого подтвержденіе ужасныхъ догадокъ. Онъ видѣлъ ночью, какъ горѣло и обрушилось жилище Рады, онъ видѣлъ пожаръ, охватившій самыя развалины, подъ которыми зарыта была дѣвушка, если она только не покончила съ собою раньше. Поздно уже было, когда онъ бросился ее спасать. И эта мысль страшнымъ бременемъ тяготѣла на душѣ его. Еще и другое чувство, въ которомъ онъ не хотѣлъ себѣ давать отчета, волновало и мучило его.

— Чуть-чуть не погибла бѣдная дѣвушка.

— Какъ, она развѣ жива?—воскликнулъ Бойчо.

— Жива, жива, учитель... только не будь Боримечки...

— Гдѣ-жъ она теперь?—спросилъ изумленный Бойчо, стараясь въ одинъ мигъ все прочесть на большомъ, осповатомъ добродушномъ лицѣ Ивана.

— Не печалься, въ хорошія руки я ее отдалъ, — успокоилъ его Боримечка.

Бойчо почувствовалъ благодатное облегченіе. Лицо его просіяло и онъ сказалъ растроганно исполину:

— Благодарю, бай Иване! ты меня избавилъ отъ страшныхъ мученій.

— Но,—подхватилъ Иванъ,—хорошо, что наша Стайка мнѣ во время сказала... потому что Аничка, хозяйка, какъ бросилась бѣжать, видѣла нашу Стайку и сказала ей: «Стайка, скажи Ивану,—мнѣ-то, что Рада не хочетъ бѣжать, какъ я ее ни молила, такъ не оставьте учительницу, а отведите ее съ собой насильно»... Какъ услышалъ это, мать ему старая, я ли ее оставлю?.. Какъ прибѣжалъ, она заперла дверь, стучу, кричу, не отворяетъ, ломаю, вхожу въ комнату. Смотрю, она стоитъ около стола, держитъ свѣтъ въ рукѣ, а на столѣ мѣшокъ.

— Мѣшокъ съ порохомъ!—вскрикнулъ Огняновъ, похолодѣвшій, когда онъ понялъ, какую смерть готовила себѣ Рада.

— Взяла мѣшокъ съ порохомъ, чтобы взорвать себя на тысячу кусковъ?.. видѣли глупую дѣвочку! Но и я тогда не догадался, что это порохъ, а вошелъ и прямо къ ней. Отъ Господа ли это было, или вѣтерокъ дунулъ, какъ открылъ дверь, только свѣтъ погасъ...

— Что ты здѣсь дѣлаешь, учительница? Всѣ бѣгутъ, а ты здѣсь что станешь дѣлать? Схватилъ ее и айда къ Балкану, наша Стайка за нами. Стайка ее утѣшаетъ, она плачетъ, охаетъ... Эхъ, учитель, сколько слезъ она пролила по тебѣ!... Я тебя считалъ убитымъ, но ей лгу (вѣдь нужна хитрость), говорю ей: учитель живъ и здоровъ, учительница, не печалься, учительница... Но, вѣдь, мы опоздали... У Верлишницы уже турки, нельзя туда... Эхъ, тѣсно, что дѣлать?.. Тогда взобрались мы на горы, да середь ночи въ наше село... Передалъ и учительницу, и Стайку нашему Волку, шурину-то, и снова взобрался на Старую Планину... Такъ ты живъ, а?

Огняновъ молча стиснулъ руки Боримечки.

— Я ихъ оставилъ въ Алтыновомъ, но онѣ должны быть въ Бѣлой-Церкви, Волкъ долженъ былъ ихъ отвезти туда на другое утро переодѣтыми въ турецкія одежды... Въ Алтыновомъ страшно, много турокъ... А въ Бѣлой-Церкви, говорятъ, мирно. Ты, учитель, если идешь туда, навѣсти и нашу Стайку, мою хозяйку, поклонись ей отъ меня и скажи, что видѣлъ меня живымъ и здоровымъ... Скажи ей, что ѣмъ жареныхъ зайцевъ и сметану съ сахаромъ, пусть не думаетъ...

— Я, бай Иване, врядъ-ли пойду въ Бѣлую-Церковь.

Боримечка взглянулъ на него удивленно.

— Развѣ ты не туда уже идешь?

— Нѣтъ, не хочу болѣе.

— Такъ куда жъ ты?

— Посмотрю...

— Дай, поведемъ тебя въ Румынію..

— Нѣтъ, вы пойдите сами, и раздѣлитесь, не хорошо ходить большой толпой...

Огняновъ направился на сѣверъ.

Небо было облачно. Страшный мракъ закуталъ горы и ихъ глухія чащи.

Цѣлую ночь онъ шелъ по горамъ и долинамъ.

На разсвѣтѣ онъ очутился на вершинѣ одной горы. Съ этой вершины видѣнъ былъ югъ и одна прекрасная зеленая долина. Онъ узналъ Стремскую-Долину. Бѣлая-Церковь лежала у подножья горы!

Рокъ его долженъ былъ восторжествовать.

IV.

Знамя.

Огняновъ, какъ бы очнувшійся отъ тяжелаго сна, понялъ, что онъ блуждаетъ, но было поздно.

Очутившись теперь надъ Бѣлой-Церковью, среди бѣлаго дня, далеко отъ какой-либо рощи или другого мѣста, гдѣ бы можно было укрыться, онъ понялъ, что было бы безумiемъ возвращаться обратно. Единственное, что ему оставалось дѣлать, это—спуститься въ долину Монастырской рѣки, представлявшую хорошее убѣжище, а оттуда пробраться въ Бѣлую-Церковь. Ему приходилось покориться волѣ судьбы, и онъ рѣшилъ идти въ то самое мѣсто, отъ котораго онъ старался ночью какъ можно дальше бѣжать.

Огняновъ, какъ и Кандовъ, первый разъ любилъ. Его сердечная рана была ему нанесена его воображенiемъ, не измѣной Рады. Первое разумное разъясненiе могло бы прекратить его страданiя. Случай долженъ придти на помощь.

Этотъ случай представился.

Но Огняновъ видѣлъ въ немъ одно коварство судьбы.

Поэтому, когда спустился въ долину туда, гдѣ поворачиваетъ Монастырская рѣка, и когда онъ увидѣлъ рѣдкую еловую рощицу, онъ внезапно перемѣнилъ свое рѣшенiе.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—въ этомъ лѣску я спрячусь днемъ, а вечеромъ пойду назадъ... Въ какомъ-нибудь балканскомъ селѣ я переодѣнусь и потомъ—въ Румынiю... Никогда, никогда —съ Радой. И онъ спрятался между корнями деревьевъ, покрытыхъ сухимъ листомъ и дикими травами, которыя дѣлали его невидимымъ, когда онъ легъ. Много часовъ пролежалъ онъ терпѣливо, въ ожиданiи ночи.

Когда начало смеркаться, на противоположномъ холмѣ Огняновъ замѣтилъ что-то черное, двигавшееся и махавшее по воздуху. Оно походило на какую-то исполинскую птицу, машущую по воздуху крыльями и не двигающуюся съ мѣста. Въ изумленiи, онъ вперилъ свои глаза.

— Знамя!—сказалъ онъ удивленно. Онъ узналъ красное знамя, вбитое въ скалу на вершинѣ холма. Вѣтеръ тихо развѣвалъ это знамя, которое было видно и изъ Бѣлой-Церкви.

Подлѣ знамени никого не было. Кто его поднялъ? И для какой цѣли? Былъ ли это сигналъ бунта? Огняновъ принялъ его за послѣднее. Не могло быть другого разумнаго объясненiя присутствiя этого знамени...

Огняновъ не стерпѣлъ. Онъ оставилъ всякую осторожность, выскочилъ изъ своего убѣжища и быстро взобрался на вершину, съ которой онъ спустился, чтобы оттуда посмотрѣть на Бѣлую-Церковь. Теперь ему казалось, что онъ слышитъ далекiе ружейные выстрѣлы... Откуда шли они?.. Онъ впивался глазами въ городъ... Внезапно, благодаря необыкновенно чистому и прозрачному воздуху, онъ замѣтилъ и какой-то бѣлый дымокъ, слѣдъ выстрѣла, на краю города.

— Бунтъ, бунтъ въ Бѣлой-Церкви,—воскликнулъ онъ радостно; вѣрные мои други, Соколовъ, Поповъ, редакторъ, бай Мичо не сложили рукъ... Очевидно, возстанiе вспыхнуло теперь и въ другихъ мѣстахъ... И это знамя есть условный знакъ!.. Потухшiй пожаръ снова разгорѣлся... Возстанiе, Боже,—надежда не потеряна!.. И онъ, какъ будто на крыльяхъ, спустился по скользкой травѣ съ крутого обрыва.

V.

Кладбище.

Сдѣлалось уже совсѣмъ темно, когда Огняновъ снова очутился въ долинѣ Монастырской рѣки.

Онъ прошелъ мимо монастыря, но не счелъ нужнымъ заглянуть къ отцу Натанаилу: онъ и такъ потерялъ много драгоцѣннаго времени. Мысль, что въ Бѣлой-Церкви — возстаніе, гальванизировала его и вернула ему всѣ его физическія и духовныя силы.

Онъ пошелъ большой дорогой и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ мрачные контуры городскихъ зданій, трубъ, садовъ. Тогда онъ оставилъ дорогу и взобрался на возвышеніе, господствующее съ сѣвера надъ Бѣлой-Церковью, на которомъ стоитъ городское училище.

Съ этого возвышенія онъ сталъ всматриваться въ городъ. Городъ спалъ. Нигдѣ не было свѣта... Никакой особенный шумъ или что-либо другое не обнаруживали, что въ городѣ было возстаніе. Слышенъ былъ только обыкновенный лай собакъ. Это удивило Огнянова. Что дѣлать? Проникнуть въ городъ и постучаться къ кому-либо изъ пріятелей онъ считалъ неблагоразумнымъ. Онъ рѣшилъ зайти въ мужское училище: оно было недалеко. Тамъ онъ узнаетъ отъ сторожихи, что дѣлается въ Бѣлой-Церкви. И онъ перескочилъ черезъ ограду училища. Когда онъ осмотрѣлся, онъ увидѣлъ, что находится на кладбищѣ, которое занимало значительную часть училищнаго двора. Посреди стояла старинная церковь, молчаливая и мрачная, напоминающая сама исполинскій могильный памятникъ. Въ глубинѣ двора чернѣли училищныя постройки, молчаливыя и окутанныя мракомъ. Какимъ-то холодомъ вѣяло и отъ страшной тишины, и отъ мрака этого мѣста. Этотъ мертвый мракъ, который встрѣтилъ Огнянова вмѣсто шума и сутолоки, свойственной городу въ возстаніи, поразилъ его и навелъ на самыя черныя мысли. Эти могилы съ своими причудливыми формами, какія имъ придавала ночь, стояли передъ нимъ молчаливо, какъ мертвецы, вылѣзшіе на половину изъ гробовъ. Онъ не могъ сдержать невольнаго трепета сердечнаго и тайнаго желанія поскорѣе выбраться изъ этого холоднаго царства мрака и таинственности...

Неожиданно, во мракѣ, къ которому привыкъ его глазъ, Огняновъ замѣтилъ слабую неподвижную свѣтящуюся точку въ низкомъ окнѣ церкви. Несомнѣнно, это долженъ былъ быть свѣтъ лампадки или восковой свѣчки... Эта красная точка была пріятнымъ диссонансомъ, единственнымъ признакомъ жизни среди всеобщей тишины города, она свѣтила привѣтливо и дружелюбно, почти весело. Огняновъ, толкаемый неодолимымъ любопытствомъ, осторожно пробрался мимо могилъ, подошелъ къ окну и заглянулъ внутрь. Около одной изъ колоннъ церкви, въ большомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, горѣла восковая свѣча. Желтоватое пламя едва освѣщало небольшой кругъ на полу. Внѣ этого круга церковь была погружена въ таинственный мракъ. Въ слабо освѣщенномъ пространствѣ пола Огняновъ замѣтилъ какія-то странныя распростертыя тѣла. Что бы это такое было? Онъ прильнулъ лицемъ къ стеклу и сталъ всматриваться. И онъ понялъ, что это такое. Тамъ на рогожѣ лежали три человѣка. Эти трое людей были три трупа. Блестящія лужи крови виднѣлись подлѣ нихъ. Пламя бросало дрожащій робкій свѣтъ на эту картину. Лица, искривленныя и съ разинутыми ртами, носили печать

Промышленный трудъ не могъ освободиться отъ тираніи *цеховъ*. Кромѣ того, королевская власть захватила нѣкоторые виды промышленности, создавъ въ ихъ средѣ особыя *должности* и новые налоги на торговлю и промышленность. Въ XVII и XVIII вѣкахъ существовали присяжные пробователи водки, масла, сыровъ, продавцы домашней птицы, вѣсовщики зерноваго хлѣба, измѣрители тесанаго камня, мѣряльщики полотенъ, присяжные глашатаи при погребеніи и т. п. Преувеличенная регламентація останавливала духъ иниціативы: всякое нововведеніе влекло за собою штрафъ. Такъ, необходимо было заступничество короля, чтобы шляпочный мастеръ въ Парижѣ, по имени Лепрево, могъ выдѣлывать полушелковыя шляпы.

Торговля задерживалась внутренними таможнями, остаткомъ старинныхъ границъ средневѣковыхъ мелкихъ государствъ. Кольберъ осуществилъ объединеніе двѣнадцати провинцій, называемыхъ *пятью большими откупами*, но оставалось еще два пояса *провинцій, считавшихся чужеземными*, и *провинцій иностранныхъ*. Списокъ пошлинъ, хотя и упрощенный, былъ все еще весьма длиненъ. Съ XVII в. стали проводить большія дороги, которыя не могли идти въ сравненіи съ прекрасными римскими дорогами, но, тѣмъ не менѣе, были весьма полезны. Эти большія артеріи не имѣли, однако, примыкавшихъ къ нимъ второстепенныхъ путей, а проселочныя дороги по зимамъ были непроѣздными.

Это положеніе вещей, о которомъ мы можемъ судить теперь совершенно безпристрастно, объясняется продолжительнымъ существованіемъ общества, образовавшагося въ средніе вѣка путемъ войны и насилія. Старинное и новое дворянство, потомки герцоговъ и графовъ или наслѣдники титуловъ, пріобрѣтенныхъ за деньги, считало себя особой націей, стоявшей выше остального народа. Высшее дворянство, конечно, относилось презрительно къ тѣмъ, чьи дворянскія грамоты не успѣли еще пожелтѣть отъ времени, и, въ особенности, къ дворянству, вышедшему изъ чиновничества, когда оно стремилось сравняться съ военнымъ дворянствомъ. Но каковы бы ни были ихъ подраздѣленія, всѣ дворяне единодушно старались о сохраненіи своего преобладающаго положенія. *Право старшинства* позволяло поддерживать семейныя традиціи и передавать земли, связанныя съ благороднымъ титуломъ. Дворянство, хотя численность его не превышала, по однимъ даннымъ, 83.000 человѣкъ, а по другимъ—140.000, владѣло пятой частью земли.

Чѣмъ ниже они сгибались въ Версалѣ, тѣмъ выше поднимали голову въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ играли роль королей.

«Посмотримъ на менѣе значительныхъ лицъ, на владѣльца средней руки, въ его земельномъ участкѣ величиною въ квадратное льё, съ тысячью человѣкъ крестьянъ, которые прежде были его крѣпостными или рабами. Хотя значеніе его понизилось, онъ все-таки занимаетъ высокое мѣсто. Сборщики податей называютъ его «первымъ лицомъ»; это—владѣтельная особа, у которой понемногу отнимали ея общественныя функціи, оставляя ей только почетныя и полезныя права, но которая, тѣмъ не менѣе, остается

владѣтельной особой. Въ церкви у него отдѣльная скамья, и онъ имѣетъ право на могилу у клироса; мѣсто его украшено его гербами; ему кадятъ и, особо отъ другихъ, подаютъ «святую воду». Если онъ построилъ церковь, онъ считается ея попечителемъ, выбираетъ священника и желаетъ имъ руководить; въ деревняхъ онъ по своему желанію назначаетъ позднѣе или ранѣе часы церковной службы. Если онъ имѣетъ титулъ, онъ—главный судья, и въ цѣлыхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Мэнѣ и Анжу, нѣтъ ни одного помѣстья безъ судьи. Въ этомъ случаѣ, онъ назначаетъ сельскаго судью, регистратора и другихъ представителей закона и правосудія, прокурора, нотаріуса, урядника, стражниковъ пѣшихъ или конныхъ, которые исполняютъ его распоряженія или судятъ его именемъ гражданскія и уголовныя дѣла первой инстанціи. Для различнаго рода преступниковъ у него есть своя тюрьма, иногда свои висѣлицы. Съ другой стороны, въ вознагражденіе себя за судебныя издержки, онъ получаетъ имущество человѣка, приговореннаго къ смерти и конфискаціи его земли; онъ наслѣдуетъ имущество незаконнорожденнаго, родившагося и умершаго въ его помѣстьи безъ завѣщанія и законныхъ дѣтей; онъ присвоиваетъ себѣ движимыя вещи и живыя, и неодушевленныя, кѣмъ-либо потерянныя и неизвѣстно кому принадлежащія. Онъ оставляетъ въ свою пользу треть или половину денегъ, найденныхъ другимъ, а на берегу моря беретъ себѣ все, уцѣлѣвшее отъ кораблекрушенія. Наконецъ, что было всего прибыльнѣе въ тѣ бѣдственныя времена, онъ становится владѣльцемъ покинутыхъ земель, необрабатывавшихся въ теченіе десяти лѣтъ.

«Надменные и могущественные владѣльцы голубятни, труда или мѣста рыбной ловли, чѣмъ менѣе у нихъ средствъ къ существованію, тѣмъ болѣе они стараются придать значенія своему имени и почетнымъ привилегіямъ. Не будучи чуждыми гуманнымъ идеямъ, какія распространялись писателями XVIII в., они не могутъ что-либо уступить изъ своихъ феодальныхъ правъ, такъ какъ живутъ на счетъ этихъ правъ и, по большей части, для крестьянина онъ—ничто иное, какъ кредиторъ, который долженъ быть строгимъ, чтобы имѣть возможность существовать.

«Владѣлецъ остается уединеннымъ и чуждымъ среди своихъ вассаловъ. Власти у него уже нѣтъ, а привилегіи его еще сохранились и это создаетъ ему совершенно особую жизнь. Онъ выходитъ изъ ея замкнутаго круга лишь для того, чтобы еще болѣе увеличить общественное бѣдствіе. Съ этой раззоренной казенными поборами земли онъ требуетъ часть урожая, въ видѣ извѣстнаго числа сноповъ хлѣба, или кувшиновъ вина. Его голуби и лѣсная дичь поѣдаютъ жатву. Надо смолоть хлѣбъ на его мельницѣ, и оставлять ему шестую часть муки. Продажа поля за 600 франковъ (240 руб.) доставляетъ въ его пользу 100 фр. Наслѣдство, переходящее отъ брата къ брату, должно предоставить ему весь свой годовой доходъ. Двадцать другихъ повинностей, служившихъ прежде для общественной пользы, теперь должны идти на прокормленіе частнаго лица» [1]).

---

[1]) H. Taine, *Les origines de la société contemporaine*, F. I. *L'Ancien Régime*.

Соприкосновеніе съ философскими идеями, которымъ дворяне рукоплескали въ парижскихъ салонахъ, заставило ихъ отказаться отъ своей грубости, но не отъ гордости. Они считали себя иной породы, иной крови, чѣмъ ихъ фермеры. Хотя единство было установлено, но многіе мѣстные владѣльцы оспаривали и ослабляли его.

Къ этому высокомѣрію, которое у епископовъ исходило отъ ихъ происхожденія, духовенство присоединяло гордость своимъ земельнымъ богатствомъ и многочисленными привилегіями. Какъ особый классъ, оно имѣло даже притязаніе, въ силу своего духовнаго характера, быть первенствующимъ. Оно ревниво относилось къ дворянству, которое, въ свою очередь, завидовало ему.

25 милліоновъ обывателей, которые въ городахъ и деревняхъ составляли *третье сословіе*, считались подчиненнымъ классомъ. Хотя образованность и богатство необычайно возрастали, въ особенности, въ городахъ, хотя буржуазія доставляла большое число судебныхъ и финансовыхъ чиновниковъ, она, тѣмъ не менѣе, оставалась презираемой тѣми, которые пользовались ея средствами или услугами. Прогрессъ нравовъ не приносилъ плодовъ простолюдинамъ, которыхъ высшіе классы могли эксплоатировать по своему произволу.

Повсюду, такимъ образомъ, сохранялись слѣды среднихъ вѣковъ—принципъ власти сюзерена надъ вассаломъ, дворянство, господствовавшее въ администраціи и правосудіи, феодальныя права, феодальная организація духовенства, продажный строй суда и войска. Давно уже чувствовалась полная безвыходность положенія, такъ какъ невозможно было ввести порядокъ въ хаосъ, не уничтоживъ его. Умственный прогрессъ къ концу XVIII в. привелъ къ тому, что стали понимать необходимость полнаго переустройства не только той или другой части общества, но всего общества.

Правда, революція началась съ финансоваго кризиса, принудившаго Людовика XVI созвать *Генеральные штаты* въ 1789 г.; но что-же породило этотъ финансовый кризисъ, какъ не политическій безпорядокъ? Возбужденіе усиливалось нищетою; зловѣщій крикъ: «хлѣба! хлѣба!» раздавался не разъ въ теченіе XVIII в. прежде, чѣмъ повториться съ угрозою передъ воротами Версальскаго замка 5 и 6 октября 1789 г. Но отчего же произошла эта нищета, если не отъ гнета, еще тяготѣвшаго надъ землею, разорявшаго земледѣліе, сковывавшаго промышленность и торговлю и не допускавшаго установленія правильной администраціи? Такимъ образомъ, различныя причины, *экономическія* и *политическія*, выражались въ одной *соціальной причинѣ*. Успѣхъ всѣхъ реформъ зависѣлъ отъ уничтоженія феодальнаго строя, который возбуждалъ враждебныя чувства, накоплявшіяся многими вѣками.

Буря, наконецъ грохочетъ и разражается. Возставшій народъ въ Парижѣ разрушаетъ Бастилію, скорѣе, какъ символъ, чѣмъ какъ орудіе деспотизма. При трескѣ ея паденія рушатся всѣ маленькія феодальныя бастиліи во Франціи и въ другихъ странахъ. На этихъ дымящихся развалинахъ, среди сталкивающихся армій, заливающихъ кровью Европу, нѣмецкій писатель Гёте, однажды высказалъ: «Съ этого дня начинается новая эпоха міровой исторіи».

КНИГА ШЕСТАЯ.

Современная эпоха.

ГЛАВА XIII.

Общій характеръ революціи, ея философскій и классическій характеръ.—Соціальная, экономическая и политическая цѣль революціи.—Общественная дѣятельность Учредительнаго собранія; принципы равенства; ночь 4-го августа.—Уничтоженіе феодализма Учредительнымъ собраніемъ.—Главныя статьи декларацiи правъ человѣка. — Гражданское равенство; равенство въ семьѣ.—Политическая дѣятельность; принципы 1789 г.—Административныя реформы; политическое единство; департаменты.—Раздѣленіе властей.—Судебное единство.—Избирательное начало; всеобщая подача голосовъ.—Финансовыя реформы.—Гражданскій строй духовенства.—Представительное правленіе; конституція 1791 г.—Экономическая дѣятельность; развитіе мелкой собственности; облегченіе земледѣлія. — Свобода промышленности и торговли. — Опытъ возстановленія кредита; ассигнаціи; Собраніе и система Лоу. — Результаты дѣятельности Учредительнаго собранія. — Законодательное собраніе; паденіе монархіи (10-го августа 1792 г.).—Республика; конвентъ (1792—1795).—Несогласія и насилія конвента. — Термидоровская реакція. — Конституція III года.—Работы и учрежденія конвента.—Дѣятельность конвента.—Директорія (1795—1799); государственные перевороты. — Общественный безпорядокъ.—Армія; законъ о конскрипціи.—Преобладающее значеніе арміи; государственный переворотъ 18-го и 19-го брюмера (9-го и 10-го ноября 1799 г.).

Французскій умъ, развившійся въ два послѣднія столѣтія, достигъ яркаго блеска, составлявшаго отличіе ума римскаго и греческаго. Въ свою очередь, онъ становился самымъ отчетливымъ выраженіемъ человѣческаго ума, неудержимо стремящагося къ порядку, единству, свободѣ и справедливости. Онъ проникся настоящей страстью къ логикѣ. Французы пожелали примѣнить философію къ общественной жизни, превратить въ факты истины, разъяснявшіяся и распространявшіяся мыслителями. Въ прежнія времена законодатели упорядочивали общество, и римское общество преобразовывало свой собственный строй; такія перемѣны были дѣломъ одного человѣка или дѣломъ вѣковъ. Революція, руками одного народа, обновила въ десять лѣтъ общество, имѣвшее за собою четырнадцать столѣтій. Никогда дѣло болѣе обдуманное не совершалось съ такою пылкостью, настойчивостью и методичностью; никогда самыя благородныя разсужденія не были окружены такими смутами и потоками крови; никогда страсти болѣе разнузданныя не вступали въ такую борьбу съ разумомъ, который унижали именно тѣ, кто считали себя олицетвореніемъ его.

Революція на столько исходила изъ *философіи* XVIII вѣка, что была даже съ точностью опредѣлена степень вліянія, оказаннаго тремя главными писателями на различные періоды этого великаго движенія. Вольтеръ, по преимуществу, отдавался вопросамъ терпимости, человѣчности и справедливости, Монтескьё—вопросамъ государственнаго устройства, Руссо — вопросамъ общественнымъ. Вольтеръ возбудилъ великодушныя чувства, которыми былъ отмѣченъ первый порывъ движенія; Монтескьё создалъ юри-

стовъ, выдвинувшихся въ Учредительномъ собраніи, а наиболѣе популярныя теоріи Руссо возродились въ политикѣ и въ рѣчахъ Конвента.

Эти рѣчи, такъ же, какъ и рѣчи Учредительнаго собранія, оказывали еще другое вліяніе, вліяніе *классическаго духа*. Изученіе латинскихъ и греческихъ авторовъ пробудило идеи свободы, столь дорогія древнему міру. Воспоминанія республиканскаго Рима вставали за воспоминаніями императорскаго Рима, для которыхъ, въ свое время, должна была настать минута торжества. Рѣчи, памфлеты, декреты и проч. должны были наполниться воспоминаніями римской и греческой исторіи, и новому міру предстояло возстановить даже древніе празднества и костюмы. Это — одна изъ живописныхъ сторонъ революціи, на которой мы остановимся лишь для того, чтобы отмѣтить лишній разъ тождество человѣческаго ума. Связывая звенья въ цѣпи временъ, мы видимъ, что онъ всегда одинъ и тотъ же; нѣкогда воплощавшійся въ грекахъ и римлянахъ, онъ, послѣ долгаго промежутка мрака, проявилъ себя вновь въ утонченномъ умѣ французовъ.

Опредѣляя причины революціи, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснили и ея цѣль. Если прежнее общество страдало отъ народной бѣдности, то это происходило отъ недостатковъ политическаго устройства, исходившаго отъ общественнаго строя. Надо было преобразовать общество, чтобы возстановить государство и удовлетворить общіе интересы. Экономическій прогрессъ могъ быть только слѣдствіемъ общественнаго улучшенія. Затѣмъ, надо было закрѣпить политическій прогрессъ, чтобы упрочить всѣ остальные. Это было дѣломъ революціи, которая, въ своемъ движеніи, слѣдовала этому логическому и естественному порядку.

5-го мая 1789 г., когда Генеральные Штаты собрались въ залѣ *Меню* въ Версалѣ, можно было подумать, что, за исключеніемъ нѣкотораго различія въ костюмахъ, они повторяютъ собою собранія прежней монархіи: были возобновлены даже устарѣлый церемоніалъ и всѣ старинные обычаи этого рода собраній. Три сословія отличались одно отъ другого занимаемымъ ими положеніемъ и костюмомъ. Правда, это были тѣ же три класса, но духъ ихъ былъ уже не тотъ: депутаты *третьяго* сословія превосходили вдвойнѣ своимъ числомъ представителей другихъ сословій, и не были уже такъ робки, какъ въ 1614 году. Сознавая свою силу, они съ первыхъ же дней подняли основной вопросъ, потребовавъ *поголовнаго голосованія*. Безсиліе Генеральныхъ Штатовъ происходило отъ раздѣленія сословій, позволявшаго противополагать народнымъ требованіямъ голоса двухъ привиллегированныхъ классовъ. Депутаты третьяго сословія поняли опасность и отвратили ее. Достопамятная присяга въ залѣ *Игры въ мячъ* 20-го іюня, сопротивленіе королевскимъ повелѣніямъ 23-го іюня и краснорѣчивый протестъ *Мирабо* навели страхъ на короля и на привиллегированныхъ лицъ, которые 28-го сдѣлали уступку, признавъ существованіе единаго *Собранія*. Въ засѣданіи находились тѣ же 1.200 депутатовъ, которые сходились тамъ въ предшествующемъ мѣсяцѣ, но это уже были не Генеральные Штаты: это было *На-*

ціональное Собраніе, въ которомъ, въ величественномъ единствѣ, сливались представители дворянства, духовенства и народа, соединяя воедино живыя силы страны, перемѣшивая, вслѣдствіе того, уничтожая классы, укрѣпляя начала равенства. Названіе *Учредительнаго собранія* закрѣпило верховную власть народа, ввѣренную его избраннымъ представителямъ.

Учредительное собраніе положило конецъ феодализму. Въ его декретахъ 4-го, 6-го, 7-го, 8-го и 11-го августа, напечатанныхъ 21-го сентября и обнародованныхъ 3-го ноября 1789 г., мы находимъ слѣдующія статьи:

Ст. 1. Національное собраніе окончательно уничтожаетъ феодальный строй и постановляетъ, что права и обязанности, касающіяся наслѣдованія послѣ умершаго вассала и личнаго подчиненія, *уничтожаются безъ всякаго вознагражденія*, а всѣ прочія подлежатъ *выкупу*, цѣна и способъ котораго будутъ утверждены Національнымъ собраніемъ.

Ст. 2. Исключительное право голубятень уничтожается; голуби должны быть заключаемы тамъ, въ извѣстное время, назначаемое общинами; въ это время они должны считаться дичью, которую каждый имѣетъ право убивать на своей землѣ.

Ст. 3. Исключительное право охоты и рыбной ловли въ открытыхъ мѣстахъ также уничтожаются.

Ст. 4. Всѣ суды сеньеровъ уничтожаются безъ всякаго вознагражденія.

Ст. 5. Поборы съ произведеній всякаго рода и замѣняющія ихъ повинности, какое бы наименованіе они ни имѣли, и какимъ бы корпораціямъ они ни принадлежали, совершенно уничтожаются.

Ст. 6. Всѣ постоянныя земельныя ренты, какъ натуральныя, такъ и денежныя, подлежатъ выкупу; тому же подлежатъ и поборы съ земельныхъ продуктовъ всякаго рода по цѣнѣ, которая будетъ установлена Собраніемъ.

На будущее время воспрещаются всякаго рода повинности, не подлежащія выкупу.

Ст. 7. Продажность судебныхъ и муниципальныхъ должностей отнынѣ прекращается. Правосудіе будетъ отправляться безплатно.

Ст. 9. Денежныя привилегіи, личныя или вещныя, навсегда уничтожаются. Взиманіе будетъ совершаться со всѣхъ гражданъ и со всѣхъ имуществъ одинаковымъ образомъ и въ одинаковой формѣ.

Ст. 10. Народное правленіе и общественная свобода должны принести провинціямъ болѣе выгодъ, чѣмъ привилегіи, которыми пользовались нѣкоторыя изъ нихъ и которыя должны быть принесены въ жертву для объединенія всѣхъ частей государства поэтому объявляется, что всѣ частныя привилегіи провинцій, княжествъ, странъ, кантоновъ, городовъ и общинъ, какъ денежные, такъ и всякаго другого рода, безвозвратно уничтожаются и сливаются съ правами, общими для всѣхъ французовъ.

Приводимъ еще слѣдующія статьи «*Декларации правъ человѣка*».

Ст. 1. Люди родятся свободными и равными въ своихъ пра-

вахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на пользѣ, приносимой обществу.

Ст. 2. Цѣль всякой политической ассоціаціи есть сохраненіе естественныхъ и ненарушимыхъ правъ человѣка. Эти права заключаются въ свободѣ, собственности, неприкосновенности и сопротивленіи насилію.

Ст. 3. Начало всякой верховной власти существенно заключается въ народѣ.

Ст. 4. Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не приноситъ вреда другому.

Ст. 5. Законъ имѣетъ право воспрещать лишь дѣйствія, вредныя обществу. Нельзя препятствовать тому, что не запрещено закономъ.

Ст. 6. Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать лично или чрезъ своихъ представителей въ созданіи закона. Покровительствующій или карающій, онъ долженъ быть одинаковымъ для всѣхъ. Всѣ граждане равны въ его глазахъ, поэтому одинаково могутъ имѣть доступъ ко всякимъ положеніямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, сообразно своимъ способностямъ.

Ст. 7. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ и заключенъ, за исключеніемъ случаевъ, опредѣленныхъ закономъ, и не иначе, какъ по формамъ, предписаннымъ имъ.

Ст. 8. Законъ можетъ устанавливать наказанія лишь строго и очевидно необходимыя, и наказаніе можетъ состояться лишь въ силу закона, постановленнаго и обнародованнаго до совершенія преступленія и одинаково прилагаемаго ко всѣмъ.

Ст. 10. Никто не долженъ подвергаться какой-либо отвѣтственности за свои мнѣнія, даже религіозныя, если только выраженіе ихъ не нарушаетъ общественнаго порядка, установленнаго закономъ.

Ст. 11. Свободное выраженіе мыслей и мнѣній есть одно изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ человѣка; поэтому, всякій гражданинъ можетъ говорить, писать и печатать свободно, отвѣчая только за злоупотребленіе этой свободой въ случаяхъ, установленныхъ закономъ.

Ст. 13. Для поддержанія общественнаго порядка и для расходовъ администраціи необходимы извѣстные сборы со всего общества; они должны быть распредѣлены одинаково между всѣми гражданами, по мѣрѣ ихъ возможности.

Ст. 14. Всѣ граждане имѣютъ право указывать сами или черезъ своихъ представителей, необходимость общественнаго сбора, давать на него свободное согласіе, слѣдить за его употребленіемъ и опредѣлять его количество, взиманіе и продолжительность.

Ст. 15. Общество имѣетъ право требовать отчета отъ всякаго публичнаго дѣятеля своей администраціи.

Ст. 17. Собственность составляетъ ненарушимое священное право, которое ни у кого не можетъ быть отнято, за исключеніемъ случая, когда общественная необходимость, подтверждаемая законнымъ образомъ, не потребуетъ того съ очевидностью и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія и проч.

Послѣ того, какъ феодализмъ и абсолютизмъ были побѣждены твердостью депутатовъ третьяго сословія, и затѣмъ силою народа, передъ которой пала Бастилія (14 іюля), Собраніе рѣшительно взялось за дѣло. Въ засѣданіи, которое навсегда останется достопамятнымъ, въ ночь на 4-е августа, въ нѣсколько часовъ оно постановило разрушеніе феодальнаго строя, по иниціативѣ и при бѣшеныхъ рукоплесканіяхъ самихъ привилегированныхъ лицъ, увлеченныхъ этимъ великимъ потокомъ разумности и энтузіазма. Разсказываютъ, что пророкъ Магометъ, одержавъ побѣду въ Меккѣ, вмѣстѣ со своими учениками и новообращенными обошелъ вокругъ Каабы и при этомъ сотни окружавшихъ ее идоловъ были разбиты въ дребезги толпою ихъ бывшихъ поклонниковъ. Точно также въ ночь на 4-е августа, права и злоупотребленія дворянъ и духовенства, вольности провинцій и городовъ были уничтожены въ великодушномъ упоеніи тѣми самыми лицами, которыя пользовались ими. Исторія никакого другого народа не содержитъ такой чистой страницы. Мы какъ будто находились здѣсь при пробужденіи человѣческаго разума, торжествующаго надъ эгоизмомъ и личными выгодами.

Эти восторженныя рѣшенія впослѣдствіи были превращены въ *декреты*, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ теченіе августа, и въ *принципы*, выраженные въ *Декларації правъ человѣка*, юридическомъ итогѣ теорій, высказывавшихся и обсуждавшихся философами XVIII вѣка. Этой Декларації предстояло сдѣлаться обязательнымъ вступленіемъ всѣхъ конституцій, даже тѣхъ, которыя наименѣе сообразовались съ ней, чѣмъ-то вродѣ общаго кодекса человѣчества. Это—подтвержденіе всѣхъ обязанностей гражданина и гарантія всѣхъ его правъ, которая одинаково можетъ быть противопоставлена тиранніи одного человѣка и тиранніи толпы.

Общество было перестроено теперь на его естественномъ основаніи. Передъ закономъ уже не существовало ни различія рожденія, ни различія религіи, а было только гражданское равенство. Бракъ, бывшій до тѣхъ поръ исключительно религіознымъ актомъ, сдѣлался гражданскимъ актомъ, предшествовавшимъ религіозному обряду; онъ становился договоромъ, находящимся подъ гарантіей общества, помимо гарантіи совѣсти. Были учреждены общественныя должности для веденія списковъ о рожденіяхъ, смертяхъ и бракахъ, прежде существовавшія только въ приходахъ; въ эти списки заносились всѣ акты, относившіеся къ личному состоянію, безъ всякаго упоминанія о титулахъ или вѣроисповѣданіи. Точно также въ Римѣ, революція уравняла права плебеевъ съ правами патриціевъ. Это былъ одинъ изъ принциповъ, который раньше другихъ вошелъ въ нравы.

Равенство проникло и въ семью, въ которой исчезло право старшинства и которая вернулась къ *равному раздѣлу имущества между дѣтьми*, нѣкогда преобладавшему у германцевъ. Напоминая о традиціяхъ, изъ которыхъ исходитъ современное общество, не будемъ забывать, что ни одно начало не согласуется въ такой мѣрѣ, какъ начало равенства, съ евангелическими истинами, отвергнутыми феодальной системой.

Равенство было первымъ изъ принциповъ, выдѣлившихся изъ Декларацiи правъ человѣка и получившихъ названіе *принциповъ 1789 г.* Другіе относились къ организацiи общества, основанной на *свободѣ*:

Верховная власть народа;

Народное происхожденіе закона;

Отвѣтственность представителей исполнительной власти;

Свобода мнѣній, вѣроисповѣданій и печати;

Ненарушимость собственности.

Эти принципы, если не въ своей сущности, то въ своихъ примѣненіяхъ, подвергались многимъ возраженіямъ и вызывали продолжительные споры въ Учредительномъ собранiи; впослѣдствiи они испытали многія превращенія, и главнымъ дѣломъ поколѣній, слѣдовавшихъ другъ за другомъ послѣ этой эпохи, было исканіе равновѣсія между властью и свободой.

Заслугой Учредительнаго собранія было прочное установленіе рамокъ, въ которыхъ должна была двигаться народная жизнь. Оно установило *административное единство* и замѣстило прежній хаосъ территоріальными округами, которые удержались при всѣхъ политическихъ измѣненіяхъ. Уже въ январѣ 1790 г. собраніе, уничтоживъ старинныя провинціи, большинствомъ голосовъ раздѣлило Францію на *восемдесять три департамента*. Оно не справлялось при этомъ ни съ географіей, ни съ исторіей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже шло имъ наперекоръ; своеобразными нарѣзками, оно старалось, по возможности, уравнять населеніе каждаго департамента, относя къ одному и тому же управленію города, нѣкогда враждовавшіе между собой, отрывая другъ отъ друга города, долго бывшіе въ тѣсной связи, и перемѣшивая расы, на сколько было возможно, чтобы выше всякаго соперничества стояла преданность всей странѣ и чтобы привязанности къ своей мѣстности слились въ одинъ общій патріотизмъ. Пожалуй, въ этой великодушной цѣли оно зашло слишкомъ далеко; того же результата можно было бы достигнуть, щадя болѣе географическія требованія и историческія преданія, которыя помѣшали бы излишнему приливу жизни къ центру и удаленію ея отъ окраинъ. Впрочемъ, имена самыхъ важныхъ французскихъ провинцій пережили это дѣленіе, какъ пережили ихъ нравы и обычаи; природа всегда беретъ свои права.

Департаментъ на основаніи тѣхъ же принциповъ былъ раздѣленъ на *округи*, округи на *кантоны*, кантоны—на *общины*; департаменты, округи и общины, одни только признавались административными единицами и одни только имѣли Директоріи и совѣты [1]).

Администрацiя *округа* состояла изъ 12 членовъ, изъ которыхъ 4 составляли директорію округа. Ежегодное собраніе продолжа-

[1]) *Департаментская администрацiя*, состоявшая изъ 36 членовъ, половина которыхъ обновлялась каждые два года, должна была дѣлиться на *совѣтъ* и *директорію* департамента. Засѣданія совѣта продолжались ежегодно въ теченіе одного мѣсяца; директорія, состоявшая изъ 8 членовъ, дѣйствовала постоянно.

лось въ теченіе 15 дней. Въ составъ этихъ администрацій входили главный прокуроръ-синдикъ департамента и прокуроръ-синдикъ округа, избиравшіеся черезъ каждые 4 года.

Директоріи департамента и округа имѣли *исполнительную* власть, которая теперь была отдѣлена отъ власти *совѣщательной*. Такимъ образомъ, послѣ многихъ вѣковъ пришли опять къ раздѣленію властей, которое обозначалось еще въ концѣ римской имперіи: было установлено отличіе обсужденія отъ дѣйствія. Далѣе должно было воспослѣдовать отдѣленіе *административной* власти отъ *судебной*, и установленіе границъ ихъ проявленія, раньше никогда не существовавшихъ во Франціи, гдѣ администрація и юстиція до тѣхъ поръ сливались между собою, гдѣ интенданты вмѣшивались въ отправленіе правосудія, а судьи въ дѣла администраціи: въ этомъ старомъ обществѣ, управлявшемся безчисленными обычаями, все превращалось въ судебные процессы.

Парламенты, суды округовъ, суды сеньёровъ и привилегированныхъ лицъ были уничтожены безъ всякаго затрудненія. Старинный парижскій парламентъ, нѣкогда устрашавшій самихъ королей, исчезъ въ 1790 году, понимая, что ему нельзя пережить общества, котораго онъ былъ руководителемъ и отраженіемъ.

Для возсозданія судебной области, Собраніе установило тѣ же рамки, какъ и для области административной. Основою первой, какъ и послѣдней, былъ *кантонъ*; *мировой судья* обязанъ былъ примирить, если это возможно, обѣ стороны, а въ противномъ случаѣ, разобрать ихъ тяжбу, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ незначительныхъ. Это было неоцѣнимымъ и прочнымъ благодѣяніемъ, такъ какъ подобные судьи, близко стоявшіе къ тяжущимся, стремились скорѣе уменьшать, чѣмъ увеличивать число судебныхъ дѣлъ [1]).

Въ каждомъ округѣ былъ *гражданскій судъ* и въ каждомъ департаментѣ—*уголовный судъ*; Собраніе удачно возстановило старинныя германскія начала, обезпечивъ шансы обвиненныхъ учрежденіемъ *присяжныхъ*, которые должны были высказываться по вопросу о фактѣ преступленія: это было древнее судилище *пэровъ*, равныхъ.

Занимаясь болѣе утвержденіемъ свободы, чѣмъ власти, Учредительное Собраніе положило въ основу всѣхъ этихъ учрежденій *выборное начало*. Должностныя лица и члены совѣтовъ общины, округа и департамента были выборными, такъ же, какъ и мировые судьи и судьи гражданскаго и уголовнаго суда. При старомъ правительствѣ, выборы производились лишь въ исключительныхъ случаяхъ, для собранія Генеральныхъ Штатовъ. Это было начало, выработанное греческой и римской жизнью, но теперь оно было примѣнено разомъ не къ нѣсколькимъ тысячамъ гражданъ, заключенныхъ въ стѣнахъ одного города, а къ обширной странѣ съ 25 милліонами обитателей. Депутаты Учредительнаго Собранія, проникнутые воспоминаніями объ избраніяхъ консуловъ, трибуновъ

---

[1]) На милліонъ споровъ, мировые судьи обыкновенно оканчиваютъ миромъ 700.000 изъ нихъ, т.-е. около двухъ третей.

и преторовъ римской республики, примѣнили избирательное начало ко всѣмъ общественнымъ должностямъ. Они не приняли во вниманіе, что, во времена римской свободы, эти выборы производились аристократическими собраніями, а перейдя въ руки собраній демократическихъ, они быстро привели къ подчиненію власти цезаря, которая долго скрывалась подъ видомъ избирательной системы.

Впрочемъ, Учредительное Собраніе, надѣливъ всѣхъ французовъ правомъ голосованія, прибавило къ нему нѣсколько ограниченій, имѣвшихъ цѣлью возвысить званіе гражданина: оно установило условіе *возраста*, *мѣстожительства* и *собственности*; оно придумало раздѣленіе гражданъ на дѣйствующихъ и недѣйствующихъ, что подавало поводъ къ шуткамъ; оно установило градацію выборовъ, заставляя *низшія собранія*, состоявшія изъ дѣйствующихъ гражданъ, назначать изъ своей среды *избирателей*, обладавшихъ болѣе значительнымъ имуществомъ [1]). Эти избиратели назначали лицъ общины, затѣмъ избирателей (по одному на сто), обязанныхъ выбирать правящихъ лицъ округа и департамента, судей и, наконецъ, депутатовъ.

Низшія собранія состояли изъ всѣхъ дѣйствующихъ гражданъ. Чтобы быть дѣйствующимъ гражданиномъ, надо было быть французомъ, имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, жить въ кантонѣ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе всего предшествующаго года, уплачивать прямой налогъ стоимостью въ три рабочіе дня и не находиться въ услуженіи. Чтобы быть избраннымъ, въ качествѣ избирателя, прежде всего надо было быть дѣйствующимъ гражданиномъ; конституція 1791 г., кромѣ того, требовала для наиболѣе значительныхъ городовъ условія *ценза*, т. е. обладанія или пользованія имуществомъ, цѣнность котораго исчислялась доходамъ отъ 200 рабочихъ дней, или арендой, равнявшейся своей доходностью 150 рабочимъ днямъ; въ маленькихъ городахъ цензъ былъ меньше: доходъ имущества былъ пониженъ до 150 рабобихъ дней, а прибыль отъ аренды до 100 дней. Въ деревняхъ надо было быть собственникомъ или временнымъ владѣльцемъ имущества, доходность котораго приравнивалась къ 150 рабочимъ днямъ, или быть арендаторомъ имущества, стоимостью въ 400 рабочихъ дней.

Учредительному Собранію предстояло еще ликвидировать прошлое, удовлетворить настоящее и обезпечить будущее съ точки зрѣнія финансовой. Оно ликвидировало прошлое, принявъ предложеніе Неккера, поддержанное краснорѣчіемъ Мирабо, относительно налога четверти дохода съ каждаго гражданина. Оно увеличило имущество государства, присоединивъ къ нему церковныя имущества, которыя «возвращались въ распоряженіе націи». Нуж-

[1]) Низшія собранія прямо назначали должностныхъ лицъ, администраторовъ, судей и депутатовъ. Условія, требовавшіяся для того, чтобы имѣть право избирательства, на самомъ дѣлѣ, были такъ скромны, что система, установленная Учредительнымъ Собраніемъ и примѣненная въ странѣ, населеніе которой было еще неопытнымъ и невѣжественнымъ, было болѣе либерально, чѣмъ системы, примѣнявшіяся въ послѣдующія эпохи.

дамъ настоящаго оно удовлетворило созданіемъ ассигнацій, значеніе которыхъ будетъ оцѣнено нами далѣе, такъ какъ теперь насъ занимаютъ лишь прочія реформы и принципы.

Учрежденіе ввело великое начало равенства гражданъ передъ налогомъ. Оно совершенно уничтожило всѣ своеобразные неопредѣленные и обременительные налоги прежняго правительства; за это, конечно, оно заслуживаетъ величайшихъ похвалъ. Оно сохранило, впрочемъ, нѣкоторыя фискальныя воспоминанія среднихъ вѣковъ, казавшіяся ему слишкомъ выгодными, чтобы отказаться отъ нихъ, и оправдывавшіяся гарантіями подлинности, какія они давали актамъ и договорамъ: это были права внесенія въ списки, штемпельное и гипотечное. За нимъ остается заслуга яснаго раздѣленія налоговъ на налоги съ недвижимаго и съ движимаго имущества. Нечего и говорить, что оно отказалось отъ косвенныхъ налоговъ, служившихъ столь удобной статьей правительственныхъ доходовъ. Оно заслуживаетъ упрека лишь за то, что не съумѣло обезпечить взиманія прямыхъ налоговъ, и за то, что, вопреки своимъ собственнымъ началамъ раздѣленія властей, предоставило департаментскимъ администраціямъ, исключительно политическимъ, заботу составленія *списковъ* и способовъ взиманія. Для величественной машины, созданной Собраніемъ, не доставало финансоваго механизма, весьма важнаго, такъ какъ онъ облегчаетъ дѣйствіе всѣхъ другихъ механизмовъ.

Собраніе сдѣлало еще болѣе важное отступленіе отъ своихъ началъ раздѣленія властей, соединивъ церковь съ государствомъ. Оно предполагало приравнять церковную іерархію къ служебной, подчинивъ ее избранію гражданъ, выбиравшихъ для себя священника, такъ же, какъ и судью. Церковь отвергала это начало съ тѣмъ большею силою, что возвращеніе къ избраніямъ первыхъ временъ казалось ей особенно не желательнымъ, съ тѣхъ поръ, какъ это избирательное начало примѣнялось у кальвинистовъ. Церковь, послѣ Тридентскаго собора, напротивъ, съузила свою іерархію, болѣе сблизивъ ее съ папою, а *гражданская конституція*, какую навязывали французскому духовенству, разрывала эту связь, разрушала единство: это порождало настоящій расколъ, усложнившій затрудненіе и присоединившій религіозную войну къ гражданской.

Обновивъ администрацію, Собраніе усиливалось придти къ соглашенію относительно вопроса болѣе спорнаго, вопроса о центральномъ правительствѣ. Мы не можемъ упрекнуть его въ томъ, что оно не нашло опредѣленнаго рѣшенія его, такъ какъ съ тѣхъ поръ предлагались или испытывались, по крайней мѣрѣ, десять рѣшеній его.

Заслугою Собранія остается провозглашеніе раздѣленія властей *законодательной* и *исполнительной*, чѣмъ опредѣлялись права *короля* и права *Собранія*, которое должно было править вмѣстѣ съ нимъ. Оно примѣнило начало верховной власти народа и ниспровергло основу, на какую опирались другія правительства. Но въ конституціи 1791 г. ясность идей только кажущаяся. Собраніе устанавливало монархію въ видѣ республики. Оно желало

имѣть короля и отвергало его, предоставляя Людовику XVI только пустыя почести и призрачное право veto, перемѣшивая теоріи Руссо съ теоріями Монтескьё и называя свое созданіе представительнымъ правленіемъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, оно было правленіемъ народнымъ [1]).

Соціальныя и политическія реформы тотчасъ же вызвали важныя экономическія измѣненія. Уничтоженіе права старшинства должно было уменьшить сосредоточеніе земельной собственности въ рукахъ знатныхъ семействъ, а уничтоженіе права на выморочныя имущества увеличило раздѣленіе земель и облегчило переходъ ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Нѣкоторые экономисты сожалѣютъ объ этомъ раздробленіи обширныхъ земельныхъ имуществъ прежняго времени, такъ какъ оно, по ихъ мнѣнію, препятствуетъ обширнымъ хозяйствамъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Имъ можно возразить, что обширныя земельныя имущества возсоздаются сами собою, благодаря случайностямъ наслѣдствъ. Прошелъ вѣкъ, и мы опять видимъ передъ собою обширныя хозяйства. Съ другой стороны, мелкая собственность требуетъ болѣе усилія отъ того, кто ее обрабатываетъ; послѣдній старается, чтобы клочекъ его земли произвелъ все, что онъ можетъ произвести, разнообразитъ сѣвообороты и увеличиваетъ плодородіе почвы удобреніями. Вслѣдствіе того, урожай удвоился; малѣйшіе клочки земли, доступные обработкѣ, теперь обрабатываются, и продажная цѣнность земли утроилась. Кромѣ того, единство управленія, необходимое для большихъ промышленныхъ учрежденій, поддерживалось, благодаря законамъ ассоціаціи.

Процвѣтанію земледѣлія способствовало всего болѣе облегченіе, какое доставлено было ему уничтоженіемъ безчисленныхъ повинностей, обременявшихъ его. Земля оказалась свободной, и съ того времени крестьянинъ охотнѣе обрабатывалъ ее, имѣя увѣренность, что онъ трудится только для себя и для своей семьи.

Промышленный трудъ также получилъ свободу. Привилегіи ремесленниковъ исчезли вмѣстѣ съ привилегіями дворянъ. 16 февраля 1791 г. Собраніе уничтожило *корпораціи искусствъ и ремеслъ, цеховыхъ присяжныхъ и мастеровъ*. Тотчасъ же появилась конкурренція, вызывавшая жалобы прежнихъ фабрикантовъ и купцовъ, которые не могли допустить, чтобы всѣ имѣли такое же право производить и продавать товары, какъ и они. Впрочемъ, для поддержанія правъ изобрѣтателей, законы 7 января и 25 мая 1791 г. установили патенты на привилегіи. Кромѣ того, для всей промышленности установленъ былъ существующій до сихъ поръ налогъ на торговыя свидѣтельства.

Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и дорожныхъ пошлинъ были крайне выгодны для торговли. Идеи Гурнэ и Тюрго о свободѣ производства и торговли были примѣнены теперь, по крайней мѣрѣ, внутри государства. Свобода внѣшней торговли до сихъ

[1]) Правленіе, безъ сомнѣнія, было *представительнымъ*, въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что нація была представлена Законодательнымъ Собраніемъ и королемъ. Но мы обыкновенно примѣняемъ это слово къ правленію, въ которомъ національное представительство только кажущееся.

поръ еще вызываетъ столько противорѣчій, что вопросъ о ней нельзя считать рѣшеннымъ.

Прошло семьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Лоу пытался ввести свою систему кредита. Переживая финансовый кризисъ, бывшій неизбѣжнымъ послѣдствіемъ столькихъ перемѣнъ и смутъ, депутаты Собранія сочли полезнымъ вернуться къ этой системѣ.

Продать немедленно все огромное количество *національныхъ имуществъ* было невозможно. Поэтому рѣшено было уступить ихъ общинамъ, которыя понемногу произвели бы ихъ продажу, и выдать кредиторамъ государства векселя, которые общины погасили бы означенной продажей. Такъ произошли *ассигнаціи*, имѣвшія впослѣдствіи принудительный курсъ. Основная идея ассигнацій была столь же вѣрною, какъ и идея банковыхъ билетовъ Лоу, такъ какъ ассигнаціи обезпечивались дѣйствительной цѣнностью земель. Но кредитъ поддерживается только довѣріемъ. По мѣрѣ того, какъ смуты увеличивались и успѣхъ революціи казался сомнительнымъ, ассигнаціи теряли свою цѣнность. Когда онѣ стали падать, правительство, чтобы замѣстить цѣнность количествомъ, усилило ихъ выпускъ, и изобиліе ихъ содѣйствовало еще болѣе ихъ обезцѣненію. Курсъ ассигнацій поддерживался насильственно во время всей революціи, а требовалось все большее и большее количество ихъ, чтобы представить извѣстную цѣнность.

Эта система Учредительнаго Собранія, такъ же какъ и система Лоу, привела къ общему раззоренію; но, при всѣхъ своихъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, она помогла пережить опасную эпоху. Бумага замѣнила монету. Условія кредита стали пониматься яснѣе. Время исправило ошибки и возстановило потери, а кредитъ остался и, въ настоящее время, служитъ самымъ могущественнымъ рычагомъ промышленности и торговли.

Чтобы оцѣнить безпристрастно все сдѣланное Учредительнымъ Собраніемъ, надо принять во вниманіе трудныя обстоятельства, въ которыхъ ему приходилось наскоро передѣлывать все общественное управленіе. Собраніе, которое своею смѣсью дворянъ, духовныхъ лицъ, горожанъ, ремесленниковъ и даже крестьянъ, воспроизводило, по крайней мѣрѣ въ началѣ, (впослѣдствіи въ немъ оказались значительные пробѣлы), самый точный образъ тогдашней Франціи, предприняло съ величайшей смѣлостью и довело до конца задачу, какая никогда еще, ни прежде, ни послѣ того, не лежала ни на одномъ подобномъ собраніи. Оно разомъ упразднило общество, имѣвшее за собою пятнадцать вѣковъ существованія, и въ два года создало другое, совершенно новое, на твердыхъ основахъ неотъемлемыхъ правъ человѣка, опредѣляемыхъ разумомъ.

Провозглашая и примѣняя верховную власть народа, оно пришло къ идеѣ раздѣленія властей, хотя и не всегда осуществляло ее на дѣлѣ. Оно поставило высоко избирательное начало, даже злоупотребляя имъ. Произволъ оно замѣнило закономъ. Оно возстановило справедливость въ общественной организаціи и въ пользованіи правосудіемъ и стремилось привести въ порядокъ финансы, что не удалось ему не по его винѣ. Изъ трехъ націй, соперничавшихъ между собою на одной территоріи, оно образовало одну;

изъ тридцати шести враждовавшихъ между собою провинцій оно, единствомъ администраціи и суда, составило одну страну, а справедливымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей и общностью интересовъ образовало общее для всѣхъ отечество. Пользуясь свободой въ производствѣ полевыхъ и ремесленныхъ работъ и въ торговыхъ дѣлахъ, граждане могли пользоваться и свободою совѣсти и мнѣній. Когда они нарушали законы, охранявшіе порядокъ въ обществѣ, это послѣднее признавало ихъ виновными лишь въ томъ случаѣ, когда вина ихъ была признана другими гражданами, составлявшими судъ присяжныхъ. Если они заслуживали почета и вознагражденія, самое скромное происхожденіе не могло препятствовать тому. Всѣ привилегіи были уничтожены, всѣ помѣхи разрушены; былъ сдѣланъ крупный шагъ къ ослабленію бѣдствія человѣчества.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, свойственныхъ всѣмъ человѣческимъ дѣламъ, все сдѣланное Національнымъ Собраніемъ опиралось на римскія и германскія начала свободы и равенства, устраняя всѣ притѣсненія среднихъ вѣковъ. Учредительное Собраніе обязано было своимъ успѣхомъ преобразованію общества. Послѣдующія правительства могли расширять или съуживать свободу, но они должны были поддерживать равенство, краеугольный камень современнаго общества, который былъ положенъ, наконецъ, на принадлежавшее ему мѣсто.

Ради безкорыстнаго чувства, которое впослѣдствіи навлекло на него жестокіе упреки, учредительное собраніе не допустило своихъ членовъ въ *Собраніе Законодательное*, предназначенное управлять вмѣстѣ съ Людовикомъ XVI. Задача примѣненія конституціи 1791 г. была возложена на поколѣніе молодыхъ и пылкихъ депутатовъ, мало заботившихся о конституціи, которую не они создали и которую они приняли за исходную, а не за конечную точку. Впрочемъ, депутаты, уступая, въ свою очередь, духу послѣдовательности, пожелали извлечь изъ принциповъ конституціи 1791 г. всевозможныя послѣдствія. Монархія была призрачной; Людовикъ XVI, послѣ попытки бѣгства, возвращенный изъ Варенна, утратилъ всякое обаяніе и былъ въ матеріальномъ смыслѣ плѣнникомъ въ Тюильри, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственно подчиненнымъ Собранію, засѣдавшему въ залѣ манежа. *Жирондисты* пріобрѣли вліяніе на него, наполнивъ министерства своими друзьями, такъ какъ депутаты не могли быть министрами. Они вовлекли его въ войну съ Австріей и эмиграціей, чтобы связать его съ революціей. Увидѣвъ въ немъ сопротивленіе своимъ совѣтамъ, они покинули его, и не пытались уже болѣе задержать движеніе, которое должно было привести къ паденію монархіи. 10 августа 1792 г. королевская власть Капетинговъ рухнула.

Это было послѣднимъ словомъ политической революціи. Королевская власть, нѣкогда принимавшая на себя починъ во всѣхъ преобразованіяхъ, въ концѣ концовъ соединилась съ привилегированными сословіями, которыя привели ее къ гибели. Она совершила столько ошибокъ, что, наконецъ, должна была пасть жертвою народнаго неудовольствія, хотя представитель ея напо-

миналъ своею личною добротою Людовика XII. Личныхъ добродѣтелей оказалось недостаточно для задержанія потока, долго сдерживаемая сила котораго унесла, какъ остатки разбитаго корабля, самую старую изъ монархій и самую древнюю изъ династій Европы.

Національный Конвентъ, собравшійся при громѣ пушекъ, привѣтствовавшихъ побѣду при Вальми (21 сент. 1792 г.), провозгласилъ *Республику*. Названіе этого собранія напоминало верховныя собранія, образовавшіяся въ англійскихъ колоніяхъ Америки послѣ войны за независимости. И это собраніе имѣло верховную и неограниченную власть. Оно сосредоточило въ рукахъ депутатовъ обѣ власти, законодательную и исполнительную, издавало законы и примѣняло ихъ, раздѣлившись на отдѣльные комитеты для цѣлей администраціи, постановляло свои рѣшенія голосованіемъ въ общемъ собраніи и, впослѣдствіи, разсылало депутатовъ по всей странѣ, чтобы требовать повиновенія своимъ декретамъ, простирая повсюду свою руку и вездѣ внушая къ себѣ страхъ. Это было правленіемъ народа, посредствомъ его уполномоченныхъ безъ всякаго противовѣса и сдерживающаго начала. Въ три года положеніе вещей радикально измѣнилось. Уже не король, а Собраніе царствовало, издавало законы, управляло, получало доходы и тратило ихъ, заключало трактаты и объявляло войну. Оно сосредоточивало и воплощало въ себѣ націю и словамъ Людовика XIV «Государство—это я» могло противупоставить другія слова: «Государство—это мы».

Эта крайняя власть, опасности которой сперва не замѣчались, въ виду національной опасности, привела къ послѣдствіямъ, весьма важнымъ для свободы и самого общества. Идеи и страсти, борящіяся между собою въ душѣ монарха, воплощались въ Собраніи, въ людяхъ, сгруппированныхъ въ партіи, которые, не имѣя никого, кто могъ бы разсудить ихъ при столкновеніяхъ между собою, должны были стремиться къ уничтоженію другъ друга.

Монтаньяры, болѣе смѣлые, чѣмъ *Жирондисты*, вовлекли ихъ въ политику насилія, заставивъ ихъ подать голосъ за смертную казнь Людовика XVI, и затѣмъ отдѣлались отъ нихъ возмущеніемъ и изгнаніемъ (31 мая—2 іюня 1793 г.). Далѣе они управляли посредствомъ *Террора*, не умѣя даже сплотиться между собою, раздѣлившись на крайнихъ и умѣренныхъ, *Гебертистовъ* и *Дантонистовъ*, уничтожая другъ друга по наущенію и къ выгодѣ холоднаго честолюбца *Максимиліана Робеспьера*. Этотъ послѣдній старался только усилить анархію, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, и, наконецъ, палъ предметомъ общаго ужаса: уподобляясь Кромвелю хитростью, онъ не имѣлъ ни его храбрости, ни его ума.

Среди безпорядка внѣшней войны, усложнившагося междуусобной войной (возстаніе Вандеи и Жирондистскихъ департаментовъ), Конвентъ дошелъ до крайняго предѣла соціальной и политической революціи. Всѣ оказавшіеся вѣрными прежнему порядку подвергались изгнанію; бывшіе дворяне или духовныя лица заключались въ тюрьмы, являясь жертвами вызывающаго образа дѣй-

ствія эмигрантовъ. Восторжествовавшіе *санкюлоты*, въ свою очередь, уничтожили равенство, попирая ногами права человѣка, и произвели такой безпорядокъ въ обществѣ, что, въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ, оно, въ настоящемъ смыслѣ, не существовало.

Не было болѣе порядка, такъ какъ двѣ трети Франціи возмутились; не было и общественной безопасности, благодаря *закону о подозрительныхъ лицахъ* и *комитету общественнаго спасенія*; не было и правосудія, при существованіи *революціоннаго трибунала*, издѣвавшагося надъ его формами. Не было болѣе равенства, или оно было только передъ эшафотомъ и кровавой корзиной, куда одинаково скатывались головы знатныхъ и простыхъ людей; не было болѣе и религіи, такъ какъ церкви были заперты и священники изгнаны; не было и націи, такъ какъ одна часть Франціи воевала съ другою. Таково было положеніе, къ которому привели раздоры Конвента. Различныя запрещенія мѣшали внѣшней и внутренней торговлѣ; безпорядки задерживали промышленность, и нищета становилась чрезвычайной.

Безъ сомнѣнія, Конвентъ, порождая, такъ сказать, арміи генераловъ, своею суровою энергіей отразилъ иноземное вторженіе и поддержалъ французское единство. Вандейское возстаніе было подавлено уже въ декабрѣ 1793 г., и отъ ноября до декабря сѣверная и восточная границы были очищены *Журданомъ*, побѣдителемъ при Ваттиньи (16 октября), и *Гошемъ*, героемъ Вассамбурга (22—26 декабря). Терроръ и анархія усилились именно въ теченіе первой половины 1794 г., и между проявленіями ярости и успѣхами Конвента образовалось такое противорѣчіе, что возстаніе произошло въ то время, когда побѣда при *Флерюсѣ* (26-го іюня 1794 г.) придала Конвенту характеръ еще болѣе рѣшительный. Именно пушки Флерюса ниспровергли Робеспьера и, какъ бы въ видѣ злой насмѣшки, товарищъ его, *Сенъ-Жюстъ*, еще не успѣлъ стряхнуть съ себя пыли этого поля битвы, когда занялъ мѣсто рядомъ съ Робеспьеромъ 10-го Термидора (28 іюля) въ высшей гекатомбѣ, положившей конецъ всѣмъ другимъ жертвоприношеніямъ такого рода.

Слѣдя за успѣхами цивилизаціи, надо поскорѣе отвернуться отъ такихъ зрѣлищъ, такъ какъ они послужили бы опроверженіемъ этихъ успѣховъ, если бы общество, придя въ полный безпорядокъ, не возвратило себѣ почти тотчасъ же своего равновѣсія. Достигнувъ столь же нелѣпыхъ, сколько и возмутительныхъ результатовъ, революція остановилась сама собою, съ помощью самихъ ожесточенныхъ Монтаньяровъ. Реакція, неизбѣжная въ человѣческихъ дѣлахъ, подлежащихъ, какъ и физическій міръ, неизбѣжнымъ колебаніямъ, обозначилась быстро послѣ 10-го термидора; подобно революціи, она, въ свою очередь, должна была дойти до крайняго предѣла, такъ какъ людямъ всего труднѣе держаться точной мѣры.

Сперва реакція высказалась только противъ системы террора. Конвентъ возвратилъ изгнанныхъ депутатовъ, бѣжавшихъ жирондистовъ, и соединилъ свои раздробленные члены. Но реакція

вскорѣ пошла далѣе предположеній монтаньяровъ, низвергнувшихъ Робеспьера и, въ свою очередь, увидѣвшихъ себя въ опасности. Возмущеніе, предпринятое ими противъ собранія 1-го преріаля (20-го мая 1795 г.), не имѣло успѣха; тогда исчезъ республиканскій трибуналъ и Сентъ-Антуанское предмѣстье въ Парижѣ было обезоружено. Конвентъ, кромѣ того, ускорилъ изготовленіе и голосованіе новой конституціи, которая должна была замѣнить ультра-демократическую конституцію 1793 г., не примѣнимую на дѣлѣ. Реакція шла такими быстрыми шагами, что пробудила даже надежды роялистовъ. Конвентъ, которому пришлось защищаться противъ якобинцевъ 1-го преріаля, былъ охраненъ 13-го вандемьера (5 октября 1795 г.) отъ роялистовъ *Бонапартомъ*, карьера котораго начинается съ этого дня. Конвентъ, которому угрожали то отряды революціонные, то реакціонные отряды парижской милиціи, въ то время уничтожилъ эту послѣднюю.

Всемогущество Конвента тяжело отозвалось на немъ самомъ. Правитель съ восемью стами головъ потерялъ ихъ достаточно, чтобы исцѣлиться отъ своего честолюбія. Поэтому, новая конституція, называемая конституціей III года (1795), вернулась къ принципу раздѣленія властей и двухъ собраній, отъ котораго такъ неблагоразумно отступило Учредительное Собраніе. Исполнительная власть ввѣрялась Директоріи изъ *пяти* членовъ, законодательная—двумъ Совѣтамъ: *Совѣту старѣйшинъ* и *Совѣту пятисотъ*.

Конвентъ возвращался къ уничтоженному имъ избранію въ *двѣ степени*: чтобы быть дѣйствующимъ гражданиномъ, слѣдовало принимать участіе въ низшихъ собраніяхъ, имѣть 21 годъ и платить прямой налогъ, равный цѣнѣ трехъ рабочихъ дней; чтобы быть избирателемъ, надо было имѣть 25 лѣтъ и быть владѣльцемъ или арендаторомъ собственности, приносящей доходъ, равный стоимости 150 рабочихъ дней. Въ обоихъ Совѣтахъ было 750 членовъ, выбираемыхъ избирателями обѣихъ степеней. 250 болѣе взрослыхъ, имѣвшихъ свыше 40 лѣтъ, входили въ составъ Совѣта старѣйшинъ, а остальные образовали Совѣтъ пятисотъ. Этотъ послѣдній предлагалъ и обсуждалъ законы. Совѣтъ старѣйшинъ одобрялъ или отвергалъ законы, принятые Совѣтомъ пятисотъ. Кромѣ того, онъ наблюдалъ за поддержаніемъ конституціи: это была охранительная власть. Въ обоихъ законодательныхъ совѣтахъ ежегодно одна треть членовъ выбывала и замѣщалась новыми. *Директорія*, состоявшая изъ пяти членовъ, возобновлялась ежегодно выбытіемъ и замѣщеніемъ одного члена; директора избирались Совѣтомъ старѣйшинъ по списку, составленному Совѣтомъ пятисотъ. Имъ принадлежала исполнительная власть, но значеніе ихъ было весьма ограниченнымъ. Они не могли ни объявлять войны, ни заключать мира. Управлять арміей они могли лишь черезъ посредство. Отъ нихъ исходило назначеніе небольшого числа чиновниковъ, такъ какъ административныя должности были выборными.

Учредительное Собраніе, раздѣливъ исполнительную власть, ослабило ее, но, по крайней мѣрѣ, оно возвратило ей личное значеніе. Равновѣсіе между двумя Совѣтами искусно поддерживалось,

и уравновѣшивающая власть, Совѣтъ старѣйшинъ, имѣла даже право переносить мѣста засѣданій законодательнаго собранія. Эта конституція имѣла, конечно, свои недостатки, слишкомъ умаляя исполнительную власть, и поддерживая слишкомъ частыми выборами постоянную неустойчивость законодательнаго собранія, но, тѣмъ не менѣе, она была серьезной попыткой республиканской организаціи. Причина ея неуспѣха лежала скорѣе въ людяхъ, чѣмъ въ основныхъ началахъ ея.

Конвенту принадлежитъ заслуга, весьма рѣдкая для подобнаго собранія, признанія и исправленія своихъ политическихъ ошибокъ; поэтому, въ послѣднемъ періодѣ своего существованія, онъ не переставалъ работать надъ соціальнымъ и экономическимъ развитіемъ страны. Въ самомъ разгарѣ междоусобной войны, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, онъ, по предложенію Камбона, объединилъ долгъ, заведя *главную книгу общественнаго дома*. Всѣ обязательства были соединены въ одинъ и тотъ же долгъ, съ одинаковыми процентами и безсрочный. Такимъ образомъ, былъ основанъ государственный кредитъ. Эта система показалась столь удобной, что съ тѣхъ поръ займы слѣдовали за займами, изъ чего нельзя заключить, однако, чтобы эти удобства не вели къ злоупотребленіямъ, и чтобы для государствъ благоразуміе не было столь же обязательнымъ, какъ и для частныхъ лицъ.

Находившійся въ Собраніи 9 августа 1793 г. могъ бы подумать, что тамъ происходятъ совершенно спокойныя обсужденія среди глубокаго мира. Камбасаресъ только что внесъ туда первый проектъ *Гражданскаго кодекса*. Всегда, какъ только внѣшнія и внутреннія опасности давали ему минуту отдыха, Конвентъ возвращался къ тѣмъ же полезнымъ и мирнымъ совѣщаніямъ, подготовляя основы, на которыя должно было опираться новѣйшее общество. «Подобно тому, какъ бушующее море отлагаетъ на днѣ своего ложа равныя наслоенія мрамора, и французская революція въ самыя ужасныя времена отлагала на днѣ своего ложа параллельные и симметричные слои своихъ частныхъ законовъ *)».

Среди смутъ школы почти перестали существовать. Конвентъ, возвращаясь къ общимъ идеямъ Кондорсе, выслушавъ нѣсколько знаменитыхъ отчетовъ профессора *Лаканаля*, установилъ обширную систему *народнаго образованія*. *Въ начальныхъ школахъ* народъ долженъ былъ учиться основамъ французскаго языка, счисленію и началамъ межеванія; въ *центральныхъ школахъ* зажиточные классы могли предоставить своимъ дѣтямъ возможность изученія *наукъ*, *изящной словесности*, *древнихъ языковъ*, *новыхъ языковъ*, наиболѣе пригодныхъ для извѣстной мѣстности, *исторіи* и *политической экономіи*.

Для образованія контингента хорошихъ учителей Конвентъ разрѣшилъ учрежденіе *Нормальной Школы*, 30-го октября 1793 г. Были учреждены особыя школы для изученія *медицины*, *правъ* и *ветеринарнаго искусства*. Къ той-же эпохѣ относится основаніе

*) Edg. Quinet, *La Revolution*.

Консерваторіи искусствъ и ремеслъ, *Музыкальной консерваторіи*, *Бюро долготъ*, *Политехнической школы*, учрежденной подъ названіемъ Центральной школы общественныхъ работъ и *Естественно-историческаго музея*, открытаго 10 іюня 1793 г., и первая организація *Института*, который долженъ былъ замѣнить академіи. Для поощренія искусствъ, Конвентъ постановилъ учредить *музей*, открывшійся въ Луврѣ 8-го Ноября 1793 г. *Національный институтъ слѣпыхъ* былъ учрежденъ въ 1795 г. Всѣ *архивы* были соединены подъ управленіемъ Камюса.

Конвентъ ввелъ также метрическую систему мѣръ и вѣсовъ, согласно постановленію Учредительнаго Собранія, имѣвшему цѣлью найти научную основу для единства вѣсовъ и мѣръ. Къ этой же эпохѣ относятся введеніе воздушныхъ телеграфовъ (1794), называемыхъ телеграфами Шаппа, и употребленіе аэростатовъ для стратегическихъ цѣлей.

Ни одно Собраніе не давало повода къ такимъ противорѣчивымъ сужденіямъ о немъ, какъ Конвентъ, потому что онъ былъ столь-же великъ въ своихъ добрыхъ результатахъ, какъ и ужасенъ въ злыхъ дѣлахъ. Его безмѣрно порицаютъ или хвалятъ, смотря по тому, какой періодъ его дѣятельности имѣютъ въ виду—первый или второй. О немъ можно сказать, что онъ обладалъ и злоупотреблялъ всякаго рода властью. Излишества его, если не оправдываются, то объясняются пылкостью происходившей тогда борьбы: жестокая энергія, проявляемая имъ противъ прежнихъ классовъ общества, имѣла цѣлью отнять у нихъ всякую надежду на возстановленіе прошлаго, исчезнувшаго навсегда. Хотя обвиненіе въ федерализмѣ, поставленное противъ жирондистовъ, не могло быть доказано, несомнѣнно, что монтаньяры живо чувствовали опасность, которою война и возмущеніе грозили единству Франціи. Они скрѣпили кровью единеніе всѣхъ провинцій, хотя впослѣдствіи централизація, подготовленная Учредительнымъ Собраніемъ, доведена была до крайнихъ предѣловъ. Конвентъ вводилъ повсюду одни и тѣ же стремленія, одинъ и тотъ же духъ, или, скорѣе, одинъ и тотъ же страхъ. Его деспотизмъ предшествовалъ всѣмъ другимъ.

Впрочемъ, Конвентъ старался разсѣять воспоминанія о кровавыхъ дняхъ. Онъ возстановилъ правительство и администрацію и оживилъ общество, напуганное имъ. Въ особенности, что всего болѣе заставляетъ прощать его неистовства, онъ въ высшей степени пробудилъ чувства патріотизма и военной чести. Душа Франціи встрепенулась благодаря ему, и когда онъ отошелъ на покой 26 октября 1795 года, страна была освобождена, а Бельгія, Голландія и Рейнскія провинціи присоединены къ ней. Онъ возстановилъ естественныя границы Франціи и осуществилъ въ нѣсколько лѣтъ то, о чемъ такъ долго мечтала старая монархія. Черезъ столѣтіе послѣ того, французамъ съ глубокою грустью приходится видѣть, что величественныя очертанія, какія даны были ихъ странѣ Конвентомъ, были уменьшены и жестоко искажены.

Правительство, установленное конституціей III года, своею нерѣшительностью и постоянными колебаніями ослабило положеніе, созданное для него Конвентомъ. Переходя отъ бездѣятельности

къ энергическимъ дѣйствіямъ и опять возвращаясь къ бездѣйствію, Директорія пыталась освободиться и отъ якобинцевъ, и отъ роялистовъ. Это было главнымъ источникомъ его силы, но, нерѣшительная и раздробленная, она уклонялась то въ одну сторону, то въ другую, и это было причиною ея слабости.

Конвентъ, прекращая свою дѣятельность, пожелалъ обезпечить прочность новаго правительства, принявъ мѣру, противоположную той, на которой остановилось Учредительное Собраніе. Онъ не только не закрылъ своимъ членамъ доступъ въ ряды новаго правительства, но установилъ, что новые Совѣты должны состоять, по крайней мѣрѣ, на двѣ трети изъ членовъ Конвента. Онъ хотѣлъ также обезпечить преемственность своихъ традицій и продолжать свое существованіе подъ другимъ именемъ. Но Совѣты подлежали возобновленію, и выборы, благопріятные роялистамъ, измѣнили большинство, въ особенности въ совѣтѣ пятисотъ. Тогда возникли несогласія и борьба между законодательной и исполнительной властью. Государственный переворотъ 18 Фруктидора (4 сент. 1797 г.) привелъ къ исключенію 53 депутатовъ и 2 директоровъ. При этомъ употреблена была въ дѣло армія, что послужило дурнымъ примѣромъ. Предохранительныя мѣры конституціи оказались недѣйствительными.

День 18 Фруктидора разрушилъ надежды роялистовъ и ободрилъ якобинцевъ, которые одержали верхъ на выборахъ VI года. Директорія, вновь оставшаяся позади событій, произвела новые выборы и назначила сама депутатовъ, которые должны были вступать въ совѣты. Это былъ переворотъ 22 Флореаля (11-го мая, 1798 г.). Совѣты, въ свою очередь, заставили, 30-го Преріаля (18 іюня 1799 г.) выдти въ отставку трехъ директоровъ Ларевельера Лепо, Трельяра и Мерлена де-Дуэ. Такимъ образомъ, правительство само подавало примѣръ анархіи, и его слабость и насиліе отражалось на администраціи.

Къ смутамъ, какія вызывали въ умахъ эти повторявшіеся государственные перевороты, присоединялась и нравственная смута. Тогда только что заканчивался революціонный хаосъ, возмутившій и почти уничтожившій общественныя отношенія, перемѣшавшій всѣ сословія, сбившій всѣхъ съ толку. Нужно было время, чтобы все это могло улечься, какъ въ озерѣ, взволнованномъ грозою, когда илъ поднимается на поверхность. Общій безпорядокъ увеличивался тѣмъ, что новое общество, надѣленное новыми законами, должно было сообразоваться съ остатками стараго, разбитаго бурями. Во время кризиса, каждый думалъ только о собственной безопасности. «Что вы дѣлали въ теченіе этого времени?» спрашивали у Сіэса. Онъ отвѣчалъ: «Я жилъ!» Съ возвращеніемъ спокойствія, радость охватила это поколѣніе, которое въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ едва осмѣливалось дышать. Послѣ того, какъ царство революціонныхъ пѣсенъ и клубовъ прошло, возвратилось царство салоновъ; когда изящество и остроуміе перестали быть поводомъ къ изгнанію, опять предались роскоши и веселью съ такой свободой, которая не стѣснялась прежнимъ этикетамъ и скоро выродилась въ распущенность. Расхищеніе государственныхъ богатствъ, неизбѣжное при админи-

страціи, жестокость которой смѣнялась слабостью, и спекуляціи съ бумажными деньгами породили громадныя состоянія, а случайно разбогатѣвшіе люди старались загладить щедростью эту незаслуженную удачу. Растрата семейныхъ имуществъ, матеріалистическія идеи, надъ которыми не могла восторжествовать новая религія, *теофилантропія*, придуманная Ларевельеромъ-Лепо, злоупотребленіе разводомъ, распущенность поведенія, ведущая къ распущенности нравовъ,—все это повело къ общей разнузданности, къ настоящему безумію, смѣшныя стороны котораго отмѣчены комедіей, изображавшей *incroyables*, и которое исторія можетъ только объяснять, а не оправдывать.

Финансовый безпорядокъ равнялся безпорядку нравственному. Выпускъ ассигнацій былъ доведенъ до суммы 45 миліардовъ, имѣвшихъ настоящую цѣнность не болѣе 400—500 милліоновъ. Принудительный заемъ былъ собранъ съ богатыхъ людей. Директорія видѣла себя вынужденной положить предѣлъ выпуску ассигнацій, но она замѣнила ихъ другимъ видомъ бумажныхъ денегъ, «земельными векселями», за которыя были заложены національныя имущества; эти векселя вскорѣ были обезцѣнены и ими уплачены были двѣ трети долга. Это было нѣчто вродѣ банкротства, которое получило названіе банкротства на *двѣ трети*. Только одна треть долга осталась въ главной книгѣ: это была *консолидированная треть*.

При такой серьезности положенія, Директорія могла оставаться въ силѣ, лишь поддерживая миръ послѣ успѣшнаго трактата въ Кампо-Форміо. Напротивъ, своей насильственной и неумѣстной политикой она вызвала образованіе новой коалиціи.

Впрочемъ, опасности, какимъ подвергалась Франція въ 1798 г., доставили Директоріи возможность преобразованія военныхъ силъ. Войны революціи привели къ тому, что у Франціи были, наконецъ, настоящія арміи: въ этомъ легко было убѣдиться въ 1794, въ 1795 и въ 1796 гг. Сліяніе батальоновъ добровольцевъ и регулярныхъ войскъ закончилось: у всей пѣхоты былъ теперь общій голубой мундиръ, и бѣлые мундиры старой монархіи исчезли. Двѣ *полу-бригады*, состоявшія каждая изъ трехъ батальоновъ, и получившія вскорѣ названіе *полковъ*, составляли *бригаду*; выше бригады стояла *дивизія*, настоящая стратегическая единица, подобіе древняго римскаго легіона, содержавшая въ себѣ, кромѣ пѣхотныхъ бригадъ, кавалерію и артиллерію, однимъ словомъ, всѣ составныя части арміи. Понемногу организовался и *главный штабъ*, но не доставало существеннаго, а именно правильнаго закона о пополненіи войскъ.

19 Фруктидора VI года (5 сент. 1798 г.) Совѣты приняли законъ, по которому военная служба была обязательна для всѣхъ молодыхъ людей отъ 20 до 25 лѣтъ (за нѣкоторыми исключеніями); *защитники-конскрипты* (по тогдашнему выраженію) раздѣлены были на *пять классовъ* или возрастовъ. Законодательная власть опредѣляла численность ихъ контингента, а на власти исполнительной лежалъ ихъ призывъ, начиная съ самыхъ молодыхъ. Были ли они, или не были призваны, защитники-конскрипты вычеркивались изъ списка черезъ пять лѣтъ послѣ занесенія въ

него и получали чистую отставку, если въ то время не было войны. Такова была исходная точка правильныхъ наборовъ, которые составили военную силу Франціи.

Эти продолжительныя войны, создавая армію, давали военному элементу преобладаніе, которое вскорѣ оказалось выгоднымъ для проектовъ генерала Бонапарта. Уже удивительная итальянская кампанія (1796—1797 гг.) поставила его выше всѣхъ другихъ генераловъ; обаяніе его еще усилилось въ Египтѣ блестящими побѣдами при Пирамидахъ (1798 г.) и при Абукирѣ (1799 г.). Онъ увидалъ, что ему не трудно будетъ низвергнуть правительство, столь мало сплоченное между собою, и среди него онъ даже нашелъ сообщниковъ для осуществленія своихъ замысловъ.

Пораженія, испытанныя въ его отсутствіе, потеря Италіи, внутренняя неурядица, смуты, возникавшія вновь во всѣхъ провинціяхъ, финансовый кризисъ, ослабленіе всѣхъ общественныхъ узъ заставляли опасаться настоящаго разложенія Франціи. Послѣдняя, утомленная десятью годами революціи, желала болѣе всего равновѣсія, порядка и благосостоянія. Тогда Бонапартъ закончилъ рядъ государственныхъ переворотовъ Директоріи военнымъ переворотомъ. Онъ перенесъ засѣданія Законодательнаго Собранія въ замокъ Сенъ-Клу, 18 Брюмера (9 ноября 1799 г.) и задумалъ измѣнить конституцію III-го года. Совѣтъ старѣйшинъ принялъ его предложеніе, но большинство пятисотъ отвергло его съ негодованіемъ. Тогда генералъ призвалъ своихъ солдатъ, которые разогнали депутатовъ (19 Брюмера, 10 ноября). Революціи былъ положенъ конецъ; у Франціи былъ властелинъ.

ГЛАВА XIV.

КОНСУЛЬСТВО и ИМПЕРІЯ. — НАПОЛЕОНОВСКАЯ ЕВРОПА. — РАСПРОСТРАНЕНІЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ ИДЕЙ.

Консульство; конституція VIII года,—Народныя голосованія (плебисциты).—Избирательная система; списки уполномоченныхъ.—Преобразованіе администраціи. — Правосудіе; апелляціонные судьи; гражданскій кодексъ. — Новая финансовая система; контроль и взиманіе налоговъ.—Религіозный миръ; конкордатъ (1801—1082).—Орденъ Почетнаго Легіона (1802).—Народное образованіе; лицеи.—Экономическія реформы; кредитъ; французскій банкъ.—Результаты дѣятельности консульства.—Имперія; совѣщательный сенатъ XII года (1804).—Сановники; новое дворянство.—Результаты дѣятельности Наполеона; военное искусство.—Финансы.—Кодексы.—Общественныя работы.—Промышленность; выставки. — Промышленныя послѣдствія континентальной блокады.—Университетъ (1806).—Императорскій абсолютизмъ.—Французская имперія и Европа въ 1810 г.—Распространеніе французскихъ идей въ Европѣ; Бельгія, Голландія, Рейнскія провинціи; Швейцарія. — Французскіе идеи въ Италіи.—Разрѣшеніе хаотическаго состоянія Германіи. — Французскія идеи въ Германіи.—Испанскія и французскія идеи; конституція 1812 г.—Пруссія; реформы Штейна и Шарнгорста.—Фрнцузскія идеи въ Швеціи и Россіи.—Французскіе принципы, обращенные противъ Наполеона.

Новое правительство, установленное Наполеономъ послѣ 18-го брюмера, украсилось древнимъ наименованіемъ, заимствованнымъ

изъ классическихъ воспоминаній, которыя были въ модѣ въ теченіе всей революціи. Живописецъ Давидъ, при Конвентѣ, извлекалъ изъ древняго міра модели для празднествъ, программы которыхъ онъ обязанъ былъ составлять, и для костюмовъ, рисунки которыхъ отъ него требовали. Директора и члены совѣтовъ возвратили почетное мѣсто римской тогѣ, съ присоединеніемъ къ ней странныхъ украшеній и шапки, къ которой они прицѣпляли забавные султаны. Отъ римской республики взято было и названіе новыхъ главъ такъ-называемаго республиканскаго правительства; въ этой республикѣ было *три* консула вмѣсто двухъ, а на самомъ дѣлѣ, былъ только одинъ *первый консулъ* Бонапартъ. «Этотъ человѣкъ,—говорилъ Сіэсъ,—все знаетъ, всего хочетъ и все можетъ».

Конституція VIII года была извлечена изъ сложныхъ проектовъ Сіэса, совершенно переработанныхъ Бонапартомъ. Это была монархическая конституція подъ республиканской внѣшностью, подобно тому, какъ конституція 1791 г. была, въ сущности, республиканской, оставаясь по виду монархической. До того времени исполнительная власть подчинена была законодательной; затѣмъ она была сравнена съ нею, а на этотъ разъ поставлена выше ея. Первый консулъ, избранный сперва на десять лѣтъ, а потомъ пожизненно (1802 г.), назначалъ и увольнялъ министровъ, посланниковъ, офицеровъ арміи и флота и агентовъ администраціи; отъ него исходило предложеніе и обнародованіе законовъ, объявленіе войны и заключеніе мирныхъ договоровъ. Помощниками ему служили члены новаго собранія, государственнаго совѣта, замкнутаго учрежденія, въ которомъ вырабатывались законы, вносившіеся на разсмотрѣніе законодательнаго собранія; этотъ совѣтъ былъ и высшимъ административнымъ судилищемъ. Онъ составлялъ одинъ изъ самыхъ важныхъ механизмовъ новаго правительства.

Исполнительная власть была сосредоточена и усилена, а законодательная—раздроблена и ослаблена. Она состояла изъ совѣщательнаго Трибуната, Законодательнаго собранія, молча подававшаго голоса, и сената, предназначеннаго наблюдать за поддержаніемъ конституціи.

Верховная власть народа, однако, все еще признавалась: конституція VIII года подвергнута была одобренію народа, что было названо древнимъ римскимъ выраженіемъ *плебисцита*. Измѣненія, внесенныя въ конституцію въ X году провозглашеніемъ Бонапарта пожизненнымъ консуломъ, также были утверждены плебисцитомъ, который потребовался еще разъ при установленіи имперіи.

Бонапартъ, впрочемъ, старался противодѣйствовать избирательной системѣ революціонныхъ собраній, которая казалась ему слишкомъ либеральной. Онъ заимствовалъ изъ проекта Сіэса систему списка уполномоченныхъ. Каждый французъ считался избирателемъ, но избиратели каждаго округа выбирали изъ своей среды *десятаго*, и изъ этихъ десятыхъ составлялся списокъ *уполномоченныхъ общины*. Изъ этого списка исполнительная власть заимствовала должностныхъ лицъ округа. Уполномоченные общины, въ свою очередь, выбирали изъ своей среды десятаго, который

вносился въ *департаменскій списокъ*, изъ котораго заимствовались должностныя лица департамента. Граждане департаментскаго списка также выбирали изъ своего числа десятаго: это былъ *національный списокъ*, изъ котораго сенатъ назначалъ членовъ Трибуната, Законодательнаго собранія и проч. Выборы, такимъ образомъ, проходили три ступени, не считая вмѣшательства исполнительной власти.

Бонапартъ подготовлялъ возвращеніе монархіи и воплощеніе въ своемъ лицѣ цѣлаго народа, въ силу народнаго права, подобно тому, какъ его воплощалъ въ себѣ Людовикъ XIV, въ силу божественнаго права; но онъ все-таки закончилъ административную дѣятельность Учредительнаго Собранія. Онъ установилъ простую іерархію чиновниковъ, умѣщавшуюся въ департаментскомъ дѣленіи. Онъ усилилъ дѣйствіе власти во всей Франціи своими *префектами* и *подпрефектами* и скрѣпилъ *политическое единство*, установивъ могущественную централизацію, пережившую всѣ кризисы. Онъ установилъ различіе между дѣйствіемъ и обсужденіемъ и учредилъ цѣлый рядъ мелкихъ собраній—департаментскихъ, окружныхъ и общинныхъ, параллельно ряду дѣйствующихъ должностныхъ лицъ въ округахъ, общинахъ и департаментахъ. Обсужденіе мѣстныхъ интересовъ было обезпечено, такъ же, какъ и мѣстное исполненіе постановленій верховной власти. У этой послѣдней были свои безусловно преданные представители, а населеніе имѣло своихъ уполномоченныхъ.

Судебныя инстанціи, установленныя Учредительнымъ Собраніемъ, были сохранены, но въ нихъ ощущался пробѣлъ: апелляціи переносились изъ одного суда въ другой. Бонапартъ учредилъ особые *апелляціонные суды* въ количествѣ 29, помѣщавшіеся въ тѣхъ городахъ, которые служили центрами юридической науки. Работы надъ *Гражданскимъ Кодексомъ*, начатыя Конвентомъ, были продолжены и закончены (1800 — 1803). Этотъ Кодексъ, основанный на принципахъ 1789 года, состоялъ изъ 36 законодательствъ, постановленныхъ и обнародованныхъ одно послѣ другого, затѣмъ приведенныхъ въ естественный порядокъ и соединенныхъ въ одно законодательство (1804). Они были развиты съ ясностью, до тѣхъ поръ неизвѣстною, съ замѣчательною логичностью и сжатостью, въ видѣ небольшихъ, весьма точныхъ статей, напоминавшихъ языкъ римскихъ юрисконсультовъ. Это былъ лучшій сводъ законовъ, какой былъ составленъ со временъ Юстиніана, выводъ изъ всѣхъ изслѣдованій французскихъ ученыхъ, удачное сочетаніе древняго письменнаго и стариннаго обычнаго права, примиреніе всѣхъ принциповъ римскихъ, греческихъ и христіанскихъ, которые столь долго сталкивались между собою, настоящій кодексъ современнаго общества и одинъ изъ наиболѣе совершенныхъ памятниковъ человѣческой мудрости.

Учредительному Собранію и Конвенту не удалось организовать настоящаго финансоваго управленія. Первый консулъ установилъ его на логическихъ основаніяхъ. Онъ отдѣлилъ *составленіе списковъ* отъ самаго *взиманія*: простая мысль, благодаря которой

были устранены всѣ злоупотребленія и расхищенія общественныхъ суммъ [1]).

Особый законъ опредѣлилъ *общественный долгъ*; государственныя имущества были приписаны къ *кассѣ погашенія*, которая должна была понемногу продавать ихъ для выкупа обязательствъ и уменьшенія долга.

Гражданская конституція духовенства 1790 г. вызвала настоящій расколъ и, вслѣдъ за тѣмъ, католическая религія была устранена. Конституція III года провозгласила свободу вѣроисповѣданій, и католическое богослуженіе могло быть возстановлено во многихъ мѣстностяхъ. Уже въ концѣ 1799 г., первый консулъ разрѣшилъ отворить церкви, запертыя административными властями, и уладилъ религіозный вопросъ *конкордатомъ*, т. е. соглашеніемъ съ папой. Римскій дворъ не могъ не признать матеріальнаго положенія, созданнаго для церкви продажею имѣній, принадлежавшихъ духовенству, поэтому, онъ требовалъ лишь вознагражденія, тѣмъ болѣе, что оно было обѣщано еще Учредительнымъ Собраніемъ. Было рѣшено, что, взамѣнъ отнятыхъ у него имѣній, духовенство получитъ содержаніе отъ государства. Первый консулъ присвоилъ себѣ право прежнихъ королей Франціи, начиная съ Франциска I, назначать епископовъ, которые утверждались папой. По соглашенію со святымъ престоломъ, Бонапартъ составилъ новое распредѣленіе епископствъ и архіепископствъ [2]). Конкордатъ, подписанный 15 іюля 1801 г., утвержденный Законодательнымъ собраніемъ 8 апрѣля 1802 г., и торжественно обнародованный 18 апрѣля въ праздникъ Пасхи, возстановилъ религіозный миръ.

Одновременно съ Конкордатомъ, Бонапартъ провелъ черезъ Законодательное Собраніе законъ, имѣвшій цѣлью установить отношенія церкви и государства и предупредить притязанія римскаго двора. Въ силу этого закона, никакая папская булла не могла быть обнародована во Франціи безъ разрѣшенія правительства. Лишь съ согласія послѣдняго епископы могли назначать священниковъ.

Революція уничтожила ордена св. Людовика и св. Михаила. Почетное оружіе служило единственною наградой за храбрость. Наполеонъ пожелалъ создать знакъ отличія, общій для лицъ во-

---

[1]) Агентство прямыхъ сборовъ состояло изъ директора и инспектора въ каждомъ департаментѣ и 840 контролеровъ, распредѣленныхъ по округамъ. Эти чиновники опредѣляли суммы, подлежавшія взиманію, но деньги не проходили черезъ ихъ руки, и списки ихъ служили только для контроля дѣйствій агентовъ, на которыхъ лежало полученіе сборовъ и которые не могли ни увеличить, ни уменьшить суммы, требовавшейся съ каждаго гражданина. *Сборщики* получали прямые налоги. Они вносили полученныя суммы въ кассу *частнаго сборщика*, въ рукахъ котораго сосредоточивались полученія съ каждаго округа; этотъ послѣдній собираетъ также всѣ суммы, исходившія изъ косвенныхъ налоговъ, и долженъ былъ передавать ихъ *главному сборщику* департамента, вносившему ихъ въ казну.

[2]) Число епископствъ равнялось пятидесяти, а архіепископствъ—десяти. Эти числа, впослѣдствіи, были измѣнены: число епископствъ было доведено до 17, а архіепископствъ—до 2.

еннаго и гражданскаго званія, которымъ признавались заслуги передъ государствомъ. Онъ провелъ законъ объ орденѣ *Почетнаго Легіона* (19 мая 1802 г.). Это отличіе, не дававшее никакихъ преимуществъ, не нарушало равенства; напротивъ, оно подтверждало его, награждая всѣхъ по заслугамъ.

Бонапартъ желалъ возстановить общество, «найденное имъ въ прахѣ», на «гранитныхъ основахъ». Онъ зналъ, что ему приходится управлять поколѣніемъ, пострадавшимъ отъ революціи и проклинавшимъ ее; единственнымъ средствомъ спасти принципы этой революціи было привить ихъ будущимъ поколѣніямъ. Будущность Франціи зависѣла всего болѣе отъ воспитанія юношества. Первый консулъ сдѣлалъ немного для начальнаго образованія: онъ испугался потребныхъ на него расходовъ, что было величайшей ошибкой съ его стороны. Онъ полагалъ, что среднее образованіе имѣетъ болѣе значенія; такъ какъ общественное мнѣніе, въ дѣйствительности, управляется средними классами, то эти послѣдніе, какъ ему казалось, имѣютъ болѣе нужды въ образованіи. Вслѣдствіе того, онъ уничтожилъ центральныя школы и замѣнилъ ихъ 29-ю заведеніями, получившими греческое названіе *лицеевъ*, въ которыхъ изящная словесность получила почетное мѣсто.

Для высшаго и спеціальнаго образованія, онъ учредилъ, еще во времена консульства, десять школъ *правовѣдѣнія* и шесть школъ *медицины*. Политехническая школа, уже существовавшая, получила многія улучшенія. Бонапартъ прибавилъ еще *Школу Путей Сообщенія* и учредилъ въ Компьенѣ *Школу Механическихъ Искусствъ*, которая впослѣдствіи была перенесена въ Шалонъ-на-Марнѣ и получила названіе *Школы Искусствъ и Ремеслъ*.

Бонапартъ, преобразовывая Францію, въ то же время понуждалъ ее къ труду, исправлялъ и проводилъ дороги и каналы, украшалъ столицу, поощрялъ земледѣліе, промышленность и торговлю. Ему принадлежитъ слава основанія кредита, благодаря благоразумному пользованію проектами Лоу и Учредительнаго Собранія. *Французскій банкъ*, организованный въ 1800 г. и послѣдовательно развивавшійся до 1806 г., былъ одновременно и частнымъ, и государственнымъ учрежденіемъ. Составленный изъ группы капиталистовъ, онъ принималъ вклады частныхъ лицъ и казны, учитывалъ торговые векселя и имѣлъ право выпуска *билетовъ*. Это было возвращеніемъ къ бумажнымъ деньгамъ. Не представляя сами по себѣ цѣнности, банковые билеты, простые клочки бумаги, значительно содѣйствовали умноженію общественнаго богатства. Какъ же это могло произойти? «Это произошло, — объясняетъ извѣстный экономистъ Росси, — вслѣдствіе того, что, вмѣсто множества малоизвѣстныхъ должниковъ, явился должникъ, котораго всѣ знаютъ и которому всѣ вѣрятъ, — банкъ. Банкъ принимаетъ *тратты* и даетъ фабрикантамъ *билеты*, уплачиваемые немедленно и обезпеченные металлической наличностью и портфелемъ банка. Своимъ кредитомъ онъ даетъ производителямъ то, чего имъ недоставало — возможность располагать своимъ капиталомъ. Благодаря кредиту банка, они получаютъ все, что имъ

нужно. Такимъ образомъ, является непрерывная цѣпь кредиторовъ, замѣщающихъ другъ друга и съ большей или меньшей быстротой передающихъ одинъ другому болѣе или менѣе значительную часть капитала; этой передачи не могло бы быть, если бы первый кредиторъ не опирался на кредитъ банка».

Дѣятельность банка имѣетъ не только коммерческое, но и финансовое значеніе: она, повышая или понижая учетъ, управляетъ движеніями звонкой монеты. Если звонкая монета отливаетъ изъ его кассъ въ слишкомъ большомъ количествѣ, это означаетъ, что ощущается нужда въ деньгахъ; тогда банкъ поднимаетъ стоимость денегъ, повышаетъ учетъ, т. е. онъ требуетъ болѣе высокаго процента на суммы, выдаваемыя имъ подъ коммерческіе векселя; этимъ онъ задерживаетъ слишкомъ быстрое опустѣніе своихъ кассъ. Если, напротивъ, звонкая монета залеживается въ его кассахъ, это указываетъ на ея изобиліе или на вялое состояніе торговли; тогда банкъ понижаетъ учетный процентъ, расширяетъ кредитъ и облегчаетъ обмѣнъ, чтобы усилить обращеніе денегъ и поднять ихъ цѣнность. «Банкъ, — говоритъ Росси, — долженъ быть уравнительнымъ маятникомъ монетной системы, онъ долженъ управлять ея общимъ движеніемъ и дѣлать колебанія ея медленными и однообразными».

Консульство, такимъ образомъ, было для Франціи періодомъ дѣятельности и величія, въ теченіе котораго были закрѣплены главные результаты революціи: соціальная революція завершилась умиротвореніемъ партій; экономическая революція развилась, благодаря энергичному толчку, какой былъ данъ ей возстановленіемъ порядка; политическая революція завершилась разумно задуманной и твердо уравновѣшенной администраціей. Всѣ классы общества были въ мирѣ между собою; всѣ руки заняты были работой, и Франція, обновленная, великая въ мирѣ и въ войнѣ, являлась міру сіяющая славой, съ гражданскимъ кодексомъ въ одной рукѣ и со шпагой Маренго—въ другой.

Бонапартъ, имѣвшій столько правъ на признательность націи, погубилъ все сдѣланное имъ, пожелавъ пойти еще дальше. Не довольствуясь властью, какая была у него въ рукахъ, онъ захотѣлъ еще болѣе расширить и возвысить ее, назвавъ *императорской*. Послѣ воспоминаній республиканскаго Рима, появились воспоминанія императорскаго Рима, вмѣстѣ съ коронованнымъ воиномъ, который хотѣлъ быть въ одно и то же время Цезаремъ и Карломъ Великимъ.

Болѣе гордый, чѣмъ Карлъ Великій, Наполеонъ не пожелалъ отправиться въ Римъ, чтобы получить корону изъ рукъ папы: онъ заставилъ пріѣхать въ Парижъ папу Пія VII и, не отказываясь отъ религіознаго освященія своей власти, взялъ и самъ надѣлъ на себя корону (2 дек. 1804 г.). Въ эту минуту, когда нельзя было предвидѣть будущаго, казалось, это было послѣднимъ словомъ политической реакціи. Монархія была возстановлена, и не прежняя феодальная монархія, а военная, отодвигавшая гражданственность и религію на второй планъ. Впрочемъ, новая верховная власть, хотя и освященная церковью, опиралась на голосо-

ваніе и верховную власть народа. Наполеонъ имѣлъ притязаніе увѣнчать въ своемъ лицѣ революцію, сыномъ которой онъ охотно называлъ себя.

Но на самомъ дѣлѣ онъ попиралъ ногами ея принципы. Онъ былъ, въ дѣйствительности, если не по праву, неограниченнымъ монархомъ. Конституція VIII года была передѣлана въ 1802 г., и Наполеонъ уже тогда получилъ всѣ королевскія права. Онъ усилилъ свою власть надъ сенатомъ, который долженъ былъ служить ему орудіемъ для измѣненія конституціи по его произволу. Онъ ограничилъ пятьюдесятью число членовъ трибуната и изъялъ изъ вѣдѣнія Законодательнаго Собранія трактаты, предоставленные особому совѣту. Списки уполномоченныхъ, которые были теперь несмѣняемыми, превратили избирательныя коллегіи въ пожизненныя. Въ выборахъ теперь не могло явиться никакихъ неожиданностей. Наполеону, провозглашенному императоромъ, ничего не пришлось измѣнить въ конституціи 1802 г. Сенату XII года приходилось имѣть дѣло лишь съ новымъ титуломъ, дарованнымъ первому консулу, и съ наслѣдственностью этого титула въ его потомствѣ. Чтобы загладить это новое притязаніе, Наполеонъ, видимо, усилилъ значеніе Законодательнаго Собранія, давъ ему право обсужденія вопросовъ, разсматривавшихся въ комитетахъ, и значеніе сената, предоставивъ ему учрежденіе двухъ коммиссій—свободы печати и личной свободы, совершенно призрачныхъ при такомъ властителѣ.

Сенатъ XII года, чтобы увеличить блескъ престола, окружилъ его высшими сановниками, архиканцлеромъ, главнымъ казначеемъ, главнымъ избирателемъ, коннетаблемъ, генералъ-адмираломъ и другими полными генералами, изъ которыхъ самыми важными были шестнадцать маршаловъ имперіи; эти послѣдніе своими знаменитыми именами прославили возобновленный санъ старой монархіи; другіе пышные титулы служили напоминаніемъ о германской имперіи. Такъ продолжалось смѣшеніе древнихъ и германскихъ традицій, которое мы вездѣ находимъ въ прошломъ Франціи.

Политическое честолюбіе привело Наполеона къ общественной реакціи. Онъ возстановилъ аристократію нетолько вокругъ трона, но и ниже его, даря обширныя имущества и создавая новое дворянство, не имѣвшее прежнихъ привилегій, но сохранявшее внѣшнее подобіе стариннаго дворянства, съ цѣлью служить примѣромъ для людей низшихъ сословій, возвеличенныхъ побѣдами. Пожизненными избирательными коллегіями Наполеонъ создалъ настоящую департаментскую аристократію, надѣленную политическими правами.

Первые годы имперіи были, впрочемъ, лишь продолженіемъ временъ консульства. Знаменитые Пресбургскій (1805) и Тильзитскій (1807) трактаты упрочили положеніе французской имперіи въ Европѣ. Удивительные успѣхи и военныя качества армій возбуждали народную гордость. Грустно думать, что цивилизація нуждается въ этомъ проявленіи силъ и что войны, нисколько не уменьшаясь съ общественнымъ прогрессомъ, становятся столкновеніями все болѣе и болѣе ужасными. Едва ли можно утѣшаться

тѣмъ, что война стала наукой и что человѣкъ всего болѣе проявилъ въ ней свою изобрѣтательность и примѣнилъ свою способность соображенія. Военное искусство было поставлено Наполеономъ на высокую ступень. Математическія комбинаціи его стратегіи и тактики далеко опередили все, что мы знаемъ о нихъ въ древности. Онъ установилъ правила, позволяющія передвигать массы людей, управлять ими, какъ машинами, подчинять одной волѣ сотни тысячъ отдѣльныхъ стремленій; онъ усовершенствовалъ новѣйшее войско, которое не можетъ не вызывать нашего удивленія своей дисциплиной, гибкостью, точностью и быстротою своихъ дѣйствій.

Даже среди самыхъ настоятельныхъ военныхъ работъ, Наполеонъ не забывалъ объ администраціи, къ которой онъ относился съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и къ военному дѣлу. Съ полей Моравіи и Польши онъ управлялъ своей имперіей, какъ будто находился въ Парижѣ. Возвратившись въ свою столицу, онъ работалъ съ лихорадочнымъ жаромъ надъ улучшеніемъ всѣхъ отраслей общественной дѣятельности.

Онъ усовершенствовалъ финансовую систему, введенную при консульствѣ, помѣстивъ сборщиковъ податей во всѣхъ главныхъ общинахъ, пошелъ наперекоръ народнымъ предразсудкамъ, присоединивъ къ прямымъ косвенные налоги, упорядочилъ счетоводство веденіемъ его по двойной системѣ, дополнилъ механизмъ банка, ввелъ во всей общественной службѣ строгую честность и бережливость: ему приходилось создавать не только администрацію, но и нравы администраціи.

Продолжая судебныя улучшенія, онъ велѣлъ закончить подготовленіе Кодексовъ гражданскаго судопроизводства (1806), уголовнаго слѣдствія (1808) и уголовнаго Кодекса (1810), давъ, такимъ образомъ, обществу гарантіи, въ которыхъ оно нуждается для своего поддержанія и защиты, хотя и сохранивъ, отчасти, въ этихъ уложеніяхъ остатки прежнихъ воззрѣній. Онъ преобразовалъ старое коммерческое законодательство, и въ 1808 г. обнародовалъ Торговый Кодексъ.

Даже во времена Людовика XIV и Кольбера, общественныя работы не пользовались такимъ вниманіемъ: дороги, каналы и порты во Франціи и въ покоренныхъ странахъ поглощали значительныя суммы. Располагая золотомъ Европы, Наполеонъ не затруднялся помѣщать его въ эти производительныя работы, которыя, будучи продолжены послѣ него, придали другой видъ Франціи и Европѣ. Онъ понизилъ Симплонъ, Монъ-Сени и Монъ-Женевръ и провелъ по нимъ широкія дороги. Онъ велѣлъ продолжать работы надъ знаменитой Шербургской плотиной, начатой при Людовикѣ XVI. Онъ надѣлилъ Парижъ, Миланъ и Туринъ полезными или величественными памятниками. Онъ возродилъ благосостояніе Антверпена, и его заботливость, возраставшая вмѣстѣ съ честолюбіемъ, простиралась даже на Гамбургъ и Римъ.

Понимая всѣ современныя потребности, Наполеонъ сознавалъ могущество промышленности, назначилъ пенсію знаменитому *Жак-*

кару, усовершенствовавшему станокъ для тканья шелковыхъ матерій, поощрялъ хлопчато-бумажную промышленность, еще новую во Франціи, введенную двумя мануфактуристами, *Ришаромъ* и *Ленуаромъ*, распространившими употребленіе машины англичанина Аркрайта. Наполеонъ наградилъ *Оберкампфа*, распространившаго изготовленіе набивныхъ тканей, часовщиковъ *Карселя*, *Бреге* и др. Онъ обратился къ ученымъ, прося ихъ придумать способъ замѣны тростниковаго сахара *свекловичнымъ*, и этимъ создалъ новый источникъ богатства страны. Онъ вернулся къ *выставкамъ*, опыты которыхъ дѣлались еще при Директоріи. Въ 1798 г. Франція видѣла первую промышленную выставку, но на ней было лишь 210 экспонентовъ; на выставкѣ 1806 г. ихъ было уже 1.422.

Правда, Наполеонъ, увлеченный внѣшней политикой, своей *континентальной блокадой*, повторилъ прежнія экономическія ошибки. Занимаясь между двумя кампаніями обсужденіемъ въ государственномъ совѣтѣ статей Торговаго Кодекса, онъ погубилъ внѣшнюю торговлю. Принимая народы за военныя машины и жертвуя интересами ихъ такъ же, какъ онъ жертвовалъ солдатами, онъ задумалъ закрыть всю Европу для англійской торговли. На всѣхъ границахъ опять происходили конфискація и уничтоженіе товаровъ. Европѣ пришлось отказаться отъ колоніальныхъ продуктовъ.

Впрочемъ, эта система, крайне тяжелая для приморскихъ странъ, привела къ результатамъ, одинаковымъ съ покровительственной системой Кольбера. «Надо заводить фабрики,—говорилъ Наполеонъ тѣмъ, кто жаловались ему,—самимъ добывать то, что прежде брали у другихъ, изготовлять свои бумажныя ткани, свой сахаръ, свое индиго. Все это вы будете производить сами. Пока я принимаю мѣры къ тому, чтобы возвратить свободу морямъ, французская промышленность будетъ создаваться и развиваться». Когда въ 1815 г. материкъ Европы вновь открылся для Англіи, она съ удивленіемъ увидѣла его наполненнымъ фабриками. Въ особенности, отъ этого выиграла французская промышленность: другія націи, лишенныя англійскихъ товаровъ, требовали у Франціи тѣхъ предметовъ, какіе имъ были нужны, и Англія встрѣтилась въ ней съ самой оживленной конкурренціей.

Наполеонъ еще во времена консульства организовалъ учебное дѣло. Оставалось еще образовать контингентъ лицъ, желающихъ посвятить себя трудному дѣлу воспитанія. Закономъ 10-го мая 1806 г. положено было начало *императорскому университету*, учрежденію, которому ввѣрялось обученіе и на членовъ котораго возлагались постоянныя или временныя учебныя обязанности. По мысли Наполеона, это было нѣчто вродѣ свѣтской корпораціи. «Мнѣ нужно было, — говорилъ онъ, — создать гражданскую профессію, безкорыстную и серьезную, которая трудилась бы только для литературы и науки; это—идеалъ моего университета Франціи».

Новый Карлъ Великій былъ бы весьма польщенъ, если бы видѣлъ вокругъ себя плеяду великихъ писателей. «Если бы Корнель жилъ въ мое время,—говорилъ онъ,—я бы возвелъ его въ княжеское достоинство». Это не помѣшало ему, однако, относиться враждебно къ Шатобріану и изгнать m-me Сталь, лучшихъ пи-

сателей его времени. Наполеонъ слишкомъ дорожилъ своей неограниченной властью, чтобы оказывать поддержку независимой литературѣ.

Онъ выше цѣнилъ науку и обращался лучше съ учеными, чѣмъ Людовикъ XIV съ поэтами. Почти всѣ извѣстные ученые были сдѣланы имъ сенаторами или баронама и получали денежныя пособія на ряду съ генералами. Художники испытывали также щедрость императора, и блескъ французской живописи возродился, благодаря *Давиду*, *Гро*, *Жерару*, *Жирадэ*, *Герену* и *Прюдону*.

Нравственныя, экономическія и административныя послѣдствія правленія Наполеона были достаточно плодотворными; въ періодѣ консульства и имперіи онъ твердо поставилъ устои современнаго общества. За то, съ политической точки зрѣнія, царствованіе его было исполнено реакціи противъ свободы, добытой революціей.

Увлекаемый своимъ честолюбіемъ, планами болѣе и болѣе грандіозными, онъ, подъ конецъ, пересталъ сообразоваться съ частными интересами; его раздражало всякое сопротивленіе, которое, сдерживая его, могло бы быть спасительно для него самого. Свободы обсужденія уже болѣе не существовало: Сенатъ и Законодательное Собраніе не находило другихъ словъ, кромѣ лести побѣдителю Европы. Трибунатъ, бывшій только тѣнью учрежденія того же имени, но все еще хранившій въ себѣ остатокъ оппозиціи, былъ уничтоженъ въ 1807 г. Депутатовъ даже не спрашивали, когда нужны были усиленные наборы, когда рекрутъ брали изъ разрядовъ, уже доставившихъ ихъ. Конскрапція сдѣлалась настоящимъ бичемъ народа; число уклонявшихся отъ нея равнялось почти пятидесяти тысячамъ.

Личная свобода ничѣмъ не была обезпечена. Наполеонъ допускалъ такія же произвольныя изгнанія, какъ и Людовикъ XIV. Печать была еще менѣе свободна, такъ какъ періодическая пресса находилась подъ единственнымъ наблюденіемъ полиціи, и для рукописей была установлена предварительная цензура. Свобода торговли, совершенно уничтоженная извнѣ, скоро была стѣснена и внутри. Въ 1811 г. неурожай заставилъ поднять цѣну хлѣба. Наполеонъ хотѣлъ самъ продовольствовать Парижъ и, по примѣру Конвента, установилъ высшій предѣлъ цѣны зернового хлѣба. Занятый спѣшнымъ выполненіемъ всѣхъ своихъ военныхъ и мирныхъ предпріятій, онъ полагаетъ, что ограниченіе всякаго рода свободы будетъ прощено ему за славу и богатство, какія онъ обезпечивалъ Франціи. Но вмѣсто обезпеченія, онъ уничтожилъ ихъ своимъ желаніемъ властвовать надъ Европой.

Наполеонъ пытался вновь осуществить задачи Карла Великаго и Карла V въ такую эпоху, когда національности уже слишкомъ обособились, чтобы подчиниться единству, о которомъ мечталъ французскій императоръ. Онъ хотѣлъ въ теченіе десяти лѣтъ возстановить римскую имперію, слагавшуюся въ продолженіе семи вѣковъ. Впрочемъ, былъ моментъ, когда этотъ проектъ можно было считать удавшимся.

Въ 1810 г. французская имперія достигла своихъ послѣднихъ

предѣловъ. Наполеонъ побѣдилъ Россію и Австрію при Аустерлицѣ (1805), завоевалъ Пруссію при Іенѣ, возстановилъ Польшу при Эйлау и Фридландѣ (1806 г.), покорилъ Испанію (1808 г.) и еще разъ разбилъ Австрію при Ваграмѣ (1809). Онъ входилъ побѣдителемъ въ Берлинъ, въ Мадридъ и два раза въ Вѣну; простымъ декретомъ онъ уничтожилъ *временную власть папы* и подчинилъ Римъ Парижу; онъ былъ другомъ могущественнаго государя Сѣверной имперіи и зятемъ императора австрійскаго.

Имперія его простиралась отъ Гарильяно до устьевъ Эльбы и насчитывала въ себѣ 130 департаментовъ. Женева и Гентъ, Ницца и Антверпенъ, Ахенъ и Флоренція, Амстердамъ и Генуя, Гамбургъ и Римъ управлялись его префектами. Съ этой громадной имперіей связаны были, въ качествѣ союзныхъ государствъ, королевства Итальянское, Неаполитанское, Испанское и Вестфальское, Рейнская конфедерація, заключавшая въ себѣ созданныя имъ королевства Баварское, Виртембергское и Саксонское; въ составъ этихъ союзовъ входило и великое герцогство Варшавское. Наполеонъ называлъ себя еще «медіаторомъ» Швейцаріи.

Пруссія, наполовину уничтоженная, существовала только благодаря доброй волѣ Наполеона, который вполнѣ распоряжался ею. Австрія, значительно ослабленная, только-что вступила, по тайному соглашенію, въ систему французской имперіи. Такимъ образомъ, половина Европы была подъ властью Наполеона.

Другой половиной владѣла Россія, которая присоединила къ себѣ Финляндію, Валахію и Молдавію. Миръ и война зависѣли отъ согласія или отъ столкновенія самолюбій двухъ императоровъ.

Англія дорого расплачивалась за свое морское владычество: изолированная, вынужденная къ контрабандной торговлѣ, она старалась съ энергіей отчаянія, прорвать сѣть таможенъ, закрывавшую отъ нея материкъ. Придавленная громадой своихъ товаровъ, она едва дышала и уже готова была просить пощады.

Конвентъ отвѣтилъ на угрозы царствующихъ лицъ и вторженіе во французскую территорію пропагандой новыхъ началъ и освобожденіемъ народовъ. Онъ постановилъ 15 декабря 1792 г., что французскіе полководцы во всѣхъ странахъ, куда они вступятъ, должны будутъ провозгласить верховную власть народа и отмѣну феодальныхъ правъ. Въ рейнскихъ провинціяхъ, въ Бельгіи и Голландіи введены были французскіе законы, которые удержались тамъ.

Швейцарія, понуждаемая войсками, высланными Директоріей, также произвела революцію. Въ этой странѣ, хотя она и была республиканской съ XIV вѣка, преобладали аристократія и феодальныя традиціи. Во многихъ кантонахъ народъ находился еще въ подчиненномъ положеніи. Въ 1798 г. Директорія организовала новое правленіе по образцу французской конституціи III года. Новыя собранія установили безусловную свободу торговли между всѣми кантонами, уничтоженіе пытки и налога на евреевъ, разрѣшеніе браковъ между лицами различныхъ вѣроисповѣданій и полную отмѣну феодальныхъ правъ.

Въ 1803 г. Наполеонъ, въ качествѣ «медіатора» или посред-

ника, закончилъ умиротвореніе Швейцаріи и преобразованіе ея соціальнаго и политическаго строя. Онъ раздѣлилъ страну на 19 кантоновъ, вмѣсто 13, которые существовали въ 1789 г. *Федеральнымъ актомъ*, устанавливавшимъ единство Швейцаріи, уничтожалось подчиненіе страны и всѣ привилегіи мѣстныя, личныя и семейныя. Внутри страны отмѣнялись всякаго рода таможенные и дорожные сборы.

Французы до нѣкоторой степени расквитались съ Италіей за то, чѣмъ они обязаны были ей въ эпоху Возрожденія въ XV и XVI вв.; результатъ работы человѣческаго ума, оплодотвореннаго въ эту эпоху, принесенъ былъ обратно въ названную страну въ складкахъ знаменъ побѣдителей при Арколе и Риволи.

Италія была освобождена отъ австрійскаго ига и организована въ видѣ нѣсколькихъ республикъ, которыя потомъ, повинуясь теченіямъ, исходившимъ изъ самой Франціи, превращены были во французскія королевства. Нечего и говорить, что австрійское владычество замѣнилось тамъ наполеоновскимъ. Часть Италіи, одна изъ самыхъ богатыхъ, заключающаяся между Апеннинами и Средиземнымъ моремъ, даже была присоединена къ Франціи. *Итальянское королевство*, между Аппенинами и Средиземнымъ моремъ, управлялось родственникомъ Наполеона, принцемъ Евгеніемъ, а *Неаполитанское королевство* — другимъ его родственникомъ, Мюратомъ. Тѣмъ не менѣе, принципы 1789 г. примѣнены были въ странѣ, до тѣхъ поръ вполнѣ предоставленной феодальному гнету.

Французскіе кодексы, поощренія, оказанныя земледѣлію, и украшенія города Неаполя остались воспоминаніями объ управленіи Мюрата.

Въ сѣверномъ королевствѣ превосходныя дороги, проведенныя Наполеономъ черезъ Альпы, облегчали сношенія между Франціей и Швейцаріей. Миланъ, гдѣ заканчивался тогда великолѣпный соборъ и воздвигалась Симплонская арка, сдѣлался одною изъ самыхъ цвѣтущихъ столицъ Европы. Реформа различныхъ устарѣлыхъ законодательствъ, упорядоченіе финансовъ и уничтоженіе прежнихъ налоговъ и поборовъ, поощреніе промышленности, возникновеніе школъ и покровительство, оказываемое наукѣ, литературѣ и искусству,—все это ознаменовало для Италіи начало новой эпохи. Наполеонъ относился къ Италіи, языкъ которой былъ его роднымъ языкомъ, какъ къ странѣ, обитателей которой онъ хотѣлъ обратить въ націю, дружественную и родственную французской націи.

Въ Германіи многое было измѣнено, отчасти упрощено и обновлено французскимъ владычествомъ. Еще будучи консуломъ, Бонапартъ старался внести нѣкоторый порядокъ въ хаосъ германскихъ княжествъ и способствовалъ превращенію многихъ духовныхъ владѣній въ свѣтскія. Быть можетъ, ему слѣдовало бы смотрѣть философски на эту добычу, разрываемую нѣмецкими князьями, которая могла породить междоусобныя войны; но онъ предпочелъ создать по ту сторону Рейна приверженцевъ французовъ и полагалъ, что можетъ разсчитывать на признательность

нѣмцевъ. Онъ пошелъ далѣе: разрушивъ Германскую имперію, онъ создалъ нѣмецкихъ королей, укрѣпивъ Виртембергъ, Баварію и Саксонію, и создавъ имъ противовѣсъ во французскомъ королевствѣ Вестфаліи. Онъ поднялъ значеніе великихъ герцогствъ и, присоединивъ къ нимъ множество мелкихъ князей и имперскихъ рыцарей, подготовилъ паденіе феодальной системы, уже сильно поколебленной превращеніемъ духовныхъ владѣній въ свѣтскія, въ 1803 г. Всѣ мелкіе герцоги, принцы и рыцари, владѣнія которыхъ оказывались между союзными государствами, утрачивали свою непосредственную власть: они сохраняли лишь внѣшнія почести, образуя привилегированную аристократію, высшій классъ среди своихъ подданныхъ. Этотъ коренной переворотъ, упрощавшій географію Германіи, освобождалъ народъ отъ содержанія мелкихъ дворовъ и цѣлыхъ армій чиновниковъ и сосредочивалъ власть въ рукахъ нѣсколькихъ правителей, что было весьма полезно для Германіи, но не для Франціи.

Эти перевороты, подчиненіе большей части германскихъ князей покровителю Рейнской конфедераціи и продолжительное пребываніе французскихъ армій въ этихъ странахъ произвели въ нихъ глубокія общественныя и нравственныя перемѣны. Въ Саксоніи протестантская религія, даже при католическихъ курфирстахъ, угнетала религію католическую; теперь эта послѣдняя получила новыя права и свободу. На этотъ разъ примѣненіе французскаго принципа вѣротерпимости, встрѣчавшаго столько сопротивленія со стороны римскаго двора, было выгодно для католицизма; въ католическихъ государствахъ, какъ, напр., въ Баваріи, оно принесло пользу протестантамъ, а на берегахъ Рейна и Майна—евреямъ, многочисленнымъ въ этихъ странахъ.

Нельзя было ожидать, чтобы Наполеонъ заботился о политической свободѣ; тѣмъ не менѣе, конституціи, какія онъ далъ великимъ герцогствамъ Варшавскому и Франкфуртскому и королевству Вестфальскому, были *представительными*, т. е. проникнутыми современнымъ духомъ, и феодальное угнетеніе повсюду было уничтожено. Король баварскій, Максимиліанъ-Іосифъ, назначилъ своимъ министромъ Монжеласа, француза по происхожденію и воспитанію, и въ этомъ королевствѣ произведены были обширныя реформы, при чемъ раздѣленія и уставы администраціи заимствованы были изъ Франціи. Впрочемъ, подготовленія къ введенію наполеоновскаго кодекса затянулись въ Баваріи до 1814 г. и не были доведены до конца, такъ же, какъ въ Виртембергѣ и Саксоніи, гдѣ удержалось старинное саксонское законодательство. Но французское законодательство получило перевѣсъ въ Баденѣ, въ Гессенъ-Дармштадтѣ, во Франкфуртѣ и въ Вестфаліи. Оно проникло и въ Польшу, благодаря тому, что великое герцогство Варшавское, состоявшее подъ властью короля саксонскаго, все-таки находилось подъ могущественнымъ вліяніемъ своего творца Наполеона.

Испанцы не переставали протестовать противъ навязанной имъ новой династіи и, въ особенности недовольны были тѣмъ, что, вмѣстѣ съ этой династіей, въ ихъ странѣ введены были и фран-

цузскіе принципы. Вступивъ въ Мадридъ, Наполеонъ уничтожилъ инквизицію, убавилъ число монастырей на двѣ трети, уничтожилъ феодальныя права и отмѣнилъ провинціальныя таможни, суды сеньёровъ и проч. Испанскій народъ, все еще остававшійся въ невѣжествѣ, не смотря на весь прогрессъ XVIII вѣка, относился отрицательно къ этимъ благодѣяніямъ, которыя онъ не въ силахъ былъ оцѣнить и которыя навязывались ему противъ его желанія. Духовенство, пользовавшееся наибольшей властью въ Испаніи, возбуждало противъ французовъ и религіозныя страсти, и народное чувство.

Тѣмъ не менѣе, новые принципы имѣли такую силу, что болѣе просвѣщенная часть испанской націи задумала воспользоваться этими принципами противъ самихъ французовъ, которымъ она была обязана ими. Правительству короля Іосифа, организованному на подобіе императорскаго правительства, противустояли *Кортесы*, удалившіеся въ Кадиксъ. Не желая отстать въ примѣненіи либеральныхъ началъ, кортесы произвели коренныя измѣненія въ общественномъ строѣ, и въ государственномъ управленіи, уничтожили права сеньеровъ и привилегіи, пересмотрѣли законы о выморочныхъ наслѣдствахъ и майоратахъ и отмѣнили, такъ называемую, *месту*, которая, ради поощренія овцеводства, обязывала владѣльцевъ оставлять большія пространства земли не вспаханными, для безпрепятственнаго прохода бродячихъ стадъ мериносовъ. Идя въ своихъ политическихъ реформахъ далѣе либеральныхъ идей короля Іосифа, кортесы присоединили къ божественному праву Фердинанда VII противоположный принципъ верховной власти народа и избрали образцомъ для себя Учредительное Собраніе, противуположное власти Наполеона. Французская конституція 1791 г. повторилась въ испанской конституціи 1812 г., которая, послѣ реставраціи, составляла предметъ постоянныхъ требованій испанскихъ либераловъ. Нравственное преобразованіе Испаніи начинается со времени войны за независимость.

Однако, страны, оказывавшія сопротивленіе Франціи, преобразовывались быстрѣе, чѣмъ страны, повиновавшіяся ей. Доказательствомъ этого факта могла служить Пруссія. Почти уничтоженная, съ населеніемъ уменьшившимся до пяти милліоновъ, занятая французскими войсками, вынужденная держать подъ ружьемъ лишь 42.000 человѣкъ, эта страна, находясь подъ желѣзной рукой Наполеона, все-таки съумѣла возродиться.

Наполеонъ, контролировавшій даже выборъ прусскихъ министровъ, разрѣшилъ королю Фридриху-Вильгельму воспользоваться услугами барона *Штейна*, нассаускаго уроженца, относительно намѣреній котораго французскій императоръ сильно ошибался. Штейнъ предпринялъ полное возрожденіе страны, уничтожилъ крѣпостное право, отмѣнилъ земельныя привилегіи дворянства, позволилъ горожанамъ и крестьянамъ пріобрѣтать земли, а дворянамъ заниматься промышленностью и торговлей, или, другими словами, положилъ начало гражданскому равенству. Кромѣ того, онъ создалъ городское устройство, введя для выбора должностныхъ лицъ избирательное начало, доступное для всѣхъ граж-

данъ съ нѣкоторыми условіями ценза. Онъ требовалъ также, чтобы движеніе въ военной службѣ опредѣлялось не происхожденіемъ, а заслугами. Дворянство, тѣмъ не менѣе, оставалось высшимъ классомъ государства и занимало всѣ военныя должности, такъ какъ было исключительно военнымъ сословіемъ. Наполеонъ не могъ не замѣтить истинныхъ стремленій Штейна. Въ силу особаго декрета, объявленный врагомъ Франціи и Рейнской конфедераціи, прусскій министръ долженъ былъ укрыться въ Россію, откуда онъ продолжалъ поддерживать возбужденіе въ Германіи.

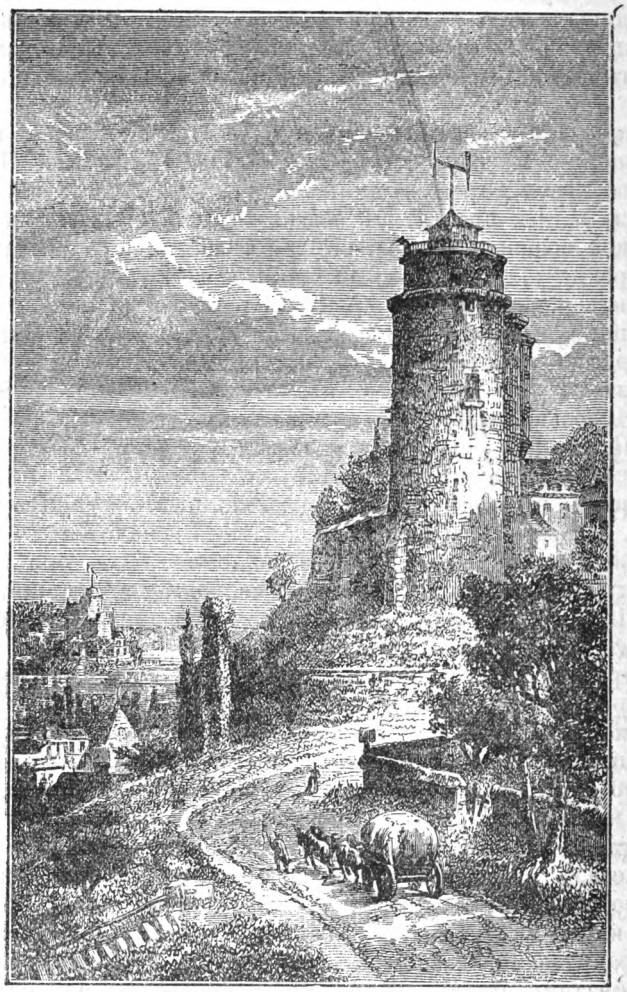
Шарнгорстъ, военный министръ, состоявшій сперва на службѣ въ Ганноверѣ, весьма искусными мѣрами обезпечилъ Пруссіи на будущее время народную армію. Ему пришла мысль сдѣлать военною всю націю, превративъ войско въ школу: введя начало обязательной военной службы, онъ не требовалъ сразу всего контингента рекрутъ, а заставлялъ послѣдовательно всѣхъ гражданъ проходить черезъ войско, замѣщая подготовленныхъ солдатъ новобранцами, и не переходя предѣла, установленнаго Наполеономъ и опредѣлявшагося скуднымъ состояніемъ финансовъ. Онъ подготовилъ, такимъ образомъ, въ четыре года, отъ 1808 до 1812 года нѣсколько разрядовъ, которые составляли, среди населенія, сильный резервъ опытныхъ солдатъ, готовыхъ по первому приказу вступить въ ряды войскъ.

Швеція, въ свою очередь, пожелала имѣть французскаго правителя. Наполеонъ дозволилъ избрать Бернадотта, въ качествѣ преемника короля Карла XIII. Бернадоттъ, безъ сомнѣнія, обманулъ его довѣріе и, что еще важнѣе, довѣріе Франціи, ради сохраненія своей короны. Тѣмъ не менѣе, французскія идеи вмѣстѣ съ нимъ вопарились на Скандинавскомъ полуостровѣ и оказали свое преобразовательное вліяніе на эту страну, увлекая ее на путь современнаго движенія.

Наконецъ, и Россія въ 1812 г. была наводнена арміей, называвшейся арміей *двадцати націй*, но заключавшей въ себѣ 150.000 французовъ. Наполеонъ, слѣдуя величавой идеѣ, подобной тѣмъ, какими онъ любилъ прикрывать свое честолюбіе, намѣревался стать во главѣ Запада, чтобы подавить варварство Востока. Онъ желалъ задержать вторженія, поднявшись къ ихъ источнику. Это необычайное предпріятіе, бывшее прямой причиной его паденія, имѣло значительныя послѣдствія для самой Россіи, которую французы прошли до Москвы. Черезъ нѣкоторое время русскіе, обративъ противъ Наполеона армію двадцати націй, вступили въ Парижъ. Едва ли когда-нибудь приходилось видѣть подобное смѣшеніе народовъ, а слѣдовательно, и идей. Когда войны окончились и народы возвратились на свои мѣста, движеніе идей все-таки продолжалось. Господствующему классу въ Россіи, въ свою очередь, пришлось сообразоваться съ новѣйшими началами, которыя не остались погребенными въ снѣгахъ, подобно великой арміи.

Итакъ, это распространеніе французскихъ идей можно безъ преувеличенія сравнить съ распространеніемъ греческихъ идей,

которыя разсѣевались македонскимъ завоевателемъ по всѣмъ путямъ Азіи. Новый Александръ, не смотря на императорскую мантію съ золотыми пчелами, въ которую онъ облекался иногда, былъ лишь выдвинувшійся изъ простого класса генералъ, исходившій отъ революціи, принципы которой онъ распространялъ, не пони-



Воздушный телеграфъ ШАППА.

мая ихъ. Эти недавно возведенные на престолъ короли, эти маршалы, въ блестящихъ мундирахъ и съ величественными султанами, которыми онъ окружалъ себя, были дѣтьми простолюдиновъ, и верховный глава ихъ любилъ вспоминать передъ коронованными особами старой Европы о первыхъ годахъ своей службы въ качествѣ артиллерійскаго офицера. Французскія арміи несли съ собою равенство, и повсюду, гдѣ онѣ появлялись, феодализмъ

рушился къ великому облегченію народовъ. Трехцвѣтное знамя, показываясь во всѣхъ столицахъ, было знаменемъ новѣйшаго общества.

Если короли, въ концѣ концовъ, восторжествовали надъ Наполеономъ, то потому, что они поняли силу принциповъ, противъ которыхъ такъ долго боролись. Они обѣщали народамъ свободу, которую такъ неблагоразумно попиралъ Наполеонъ, и заставили властелина Европы очутиться подъ гнетомъ неудовольствія народовъ, возмутившихся противъ его тираніи. Повинуясь порыву, подобному тому, какой управлялъ французами въ 1792 г., народы Германіи устремились на Францію, которая должна была нести отвѣтственность за ошибки человѣка, слишкомъ далеко увлекшаго ее за собою. Во имя самихъ принциповъ революціи, отвергнутыхъ коронованнымъ солдатомъ, они пришли въ Парижъ, чтобы задушить эту революцію, которой Европа обязана, однако, своимъ обновленіемъ, своими новыми законами и громаднымъ прогрессомъ нашего вѣка. Это будетъ ясно для насъ, когда мы подведемъ итогъ современному движенію.

ГЛАВА XV.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ПОСЛѢ 1815 Г.

Европа въ 1815 г.—Священный Союзъ.—Различныя правительства во Франціи съ 1815 г.; Реставрація (1815—1830); Хартія 1814 г.—Попытки реакціи политической, экономической и соціальной.—Политическіе результаты реставраціи; представительное правленіе; отвѣтственность министровъ.—Іюльская монархія; парламентское правительство.—Цензъ для подачи голосовъ.—Политическія послѣдствія экономической революціи; успѣхи промышленныхъ классовъ; попытки общественныхъ преобразованій во Франціи.—Республика 1848 г.; всеобщая подача голосовъ; конституція 1848 г.—Конституція 1852 г.—Вторая имперія и ея реформы (1852—1870).—Національное Собраніе 1871 г.; Третья республика; конституція 1875 г.—Политическіе результаты современной эпохи во Франціи.—Европейскія державы съ 1815 г.; борьба новыхъ идей и стараго строя.—Великія войны послѣ 1848 г.; современная Европа.—Успѣхи передовыхъ идей; парламентскія правительства.—Англія; успѣхи либеральныхъ идей съ 1815 г.; освобожденіе католиковъ (1829).—Билль объ избирательной реформѣ (1831—1832).—Уничтоженіе рабства негровъ (1834); налогъ въ пользу бѣдныхъ.—Великія экономическія реформы Роберта Пиля; подоходный налогъ; отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ (1846).—Уничтоженіе Навигаціоннаго акта (1849); свобода колоній.—Избирательныя реформы 1867 и 1884 гг.—Англія и Ирландія.—Англійская конституція; правительство; парламентъ.—Аристократія; землевладѣльцы.—Мѣстная администрація; приходы; графство; правосудіе.—Характеръ англійскаго народа; политическій духъ Англіи.—Бельгія и ея конституція (1831).—Конституціонная монархія въ Испаніи (1837).—Португалія.—Голландія; конституція 1848 г.—Швейцарская конфедерація; федеральная конституція.—Данія.—Швеція; конституція 1866 г.—Итальянское королевство.—Св. Престолъ.—Конституціонная Австрія (1860—1867); австрійскій и венгерскій парламенты.—Конституціонное правленіе въ Пруссіи (1850—1857).—Германскій имперскій парламентъ (1871).—Военное могущество германской имперіи.—Россія; освобожденіе крестьянъ (1861).—Земельныя владѣнія главныхъ государствъ; населеніе.—Военное могущество.—Морскія силы.—Финансовое могущество.—Современная политическая Европа.

Паденіе Наполеона повлекло за собою полное измѣненіе карты Европы. Онъ слѣдовалъ старинамъ традиціямъ, перекраивая и раздробляя государства, не соображаясь съ національностями, и

раздѣляя народы, какъ стада. Побѣдители, союзные государи, дѣлали то же самое, и знаменитый *Вѣнскій* конгрессъ (1814—1815) былъ ничто иное, какъ торгъ, гдѣ различныя вожделѣнія умѣрялись лишь столкновеніемъ противуположныхъ самолюбій. Карта Европы совершенно измѣнилась съ 1789 г., и Франція дорого поплатилась за свои широкія стремленія и за упоеніе своими успѣхами. Она заплатила за нихъ, во-первыхъ, земельными потерями, а во-вторыхъ, усиленіемъ враждебныхъ ей странъ, которыя были обновлены и просвѣщены ею.

Возвращенная къ границамъ 1789 г., она утратила всѣ выгоды, пріобрѣтенныя завоеваніями революціи, области, которыя дополняли ея естественныя границы, и даже *Савойю*. На сѣверѣ ея образовались королевства *Бельгія* и *Голландія*. Пруссія и Бавaрія раздѣлили между собою Рейнскія провинціи и угрожали ея сѣверной границѣ, коварно оставленной безъ защиты.

Прусское королевство увеличилось богатой Рейнской долиной, частью *Саксоніи*, *Помераніей* и пріобрѣло герцогство Познанское, составлявшее ея долю при раздѣлѣ Польши. Хотя между его владѣніями находились еще постороннія государства, но оно, тѣмъ не менѣе, простиралось отъ Мозеля до Нѣмана, господствуя надо всей Сѣверной Германіей. *Австрія*, получившая вновь свои прежнія провинціи, затѣмъ *Венецію и Ломбардію* въ Италіи, одна только могла служить противовѣсомъ Пруссіи. Германская имперія не была возстановлена, но замѣнена *Союзомъ*, видимо управлявшимся *сеймомъ*, а въ дѣйствительности Австріей и Пруссіей, вожделѣнія которыхъ взаимно уравновѣшивались,

Данія потеряла *Норвегію*, отданную Швеціи, и, благодаря нѣсколькимъ герцогствамъ, должна была войти въ составъ Германскаго союза, который вмѣсто того, чтобы ее защищать, лишилъ ее впослѣдствіи нѣкоторыхъ владѣній. Швейцарія увеличилась тремя кантонами, отдѣленными отъ земель, отнятыхъ у Франціи [1]).

Россія получила почти всю Польшу, и ея владѣнія вдвинулись грознымъ угломъ въ Германію.

Англія сохранила за собою владычество надъ морями.

Дѣйствія вѣнскаго конгресса смягчены были провозглашеніемъ новыхъ принциповъ: безсрочнаго нейтралитета Швейцаріи, которая не могла уже служить предметомъ ничьихъ вожделѣній, уничтоженія торговли неграми и признанія свободы плаванія по рѣкамъ.

Тѣмъ не менѣе, въ строѣ Европы 1815 г. было много несправедливаго и опаснаго для Франціи. Тогдашняя Европа, въ сравненіи съ 1789 г., отличалась невиданнымъ усиленіемъ Англіи и Россіи, большимъ единствомъ Германіи и болѣе тѣсной связью ея съ Пруссіей и Австріей, полнымъ уничтоженіемъ самостоятельности Польши, отступленіемъ Швеціи къ сѣверу, а Турціи къ югу, новой организаціей Швейцаріи и прекращеніемъ существо-

---

[1]) Невшатель, женевская территорія и Валисъ. Невшатель, впрочемъ былъ отданъ Пруссіи и признанъ независимымъ лишь въ 1857 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Сентябрь 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Публицистика. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Гигіена. — Учебная литература. — Новости иностранной литературы. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Ф. Львова. «Водоросли».—*Сара Грандъ.* «Небесные близнецы».

Новый сборникъ стихотвореній А. Д. Львовой. Водоросли. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к. Первый сборникъ стихотвореній г-жи Львовой намъ не знакомъ, но, познакомившись съ новымъ, мы объ этомъ ни мало не жалѣемъ. Правда, ея «Поэмы и пѣсни», какъ значится на обложкѣ, были удостоены поощрительной преміи Пушкина, но, какъ свидѣтельствуютъ теперь ея «Водоросли», г-жа Львова не оправдала надеждъ. Почему новый сборникъ нѣсколькихъ мелкихъ стихотвореній и большихъ не то драмъ, не то поэмъ, написанныхъ рубленой прозой съ хромыми риѳмами, названъ «Водоросли» — неизвѣстно. Есть ли это нѣкая поэтическая вольность, или подражаніе декадентамъ, любящимъ заглавія, ничего не выражающія, сказать не можемъ. Врядъ ли можетъ объяснить это и авторъ, который открываетъ свой сборникъ четверостишіемъ:

Пусть годы пронеслись, какъ волны въ бурномъ морѣ,
Они не тронули моей святой любви:
На днѣ души моей, она, въ глубокомъ горѣ,
Зарыла какъ въ пескѣ жемчужины свои!

Мы бы, поэтому, лучше озаглавили сборникъ г-жи Львовой такъ: «Жемчужины неутѣшной любви, вырытыя со дна души», или еще оригинальнѣе: «изъ песка души». Песку, дѣйствительно, достаточно, а еще больше воды, и лишь кое-гдѣ замѣтны проблески чего-то, намекающаго на искорки таланта. Мѣстами въ мелкихъ стихотвореніяхъ попадаются образныя выраженія, но сейчасъ же тонутъ въ массѣ банальностей, затасканныхъ эпитетовъ или натяжекъ, понадобившихся для соблюденія размѣра. Стихъ, вообще, не дается поэтессѣ, которая въ борьбѣ съ нимъ обнаруживаетъ больше храбрости и чисто дамской безцеремонности, чѣмъ таланта. Этими качествами въ особенности отличаются ея «поэмы», «драмы» и другія большія «стихотворенія». Напримѣръ, «Весной и осенью» начинается такъ:

Онъ очень молодъ былъ, она—еще моложе.
Имъ было весело вдвоемъ,
И если на любовь чуть-чуть, чуть-чуть похоже
Все это было, то потомъ
Все расплылося дѣтскимъ сномъ, и т. д.

Вся поэма написана подобнымъ дубовымъ стихомъ, гдѣ четырехстопные стихи постоянно чередуюся пяти, шести и даже семистопными. Подчасъ, когда не хватаетъ риѳмы, г-жа Львова и безъ нея обходится, ни мало не смущаясь предразсудкомъ, требующимъ, чтобы риѳмованные стихи всѣ имѣли риѳмы. Такъ, напр., въ длиннѣйшей поэмѣ, въ пять частей, «Марина Мнишекъ», Димитрій то и дѣло выражается такими стихами:

Тогда и Польшѣ, какъ подругѣ,
Самодержавный русскій царь
Протянетъ руку по заслугѣ.
За нашъ союзъ, за нашу славу!

Положимъ, къ слову «царь» очень трудно подыскать риѳму, но, вѣдь, и поощрительныя преміи даются не всякимъ поэтамъ, о чемъ слѣдовало бы помнить г-жѣ Львовой, чтобы не конфузить академію и не порочить памяти Пушкина. Что бы сказалъ онъ, прочитавъ такой стихъ:

... Но вдругъ,
Припоминая все, испугъ
Въ ея чертахъ изображался?

Пушкинъ былъ поэтъ предерзкій и обращался съ риѳмами очень свободно, но грамматику соблюдалъ строго, а паче всего здравый смыслъ, согласно которому *припоминать* испугъ не можетъ. Не сомнѣваемся, что ни Пушкинъ, ни академія не одобрили бы и такого стиха:

Цвѣты душистѣе, чѣмъ днемъ,
Въ тѣни аллей уединенныхъ,
Льютъ опьяняющій *аромъ*.

На этомъ *аромѣ* можно, пожалуй, и покончить съ новымъ сборникомъ стихотвореній г-жи Львовой.

Сара Грандъ. Небесные близнецы. Пер. съ англ. А. Гердъ. Т. I и II. Спб. 1896. Романъ Сары Грандъ «Небесные близнецы» пользуется большой извѣстностью въ Англіи. Имя автора, бывшее прежде совсѣмъ неизвѣстнымъ, стало сразу популярнымъ года четыре тому назадъ, когда появился въ печати романъ «Heavenly twins». Но причины успѣха романа не слѣдуетъ искать въ какихъ-либо особенныхъ его литературныхъ достоинствахъ. Романъ написанъ живо и занимательно, фабула полна разныхъ неожиданныхъ инцидентовъ, дѣйствующія лица говорятъ умныя рѣчи, но все это встрѣчается въ большинствѣ романовъ, ежегодно наводняющихъ книжный рынокъ въ Англіи. Если же Сара Грандъ обратила на себя особенное вниманіе, то это слѣдуетъ приписать, главнымъ образомъ, затронутой ею темѣ. «Небесные близнецы» — романъ, посвященный женскому вопросу, интересенъ же онъ потому, что отражаетъ любопытное общественное явленіе современной Англіи. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, англійскимъ женщинамъ стало доступно университетское образованіе и большинство свободныхъ профессій, и свободная самостоятельная жизнь женщины сдѣлалась обычнымъ явленіемъ, уже не шокирующимъ

англійскую упорность. Результатомъ этихъ измѣнившихся условій жизни и перемѣны въ общественномъ мнѣніи было то, что въ Англіи образовался новый типъ женщины—«новая женщина» (the new woman), какъ ее окрестили въ литературѣ и на сценѣ. Прежде всего, какъ это часто бываетъ, сатира подмѣтила новый общественный типъ и стала высмѣивать внѣшнія особенности «новой женщины», ея полумужской «нормальный костюмъ», свободныя манеры, клубныя привычки, энергичную манеру выражаться, словомъ, дѣлать изъ себя пародію мужчины; въ рѣдкой англійской комедіи, послѣднихъ лѣтъ отсутствуетъ этотъ комическій типъ, надоѣдающій, кромѣ того, въ юмористическихъ журналахъ и популярныхъ шансонеткахъ.

Но, конечно, не во внѣшней экстравагантности заключается особенность «новой женщины». Болѣе серьезныя черты отмѣчаютъ ея появленіе въ англійскомъ обществѣ, и онѣ должны были найти отраженіе въ литературѣ. Романъ Сары Грандъ принадлежитъ къ попыткамъ болѣе глубокаго отношенія къ психологіи современной англійской женщины. Авторъ стремится опредѣлить ея нравственную физіономію и ея отношеніе къ условіямъ окружающей жизни; не смотря на художественные недочеты романа, эта бытописательная сторона выступаетъ очень отчетливо, и «новая женщина» въ спеціально англійскомъ смыслѣ слова становится понятной въ характеристикѣ Сары Грандъ.

Въ романѣ Сары Грандъ намѣчена именно нравственная сторона освободительнаго женскаго движенія. Англійская женщина заинтересована въ настоящее время не законодательными реформами въ свою пользу—послѣднія совершаются спокойно сами собой; если же приходится ей бороться за свою личность, то эта борьба происходитъ преимущественно въ сферѣ семейныхъ и общественныхъ отношеній, въ стремленіи къ внутренней свободѣ, въ протестѣ противъ традиціоннаго обезличенія женщины. Такими поборницами проснувшагося женскаго самосознанія являются нѣсколько женщинъ, выведенныхъ Сарой Грандъ въ ея романѣ; все содержаніе послѣдняго иллюстрируетъ одну основную мысль: женщина и мужчина созданы одинаковыми; они «божественные близнецы», но жизнь ихъ сдѣлала врагами, постоянно стремящимися покорить одинъ другого, пользуясь одинъ своей силой, другая своимъ обаяніемъ. Женщина долго не понимала унизительности своего положенія, пользовалась внѣшнимъ преклоненіемъ мужчины передъ ея красотой и, не предъявляя никакихъ требованій къ нему, лишила свою личность всякой свободы, покоряясь желаніямъ и взглядамъ мужчины. Теперь, когда образованіе сравнило женщину съ мужчиной, у нея проснулось сознательное отношеніе къ себѣ; въ Англіи, въ тому же, открытіе университетовъ для женщинъ создало особое положеніе: въ среднемъ классѣ большинство женщинъ кончаютъ университеты и становятся культурнѣе мужчинъ своего круга; послѣдніе обыкновенно съ юности отдаются какому-нибудь практическому дѣлу, не интересуясь вопросами интеллектуальными. Вслѣдствіе этого очень часто встрѣчаются семьи, въ которыхъ жена въ идейномъ отношеніи выше мужа и ведетъ самостоятель-

ную духовную жизнь, какъ писательница или общественная дѣятельница, участвуетъ въ разныхъ ученыхъ и политическихъ обществахъ, между тѣмъ какъ мужъ ведетъ скромную жизнь дѣльца (business man), зарабатывающаго пропитаніе себѣ и семьѣ. Въ такомъ положеніи семьи никто не видитъ аномаліи, и женщина не считаетъ для себя унизительнымъ выйти замужъ за человѣка, стоящаго ниже ея по развитію, такъ же какъ прежде, и какъ теперь въ большинствѣ европейскихъ странъ мужчина не униженъ бракомъ съ женщиной, стоящей ниже его въ умственномъ отношеніи. Современная англійская женщина находитъ въ себѣ центръ своей жизни, и не нуждается въ мужской опорѣ для того, чтобы чувствовать себя сильной и свободной.

Такова психологія «новой женщины», о которой такъ много толкуютъ въ Англіи, и къ этой категоріи внутренно-свободныхъ женщинъ принадлежатъ описываемыя Сарой Грандъ. Героиня романа, Эвадна Фрелингъ, умная дѣвушка, дошедшая путемъ размышленій и серьезнаго чтенія до сознательнаго отношенія къ своимъ духовнымъ потребностямъ. Живя въ семьѣ, преисполненной предразсудковъ, она съумѣла отвоевать себѣ право на научныя занятія и выработала себѣ самостоятельное міросозерцаніе. Выйдя замужъ за человѣка, который ей нравился, она въ день свадьбы узнаетъ, что его прошлое далеко не такъ чисто, какъ ея собственное. Это рѣшаетъ ея жизнь—навлекая на себя гнѣвъ родныхъ, она отказывается быть женой обвѣнчаннаго съ нею маіора Колауна и устраиваетъ себѣ самостоятельную жизнь въ домѣ мужа, предоставляя ему, въ свою очередь, свободу. Живя сначала въ Игдіи, потомъ вернувшись въ Англію, Эвадна распространяетъ вокругъ себя особую атмосферу жизненной красоты, благодаря умѣнью бороться противъ условностей жизни искренностью поступковъ и чувствъ. Мужъ ея, возмущенный ея требованіями нравственной независимости, проникается постепенно уваженіемъ къ ней, и, начавши совмѣстную жизнь почти врагами, Эвадна и ея мужъ становятся товарищами жизни. Чтобы закончить романъ занимательной развязкой, авторъ заставляетъ маіора упасть съ лошади и умереть какъ разъ въ то время, когда у Эвадны просыпается настоящее чувство любви къ достойному ея привязанности человѣку. Поборница женскаго самоуваженія выходитъ вторично замужъ, уже сознательно относясь къ своему выбору; но этотъ конецъ придѣланъ авторомъ для большаго эффекта. Для основной идеи Сары Грандъ важно лишь то, что Эвадна одерживаетъ нравственную побѣду надъ своимъ первымъ мужемъ, показывая, что взаимныя требованія вступающихъ въ бракъ мужчины и женщины должны быть одинаковы; задача передовой женщины заключается, по убѣжденіе Сары Грандъ, въ протестѣ противъ ненормальныхъ условій семьи, противъ невѣдѣнія женщины, дѣлающей ее жертвой. Въ романѣ, кромѣ исторіи Эвадны, носительницы идей автора, выведено еще нѣсколько женщинъ, страдающихъ отъ своего пассивнаго подчиненія традиціямъ. Красавица Эдита выходитъ замужъ, увлекшись внѣшней привлекательностью молодого офицера, и кончаетъ сумасше-

ствіемъ, когда предъ ней обнаруживается истина относительно ея мужа.

Названіе романа, «Небесные близнецы», относится, главнымъ образомъ, къ самому замыслу автора, для котораго мужчина и женщина кажутся близнецами, съ одинаковыми природными задатками и различной судьбой. Внѣшнимъ образомъ эта идея иллюстрируется въ романѣ параллельной исторіей двухъ настоящихъ близнецовъ, брата и сестры, которыхъ въ дѣтствѣ иронически прозвали «небесными близнецами», за ихъ постоянныя шалости и оригинальныя выходки. Сестра Анжелика, черноволосая дикарка, многимъ умнѣе и даровитѣе своего братишки, бѣлокураго, нѣжнаго Дьяволо, подчиняющагося всѣмъ капризамъ сестры. Выходки этой занимательной парочки наполняютъ половину романа и разсказаны съ большимъ юморомъ. Дальнѣйшая исторія дѣтей, Анжелики и Дьяволо, служитъ опять-таки матеріаломъ для освѣщенія женской психологіи новѣйшаго типа и очень интересно рисуетъ внутренній бытъ англійскаго общества, закулисную политическую роль женщины, умственное развитіе женщины и т. д.

ПУБЛИЦИСТИКА.

К. Вагнеръ. «Простая жизнь».—*Рено.* «О героизмѣ».

К. Вагнеръ. Простая жизнь. Пер. съ французскаго С. Леонтьевой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Есть простота—хуже воровства. Обыкновенно эту пословицу примѣняютъ въ случаѣ, когда приходится платиться боками за чужую простоту, хотя бы она была самая настоящая, неподдѣльная, въ родѣ простоты той старушки, что съ благочестивой молитвой подложила вязанку дровъ въ костеръ Гуса. Эту пословицу придумали русскіе люди, которымъ въ особенности часто приходится провѣрять ее на своихъ бокахъ. И какъ ни дорого обходится *простота* русскому человѣку, какъ ни часто вспоминаетъ онъ вышеприведенную пословицу, онъ любитъ простоту не только свою, но и чужую, и всегда радъ позаимствоваться ею. Только этой любовью и можно объяснить появленіе въ русскомъ переводѣ сочиненія Н. Вагнера «Простая жизнь».

Французскій проповѣдникъ умѣренности и аккуратности сводитъ всѣ грѣхи современной жизни къ недостатку простоты. «Стремиться къ простотѣ жизни,—говоритъ онъ,—значитъ стремиться къ выполненію высшаго человѣческаго назначенія». Такъ просто разрѣшается вѣковѣчный вопросъ, надъ которымъ человѣчество до сихъ поръ напрасно ломало голову. Понятно, такое смѣлое заявленіе привлечетъ къ книгѣ всякаго, кому дорого постиженіе человѣческой судьбы. «Живешь, живешь а позвольте спросить—зачѣмъ?» — уныло вопрошаетъ одинъ изъ мятущихся героевъ Глѣба Успенскаго. Поучимся же у К. Вагнера, открывшаго секретъ жизни, суть которой, по его словамъ, заключается въ простотѣ.

Къ опредѣленію своего секрета авторъ подступаетъ отрицательнымъ методомъ, живописуя всѣ невзгоды, проистекающія отъ житейскихъ осложненій, которыми мы, рабы привычки и житейскихъ требованій, окружены съ колыбели. Съ трогательнымъ сокрушеніемъ онъ возмущается при видѣ молодой пары, заботами объ обстановкѣ будущей совмѣстной жизни заслоняющей себѣ дорогу къ истиннымъ, настоящимъ радостямъ, и вмѣстѣ съ благоразумной бабушкой Вагнеръ восклицаетъ: «Положительно, дѣти мои, свѣтъ становится слишкомъ мудренъ, и отъ этого людямъ живется не легче, а наоборотъ!..»

Такое начало философіи простоты сразу раскрываетъ карты французскаго проповѣдника. Предъ нами одинъ изъ образчиковъ французской буржуазной моралистики, съ ея сентиментальными вздохами и ребячьими восторгами при видѣ ручейка, муравы, птичекъ и прочаго, со временъ Руссо утвердившагося пейзажа «природы», неизмѣнно исторгающаго слёзы умиленія у каждаго рантьера. Онъ всегда готовъ вздохнуть объ естественной простотѣ и послѣ хорошаго обѣда пофилософствовать на тему Фамусова: «ѣшь три часа, а въ три дня не сварится!»—и тутъ же, какъ Щедринскій Іудушка, сокрушенно разводить безконечные разговоры о томъ, много ли человѣку нужно? Увы, увы!—продолжаетъ онъ сокрушаться: «Вслѣдствіе необходимой послѣдовательности закона, опредѣляющаго наростаніе потребностей по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, чѣмъ больше человѣкъ имѣетъ, тѣмъ больше ему нужно». Отсюда мудрый совѣтъ по адресу тѣхъ, кто ничего не имѣетъ: не завидуйте имущимъ, ибо «чѣмъ больше обезпеченъ ихъ завтрашній день, съ точки зрѣнія обыденнаго здраваго смысла, тѣмъ болѣе они осуждены на заботу о средствахъ къ существованію для себя и своихъ дѣтей, объ устройствѣ ихъ и ихъ потомства».

Раздѣлавшись съ осложненіями жизни, Вагнеръ приступаетъ къ коренному вопросу своей философіи,—что же такое простота въ принципѣ? «Простота—свойство ума». Если это недостаточно ясно, то вотъ развитіе главной темы: «Человѣкъ простъ тогда, когда его главную заботу составляетъ желаніе быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. человѣкомъ». Каждому, разъясняетъ онъ далѣе, даны отъ природы разные матеріалы, одному золото, другому мраморъ, большинству глина, и пусть каждый старается обработать свой, не покушаясь на сосѣда. Таковъ вѣчный порядокъ, и простота жизни въ томъ и заключается, чтобы его не нарушать. «Коли тебя Богъ убилъ, такъ ты сиди и молчи!»—говоритъ другой герой Гл. Успенскаго, и не подозрѣвая, что французъ Вагнеръ написалъ въ доказательство его простой мысли цѣлую книгу, удостоенную академической преміи. И вѣдь правъ Вагнеръ, кто что ни говори! Какъ все будетъ благополучно, если каждый будетъ сидѣть и молчать, «выполняя свое назначеніе», по словамъ Вагнера.

Эта безхитростная, простая философія должна умиротворяющимъ бальзамомъ воздѣйствовать на души, мятущіяся въ исканіи своего назначенія. Только злобствующіе эгоисты могутъ возста-

вать противъ такихъ предписаній, которыя ведутъ къ усладамъ простой жизни: «чиновникъ — служи, купецъ — торгуй, мужикъ— изыскивай средства пропитанія». Такъ въ высшемъ рѣшено совѣтѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ нашъ глубокомысленный философъ. «Блаженъ, кто малымъ доволенъ», продолжаетъ онъ далѣе, и не подозрѣвая, что мы это еще со временъ Кантемира знаемъ. Но если бы мы и уличили его въ повтореніи задовъ, онъ ни мало не смутился бы. «Вѣчны только простыя истины. Новизна, въ концѣ концовъ, мимолетна» (стр. 27),—вотъ его неотразимый аргументъ. А ваши стремленія къ исканію новыхъ истинъ свидѣтельствуютъ только о болѣзненномъ направленіи умовъ. «Здравый смыслъ!—восклицаетъ онъ съ горечью,—не находите ли вы, что то, что́ носитъ это названіе, становится такой же рѣдкостью, какъ добрые обычаи стараго времени?»

Вѣрь, люби и надѣйся,—съ паѳосомъ проповѣдуетъ Вагнеръ, и «самая наивная надежда ближе къ истинѣ, чѣмъ самое разумное отчаяніе». Такими глубокими мыслями переполнена книга Вагнера, и ужъ, конечно, не мы станемъ возражать на нихъ. Все это вѣрно, но не слышится ли въ нихъ отголосокъ той житейской пошлости, которая, какъ тина, засасываетъ всякій живой порывъ, страстное стремленіе къ высшимъ запросамъ жизни, къ идеалу? Вагнеръ расплывается въ описаніи неописуемыхъ красотъ вѣры, любви и надежды, забывая, что еще за двѣ тысячи лѣтъ до него это было сдѣлано и сдѣлано такъ, что добавить тутъ ничего не приходится. Съ наивностью буддиста, вѣрующаго, что тысячекратнымъ повтореніемъ слова «омъ» можно достигнуть вѣчнаго блаженства, онъ твердитъ: «простота, доброта, любовь», и думаетъ, что этимъ сказано все. Но въ вѣрѣ буддиста, какъ она ни наивна, скрывается безсознательно подмѣченный психологическій фактъ, что монотонное повтореніе простыхъ звуковъ погружаетъ душу въ какой-то смутный сонъ, близкій къ нирванѣ, и для бѣдной примитивной души какого-либо азіата этого довольно, чтобы свято увѣровать въ чарующую силу слова. Совсѣмъ не то представляетъ духъ европейца, вышедшій уже изъ стадіи единичнаго существованія и давно вошедшій въ періодъ общественной жизни, гдѣ единица движется, дѣйствуетъ, думаетъ, чувствуетъ подъ вліяніемъ общественно-психическихъ законовъ, вырвать изъ-подъ власти которыхъ ее ничто не можетъ.

Вагнеръ слишкомъ европеецъ, чтобы не знать этой истины, что человѣкъ—общественное существо. Онъ отмѣчаетъ вліяніе общественныхъ силъ, но борьбу ихъ и ея послѣдствія онъ думаетъ уладить слащавымъ воззваніемъ къ совѣсти людей. «Будьте правдивы и искренни»,—говоритъ онъ и рисуетъ изнанку лжи. Когда изобрѣли книгопечатаніе, всѣ искренно вѣрили, что наступила эра общаго просвѣтленія. Но, восклицаетъ Вагнеръ, что же оказалось? «Софисты, риторы, клеветники и всѣ краснобаи, умѣющіе лучше кого бы то ни было владѣть словомъ и перомъ, широко воспользовались всѣми способами для распространенія своихъ мыслей. Что же изъ этого происходитъ? Что нашимъ современникамъ непомѣрно трудно узнать правду о своемъ времени и своихъ дѣ-

лахъ». Это замѣчаніе проповѣдника простоты лучше всего показываетъ, съ какимъ немудрымъ философомъ мы имѣемъ дѣло. Почему, лишь только дѣло коснулось печати, выступили на первый планъ «софисты, риторы, клеветники и краснобаи»? Можно бы подумать, что эти «изверги естества» монополизировали печать, вытѣснивъ праведныхъ и мудрыхъ Вагнеровъ. На дѣлѣ это, конечно, не такъ, и въ печати мѣсто для всѣхъ, какъ и въ жизни, которую печать отражаетъ, какъ въ зеркалѣ. Добро и зло, ложь и правда, любовь и ненависть причудливо перемѣшаны въ печати, которая никакой особой миссіи не имѣетъ и энергично отбивается отъ навязыванія ей какихъ бы то ни было миссій, являясь просто однимъ изъ орудій, которыми дѣйствуютъ общественныя силы въ житейской борьбѣ. Я, пишущій эти строки, и Вагнеръ, можемъ вообразить, что каждый изъ насъ имѣетъ свою миссію, которую онъ плохо или хорошо исполняетъ, прибѣгая къ перу, какъ прибѣгаетъ къ живому слову. Можно ли говорить, что членораздѣльная рѣчь, слово, имѣетъ миссію? Когда же заходитъ рѣчь о печати, всѣ Вагнеры въ одинъ голосъ требуютъ, чтобы она исполняла миссію, причемъ каждый изъ нихъ въ простотѣ сердечной навязываетъ ей свою собственную и въ гнѣвѣ вопитъ, какъ нашъ авторъ: «Прочь фальшивыхъ монетчиковъ, спекуляторовъ, подозрительныхъ финансистовъ, потому что они заставляютъ сомнѣваться даже въ настоящихъ деньгахъ. Прочь фальшивыхъ монетчиковъ пера, потому что они дѣлаютъ то, что мы никому и ничему не вѣримъ, а цѣну всего написаннаго и сказаннаго равняемъ со стоимостью кредитныхъ билетовъ шутовского банка» (стр. 48). «А судьи кто?» — въ правѣ спросить «фальшивые монетчики пера», обращаясь къ строгому г. Вагнеру. Если онъ самъ, то они еще могутъ съ нимъ поспорить, чья «монета» полновѣснѣе и чище,—его ли «простота» съ весьма подозрительнымъ запахомъ «добраго стараго времени», или ихъ свобода, съ которою они позволяютъ себѣ трактовать «de omne re scibili et quibusdam aliis» *), не отказывая и своимъ критикамъ въ подобной же свободѣ?

Порѣшивъ съ печатью, Вагнеръ столь же просто раздѣлывается и со всѣмъ остальнымъ. Не надо «прекрасныхъ словъ»: въ нихъ скрывается «прелесть эллинская». Не надо расширять потребностей, питать выспреннихъ желаній,—словомъ, всего, что мѣшаетъ жить по-просту, безъ затѣй. Жизнь не теорія. Къ чему лишнія размышленія о долгѣ, обществѣ, свободѣ? Будемъ просты, какъ дѣти, а остальное все приложится. «Мы увлекаемся человѣчествомъ, общественнымъ благомъ, отдаленными невзгодами, и проходимъ жизненный путь съ глазами, устремленными на чудесные предметы, плѣняющіе нашъ взоръ на линіи горизонта, и не замѣчаемъ того, что наступаемъ на ноги прохожимъ или толкаемъ ихъ локтями». Будемъ же смотрѣть подъ ноги, дабы не уподобиться греческому философу, который, засмотрѣвшись на звѣзды, попалъ въ яму.

---

*) «Обо всемъ познаваемомъ, а также и о прочемъ».

Вотъ и вся суть философіи чистенькаго, благообразнаго, аккуратнаго французика, въ высшей степени довольнаго собой и всѣмъ окружающимъ. Если же кто недоволенъ его книгой, то ужъ это не вина автора, который съ справедливымъ негодованіемъ готовъ возразить: «нужно заранѣе проникнуться очень дурными побужденіями, чтобы избрать иное направленіе», т. е., поясняетъ онъ далѣе, заниматься не тѣмъ, что его касается, а, напр., вмѣсто того, чтобы смиренно читать «Простую жизнь» Вагнера, критиковать ее.

Арманъ Рено. Героизмъ. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. С.-Петербургъ. 1896 г. Ц. 1 р. Карлейль, ярый проповѣдникъ «героизма» въ исторіи, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія («Герои и героическое въ исторіи»), между прочимъ, говоритъ: «Всемірная исторія—исторія того, что человѣкъ совершилъ въ этомъ мірѣ, есть, по моему разумѣнію, въ сущности исторія великихъ людей, потрудившихся здѣсь на землѣ. Они, эти великіе люди, были вождями человѣчества, образователями, образцами, и, въ широкомъ смыслѣ, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотѣла достигнуть; все, содѣянное въ этомъ мірѣ, представляетъ, въ сущности, внѣшній матеріальный результатъ, практическую реализацію и воплощеніе мыслей, принадлежавшихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ этотъ міръ. Исторія этихъ послѣднихъ составляетъ, по истинѣ, душу всей міровой исторіи». Понимать такъ исторію будетъ, безъ сомнѣнія, односторонне, и въ этомъ отношеніи согласиться съ Карлейлемъ безусловно нельзя; зато нельзя не признать справедливости слѣдующаго его замѣчанія по поводу такъ-называемыхъ великихъ людей. «Великіе люди,—говоритъ онъ,—какимъ бы образомъ мы о нихъ ни толковали, всегда составляютъ крайне полезное общество. Даже при самомъ поверхностномъ отношеніи къ великому человѣку мы все-таки выигрываемъ кое-что отъ соприкосновенія съ нимъ. Онъ—источникъ жизненнаго свѣта, близость котораго всегда дѣйствуетъ на человѣка благодѣтельно и пріятно. Это —свѣтъ, озаряющій міръ, свѣтъ, освѣщающій тьму міра; это—не просто вознесенный свѣтильникъ, а, скорѣе, природное свѣтило, сіяющее, какъ даръ неба, источникъ природной, оригинальной прозорливости, мужества и героическаго благородства, распространяющій всюду свои лучи, въ сіяніи которыхъ всякая душа чувствуетъ себя хорошо». Если это такъ, если «великіе люди составляютъ крайне полезное для насъ общество», то несомнѣнно, что и разсматриваемая нами книжка Рено будетъ далеко не безполезна.

Рено напоминаетъ намъ о томъ, что въ другія эпохи и другіе люди жили иною жизнью, чѣмъ мы, ставили иныя задачи, преслѣдовали другія цѣли: эти люди умѣли отрѣшаться отъ узко-эгоистическихъ побужденій и безбоязненно умирать за правду. Таковы герои Греціи и Рима, которымъ въ книгѣ отведено почетное мѣсто.

Средніе вѣка, эта мрачная эпоха деспотизма, суевѣрія и всякихъ жестокостей, казалось, должны были бы въ самомъ заро-

дышѣ губить все свободолюбивое, свѣтлое и гуманное; казалось, въ эти времена было невозможно появленіе на сценѣ всемірной исторіи «героевъ», «борцовъ и мучениковъ» за благо и независимость народную. Къ счастью для человѣчества это было далеко не такъ, даже гораздо болѣе: какъ бы въ насмѣшку надъ господствомъ всемогущаго кулака, мрачныхъ застѣнковъ, костровъ и другихъ орудій пытки и проявленій всякаго рода нетерпимости, въ средніе вѣка впервые начали раздаваться голоса въ защиту равенства, свободы и братства. Правда, сначала эти голоса раздавались только въ четырехъ стѣнахъ монашеской кельи или убогой лачужки какого-нибудь идеалиста-мечтателя, «алхимика»; потомъ они уже слышались въ дружескихъ компаніяхъ, отсюда перешли въ пестрыя собранія людей разнаго званія и состоянія; наконецъ, они огласили собою улицы и площади многолюдныхъ городовъ. Напрасно деспотизмъ пытался остановить это новое и опасное для него движеніе, напрасно іезуитская изворотливость изощрялась въ придумываніи какихъ либо дьявольскихъ средствъ заглушить голосъ ненавистныхъ имъ проповѣдниковъ правды и истины—движеніе все росло и росло, и народъ постепенно освобождался отъ тѣхъ путъ и оковъ, въ которыхъ онъ томился предъ этимъ цѣлыя тысячелѣтія. Въ настоящее время уже никого не удивишь мыслью, что сѣмена «возрожденія и реформаціи» были брошены задолго до того момента, когда они вылились въ *народное* движеніе.

Вообще, книжка Рено можетъ оказать самое благотворное вліяніе на русскую читающую публику, особенно на юношество, для котораго она и написана. Весьма жаль только, что въ эту бочку меду какая-то неумѣлая рука подлила ложку дегтю,—такое дѣйствіе, по нашему мнѣнію, производитъ послѣдняя глава о «русскомъ героизмѣ», приложенная русскимъ переводчикомъ и совершенно не гармонирующая со всѣмъ содержаніемъ книжки.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Куно-Фишеръ. «Артуръ Шопенгауэръ». — *Джемсъ.* «Психологія». — *Компэре.* «Умственное и нравственное развитіе ребенка».

Куно-Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ, Перев. съ нѣмецкаго подъ ред. В. П, Преображенскаго. М. 1896 (Изд. Моск. Псих. Общества). Обыкновенно при имени Шопенгауэра каждому читателю приходитъ въ голову мыслитель, творецъ пессимизма, скорбнаго міровоззрѣнія, которое нашло сочувственный откликъ въ сердцахъ очень многихъ.

Но Шопенгауэръ великъ не только тѣмъ, что создалъ пессимистическую философію,—онъ оказалъ могучее воздѣйствіе на развитіе самой нѣмецкой философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, и общеевропейской. Онъ оказалъ воздѣйствіе на извѣстныхъ нѣмецкихъ художниковъ: Захеръ-Мазоха, Гамерлинга, Готшалля, Рихарда Вагнера и др. Ему нужно приписать окончательное низвер-

женіе послѣ-кантовскаго идеализма и возвратъ къ Канту, который получилъ свое выраженіе въ извѣстной фразѣ Кантіанца Либмана: «и такъ нужно воротиться къ Канту», что имѣло весьма важное значеніе для утвержденія позитивизма въ современной философіи. Теорія познанія Шопенгауэра оказала сильное воздѣйствіе на Ф. А. Ланге, извѣстнаго автора «Исторіи матеріализма», такъ какъ субъективный идеализмъ Шопенгауэра въ скоромъ времени преобразился въ *критическій*, который, можно сказать, въ настоящее время является въ Германіи господствующимъ. Возвращеніе къ Канту имѣло то важное значеніе, что способствовало успѣху борьбы съ вульгарнымъ матеріализмомъ, такъ какъ въ философіи Канта знаменитые натуралисты: Рокитанскій, Фиккъ, Гельмгольцъ, Целльнеръ заимствовали матеріалы для построенія идеалистической теоріи познанія. Шопенгауэръ былъ первый, который въ новѣйшее время указалъ на роль интеллектуальной дѣятельности въ чувственномъ созерцаніи, и это положеніе очень долго держалось въ современной физіологіи. Философскія идеи Шопенгауэра не остаются безъ вниманія и въ самые послѣдніе дни. Какъ извѣстно, по системѣ Шопенгауэра сущность міра есть *воля*, существенная сторона психической жизни есть воля. Та же самая идея лежитъ въ основѣ двухъ современныхъ оригинальныхъ философскихъ системъ, именно, Вундта и Паульсена.

Такое значеніе Шопенгауэра даетъ намъ право думать, что каждый читатель заинтересуется его системой и пожелаетъ ознакомиться съ нею ближе. Изложеніе системы Шопенгауэра Куно-Фишеромъ, знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ философіи, даетъ къ тому очень удобный случай. Блестящее изложеніе въ прекрасномъ переводѣ—это очень рѣдкое явленіе въ нашей литературѣ. Куно-Фишеръ, какъ это онъ всегда дѣлалъ по отношенію къ другимъ философскимъ системамъ, излагаетъ *генетически*, въ связи съ біографическими данными, Шопенгауэровскую теорію познанія, метафизику и этическую систему, и, что при этомъ для читателя имѣетъ особенную важность, въ главахъ 19-й и 20-й онъ предлагаетъ критику системы Шопенгауэра.

Онъ упрекаетъ Шопенгауэра въ совершенномъ отсутствіи у него историческаго знанія и оцѣнки фактовъ (въ обсужденіи религіи и философіи). Такъ какъ «въ кантовскомъ ученіи эволюціонно-историческое воззрѣніе на міръ не только установлено и признано необходимымъ, но и проведено въ рядѣ высоко-замѣчательныхъ сочиненій по натурфилософіи и философіи исторіи», то Куно-Фишеръ не соглашается съ тѣмъ, что Шопенгауэръ былъ «единственнымъ и законнымъ наслѣдникомъ кантовскаго престола, потому что въ теченіе всей своей жизни онъ отрицалъ то, что Кантъ въ теченіе всей своей жизни утверждалъ».

Шопенгауэръ, какъ извѣстно, отказывалъ исторіи во всякомъ философскомъ значеніи и вообще въ научной цѣнности. «То, что разсказываетъ исторія, это, по его мнѣнію, долгій, тяжелый сбивчивый сонъ человѣчества». Такъ же ничтожна, какъ всемірная исторія, и философія исторіи. Но, какъ указываетъ Куно-Фишеръ въ другомъ мѣстѣ, Шопенгауэръ судитъ иначе. Онъ находитъ,

что міровая исторія относится къ человѣчеству, какъ разумъ къ индивидууму, на исторію можно смотрѣть какъ на разумъ или разумное сознаніе человѣчества.

Такое же противорѣчіе и во всей его системѣ. Его система есть *монистическая* система развитія; всеединое—это воля, развитіе заключается въ іерархической лѣстницѣ міра, въ ступеняхъ міра, которыя Шопенгауэръ назвалъ объективаціями воли. Эти ступени міра—*непреходящіе* типы, вѣчныя, безвременныя (платоновскія) идеи. Но, съ другой стороны, у Шопенгауэра оказывается, что порядокъ міровой постепенности образуетъ временную послѣдовательность, ибо высшія ступени *возникаютъ* изъ низшихъ посредствомъ борьбы силъ.

Очень любопытное противорѣчіе Куно-Фишеръ находитъ въ теоріи познанія Шопенгауэра. Время, пространство и причинность не объекты представленія, а (какъ было и у Канта) *формы* представленія, формы чувственно созерцающаго интеллекта, который есть функція мозга. Поэтому, Шопенгауэръ называетъ міръ, какъ представленіе, мозговымъ феноменомъ. Интеллектъ и мозгъ у Шопенгауэра тожественны: они относятся между собою какъ функція и органъ. Время и пространство находятся только въ мозгѣ. А самый мозгъ? Онъ, со всѣмъ къ нему относящимся и со всѣми своими условіями, находится во времени и пространствѣ. Здѣсь ложный кругъ очевиденъ.

Воля, проявленіе которой есть міръ, не зависитъ отъ времени, пространства и причинности; она поэтому всеедина, безпричинна, лишена познанія и слѣпа; она недѣлима, поэтому не раздѣлена и содержится вся въ каждомъ явленіи. Такъ какъ воля безвременна, то она исключаетъ изъ себя всякое *измѣненіе* и не должна поэтому обозначаться, какъ влеченіе, стремленіе, такъ какъ эти слова обозначаютъ *процессъ*, который, какъ таковой, заключаетъ въ себѣ характеръ измѣнчивости. А между тѣмъ, мы должны пользоваться этими обозначеніями, если пожелаемъ объяснить возникновеніе міра.

Точно также Куно-Фишеру не трудно было отыскать противорѣчія въ его пессимистической теоріи.

Но не смотря на всѣ эти и другія противорѣчія, отъ которыхъ не свободны и другія философскія системы, интересъ къ изученію системы Шопенгауэра не умаляется.

Джэмсъ. Психологія (Text Book of Psychology). Пер. съ англійскаго И. И. Лапшина. Спб. 1896. Джэмсъ, американскій психологъ, профессоръ бостонскаго университета. Въ 1890 году вышло его двухтомное сочиненіе: «Основанія психологіи», и онъ послѣ этого тотчасъ же занялъ первенствующее мѣсто среди современныхъ психологовъ. Разбираемое сочиненіе есть сокращенное изложеніе этого большого труда, которое Джэмсъ предпринялъ съ тою цѣлью, чтобы «дать учебникъ психологіи, годный для классnаго употребленія»; правда, сокращеніе это сдѣлано съ довольно значительными видоизмѣненіями и дополненіями. Мы не считаемъ возможнымъ предложить подробнаго изложенія его взглядовъ (часто очень оригинальныхъ) на отдѣльные вопросы, но за то считаемъ необ-

ходимымъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ направленіи его психологіи.

По общепринятому дѣленію существуетъ психологія *метафизическая* и *эмпирическая*. Психологія Джэмса есть собственно эмпирическая. Психологія, по его мнѣнію, есть наука, занимающаяся *описаніемъ* и *истолкованіемъ состояній сознанія*, какъ таковыхъ. Психологія должна разрабатываться какъ *естественная наука*. Психическія явленія не могутъ изучаться надлежащимъ образомъ. независимо отъ физическихъ условій познаваемаго міра. Это вполнѣ хорошо характеризуетъ психологію Джэмса, которая излагается у него по естественно научному методу и значительная часть которой посвящена вопросамъ, смежнымъ съ физіологіей. Но при всемъ томъ читатель не долженъ думать, что Джэмсъ совершеннно отвергаетъ законность метафизики, которую онъ весьма оригинально описываетъ, «какъ необычайно упорное стремленіе къ ясности и послѣдовательности въ мышленіи». Есть проблемы, которыя не находятъ себѣ мѣста въ психологіи, разрабатываемой по естественно-научному методу. Въ такой психологіи состоянія сознанія, напр., принимаются за непосредственно данныя опыта. вопросъ же о томъ, какъ порождаются состоянія сознанія или, другими словами, въ какомъ отношеніи находится мысль къ дѣятельности мозга, есть вопросъ метафизики. Одни предполагаютъ, что состоянія сознанія и состоянія мозга суть внутренняя и внѣшняя сторона одной и той же реальности. Другіе видятъ въ состояніи сознанія реакцію нѣкоторой единой сущности «души» на множество воздѣйствій на нее со стороны мозга. Третьи полагаютъ, что тайну взаимодѣйствія души и тѣла можно разгадать, если предположить, что каждая мозговая клѣточка одарена особымъ сознаніемъ и что эмпирически данное состояніе нашего сознанія есть результатъ сліянія множества отдѣльныхъ сознаній въ одно, такъ же, какъ, съ другой стороны, нашъ мозгъ представляетъ совокупность множества нервныхъ клѣтокъ. Это — точки зрѣнія: *монистическая*, *спиритуалистическая* и *атомистическая*. Джэмсъ считаетъ состоятельной только лишь третью теорію. Далѣе, «называя психологію естественной наукой, мы не должны думать,— говоритъ Джэмсъ,—что у насъ рѣчь идетъ о наукѣ, установленной на прочномъ незыблемомъ основаніи. Наоборотъ, называя психологію естественной наукой, мы хотимъ сказать, что она въ настоящее время представляетъ простую совокупность отрывочныхъ эмпирическихъ данныхъ и что коренныя основы этой психологіи, ея первичныя данныя, должны быть обслѣдованы съ болѣе широкой точки зрѣнія и представлены въ совершенно новомъ свѣтѣ. Другими словами, названіе естественной науки указываетъ на то, что психологія обладаетъ всѣми несовершенствами чисто эмпирической науки, и не должно вызывать въ психологахъ наивной увѣренности въ цвѣтущемъ состояніи изучаемой ими области». Психологія, напр., не имѣетъ ни одного *закона* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ это слово въ области физическихъ явленій, ни одного положенія, изъ котораго могли бы быть выведены слѣдствія чисто-дедуктивнымъ путемъ. Джэмсъ надѣется.

что и въ психологіи найдется свой Галилей или Лавуазье, который совершенно ее преобразуетъ и приведетъ ее къ тому относительному совершенству, которымъ обладаютъ физическія знанія.

Книга Джэмса, собственно, представляетъ учебникъ, написанный сжато и точно. Кто не боится тщательнаго изученія, тотъ найдетъ въ ней очень много поучительнаго матеріала. Кромѣ того, такъ какъ книга Джэмса содержитъ много взглядовъ, совершенно отличныхъ отъ общепринятыхъ, то читатель, уже знакомый съ психологіей, найдетъ много случаевъ для самостоятельной работы мысли.

Книга переведена вполнѣ удовлетворительно.

Компэре. Умственное и нравственное развитіе ребенка. Перев. С. Исаевой и Л. Макухиной. Спб. 1896. Въ послѣднее время психологія ребенка все больше и больше привлекаетъ вниманіе психологовъ, и легко понять, почему: наблюденія надъ психической жизнью ребенка являются однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ психологической науки. Что можетъ быть цѣннѣе для психологіи, какъ не возможность прослѣдить за ростомъ и послѣдовательнымъ измѣненіемъ извѣстной способности? И не даромъ такіе выдающіеся ученые, какъ Дарвинъ, Куссмауль, Прейеръ, Тэнъ и др. отдавались изученію этихъ явленій. Ихъ наблюденія обогатили психологію, въ особенности классическое сочиненіе *Прейера «О душѣ ребенка»*, которое, къ сожалѣнію, появилось на русскомъ языкѣ только въ неполномъ видѣ и о которомъ можно получить представленіе по другому сочиненію самого же Прейера (именно «Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ». Спб. 1894. Пер. П. Каптерева).

Но значеніе психологіи ребенка не ограничивается однимъ лишь *теоретическимъ* интересомъ, въ ней заключается еще важный *практическій* интересъ. Теорія воспитанія въ наблюденіяхъ надъ жизнью ребенка находитъ болѣе или менѣе твердую опору для своихъ построеній. Родители и воспитатели, ознакомившись съ этими фактами, будутъ въ состояніи воспользоваться ими не только прямо для цѣлей воспитанія, но тамъ, гдѣ это окажется невозможнымъ, для болѣе сознательнаго отношенія къ психологической жизни ребенка.

Обширная литература этого вопроса, въ послѣднее время обогатившаяся изслѣдованіями проф. Сикорскаго, Болдуина, Джэмса, Селли, разбросана въ различныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Чувствовалась необходимость въ какомъ-либо популярномъ сводѣ этихъ наблюденій. Это мы имѣемъ въ настоящее время въ разбираемой нами книгѣ. Здѣсь тщательно собранъ матеріалъ о развитіи зрѣнія, слуха, обоняніе и осязанія, о первыхъ эмоціяхъ ребенка и способахъ ихъ выраженія, о памяти и различныхъ видахъ воображенія, о томъ, какъ ребенокъ учится говорить, о развитіи его нравственнаго чувства, о недостаткахъ и хорошихъ качествахъ дѣтей. Популярное изложеніе, снабженное массою примѣровъ, дѣлаетъ книгу очень интересной для чтенія. Жаль только, что переводъ въ очень многихъ мѣстахъ искажаетъ смыслъ текста. По обыкновенію неопытныхъ переводчиковъ вмѣсто «представленіе»,

употребляется терминъ «понятіе» (напр., стр. 18, 35, 42, 190). Переводчицы не знали различія между такими понятіями, какъ «произвольный» (volontaire) и «самопроизвольный» (spontané) = непроизвольный, и потому употребляютъ эти термины какъ попало, часто съ противоположными значеніями (напр., стр. 19). Часто употребляются термины непонятныя, напр., стр. 10—«Новорожденное—существо хребтовое» (?); стр. 7 — «генерація» вм. рожденіе; стр. 15 — «нравственный» вм. «сознательный»; стр. 23— «умственное понятіе» (!); стр. 35—«ощущеніе агрессивной руки» (?); стр. 33 — «сила зрѣнія коротка», вм. «близорукость»; стр. 40 — «методъ клички» (?), и т. п.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

М. А. Мензбиръ. «Историческій очеркъ воззрѣній на природу». — *В. Оствальдъ.* «Научныя основанія аналитической химіи».

Проф. М. А. Мензбиръ. Историческій очеркъ воззрѣній на природу. 2-й № «Вопросовъ науки, искусства, литературы и жизни». Москва. 1896. Изд. книжн. магазина Гросманъ и Кнебель. Ц. 25 к. Такіе очерки, какъ очеркъ г. Мензбира, особенно цѣнны и кажутся намъ особенно желательными для читателей, стремящихся къ самообразованію. Въ текущей журналистикѣ, въ большинствѣ случаевъ, не помѣщаютъ систематическихъ научныхъ хроникъ, и отдѣльныя статьи по научнымъ вопросамъ разбросаны по многимъ общимъ и спеціальнымъ журналамъ; поэтому, слѣдить за современнымъ ходомъ научной мысли чрезвычайно трудно для русскаго читателя, интересующагося движеніемъ науки. Помочь ему въ стремленіи держаться на уровнѣ этого движенія тѣмъ болѣе важно, что ему приходится, въ настоящее время, бороться съ силами, отвлекающими его отъ науки и пытающимися заманить его въ области противуположныя. При всей сжатости своего объема, брошюра г. Мензбира съ большимъ искусствомъ, которое можетъ быть достояніемъ только истинныхъ знатоковъ дѣла, рисуетъ возникновеніе и смѣну идей въ области науки о природѣ. Изъ нея читатель узнаетъ, что еще греческіе мудрецы и римскіе мыслители стояли близко къ рѣшенію основныхъ задачъ этой науки,— рѣшенію, составляющему славу нашего вѣка. Демокритъ изложилъ начала атомистической теоріи, Эпикуръ училъ, что природа управляется самостоятельными, вѣчными законами, а Лукрецій доказывалъ, что матерія не разрушима. Однако, человѣческому уму не легко было идти путемъ этихъ правильныхъ научныхъ воззрѣній, такъ какъ онъ слишкомъ еще былъ переполненъ первобытнымъ взглядомъ на природу и миѳическими представленіями. И много разъ, въ теченіе своей исторіи, онъ покидалъ путь прямого изслѣдованія природы наблюденіемъ и опытомъ и шелъ за софистами, которые умѣли только «критиковать сдѣланное не ими и не въ силахъ были произвести что-нибудь собственное». Именно, софисты и мистики вредили развитію науки: идеалистическое направ-

леніе мысли часто вступало въ борьбу съ матеріалистическимъ, которое считалось присущимъ естествознанію, но, въ концѣ концовъ, они примирились и сознали взаимную необходимость: первое дало начало абстрактнымъ наукамъ, а второе—индуктивному методу изслѣдованія. Какъ замѣчаетъ авторъ, «человѣчество неуклонно и постоянно стремилось къ достиженію правильнаго представленія о господствующихъ въ природѣ законахъ и о мѣстѣ человѣка въ природѣ»... Это поступательное движеніе смѣнялось отъ времени до времени періодами остановокъ и даже обратнаго движенія, какъ мы видѣли это недавно въ исторіи развитія нашего современнаго общества. Говоря словами автора, «казалось, человѣчество въ лицѣ своихъ культурныхъ представителей утрачивало постепенно, безповоротно, интересъ къ своему духовному существованію и своимъ задачамъ, предоставляя вопросамъ практической жизни одерживать верхъ въ большомъ и маломъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, утративъ интересъ къ научнымъ идеямъ, оно почувствовало себя «въ безотрадномъ положеніи» и искало выхода изъ него въ «туманной области спиритизма». Къ счастью, «это продолжалось сравнительно не долго, и какъ прежде человѣчество перенесло не одинъ періодъ упадка духа, упадка нравственности и знанія, чтобы затѣмъ опять вступить на дорогу прогресса, такъ и на этотъ разъ оно послѣ полутора десятка лѣтъ существованія, не оставившаго положительныхъ слѣдовъ въ исторіи культуры, проявило себя опять интересующимся вопросами духовной жизни. Можетъ быть, на этотъ разъ яснѣе, чѣмъ когда-либо пробужденіе культурнаго общества было слѣдствіемъ толчка, полученнаго отъ блестящихъ научныхъ открытій»... «Будемъ же надѣяться,—заканчиваетъ авторъ свой интересный очеркъ,—что начавшійся періодъ научныхъ открытій имѣетъ свое широкое будущее и позволитъ забыть недавнія попытки человѣка найти себѣ удовлетвореніе въ мистическомъ и чудесномъ, по существу, влекущемъ за собою умственную апатію и немощь».

В. Оствальдъ. Научныя основанія аналитической химіи. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей профессора П. Вальдена. Рига. 1896 г. До настоящаго времени та часть химіи, которая носитъ названіе аналитической, представляла собраніе фактовъ, случайно набранныхъ безъ всякой *общей* руководящей мысли. Аналитическая химія преслѣдуетъ одну цѣль: пользуясь свойствами того или другого вещества, доказать присутствіе этого вещества въ данной смѣси, выдѣлить его изъ нея и опредѣлить его количество.

В. Оствальдъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ и наиболѣе глубокомысленныхъ современныхъ химиковъ, задался цѣлью установить общіе принципы, чисто теоретическаго характера, на которыхъ должна быть построена аналитическая химія для того, чтобы не быть чисто эмпирической частью химической науки. Этотъ эмпиризмъ, эти случайные признаки, на которыхъ строится весь химическій анализъ и благодаря которымъ всякое усовершенствованіе въ аналитической химіи является дѣломъ, почти чисто случайнымъ, всегда собственно вызывали въ химикахъ чувство нѣкотораго недовольства. Знаменитый R. Bunsen очень мѣтко оха-

рактеризовалъ всю аналитическую химію, обозвавъ лучшее изъ руководствъ, руководство R. Fresenius'a, эпитетомъ «Kochbuch» (поваренная книга).

Въ стремленіи дать аналитической химіи научную подкладку, Оствальдъ достигъ блестящихъ результатовъ, и его небольшая книжка является до нѣкоторой степени предвозвѣстникомъ новой эры въ этой области. Разбирая всѣ тѣ реакціи, которыми пользуется химикъ-аналитикъ, Оствальдъ показываетъ, что въ основѣ ихъ лежатъ общіе теоретическіе принципы: условія равновѣсія растворовъ, условія электролитической и гидролитической диссоціаціи. Затѣмъ, даже такія операціи, какъ промываніе осадковъ, фильтрованіе и проч., которые въ учебникахъ аналитической химіи предлагаются обыкновенно въ видѣ правилъ и рецептовъ, въ книжкѣ Оствальда разъяснены на почвѣ молекулярно-физическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, первая часть разсматриваемаго замѣчательнаго труда представляетъ только теоретическую сторону. Во второй части Оствальдъ показываетъ путь, по какому слѣдуетъ идти, чтобы, работая въ области аналитической химіи, не чувствовать себя въ положеніи человѣка, дѣйствующаго по указаніямъ химическаго «Kochbuch'a».

Говорить болѣе подробно о книжкѣ Оствальда мы не можемъ, такъ какъ для этого понадобилось бы, во-1-хъ, слишкомъ много мѣста, во-2-хъ, разборъ такихъ деталей, какія могли бы дать полное представленіе о достоинствахъ разсматриваемаго сочиненія, предполагаетъ читателя, обстоятельно знакомаго съ химіей. Во всякомъ случаѣ, мы особенно настойчиво рекомендуемъ сочиненіе Оствальда студентамъ второго и третьяго курса физико-математическихъ и медицинскихъ факультетовъ, такъ какъ, пользуясь ею, они будутъ въ состояніи вполнѣ сознательно и съ большимъ интересомъ пройти курсъ аналитической химіи. Одной книжки Оствальда для усвоенія анализа, конечно, недостаточно, нужно спеціальное руководство или учебникъ (въ родѣ учебника Меншуткина или Фрезеніуса); но въ основу изученія аналитической химіи должна быть непремѣнно положена разбираемая книга Оствальда. Что касается перевода, то хотя мѣстами онъ и страдаетъ невѣрностями, однако, въ общемъ все-таки долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ.

ГИГІЕНА.

«*Книга здоровья.* Общедоступное руководство».

Книга здоровья. Общедоступное руководство здравоохраненія. Обработано въ императорскомъ санитарномъ вѣдомствѣ въ Берлинѣ. Переводъ съ седьмого изданія, подъ редакціей д-ра медицины П. Н. Булатова. Изданіе К. Л. Риккера. 1896. Цѣна 1 руб. Необходимость распространенія здравыхъ гигіеническихъ понятій сознается уже давно въ обществѣ. Объ этомъ не разъ говорилось и въ печати, и на всевозможныхъ съѣздахъ. Однако, эта потреб-

ность не могла быть удовлетворена, благодаря тому, что хорошо, популярно изложенной книги по гигіенѣ до сихъ поръ не было. Всѣ такъ-называемыя «популярныя» сочиненія по гигіенѣ или страдали недостаткомъ научности, или имѣли характеръ ряда гигіеническихъ правилъ, мотивировка которыхъ до такой степени была сжата, а иногда и не точно представлена, что читатель оставался ко всѣмъ этимъ правиламъ и совѣтамъ совершенно равнодушенъ.

Вотъ почему приходится привѣтствовать появленіе книги, заглавіе которой выше приведено. Книга эта выдержала въ Германіи 7 изданій и разошлась въ количествѣ шестидесяти тысячъ экземпляровъ; въ прошедшемъ году она переведена на итальянскій языкъ, теперь переводится на англійскій. Уже это одно говоритъ въ пользу того, что книга отвѣчаетъ назрѣвшей общественной потребности и выполняетъ принятую на себя задачу вполнѣ удовлетворительно.

И дѣйствительно, просматривая «Книгу здоровья», мы были даже удивлены ея достоинствомъ. Гигіена — такая область медицины, которая требуетъ отъ автора довольно обширныхъ знаній. Такими знаніями врачи, даже профессора, часто не обладаютъ. Поэтому, въ гигіенахъ, въ особенности популярныхъ, сплошь и рядомъ наталкиваешься на весьма грубыя ошибки. Разбираемая книга представляетъ пріятное исключеніе. Особенно грубыхъ ошибокъ въ ней, сравнительно, мало, что̀ при разнообразіи включеннаго въ нее матеріала, конечно, представляетъ достоинство.

Чтобы читателю дать понятіе объ этомъ разнообразіи, мы вкратцѣ укажемъ на тѣ вопросы, какіе въ разсматриваемомъ сочиненіи разобраны съ бо̀льшею или меньшею подробностью. *Первая часть* составляетъ анатомію и физіологію и занимаетъ всего 36 страницъ. Эта часть составлена безусловно хорошо, удобопонятно и съ научной стороны точно. *Вторая часть* разбираетъ воздухъ, воду, питаніе и съѣстные припасы, одежду и жилище, дѣятельность и отдыхъ. Этими двумя частями (всего 136 страницъ) заканчивается такъ-называемая «личная» гигіена. *Третья часть* трактуетъ уже вопросы общественной гигіены; сюда включено: I. Поселенія, II. Сношенія людей между собою, III. Воспитаніе. *Четвертая часть* обсуждаетъ вопросы профессіональной гигіены. *Пятая часть* трактуетъ условія и причины возникновенія болѣзней. Сюда отнесены: заразныя болѣзни, описанныя кратко и очень хорошо; незаразныя болѣзни и опухоли, несчастные случаи (раны, переломы, ожоги, отравленія и проч.). *Шестая часть* содержитъ «уходъ за больными».

Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ разсматриваемой книги, мы можемъ пожелать ей самаго широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что она прекрасно издана и стоитъ всего 1 руб.; но не мѣшало бы исправить въ ней нѣкоторыя ошибки и неточности, въ родѣ слѣдующихъ.

Говоря (*на стр. 39*) о влажности воздуха, авторы указываютъ, что для ея измѣренія служитъ гигрометръ съ волоскомъ, считая его самымъ простымъ. На дѣлѣ это невѣрно: гораздо проще и

гораздо лучше пользоваться гигрометромъ Lambrecht'a, который даетъ очень точныя указанія относительной влажности.

Но еще болѣе странно то, что, сказавши такимъ образомъ о влажности, авторы приводятъ таблицу содержанія водяныхъ паровъ въ 1 куб. метрѣ воздуха при разныхъ температурахъ, таблицу, которая никакого отношенія къ описываемому гигрометру имѣть не можетъ и которою поэтому пользоваться нельзя.

На стр. 41 сказано, что при охлажденіи воздуха появляются осадки, извѣстные подъ именемъ дождя, снѣга и *града*. Послѣднее невѣрно, ибо явленіе града не есть слѣдствіе охлажденія воздуха, такъ какъ зимою, напр., градъ почти никогда не выпадаетъ.

На стр. 42 сказано, что при поднятіи на высокія горы «мы ощущаемъ, какъ постепенно съ насъ *спадаетъ тяжесть* вслѣдствіе уменьшенія вѣса сообразно величинѣ пройденныхъ слоевъ воздуха».

Во-первыхъ, ничего подобнаго мы не ощущаемъ, а во-вторыхъ, никакого уменьшенія вѣса не происходитъ; измѣняется упругость воздуха и такъ какъ газы, въ насъ находящіеся, не могутъ быстро измѣнить свою упругость и пріобрѣсти такую же, какую имѣетъ окружающій воздухъ, то является неуравновѣшенное давленіе извнутри наружу, которое и вызываетъ тягостное самочувствіе, а иногда и тягостныя объективныя явленія (кровотеченія изъ носу, изъ ушей и т. д.).

На стр. 43 сказано: въ *душную* погоду давленіе (воздуха) падаетъ. Это невѣрно; погода можетъ быть «душною» (если позволительно такъ выражаться) и давленіе можетъ нисколько не понизиться. «Душность» погоды зависитъ и отъ температуры, и отъ влажности, и, наконецъ, отъ электрическаго состоянія воздуха. Утверждать, что при всякихъ такихъ условіяхъ давленіе воздуха падаетъ, значитъ плохо знать метеорологію.

На стр. 45 сказано: «Жесткая вода на нашъ вкусъ представляется болѣе пріятною, чѣмъ мягкая».

Это не вѣрно; известковыя воды, конечно, должны быть отнесены къ жесткимъ, но весьма часто онѣ на вкусъ даже противны.

На стр. 58: «Углеводы состоятъ изъ углерода и обоихъ элементовъ, образующихъ воду (т. е. кислорода и *азота)* и по преимуществу содержится въ *питательныхъ* веществахъ растительнаго царства».

Здѣсь, во-первыхъ, опечатка—вмѣсто «азота» слѣдуетъ сказать «водорода», а во-вторыхъ, крупная ошибка. Углеводы преимущественно содержатся въ *непитательныхъ* веществахъ растительнаго царства. Въ растеніяхъ всего больше *клѣтчатки*, которая есть углеводъ, а питательность ея ровна, какъ извѣстно, нулю.

На стр. 97, гдѣ рѣчь идетъ объ уксусѣ, сказано: «въ новѣйшее время въ употребленіе входитъ на приправы очищенный древесный уксусъ, получаемый при осажденіи охлаждающихся паровъ при сухой перегонкѣ дерева».

Очевидно, авторы говорятъ о такъ называемой уксусной «эссенціи»; но въ такомъ случаѣ, они обладаютъ довольно смутнымъ представленіемъ о техникѣ этого производства.

На стр. 106, говоря о табакѣ, авторы прибавляютъ: «особенно

вреднымъ считается чрезмѣрное куреніе папиросъ, которыя изготовляются изъ табаку, содержащаго очень много никотина, и при куреніи даютъ вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ *бумажный дымъ*».

Въ публикѣ, дѣйствительно, существуетъ мнѣніе, будто «бумажный» дымъ вреднѣе табачнаго; на самомъ дѣлѣ это, конечно, полнѣйшее недоразумѣніе: ничего особенно вреднаго «бумажный» дымъ не представляетъ, тѣмъ болѣе, что въ папиросахъ его обыкновенно и не получается, такъ какъ *тонкая* бумага, находящаяся на *поверхности* папиросы сгораетъ, образуя только углекислоту, воду и золу, а дымъ можетъ получаться лишь при неполномъ горѣніи (т. е. при такъ наз. сухой перегонкѣ), чего въ обыкновенныхъ папиросахъ не бываетъ.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе на нѣкоторыя странности.

На стр. 103, напр., читаемъ такую фразу: «Пьяницы теряютъ силу и желаніе работать, бѣднѣютъ, предаются разнымъ порочнымъ страстямъ и нерѣдко вступаютъ на путь преступленія».

Очевидно, авторы не совсѣмъ ясно представляютъ, что страсть къ пьянству часто является лишь симптомомъ извѣстной болѣзненной предрасположенности и къ другимъ дурнымъ, порочнымъ или даже преступнымъ дѣйствіямъ, и что въ такихъ случаяхъ, пьянство не есть причина всего этого,—причина лежитъ гораздо глубже, а пьянство только облегчаетъ шествіе по неправильному, съ нравственной точки зрѣнія, пути.

На стр. 108 встрѣчаемъ такую фразу: «все здоровое и вмѣстѣ съ тѣмъ вкусное благопріятствуетъ пищеваренію».

Такія истины очень напоминаютъ положенія въ родѣ того, что «все необъятное не можетъ быть обнято».

А между тѣмъ, авторы разсматриваемаго сочиненія довольно часто ихъ высказываютъ, такъ, на стр. 167, по поводу воспитанія дѣвочекъ сказано:

«Для научной и другихъ трудныхъ профессій, на которыя общество теперь начинаетъ предъявлять спросъ къ женщинамъ, слѣдуетъ допускать только тѣхъ дѣвушекъ, которыя духовно и тѣлесно къ тому способны».

А мальчиковъ можно допускать всякихъ?

Переводъ книги въ общемъ хорошъ, хотя мы никакъ не можемъ одобрить редактора, который ввелъ свои добавленія въ текстъ книги, не выдѣляя и не оговаривая ихъ. Благодаря такому пріему, мы не имѣемъ часто возможности опредѣлить въ книгѣ, когда рѣчь идетъ о Россіи, что̀ принадлежитъ нѣмецкому подлиннику и что̀ принадлежитъ самому редактору перевода.

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«Десять чтеній по литературѣ». — *Ю. Э. Озаровскій.* «Вопросы выразительнаго чтенія».

А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ. Съ 29 рис. Изд. А. И. Мамонтова. М. 1895.

Ц. 1 р. (стр. 248). *Десять чтеній*, составленныхъ разными авторами, повидимому, имѣютъ между собой очень мало общаго, и каждое въ отдѣльности вполнѣ самостоятельно; но всѣ они носятъ на себѣ очень симпатичный характеръ вѣры въ просвѣщеніе и горячей любви къ литературѣ и ея дѣятелямъ, что дѣлаетъ ихъ весьма цѣнными въ отношеніи воспитательно-общественномъ.

Семь чтеній посвящены литературѣ *русской*, причемъ выбраны темы такія, которыя, помимо интереса и полезности, могутъ, въ извѣстномъ просвѣтительномъ направленіи, будить мысль, затронуть чувство читателя, дать ему опредѣленное понятіе о литературномъ явленіи, возбудить симпатію къ литературному дѣятелью, яркому выразителю той или другой стороны родной жизни. Такъ, первое чтеніе Г. Грузинскаго, *Русскіе народные пѣвцы* — знакомитъ съ происхожденіемъ народной поэзіи, разсказываетъ о русскихъ сѣверныхъ пѣвцахъ-сказателяхъ былинъ, о плачахъ и плакальщицахъ, слѣпцахъ и казачьихъ пѣсняхъ; второе—*Максимъ-Грекъ*, Г. Нелидова,—яркая картина стараго русскаго невѣжества, на темномъ фонѣ котораго симпатично вырисовывается фигура одного изъ первыхъ страдальцевъ-борцовъ за русское просвѣщеніе. Очень интересно третье чтеніе, того же автора, *Хулители наукъ въ журнальной сатирѣ екатерининскаго вѣка*—историческій очеркъ сатиры, съ типами *старомanерныхъ* гонителей просвѣщенія и *новоманерныхъ*—офранцузившихся щеголей и щеголихъ, съ чертами воспитанія, роскоши, взяточничества и съ горячимъ заключеніемъ о высокомъ значеніи сатиры. Четвертное чтеніе—*Д. И. Фонвизинъ*, Г. Грузинскаго, въ общемъ хорошо, но слабѣе другихъ по недостаточной полнотѣ и отрывочности въ біографіи; о комедіяхъ, вѣроятно, въ предположеніи о ихъ извѣстности, почти не говорится вовсе, но за то *Письма изъ-за границы* являются въ новомъ освѣщеніи, имѣющемъ въ виду объяснить кажущуюся отсталость писателя въ мнѣніяхъ о Европѣ и французахъ. Слѣдующія два чтенія:—*С. Т. Аксаковъ* и *Д. В. Григоровичъ*, Г. С. Смирнова, показались намъ особенно удачными именно по полнотѣ и яркости, а также по искусному выясненію значенія этихъ писателей. Въ *Аксаковѣ* прекрасно обрисовано его дѣтство и юность и позднее пробужденіе своеобразнаго таланта, а также опредѣлено значеніе писателя въ ряду другихъ крупнѣйшихъ дѣятелей литературы; въ *Д. В. Григоровичѣ* выдвинуты жизненность его направленія, опредѣленность и яркость его, какъ иниціатора въ изображеніи крѣпостного права и какъ писателя сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, причемъ удачно указано на знаменательную повѣсть *Два генерала* (помѣщики по освобожденіи крестьянъ), гдѣ, по мнѣнію лектора, видно, что старѣющій лѣтописецъ дореформенной жизни понималъ наступленіе жизни новой и, что «на развалинахъ старой художнику грезится царство добра, любви и свѣта». Съ особеннымъ сочувствіемъ относится лекторъ къ широкому гуманизму писателя и къ его осмѣянію пошлости тунеядцевъ помѣщиковъ и чиновниковъ въ очеркахъ петербургской жизни, и выдвигаетъ воспитательное и историческое

значеніе писателя. Особенно симпатична намъ попытка Г. Грузинскаго объяснить юной аудиторіи личность и значеніе *Бѣлинскаго* (седьмая лекція), о которомъ, къ величайшему ущербу развитія вкуса и правильныхъ понятій о литературѣ, до сихъ поръ почему то совершенно замалчивается въ курсахъ словесности. Лекторъ просто и толково объясняетъ понятіе о критикѣ, ея значеніи и необходимости; указываетъ на двѣ громадныя заслуги нашего величайшаго критика: «очищеніе авгіевыхъ конюшенъ русской литературы», т. е. развѣнчаніе всякихъ бездарностей, которыми до Бѣлинскаго увлекались, и на воспитательное значеніе критики для общества, причемъ удачно приведены его мнѣнія о воспитаніи мужчинъ и женщинъ. Чтеніе заканчивается мнѣніями о Бѣлинскомъ Тургенева, Кавелина и Аполлона Григорьева. Жизнь критика затронута только слегка, точно такъ же, какъ и очень мало говорится о кружкахъ Станкевича и петербургскомъ, но говорить подробнѣе о нихъ и ихъ философіи, въ данной аудиторіи, едва ли было бы и возможно. Лекціи Г. А. Алферова: девятая—*Донъ-Кихотъ Ламанчскій* и десятая—*Даніель Дефо и его романъ Робинзонъ Крузое*, по темамъ, какъ нельзя болѣе умѣстны, такъ какъ посвящены писателямъ, знакомство съ которыми для всякаго обязательно безусловно; но, къ сожалѣнію, исполненіе не только не соотвѣтствуетъ важности темъ, но и уступаетъ по живости, содержательности и выдержанности плана чтеніямъ другихъ лекторовъ Точно также мала и плоховата характеристика самаго Робинзона, въ лекціи о которомъ приводится, въ ущербъ болѣе важному и интересному, очеркъ исторіи робинзонадъ. Восьмое чтеніе, того же лектора *Петрушка и его предки*—скучная лекція съ малоинтересными подробностями, сухими и отрывочными (чего только тутъ нѣтъ? и ателланы, и маріонетки всякихъ видовъ, и полишинели у всякихъ народовъ)... Почему попалъ въ компанію къ Бѣлинскому, Фонвизину, Дефо, Сервантесу и друг. этотъ глупый Петрушка съ грубымъ Пончемъ, тоже въ чтеніи представленнымъ неумнымъ; зачѣмъ, при строгомъ выборѣ темъ, понадобилось скучно разсказывать о вымершемъ примитивномъ творчествѣ,— Богъ знаетъ! Конечно, можно было-бы изъ этого творчества выудить и неглупыя вещи, и самъ Пончъ показался бы и умнымъ, и ѣдкимъ сатирикомъ, но касаться болѣе серьезно этой стороны дѣла было бы въ данномъ случаѣ затруднительно. Повторяемъ, въ общемъ книжка—явленіе пріятное и можетъ быть хорошимъ пособіемъ при преподаваніи словесности. Приложенъ списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовались авторы чтеній при ихъ составленіи.

Вопросы выразительнаго чтенія Ю. Э. Озаровскій. Спб. 1896. Ц. 1 р. (111 стр.). Книжка эта относится къ предмету весьма важному, на который стали обращать у насъ вниманіе только какихънибудь тринадцать лѣтъ,—къ такъ называемому, выразительному чтенію. Выразительнымъ называется такое искусное чтеніе по книгѣ, или произношеніе наизусть рѣчей, проповѣдей, монологовъ, стиховъ и прозы вообще, въ которомъ соединяются три условія произношенія: *механическое*, т. е. громкое, ясное, раздѣльное, въ

смыслѣ чистоты, выработки и гибкости голоса, который былъ бы вполнѣ доступенъ и пріятенъ слуху; *толковое*, или *логическое*,— которое, посредствомъ измѣненій того же голоса, напр., логическихъ удареній и паузъ, дѣлало бы читаемое вполнѣ понятнымъ для слушателя, и, наконецъ, *художественное*, которое, опять таки извѣстными голосовыми измѣненіями, тонами и пр., дѣйствовало бы на воображеніе и чувство. На сколько такое *выразительное* чтеніе важно не только для актера, адвоката, священника, учителя, профессора, но и для каждаго, хорошо грамотнаго, тѣмъ болѣе образованнаго человѣка, распространяться не будемъ; скажемъ одно, что обученіе такому чтенію обязательно введено, какъ особый предметъ, въ школы во Франціи, Америкѣ, Германіи и въ другихъ образованныхъ странахъ, гдѣ существуетъ по этому предмету много руководствъ. Требуется выразительное чтеніе и нашими русскими программами, не только въ гимназіяхъ, но даже и въ народной школѣ, но, за немнѣніемъ подготовленныхъ учителей (выразительному чтенію у насъ, за исключеніемъ театральныхъ училищъ, не учатъ еще нигдѣ), требованіе это остается, пока, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и читаютъ у насъ плохо, даже большинство ораторовъ судебныхъ и церковныхъ. Но сознаніе необходимости учиться этому чтенію, пока хоть самоучкой, распространяется у насъ все больше и больше, и даже появилось до восьми книжекъ, относящихся къ этому предмету, съ которыми и позволимъ себѣ познакомить читателей. Первая книжка, появившаяся, въ 1879 г., въ Москвѣ, переводъ брошюры французскаго профессора декламаціи, Легуве—*Чтеніе какъ искусство*— не столько руководство, сколько горячая апологія чтенію. Тремя годами позже, писатель П. Д. Боборыкинъ, въ 1882 г., прочелъ въ Петербургѣ въ пользу женскихъ педагогическихъ курсовъ, особую лекцію *Объ искусствѣ чтенія*, которую и издалъ отдѣльной брошюрой (Спб. 1882 г.). Въ декабрѣ 1883 г., въ Петербургѣ же, вышелъ первый на русскомъ языкѣ опытъ руководства—*Выразительное чтеніе—пособіе для учащихъ и учащихся*, *Виктора Острогорскаго*. Въ этой небольшой книжкѣ (изд. 3-е, Д. И. Тихомирова. Москва. 1893 г. ц. 50 к.), читатель найдетъ, кромѣ выясненія значенія чтенія, элементарныя объясненія основныхъ условій и пріемовъ обученія (голосъ, дыханіе, произношеніе), стихосложеніе и нѣсколько примѣрныхъ разборовъ образцовъ *). Въ 1887 г. является уже болѣе систематическая и научно обоснованная книга Бродовскаго *Искусство устнаго изложенія* (Изд. Гоппе Спб. Ц. 1 р.), съ которой, собственно, и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, начать занятія чтеніемъ. Особенно важна въ ней первая, общая часть (стр. 3—57). гдѣ подробно разобраны недостатки голоса и исправленіе произношенія. Для полноты, укажемъ еще на живую книжку покойнаго В. П. Шереметевскаго *Слово въ защиту живого слова* (М. 1888 г.), имѣющую особенное значеніе собственно для

*) Желающихъ ознакомиться съ исторіей выразительнаго чтенія болѣе подробно, а также съ образцами классныхъ разборовъ для обученія выразительному чтенію, отсылаемъ къ статьямъ того же автора, въ «Пед. Листкѣ» при «Дѣтск. Чтеніи», 1895 г. №№ 3 и 4. *Ред.*

учителей родного языка, которому авторъ, горячо возстающій противъ грамматическаго формализма, совѣтуетъ учить посредствомъ выразительнаго чтенія и представляетъ тутъ же и нѣсколько примѣровъ такого обученія. Самымъ серьезнымъ, обширнымъ, и, пока единственнымъ, систематическимъ пособіемъ, составленнымъ на основаніи лучшихъ источниковъ иностранныхъ, являются двѣ очень хорошія книжки покойнаго Д. Д. Коровякова: *Искусство выразительнаго чтенія* (Спб. 1892 г. Ц. 1 р.) и *Этюды выразительнаго чтенія* (Спб. 1893 г. Ц. 1 руб.), которыя и могутъ служить, вмѣстѣ съ первой частью указанной книги Бродовскаго, лучшимъ руководствомъ для обученія. Книги эти — не что иное, какъ цѣлый, двухлѣтній (1891—1893 г.) публичный курсъ, прочитанный покойнымъ въ Петербургѣ въ аудиторіи Соляного Городка,— первый въ Россіи опытъ публичнаго систематическаго курса *). Ясное, мѣстами слишкомъ даже подробное, изложеніе, строго послѣдовательное, проникнутое горячимъ отношеніемъ автора къ любимому предмету, которого покойный былъ самымъ страстнымъ пропагандистомъ, дѣлаетъ эти книжки весьма интересными и для публики вообще, а множество примѣровъ и подробныхъ анализовъ многихъ прекрасныхъ художественныхъ произведеній въ *Этюдахъ*, придаютъ этой послѣдней прекрасной книжкѣ еще особое значеніе, какъ пособіе при преподаваніи словесности, а также и для литературнаго самообразованія. Такимъ образомъ, книжка Г. Озаровскаго *Вопросы выразительнаго чтенія* является уже восьмымъ, и послѣднимъ, вкладомъ въ небогатую нашу литературу объ интересующемъ насъ, предметѣ. Что же вноситъ она новаго, сравнительно съ своими предшественницами, и насколько можетъ быть рекомендована читателю? Къ сожалѣнію, отвѣтить на эти вопросы должны мы почти отрицательно. Новаго въ ней собственно говоря, только одно. Пятая часть книги, вторая статья озаглавленная *Основы правильнаго русскаго произношенія при чтеніи* (14—34), представляетъ, по нашему мнѣнію, совершенно лишнюю и едва ли примѣнимую на практикѣ перефразировку о звукахъ изъ *Филологическихъ розысканій* Я. Грота, между тѣмъ какъ нигдѣ не говорится ничего объ исправленіи произношенія. Нельзя назвать эту книжку, состоящую изъ пяти отдѣльныхъ статей, и связнымъ, послѣдовательнымъ курсомъ, и годится она развѣ какъ нѣкоторое пособіе при другихъ указанныхъ нами книжкахъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что «задался цѣлію представить на судъ публики опытъ *самостоятельнаго* (?) изслѣдованія теоретическихъ основаній выразительнаго чтенія», и «*смѣетъ думать, что какъ общіе художественные взгляды, положенные въ основаніе его труда такъ и отдѣльные спеціальные выводы, къ которымъ онъ въ немъ пришелъ, не останутся незамѣченными*». Но никакихъ такихъ «самостоятельныхъ» изслѣдованій, особыхъ художественныхъ взглядовъ, или спеціальныхъ выводовъ,

*) Въ нынѣшнемъ 1896 г., по приглашенію руководителя лѣтнихъ педагогическихъ курсовъ для народныхъ учителей Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, въ городѣ Валдаѣ было прочитано въ іюнѣ мѣсяцѣ для учителей пять лекцій о выразительномъ чтеніи В. П. Острогорскимъ. *Ред.*

которыхъ бы не было высказано его предшественниками, у Г. Озаровскаго мы не замѣтили. Коровикову посвящена отдѣльная статья, производящая непріятное впечатлѣніе высокомѣрнымъ, покровительственнымъ тономъ и довольно поверхностно разбирающая почтенный обширный трудъ покойнаго, котораго, впрочемъ, авторъ вообще поощряетъ. За второй статьей, по Гроту, о которой мы упомянули, слѣдуетъ этюдъ по выразительному чтенію *Басни Крылова* (35—48)—едва ли не лучшая статья книжки, просто и толково разсматривающая на примѣрѣ (*Ворона и Лисица*) произнесеніе басенъ и предлагающая въ концѣ списокъ сорока трехъ басенъ Крылова, расположенныхъ въ трехъ группахъ, по степени трудности ихъ произнесенія: басни преимущественно эпическаго характера, съ элементомъ драматическимъ, съ живыми человѣческими характерами, и басни съ животными и предметами неодушевленными, какъ болѣе сложныя. Четвертая статья—*Очеркъ главнѣйшихъ основаній выразительнаго чтенія* (48—72) устанавливаетъ, тотъ справедливый, и высказанный предшественниками автора, взглядъ, что въ основѣ выразительнаго чтенія лежитъ особое изученіе литературнаго матеріала—такъ называемый, *литературно-декламаціонный анализъ* и показываются общія основанія этого анализа. Послѣдняя статья *Планы литературно-декламаціоннаго анализа* (73—111) разсматриваетъ произнесеніе описаній и повѣствованій вообще, съ общими для нихъ вопросами и указаніемъ примѣровъ. Затѣмъ идетъ декламація, такъ называемая, *смѣшанная*, къ которой авторъ относитъ *басню*, *сатиру*, *поэму* и *романъ*. Эта часть разработана, по нашему мнѣнію, поверхностно, особенно сатира, примѣры для которой слѣдовало бы выбрать удачнѣе и ярче, и не только изъ старой литературы и эпиграммъ Пушкина. Одинъ Некрасовъ могъ бы дать образцовъ не мало. Лучше обработана *Декламація драматическая*: недурны вопросы для изученія характеровъ и хорошо подобранъ матеріалъ для характеристики Хлестакова, но о трагедіи, драмѣ и комедіи наговорено много вздору. Трагедія напр., у Г. Озаровскаго есть «*драматическое произведеніе, гдѣ представлена гибель въ борьбѣ за идею личности, исключительной по своимъ внутреннимъ свойствамъ*» (?), и исполненіе трагедіи должно быть проникнуто какою-то «*величественною печалью*» (sic); «*содержаніе драмы исчерпывается психологической борьбой современнаго человѣка изъ за лучшихъ его стремленій*» (?); «*декламаціонный стиль комедіи живой, реальный*» (а въ драмѣ, или трагедіи даже, развѣ какой-нибудь иной?). Случаенъ и малъ списокъ примѣровъ; напр., изъ Мольера, Островскаго нѣтъ ничего, а есть зачѣмъ-то *Донъ-Жуанъ* гр. А. Толстого, и даже *Разговоръ на большой дорогѣ* Тургенева.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The World's Great Farm*» *by Selina Gay* (*Macmillian and C°*). (*Великая міровая ферма*). Авторъ этой любопытной книги разсматриваетъ природу какъ обширную міровую ферму, въ которой главными работниками являются, между прочимъ, воздухъ и вода, мхи и лишаи, подогрѣвающіе почву и превращающіе въ порошокъ скалы, приспособляя ихъ такимъ образомъ къ болѣе роскошной растительности. Разносителями плодородной почвы служатъ воздухъ и вода, воздѣлывателями же полей—различныя животныя, разрыхляющія землю, и главнымъ образомъ земляной червь и т. д.—однимъ словомъ, авторъ разсматриваетъ сначала роль различныхъ агентовъ въ экономіи природы и затѣмъ уже переходитъ къ работѣ человѣка въ «міровой фермѣ» и ея громадному значенію.

(Popular Science Monthly).

«*With the Fathers*» *with Chapters on the Monroe Doctrine and other studies in American History, by prof. I. B. Mac Master, author of* «*A. History of the people of the United States*». (*Съ отцами; замѣтки о доктринѣ Монроё и различныхъ эпизодахъ американской исторіи*). Появленіе этого изложенія и разъясненія доктрины Монроё можно назвать вполнѣ своевременнымъ. Авторъ разсматриваетъ ее съ исторической точки зрѣнія, также какъ и другіе важнѣйшіе политическіе и финансовые вопросы современной американской исторіи.

(Popular Science Monthly).

«*Wages and Capital*». *An examination of the Wages Fund doctrine. By F. W. Taussie, prof. of political Economy in Harvard University.* (*Appleton*). *New-York.* (*Заработная плата и капиталъ*). Въ книгѣ разсматриваются современныя доктрины о происхожденіи заработной платы и ея отношеніе къ капиталу, а также вліяніе этихъ доктринъ на практическія проблемы политической экономіи. Это серьезное и основательное изслѣдованіе экономическихъ теорій представляетъ, безъ сомнѣнія, цѣнный вкладъ въ исторію политической экономіи и можетъ служить очень важнымъ подспорьемъ какъ при преподаваніи политической экономіи, такъ и при ея изученіи. (Popular Science Monthly).

«*The Story of a pièce of Coal*» *by Edward Martin. A new volume in the library of Useful Stories.* (*Appleton and C°*). *New-York.* (*Исторія кусочка угля*). Книга эта входитъ въ составъ серіи «полезныхъ разсказовъ» и въ ней очень популярно изложена вся исторія образованія угольныхъ копей и ихъ разработка. Читатель знакомится съ различными побочными продуктами каменноугольнаго производства, съ утилизаціей этихъ продуктовъ и т. п. Рисунки, приложенные къ описанію копей, изображаютъ сцены изъ жизни въ копяхъ, работу углекоповъ и различныхъ ископаемыхъ, находимыхъ въ пластахъ каменнаго угля и мн. др. Книга написана живымъ и понятнымъ языкомъ и читается съ интересомъ.

(Popular Science Monthly).

«*Sir Mark*; *a Tale of the first Capital*» *by Anne Robeson Brown* (*Appleton ond C°*). *New-York*). (*Сэръ Маркъ*; *разсказъ изъ жизни первой столицы*). Этотъ историческій разсказъ, принадлежащій перу молодого американскаго писателя, очень живописно изображаетъ различныя фазы жизни конца прошлаго столѣтія какъ въ Новомъ, такъ и Старомъ Свѣтѣ. Канвою для разсказа служатъ различныя событія политической и соціальной жизни Филадельфіи—первой столицы Соединенныхъ Штатовъ, и передъ глазами читателя проходятъ великіе дѣятели американской исторіи, Вашингтонъ, Джефферсонъ и Франклинъ.

(Daily News).

«*L'Ecole Saint-Simonienne; son histoire, son influence jusqu'à nos jours*» *par Georges Weill* (*Felix Alcan.*). *Paris. 1896.* (*Школа сенсимонистовъ, ея исто-*

рія и вліяніе). Этотъ томъ является продолженіемъ труда, изданнаго авторомъ два года тому назадъ, въ которомъ заключалась біографія Сенъ-Симона, изложеніе его ученія и очеркъ его дѣятельности; теперь авторъ знакомитъ читателей со школой Сенъ-Симона, съ его учениками. Авторъ говоритъ, что исторія этой школы представляетъ до нѣкоторой степени современный интересъ, такъ какъ эволюція сенсимонистской философской системы еще не завершилась вполнѣ и въ настоящее время мы видимъ многочисленныхъ сторонниковъ пантеистской метафизики съ одной стороны, и увлеченіе коллективизмомъ—съ другой. Въ практическомъ отношеніи сенсимонизмъ выражается въ массѣ различныхъ современныхъ учрежденій, кредитныхъ, народновоспитательныхъ и др. Въ виду такого современнаго значенія сенсимонизма, исторія его развитія должна представлять несомнѣнный интересъ. Въ заключеніе своего крайне любопытнаго историческаго изслѣдованія, авторъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «Сенсимонизмъ говоритъ, что задача воспитанія—образовывать людей. Сенсимонизмъ именно и выполнилъ эту задачу и не только образовалъ многихъ людей, но и сдѣлалъ ихъ способными на многіе великія дѣла. Это составляетъ рѣдкую заслугу для философской школы и вполнѣ достаточно для ея славы».

(Revue des Revues).

«*La Presse sous le Premier Empire*» *par M. le vicomte de Grouchy* (*Techenes*). *Paris. 1896.* (*Печать при Первой Имперіи*). Этотъ трудъ автора, составленный по манускрипту, сохранившемуся какимъ-то непостижимымъ образомъ въ архивахъ Оперы. составляетъ очень цѣнный вкладъ въ исторію французской печати, дополняя работы Гошэна и Вельшингера по этому предмету.

(Journal des Débats).

«*Common Sense applied to Woman Suffrage*» *by Mary Putnam-Jacobi M. Dr.* (*Putnamis's sons*). *New-York.* (*Здравый смыслъ въ примѣненіи къ вопросу женскаго голосованія*). Авторъ этой книги, докторъ Мери Путнамъ-Якоби, является горячимъ защитникомъ правъ женщины. Мистриссъ Якоби искусно пользуется всѣми аргументами въ защиту своего тезиса и цитируетъ различныхъ авторовъ прошлаго, высказывавшихся въ пользу эмансипаціи женщины, а также вождей нынѣшняго женскаго движенія. Мистриссъ Якоби знакомитъ читателя съ современнымъ положеніемъ женскаго вопроса, съ аргументами за и противъ полной эмансипаціи женщины, высказывая при этомъ свои собственныя, очень дѣльныя замѣчанія, вполнѣ подтверждающія ея высокое культурное развитіе и научныя познанія. Нѣсколько времени тому, назадъ она прочла адресъ въ пользу женскаго голосованія въ Нью-іоркскомъ конституціонномъ собраніи, но аудиторія отнеслась несочувственно къ выставленнымъ ею аргументамъ въ пользу расширенія правъ женщины; теперь мистриссъ Якоби обращается къ гораздо болѣе обширной аудиторіи образованныхъ читателей, надѣясь встрѣтить въ нихъ менѣе пристрастное отношеніе къ этому вопросу.

(Popular Science Monthly).

«*A History of the United States*» *by Allen C. Thomas. A. M. Professor of History in Haverford College, Pensylvania. Boston.* (*Heath and C°*). (*Исторія Соединенныхъ Штатовъ*). Прекрасное руководство къ изученію американской исторіи, снабженное многочисленными иллюстраціями и портретами разныхъ выдающихся американскихъ дѣятелей. Проф. Томасъ съумѣлъ въ сжатыхъ очеркахъ представить яркую картину развитія великой американской республики.

(Popular Science Monthly).

«*Les États-Unis en 1900*» *par le docteur Auguste Lutaud* (*Соединенные Штаты въ 1900 г.*). Авторъ, много разъ путешествовавшій въ Соединенныхъ Штатахъ, собралъ въ этомъ томѣ множество очень интересныхъ документовъ, касающихся Новаго Свѣта, и особенно тѣхъ городовъ, необычайно быстрое развитіе которыхъ повергаетъ въ изумленіе Европу. Авторъ изучилъ американскую жизнь и знакомитъ читателя со всѣми ея особенностями, такъ рѣзко отличающими ее отъ европейской жизни. Въ книгѣ заключается много любопытныхъ свѣдѣній объ американскихъ сектахъ, шекерахъ, мормонахъ, перфекціонистахъ и т. п. Затѣмъ авторъ подробно разъясняетъ политическій механизмъ, приводящій въ движеніе великую націю, и объясняетъ американскую конституцію. Книга изобилуетъ такою массою полезныхъ свѣдѣній объ Америкѣ конца XIX вѣка, что не только можетъ быть полезна для туриста, но представляетъ также серьезное изслѣдованіе американской жизни, имѣющее научный интересъ.

(Revue de Paris).

«*Geological Biology*; *an introduction to the Geological History of Organisms by H. Slater Williams.* (*Henry Halt*). *New-York.* (*Геологическая біологія*; *введеніе*

къ *геологической исторіи организмовъ*). Авторъ говоритъ, что въ то время, какъ число книгъ объ эволюціи возрастаетъ безъ конца, и не только современные біологи, удовлетворящіеся какою-нибудь теоріей эволюціи, но и соціологи, моралисты и теологи основываютъ свои ученія о человѣкѣ на этой гипотезѣ,—упускается почти совершенно изъ виду, что мы имѣемъ подъ рукою подлинные факты, на которыхъ можемъ изучить эволюцію чуть-ли не съ самаго начала появленія жизни на нашей планетѣ. Факты эти доставляются намъ геологіей. Геологъ не справляется съ теоріей эволюціи, а интересуется лишь ея фактами. Авторъ не пытается въ своей книгѣ представить геологическую исторію развитія организмовъ; цѣль его—лишь указать на обширное поле для изслѣдованій. Въ первыхъ главахъ, однако, онъ очень подробно изслѣдуетъ исторію организмовъ и ищетъ отвѣтовъ на вопросы: что такое организмъ? Что такое видъ? Что такое происхожденіе видовъ? Послѣднія главы онъ посвящаетъ законамъ эволюціи, подтверждаемымъ изученіемъ геологической исторіи организмовъ, и въ заключеніи вдается въ философскія разсужденія о причинахъ, опредѣляющихъ ходъ эволюціи.

(Popular Science Monthly).

«*Une expédition avec le négous Ménélik par Y. G. Vanderheym.* (*Экспедиція съ негусомъ Менеликомъ*). Авторъ провелъ двадцать мѣсяцевъ въ Абиссиніи, въ качествѣ агента франко-африканской кампаніи, жилъ при дворѣ Менелика и сопровождалъ его въ одну изъ его воинственныхъ экспедицій противъ сосѣдняго племени Уламосовъ. Однако, онъ отзывается о Менеликѣ не столь благопріятно, какъ большинство авторовъ, писавшихъ объ Абиссиніи въ послѣднее время и изображавшихъ этого властителя необыкновенно привлекательными красками, какъ въ высшей степени великодушнаго, справедливаго и гуманнаго человѣка. Авторъ, впрочемъ, воздаетъ должное уму Менелика; говоритъ, что онъ съ большимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми новѣйшими европейскими изобрѣтеніями въ области военнаго искусства и промышленности и постоянно заставляетъ сообщать ему все, что имѣется въ европейскихъ газетахъ. Можно, пожалуй, не соглашаться съ нѣсколько суровымъ взглядомъ автора на Менелика; но, во всякомъ случаѣ, видно, что авторъ хорошо изучилъ абиссинскую жизнь и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

(Revue de Paris).

«*Souvenirs de jeunesse*» (*1830—1850*) *par Arsène Houssaye* (*Flammarion*) *Paris.* (*Воспоминанія юности*). Эти воспоминанія, переносящія читателя за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, представляютъ прекрасные очерки парижской жизни и нравовъ въ эту уже отдаленную отъ насъ эпоху и рисуютъ ея дѣятелей, съ которыми автору приходилось вступать въ личныя сношенія.

(Journal des Débats).

«*My Literary Zoo*» *by Kate Sanborn, author of* «*Adopting an Abandoned Farm*» *etc.* (*Appleton*) *New-York.* (*Мой литературный зоологическій садъ*). Съ большимъ юморомъ, характеризующимъ всѣ произведенія автора, изображается роль, которую животныя играютъ во всемірной литературѣ. Авторъ располагаетъ въ этомъ отношеніи огромнымъ матеріаломъ, которымъ онъ пользуется съ большимъ искусствомъ.

(Daily News).

«*Charles Lyell and Modern Geology*» *by prof T. G. Bonney.* (*Cassell and C°*). *London* (*Чарльзъ Ляйелль и современная геологія*). Подъ руководствомъ сэра Генри Е. Роска уже вышло нѣсколько популярныхъ біографій важнѣйшихъ европейскихъ ученыхъ нашего вѣка, написанныхъ по преимуществу ихъ преемниками въ этой научной области. Вышедшая недавно біографія Ляйелля входитъ также въ составъ «Century Science Series». Но авторъ біографіи, проф. Бонней, не ограничивается только одними біографическими свѣдѣніями о Ляйеллѣ, а даетъ, въ сжатой формѣ, полный очеркъ его дѣятельности, характеризуя съ большою яркостью тѣ парализующія вліянія, которыя мѣшали развитію науки въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, и съ которыми постоянно приходилось бороться Ляйеллю, много потрудившемуся на пользу того научнаго переворота, который достигъ своего кульминаціоннаго пункта въ лицѣ Дарвина.

(Popular Science Monthly).

«*The Expansion of Religion*» *by E. Winchester Donald Rector. Boston* (*Houghton and C°*). (*Распространеніе религіи*). Авторъ старательно доказываетъ, что религію ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ клерикальными и экклезіастическими тенденціями; это сила, имѣющая огромное вліяніе на человѣческія дѣла. Авторъ указываетъ на связь ея съ современными ученіями и различными соціальными движеніями и фактами. Можно не соглашаться во многихъ случаяхъ съ точкою зрѣнія автора, но, тѣмъ не менѣе, книга его интересна уже потому, что въ ней заключается не

мало оригинальныхъ мыслей по поводу отношенія религіи ко многимъ явленіямъ соціальной жизни. (Daily News).

«*Kokoro: Hints and Echoes of the Japanese Inner Life*» *by Lafcadio Hearn, author of «Glimpses of unfamiliar Japan»* (*Houghton and C°*). (*Кокоро: отголоски японской жизни*). Каждая строка этой книги проникнута горячими симпатіями къ маленькому энергичному народу, среди котораго авторъ проработалъ столько лѣтъ. Эта одна изъ тѣхъ книгъ, про которую можно сказать то же самое, что сказалъ Тэнъ про «Опыты Маколея», т. е. что на любой страницѣ этой книги, раскрытой наудачу, можно найти что-нибудь такое, что всегда способно заинтересовать и увлечь читателя.

(Daily News»).

«*The story of the Earth in Past Ages*» *by N. G. Secley* (*George Necdess*). *London*. (*Исторія земли въ прошлые времена*). Популярное изложеніе главныхъ основъ геологіи. Цѣль автора—разсказать исторію земли такъ, чтобы ея прошлое помогло объяснить ея настоящее. Къ книгѣ приложены иллюстраціи, дополняющія текстъ.

(Popular Science Monthly).

«*The story of Electricity*» *by John Munro* (*George Newness*). (*Исторія электричества*). Новое дешевое изданіе «Полезной библіотеки» (Library of useful stories) посвящено электричеству. Авторъ очень популярно и интересно излагаетъ въ этой книгѣ главныя положенія новой науки объ электричествѣ и знакомитъ съ исторіей развитія этой науки. Онъ отводитъ отдѣльное мѣсто всѣмъ новѣйшимъ открытіямъ въ этой области, рентгёновскимъ лучамъ и т. д. и очень интересно описываетъ попытки утилизировать силу Ніагарскаго водопада. Книгу эту можно смѣло рекомендовать всѣмъ мало знакомымъ съ наукою объ электричествѣ, но интересующимся ею. (Daily News).

«*Robert Burns*» *by Gabriel Setoum* (*Oliphant, Anderson and Ferries*. (*Робертъ Бернсъ*). Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ, написалъ этотъ блестящій біографическій очеркъ для серіи изданій «Famous Scots» (знаменитые шотландцы). Въ ряду сочиненій о шотландскомъ поэтѣ, появившихся въ этомъ году по случаю его столѣтняго юбилея, этотъ очеркъ займетъ, конечно, не послѣднее мѣсто. (Bookseller).

«*Triumph of the Trainting Press*» *by Walter Lerrold* (*Partridge and C°*). (*Торжество типографскаго станка*). Исторія книгопечатанія, начиная отъ Гутенберга до появленія послѣднихъ усовершенствованій типографскаго дѣла, служитъ самымъ рельефнымъ доказательствомъ успѣховъ современной цивилизаціи. Авторъ написалъ на эту тему интересную книгу, дающую самое полное представленіе о ходѣ развитія книгопечатанія по выражающемся въ немъ прогрессѣ цивилизаціи. Къ книгѣ приложены хорошо выполненныя и очень умѣстныя иллюстраціи.

(Bookseller).

«*Miners and their work Undergrounds*» *By F. M. Halines* (*Partridge und C°*). (*Рудокопы и ихъ работы подъ землей*). Исторія разработки угля, желѣза, золота или брилліантовъ, составляетъ, конечно, одну изъ самыхъ интересныхъ главъ міровой промышленности. Авторъ, исходя изъ этой точки зрѣнія, пытается въ популярномъ очеркѣ ознакомить читателей насколько возможно основательнѣе съ исторіей развитія разработки копей, съ ихъ особенностями, опасностями, сопряженными съ этимъ дѣломъ, и т. д. Изложеніе мѣстами блестящее, достигаетъ драматизма тамъ, гдѣ авторъ описываетъ различныя катастрофы и несчастные случаи въ копяхъ.

(Bookseller).

«*Architects of Fate*» *or steps to success and Power. A book dsigned to inspire Youth to Character building, Self Culture and Noble achievement. by Orison Swelt Marden (Author's edition*). (*Архитекторы судьбы*). Книга заключаетъ въ себѣ двадцать шесть главъ, представляющихъ настоящую энциклопедію всякихъ правилъ и поученій, указывающихъ путь къ успѣху въ жизни, къ достиженію цѣли, образованію характера и умѣнью бороться съ затрудненіями. Авторъ желаетъ возбудить въ молодомъ поколѣніи стремленіе къ воспитанію воли, самообразованію, къ культурѣ и къ благородному образу жизни. Къ книгѣ приложено восемь прекрасно исполненныхъ портретовъ выдающихся по своимъ нравственнымъ качествамъ людей. (Daily News).

«*Traits and Stories of the Irish Peasantry*» *by William Carleton* (*Dent and C°*). (*Черты изъ жизни ирландскихъ крестьянъ*). Книга составляетъ уже третій томъ ирландскихъ очерковъ автора, знакомящихъ читателя съ типами ирландскихъ поселянъ и съ жизнью и воззрѣніями ирландскаго народа вообще.

(Bookseller).

«*Across the Canadian Prairies*» *by J. G. Coliner* (*Черезъ Канадскія преріи*). Авторъ очень увлекательно описываетъ

свое двухмѣсячное пребываніе въ Канадѣ, природу Канады и типы ея обитателей. (Bookseller).

«*Stories from the Diary of a doctor*» *Second Series. by Mrs L. T. Meade and Clifford Halifax.* (*Разсказы изъ дневника одного врача*). Успѣхъ первой серіи этихъ разсказовъ вызвалъ появленіе второго тома, подтверждающаго еще болѣе тонкую наблюдательность автора. (Bookseller).

«*The educational Ideal*» *by Janus Phinney Munroe* (*Heath*) *Boston.* (*Педагогическій идеалъ*). Воспитательные методы представляютъ тему, многократно подвергавшуюся обсужденію въ послѣднее время, поэтому книга проф. Мунроэ въ высшей степени своевременна, но, кромѣ того, она имѣетъ спеціальный интересъ, такъ какъ излагаетъ исторію всѣхъ измѣненій, которыя произошли во взглядахъ педагоговъ, начиная съ эпохи Возрожденія. Авторъ прекрасно обрисовываетъ возмущеніе противъ средневѣковыхъ взглядовъ. Френсисъ Бэконъ сыгралъ такую же точно роль въ движеніи противъ классицизма и авторъ находитъ, что вліяніе Бэкона было сильнѣе вліянія Декарта. Четвертая глава посвящена паденію феодализма и тойроли, которую сыгралъ въ этомъ событіи Коменіусъ. Въ пятой разсматриваются ученія Локка и Монтэня. Отдѣльныя главы посвящены янсенистамъ и Фенелону, Руссо, Песталоцци, Фребелю и роли женщинъ въ воспитаніи. Авторъ находитъ, что теперь педагогическая задача упростилась, такъ какъ сдѣлалось возможно существованіе въ семьѣ «материнской школы», на основахъ которой должна быть построена всякая педагогическая система въ настоящее время.

(Popular Science Monthly).

«*Imagination in Dreams*» *by Frederick Greenwood* (*Macmillian and C°*). (*Роль воображенія въ сновидѣніяхъ*). Каждый читатель можетъ на собственномъ опытѣ подтвердить многое изъ того, что говорится въ этой книгѣ. Авторъ придаетъ огромное значеніе воображенію въ построеніи сновидѣній. Въ книгѣ приводится много любопытныхъ фактовъ, но требующихъ, однако, научной провѣрки. (Daily News).

«*La Synergie Sociale*» *par Henry Mazel* (*A. Colin*) *Paris.* (*Соціальная энергія*). Авторъ ставитъ задачею прослѣдить коллективное дѣйствіе индивидуальныхъ силъ, группирующихся съ цѣлью общаго дѣла. Такое соединеніе и гармоническое дѣйствіе индивидуальныхъ энергій для общей цѣли авторъ называетъ «синергіей» (synergie) и по ней судитъ о нравственной силѣ и вначеніи цивилизованныхъ народовъ. Проявленіе «соціальной синергіи» авторъ видитъ въ различныхъ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ и въ религіозномъ и философскомъ міровоззрѣніи націи. Въ этой синергіи авторъ усматриваетъ залогъ будущей націи.

(Journal des Débats).

«*Moines et Papes*» *par Emile Gebhart* (*Hachete*) *Paris.* (*Монахи и папы*). Новая книга Жебара подъ заглавіемъ «*Essais dec psychologie hiotorique*» (*Опыты исторической психологіи*) представляетъ въ высшей степени интересное и научное изслѣдованіе душевнаго состоянія монаховъ начала XI вѣка до Пія IX, называемаго «папой-королемъ». Авторъ прекрасно изображаетъ, какое вліяніе въ смутныя эпохи имѣютъ люди, глубоко проникнутые мистицизмомъ.

(Journal des Débats).

«*Persia Revisited*» *by general sir E. T. Gordon* (*Eduard Arnold*). *London.* (*Современная Персія*). Авторъ этой книги, бывшій военный аташе при британскомъ посольствѣ въ Тегеранѣ, недавно опять посѣтилъ Персію и былъ пріятно изумленъ прогрессомъ, достигнутымъ Персіею въ послѣдніе годы. Съ этой точки зрѣнія авторъ и разсматриваетъ современную Персію, и высказываетъ надежды на ея болѣе или менѣе быстрое развитіе и постепенное паденіе господствующаго деспотическаго режима, противъ котораго замѣчается уже серьезная реакція къ странѣ.

(Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

съ 15-го іюля по 15-е августа.

Рубакинъ. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. О. Поповой. Ц. 18 к. 1896. Спб.

Ольденбургъ. Народныя школы Европейской Россіи въ 1892—1893 г. Ц. 50 к. Изд. журн. Рус. нач. учит. Спб. 1896.

Максъ о'Релль. Джонъ-Буллъ и его колоніи. Ц. 50 к. Изд. Сойкина «Полезная библ.». Спб. 1896.

Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. подъ ред. Семенова. Ц. 1 р. Изд. Имп. Геогр. Общ. Спб. 1896.

Н. Добролюбовъ. Сочиненія. Изд. О. Поповой. Томъ IV. Ц. за четыре тома 7 р. Спб. 1896.

Эмилія Роденъ. Взбалмошная головка, пер. А. Михайловой. Изд. Ледерле «Библ. нашего юнош.». Ц. 80 к. Спб. 1896.

Немировичъ-Данченко. Просвѣтъ. Изд. Ледерле. Ц. 1 р. Спб. 1896.

Ростовцевъ. Картофельная болѣзнь. Изд. Тихомірова. Ц. 15 к. Москва. 1896 г.

Дмитріевъ. Мелкая пахота. Изд. Тихомірова. Ц. 10 к. Москва. 1896.

Вараксинъ. Практическое руководство къ производству кровельной черепицы. Изд. Тчхомірова. Ц. 15 к. Москва. 1896.

«Что читать дѣтямъ». Изд. Родительскаго кружка при Пед. музеѣ. Спб. 1896. Ц. 30 к.

«Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ». П. Литвинскій. Изд. Родит. кружка. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Демянскій. О вервоначальномъ преподаваніи игры на фортепьяно. Изд. Род. кружка. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Н. Іорданскій. Краткій историч. очеркъ дѣятельности Общ. распр. нач. образованія въ Нижегородской губ. Казань. 1896.

Фрикъ. Сѣверно-русская медоносная флора. Ц. 60 к. Спб. 1896 г.

Иноземцева. Нюнька, разсказъ. Н.-Новг. 1896.

Поперековъ. Тайна музыки. Ц. 20 к. Спб. 1896.

Сигеле. Преступная толпа. Изд. 2-ое. Павленкова, пер. Афанасьева. Ц. 30 к. Спб. 1896.

Д-ръ Цигенъ. Физіологическая психологія, пер. Милославскаго. Изд. Павленкова. Ц. 75 к. Спб. 1896.

Извѣстія Имп. рус. геогр. Общества. Томъ XXXII, вып. I и II. Спб. 1896.

Указатель къ изданіямъ Импер. рус. геогр. Общества съ 1836—1895 г. Спб. 1896.

Труды тибетской экспедиціи М. В. Пѣвцова. Часть III. Спб. 1896.

Отчетъ Совѣта Об—ва любителей изслѣдованія Алтая за 1895 г. Томскъ. 1896.

Сергѣевъ, Русскій рубль, его исторія и предстоящая реформа. Одесса. 1896. Изд. Общ. печатнаго дѣла.

Рубинскій. Руководство къ посѣву и уборкѣ сѣянныхъ травъ. Изд. Посредника. Ц. 3 к. Москва. 1896.

Елинъ. О разведеніи ягодныхъ кустовъ. Изд. Посредника. Ц. 1½ к. Москва. 1896.

Д-ръ Алексѣевъ. Какъ остановить пьянство? Изд Посредника. Ц. 1½ коп. Москва. 1896.

Коваленко. Какъ лѣчить раны. Изд Посредника Ц. 1½ к. Москва. 1896

Изданія Спб. Комитета Грамотности.

И. Крыловъ. Басни. 4 выпуска. Ц. I в. 10 к. остальныхъ трехъ выпуск. по 8 коп.

А. Додэ. Послѣдній урокъ. Ц. 3 к.

Э. де-Амичисъ. Мать. Ц. 3 к.

Жоржъ-Зандъ. Крылья мужества. Ц. 8 коп.

Ея-же. Великанъ Іеусъ. Ц. 5 к.

Дж. Верга. Маленькій разсказъ. Ц. 3 коп.

Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ. Два дѣятеля. Ц. 5 к.

Э. Золя. Наводненіе. Ц. 3 к.

Уйдъ. Маленькій графъ. Ц. 6 к.

Бернстьерне-Бьёрисонъ. Свадебн. маршъ. Ц. 6 к.

К. Станюковичъ. Двѣ елки. Ц. 3 к.

Его же. Нянька. Ц. 8 к.

Жоржъ-Зандъ. Чародѣйка. Ц. 15 к.

К. Станюковичъ. Между матросами. Ц. 5 к.

А. Потѣхинъ. Около денегъ. Ц. 25 к.

Изданія ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества для народнаго чтенія (съ картинками).

Крупнымъ шрифтомъ напечатаны вновь вышедшія изданія.

№ 3. **ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНЗОНА КРУЗЕ.** Составлено А. П. Яхонтовымъ. 5-е изд. Ц. 12 к. № 6. **Бѣтрачка.** Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2-е изданіе. Ц. 3 к. № 8. **Злодѣй и Петька.** Повѣсть А. Ѳ. Погосскаго. 4-е изд. Ц. 8 к. № 25. **Гдѣ любовь, тамъ и Богъ.** Разсказъ Л. Н. Толстого. Ц. 5 к. № 27. **Два старика.** Разсказъ Л. Н. Толстого. Ц. 6 к. № 28. **Полтава.** Поэма А. С. Пушкина. Ц. 10 к. № 29. **Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ.** Подъ ред. проф. Ор. Ѳ. Миллера и И. А. Шляпкина. 2-е изд. Ц. 6 к. № 31. **Соловки.** Очерки В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд. Ц. 6 к. № 32. **Невольный убійца.** Разсказъ В. Г. Короленко. 2-е изд. Ц. 7 к. № 37. **Голодовка и зимовка на Новой Землѣ.** Разсказъ С. В. Максимова. 2-е изд. Ц. 3 к. № 40. **ЗИМОВЬЕ НА СТУДЕНОЙ.** Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. 2-е изд. Ц. 3 к. № 42. **МЕЖДУ МАТРОСАМИ.** Разсказъ К. М. Станюковича. 2-е изд Ц. 5 к. № 43. **ДВѢ ЕЛКИ.** Разсказы К. М. Станюковича. 2-е изд. Ц. 3 к. № 44. **Безоброчный.** Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ. Ц. 8 к. № 45. **Шестеро.** Разсказъ И. Н. Потапенко (безъ картинокъ). Ц. 5. к. №. 51. **БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.** (съ біографіей) I. 2-е изданіе. Ц. 10 к. № 52. **БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.** II. 2-е изданіе. Ц. 8 к. № 53. **БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.** Ш. 2-е изданіе. Ц. 8 к. № 54. **БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.** IV. 2-е изданіе. Ц. 8 к. № 55. **Саша.** Разсказъ Марка-Вовчка (безъ картинокъ) Ц. 3 к. № 56. **Козачка. Одарка. Горпина.** Разсказы Марка-Вовчка (безъ карт.) Ц. 4 к. № 57. **Сестра. Ледащая.** Разсказы Мара-Вовчка (безъ картинокъ). Ц. 4 к. № 58. **Скряга Скруджъ.** Святочный разсказъ Ч. Диккенса. Ц. 9 к. № 59. **Хозяинъ и работникъ.** Разсказъ Л. Н. Толстого (безъ картинокъ). Ц. 4 к. № 60. **Чортово болото.** Повѣсть Жоржъ-Зандъ (безъ картинокъ. Ц. 7 к. № 61. **ІОНЫЧЪ.** Разсказъ Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ). Ц. 14 к. № 62. **СВЕКОРЪ.** Разсказъ Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ). Ц. 3 к. № 63. **НА-МІРУ.** Повѣсть А. А. Потѣхина (безъ картинокъ). Ц. 18 к. № 64. **ХАЙ-ДѢВКА.** Повѣсть А. А. Потѣхина (безъ картинокъ). Ц. 10 к. № 65. **ОТРѢЗАННЫЙ ЛОМОТЬ.** Комедія А. А. Потѣхина (безъ карт.) Ц. 10 к. № 66. **ЧУЖОЕ ДОБРО ВЪ ПРОКЪ НЕ ИДЕТЪ.** Драма А. А. Потѣхина (безъ картинокъ). Ц. 10 к. № 67. **ПАВЛО ЧОРНОКРЫЛЪ.** Разсказъ. Марка-Вовчка (безъ карт.) Ц. 3 к. № 69. **СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА.** Повѣсть Л. Н. Толстого (безъ карт.) Ц. 5 к. № 70. **ГДѢ ЛЮБОВЬ, ТАМЪ И БОГЪ. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.** Разсказы Л. Н. Толстого. Ц. 3к. № 71. **СУДНЫЙ ДЕНЬ.** Сказка В. Г. Короленко. Ц. 8 к. № 72. **НА МОРСКОМЪ ПЕСКѢ.** Разсказъ (безъ картинокъ). Ц. 3 к. № 73. **МАРУСЯ.** Повѣсть Марка-Вовчка. Ц. 12 к. № 74. **ДОЧЬ МИССІОНЕРА.** Разсказъ А. Коста. Ц. 8 к. № 75. **УЧИТЕЛЬНИЦА.** Повѣсть Э. де-Амичиса. Ц. 8 к. № 76. **ВЕЛИКАНЪ ІЕУСЪ.** Сказка Жоржъ-Зандъ. Ц. 5 к. № 77. **ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПРИГОВОРЕННАГО КЪ СМЕРТИ.** Разсказъ В. Гюго. Ц. 10 к. № 78. **КРЫЛЬЯ МУЖЕСТВА.** Сказка Жоржъ-Зандъ (безъ картинокъ). Ц. 8 к. № 79. **ДЕРЕВЕНСКАЯ ДРАМА.** Романъ М. Вудсъ (безъ картинокъ). Ц. 10 к. № 80. **КАКЪ УМИРАЮТЪ.** Разсказъ Э. Зола (безъ картинокъ). Ц. 4 к. № 81. **ПОСЛѢДНІЙ УРОКЪ. ПАРТІЯ НА БИЛЛІАРДѢ. НА ПАРОМѢ.** Разсказы А. Доде (безъ картинокъ). Ц. 3 к. № 82. **МАЛЕНЬКІЙ ГРАФЪ.** Разсказъ Уйда (безъ картинокъ). Ц. 6 к. № 83. **МАЛЕНЬКІЙ РАЗСКАЗЪ. КЛЕЙМЕННЫЙ РЫЖІЙ.** Разсказы Д. Верга (безъ картинокъ). Ц. 3 к. № 84. **ЧАРОДѢЙКА.** Повѣсть Жоржъ-Зандъ (безъ картинокъ). Ц. 15 к. № 85. **ОКОЛО ДЕНЕГЪ.** Романъ А. А. Потѣхина (безъ картинокъ). Ц. 25 к № 86. **СВАДЕБНЫЙ МАРШЪ.** Повѣсть Бьернстьерне-Бьернсона. Ц. 6 к. № 87. **МАТЬ.** Разсказъ Э. де-Амичиса (безъ картинокъ). Ц. 3 к. № 88. **НАВОДНЕНІЕ.** Разсказъ Э. Зола (безъ картинокъ). Ц. 3 к. № 89. **НЯНЬКА.** Разсказъ К. М. Станюковича. Ц. 8 к. № 90. **ДВА ДѢЯТЕЛЯ.** Разсказъ Бьернстьерне-Бьернсона (безъ карт.) Ц. 5 к. № 91. **БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.** (съ біогр.) полное собраніе въ одномъ томѣ. Ц. 35 к. № 92. **ОТВЕРЖЕННИКЪ.** Повѣсть Іонаса Ли. Ц. 15 к. № 93. **ПРИНЦЪ И НИЩІЙ.** Повѣсть М. Твэна. Ц. 35 к. Тоже на веленевой бумагѣ Ц. 1 р.

КРОМѢ ТОГО ПРОДАЮТСЯ:

1) **Указанія къ устройству читаленъ** (Узаконенія о безплатныхъ народныхъ читальняхъ. Примѣрные ихъ уставы, составленные Комитетомъ Грамотности. Примѣрный списокъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ, допущенныхъ въ нихъ правилами 15 мая 1890 года). 3-е дополненное изданіе. Ц. 10 к.

2) **Примѣрный списокъ книгъ, допущенныхъ М. Н. Пр. въ школьныя библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. Ц. 5. к.**

3) **Библіографическій указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 годъ. Ц. 1 р.**

4) **Инвентарная книга для читаленъ. Ц. 50 к.**

5) **Книга для записи книгъ и журналовъ, выдаваемыхъ для чтенія въ помѣщеніи читальни. Ц. 75 к.**

Съ требованіями просятъ обращаться въ книжный складъ **Императорскаго** Вольно-Экономическаго Общества (Спб., Забалканскій, 33).

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

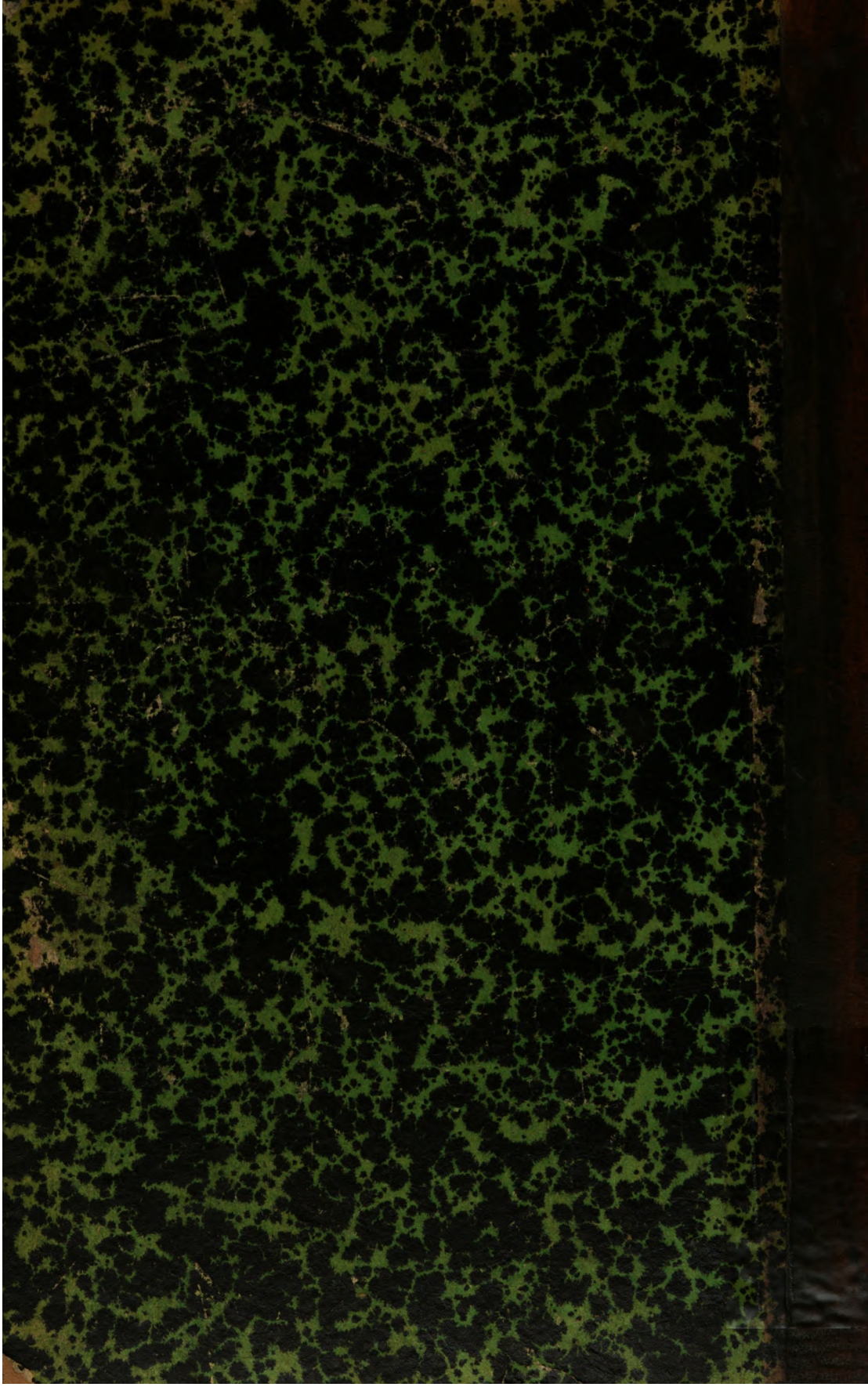
ICLF (N)

Due end of SPRING Quarter
subject to recall after — MAY - 1 '72 8 1

REC'D LD JUL 19 '72 -1 PM 5 7

NOV 05 2001
FEB 22 2007

LD 21A–45m-9,'67
(H5067s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C042636589